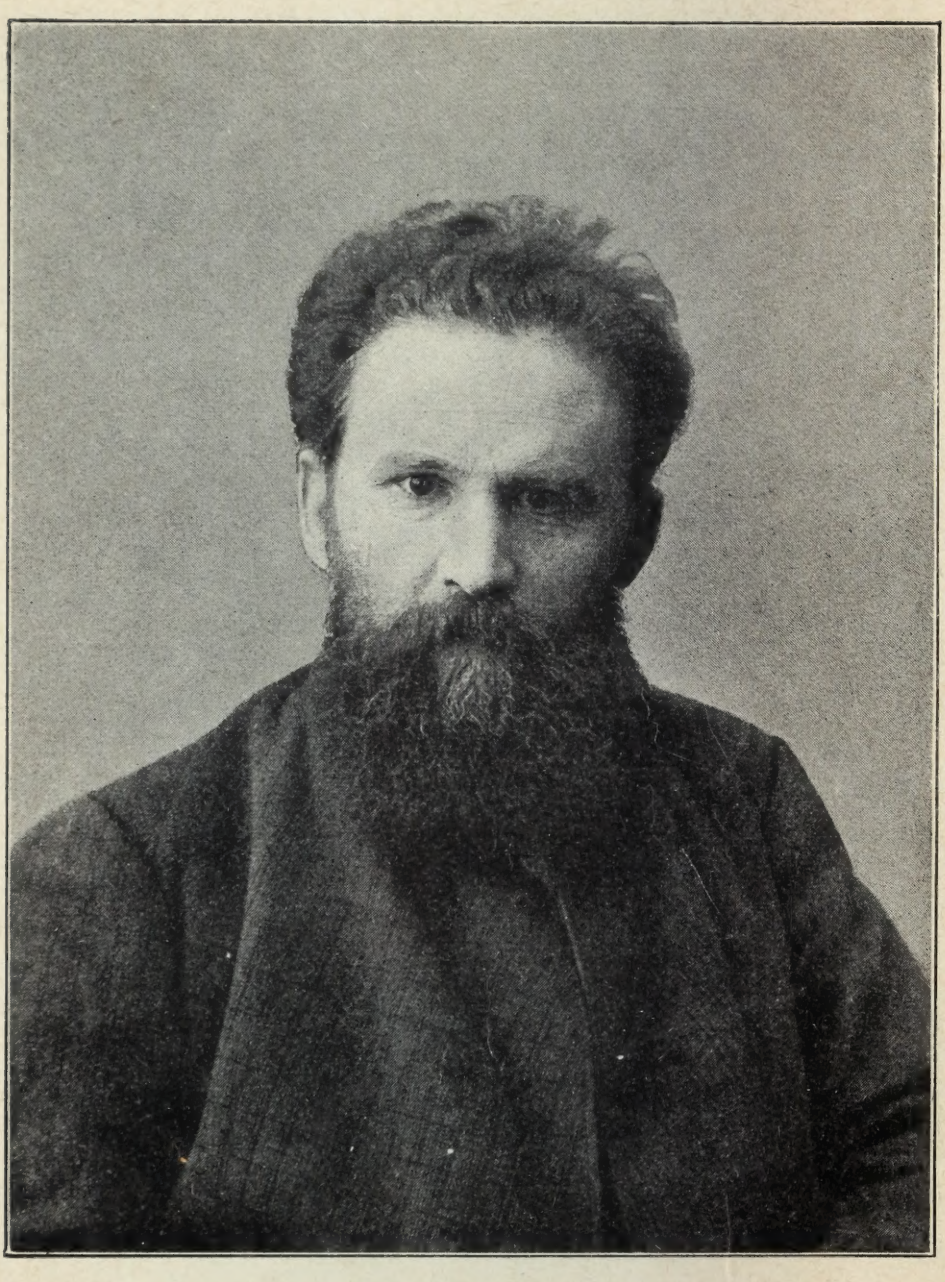
3 1761 08821407 7

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/polnoesobranieso01koro

A

54cv



Вл. Короленко

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

LR
K 8467

Korolenko, Vladimir Galaktionovich
Polnoe sobranie sochineny

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

В. Г. КОРОЛЕНКО

v. 1

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

489674
12. 4. 49

ИЗДАНІЕ Т-ва А. Ф. МАРКСЪ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ. 1914

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1914 г.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп, № 29.

СОНЪ МАКАРА.

(Святочный разсказъ).

I.

Этотъ сонъ видѣлъ бѣдный Макаръ, который загналъ своихъ телятъ въ далекія, угрюмыя страны,—тотъ самый Макаръ, на котораго, какъ извѣстно, валятся всѣ шишки.

Его родина—глухая слободка Чалганъ—затерялась въ далекой якутской тайгѣ. Отцы и дѣды Макара отвоевали у тайги кусокъ промерзшей землицы, и хотя угрюмая чаща все еще стояла кругомъ враждебною стѣной, они не унывали. По расчищенному мѣсту побѣжали изгороди, стали скирды и стога, разростались маленькія дымныя юртенки; наконецъ, точно побѣдное знамя, на холмикѣ изъ середины поселка выстрѣлила къ небу колокольня. Сталъ Чалганъ большою слободой.

Но пока отцы и дѣды Макара воевали съ тайгой, жгли ее огнемъ, рубили желѣзомъ, сами они незамѣтно дичали. Женясь на якуткахъ, они перенимали якутскій языкъ и якутскіе нравы. Характеристическія черты великаго русскаго племени стирались и исчезали.

Какъ бы то ни было, все же мой Макаръ твердо помнилъ, что онъ коренной чалганскій крестьянинъ. Онъ здѣсь родился, здѣсь жилъ, здѣсь же предполагалъ умереть. Онъ очень гордился своимъ званіемъ и иногда ругалъ другихъ „погаными якутами“, хотя, правду сказать, самъ не отличался отъ якутовъ ни привычками, ни образомъ жизни. По-русски онъ говорилъ мало и довольно плохо, одѣвался въ звѣриныя шкуры, носилъ на ногахъ „торбасà“, питался въ обычное время одною лепешкой съ настоемъ кирпичнаго чая, а въ праздники и въ другихъ экстренныхъ случаяхъ съѣдалъ топленнаго масла именно столько, сколько стояло передъ нимъ на столѣ. Онъ ѣздилъ очень искусно верхомъ на быкахъ, а въ случаѣ бо-

лѣзни призывалъ шамана, который, бѣснуясь, со скрежетомъ кидался на него, стараясь испугать и выгнать изъ Макара засѣвшую хворь.

Работалъ онъ страшно, жилъ бѣдно, терпѣлъ голодъ и холодъ. Были ли у него какія-нибудь мысли, кромѣ непрестанныхъ заботъ о лепешкѣ и чаѣ?

Да, были.

Когда онъ бывалъ пьянъ, онъ плакалъ. „Какая наша жизнь,—говорилъ онъ,—Господи Боже!“ Кромѣ того, онъ говорилъ иногда, что желалъ бы все бросить и уйти на „гору“. Тамъ онъ не будетъ ни пахать, ни сѣять, не будетъ рубить и возить дрова, не будетъ даже молоть зерно на ручномъ жерновѣ. Онъ будетъ только спасаться. Какая это гора, гдѣ она, онъ точно не зналъ; зналъ только, что гора эта есть, во-первыхъ, а во-вторыхъ, что она гдѣ-то далеко,—такъ далеко, что оттуда его нельзя будетъ добыть самому тойону-исправнику... Податей платить, понятно, онъ также не будетъ...

Трезвый онъ оставлялъ эти мысли, быть-можетъ, сознавая невозможность найти такую чудную гору; но пьяный становился отважнѣе. Онъ допускалъ, что можетъ не найти настоящую гору и попасть на другую. „Тогда пропадать буду“, говорилъ онъ, но все-таки собирался; если же не приводилъ этого намѣренія въ исполненіе, то, вѣроятно, потому, что поселенцы-татары продавали ему всегда скверную водку, настоенную, для крѣпости, на махоркѣ, отъ которой онъ вскорѣ впадалъ въ безсиліе и становился боленъ.

II.

Дѣло было въ канунъ Рождества, и Макару было извѣстно, что завтра большой праздникъ. По этому случаю его томило желаніе выпить, но выпить было не на что: хлѣбъ былъ въ исходѣ; Макаръ уже задолжалъ у мѣстныхъ купцовъ и у татаръ. Между тѣмъ, завтра большой праздникъ, работать нельзя,—что же онъ будетъ дѣлать, если не напьется? Эта мысль дѣлала его несчастнымъ. Какая его жизнь! Даже въ большой зимній праздникъ онъ не выпьетъ одну бутылку водки!

Ему пришла въ голову счастливая мысль. Онъ всталъ и надѣлъ свою рваную *сону* (шубу). Его жена, крѣпкая, жилистая, замѣчательно сильная и столь же замѣчательно безобразная женщина, знавшая насквозь всѣ его нехитрыя помышленія, угадала и на этотъ разъ его намѣреніе.

— Куда, дьяволъ? Опять одинъ водку кушать хочешь?

— Молчи! Куплю одну бутылку. Завтра вмѣстѣ выпьемъ.

Онъ хлопнулъ ее по плечу такъ сильно, что она покачну

лась, и лукаво подмигнулъ. Таково женское сердце: она знала, что Макаръ непремѣнно ее надуетъ, но поддалась обаянію супружеской ласки.

Онъ вышелъ, поймалъ въ *аласѣ* стараго лысанку, привелъ его за гриву къ санямъ и сталъ запрягать. Вскорѣ лысанка вынесъ своего хозяина за ворота. Тутъ онъ остановился и, повернувъ голову, вопросительно поглядѣлъ на погруженнаго въ задумчивость Макара. Тогда Макаръ дернулъ лѣвою вожжей и направилъ коня на край слободы.

На самомъ краю слободы стояла небольшая юртенка. Изъ нея, какъ и изъ другихъ юртъ, поднимался высоко, высоко дымъ камелька, застилая бѣлою, волнующеюся массою холодныя звѣзды и яркій мѣсяцъ. Огонь весело переливался, отсвѣчивая сквозь матовыя льдины. На дворѣ было тихо.

Здѣсь жили чужіе, дальніе люди. Какъ попали они сюда, какая непогода кинула ихъ въ далекія дебри, Макаръ не зналъ и не интересовался, но онъ любилъ вести съ ними дѣла, такъ какъ они его не прижимали и не очень стояли за плату.

Войдя въ юрту, Макаръ тотчасъ же подошелъ къ камельку и протянулъ къ огню свои иззябшія руки.

— Ча!—сказалъ онъ, выражая тѣмъ ощущеніе холода.

Чужіе люди были дома. На столѣ горѣла свѣча, хотя они ничего не работали. Одинъ лежалъ на постели и, пуская кольца дыма, задумчиво слѣдилъ за его завитками, видимо связывая съ ними длинныя нити собственныхъ думъ. Другой сидѣлъ противъ камелька и тоже вдумчиво слѣдилъ, какъ перебѣгали огни по нагорѣвшему дереву.

— Здорово,—сказалъ Макаръ, чтобы прервать тяготившее его молчаніе.

Конечно, онъ не зналъ, какое горе лежало на сердцѣ чужихъ людей, какія воспоминанія тѣснились въ ихъ головахъ въ этотъ вечеръ, какіе образы чудились имъ въ фантастическихъ переливахъ огня и дыма. Къ тому же, у него была своя забота.

Молодой человѣкъ, сидѣвшій у камелька, поднялъ голову и посмотрѣлъ на Макара смутнымъ взглядомъ, какъ будто не узнавая его. Потомъ онъ тряхнулъ головой и быстро поднялся со стула.

— А, здорово, здорово, Макаръ! Вотъ и отлично. Напьешься съ нами чаю?

Макару предложеніе понравилось.

— Чаю?—переспросилъ онъ.—Это хорошо!.. Вотъ, братъ, хорошо... Отлично!

Онъ сталъ живо разоблачаться. Снявъ шубу и шапку, онъ почувствовалъ себя развязнѣе, а увидавъ, что въ самоварѣ запылали уже горячіе угли, обратился къ молодому человѣку съ изліяніемъ:

— Я васъ люблю, вѣрно!.. Такъ люблю, такъ люблю... Ночи не сплю...

Чужой человѣкъ повернулся, и на лицѣ его появилась горькая улыбка.

— А, любишь?—сказалъ онъ.—Что же тебѣ надо?

Макаръ замялся.

— Есть дѣло, — отвѣтилъ онъ. — Да ты почемъ узналъ?.. Ладно. Ужо, чай выпью, скажу.

Такъ какъ чай былъ предложенъ Макару самими хозяевами, то онъ счелъ умѣстнымъ пойти далѣе.

— Нѣтъ ли жаренаго? Я люблю,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ.

— Ну, ничего, — сказалъ Макаръ успокоительнымъ тономъ,—съѣмъ въ другой разъ... Вѣрно?—переспросилъ онъ,—въ другой разъ?

— Ладно.

Теперь Макаръ считалъ за чужими людьми въ долгу кусокъ жаренаго мяса, а у него подобные долги никогда не пропадали.

Черезъ часъ онъ опять сѣлъ въ свои дровни. Онъ добылъ цѣлый рубль, продавъ впередъ пять возовъ дровъ на сходныхъ сравнительно условіяхъ. Правда, онъ клялся и божился, что не пропьетъ этихъ денегъ сегодня, а самъ намѣревался это сдѣлать немедленно. Но что за дѣло? Предстоящее удовольствіе заглушало укоры совѣсти. Онъ не думалъ даже о томъ, что пьяному ему предстоитъ жестокая трепка отъ обманутой вѣрной супруги.

— Куда же ты, Макаръ,—крикнулъ, смѣясь, чужой человѣкъ, видя, что лошадь Макара, вмѣсто того, чтобы ѣхать прямо, свернула влѣво, по направленію къ татарамъ.

— Тпру-у!.. Тпру-у!.. Видишь, конь проклятый какой... куда ѣдетъ!—оправдывался Макаръ, все-таки крѣпко натягивая лѣвую вожжу и незамѣтно подхлестывая лысанку правой.

Умный конекъ, помахивая укоризненно хвостомъ, тихо поковылялъ въ требуемомъ направленіи, и вскорѣ скрипъ Макаровыхъ полозьевъ затихъ у татарскихъ воротъ.

III.

У татарскихъ воротъ стояли на привязи нѣсколько коней съ высокими якутскими сѣдлами.

Въ тѣсной избѣ было душно. Рѣзкій дымъ махорки стоялъ

цѣлой тучей, медленно вытягиваемый камелькомъ. За столами и на скамейкахъ сидѣли пріѣзжіе якуты; на столахъ стояли чашки съ водкой; кое-гдѣ помѣщались кучки играющихъ въ карты. Лица были потны и красны. Глаза игроковъ дико слѣдили за картами. Деньги вынимались и тотчасъ же прятались по карманамъ. Въ углу, на соломѣ, пьяный якутъ покачивался, сидя, и тянулъ безконечную пѣсню. Онъ выводилъ горломъ дикіе, скрипучіе звуки, повторяя на разные лады, что завтра большой праздникъ, а сегодня онъ пьянъ.

Макаръ отдалъ деньги, и ему дали бутылку. Онъ сунулъ ее за пазуху и незамѣтно для другихъ отошелъ въ темный уголъ. Тамъ онъ наливалъ чашку за чашкой и тянулъ ихъ одна за другою. Водка была горькая, разведенная, послучаю праздника, водой болѣе, чѣмъ на три четверти. Затто махорки видимо, не жалѣли. У Макара каждый разъ захватывало на минуту дыханіе, и въ глазахъ ходили какіе-то багровые круги.

Вскорѣ онъ опьянѣлъ. Онъ тоже опустился на солому и, обхвативъ руками колѣни, положилъ на нихъ отяжелѣвшую голову. Изъ его горла сами собой полились тѣ же нелѣпые скрипучіе звуки. Онъ пѣлъ, что завтра праздникъ, и что онъ выпилъ пять возовъ дровъ.

Между тѣмъ, въ избѣ становилось все тѣснѣе и тѣснѣе. Входили новые посѣтители якуты, пріѣхавшіе молиться и пить татарскую водку. Хозяинъ увидѣлъ, что скоро не хватитъ всѣмъ мѣста. Онъ всталъ изъ-за стола и окинулъ взглядомъ собраніе. Взглядъ этотъ проникъ въ темный уголъ и увидѣлъ тамъ якута и Макара.

Онъ подошелъ къ якуту и, взявъ его за шиворотъ, вышвырнулъ вонъ изъ избы. Потомъ подошелъ къ Макару. Ему, какъ мѣстному жителю, татаринъ оказалъ больше почета: широко отворивъ двери, онъ поддалъ бѣднягѣ сзади ногою такого леща, что Макаръ вылетѣлъ изъ избы и ткнулся носомъ прямо въ сугробъ снѣга.

Трудно сказать, былъ ли онъ оскорбленъ подобнымъ обращеніемъ. Онъ чувствовалъ, что въ рукавахъ у него снѣгъ, снѣгъ на лицѣ. Кое-какъ выбравшись изъ сугроба, онъ поплелся къ своему лысанкѣ.

Луна поднялась уже высоко. Большая медвѣдица стала опускать хвостъ книзу. Морозъ крѣпчалъ. По временамъ, на сѣверѣ, изъ-за темнаго полукруглаго облака, вставали, слабо играя, огненные столбы начинавшагося сѣвернаго сіянія.

Лысанка, видимо, понимавшій положеніе хозяина, осторожно и разумно поплелся къ дому. Макаръ сидѣлъ на дровняхъ, покачиваясь, и продолжалъ свою пѣсню. Онъ пѣлъ,

что выпилъ пять возовъ дровъ, и что старуха будетъ его колотить. Звуки, вырывавшіеся изъ его горла, скрипѣли и стонали въ вечернемъ воздухѣ такъ уныло и жалобно, что у чужого человѣка, который въ это время взобрался на юрту, чтобы закрыть трубу камелька, стало отъ Макаровой пѣсни еще тяжелѣе на сердцѣ. Между тѣмъ, лысанка вынесъ дровни на холмикъ, откуда видны были окрестности. Снѣга ярко блестѣли, облитые луннымъ сіяніемъ. Временами свѣтъ луны какъ будто таялъ, снѣга темнѣли и тотчасъ же на нихъ переливался отблескъ сѣвернаго сіянія. Тогда казалось, что снѣжные холмы и тайга на нихъ то приближались, то опять удалялись. Макару ясно виднѣлась подъ самою тайгой снѣжная плѣшь Ямалахскаго холмика, за которымъ въ тайгѣ у него поставлены были ловушки для всякаго лѣсного звѣря и птицы.

Это измѣнило ходъ его мыслей. Онъ запѣлъ, что въ ловушку его попала лисица. Онъ продастъ завтра шкуру, и старуха не станетъ его колотить.

Въ морозномъ воздухѣ раздался первый ударъ колокола, когда Макаръ вошелъ въ избу. Онъ первымъ словомъ сообщилъ старухѣ, что у нихъ въ плашку попала лисица. Онъ совсѣмъ забылъ, что старуха не пила вмѣстѣ съ нимъ водки, и былъ сильно удивленъ, когда, не взирая на радостное извѣстіе, она немедленно нанесла ему ногою жестокій ударъ пониже спины. Затѣмъ, пока онъ повалился на постель, она еще успѣла толкнуть его кулакомъ въ шею.

Надъ Чалганомъ, между тѣмъ, несся, разливаясь далеко, далеко, торжественный праздничный звонъ...

IV.

Онъ лежалъ на постели. Голова у него горѣла. Внутри жгло точно огнемъ. По жиламъ разливалась крѣпкая смѣсь водки и табачнаго настоя. По лицу текли холодныя струйки талаго снѣга; такія же струйки стекали и по спинѣ.

Старуха думала, что онъ спитъ. Но онъ не спалъ. Изъ головы у него не шла лисица. Онъ успѣлъ вполнѣ убѣдиться, что она попала въ ловушку; онъ даже зналъ, въ которую именно. Онъ ее видѣлъ, — видѣлъ, какъ она, прищемленная тяжелой плахой, роетъ снѣгъ когтями и старается вырваться. Лучи луны, продираясь сквозь чащу, играли на золотой шерсти. Глаза звѣря сверкали ему навстрѣчу.

Онъ не выдержалъ и, вставъ съ постели, направился къ своему вѣрному лысанкѣ, чтобы ѣхать въ тайгу.

Что это? Неужели сильныя руки старухи схватили за воротникъ его *соны*, и онъ опять брошенъ на постель?

Нѣтъ, вотъ онъ уже за слободою. Полозья ровно поскрипываютъ по крѣпкому снѣгу. Чалганъ остался сзади. Сзади несется торжественный гулъ церковнаго колокола, а надъ темною чертой горизонта, на свѣтломъ небѣ мелькаютъ черными силуэтами вереницы якутскихъ всадниковъ, въ высокихъ, остроконечныхъ шапкахъ. Якуты спѣшатъ въ церковь.

Между тѣмъ, луна опустилась, а вверху, въ самомъ зенитѣ, стало бѣлесоватое облачко и засіяло переливчатымъ фосфорическимъ блескомъ. Потомъ оно какъ будто разорвалось, растянулось, прыснуло, и отъ него быстро потянулись въ разныя стороны полосы разноцвѣтныхъ огней, между тѣмъ какъ полукруглое темное облачко на сѣверѣ еще болѣе потемнѣло. Оно стало черно, чернѣе тайги, къ которой приближался Макаръ.

Дорога вилась между мелкою, частою порослью. Направо и налѣво подымались холмы. Чѣмъ далѣе, тѣмъ выше становились деревья. Тайга густѣла. Она стояла безмолвная и полная тайны. Голыя деревья лиственницъ были опушены серебрянымъ инеемъ. Мягкій свѣтъ сполоха, продираясь сквозь ихъ вершины, ходилъ по ней, кое-гдѣ открывая то снѣжную полянку, то лежащіе трупы разбитыхъ лѣсныхъ гигантовъ, запушенныхъ снѣгомъ... Мгновеніе—и все опять тонуло во мракѣ, полномъ молчанія и тайны.

Макаръ остановился. Въ этомъ мѣстѣ, почти на самую дорогу, выдвигалось начало цѣлой системы ловушекъ. При фосфорическомъ свѣтѣ ему была ясно видна невысокая городьба изъ валежника; онъ видѣлъ даже первую плаху—три тяжелыя длинныя бревна, упертыя на отвѣсномъ колу и поддерживаемыя довольно хитрою системой рычаговъ съ волосяными веревочками.

Правда, это были чужія ловушки; но вѣдь лисица могла попасть и въ чужія. Макаръ торопливо сошелъ съ дровней, оставилъ умнаго лысанку на дорогѣ и чутко прислушался.

Въ тайгѣ ни звука. Только изъ далекой, невидной теперь слободы несся по-прежнему торжественный звонъ.

Можно было не опасаться. Владѣлецъ ловушекъ, Алешка чалганецъ, сосѣдъ и кровный врагъ Макара, навѣрное, былъ теперь въ церкви. Не было видно ни одного слѣда на ровной поверхности недавно выпавшаго снѣга.

Онъ пустился въ чащу, — ничего. Подъ ногами хруститъ снѣгъ. Плахи стоятъ рядами, точно ряды пушекъ съ открытыми жерлами, въ безмолвномъ ожиданіи.

Онъ прошелъ взадъ и впередъ, — напрасно. Онъ направился опять на дорогу.

Но, чу!.. Легкій шорохъ... Въ тайгѣ мелькнула красноватая шерсть, на этотъ разъ въ освѣщенномъ мѣстѣ, такъ близко!.. Макаръ ясно видѣлъ острыя уши лисицы; ея пушистый хвостъ вилялъ изъ стороны въ сторону, какъ будто заманивая Макара въ чащу. Она исчезла между стволами, въ направленіи Макаровыхъ ловушекъ, и вскорѣ по лѣсу пронесся глухой, но сильный ударъ. Онъ прозвучалъ сначала отрывисто, глухо, потомъ какъ будто отдался подъ навѣсомъ тайги и тихо замеръ въ далекомъ оврагѣ.

Сердце Макара забилось. Это упала плаха.

Онъ бросился, пробираясь сквозь чащу. Холодныя вѣтви били его по глазамъ, сыпали въ лицо снѣгомъ. Онъ спотыкался; у него захватывало дыханіе.

Вотъ онъ выбѣжалъ на просѣку, которую нѣкогда самъ прорубилъ. Деревья, бѣлыя отъ инея, стояли по обѣимъ сторонамъ, а внизу, суживаясь, маячила дорожка и въ концѣ ея насторожилось жерло большой плахи... Недалеко...

Но вотъ, на дорожкѣ, около плахи, мелькнула фигура, — мелькнула и скрылась. Макаръ узналъ чалганца Алешку: ему ясно была видна его небольшая, коренастая фигура, согнутая впередъ, съ походкой медвѣдя. Макару казалось, что темное лицо Алешки стало еще темнѣе, а большіе зубы оскалились еще болѣе, чѣмъ обыкновенно.

Макаръ чувствовалъ искреннее негодованіе. „Вотъ подлецъ!.. Онъ ходитъ по моимъ ловушкамъ". Правда, Макаръ и самъ сейчасъ только прошелъ по плахамъ Алешки, но тутъ была разница... Разница состояла именно въ томъ, что когда онъ самъ ходилъ по чужимъ ловушкамъ, онъ чувствовалъ страхъ быть застигнутымъ; когда же по его плахамъ ходили другіе, онъ чувствовалъ негодованіе и желаніе самому настигнуть нарушителя его правъ.

Онъ бросился наперерѣзъ къ упавшей плахѣ. Тамъ была лисица. Алешка своею развалистою, медвѣжьей походкой направлялся туда же. Надо было поспѣвать ранѣе.

Вотъ и лежачая плаха. Подъ нею краснѣетъ шерсть прихлопнутаго звѣря. Лисица рылась въ снѣгу когтями именно такъ, какъ она ему видѣлась прежде, и такъ же смотрѣла ему на-встрѣчу своими острыми, горящими глазами.

— *Тытымà* (не тронь)!.. Это мое! — крикнулъ Макаръ Алешкѣ.

— *Тытымà!*—отдался, точно эхо, голосъ Алешки.—Мое!

Они оба побѣжали въ одно время и торопливо, на-перебой, стали подымать плаху, освобождая изъ-подъ нея звѣря. Когда плаха была приподнята, лисица поднялась также. Она сдѣ-

лала прыжокъ, потомъ остановилась, посмотрѣла на обоихъ чалганцевъ какимъ-то насмѣшливымъ взглядомъ, потомъ, загнувъ морду, лизнула прищемленное бревномъ мѣсто и весело побѣжала впередъ, привѣтливо виляя хвостомъ.

Алешка бросился было за нею, но Макаръ схватилъ его сзади за полу *соны*.

— *Тытымà!*—крикнулъ онъ.—Это мое!—и самъ побѣжалъ вслѣдъ за лисицей.

— *Тытымà!*—опять эхомъ отдался голосъ Алешки, и Макаръ почувствовалъ, что тотъ схватилъ его, въ свою очередь, за *сону* и въ одну секунду опять выбѣжалъ впередъ.

Макаръ обозлился. Онъ забылъ про лисицу и устремился за Алешкой.

Они бѣжали все быстрѣе. Вѣтка лиственницы сдернула шапку съ головы Алешки, но тому некогда было подымать ее: Макаръ уже настигалъ его съ яростнымъ крикомъ. Но Алешка всегда былъ хитрѣе бѣднаго Макара. Онъ вдругъ остановился, повернулся и нагнулъ голову. Макаръ ударился въ нее животомъ и кувыркнулся въ снѣгъ. Пока онъ падалъ, проклятый Алешка схватилъ съ головы Макара шапку и скрылся въ тайгѣ.

Макаръ медленно поднялся. Онъ чувствовалъ себя окончательно побитымъ и несчастнымъ. Нравственное состояніе было отвратительно. Лисица была въ рукахъ, а теперь... Ему казалось, что въ потемнѣвшей чащѣ она насмѣшливо вильнула еще разъ хвостомъ и окончательно скрылась.

Потемнѣло. Бѣлесоватое облачко чуть-чуть виднѣлось въ зенитѣ. Оно какъ будто тихо таяло, и отъ него, какъ-то устало и томно, лились еще замиравшіе лучи сіянія.

По разгоряченному тѣлу Макара бѣжали цѣлые потоки острыхъ струекъ талаго снѣга. Снѣгъ попалъ ему въ рукава, за воротникъ *соны*, стекалъ по спинѣ, лился за торбаса. Проклятый Алешка унесъ съ собой его шапку. Рукавицы онъ потерялъ гдѣ-то на бѣгу. Дѣло было плохо. Макаръ зналъ, что лютый морозъ не шутитъ съ людьми, которые уходятъ въ тайгу безъ рукавицъ и безъ шапки.

Онъ шелъ уже долго. По его разсчетамъ, онъ давно долженъ бы уже выйти изъ Ямалаха и увидѣть колокольню, но онъ все кружилъ по тайгѣ. Чаща, точно заколдованная, держала его въ своихъ объятіяхъ. Издали доносился все тотъ же торжественный звонъ. Макару казалось, что онъ идетъ на него, но звонъ все удалялся и, по мѣрѣ того, какъ его переливы доносились все тише и тише, въ сердце Макара вступало туное отчаяніе.

Онъ усталъ. Онъ былъ подавленъ. Ноги подкашивались. Его избитое тѣло ныло тупою болью. Дыханіе въ груди захватывало. Руки и ноги коченѣли. Обнаженную голову стягивало точно раскаленными обручами.

„Пропадать буду, однако!“—все чаще и чаще мелькало у него въ головѣ. Но онъ все шелъ.

Тайга молчала. Она только смыкалась за нимъ съ какимъ-то враждебнымъ упорствомъ и нигдѣ не давала ни просвѣта, ни надежды.

„Пропадать буду, однако!“—все думалъ Макаръ.

Онъ совсѣмъ ослабъ. Теперь молодыя деревья прямо, безъ всякихъ стѣсненій, били его по лицу, издѣваясь надъ его безпомощнымъ положеніемъ. Въ одномъ мѣстѣ на прогалину выбѣжалъ бѣлый ушканъ (заяцъ), сѣлъ на заднія лапки, повелъ длинными ушами съ черными отмѣтинками на концахъ и сталъ умываться, дѣлая Макару самыя дерзкія рожи. Онъ давалъ ему понять, что онъ отлично знаетъ его, Макара,—знаетъ, что онъ и есть тотъ самый Макаръ, который настроилъ въ тайгѣ хитрыя машины для его, зайца, погибели. Но теперь онъ надъ нимъ издѣвался.

Макару стало горько. Между тѣмъ, тайга все оживлялась, но оживлялась враждебно. Теперь даже дальнія деревья протягивали длинныя вѣтви на его дорожку и хватали его за волосы, били по глазамъ, по лицу. Тетерева выходили изъ тайныхъ логовищъ и уставлялись въ него любопытными круглыми глазами, а косачи бѣгали между ними, съ распущенными хвостами и сердито оттопыренными крыльями, и громко разсказывали самкамъ про него, Макара, и про его козни. Наконецъ, въ дальнихъ чащахъ замелькали тысячи лисьихъ мордъ. Онѣ тянули воздухъ и насмѣшливо смотрѣли на Макара, поводя острыми ушами. А зайцы становились передъ ними на заднія лапки и хохотали, докладывая, что Макаръ заблудился и не выйдетъ изъ тайги.

Это было уже слишкомъ.

„Пропадать буду!“ — подумалъ Макаръ и рѣшилъ сдѣлать это немедленно.

Онъ легъ въ снѣгъ.

Морозъ крѣпчалъ. Послѣдніе переливы сіянія слабо мерцали и тянулись по небу, заглядывая къ Макару сквозь вершины тайги. Послѣдніе отголоски колокола доносились съ далекаго Чалгана.

Сіяніе полыхнуло и погасло. Звонъ стихъ.

И Макаръ умеръ.

V.

Какъ это случилось, онъ не замѣтилъ. Онъ зналъ, что изъ него должно что-то выйти, и ждалъ, что вотъ-вотъ оно выйдетъ... Но ничего не выходило.

Между тѣмъ, онъ сознавалъ, что уже умеръ, и потому лежалъ смирно, безъ движенія. Лежалъ онъ долго,—такъ долго, что ему надоѣло.

Было совершенно темно, когда Макаръ почувствовалъ, что его кто-то толкнулъ ногою. Онъ повернулъ голову и открылъ сомкнутые глаза.

Теперь лиственницы стояли надъ нимъ смиренныя, тихія, точно стыдясь прежнихъ проказъ. Мохнатыя ели вытягивали свои широкія, покрытыя снѣгомъ, лапы и тихо, тихо качались. Въ воздухѣ такъ же тихо садились лучистыя снѣжинки.

Яркія добрыя звѣзды заглядывали съ синяго неба сквозь частыя вѣтви и какъ будто говорили: „вотъ, видите, бѣдный человѣкъ умеръ“.

Надъ самымъ тѣломъ Макара, толкая его ногою, стоялъ старый попикъ Иванъ. Его длинная ряса была покрыта снѣгомъ; снѣгъ виднѣлся на мѣховомъ *бергесѣ* (шапкѣ), на плечахъ, въ длинной бородѣ попа Ивана. Всего удивительнѣе было то обстоятельство, что это былъ тотъ самый попикъ Иванъ, который умеръ назадъ тому четыре года.

Это былъ добрый попикъ. Онъ никогда не притѣснялъ Макара насчетъ руги, никогда не требовалъ даже денегъ за требы. Макаръ самъ назначалъ ему плату за крестины и за молебны и теперь со стыдомъ вспомнилъ, что иногда платилъ маловато, а порой не платилъ вовсе. Попъ Иванъ и не обижался; ему требовалось одно: всякій разъ надо было поставить бутылку водки. Если у Макара не было денегъ, попъ Иванъ самъ посылалъ за бутылкой, и они пили вмѣстѣ. Попикъ напивался непремѣнно до положенія ризъ, но при этомъ дрался очень рѣдко и не сильно. Макаръ доставлялъ его, безпомощнаго и беззащитнаго, домой на попеченіе матушки-попадьи.

Да, это былъ добрый попикъ, но умеръ онъ нехорошею смертью. Однажды, когда всѣ вышли изъ дому и пьяный попикъ остался одинъ лежать на постели, ему вздумалось покурить. Онъ всталъ и, шатаясь, подошелъ къ огромному, жарко натопленному камельку, чтобы закурить у огня трубку. Онъ былъ слишкомъ ужъ пьянъ, покачнулся и упалъ въ огонь. Когда пришли домочадцы, отъ попа остались лишь ноги.

Всѣ жалѣли добраго попа Ивана; но такъ какъ отъ него

остались однѣ только ноги, то вылѣчить его не могъ уже ни одинъ докторъ въ мірѣ. Ноги похоронили, а на мѣсто попа Ивана назначили другого.

Теперь этотъ попикъ, въ цѣломъ видѣ, стоялъ надъ Макаромъ и поталкивалъ его ногою.

— Вставай, Макарушко,—говорилъ онъ.—Пойдемъ-ка.

— Куда я пойду?—спросилъ Макаръ съ неудовольствіемъ.

Онъ полагалъ, что разъ онъ „пропалъ", его обязанность—лежать спокойно и ему нѣтъ надобности идти опять по тайгѣ, бродя безъ дороги. Иначе зачѣмъ было ему пропадать?

— Пойдемъ къ *большому Тойону* *).

— Зачѣмъ я пойду къ нему?—спросилъ Макаръ.

— Онъ будетъ тебя судить,—сказалъ попикъ скорбнымъ и нѣсколько умиленнымъ голосомъ.

Макаръ вспомнилъ, что дѣйствительно послѣ смерти надо идти куда-то на судъ. Онъ это слышалъ когда-то въ церкви. Значитъ, попикъ былъ правъ. Приходилось подняться.

И Макаръ поднялся, ворча про себя, что даже послѣ смерти не даютъ человѣку покоя.

Попикъ шелъ впереди, Макаръ за нимъ. Шли они все прямо. Лиственницы смиренно сторонились, давая дорогу. Шли на востокъ.

Макаръ съ удивленіемъ замѣтилъ, что послѣ попа Ивана не остается слѣдовъ на снѣгу. Взглянувъ себѣ подъ ноги, онъ также не увидѣлъ слѣдовъ: снѣгъ былъ чистъ и гладокъ, какъ скатерть.

Онъ подумалъ, что теперь ему очень удобно ходить по чужимъ ловушкамъ, такъ какъ никто объ этомъ не можетъ узнать; но попикъ, угадавшій, очевидно, его сокровенную мысль, повернулся къ нему и сказалъ:

— *Кабысь* (брось, оставь)! Ты не знаешь, что тебѣ достанется за каждую подобную мысль.

— Ну, ну!—отвѣтилъ недовольно Макаръ.—Ужъ нельзя и подумать! Что̀ ты нынче такой сталъ строгій? Молчи ужо̀!..

Попикъ покачалъ головой и пошелъ дальше.

— Далеко ли идти?—спросилъ Макаръ.

— Далеко,—отвѣтилъ попикъ сокрушенно.

— А чего будемъ ѣсть?—спросилъ опять Макаръ съ безпокойствомъ.

— Ты забылъ,—отвѣтилъ попикъ, повернувшись къ нему,—что ты умеръ, и что теперь тебѣ не надо ни ѣсть, ни пить.

Макару это не очень понравилось. Конечно, это хорошо въ

*) *Тойонъ* — господинъ, хозяинъ, начальникъ.

томъ случаѣ, когда нечего ѣсть, но тогда ужъ надо бы лежать такъ, какъ онъ лежалъ тотчасъ послѣ своей смерти. А идти, да еще идти далеко, и не ѣсть ничего, это казалось ему ни съ чѣмъ не сообразнымъ. Онъ опять заворчалъ.

— Не ропщи! — сказалъ попикъ.

— Ладно!—отвѣтилъ Макаръ обиженнымъ тономъ, но самъ продолжалъ жаловаться про себя и ворчать на дурные порядки: „Человѣка заставляютъ ходить, а ѣсть ему не надо! Гдѣ это слыхано?“

Онъ былъ недоволенъ все время, слѣдуя за попомъ. А шли они, повидимому, долго. Правда, Макаръ не видѣлъ еще разсвѣта, но, судя по пространству, ему казалось, что они шли уже цѣлую недѣлю: такъ много они оставили за собой падей и сопокъ *), рѣкъ и озеръ, такъ много прошли они лѣсовъ и равнинъ. Когда Макаръ оглядывался, ему казалось, что темная тайга сама убѣгаетъ отъ нихъ назадъ, а высокія снѣжныя горы точно таяли въ сумракѣ ночи и быстро скрывались за горизонтомъ.

Они какъ будто поднимались все выше. Звѣзды становились все больше и ярче. Потомъ изъ-за гребня возвышенности, на которую они поднялись, показался краешекъ давно закатившейся луны. Она какъ будто торопилась уйти, но Макаръ съ попикомъ ее нагоняли. Наконецъ, она вновь стала подыматься надъ горизонтомъ. Они пошли по ровному, сильно приподнятому мѣсту.

Теперь стало свѣтло, — гораздо свѣтлѣе, чѣмъ при началѣ ночи. Это происходило, конечно, оттого, что они были гораздо ближе къ звѣздамъ. Звѣзды, величиною каждая съ яблоко, такъ и сверкали, а луна, точно дно большой золотой бочки, сіяла, какъ солнце, освѣщая равнину отъ края и до края.

На равнинѣ совершенно явственно виднѣлась каждая снѣжинка. По ней пролегало множество дорогъ, и всѣ онѣ сходились къ одному мѣсту на востокѣ. По дорогамъ шли и ѣхали люди въ разныхъ одеждахъ и разнаго вида.

Вдругъ Макаръ, внимательно всматривавшійся въ одного всадника, свернулъ съ дороги и побѣжалъ за нимъ.

— Постой, постой!—кричалъ попикъ, но Макаръ даже не слышалъ. Онъ узналъ знакомаго татарина, который шесть лѣтъ назадъ увелъ у него пѣгаго коня, а пять лѣтъ назадъ скончался. Теперь татаринъ ѣхалъ на томъ же пѣгомъ конѣ. Конь такъ и взвивался. Изъ-подъ копытъ его летѣли

*) *Падь* — ущелье, оврагъ между горами; *сопка* — остроконечная гора.

цѣлыя тучи снѣжной пыли, сверкавшей разноцвѣтными переливами звѣздныхъ лучей. Макаръ удивился, при видѣ этой бѣшеной скачки, какъ могъ онъ, пѣшій, такъ легко догнать коннаго татарина. Впрочемъ, завидѣвъ Макара въ нѣсколькихъ шагахъ, татаринъ съ большою готовностью остановился. Макаръ запальчиво напалъ на него.

— Пойдемъ къ старостѣ, — кричалъ онъ. — Это мой конь. Правое ухо у него разрѣзано... Смотри, какой ловкій!.. Ѣдетъ на чужомъ конѣ, а хозяинъ идетъ пѣшкомъ, точно нищій.

— Постой! — сказалъ на это татаринъ. — Не надо къ старостѣ. Твой конь, говоришь?.. Ну, и бери его! Проклятая животина! Пятый годъ ѣду на ней, и все какъ будто ни съ мѣста... Пѣшіе люди то и дѣло обгоняютъ меня; хорошему татарину даже стыдно.

И онъ занесъ ногу, чтобы сойти съ сѣдла, но въ это время запыхавшійся попикъ подбѣжалъ къ нимъ и схватилъ Макара за руку.

— Несчастный!—вскричалъ онъ:—что ты дѣлаешь? Развѣ не видишь, что татаринъ хочетъ тебя обмануть?

— Конечно, обманываетъ,—вскричалъ Макаръ, размахивая руками:—конь былъ хорошій, настоящая хозяйская лошадь... Мнѣ давали за нее сорокъ рублей еще по третьей травѣ... Нѣ-ѣтъ, братъ! Если ты испортилъ коня, я его зарѣжу на мясо, а ты заплатишь мнѣ чистыми деньгами. Думаешь, что — татаринъ, такъ и нѣтъ на тебя управы?

Макаръ горячился и кричалъ нарочно, чтобы собрать вокругъ себя побольше народу, такъ какъ онъ привыкъ бояться татаръ. Но попикъ остановилъ его.

— Тише, тише, Макаръ! Ты все забываешь, что ты уже умеръ... Зачѣмъ тебѣ конь? Да, притомъ, развѣ ты не видишь, что пѣшкомъ ты подвигаешься гораздо быстрѣе татарина? Хочешь, чтобъ тебѣ пришлось ѣхать цѣлыхъ тысячу лѣтъ?

Макаръ смекнулъ, почему татаринъ такъ охотно уступалъ ему лошадь.

„Хитрый народъ!“—подумалъ онъ и обратился къ татарину.

— Ладно ужо! Поѣзжай на конѣ, а я, братъ, сдѣлаю на тебя прошеніе.

Татаринъ сердито нахлобучилъ шапку и хлестнулъ коня. Конь взвился, клубы снѣга посыпались изъ-подъ копытъ, но пока Макаръ съ попомъ не тронулись, татаринъ не уѣхалъ отъ нихъ и пяди.

Онъ сердито плюнулъ и обратился къ Макару:

— Послушай, *догôръ* (пріятель), нѣтъ ли у тебя листочка

махорки? Страшно хочется курить, а свой табакъ я выкурилъ уже четыре года назадъ.

— Собака тебѣ пріятель, а не я! — сердито отвѣтилъ Макаръ.—Видишь ты: укралъ коня и проситъ табаку! Пропадай ты совсѣмъ, мнѣ и то не будетъ жалко.

И съ этими словами Макаръ тронулся далѣе.

— А вѣдь напрасно ты не далъ ему листокъ махорки, — сказалъ ему попъ Иванъ. — За это на судѣ Тойонъ простилъ бы тебѣ не менѣе сотни грѣховъ.

— Такъ что-жъ ты не сказалъ мнѣ этого ранѣе?—огрызнулся Макаръ.

— Да ужъ теперь поздно учить тебя. Ты долженъ былъ узнать объ этомъ отъ своихъ поповъ при жизни.

Макаръ осердился. Отъ поповъ онъ не видалъ никакого толку: получаютъ ругу, а не научили даже, когда надо дать татарину листокъ табаку, чтобы получить отпущеніе грѣховъ. Шутка ли: сто грѣховъ... и всего за одинъ листочекъ!.. Это вѣдь чего-нибудь стоитъ!

— Постой, — сказалъ онъ. — Будетъ съ насъ одного листочка, а остальные четыре я отдамъ сейчасъ татарину. Это будетъ четыре сотни грѣховъ.

— Оглянись, — сказалъ попикъ.

Макаръ оглянулся. Сзади разстилалась только бѣлая пустынная равнина. Татаринъ мелькнулъ на одну секунду далекою точкой. Макару казалось, что онъ увидѣлъ, какъ бѣлая пыль летитъ изъ-подъ копытъ его пѣгашки, но черезъ секунду и эта точка исчезла.

— Ну, ну, — сказалъ Макаръ. — Будетъ татарину и безъ табаку ладно. Видишь ты: испортилъ коня, проклятый!

— Нѣтъ,—сказалъ попикъ,—онъ не испортилъ твоего коня, но конь этотъ краденый. Развѣ ты не слышалъ отъ стариковъ, что на краденомъ конѣ далеко не уѣдешь?

Макаръ дѣйствительно слышалъ это отъ стариковъ, но такъ какъ во время своей жизни видѣлъ нерѣдко, что татары уѣзжали на краденыхъ коняхъ до самаго города, то, понятно, онъ старикамъ не давалъ вѣры. Теперь же онъ пришелъ къ убѣжденію, что и старики говорятъ иногда правду.

И онъ сталъ обгонять на равнинѣ множество всадниковъ. Всѣ они мчались такъ же быстро, какъ и первый. Кони летѣли, какъ птицы, всадники были въ ноту, а между тѣмъ Макаръ то и дѣло обгонялъ ихъ и оставлялъ за собою.

Большею частью это были татары, но попадались и коренные чалганцы: нѣкоторые изъ послѣднихъ сидѣли на краденыхъ быкахъ и подгоняли ихъ талинками.

Макаръ смотрѣлъ на татаръ враждебно и каждый разъ ворчалъ, что этого имъ еще мало. Когда же онъ встрѣчался съ чалганцами, то останавливался и благодушно бесѣдовалъ съ ними: все-таки это были пріятели, хоть и воры. Порой онъ даже выражалъ свое участіе тѣмъ, что, поднявъ на дорогѣ талинку, усердно подгонялъ сзади быковъ и коней; но лишь только самъ онъ дѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ уже всадники оставались сзади чуть замѣтными точками.

Равнина казалась безконечною. Они то и дѣло обгоняли всадниковъ и пѣшихъ людей, а между тѣмъ вокругъ все казалось пусто. Между каждыми двумя путниками лежали какъ будто цѣлыя сотни или даже тысячи верстъ.

Между другими фигурами Макару попался незнакомый старикъ: онъ былъ, очевидно, чалганецъ: это было видно по лицу, по одеждѣ, даже по походкѣ, но Макаръ не могъ припомнить, чтобъ онъ когда-либо прежде его видѣлъ. На старикѣ была рваная *сона*, большой ухастый *бергесъ*, тоже рваный, кожаные старые штаны и рваные телячьи торбасà. Но что хуже всего, — несмотря на свою старость, — онъ тащилъ на плечахъ еще болѣе древнюю старуху, ноги которой волочились по землѣ. Старикъ трудно дышалъ, заплетался и тяжело налегалъ на палку. Макару стало его жалко. Онъ остановился. Старикъ остановился тоже.

— *Капсѐ* (говори)! — сказалъ Макаръ привѣтливо.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ старикъ.

— Что слышалъ?

— Ничего не слыхалъ.

— Что видѣлъ?

— Ничего не видалъ.

Макаръ помолчалъ немного и тогда уже счелъ возможнымъ разспросить старика, кто онъ и откуда плетется.

Старикъ назвался. Давно уже, — самъ онъ не знаетъ, сколько лѣтъ назадъ, — онъ оставилъ Чалгàнъ и ушелъ на „гору“ спасаться. Тамъ онъ ничего не дѣлалъ, ѣлъ только морошку и корни, не пахалъ, не сѣялъ, не мололъ на жерновѣ хлѣба и не платилъ податей. Когда онъ умеръ, то пришелъ къ Тойону на судъ. Тойонъ спросилъ, кто онъ и что дѣлалъ. Онъ разсказалъ, что ушелъ на „гору“ и спасался. „Хорошо,—сказалъ Тойонъ,—а гдѣ же твоя старуха? Поди, приведи сюда твою старуху“. И онъ пошелъ за старухой, а старуха передъ смертью побиралась, и ее некому было кормить, и у нея не было ни дома, ни коровы, ни хлѣба. Она ослабѣла и не можетъ волочить ногъ. И онъ теперь долженъ тащить къ Тойону старуху на себѣ.

Старикъ заплакалъ, а старуха ударила его ногою, точно быка, и сказала слабымъ, но сердитымъ голосомъ:

— Неси!

Макару стало еще болѣе жаль старика, и онъ порадовался отъ души, что ему не удалось уйти на „гору". Его старуха была громадная, рослая старуха, и ему нести ее было бы еще труднѣе. А если-бы, вдобавокъ, она стала пинать его ногою, какъ быка, то, навѣрное, скоро заѣздила бы до второй смерти.

Изъ сожалѣнія онъ взялъ было старуху за ноги, чтобы помочь догору, но едва сдѣлалъ два-три шага, какъ долженъ былъ быстро выпустить старухины ноги, чтобъ онѣ не остались у него въ рукахъ. Въ одну минуту старикъ съ своей ношей исчезли изъ виду.

Въ дальнѣйшемъ пути не встрѣчалось болѣе лицъ, которыхъ Макаръ удостоилъ бы своимъ особеннымъ вниманіемъ. Тутъ были воры, нагруженные, какъ вьючная скотина, краденымъ добромъ и подвигавшіеся шагъ за шагомъ; толстые якутскіе тойоны тряслись, сидя на высокихъ сѣдлахъ, точно башни, задѣвая за облака высокими шапками. Тутъ же, рядомъ, въ припрыжку бѣжали бѣдные *комночиты* (работники), поджарые и легкіе, какъ зайцы. Шелъ мрачный убійца, весь въ крови, съ дико-блуждающимъ взоромъ. Напрасно кидался онъ въ чистый снѣгъ, чтобы смыть кровавыя пятна. Снѣгъ мгновенно обагрялся кругомъ, какъ кипень, а пятна на убійцѣ выступали яснѣе, и въ его взорѣ виднѣлись дикое отчаяніе и ужасъ. И онъ все шелъ, избѣгая чужихъ испуганныхъ взглядовъ.

А маленькія дѣтскія души то и дѣло мелькали въ воздухѣ, точно птички. Онѣ летѣли большими стаями, и Макара это не удивляло. Дурная, грубая пища, грязь, огонь камельковъ и холодные сквозняки юртъ выживали ихъ изъ одного Чалгана чуть не сотнями. Поровнявшись съ убійцей, онѣ испуганной стаей кидались далеко въ сторону, и долго еще послѣ того слышался въ воздухѣ быстрый, тревожный звонъ ихъ маленькихъ крыльевъ.

Макаръ не могъ не замѣтить, что онъ подвигается сравнительно съ другими довольно быстро, и поспѣшилъ приписать это своей добродѣтели.

— Слушай, *агабытъ* (отецъ),—сказалъ онъ,—какъ ты думаешь? Я хоть и любилъ при жизни выпить, а человѣкъ былъ хорошій. Богъ меня любитъ...

Онъ пытливо взглянулъ на попа Ивана. У него была задняя мысль: вывѣдать кое-что отъ стараго попика. Но тотъ сказалъ кратко:

— Не гордись! Уже близко. Скоро узнаешь самъ.

Макаръ и не замѣтилъ раньше, что на равнинѣ какъ будто стало свѣтать. Прежде всего, изъ-за горизонта выбѣжали нѣсколько свѣтлыхъ лучей. Они быстро пробѣжали по небу и потушили яркія звѣзды. И звѣзды погасли, а луна закатилась. И снѣжная равнина потемнѣла.

Тогда надъ нею поднялись туманы и стали кругомъ равнины, какъ почетная стража.

И въ одномъ мѣстѣ, на востокѣ, туманы стали свѣтлѣе, точно воины, одѣтые въ золото.

И потомъ туманы заколыхались, золотые воины наклонились долу.

И изъ-за нихъ вышло солнце и стало на ихъ золотистыхъ хребтахъ и оглянуло равнину.

И равнина вся засіяла невиданнымъ, ослѣпительнымъ свѣтомъ.

И туманы торжественно поднялись огромнымъ хороводомъ, разорвались на западѣ и, колеблясь, понеслись кверху.

И Макару казалось, что онъ слышитъ чудную пѣсню. Это была, какъ будто, та самая, давно знакомая пѣсня, которою земля каждый разъ привѣтствуетъ солнце. Но Макаръ никогда еще не обращалъ на нее должнаго вниманія и только въ первый разъ понялъ, какая это чудная пѣсня.

Онъ стоялъ и слушалъ и не хотѣлъ идти далѣе, а хотѣлъ вѣчно стоять здѣсь и слушать. . . . . .

. . . . . .

Но попъ Иванъ тронулъ его за рукавъ.

— Войдемъ,—сказалъ онъ.—Мы пришли.

Тогда Макаръ увидѣлъ, что они стоятъ у большой двери, которую раньше скрывали туманы.

Ему очень не хотѣлось идти, но,—дѣлать нечего,—онъ повиновался.

VI.

Они вошли въ хорошую, просторную избу, и, только войдя сюда, Макаръ замѣтилъ, что на дворѣ былъ сильный морозъ. Посрединѣ избы стоялъ камелекъ чудной рѣзной работы, изъ чистаго серебра, и въ немъ пылали золотыя полѣнья, давая ровное тепло, сразу проникавшее все тѣло. Огонь этого чуднаго камелька не рѣзалъ глазъ, не жегъ, а только грѣлъ, и Макару опять захотѣлось вѣчно стоять здѣсь и грѣться. Попъ Иванъ также подошелъ къ камельку и протянулъ къ нему иззябшія руки.

Въ избѣ было четверо дверей, изъ которыхъ только одна

вела наружу, а въ другія то и дѣло входили и выходили какіе-то молодые люди въ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ. Макаръ подумалъ, что это, должно-быть, работники здѣшняго Тойона. Ему казалось, что онъ гдѣ-то ихъ уже видѣлъ, но не могъ вспомнить, гдѣ именно. Не мало удивляло его то обстоятельство, что у каждаго работника на спинѣ болтались большія бѣлыя крылья, и онъ подумалъ, что, вѣроятно, у Тойона есть еще другіе работники, такъ какъ эти, навѣрное, не могли бы съ своими крыльями пробираться сквозь чащу тайги для рубки дровъ или жердей.

Одинъ изъ работниковъ подошелъ тоже къ камельку и, повернувшись къ нему спиною, заговорилъ съ попомъ Иваномъ:

— Говори!

— Нечего,—отвѣчалъ попикъ.

— Что ты слышалъ на свѣтѣ?

— Ничего не слыхалъ.

— Что видѣлъ?

— Ничего не видалъ.

Оба помолчали, и тогда попъ сказалъ:

— Привелъ, вотъ, одного.

— Это чалганецъ?—спросилъ работникъ.

— Да, чалганецъ.

— Ну, значитъ, надо приготовить большіе вѣсы.

И онъ ушелъ въ одну изъ дверей, чтобы распорядиться, а Макаръ спросилъ у попа, зачѣмъ нужны вѣсы и почему именно большіе?

— Видишь,—отвѣтилъ попъ нѣсколько смущенно, — вѣсы нужны, чтобы взвѣсить добро и зло, какое ты сдѣлалъ при жизни. У всѣхъ остальныхъ людей зло и добро приблизительно уравновѣшиваютъ чашки: у однихъ чалганцевъ грѣховъ такъ много, что для нихъ Тойонъ велѣлъ сдѣлать особые вѣсы съ громадной чашкой для грѣховъ.

Отъ этихъ словъ у Макара какъ будто скребнуло по сердцу. Онъ сталъ робѣть.

Работники внесли и поставили большіе вѣсы. Одна чашка была золотая и маленькая, другая—деревянная, громадныхъ размѣровъ. Подъ послѣдней вдругъ открылось глубокое черное отверстіе.

Макаръ подошелъ и тщательно осмотрѣлъ вѣсы, чтобы не было фальши. Но фальши не было. Чашки стояли ровно, не колеблясь.

Впрочемъ, онъ не вполнѣ понималъ ихъ устройство и предпочелъ бы имѣть дѣло съ безменомъ, на которомъ въ теченіе долгой жизни онъ отлично выучился и продавать, и покупать съ нѣкоторой выгодой для себя.

— Тойонъ идетъ, — сказалъ вдругъ попъ Иванъ и сталъ быстро обдергивать ряску.

Средняя дверь отворилась и вошелъ старый-престарый Тойонъ, съ большою серебристою бородой, спускавшеюся ниже пояса. Онъ былъ одѣтъ въ богатые, неизвѣстные Макару мѣха и ткани, а на ногахъ у него были теплые сапоги, обшитые плисомъ, какіе Макаръ видѣлъ на старомъ иконописцѣ.

И при первомъ же взглядѣ на стараго Тойона Макаръ узналъ, что это тотъ самый старикъ, котораго онъ видѣлъ нарисованнымъ въ церкви. Только тутъ съ нимъ не было сына; Макаръ подумалъ, что, вѣроятно, послѣдній ушелъ по хозяйству. За-то голубь влетѣлъ въ комнату и, покружившись у старика надъ головою, сѣлъ къ нему на колѣни. И старый Тойонъ гладилъ голубя рукою, сидя на особо приготовленномъ для него стулѣ.

Лицо стараго Тойона было доброе и, когда у Макара становилось слишкомъ ужъ тяжело на сердцѣ, онъ смотрѣлъ на это лицо и ему становилось легче.

А на сердцѣ у него становилось тяжело потому, что онъ вспомнилъ вдругъ всю свою жизнь до послѣднихъ подробностей, вспомнилъ каждый свой шагъ и каждый ударъ топора, и каждое срубленное дерево, и каждый обманъ, и каждую рюмку выпитой водки.

И ему стало стыдно и страшно. Но, взглянувъ въ лицо стараго Тойона, онъ ободрился.

А ободрившись, подумалъ, что, быть-можетъ, кое-что удастся и скрыть.

Старый Тойонъ посмотрѣлъ на него и спросилъ, кто онъ и откуда, и какъ зовутъ, и сколько ему лѣтъ отъ роду.

Когда Макаръ отвѣтилъ, старый Тойонъ спросилъ:

— Что сдѣлалъ ты въ своей жизни?

— Самъ знаешь,—отвѣтилъ Макаръ.—У тебя должно быть записано.

Макаръ испытывалъ стараго Тойона, желая узнать, дѣйствительно ли у него записано все.

— Говори самъ, не молчи!—сказалъ старый Тойонъ.

И Макаръ опять ободрился.

Онъ сталъ перечислять свои работы, и хотя онъ помнилъ каждый ударъ топора и каждую срубленную жердь, и каждую борозду, проведенную сохою, но онъ прибавлялъ цѣлыя тысячи жердей и сотни возовъ дровъ, и сотни бревенъ, и сотни пудовъ посѣва.

Когда онъ все перечислилъ, старый Тойонъ обратился къ попу Ивану:

— Принеси-ка сюда книгу.

Тогда Макаръ увидѣлъ, что попъ Иванъ служитъ у Тойона *суруксутомъ* (писаремъ), и очень осердился, что тотъ по-пріятельски не сказалъ ему объ этомъ раньше.

Попъ Иванъ принесъ большую книгу, развернулъ ее и сталъ читать.

— Загляни-ка,—сказалъ старый Тойонъ,—сколько жердей?

Попъ Иванъ посмотрѣлъ и сказалъ съ прискорбіемъ:

— Онъ прибавилъ цѣлыхъ тринадцать тысячъ.

— Вретъ онъ!—крикнулъ Макаръ запальчиво.—Онъ, вѣрно, ошибся, потому что онъ пьяница и умеръ нехорошею смертью!

— Замолчи ты!—сказалъ старый Тойонъ.—Бралъ ли онъ съ тебя лишнее за крестины или за свадьбы? Вымогалъ ли онъ ругу?

— Что говорить напрасно!—отвѣтилъ Макаръ.

— Вотъ видишь,—сказалъ Тойонъ,—я знаю и самъ, что онъ любилъ выпить...

И старый Тойонъ осердился.

— Читай теперь его грѣхи по книгѣ, потому что онъ обманщикъ, и я ему не вѣрю,—сказалъ онъ попу Ивану.

А между тѣмъ, работники кинули на золотую чашку Макаровы жерди, и его дрова, и его пахоту, и всю его работу. И всего оказалось такъ много, что золотая чашка вѣсовъ опустилась, а деревянная поднялась высоко, высоко, и ее нельзя было достать руками, и молодые божьи работники взлетѣли на своихъ крыльяхъ, и цѣлая сотня тянула ее веревками внизъ.

Тяжела была работа чалганца!

А попъ Иванъ сталъ вычитывать обманы, и оказалось, что обмановъ было—двадцать одна тысяча девятьсотъ тридцать три обмана; и попъ сталъ высчитывать, сколько Макаръ выпилъ бутылокъ водки, и оказалось четыреста бутылокъ,—и попъ читалъ далѣе, а Макаръ видѣлъ, что деревянная чашка вѣсовъ перетягиваетъ золотую, и что она опускается уже въ яму, и пока попъ читалъ, она все опускалась.

Тогда Макаръ подумалъ про себя, что дѣло его плохо и, подойдя къ вѣсамъ, попытался незамѣтно поддержать чашку ногою. Но одинъ изъ работниковъ увидѣлъ это, и у нихъ вышелъ шумъ.

— Что тамъ такое?—спросилъ старый Тойонъ.

— Да вотъ онъ хотѣлъ поддержать вѣсы ногою,—отвѣтилъ работникъ.

Тогда Тойонъ гнѣвно обратился къ Макару и сказалъ:

— Вижу, что ты обманщикъ, лѣнивецъ и пьяница... И за

тобой осталась недоимка, и попъ за тобою считаетъ ругу, и исправникъ грѣшитъ изъ-за тебя, ругая тебя каждый разъ скверными словами!..

И, обратясь къ попу Ивану, старый Тойонъ спросилъ:

— Кто въ Чалганѣ кладетъ на лошадей болѣе всѣхъ клади, и кто гоняетъ ихъ всѣхъ больше?

Попъ Иванъ отвѣтилъ:

— Церковный трапезникъ. Онъ гоняетъ почту и возитъ исправника.

Тогда старый Тойонъ сказалъ:

— Отдать этого лѣнивца трапезнику въ мерины, и пусть онъ возитъ на немъ исправника, пока не заѣздитъ... А тамъ мы посмотримъ.

И только-что старый Тойонъ сказалъ это слово, какъ дверь отворилась и въ избу вошелъ сынъ стараго Тойона и сѣлъ отъ него по правую руку.

И сынъ сказалъ:

— Я слышалъ твой приговоръ... Я долго жилъ на свѣтѣ и знаю тамошнія дѣла: тяжело будетъ бѣдному человѣку возить исправника! Но... да будетъ!.. Только, можетъ быть, онъ еще что-нибудь скажетъ. Говори, *барахсанъ* (бѣдняга)!

Тогда случилось что-то странное. Макаръ, тотъ самый Макаръ, который никогда въ жизни не произносилъ болѣе десяти словъ кряду, вдругъ ощутилъ въ себѣ даръ слова. Онъ заговорилъ и самъ изумился. Стало какъ бы два Макара: одинъ говорилъ, другой слушалъ и удивлялся. Онъ не вѣрилъ своимъ ушамъ. Рѣчь у него лилась плавно и страстно, слова гнались одно за другимъ въ-перегонку и потомъ становились длинными, стройными рядами. Онъ не робѣлъ. Если ему и случалось запнуться, то тотчасъ же онъ оправлялся и кричалъ вдвое громче. А главное — чувствовалъ самъ, что говорилъ убѣдительно.

Старый Тойонъ, немного осердившійся сначала за его дерзость, сталъ потомъ слушать съ большимъ вниманіемъ, какъ бы убѣдившись, что Макаръ не такой ужъ дуракъ, какимъ казался сначала. Попъ Иванъ въ первую минуту даже испугался и сталъ дергать Макара за полу *сопы*, но Макаръ отмахнулся и продолжалъ по-прежнему. Потомъ и попикъ пересталъ пугаться и даже расцвѣлъ улыбкой, видя, что его прихожанинъ рѣжетъ правду, и что эта правда приходится по сердцу старому Тойону. Даже молодые люди въ длинныхъ рубахахъ и съ бѣлыми крыльями, жившіе у стараго Тойона въ работникахъ, приходили изъ своей половины къ дверямъ и съ удивленіемъ слушали рѣчь Макара, поталкивая другъ друга локтями.

Онъ началъ съ того, что не желаетъ идти къ трапезнику въ мерины. И не потому не желаетъ, что боится тяжелой работы, а потому, что это рѣшеніе неправильно. А такъ какъ это рѣшеніе неправильно, то онъ ему не подчинится и не поведетъ даже ухомъ, не двинетъ ногою. Пусть съ нимъ дѣлаютъ, что хотятъ! Пусть даже отдадутъ чертямъ въ вѣчные *комночиты*, — онъ не будетъ возить исправника, потому что это неправильно. И пусть не думаютъ, что ему страшно положеніе мерина: трапезникъ гоняетъ мерина, но кормитъ его овсомъ, а его гоняли всю жизнь, но овсомъ никогда не кормили.

— Кто тебя гонялъ?—спросилъ старый Тойонъ съ сердцемъ.

Да, его гоняли всю жизнь! Гоняли старосты и старшины, засѣдатели и исправники, требуя подати; гоняли попы, требуя ругу; гоняли нужда и голодъ; гоняли морозы и жары, дожди и засухи; гоняла промерзшая земля и злая тайга!.. Скотина идетъ впередъ и смотритъ въ землю, не зная, куда ее гонятъ... И онъ также... Развѣ онъ зналъ, что попъ читаетъ въ церкви и за что идетъ ему руга? Развѣ онъ зналъ, зачѣмъ и куда увели его старшаго сына, котораго взяли въ солдаты, и гдѣ онъ умеръ, и гдѣ теперь лежатъ его бѣдныя кости?

Говорятъ, онъ пилъ много водки? Конечно, это правда: его сердце просило водки...

— Сколько, говоришь ты, бутылокъ?

— Четыреста,—отвѣтилъ попъ Иванъ, заглянувъ въ книгу.

Хорошо! Но развѣ это была водка? Три четверти было воды и только одна четверть настоящей водки, да еще настой табаку. Стало-быть триста бутылокъ надо скинуть со счета.

— Правду ли онъ говоритъ все это? — спросилъ старый Тойонъ у попа Ивана, и видно было, что онъ еще сердится.

— Чистую правду, — торопливо отвѣтилъ попъ, а Макаръ продолжалъ.

Онъ прибавилъ тринадцать тысячъ жердей? Пусть такъ! Пусть онъ нарубилъ только шестнадцать тысячъ. А развѣ этого мало? И, притомъ, двѣ тысячи онъ рубилъ, когда у него была больна первая его жена... И у него было тяжело на сердцѣ, и онъ хотѣлъ сидѣть у своей старухи, а нужда его гнала въ тайгу... И въ тайгѣ онъ плакалъ, и слезы мерзли у него на рѣсницахъ, и отъ горя холодъ проникалъ до самаго сердца... А онъ рубилъ!

А послѣ баба умерла. Ее надо было хоронить, а у него не было денегъ. И онъ нанялся рубить дрова, чтобы заплатить за женинъ домъ на томъ свѣтѣ... А купецъ увидѣлъ, что ему нужда, и далъ только по десяти копѣекъ... И старуха лежала одна въ нетопленой мерзлой избѣ, а онъ опять ру-

бить и плакалъ. Онъ полагалъ, что эти возы надо считать впятеро и даже болѣе.

У стараго Тойона показались на глазахъ слезы, и Макаръ увидѣлъ, что чашки вѣсовъ колыхнулись, и деревянная приподнялась, а золотая опустилась.

А Макаръ продолжалъ: у нихъ все записано въ книгѣ... Пусть же они поищутъ: когда онъ испыталъ отъ кого-нибудь ласку, привѣтъ или радость? Гдѣ его дѣти? Когда они умирали, ему было горько и тяжко, а когда выростали, то уходили отъ него, чтобы въ одиночку биться съ тяжелою нуждой. И онъ состарился одинъ со своей второю старухой и видѣлъ, какъ его оставляютъ силы и подходитъ злая, безпріютная дряхлость. Они стояли одинокіе, какъ стоятъ въ степи двѣ сиротливыя елки, которыхъ бьютъ отовсюду жестокія метели.

— Правда ли?—спросилъ опять старый Тойонъ.

И попъ поспѣшилъ отвѣтить:

— Чистая правда!

И тогда вѣсы опять дрогнули... Но старый Тойонъ задумался.

— Что же это, — сказалъ онъ: — вѣдь есть же у меня на землѣ настоящіе праведники... Глаза ихъ ясны, и лица свѣтлы, и одежды безъ пятенъ... Сердца ихъ мягки, какъ добрая почва; принимаютъ доброе сѣмя и возвращаютъ кринъ сельный и благовонные всходы, запахъ которыхъ угоденъ передо мною. А ты посмотри на себя...

И всѣ взгляды устремились на Макара, и онъ устыдился. Онъ почувствовалъ, что глаза его мутны и лицо темно, волосы и борода всклокочены, одежда изорвана. И хотя задолго до смерти онъ все собирался купить сапоги, чтобы явиться на судъ, какъ подобаетъ настоящему крестьянину, но все пропивалъ деньги, и теперь стоялъ передъ Тойономъ, какъ послѣдній якутъ, въ дрянныхъ торбасишкахъ... И онъ пожелалъ провалиться сквозь землю.

— Лицо твое темное,—продолжалъ старый Тойонъ,—глаза мутные и одежда разорвана. А сердце твое поросло бурьяномъ и терніемъ, и горькою полынью. Вотъ почему я люблю моихъ праведныхъ и отвращаю лицо отъ подобныхъ тебѣ нечестивцевъ.

Сердце Макара сжалось. Онъ чувствовалъ стыдъ собственнаго существованія. Онъ было понурилъ голову, но вдругъ поднялъ ее и заговорилъ опять:

О какихъ это праведникахъ говоритъ Тойонъ? Если о тѣхъ, что жили на землѣ въ одно время съ Макаромъ въ богатыхъ хоромахъ, то Макаръ ихъ знаетъ... Глаза ихъ ясны, потому что не проливали слезъ столько, сколько ихъ пролилъ Макаръ,

и лица ихъ свѣтлы, потому что обмыты духами, а чистыя одежды сотканы чужими руками.

Макаръ опять понурилъ голову, но тотчасъ же опять подвялъ ее.

А между тѣмъ, развѣ онъ не видитъ, что и онъ родился, какъ другіе, — съ ясными, открытыми очами, въ которыхъ отражались земля и небо, и съ чистымъ сердцемъ, готовымъ раскрыться на все прекрасное въ мірѣ? И если теперь онъ желаетъ скрыть подъ землею свою мрачную и позорную фигуру, то въ этомъ вина не его... А чья же? — Этого онъ не знаетъ... Но онъ знаетъ одно, что въ сердцѣ его истощилось терпѣніе.

VII.

Конечно, если бы Макаръ могъ видѣть, какое дѣйствіе производила его рѣчь на стараго Тойона, если бъ онъ видѣлъ, что каждое его гнѣвное слово падало на золотую чашку, какъ свинцовая гиря, онъ усмирилъ бы свое сердце. Но онъ всего этого не видѣлъ, потому что въ его сердце вливалось слѣпое отчаяніе.

Вотъ онъ оглядѣлъ всю свою горькую жизнь. Какъ могъ онъ до сихъ поръ выносить это ужасное бремя? Онъ несъ его потому, что впереди все еще маячила—звѣздочкой въ туманѣ—надежда. Онъ живъ, стало-быть можетъ, долженъ еще испытать лучшую долю... Теперь онъ стоялъ у конца, и надежда угасла...

Тогда въ его душѣ стало темно, и въ ней забушевала ярость, какъ буря въ пустой степи глухою ночью. Онъ забылъ, гдѣ онъ, предъ чьимъ лицомъ предстоитъ, — забылъ все, кромѣ своего гнѣва... . . . . .

. . . . . .

Но старый Тойонъ сказалъ ему:

— Погоди, *барахсанъ!* Ты не на землѣ... Здѣсь и для тебя найдется правда...

И Макаръ дрогнулъ. На сердце его пало сознаніе, что его жалѣютъ, и оно смягчилось: а такъ какъ передъ его глазами все стояла его бѣдная жизнь, отъ перваго дня до послѣдняго, то и ему стало самого себя невыносимо жалко. И онъ заплакалъ...

И старый Тойонъ тоже плакалъ... И плакалъ старый попикъ Иванъ, и молодые божьи работники лили слезы, утирая ихъ широкими бѣлыми рукавами.

А вѣсы все колыхались и деревянная чашка подымалась все выше и выше! . . . . . .

. . . . . .

1883 г.

ЯШКА.

I.

Жестокіе, сударь, нравы...

Островскій.

...Насъ ввели въ корридоръ одной изъ сибирскихъ тюремъ, длинный, узкій и мрачный. Одна стѣна его почти сплошь была занята высокими окнами, выходившими на небольшой квадратный дворикъ, гдѣ обыкновенно гуляли арестанты. Теперь, по случаю нашего прибытія, арестантовъ „загнали“ въ камеры. Вдоль другой стѣны виднѣлись, на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга, двери „одиночекъ“. Двери были черны отъ времени и частыхъ прикосновеній и рѣзко выдѣлялись темными четыреугольниками на сѣрой, грязной стѣнѣ. Надъ дверями висѣли дощечки съ надписями: „За кражу“, „За убійство“, „За грабежъ“, „За бродяжничество“, а въ серединѣ каждой двери виднѣлось квадратное отверстіе со стеклышкомъ, закрываемое снаружи деревянною заслонкой. Всѣ заслонки были отодвинуты, и изъ-за стеколъ на насъ смотрѣли любопытные, внимательные глаза заключенныхъ.

Мы повернули разъ и другой. Надъ первою дверью третьяго корридора я прочелъ надпись: „Умалишенный“, надъ слѣдующею—тоже. Надъ третьей надписи не было, а надъ четвертой я разобралъ тѣ же слова. Впрочемъ, не надо было и надписи, чтобы угадать, кто обитатель этой каморки,—изъ-за ея двери неслись какіе-то дикіе, тоскующіе, за сердце хватающіе звуки. Человѣкъ ходилъ, повидимому, взадъ и впередъ за своею дверью, выкрикивая что то похожее то на еврейскую молитву, то на горькій плачъ съ причитаніями, то на дикую и ясовую пѣсню. Когда онъ смолкалъ, а въ корридорѣ наступала тишина, тогда можно было различить монотонное чтеніе какой-то молитвы, произносимой въ первой ка-

мерѣ однозвучнымъ голосомъ. Дальше видны были еще такія же двери и изъ-за нихъ слышалось мѣрное звяканье цѣпей. Надпись гласила: „За убійство“.

Это былъ „корридоръ подслѣдственнаго отдѣленія“, куда насъ помѣстили за отсутствіемъ помѣщенія для пересыльныхъ. По той же причинѣ, т. е. за отсутствіемъ особаго помѣщенія, въ этомъ корридорѣ содержались трое умалишенныхъ. Наша камера, безъ надписи, находилась между камерами двухъ умалишенныхъ, только справа отъ одной изъ нихъ отдѣлялась лѣстницей, надъ которой висѣла доска: „Входъ въ малый верхъ“.

Пока надзиратели подбирали ключи, чтобы открыть нашу камеру, сосѣдъ нашъ по правую сторону—третій умалишенный—не подавалъ никакихъ признаковъ своего существованія. Сколько можно было видѣть въ дверное оконце, въ его камерѣ было темно, какъ въ могилѣ.

— Яшка-то молчитъ нонѣ,—тихо сказалъ „старшій надзиратель“ младшему.

— Не видитъ... Ну его!—отвѣтилъ тотъ такъ же тихо.

Вдругъ изъ-за стеклышка сверкнула пара глазъ, мелькнулъ конецъ носа, большіе усы, часть бороды. Вслѣдъ затѣмъ дверь застонала и заколебалась. Яшка стучалъ ногою въ нижнюю часть двери такъ сильно, что желѣзные болты гнулись и визжали. Каждый ударъ гулко отдавался подъ высокимъ потолкомъ и повторялся эхомъ въ другихъ корридорахъ. Надзиратели вздрогнули. „Старшій“—сѣдой, низенькій старичокъ изъ евреевъ, съ наружностью старой тюремной крысы, съ маленькими, злыми, точно колющими глазами, сверкавшими изъ-подъ нависшихъ бровей,—весь съежился, попятился къ стѣнкѣ и бросилъ въ сторону стучавшаго взглядъ, полный глубокой ненависти и злобы.

— Полно, Яшка, что задурилъ-то?—отозвался корридорный надзиратель, серьезный старикъ, съ длинными опущенными внизъ усами, въ большой папахѣ.—Чего не видалъ? Видишь, арестантовъ привели!

Тотъ, кого называли Яшкой, окинулъ насъ внимательнымъ взглядомъ. И, какъ бы убѣдившись, несмотря на наши „вольные“ костюмы, что дѣйствительно мы арестанты, прекратилъ стукъ и что-то заворчалъ за своею дверью. Словъ мы не могли разслышать,—„одиночка“ уже приняла насъ въ свои холодныя, сырыя объятія. Запоры щелкнули за нами, шаги надзирателя стихли въ другомъ концѣ корридора, и жизнь „подслѣдственнаго отдѣленія“ вошла опять въ свою обычную колею.

Пять шаговъ въ длину, три съ половиной въ ширину —

вотъ размѣры новаго нашего жилища. Стекла въ небольшомъ, въ квадратный аршинъ окнѣ разбиты и въ него видна, на разстояніи двухъ саженъ, сѣрая тюремная стѣна. Углы камеры тонули въ какомъ-то неопредѣленномъ полумракѣ. Карнизы оттѣнены траурною каймой многолѣтней пыли, стѣны сѣры и, при внимательномъ взглядѣ, видны на нихъ особыя пятна—слѣды борьбы какого-нибудь страдальца съ клопами и тараканами,—борьбы, быть-можетъ, многолѣтней, упорной. Я не могъ освободиться отъ ощущенія особаго рода непріятнаго запаха, который, какъ мнѣ казалось, несся отъ этихъ стѣнъ. Внизу, у самаго пола, въ кирпичъ было вдѣлано толстое желѣзное кольцо, назначеніе котораго для насъ было ясно: къ нему была нѣкогда придѣлана короткая цѣпь... Двѣ кровати, стулъ и маленькій столикъ составляли роскошь „одиночки“, которую ей, быть-можетъ, привелось видѣть впервые. Въ остальныхъ камерахъ, такихъ же, какъ наша, не было ничего, кромѣ тюфяка, брошеннаго на полъ, и живого существа, которое на немъ валялось...

За стѣной послышалось дребезжаніе телѣги. Мимо окна проѣхалъ четыреугольный ящикъ, который везла плохая, заморенная клячонка. Два арестанта вяло плелись сзади, шлепая „кеньгами“ по грязи. Они остановились невдалекѣ, открыли люкъ и такъ же вяло принялись за работу... Отвратительною вонью пахнуло въ наши разбитыя окна, и она стала наполнять камеру...

Мой товарищъ, улегшійся было на своей постели, всталъ на ноги и тоскливо оглядѣлъ комнату.

— Од-на-ко!—сказалъ онъ протяжно.

— Д-да!—подтвердилъ я.

Больше говорить не хотѣлось, да и не было надобности,—мы понимали другъ друга. На насъ глядѣли и говорили за насъ темныя стѣны, углы, затканные паутиной, крѣпко запертая дверь... Въ окно врывались волны міазмовъ, и некуда было скрыться. Сколько-то намъ придется прожить здѣсь: недѣлю, двѣ?.. Нехорошо, скверно! А вѣдь вотъ тутъ, рядомъ, наши сосѣди живутъ не одну недѣлю и не двѣ. Да и въ этой камерѣ послѣ насъ опять водворится жилецъ на долгіе мѣсяцы, а можетъ и годы...

А арестантики продолжали свою работу, — это была ихъ ежедневная обязанность. Ежедневно пріѣзжали они сюда, съ своимъ неблаговоннымъ ящикомъ и вяло черпали часъ, другой, уѣзжая и пріѣзжая,—все мимо цѣлаго ряда плохо прилаженныхъ, часто разбитыхъ оконъ.

Мы заткнули разбитое окно казенной подушкой. Запахъ

нѣсколько уменьшился, или мы притерпѣлись, но только тоскливое чувство, внушенное нашею безпомощностью, тишиной, бездѣятельностью одиночки, изъ остраго стало переходить въ тупое, хроническое... Мы стали прислушиваться къ тихому жужжанію внѣшней жизни, прорывавшемуся сквозь крѣпкія двери.

Внѣшняя жизнь для насъ была жизнь двора и корридора тюрьмы. Въ дверное оконце, когда его забывали закрыть наружною заслонкой, виднѣлись гуляющіе арестанты. Они „толкались“ по квадратному дворику парами, тихо и безъ шума. Казалось, сѣрые халаты налагали какое-то обязательство тихой солидности.

Въ извѣстные часы по двору проносилась команда: „Пошелъ за кипяткомъ!“, „Пошелъ за хлѣбомъ!“, „Обѣдать пошелъ!“ „Пошо-олъ, расходись по камерамъ!“. Выпускали на время подслѣдственныхъ изъ строгаго одиночнаго заключенія или каторжниковъ въ цѣпяхъ. Послѣдніе еще солиднѣе прохаживались по корридору: цѣпи уже несомнѣнно налагали это обязательство. Подъ вечеръ, гдѣ-то на третьемъ дворѣ раздавался звонокъ: приближалась „повѣрка“. Ежедневно въ 7 часовъ смотритель или его помощникъ обходили съ караульнымъ офицеромъ и конвоемъ солдатъ всѣ камеры, считая заключенныхъ.

Такъ проходилъ день въ „подслѣдственномъ отдѣленіи“.

... Разъ, два, три, четыре!.. гулко раздавался по временамъ сильный стукъ. Это Яшка тревожилъ чуткую тишину корридора. Среди этой тишины, на фонѣ безшумной, подавленной жизни, его удары, рѣзкіе, бѣшено-отчетливые, непокорные, составляли какой-то странный, рѣжущій, непріятный контрастъ. Я вспомнилъ, какъ маленькій „старшій“ съежился, заслышавъ эти удары. Нарушеніе обычнаго безмолвія этой скорбной обители, казавшееся даже мнѣ, постороннему, диссонансомъ, должно было особенно рѣзать ухо „начальства“.

Не знаю, зачѣмъ собственно понадобилось мнѣ считать эти удары. Разъ, два, три... около шести стукъ усиливался: семь, восемь, девять... стоялъ сплошной гулъ, затѣмъ на одиннадцати, рѣдко на двѣнадцати, звукъ рѣзко обрывался. Въ это мгновеніе у меня являлось въ правой ногѣ мимолетное ощущеніе ноющей боли. Мнѣ казалось, что Яшка прекращалъ свой стукъ именно отъ такой боли въ ногѣ. Черезъ нѣсколько секундъ раздавалось еще пять-шесть ударовъ, и затѣмъ въ корридорѣ наступала напряженная тишь, или же угрюмое ворчаніе Якова смѣшивалось со скорбными выкрикиваніями еврея.

Чаще другихъ приходилось дежурить въ нашемъ корридорѣ

старику надзирателю, давно, повидимому, свыкшемуся съ тюрьмой и ея обитателями. Казалось, старикъ обрѣлъ на этомъ мѣстѣ то особаго рода душевное равновѣсіе, которое такъ облегчаетъ жизнь и сношенія съ людьми во всякой профессіи. Онъ имѣлъ видъ человѣка, обладающаго обстоятельнымъ міросозерцаніемъ, былъ философски спокоенъ и неизмѣнно равнодушенъ, никогда не возвышалъ голоса, не бранилъ арестантовъ, не стѣснялъ ихъ безъ нужды. Онъ былъ надзиратель,—это было его общественное положеніе, налагавшее на него извѣстныя обязанности. Другіе были арестанты, — это опять ихъ общественное положеніе, также сопряженное съ обязанностями. Каждый долженъ исполнять свои обязанности, что значитъ: „веди себя съ толкомъ, поступай благородно, т. е. не попадай на замѣчаніе начальства". Таковы были основы его философіи, и онъ сумѣлъ провести ихъ въ жизнь подвѣдомаго ему „отдѣленія". Главное нравственное правило: „не попадай на замѣчаніе" — проникало во всѣ детали этой жизни. Самъ старикъ Михеичъ двигался и дѣйствовалъ, не торопясь, какъ хорошо разсчитанная машина. Я никогда не видалъ, чтобъ онъ препирался съ арестантомъ изъ одиночки, когда тотъ просился „до вѣтру", какъ это дѣлали другіе надзиратели. Онъ просто шелъ на стукъ и отпиралъ двери. За то, если Михеичъ отказывалъ въ какомъ-нибудь облегченіи, значитъ у него была резонная причина, имѣющая отношеніе къ близости начальственнаго ока, и отказъ былъ всегда рѣшительный, безапелляціонный. Когда, бывало, старый Михеичъ сидѣлъ на окнѣ корридора и дремалъ, причемъ изъ-подъ его папахи, вѣчно нахлобученной на самыя брови, виднѣлись концы длинныхъ усовъ и ястребинаго носа, тихо и благосклонно „клевавшаго" въ спокойной дремотѣ, въ корридорѣ подслѣдственныхъ воцарялась непринужденность и даже нѣкоторая развязность, конечно, въ возможныхъ для этого мѣста предѣлахъ. Арестанты франтовато ходили съ папиросами въ зубахъ мимо философа-начальника, съ очевиднымъ знаніемъ невозможности явиться въ „эдакомъ видѣ" въ другіе часы дня. Это дѣлало особенно драгоцѣнной эту привилегію въ данное время. Они уже сами смотрѣли въ оба, чтобы не попасться въ „эдакомъ видѣ" кому-нибудь изъ высшаго тюремнаго начальства и не подвести стараго Михеича, такъ какъ хорошо понимали, что въ подобномъ ротозѣйствѣ не заключается ни „толку", ни „благородства". Даже умалишенные чувствовали импонирующее вліяніе Михеичевой философіи. Когда рулады сумасшедшаго еврея, одержимаго какою-то музыкальной маніей, достигали чрезмѣрной напряженности и

экспрессіи, когда, казалось, его глотка скоро откажется производить какіе бы то ни было звуки, а уши слушателей рисковали потерять всякую способность воспринимать ихъ, Михеичъ спокойно слѣзалъ съ окна, подходилъ къ двери еврея и, стукнувъ связкой ключей, произносилъ ровнымъ, спокойнымъ голосомъ:

— Эй, ты, свиное ухо! По какой причинѣ раскричался?

Вопросъ звучалъ дѣловито, какъ будто вопрошавшій допускалъ возможность существованія какой-либо „причины", и даже названіе „свиное ухо" казалось просто необиднымъ собственнымъ именемъ. Еврей смягчалъ экспрессію, понижалъ тонъ и издавалъ рулады, выражавшія очевидную готовность къ компромиссу.

— Нарукавники желаешь? — спрашивалъ Михеичъ также спокойно, и опять въ вопросѣ слышалась возможность со стороны еврея такого неестественнаго желанія.

— Покричи еще,—что-жъ, я и принесу нарукавники тебѣ... Это, братъ, можно во всяко время... — соглашался Михеичъ, и рулады еврея спускались до обычнаго діапазона.

— Стекло-то опять зачѣмъ сожралъ, а? Развѣ полагается тебѣ казенныя стекла жрать? Видишь вотъ, вчера вставили, а ты опять слопалъ, свиное ухо! — говорилъ Михеичъ, выковыривая остатки дверного стекла, которое еврей, дѣйствительно, имѣлъ обыкновеніе разбивать и грызть зубами.

Урезонивъ еврея, Михеичъ снова направлялся къ излюбленному мѣсту на окнѣ, гдѣ спина его скоро прилипала къ натертому жирному пятну косяка, а носъ и усы принимали обычное положеніе. Еврей продолжалъ свои рулады, возвратившись къ нотамъ, болѣе свойственнымъ человѣческому голосу, или начиналъ что-то таинственно выстукивать въ стѣну, какъ бы сообщая кому-то смыслъ сейчасъ слышанныхъ словъ.

Другой умалишенный, остякъ Тимошка, помѣщавшійся въ первой камерѣ у входа въ корридоръ подслѣдственныхъ, пользовался нѣкоторымъ благорасположеніемъ Михеича. Однажды, когда я проходилъ по корридору, Михеичъ съ видимымъ удовольствіемъ указалъ на камеру Тимошки.

— Тимошка тутъ, Тимофей, остякъ... Набожный... Всякую молитву знаетъ. Поди, и теперь молится...

Я заглянулъ въ оконце. Длинная узкая камера была еще мрачнѣе нашей, такъ какъ угловая стѣна примыкавшаго зданія закрывала въ нее доступъ свѣту. Вначалѣ я не могъ никого разглядѣть среди этихъ темныхъ стѣнъ, но вскорѣ увидѣлъ въ углу, подъ самымъ окномъ, какую-то колѣнопреклоненную фигуру. Тимошка мѣрно покачивался, стоя на колѣ-

няхъ передъ какими-то болванчиками, неопредѣленно чернѣвшими въ углу. На окнѣ лежало что-то вродѣ шапки. Мебели, какъ и въ другихъ одиночкахъ, не было, только рядомъ съ болванчиками стояла „парашка“. Остякъ молился ровнымъ, своеобразно-дикимъ голосомъ, тономъ опытнаго чтеца. По временамъ онъ произносилъ цѣлыя длинныя фразы на какомъ-то непонятномъ, вѣроятно остяцкомъ языкѣ, а иногда, нисколько не измѣняя молитвенной интонаціи, произносилъ скверныя ругательства, какъ будто и они составляли часть его культа.

— Трехъ человѣкъ задушилъ руками, — отрекомендовалъ мнѣ его Михеичъ. — Изъ себя невидный, а сила въ ёмъ ба-а-альшая!

— А что это въ углу у него разставлено?—спросилъ я.

— Идолы это... Бога̀... Ка-акже! Самъ дѣлаетъ. Сколько разъ отымали, сейчасъ опять смастеритъ.

— Чѣмъ же?

— На выдумки ловокъ, бѣда! Ножъ изъ жести оконной у него, объ камень выточенъ. А шапку видѣли... на окнѣ у него лежитъ? Тоже самъ сшилъ. Окно-то у него разбито, чортъ ему кошку шальную и занеси. Онъ ее сцапалъ, содралъ шкуру зубами,—вотъ и шапка! Иголка тоже у него имѣется, нитки изъ тюфяка дергаетъ... Ну, за-то набоженъ: молитвы получше иного попа знаетъ. Бога̀ у него свои, а молитвы наши... Молится, да!.. И послушенъ тоже... Тимошка, спой пѣсенку!

Тимошка прервалъ молитву, взялъ въ руку палку и повернулся къ Михеичу.

— Съ барабаномъ?—спросилъ онъ.

Въ его дикомъ голосѣ звучала какая-то юмористическая нотка. Переходъ отъ молитвы къ скоморошеству былъ для него, повидимому, нетруденъ.

— Неужъ безъ барабана, чудакъ!—отвѣтилъ Михеичъ.

Тимошка запѣлъ безконечную пѣсню, постукивая въ тактъ палкой. Въ этой пѣснѣ, съ довольно быстрымъ темпомъ, слышалось что-то своеобразное, заунывно-дикое. Мы старались потомъ съ товарищемъ воспроизвести этотъ нехитрый мотивъ, но онъ не давался нашей памяти.

— Безъ конца у него пѣсня эта, — замѣтилъ Михеичъ. — Теперь все будетъ пѣть, пока не скажу: довольно! Разъ этакъ я забылъ остановить его,—онъ и поетъ себѣ. Провѣрка пришла, смотритель и спрашиваетъ: ты что дѣлаешь?—„Пѣсню, говоритъ, Михеичъ приказалъ пѣть“. Право, послушный онъ!.. А тре-ёхъ человѣкъ задавилъ руками. Ноги ему въ сума-

сшедшемъ домѣ отшибли,—ходить не можетъ. Зачинаетъ мало-мало подыматься, да плохо. Видно, отстукали ловко!

— Неужто въ больницѣ у васъ ноги отшибаютъ? Вѣдь это...

— Да ужъ это не такъ, чтобы превосходно, что и говорить. Опять же и зря: послушный онъ, остякъ-то. Ему толкомъ скажи, — онъ слушаетъ. Только тамъ это у нихъ живо, въ сумасшедшемъ-то домѣ: чуть что, пожалуй, не долго имъ, и совсѣмъ устукаютъ. Этому стукальщику скоро вотъ то же будетъ, — какъ-то недружелюбно мотнулъ Михеичъ головой въ сторону Яшкиной двери.

Въ его голосѣ исчезли мягкія, благосклонныя ноты, съ какими онъ обращался къ послушному Тимошкѣ, давившему людей руками и сдиравшему шкуры съ живыхъ кошекъ. Очевидно, въ глазахъ Михеича Яшка былъ хуже остяка.

Вообще, этотъ странный субъектъ находился на какомъ-то особомъ, исключительномъ положеніи, и онъ интересовалъ меня все болѣе и болѣе. Въ его стукѣ я, наконецъ, началъ различать нѣкоторую систему. Такъ, однажды, когда онъ вдругъ загремѣлъ очень сильно, я увидѣлъ, что Михеичъ сталъ безпокойно озираться, какъ будто ожидая чьего-нибудь появленія. Потомъ старикъ дѣловито обратился къ Якову:

— Что ты? Зачѣмъ? Никого вѣдь нѣту.

Яшка тотчасъ же смолкъ. Очевидно, онъ не просто стучалъ въ пространство, а адресовалъ эти гремящіе звуки чьему-нибудь слуху. Вскорѣ я убѣдился, что стукомъ этимъ онъ салютовалъ всякому начальству, начиная со „старшаго надзирателя“. Чѣмъ выше было начальство, тѣмъ, вообще говоря, громче были салюты. Ночью они раздавались значительно тише, точно Яшка стучалъ съ просонокъ. Проснется онъ, — такъ думалось мнѣ, — стукнетъ раза три-четыре и опять, исполнивъ эту обязанность, уляжется спать. Однажды только среди ночной тишины удары Яшки раздались точно громъ канонады: на слѣдующее утро оказалось, что ночью „на маломъ верху киржаки произвели не малую драку“, — стало-быть, являлось высшее тюремное начальство.

Удары эти доставались Яшкѣ не дешево. „Ноги вовсе у него попухли, — говорилъ мнѣ Михеичъ, — а все вѣдь неймется“.

На третій день нашего заключенія мы потребовали у начальства, чтобы насъ отпускали гулять, и насъ приказано было отпускать „послѣ повѣрки“, когда остальные заключенные запираются въ камеры на ночь. Это-то время я рѣшился употребить для пріобрѣтенія ближайшаго знакомства съ Яшкой.

II.

Звонокъ. „Становись на повѣрку!“

Въ подслѣдственномъ отдѣленіи все стихло. Гдѣ-то далеко, въ третьемъ или четвертомъ корридорѣ, лязгнула дверь, послышались раскаты, точно рокотъ далекаго наводненія. „Повѣрка“ толпой ввалилась въ наше отдѣленіе. Яшка принялся за свое дѣло.

Когда „повѣрка“ обошла наши камеры и поднялась на „малый верхъ“, Михеичъ отворилъ нашу дверь. Корридорный арестантъ подслѣдственнаго отдѣленія, Меркурій, исполняющій обязанности „парашечника“, убирающій камеры и бѣгающій на посылкахъ у „привилегированныхъ“ арестантовъ, явился въ нашу камеру съ самоваромъ. Пока „повѣрка“ не ушла совсѣмъ, Михеичъ просилъ насъ для „порядку“ не выходить въ корридоръ.

Вотъ „повѣрка“ сходитъ по лѣстницѣ. Наша дверь не затворена, и намъ ясно слышны не только удары Яшки, но и его возгласы:

— Беззаконники! — кричалъ Яшка, когда „повѣрка“ проходила мимо его двери. — Пошто держитѐ, пошто моритѐ меня? Сказывайте, слуги антихристовы!

Я вспомнилъ надпись надъ Яшкиной дверью. Неужто, мелькнуло у меня въ умѣ,—это недоразумѣніе? Неужто этотъ человѣкъ, запертый, наглухо заколоченный въ эту ужасную дыру, въ этотъ гробъ, вовсе не умалишенный и способенъ сознавать весь ужасъ своего положенія?..

— За что это Яшку держатъ въ одиночкѣ, да еще такъ строго?—спросилъ я Меркурія.

— Человѣка убилъ, каторжникъ бѣглый, — вмѣшался Михеичъ тономъ убѣжденнаго человѣка.

— Нѣ-ѣтъ,—протянулъ Меркурій,—что ты, Михеичъ! Что попустому говорить! Неизвѣстно это,—обратился онъ ко мнѣ.— Званія своего, фамиліи, напримѣръ, онъ не открываетъ. Сказываютъ такъ, что за непризнаніе властей былъ сосланъ. Убёгъ ли, што ли, этого доподлинно не могу знать...

— Надъ его дверью написано, что онъ сумасшедшій?

— Приставляется,—сказалъ Михеичъ, по-своему, кратко и утвердительно.

— Нѣ-ѣтъ... опять же и это... кто знаетъ! Можетъ, и не сумасшедшій,—сказалъ опять Меркурій какъ-то уклончиво.— Собственно держатъ его въ одиночкѣ за непризнаніе властей, за грубость. Полицмейстеръ ли, кто ли придетъ, хоть тутъ самъ губернаторъ приходи,—онъ и ему грубость окажетъ. Все

свое: „беззаконники, да слуги антихристовы!“ Вотъ черезъ это самое... А то раньше свободно онъ ходилъ по всей даже тюрьмѣ безъ препятствій...

— А зачѣмъ онъ стучитъ?

— И опять же, какъ сказать... Собственно для обличенія!..

Меркурій ушелъ. Мы заварили чай и вышли „на прогулку“ въ корридоръ. Вдали, гдѣ-то въ третьемъ корридорѣ, слышались еще шаги удалявшейся „повѣрки“. У Яшкина оконца виднѣлись усы, часть бороды, конецъ носа. Яшка стоялъ неподвижно и будто чего-то ждалъ.

Вдругъ дверь опять заколебалась отъ неистовыхъ ударовъ.

— Зачѣмъ ты это, Яковъ, стучишь? Кто тебя слышитъ? Вѣдь никого нѣтъ!—сказалъ я.

— Эвона! — отвѣчалъ Яшка серьезно, мотнувъ головой по направленію къ окну корридора, черезъ которое виднѣлся противоположный фасадъ расположеннаго четыреугольникомъ зданія и въ немъ сквозной просвѣтъ высокой двери, ведущей на другой дворъ.

Въ этомъ просвѣтѣ маячила въ сумеркахъ фигура послѣдняго солдата „повѣрки“. Фигура вскорѣ исчезла. Яшка счелъ возможнымъ прекратить стукъ и обратился ко мнѣ.

Онъ нагнулся, чтобы окинуть меня внимательнымъ взглядомъ изъ-за своего оконца. Мнѣ все не удавалось увидѣть его лицо въ цѣломъ. Теперь на меня глядѣли сѣрые, выразительные глаза, слегка лишь подернутые какою-то мутью, какъ у сильно утомленнаго человѣка. Лобъ былъ высокій и по временамъ собирался въ рѣзкія — не то гнѣвныя, не то скорбныя—складки. Повидимому, Яшка былъ высокъ ростомъ и очень крѣпко сложенъ. Лѣтъ, вѣроятно, было ему около пятидесяти.

— Што будешь за человѣкъ?—спросилъ онъ.—Куда тебя гонятъ?

Я назвалъ себя и сообщилъ, куда меня гонятъ.

— А тебя какъ зовутъ?—спросилъ я.

— Былъ Яковъ... Яковомъ звали.

— А величаютъ какъ? Родомъ откуда?

Яковъ взглянулъ на меня съ какимъ-то подозрительнымъ вниманіемъ и, помолчавъ, отвѣтилъ кратко:

— Забылъ *).

Понемногу мы разговорились.

Какъ арестантъ, содержимый на особыхъ правахъ, въ „вольной одеждѣ“ и т. п., я представлялъ для Яшки явле-

---

*) Послѣ я узналъ, что родомъ онъ изъ Пермской губерніи.

ніе несовсѣмъ обычное. Передо мною же былъ обыкновенный заключенный, говорившій сдержанно, ровно, вообще, въ будничномъ настроеніи.

— Безпокойно тебѣ,—стучу я этто. Нечего, привыкнешь,— говорилъ онъ, усмѣхаясь.—Ночью тише же стучу я, не громко. На росписку сюда слуга-то антихристовъ является, такъ ему я это постукиваю.

— Скажи мнѣ, Яковъ, зачѣмъ ты стучишь?—спросилъ я.

Яковъ вскинулъ на меня своими большими глазами, и въ голосѣ его, когда онъ отвѣчалъ, послышалась какая-то „обрядная“ важность:

— Стою за̀ Бога, за великаго Государя, за Христовъ законъ, за святое крещеніе, за все отечество и за всѣхъ людей.

Я нѣсколько удивился, что, повидимому, не ускользнуло отъ вниманія Якова.

— Обличаю начальниковъ,—пояснилъ онъ,—начальниковъ неправедныхъ обличаю. Стучу.

— Какая же отъ этого польза?

— Польза? Есть польза...

— Да какая же? Въ чемъ?

— Есть польза, — повторилъ онъ упрямо. — Ты слушай ухомъ: стою за Бога, за великаго Государя...—и онъ цѣликомъ повторилъ свою формулу.

Я понялъ теперь: Яковъ не искалъ реальныхъ, осязательныхъ послѣдствій отъ своего стучанія для того дѣла, за которое онъ „стоялъ“ столь неуклонно среди глухихъ стѣнъ и не менѣе глухихъ къ его обличеніямъ людей; онъ видѣлъ „пользу“ уже въ самомъ фактѣ „стоянія“ за Бога и за великаго Государя, стало-быть, поступалъ такъ „для души“.

— А за что тебя держатъ? — спросилъ я далѣе.

— За что?.. Без-законники! — заговорилъ Яшка и возбужденно завозился за своею дверью. — За что держатъ? Скажи вотъ: безо всякаго преступленія... Нѣтъ моего преступленія ни въ чемъ. А и было бы преступленіе, такъ развѣ имъ судить?.. Богъ суди!

— Человѣка ты убилъ, — сказалъ Михеичъ, внимательно слушавшій нашъ разговоръ. — Пошто приставляешься?

— Неправда, неправда,—заговорилъ Яшка какимъ-то страдальчески-возбужденнымъ голосомъ. — Ишь чего выдумали, беззаконники! Неправда, не вѣрь имъ, Володимеръ, не вѣрь слугамъ антихристовымъ! Нѣтъ моего никакого преступленія. Отрекись, вишь, отъ Бога, отъ великаго Государя, тогда отпустимъ. Гдѣ же отречься?.. Невозможно мнѣ. Самъ знаешь: кто отъ Бога, отъ истиннаго правъ-закону отступитъ, —

мертвъ есть. Плотью-то онъ живетъ, а души въ немъ живой нѣту...

Въ это время изъ темнаго корридора, подъ прямымъ угломъ примыкавшаго къ нашему, показалась маленькая фигурка въ сѣромъ пальто съ мѣдными пуговицами. Я узналъ „старшаго“. Сѣдая тюремная крыса точно выползала изъ норы за добычей. Старикъ крался, прижимаясь вдоль стѣны, чтобы Яшка не могъ его увидѣть изъ своей конурки. Въ рукахъ у него была тетрадь и карандашъ. Каждый вечеръ онъ клалъ эту тетрадь на окно корридора и ночью обязанъ былъ нѣсколько разъ написать въ ней: „былъ въ такомъ-то часу“. Въ эти-то часы и раздавалось тихое постукиваніе Яшки.

— Отопри „малый верхъ“,—шепнулъ Михеичу „старшій“, быстро шмыгнувъ мимо Яшкиной двери.

Михеичъ сталъ тихо снимать засовъ съ двереи, которыя вели на лѣстницу съ надписью: „Входъ на малый верхъ“. На этомъ „верху“ находилась особая воровская колонія. О ней такъ и говорили: „Ноньче въ воровской драка приключилась“. — „Воры-то ночью за картами развозились“. Этотъ „верхъ“ не даромъ носилъ названіе „малаго“. Дѣло въ томъ, что тюрьма была разсчитана на число жителей чуть не на половину менѣе того, какое въ ней находилось въ дѣйствительности. Пришлось поэтому пуститься на хитрости, и вотъ губернская архитектура кое-какъ приляпала къ высокимъ камерамъ новые потолки, значительно ихъ понизившіе и послужившіе поломъ для „малаго верха“. Часть высокихъ оконъ, отхваченная этими антресолями, пришлась, такимъ образомъ, въ „маломъ верху“ и получила назначеніе снабжать его свѣтомъ. Нечего говорить, что назначеніе это исполнялось далеко не удовлетворительно, и воровской „малый верхъ“ представлялъ помѣщеніе, совершенно невозможное въ гигіеническомъ отношеніи.

— Тутъ у васъ ничего еще, — говорилъ мнѣ Меркурій о нашихъ помѣщеніяхъ. — Тутъ и хорошему, образованному человѣку прожить мало-мало можно... А вотъ, въ воровской— не приведи Господи! Вонько, темно, сыро... Чистая смерть!..

Чтобы нѣсколько вознаградить за отсутствіе воздуха и свѣта, начальство тюрьмы дало ворамъ нѣкоторыя льготы. Они, напримѣръ, не запирались по камерамъ и ночью, такъ какъ даже при сибирскихъ взглядахъ на правила гигіены оказалось невозможнымъ ставить у воровъ на ночь зловонныя „парашки“. Такимъ образомъ, начавъ задыхаться въ одной камерѣ, жилецъ воровского „малаго верха“ могъ для разнообразія отправиться задыхаться въ другую. Какъ бы

то ни было, „малый верхъ“ вознаграждалъ за нѣкоторыя неудобства жилища широкимъ развитіемъ общественности. По ночамъ оттуда слышался шумный говоръ, по временамъ неслись отчаянные крики. Тогда призывалось начальство, иногда даже военный конвой, и расшумѣвшіеся „воры“ накрывались за картежомъ или пьянствомъ, подобно разодравшимся воробьямъ, которыхъ берутъ руками мальчишки.

Итакъ, Михеичъ сталъ тихо снимать засовъ, и „старшій“, расписавшись въ тетради, опять было прошмыгнулъ мимо Яшкиной двери, направляясь на лѣстницу. „За водкой... — шепнулъ мнѣ Михеичъ: — воры въ карты дуются, водку пьютъ... накроетъ“.

Но въ этотъ критическій моментъ, когда старый тюремный хищникъ сталъ подыматься на лѣстницу, Яшка, какимъ-то чутьемъ угадавшій присутствіе одного изъ „беззаконниковъ“, внезапно загремѣлъ своею дверью. Старикъ вздрогнулъ, точно ошпаренный. Я ясно представилъ себѣ, какъ болѣзненно задѣло его напряженные нервы это неожиданное громовое вмѣшательство. Онъ подпрыгнулъ на мѣстѣ, точно его захлопнуло западней, заёрзалъ, попытался было броситься на верхъ, но, сообразивъ, что дѣло потеряно, и воры успѣли все припрятать, возвратился назадъ.

— Запри! — изнеможенно обратился онъ къ Михеичу. — О, Яшка, Яшка! — прошипѣлъ онъ, обращаясь къ дверямъ: — кажется, ежели могъ бы, вотъ какъ бы тебя растеръ, проклятаго, вотъ какъ!..

Онъ сжалъ свои кулачонки и сталъ ихъ тереть другъ о друга, какъ бы воображая, что Яшка находится между ними и испытываетъ процессъ растиранія.

Яшка появился у своей двери, очевидно, довольный, что ударъ, направленный во имя Господне чисто наудачу, попалъ въ цѣль такъ мѣтко.

— Не любо тебѣ, беззаконникъ? — гремѣлъ онъ въ догонку.—Долго ли держать меня будете, слуги антихристовы?..

— Пос-с-той, пог-год-ди! — шипѣлъ „беззаконникъ“, пораженный въ наболѣвшее мѣсто, и бросилъ при этомъ на насъ косвенные взгляды, какъ будто между нашимъ присутствіемъ и необходимостью для Яшки „погодить“ была нѣкоторая необъяснимая связь.

Смыслъ этого „погоди“ былъ совершенно ясенъ: Яшка былъ во власти этой старой тюремной крысы, одинъ, безъ союзниковъ, и, тѣмъ не менѣе, онъ жестоко измучилъ того, отъ кого вполнѣ зависѣлъ. А онъ именно его измучилъ. Для меня стала очевидною та странная связь, которая установи-

лась между Яшкой, запертымъ въ одиночкѣ, и державшими его „беззаконниками“. Казалось бы, заперли Яшку—и дѣлу конецъ: его можно игнорировать. Но онъ успѣлъ своимъ неукротимымъ протестомъ раздражить ихъ нервы, натянуть ихъ до болѣзненной воспріимчивости къ этому стуку, и торжествовалъ надъ связавшими его по рукамъ и по ногамъ врагами. Побѣжденный физически, онъ считалъ себя не сдавшимся побѣдителю, пока еще „Господь поддерживаетъ его“ въ единственно возможной формѣ борьбы: „Стучу вотъ“. Въ этомъ онъ видѣлъ свою миссію и свое торжество.

— И всегда такъ-то: стучитъ безъ толку... Ужъ именно что безъ пользы, одинъ вредъ себѣ получаетъ... — говорилъ Михеичъ, запирая ходъ на лѣстницу. — Что толку въ стукѣ? Ну, вотъ, заперли его, въ карцерѣ сколь перебывалъ, нарукавники надѣвали,—все неймется. Погоди,—обратился Михеичъ къ Яшкѣ: — въ сумасшедшій домъ свезутъ, тамъ недолго настучишь! Тамъ тебя устукаютъ получше Тимошки.

— Хоть куда отдавай, все едино! Меня не испугаешь, — отвѣчалъ Яшка.—Я за Бога, за великаго Государя стою,— за Бога, слуги антихристовы, стою! Слышишь? Думаете: заперли, такъ ужъ я вамъ подверженъ?—Нѣ-ѣтъ! Стучу, вотъ, слава-те, Господи, Царица Небесная... поддерживаетъ меня Богъ-отъ! Не подверженъ я антихристу.

— Нарукавники тебѣ... связать тебя, стукальщика, да и держать этакъ... Не сталъ бы стучать...

Осеннія сумерки, выползая изъ угловъ старой тюрьмы, все болѣе и болѣе сгущались въ корридорахъ.

— На молитву пора, — сказалъ мнѣ Яковъ, — прощай!

Онъ отошелъ отъ двери и, когда я, спустя нѣкоторое время, взглянулъ въ его оконце, онъ уже „стоялъ на молитвѣ“. Его окно было завѣшено какими-то тряпками, сквозь которыя скудно прорывался полусвѣтъ наступающаго вечера. Фигура Яшки рисовалась на этомъ просвѣтѣ чернымъ пятномъ. Онъ творилъ крестныя знаменія, причемъ какъ-то судорожно, рѣзко подавался туловищемъ впередъ и затѣмъ подымался нѣсколько тише. Его точно „дергало“.

Мы съ товарищемъ прохаживались по темнѣющимъ корридорамъ. Подходя къ Тимошкиной двери, мы слышали мѣрное, точно заупокойное чтеніе. Изъ двери еврея вмѣстѣ съ дикими, стонущими звуками неслись убійственные міазмы. Въ сосѣдней съ нимъ камерѣ каторжникъ, помѣщенный сюда, опять-таки за недостаткомъ мѣста совершалъ свою обычную прогулку, гремя кандалами, а на верху гоготали и шумно возились воры. Остальныя камеры хранили безмолвіе наступаю-

щаго сна. Двое бродягъ, сидѣвшихъ вмѣстѣ, варили что-то въ печуркѣ. Это, очевидно, были любители „очага“. Весь день употребляли они на розыски щепокъ и всякой дряни, которую подбирали на тюремныхъ дворахъ, на послѣднія деньжонки покупали „крупокъ“ и вечеромъ, когда всѣхъ запирали, они разводили въ своей печкѣ огонь. Въ эти минуты я иногда подходилъ къ ихъ двери и тихонько заглядывалъ въ нее, такъ, чтобы не нарушить ихъ мирнаго наслажденія. Одинъ, суровый бродяга, лѣтъ за сорокъ, сидѣлъ прямо противъ печки, обхвативъ колѣни руками, внимательно слѣдя за огнемъ и за маленькимъ горшечкомъ, въ которомъ варилась крупка. Другой приволакивалъ къ печкѣ свой тюфякъ и ложился на него лицомъ къ огню, положивъ подбородокъ на руки. Это былъ почти еще мальчикъ, съ блѣднымъ, тюремнаго цвѣта лицомъ и большими выразительными глазами. Онъ, очевидно, мечталъ. Огонекъ потрескивалъ, вода въ горшечкѣ шипѣла и бурлила, а въ камерѣ царило глубокое молчаніе. Бродяги точно боялись нарушить музыку импровизированнаго очага тюремной каморки... Затѣмъ, когда огонекъ потухалъ и крупка была готова, они вынимали горшокъ и братски дѣлили микроскопическое количество каши, которая, казалось, имѣла для нихъ скорѣе нѣкоторое символическое, такъ сказать—сакраментальное значеніе, чѣмъ значеніе питательнаго матеріала.

Въ самой крайней камерѣ, служившей какъ бы продолженіемъ корридора, жильцы безпрестанно смѣнялись.

Эта камера не отличалась отъ другихъ ничѣмъ, кромѣ своего назначенія, да еще развѣ тѣмъ, что въ ея дверяхъ не было оконца, которое, впрочемъ, удовлетворительно замѣнялось широкими щелями. Заглянувъ въ одну изъ этихъ щелей, я увидѣлъ двухъ человѣкъ, лежавшихъ въ двухъ концахъ камеры, безъ тюфяковъ, прямо на полу. Одинъ былъ завернутъ въ халатъ съ головою и, казалось, спалъ. Другой, заложивъ руки за голову, мрачно смотрѣлъ въ пространство. Рядомъ стояла нагорѣвшая сальная свѣчка.

— Антипка! — заговорилъ вдругъ послѣдній и, вздрогнувъ, точно отъ прорвавшейся тяжелой, мучительной мысли, сѣлъ на полу.

Другой не шевелился.

— Антипка, иродъ!.. Отдай, слышь... Думаешь, вправду у меня пятьдесятъ рублей?.. Лопни глаза, послѣдніе были...

Антипка притворялся спящимъ.

— У-у, подлая душа! — произноситъ арестантъ и изнеможенно опускается на свое жесткое ложе; но вдругъ онъ опять подымается съ злобнымъ выраженіемъ.

— Слышь, Антипка, не шути, подлецъ! Убью!.. Ни на што не посмотрю... Самъ пропаду, а ужъ пришью тебя, каиново отродье.

Антипка всхрапываетъ сладко, протяжно, точно онъ покоится на мягкихъ пуховикахъ, а не въ карцерѣ рядомъ съ злобнымъ сосѣдомъ; но мнѣ почему-то кажется, что онъ дѣлаетъ подъ своимъ халатомъ нѣкоторыя необходимыя приготовленія.

— Кержаки это... разодрались ночесь на маломъ верху,— поясняетъ мнѣ Михеичъ,—вотъ смотритель въ карцеръ обоихъ и отправилъ. Антипъ этотъ деньги, што ли, у Ѳедора укралъ. Два рубля денегъ, сказываютъ, стянулъ.

— Какъ же это ихъ вмѣстѣ заперли? Вѣдь они опять раздерутся?

— Не раздерутся, — отвѣтилъ Михеичъ, многозначительно усмѣхнувшись.—Помнятъ!.. Нашъ на это—бѣда, нетерпѣливъ! „Посадить ихъ, говоритъ, вмѣстѣ, а подеретесь тамъ, курицыны дѣти, ужъ я вамъ тогда кузиньку мать покажу. Сами знаете...“ Знаютъ... Прямо сказать: со свѣту сживетъ. Въ та-акое мѣсто упрячетъ... Это что? — только слава одна, что карцеромъ называется. Вонъ зимой карцеръ былъ, то уже можно сказать. Сутки если въ немъ который просидитъ, бывало, такъ ужъ прямо въ больницу волокутъ. День поскрипитъ, другой, а тамъ и кончается.

Мнѣ привелось увидѣть этотъ карцеръ, или, вѣрнѣе, не увидѣть, а почувствовать, ощутить его... Мнѣ будетъ очень трудно описать то, что я увидѣлъ, и я попрошу только повѣрить, что я, во всякомъ случаѣ, не преувеличиваю.

На квадратномъ дворикѣ по угламъ стоятъ четыре каменныя башенки, старыя, покрытыя мхомъ, какія-то склизкія, точно оплеванныя. Онѣ примыкаютъ вплоть ко внутреннимъ угламъ четыреугольнаго зданія, и ходъ въ нихъ — съ корридоровъ. Проходя по нашему корридору, я увидѣлъ дверь, ведущую, очевидно, въ одну изъ башенокъ, и нашъ Меркурій сказалъ мнѣ, что это ходъ въ бывшій карцеръ. Дверь была не заперта, и мы вошли.

За нами въ корридорѣ было темно, въ этомъ помѣщеніи — еще темнѣе. Откуда-то сверху сквозилъ слабый лучъ, расплывавшійся въ холодной сырости карцера. Сдѣлавъ два шага, я наткнулся на какіе-то обломки. „Кубъ здѣсь былъ раньше,— пояснилъ мнѣ Меркурій, — кипятокъ готовился, сырость отъ него осталась,—бѣда! Тѣмъ болѣе, печки теперь не имѣется...“ Что-то холодное, проницающее насквозь, затхлое, склизкое и гадкое составляло атмосферу этой могилы... Зимой она, оче-

видно, промерзала насквозь... Вотъ она—„кузькина-то мать!“ подумалъ я.

Когда я, отуманенный, вышелъ изъ карцера, тюремная крыса, исполнявшая должность „старшаго“, опять крадучись, ползла по корридорамъ отбирать отъ надзирателей на ночь ключи въ контору, и опять Яшка безстрашно заявлялъ ей, что онъ все еще продолжаетъ стоять за Бога и за великаго Государя...

„О, Яшка,—думалъ я, удаляясь на ночь въ свою камеру,— во-истину безстрашенъ ты человѣкъ, если видалъ уже „кузькину мать“ и не убоялся!..“

III.

— Отчего у Яшки въ камерѣ такъ темно и холодно?— спросилъ я, замѣтивъ, что въ его камерѣ темно, какъ въ могилѣ, и изъ его двери дуетъ, точно со двора.

— Рамы, пакостникъ, вышибаетъ,—отвѣтилъ Михеичъ.— Безпокойный, бѣда!.. А темно потому, что снаружи окно тряпками завѣшано,—отъ холоду. Стекла повышибетъ, тряпками завѣситъ,—все теплѣе будто!.. Ну, не дуракъ? „Для Бога, для великаго Государя“. Кому надобность, что у тебя стеколъ нѣтъ...

И Михеичъ презрительно пожалъ плечами.

Съ тѣмъ же вопросомъ я обратился къ Яшкѣ.

— Видишь ты,—серьезно отвѣтилъ онъ:—беззаконники хладомъ заморить меня хотятъ, потому и раму не вставляютъ.

— Зачѣмъ же ты ее вышибъ?

— Не вышибъ я, нѣтъ!.. Зачѣмъ вышибать?.. Вижу: идутъ ко мнѣ слуги антихристовы людно. Не съ добромъ идутъ— съ нарукавниками. Самъ знаешь: живъ человѣкъ смерти боится. Я на окно-то отъ нихъ... за раму-то, знаешь, и прихватился. Стали они тащить, рама и упади... Вотъ!.. Что подѣлаешь. Согрѣшилъ: нарукавниковъ испужался...

Нѣсколько словъ объ этихъ нарукавникахъ.

Идея нарукавниковъ—идея цѣлесообразная и, если хотите, даже гуманная. Чтобы буйный или бѣшеный субъектъ не могъ нанести своими руками вредъ себѣ или другимъ, руки эти должны быть лишены свободы дѣйствій съ возможнымъ притомъ избѣжаніемъ членовредительства. Для этой цѣли надѣваются крѣпкіе кожаные рукава, коими руки притягиваются къ туловищу. Чтобъ удержать ихъ въ этомъ положеніи, рукава стягиваются двумя крѣпкими ремнями, которые двумя кольцами охватываютъ спину и грудь. Въ чистомъ видѣ идея нарукавниковъ имѣетъ только предупредительный характеръ, и если Михеичъ грозитъ ими, какъ чѣмъ-то на-

казующимъ и мстящимъ, то это свидѣтельствуетъ еще разъ печальную истину, что грубая дѣйствительность искажаетъ всякія идеи. Надо, впрочемъ, сознаться, что этому искаженію въ весьма значительной мѣрѣ способствуетъ самое устройство нарукавниковъ, легко допускающее возможность многихъ „преувеличеній". Пряжки, напримѣръ, стягивающія ремни, могутъ быть затянуты въ мѣру, не болѣе того, сколько требуется самою идеей притяженія рукъ къ ребрамъ, но онѣ также могутъ быть затянуты и съ преувеличеніемъ, причемъ пострадаютъ и ребра *). Если принять въ соображеніе, что рѣдко—вѣрнѣе никогда—субъектъ не обнаруживаетъ стремленія надѣть ихъ добровольно и что, стало-быть, ихъ надѣваютъ силой, то станетъ понятно, почему Яшка приравнивалъ процессъ надѣванія нарукавниковъ къ смерти.

IV.

Среда арестантовъ относилась къ Якову довольно равнодушно. Былъ, впрочемъ, одинъ остроумецъ, приходившій чуть не ежедневно изощрять на заключенномъ „въ темницѣ" (на этотъ разъ употребляю это выраженіе въ буквальномъ значеніи) свое тяжелое скоморошество.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ остроумцевъ, какихъ много и не въ острогѣ. Субъектъ этотъ наложилъ, повидимому, на себя тяжелый искусъ развлекать публику балагурствомъ, въ которомъ было очень мало юмора, еще меньше веселья и ужъ вовсе не было смысла. Это было просто какое-то напряженное словоизверженіе, поддерживаемое съ усиліемъ, достойнымъ болѣе веселаго дѣла, по временамъ оскудѣвавшее и вновь напрягаемое, пока, наконецъ, самъ остроумецъ не впадалъ отъ этихъ усилій въ нѣкоторое яростное изступленіе. Впрочемъ, — добрая душа у русскаго человѣка, — слушатели находили возможнымъ награждать безкорыстное „стараніе" вялымъ смѣхомъ.

Яшка почему-то считалъ нужнымъ дѣлать этому скомороху принципіальныя возраженія, громилъ слугъ антихриста, ссылался на авторитетъ „енералъ-губернатора" (который, по его убѣжденію, стоялъ за него, хотя почему-то безуспѣшно),

---

*) Я не говорю уже о завѣдомыхъ посягательствахъ на самое устройство нарукавниковъ. Бываютъ и такія. Такъ, напримѣръ, иногда къ нимъ прибавляютъ еще ремень, притягивающій шею книзу. Это ничѣмъ не оправдываемое прибавленіе даетъ въ результатѣ уже несомнѣнное членовредительство. Я зналъ здороваго парня, у котораго послѣ пятичасового пребыванія въ нарукавникахъ съ этимъ добавленіемъ кровь бросилась горломъ, и грудь оказалась радикально испорченною.

вообще, металъ свой бисеръ, попиравшійся самымъ безтолковымъ образомъ.

— Енералъ-губернаторъ! — грохоталъ остроумецъ сиплымъ голосомъ настоящаго пропойцы, — вишь, чѣмъ удивить вздумалъ!.. Мы и сами въ настранницкихъ племянникахъ состоимъ... Хо-хо-хо! Не слыхивалъ еще, такъ слушай, развѣсь уши-то пошире. А то съ енералъ-губернаторомъ выѣхалъ. Ха-ха-ха!

Когда Яковъ замѣчалъ, что возраженія „настранницкаго племянника“ являются однимъ сквернословіемъ, то онъ плевалъ и уходилъ отъ грѣха. Но „настранницкій племянникъ“, успѣвшій достаточно раскалиться на огнѣ собственнаго остроумія, начиналъ бить ногою въ Яшкину дверь, мѣшая Яшкѣ „стоять на молитвѣ“. Къ этому присоединялся обыкновенно пронзительный голосъ музыкальнаго еврея, сочувственно откликавшагося на всякіе сильные звуки, и въ результатѣ выходилъ такой раздирательный концертъ, что Михеичъ просыпался у своего косяка и укрощалъ разбушевавшагося „настранницкаго племянника“. Тотъ удалялся, впрочемъ, весьма довольный собою. Зрители тоже расходились, зѣвая и вяло поощряя остроумца: „Молодецъ, Соколовъ! За словомъ въ карманъ не полѣзетъ!“

Были, однако, нѣкоторые признаки, указывавшіе, что гдѣ-то въ острогѣ, среди этихъ однообразныхъ сѣрыхъ халатовъ, въ грязныхъ камерахъ, у Яшки были, если не союзники, то люди, понимавшіе подвигъ неуклоннаго стучанія и сочувствовавшіе его „обличеніямъ“. Однажды, проходя по коридору, я увидѣлъ у Яшкиной двери высокаго старика въ арестантскомъ сѣромъ халатѣ. У него были сѣдые волосы и серьезное лицо, суровость котораго нѣсколько смягчалась какимъ-то особеннымъ „болѣзнымъ“ выраженіемъ. Въ отношеніи къ Якову онъ держался съ видимымъ уваженіемъ. Они о чемъ-то разговаривали у оконца негромко и серьезно.

— Вѣрно тебѣ сказываю, — говорилъ Якову старикъ. — Ефремъ рѣшенъ и Сидоръ тоже рѣшенъ. Сказываютъ, въ свою губернію по этапу отправлять будутъ... А твое, вишь, дѣло...

Конца фразы я не разслышалъ. Когда я проходилъ обратно, Яковъ, съ которымъ я уже былъ знакомъ довольно близко, указалъ на меня, и старикъ поклонился, но затѣмъ опять припалъ къ окошечку. Мнѣ не удалось болѣе увидѣть этого арестанта. Очевидно, онъ заходилъ сюда изъ какого-нибудь другого отдѣленія.

Однажды я далъ корридорному денегъ, прося купить Якову что̀ ему нужно. Тотъ не понялъ и передалъ деньги непосредственно. Послѣ этого Яковъ остановилъ меня, когда я проходилъ по корридору.

— Слышь, Володимеръ,—сказалъ онъ.—Спасибо тебѣ. Милостинку ты Христову сотворилъ, далъ корридорному для меня... Да, видишь вотъ: не беру я *ихъ*. Прежде, на міру, грѣшилъ, бралъ въ руки, а теперь не беру! Вотъ онѣ тутъ на полу и валяются. А ты хлѣбную милостинку сотвори! Изъ теплыхъ рукъ хлѣбная милостинка благопріятнѣе. Ироды-то меня на полуторной порціи держатъ. Самъ знаешь, что въ ей, въ полуторной-то порціи... Просто сказать, что гладомъ изводятъ. Ну, да не вовсе еще Богъ отъ меня отступился, — добрые люди поддерживаютъ: вчера кто-то два ярушничка спустилъ на веревочкѣ сверху-то. Спасибо, не оставляютъ православные христіане.

Какъ бы то ни было, хотя эти факты указываютъ на нѣкоторое сочувствіе среды, тѣмъ не менѣе, въ самыя страшныя минуты, когда живая Яшкина душа содрогалась отъ дыханія близкой смерти и заставляла его судорожно хвататься за рамы и за холодныя рѣшетки тюремнаго оконца,—въ эти минуты душу эту несомнѣнно должно было подавлять сознаніе страшнаго, ужасающаго одиночества...

Былъ ли Яшка сумасшедшій?—Конечно, нѣтъ. Правда, сибирская психіатрія рѣшила этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ, и Яшкѣ предстояло вскорѣ испытать тѣ же упрощенные пріемы лѣченія, какіе испыталъ остякъ Тимошка. Тѣмъ не менѣе, я не сомнѣваюсь, что Яшка былъ вовсе не сумасшедшій, а подвижникъ.

Да, если въ нашъ вѣкъ есть еще подвижники строго-послѣдовательные, всѣмъ существомъ своимъ отдавшіеся идеѣ (какова бы она ни была), неумолимые къ себѣ, „не вкушающіе идоложертвеннаго мяса“ и отвергшіеся всецѣло отъ грѣховнаго міра, то именно такой подвижникъ находился за крѣпкою дверью одной изъ одиночекъ подслѣдственнаго отдѣленія.

— Есть семья у тебя?—спросилъ я однажды Якова.

— Была... — отвѣтилъ онъ сурово. — Была семья у меня, было хозяйство, все было...

— А теперь живы ли дѣти твои?

— Богъ знаетъ... Какъ Богъ хранитъ... Не знаю...

— Тоскливо, должно быть, за своими тебѣ, за домашними? Можетъ письмо тебѣ написать?

— Нѣтъ, не тоскливо,—мотнулъ онъ головой, какъ бы отбиваясь отъ тягостныхъ мыслей.—Одно вотъ развѣ: какъ бы имъ устоять, отъ правъ-закону не отступить,—объ этомъ крушусь наипаче...

Нѣсколько времени онъ сурово молчалъ за своею дверью.

— На міру душа спасти,—проговорилъ онъ задумчиво, —

и нѣтъ того лучше... Да трудно. Осилитъ, осилитъ міръ-отъ тебя. Не тѣ времена нонѣ... Нонѣ вмѣстѣ жить, такъ отецъ съ сыномъ, обнявши, погибнете и мать съ дочерью... А душу не соблюсти. Охъ, и тутъ трудно, и одному-те... ахъ, не легко! Лукавый путаетъ, искушаетъ... ироды смущаютъ... Хладомъ, гладомъ морятъ. „Отрекись отъ Бога, отъ великаго Государя“... Скорбитъ душа-те, — охъ, скорбитъ тяжко!.. Плоть немощная прискорбна до смерти.

Тѣмъ не менѣе, легче было бы даже Михеича совратить съ пути, на которомъ онъ обрѣлъ свое прочное душевное равновѣсіе, чѣмъ заставить Яшку свернуть съ тернистой тропинки, гдѣ онъ встрѣчалъ однѣ горести... Казалось, онъ не доступенъ ни страху, ни лести, ни угрозѣ, ни ласкѣ.

Какъ-то однажды, въ прекрасный, но довольно холодный день поздней уже сибирской осени, Яшка къ обычнымъ своимъ обличеніямъ во время повѣрки прибавилъ новое:

— Пошто меня хладомъ изводите, пошто раму мнѣ, слуги антихриста, не вставляете?

На слѣдующій день была вставлена рама. Теплѣе и свѣтлѣе стало въ комнатѣ Яшки, но вечеромъ онъ стучалъ столь же неуклонно. Эта черная неблагодарность поразила „его благородіе“ до глубины возмущенной души.

— Подлецъ ты, Яшка, истинно подлецъ!—произнесъ смотритель укоризненно, остановившись противъ Яшкиной двери.— Я тебѣ раму вставилъ, а ты опять за прежнее принимаешься.

— Беззаконникъ ты!—загремѣлъ Яшка въ отвѣтъ. — Что ты меня рамой обвязать, что ли, хочешь?... Душу рамой купить?.. Нѣтъ, врешь, не обвязалъ ты меня рамой своей, еще я тебѣ не подверженъ. Для себя раму ты вставилъ, не для меня. Я безъ рамы за Бога стоялъ и съ рамой все одно постою же...

И дверь загремѣла бодрою частою дробью.

— Слыхалъ?—говорилъ мнѣ послѣ этого Яшка съ глубокимъ презрѣніемъ:—беззаконникъ-то на какую хитрость поднялся? Раму, говоритъ, вставилъ, — за раму отступись отъ Бога, отъ великаго Государя!.. Этакъ вотъ другой иродъ изъ начальниковъ тоже меня сомущалъ!.. Калачами!.. Привели меня съ партіей въ Тюмень. Смотритель купилъ два калача, подаетъ милостинку, да и говоритъ: „вотъ, баетъ, тебѣ Христова милостинка, два калача, — только ужъ ты меня слушайся. У меня чтобъ въ смиреніи“... Слыхалъ? — „Милостинку я молъ возьму. Она Христовымъ именемъ принимается... Хоть самъ сатана принеси, и отъ того возьму... А тебѣ, беззаконнику, я не подверженъ“. Нѣ-ѣтъ! Меня лестью

не купишь. Слава Тебѣ, Господи, поддерживаетъ меня Царица Небесная. Стучу вотъ!..

Что же это за „правъ-законъ“, за который Яшка принималъ свое страстотерпство?

Привелось мнѣ какъ-то писать оффиціальное заявленіе, для чего я былъ вызванъ въ тюремную контору. Меня посадили за столъ, дали бумагу, перо и предоставили сочинять мое заявленіе подъ шумъ обычныхъ конторскихъ занятій. Въ это время „принимали новую партію“. Письмоводитель выкликалъ по списку арестантовъ и опрашивалъ ихъ званіе, лѣта, судимость и т. д. Смотритель сидѣлъ тутъ же и разсѣянно посматривалъ на принимаемыхъ. Во всемъ этомъ было мало интереснаго для его благородія; для меня — тѣмъ болѣе, поэтому я сочинялъ свое заявленіе, не обращая вниманія на происходившее.

Но вотъ монотонный разговоръ сталъ оживленнѣе. Я поднялъ глаза и увидѣлъ слѣдующую картину.

Передъ столомъ стоялъ человѣкъ небольшого роста въ сѣромъ арестантскомъ халатѣ. Наружность его не отличалась ничѣмъ особеннымъ. Казалось, онъ принадлежалъ къ мелкому мѣщанству, къ тому его слою, который сливается въ маленькихъ городахъ и пригородахъ съ сѣрымъ крестьянскимъ людомъ. Видъ онъ имѣлъ равнодушный, пожалуй, можно бы сказать—апатичный, если бы, порой, по лицу его не пробѣгала чуть замѣтная саркастическая улыбка, а въ глазахъ не вспыхивалъ огонекъ какого-то сознательнаго превосходства или торжества. Но эти проблески были едва уловимы: они пробѣгали, на мгновеніе оживляя неподвижныя черты, на которыхъ тотчасъ опять водворялось выраженіе вялости. Въ передней толпились арестанты. Видимо заинтересованные ходомъ опроса, они тянулись другъ изъ-за друга, вытягивая шеи и слѣдя за разговоромъ сотоварища съ начальствомъ.

— Ты что-жъ не говоришь?—кипятился письмоводитель.— Что молчишь? Ты вѣдь мѣщанинъ изъ Камышина? Вѣдь тутъ, въ твоемъ статейномъ спискѣ, написано ясно. Вотъ!

Письмоводитель ткнулъ пальцемъ въ лежавшую передъ нимъ бумагу и поднесъ ее къ носу арестанта. Тотъ презрительно отвернулся, и огонекъ въ его глазахъ вспыхнулъ сильнѣе

— И ладно, коли написано,—произнесъ онъ спокойно.

— Да ты долженъ отвѣчать. Вѣры какой?

— Никакой.

Смотритель быстро повернулся къ говорившему и посмотрѣлъ на него выразительнымъ, долгимъ взглядомъ. Арестантъ выдержалъ этотъ взглядъ съ тѣмъ же видомъ вялаго равнодушія.

— Какъ никакой? Въ Бога вѣруешь?

— Гдѣ онъ, какой Богъ?.. Ты, что ли, Его видѣлъ?..

— Какъ ты смѣешь такъ отвѣчать? — набросился смотритель.— Я тебя, сукина сына, сгною!.. Мерзавецъ ты этакой!

Мѣщанинъ изъ Камышина слегка пожалъ плечами.

— Что-жъ,—сказалъ онъ. — Было бы за что гноить-то. Я прямо говорю... За то и сужденъ.

— Врешь, мерзавецъ, навѣрное за убійство сужденъ. Хороша, небось, птица!

Мѣщанинъ изъ Камышина сдѣлалъ было движеніе, какъ будто хотѣлъ возражать, но черезъ мгновеніе опять повелъ плечами...

— Тамъ судите, за что сами знаете.

— Какой твой родной языкъ? — продолжаетъ письмоводитель опросъ по рубрикамъ.

— Что еще?—спрашиваетъ опять мѣщанинъ съ пренебреженіемъ.—Какой еще родной?.. Не знаю я...

— Ахъ, ты подлецъ! Вѣдь не по-нѣмецки же ты говоришь. По-русски, чай?

— Слышите сами, по-каковски я говорю.

— Слышимъ-то мы слышимъ, да мало этого. Пойми ты, анаѳема! Надо знать: русскій ты или чувашъ, мордва какая-нибудь. Понялъ?

— Чего понимать?.. Не знаю, — рѣшительно отрѣзалъ мѣщанинъ изъ Камышина.

Письмоводитель убѣдился, что съ камышинскимъ мѣщаниномъ ничего не подѣлаешь, и камышинскій мѣщанинъ былъ отпущенъ. При этомъ смотритель сдѣлалъ многозначительное обѣщаніе:

— Погоди,—сказалъ онъ, провожая атеиста своимъ тюремнымъ взглядомъ.—Мы еще съ тобой, дружокъ, потолкуемъ на досугѣ. Авось разговоришься.

Отъ этихъ словъ мнѣ вчужѣ стало жутко. Арестантъ только пожалъ плечами...

Когда я дописалъ свою бумагу и вышелъ изъ конторы, опросъ партіи еще не былъ оконченъ, и въ передней толпились арестанты. Они кучкой обступили камышинскаго мѣщанина, который стоялъ среди нихъ съ тѣмъ же видомъ вялаго равнодушія, хотя, очевидно, находился въ положеніи героя минуты.

— Какъ же это, чудакъ! — говорилъ какой-то рыжеватый философъ, съ тузомъ на спинѣ,—пра-а, чудакъ! Вѣдь ежели сказываешь, къ примѣру: „Бога нѣтъ“, такъ что же есть по-твоему? А?..

— Ничего!—отрѣзалъ тотъ коротко и ясно.

„Ничего!“ Выходитъ, что камышинскій мѣщанинъ сужденъ, осужденъ, закованъ, сосланъ, готовится принять невѣдомую мѣру мученій изъ-за... ничего! Казалось бы, къ тому, что характеризуется этимъ словомъ „ничего“, можно относиться лишь безразлично. Между тѣмъ, камышинскій мѣщанинъ относится къ нему страстно, онъ является подвижникомъ чистаго отрицанія, безстрашно исповѣдуя свое „ничего“ передъ врагами этого ученія.

Яшка начерталъ на своемъ знамени другую формулу: „за Бога, за великаго Государя!..“ Онъ былъ сектантъ, приверженецъ „стараго правъ-закону“, но когда я, вернувшись изъ конторы, проходилъ мимо его двери, невольная мысль поразила мое воображеніе: какъ много общаго между этими двумя исповѣдниками! Яшка порвалъ свои связи съ родиной, съ семьей, съ родной деревней. Камышинскій мѣщанинъ сдѣлалъ то-же и даже словомъ не хочетъ признать эту связь, когда она ясно установлена на бумагѣ. „Я вамъ не подверженъ“, говоритъ Яшка. Камышинскій мѣщанинъ тоже, очевидно, не признаетъ власти, которой онъ обязанъ повиновеніемъ. „Нѣтъ моего преступленія ни въ чемъ,— говоритъ Яшка,— а и было преступленіе, такъ не вамъ судить—Богу!“. „Судите за что знаете“,— говоритъ камышинскій мѣщанинъ, не желая даже косвенно принять участіе въ процессѣ этого сужденія. Но въ то время, какъ камышинскій мѣщанинъ скептически вопрошаетъ: „Какой Богъ, и кто Его видѣлъ?“—Яшка производитъ неуклонное стучаніе во имя Господне.

Кто же это: непримиримые враги, или союзники? Однородныя ли это явленія, или явленія разныхъ порядковъ? Что тутъ существеннѣе: пункты сходства, или пункты разногласія,— общее у обоихъ отрицаніе существующихъ условій, или религіозно-сектантскіе взгляды, которые есть у Якова и которые изгналъ изъ своего обихода камышинскій мѣщанинъ?

У Якова повидимому было положительное міросозерцаніе, основами котораго являлись „Богъ и великій Государь“. Но это была какая-то странная смѣсь миѳологіи и реализма! Несуществующіе безбожники, направляемые несуществующими министрами Финляндцевыми (министръ финансовъ), заполоняютъ міръ, ловятъ души, требуютъ отреченія „отъ Бога, отъ великаго Государя“. И рядомъ — несомнѣнно существующее, самое реальное страданіе, несомнѣнное гоненіе за дѣло, которое Яшка считаетъ правымъ, сознательная готовность погибнуть и — страшно подумать — полная возможность такого исхода... Яшка предсказываетъ это на основаніи своей фан-

тастической теоріи, а Михеичъ подтверждаетъ, какъ несомнѣнную позитивную истину. „Этому стукальщику то же будетъ, что и Тимошкѣ, а то похуже“...

Для камышинскаго мѣщанина „ничего“ означаетъ отсутствіе всякой цѣли и смысла въ жизни. По мнѣнію Якова, все въ мірѣ клонится къ злу. Было уже три „смѣненія“... Какія?—Яшка имѣетъ объ нихъ лишь смутныя понятія.

— Видишь вотъ,—отвѣтилъ онъ на мой вопросъ объ этихъ смѣненіяхъ.—Читалъ я въ „Сборникѣ“, да видно запамятовалъ. Первое—Римъ отпалъ. Разъ... Второе—Византія будто... Два. Ну, третье—московское. Нонѣ идетъ четвертое—горше первыхъ. Съ 61-го году началось.

— Какое же?

— Какое? Ты теперича какъ пишешься? — неожиданно спросилъ у меня Яковъ.

Я не зналъ, какъ я пишусь, но Яковъ отвѣтилъ за меня самъ:

— Ты теперь пишешься: бывшій государственный крестьянинъ. Понимай: бывшій! Значитъ, былъ—да нѣту. Вотъ какое смѣненіе!.. Земское смѣненіе пошло, гражданскія власти пошли. Государственныхъ отмѣнили.

Съ 61 года міръ рѣзко раскололся на два начала: одно—государственное, другое—гражданское, земское. Первое Яшка признавалъ, второе отрицалъ всецѣло безъ всякихъ уступокъ. Надъ первымъ онъ водрузилъ осьмиконечный крестъ и пріурочилъ его къ истинному правъ-закону. Второе назвалъ царствомъ грядущаго антихриста.

— Что-же, Яковъ: подъ гражданскими-то властями тяжелѣе, что ли?

— Какъ не тяжеле! Жить стало не можно. Ранѣе государевы подати платили, а нонѣ земскія подати окромя накладываютъ... на тѣхъ, кто имъ, значитъ, подверженъ.

— Ты податей не платишь?—спросилъ я, начиная догадываться о ближайшихъ причинахъ Яшкина заключенія.

— Государственныя платимъ. Сполна великому Государю вносимъ. А на земскія мы не обязались. Вотъ беззаконники и морятъ, подъ себя приневоливаютъ. Кресты съ церквей посняли.

— Ну, кресты-то на церквахъ есть.

— Не настоящіе... Настоящихъ не стало... И крещеніе не настоящее—щепотью... Все ихъ дѣло, ихъ знаменіе.

— Постой, Яковъ! Какъ это ты разсудишь: вѣдь и великій Государь въ тѣ же церкви ходитъ?

— Великій Государь.—отвѣчалъ Яшка тономъ, не допу-

скающимъ сомнѣній,—въ старомъ правъ-законѣ пребываетъ... Ну, а царь Польской, князь Финляндской... тотъ, значитъ, въ новомъ...

Оказывалось, что будущее принадлежитъ новымъ началамъ. Уступая давленію этихъ началъ, великій Государь издалъ циркуляръ, въ которомъ написано: „Быть по тому и быть по сему“, что значитъ: кого успѣютъ слуги антихриста заманить,—заманивай. Надъ тѣми онъ властенъ, на тѣхъ подати налагай и душами владѣй. А кто не обязался, кто въ истинномъ правъ-законѣ стоитъ крѣпко, того никто не смѣетъ приневолить.

Новыя начала берутъ силу все болѣе и болѣе. „Беззаконники“ пошли противъ какого-то циркуляра и стали подъ свою руку приневоливать насильно. Становится все труднѣе... Пущены въ ходъ всякія средства.

— На тридцать на шесть губеренъ пущено тридцать шесть лисицъ. Честью да лестью все пожгутъ... народу погубятъ— страсть!..

Нигдѣ нѣтъ защиты. Государственное начало съ осьмиконечнымъ крестомъ меркнетъ. Государственныя власти „стоятъ плохо“. Народъ подается, не видя опоры. „Пишутся, правда, циркуляры-те, да что ужъ“... Суды пошли гражданскіе, тихіе...

Тихіе суды съ 61 года, т.-е. именно съ тѣхъ поръ, какъ въ жизнь стала вторгаться гласность! Я не утерпѣлъ и попытался разрушить Яшкину фантасмагорію, для чего сталъ излагать основанія новаго гласнаго судопроизводства. Яковъ слушалъ довольно внимательно.

— Постой,—перебилъ онъ меня, наконецъ. — Думаешь, я не сужденъ? Сужденъ, какъ же! Безо всякаго преступленія судебною палатою сужденъ. Не признаю я суда ихняго... Ну, все же—судили. Вотъ набольшій-то судья и говоритъ мнѣ: „Не найдено твоей вины ни въ чемъ. Разступитесь, стража!.. Отъ суда слѣдствія оправленъ“. Ну, думаю, вотъ меня на волю выпихнутъ, вотъ выпихнутъ... А они тихимъ-то судомъ эвона выпихнули куда!

Я понялъ: судъ гласно оправдалъ Якова, администрація его выслала... Яшка полагаетъ, что гласный приговоръ — хитрость антихриста, что, кромѣ этого приговора, былъ еще другой, тихій. „Видишь вотъ, на какй хитрости идетъ“. И все это, конечно, имѣетъ опредѣленную цѣль: судебная палата, министры, губернаторы, тюремный смотритель, Михеичъ... всѣ они въ заговорѣ, чтобы предать антихристу Яшкину душу...

Вслѣдствіе всего этого, на міру „жить стало не можно“. „Вмѣстѣ отецъ съ сыномъ, обнявши, погибнете“. Обществен-

ныя связи нарушены. Приходится душу блюсти въ одиночку, въ-разбродъ. Побѣда „слугамъ антихриста“ почти обезпечена. Бросилъ Яшка семью, бросилъ хозяйство, бросилъ все, чѣмъ наполнялась его труженическая земледѣльческая жизнь, и теперь онъ одинъ во власти „беззаконниковъ“. И „пошто только мучаютъ?—удивляется Яшка.—Невозможно мнѣ отъ истиннаго правъ-закону отступить. Не будетъ этого, нѣтъ! Наплюю я имъ подъ рыло. Вотъ взялъ — прикололъ, только и есть. А то... морятъ попусту!“ Онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что если до сихъ поръ его еще „не прикололи“, то лишь потому, что живая Яшкина душа доставитъ антихристу бо̀льшее удовольствіе.

Но даже и это положеніе казалось Яшкѣ лучше того, которое ожидаетъ „на міру“ всѣхъ, принявшихъ печать антихриста. Новые порядки грозятъ всеобщею неминучею бѣдой.

— Что дальше, то и хуже будетъ. Худа ждать надо, добра не видать,—въ „Сборникѣ“ писано... Земля на выкупъ пойдетъ.

— Да вѣдь и теперь земля идетъ на выкупъ,—замѣтилъ я.

— То-то, и теперь идетъ,—отвѣчалъ Яшка невозмутимо.— А тамъ и еще хуже будетъ. У кого 12 тыщей будетъ, тотъ и землей владѣть станетъ. А и кто тыщу другую имѣетъ, и тѣ безъ земли погинете. Вѣрно я тебѣ говорю. Молодъ ты еще, поживешь—вспомнишь.

— Какъ же, Яковъ, неужто можно думать, что антихристъ сильнѣе Бога? Неужто божія правда не сладитъ съ кривдой?

Яковъ подумалъ. Я замѣтилъ на его лицѣ слѣды усиленной умственной работы. Онъ почерпнулъ откуда-то опредѣленный отвѣтъ:

— Ну,—сказалъ онъ,—не бывать тому. Поработаютъ, да и погибнутъ... Вѣрно!..—повторилъ онъ черезъ минуту.—Поработаютъ, да и погибнутъ. А только не увидать намъ съ тобой правды...

V.

— Ты, Яковъ, не признаешь гражданскаго суда. А государственный признаешь?—допытывалъ я въ другой разъ.

— Признаю государственный.

— Какія же, по-твоему, государственныя власти? Напримѣръ, генералъ-губернаторъ?

— Енералъ-губернаторъ—государственный... Отъ великаго Государя. Правильный.

— Значитъ, его рѣшеніе правильное?..

— Давно велѣлъ отпустить меня. Да вотъ, видишь ты...

— Постой. Ну, положимъ, твое дѣло сталъ бы судить генералъ-губернаторъ.

— За что меня судить? Не за что.

— Погоди! Ты, вотъ, говоришь: не за что, а гражданскія власти говорятъ: есть за что. Надо вѣдь кому-нибудь разсудить. Государственныя власти ты признаешь? Ну, вотъ, онѣ и судятъ, и рѣшаютъ твое дѣло противъ тебя.

— Не могутъ онѣ... Онѣ должны правильно...

— Да ты обдумай хорошенько. Говорятъ тебѣ гражданскія власти: пусть, молъ, разсудитъ генералъ-губернаторъ твое дѣло. Вѣдь онъ имѣетъ право рѣшать дѣла, такъ-ли?

— Ну?—сказалъ Яковъ, видимо ожидая, что изъ этого выйдетъ.

— Ты ему долженъ подчиниться, какъ правильной государственной власти?..

— Нн-у-у?—протянулъ Яковъ, осторожно избѣгая отвѣта и, очевидно, заинтересованный возможностью нѣкоторой новой комбинаціи.

— Ну, вотъ, и выходитъ отъ него рѣшеніе: подчиняйся, Яковъ, новымъ порядкамъ, неси земскія повинности...

Яшка смутился.

— Эвона! Видишь ты... Вотъ...—подыскивалъ онъ отвѣтъ

— Теперь отвѣчай мнѣ: покоришься ты или нѣтъ?

— То̀-оно *)... Видишь ты... Гдѣ ужъ, поди...

— Нѣтъ!—отрѣзалъ онъ, наконецъ.—Гдѣ, поди, покориться. Како коренье... Невозможно мнѣ...

И на лицо его легло то же выраженіе непоколебимаго суроваго упорства.

— Слушай, что я тебя спрошу, Володимеръ,—сказалъ онъ мнѣ однажды.—Ты какого правъ-закону будешь? Нашего же, видно?

Чтобъ испытать Яшкину терпимость, я рѣзко отвергъ свою солидарность съ Яшкинымъ правъ-закономъ и поставилъ передъ этимъ фанатикомъ „стараго правъ-закону“ основанія совершенно несроднаго ему ученія. Въ выраженіяхъ, понятныхъ для Якова, я развилъ извѣстный кодексъ практической нравственности съ основами братства и равенства. Злоупотребляя нѣсколько его невѣжествомъ въ догматикѣ и св. писаніи, я опирался на изрѣченіи: „по дѣламъ ихъ познаете ихъ“ и на подходящихъ текстахъ изъ Іоанна, совершенно отвергая обрядность и ставя на ея мѣсто „дѣла“, т. е. практическое стремленіе къ осуществленію формулы любви. Все это я выдалъ за свою религію.

---

*) То̀-оно... въ этомъ словѣ сказывается уроженецъ Пермской или Вятской губерніи. Оно употребляется въ тѣхъ мѣстахъ каждый разъ, когда говорящій испытываетъ затрудненіе и не находитъ подходящаго выраженія. *Авт.*

Яшка слушалъ внимательно, но, къ моему удивленію, вовсе не замѣтилъ самаго существеннаго въ моемъ исповѣданіи.

— Что жъ?—удивилъ онъ меня.—Это и по-нашему такъ: всѣ отъ Адама.

Я поставилъ вопросъ яснѣе и обрушился съ своею критикой на двуперстное знаменіе.

— Читалъ ты въ писаніи: „Поклонитесь въ духѣ и истинѣ“?.. А что такое персты: духъ или плоть?

Тутъ Яшка понялъ.

— Сказано тоже...—медленно заговорилъ онъ,—поклонитесь душою и тѣломъ...

— А гдѣ это сказано?—спросилъ я.

Яковъ задумался и не отвѣтилъ.

— Что-жъ? Это тоже хорошо...—сказалъ онъ въ раздумьи,—конечно, всякъ по своему разумѣнію.

И, вздохнувъ, прибавилъ съ страннымъ выраженіемъ:

— Всякъ по-своему съ ума-то сходитъ...

VI.

Спустя двѣ недѣли послѣ нашего прибытія въ острогъ, передъ вечеромъ,—но еще задолго до повѣрки,—арестантовъ стали загонять въ камеры. Корридоры опустѣли и въ подслѣдственномъ отдѣленіи воцарилась тяжелая, будто выжидающая тишина, по которой мы привыкли уже угадывать приближеніе высшаго тюремнаго начальства. Вскорѣ громыхнула дверь дальняго корридора, послышалось звяканье оружія, шаги многочисленной толпы.

Ближе и ближе. Толпа ввалила въ нашъ корридоръ. Шаги отдавались отчетливо и смолкли у Яшкиной двери.

Лязгнули запоры, дверь отворилась. Нѣсколько секундъ стояло гробовое молчаніе, затѣмъ раздался голосъ старика—„помощника“:

— Выходи, Яковъ... на волю.

— Врешь!—послышался въ отвѣтъ суровый голосъ Якова.—Врешь, обманывать, беззаконникъ! Не тѣ времена, чтобы на волю меня...

Конвойные бросились въ камеру; послышался шумъ борьбы, что-то грузно повалилось на полъ.

— По душу!—вскрикнулъ Яковъ подавленнымъ, какъ будто задыхающимся, голосомъ.—По душу пришли, Господи!.. Смерть, смерть моя!—кричалъ онъ все громче и громче. Въ его голосѣ, то сдавленномъ, то рѣзкомъ и громкомъ, слышалась глубокая тоска и страхъ смерти.

Сердце у меня сильно билось... Мною начинала овладѣвать

Яшкина фантасмагорія, въ связи съ комментаріями реалиста Михеича: „У нихъ это живо!“ Яшку вязали, чтобы свезти въ домъ сумасшедшихъ, гдѣ царили извѣстные упрощенные пріемы лѣченія. Яковъ отбивался въ послѣдней степени отчаянія.

— Володимеръ, Володимеръ!—вскрикнулъ онъ, вдругъ вспомнивъ, что рядомъ, хотя за такою же дверью, есть человѣкъ, быть-можетъ, способный понять его положеніе.

— Володимеръ, Володимеръ. Володимеръ!..

Фантасмагорія овладѣла мною всецѣло. Я громко застучалъ въ свою дверь.

— Что такое еще?—послышался голосъ помощника смотрителя.—Кто это стучитъ?

— Политическіе стучатъ, ваше благородіе, — сказалъ Михеичъ.

— Спроси, что надо?.. Постой, я самъ спрошу.

Сѣдой старикъ въ мундирѣ и папахѣ подошелъ къ нашей двери и уставился въ меня своими старчески-безстрастными, подслѣповатыми глазами.

— Вамъ что угодно?

Вопросъ меня озадачилъ. Что мнѣ было угодно? Реальная дѣйствительность глядѣла на меня въ лицѣ этого старика, и я не зналъ, что сказать реальной дѣйствительности. Я самъ былъ запертъ въ одиночкѣ, за крѣпкою дверью, и мнѣ ли было вступаться за Яшку? на какомъ основаніи?

— Что тутъ творится?—спросилъ я.—Что вы дѣлаете съ Яковомъ?

— Это... позвольте... Какое вамъ дѣло?.. Дѣло это не ваше... Получено предписаніе отъ начальства: отправить № 5 въ домъ сумасшедшихъ.—Ну, мы и отправляемъ... Можетъ ли все это до васъ касаться?

VII.

Въ отдѣленіи подслѣдственныхъ водворилась тишина, Яшку связаннаго пронесли по корридорамъ, уложили въ телѣгу и увезли вонъ изъ тюрьмы.

Отступитъ ли Яковъ „отъ Бога, отъ великаго Государя“? Отступитъ ли сибирская психіатрія отъ упрощенныхъ пріемовъ лѣченія? Отвѣтъ былъ ясенъ... Тяжелыя мысли тѣснились въ мозгу: меня подавляла мертвая тишь одиночки и корридоровъ.

Старикъ Михеичъ тихо заперъ дверь Яшкиной камеры, постоялъ передъ нею, задумчиво покачалъ головой и затѣмъ усѣлся на своемъ излюбленномъ мѣстѣ. Старая тюремная крыса бодро прошла по корридору, бросая довольные взгляды

на опустѣвшую каморку, изъ которой не слышалось болѣе громового Яшкина стука. Старикъ бормоталъ что-то и скверно улыбался.

Вечеромъ „повѣрка“ обходила камеры обычнымъ порядкомъ. Все было тихо.

— Нѣтъ уже стукальщика,—сказалъ его благородіе, обращаясь къ конвойному офицеру.—Свезли нынче въ домъ сумасшедшихъ.

Вдругъ по корридору пронеслись гулкіе удары... Его благородіе вздрогнулъ, тюремная крыса уронила карандашъ и тетрадку, офицеръ какъ-то нервно обернулся въ ту сторону. Вся „повѣрка“ точно застыла.

— Пошто держитѐ меня, пошто моритѐ, беззаконники?!— раздался вдругъ козлиный голосъ Тимошки-остяка, и общее напряженіе разразилось смѣхомъ.

Эта выходка была совершенно неожиданна. Козлиный голосокъ остяка такъ смѣшно подражалъ могучимъ окрикамъ Якова, все это въ общемъ представляло столь жалкую и смѣшную пародію, что его благородіе расхохотался. За его благородіемъ захохотала вся „повѣрка“. Смѣялся старичокъ-помощникъ, моргая подслѣповатыми глазками, грохоталъ толстякъ офицеръ, сотрясаясь тучными тѣлесами, хихикала тюремная крыса, улыбка шевелила длинные усы Михеича, смѣялись въ бороду солдаты, вытянувшись въ струнку и держа ружья къ ногѣ...

На слѣдующій день и мы тронулись въ путь.

1880 г.

УБИВЕЦЪ.

I. Бакланы.

Когда я на почтовой тройкѣ подъѣхалъ къ перевозу, уже вечерѣло. Свѣжій, рѣзкій вѣтеръ рябилъ поверхность широкой рѣки и плескалъ въ обрывистый берегъ крутымъ прибоемъ. Заслышавъ еще издали почтовый колокольчикъ, перевозчики остановили „плашкотъ“ и дождались насъ. Затормозили колеса, спустили телѣгу, отвязали „чалки“. Волны ударили въ досчатые бока плашкота, рулевой круто повернулъ колесо, и берегъ сталъ тихо удаляться отъ насъ, точно отбрасываемый ударявшею въ него зыбью.

Кромѣ нашей, на плашкотѣ находились еще двѣ телѣги. На одной я разглядѣлъ немолодого, солиднаго мужчину, повидимому купеческаго званія, на другой—трехъ молодцовъ, какъ будто изъ мѣщанъ. Купецъ неподвижно сидѣлъ въ повозкѣ, закрываясь воротникомъ отъ осенняго свѣжаго вѣтра и не обращая ни малѣйшаго вниманія на случайныхъ спутниковъ. Мѣщане, наоборотъ, были веселы и сообщительны. Одинъ изъ нихъ, косоглазый и съ рваною ноздрей, то и дѣло начиналъ наигрывать на гармоніи и напѣвать дикимъ голосомъ какія-то пѣсни; но вѣтеръ скоро обрывалъ эти рѣзкіе звуки, разнося и швыряя ихъ по широкой и мутной рѣкѣ. Другой, державшій въ рукѣ полуштофъ и стаканчикъ, подчивалъ водкой моего ямщика. Только третій, мужчина лѣтъ тридцати, здоровый, красивый и сильный, лежалъ на телѣгѣ врастяжку, заложивъ руки подъ голову, и задумчиво слѣдилъ за бѣжавшими по небу сѣрыми тучами.

Вотъ уже второй день, въ моемъ пути отъ губернскаго города N., то и дѣло встрѣчаются эти примелькавшіяся фигуры. Я ѣду по спѣшному дѣлу, погоняя, что называется, и въ хвостъ, и въ гриву, но ни купецъ на своей кругленькой ко-

былкѣ, запряженной въ двухколесную кибитку, ни мѣщане на своихъ поджарыхъ клячахъ не отстаютъ отъ меня. Послѣ каждой моей дѣловой остановки или роздыха я настигаю ихъ гдѣ-нибудь въ пути или на перевозѣ.

— Что это за люди?—спросилъ я у моего ямщика, когда тотъ подошелъ къ телѣгѣ.

— Костюшка съ товарищами,—отвѣтилъ онъ сдержанно.

— Кто такіе?—переспросилъ я, такъ какъ имя было мнѣ незнакомо.

Ямщикъ какъ будто стѣснялся сообщать мнѣ дальнѣйшія свѣдѣнія, въ виду того, что разговоръ нашъ могъ быть услышанъ мѣщанами. Онъ оглянулся на нихъ и потомъ торопливо ткнулъ кнутомъ въ направленіи къ рѣкѣ.

Я посмотрѣлъ въ томъ же направленіи. По широкой водной поверхности расходилась темными полосами частая зыбь. Волны были темны и мутны, и надъ ними носились, описывая безпокойные круги, большія бѣлыя птицы, вродѣ чаекъ, то и дѣло падавшія на рѣку и подымавшіяся вновь съ жалобно-хищнымъ крикомъ.

— Бакланы!—пояснилъ ямщикъ, когда плашкотъ подъѣхалъ къ берегу и наша тройка выхватила насъ на дорогу.—Вотъ и мѣщанишки эти,—продолжалъ онъ,—тѣ же бакланы. Ни у нихъ хозяйства, ни у нихъ заведеніевъ. Землишку, слышь, какая была, и ту лѣтось продали. Теперь вотъ рыщутъ по дорогамъ, что тебѣ волки. Житья отъ нихъ не стало.

— Грабятъ, что-ли?

— Пакостятъ. Чемоданъ у проѣзжающаго срѣзать, чаю мѣсто-другое съ обоза стянуть—ихнее дѣло... Плохо придется, такъ и у нашего брата, у ямщика обратнаго, лошадь, то и гляди, уведутъ. Извѣстно, зазѣваешься, заснешь,—грѣшное дѣло, а онъ ужъ и тутъ. Этому вотъ Костюшкѣ ямщикъ кнутомъ ноздрю-то вырвалъ... Вѣрно!.. Помни: Коська этотъ—первѣющій варваръ... Товарища вотъ ему настоящаго теперь нѣту... И былъ товарищъ, да обозчики убили...

— Попался?

— Попался въ дѣлѣ. Не пофартило. Натѣшились надъ нимъ ребята, обозчики то-есть.

Разсказчикъ засмѣялся въ бороду.

— Первое дѣло—пальцы рубили. Опосля огнемъ жгли, а наконецъ того палку сунули, выпустили кишки, да и бросили... Померъ собака!..

— Да ты-то съ ними знакомый, что-ли? Съ чего они тебя водкой-то подчивали?

— Будешь знакомъ,—сказалъ ямщикъ угрюмо.—Самъ тоже

винища имъ выпоилъ не мало,—потому—опасаюсь во всякое время... Помни: Костюшка не даромъ и нонче-то выѣхалъ... Эстолько мѣста даромъ коней гонять не станетъ... Фартъ чуетъ, дьяволъ, это ужъ вѣрно!.. Купецъ вотъ тоже какой-то...—задумчиво добавилъ ямщикъ послѣ нѣкотораго молчанія,—не его ли охаживаютъ теперича?.. Только врядъ, не похоже будто... И еще съ нимъ новый какой-то. Не видывали мы его раньше.

— Это который въ телѣгѣ лежалъ?

— Ну, ну... Жиганъ, полагать надо... Здоровенный дьяволъ!..—Ты вотъ, что, господинъ!..—заговорилъ онъ вдругъ, поворачиваясь ко мнѣ.—Ты ужо, мотри, поберегайся... Ночью не ѣзди. Не за тобой ли, грѣхомъ, варвары-то увязались...

— А ты меня знаешь?—спросилъ я.

Ямщикъ отвернулся и задергалъ вожжами.

— Намъ неизвѣстно,—отвѣчалъ онъ уклончиво.—Сказывали—кудиновскій приказчикъ изъ губерніи проѣдетъ... Дѣло не наше...

Очевидно, меня здѣсь знали. Я велъ процессъ купцовъ Кудиновыхъ съ казною и на-дняхъ его выигралъ. Мои патроны были очень популярны въ той мѣстности да и во всей Западной Сибири, а процессъ производилъ сенсацію. Теперь, получивъ изъ губернскаго казначейства очень крупную сумму, я торопился въ гор. NN., гдѣ предстояли срочные платежи. Времени было немного, почта въ NN. ходила рѣдко и потому деньги я везъ съ собой. Ѣхать приходилось днемъ и ночью, кое-гдѣ для скорости сворачивая съ большой дороги на прямые проселки. Въ виду этого, предшествовавшая мнѣ молва, способная поднять цѣлыя стаи хищныхъ „баклановъ", не представляла ничего утѣшительнаго.

Я оглянулся назадъ. Несмотря на наступавшій сумракъ, по дорогѣ виднѣлась быстро скакавшая тройка, а за нею на нѣкоторомъ разстояніи катилась купеческая таратайка.

II. Логъ подъ «Чортовымъ-пальцемъ».

На **ской почтовой станціи, куда я прибылъ вечеромъ, лошадей не оказалось.

— Эхъ, батюшка, Иванъ Семенычъ!—уговаривалъ меня почтовый смотритель, толстый добрякъ, съ которымъ во время частыхъ переѣздовъ я успѣлъ завязать пріятельскія отношенія.—Ей-Богу, мой вамъ совѣтъ: плюньте, не ѣздите къ ночи. Ну ихъ и съ дѣлами! Своя-то жизнь дороже чужихъ денегъ. Вѣдь тутъ теперь на сто верстъ кругомъ только и толковъ, что о вашемъ процессѣ да объ этихъ деньжищахъ. Бакланишки, поди, уже заметались... Ночуйте!..

Я, конечно, сознавалъ всю разумность этихъ совѣтовъ, но послѣдовать имъ не могъ.

— Надо ѣхать... Пошлите, пожалуйста, за „вольными“... И то время уходитъ...

— Эхъ вы, упрямецъ! Ну, да тутъ-то я вамъ дамъ „дружка“ *) надежнаго. Онъ васъ доставитъ въ Б. къ молокану. А ужъ тамъ непремѣнно ночуйте. Вѣдь ѣхать-то мимо Чортова лога придется, мѣсто глухое, народецъ аховый... Хоть свѣту дождитесь.

Часа черезъ два я сидѣлъ уже въ телѣгѣ, напутствуемый совѣтами пріятеля. Добрыя лошади тронулись сразу, а ямщикъ, подбодренный обѣщаніемъ на водку, гналъ ихъ всю дорогу, какъ говорится, въ три кнута; до Б. мы доѣхали живо.

— Куда теперь меня доставишь?—спросилъ я у ямщика.

— Къ „дружку“, къ молокану. Мужикъ хорошій.

Проѣхавъ мимо нѣсколькихъ раскиданныхъ по лѣсу избенокъ, мы остановились у воротъ просторнаго, очевидно, зажиточнаго, дома. Насъ встрѣтилъ, съ фонаремъ въ рукѣ, старикъ съ длинною сѣдою бородой, очень почтеннаго вида. Онъ поднялъ свой фонарь надъ головой и, оглядѣвъ мою фигуру своими подслѣповатыми глазами, сказалъ спокойнымъ старческимъ голосомъ:

— А, Иванъ Семенычъ!.. То-то сказывали тутъ ребята проѣзжіе: поѣдетъ кудиновскій приказчикъ изъ городу... Коней, молъ, старикъ, готовь... А вамъ, я говорю, какая забота?.. Они, можетъ, ночевать удумаютъ... Дѣло ночное.

— А какіе ребята-то?—перебилъ мой ямщикъ.

— А шутъ ихъ знаетъ. Бакланишки, надо быть! На жигановъ тоже смахиваютъ по виду-то... Думаю такъ, что изъ городу, а кто именно—сказать не могу... Гдѣ ихъ всѣхъ-то узнаешь... А ты, господинъ, ночуешь, что ли?

— Нѣтъ. Лошадей мнѣ, пожалуйста, поскорѣй!—сказалъ я, не слишкомъ-то довольный предшествовавшею мнѣ молвой.

Старикъ немного подумалъ.

— Заходи въ избу, чего здѣсь-то стоять... Вишь, горе-то, лошадей у меня нѣту... Третьяго-днись въ городъ съ кладью парнишку услалъ. Какъ теперь будешь?.. Ночуй.

Эта новая неудача сильно меня обезкуражила. Ночь, между тѣмъ, сгустилась въ такую безпросвѣтную тьму, какая возможна только въ сибирскую ненастную осень. Небо сплошь было покрыто тяжелыми тучами. Взглянувъ вверхъ, можно было съ трудомъ различить, какъ неслись во мракѣ тяжелыя,

---

*) *Дружками* называютъ въ Сибири ямщиковъ, «гоняющихъ» по вольному найму.

безобразныя громады; но внизу царствовала полная темнота. На два шага не видно было человѣка. Моросилъ дождикъ, слегка шумя по деревьямъ. Въ густой тайгѣ шелъ точно шорохъ и таинственный шопотъ.

И все-таки ѣхать было необходимо. Войдя въ избу, я попросилъ хозяина послать за лошадьми къ кому-нибудь изъ сосѣдей.

— Охъ, господинъ,—закачалъ старикъ своею сѣдою головой,—на грѣхъ ты торопишься, право... Да и ночка же выдалась! Египетская тьма, прости Господи!

Въ комнату вошелъ мой ямщикъ, и у него съ хозяиномъ пошли переговоры и совѣты. Оба еще разъ обратились ко мнѣ, прося остаться. Но я настаивалъ. Мужики о чемъ-то шептались, перебирали разныя имена, возражали другъ другу, спорили.

— Ладно,—сказалъ ямщикъ, какъ будто неохотно соглашаясь съ хозяиномъ.—Будутъ тебѣ лошади. Съѣзжу сейчасъ недалече тутъ, на заимку.

— Нельзя ли поближе найти? Пожалуй, долго будетъ...

— Не долго!—рѣшилъ ямщикъ, а хозяинъ добавилъ сурово:

— Куда торопиться-то? Знаешь, пословица говорится: „скоро, да не споро“... Успѣешь...

Ямщикъ сталъ одѣваться за перегородкой. Хозяинъ продолжалъ что-то внушать ему своимъ дребезжавшимъ старческимъ голосомъ. Я началъ дремать у печки.

— Ну, парень,—услышалъ я голосъ хозяина уже за дверью,—скажи „убивцу“-то, пущай поторапливается... Вишь, ему не терпится...

Почти тотчасъ же со двора послышался топотъ скачущей лошади.

Послѣдняя фраза старика разсѣяла мою дремоту. Я сѣлъ противъ огня и задумался. Темная ночь, незнакомое мѣсто, незнакомые люди и не совсѣмъ понятныя рѣчи, и, наконецъ, это странное, зловѣщее слово... Мои нервы были разстроены.

Черезъ полтора часа подъ окнами послышался звонъ колокольчика. Тройка остановилась у подъѣзда. Я собрался и вышелъ.

Небо чуть-чуть прояснилось. Тучи бѣжали быстро, точно торопились куда-то убраться во-время. Дождь пересталъ, только временами налетали откуда-то сбоку, изъ мрака, крупныя капли, какъ будто второпяхъ роняемыя быстро бѣжавшими облаками. Тайга шумѣла. Подымался къ разсвѣту вѣтеръ.

Хозяинъ вышелъ провожать меня съ фонаремъ, и, благодаря этому обстоятельству, я могъ разсмотрѣть моего ямщика. Это былъ мужикъ громаднаго роста, крѣпкій, широкоплечій, настоящій гигантъ. Лицо его было какъ-то спокойно-угрюмо, съ тѣмъ особеннымъ отпечаткомъ, какой кладетъ обыкновенно

застарѣлое сильное чувство или давно засѣвшая невеселая дума. Глаза глядѣли ровно, упорно и мрачно.

Правду сказать, у меня мелькнуло-таки желаніе отпустить во-свояси этого мрачнаго богатыря и остаться на ночь въ свѣтлой и теплой горницѣ молокана, но это было только мгновеніе. Я ощупалъ револьверъ и сѣлъ въ повозку. Ямщикъ закрылъ пологъ и неторопливо полѣзъ на козлы.

— Ну, слышь, „убивецъ",—напутствовалъ насъ старикъ,— смотри, парень, въ оба. Самъ знаешь...

— Знаю,—отвѣтилъ ямщикъ, и мы нырнули въ тьму ненастной ночи.

Мелькнуло еще два-три огонька разрозненныхъ избенокъ. Кое-гдѣ на фонѣ чернаго лѣса клубился въ сыромъ воздухѣ дымокъ, и искры вылетали и гасли, точно таяли во мракѣ. Наконецъ, послѣднее жилье осталось сзади. Вокругъ была лишь черная тайга да темная ночь.

Лошади бѣжали ровно и быстро мчали меня къ роковому „логу"; однако до лога оставалось еще верстъ пять, и я могъ на свободѣ обдумать свое положеніе. Какъ это случается иногда въ минуту возбужденія, оно представилось мнѣ вдругъ съ поразительною ясностью. Вспомнивъ хищническія фигуры „баклановъ", таинственность сопровождавшаго ихъ купца, затѣмъ странную неотвязчивость, съ какою всѣ они слѣдовали за мною,—я пришелъ къ заключенію, что въ логу меня непремѣнно ожидаетъ какое-нибудь приключеніе. Роль, какую приметъ при этомъ угрюмый возница, оставалась для меня загадкой Эдипа.

Загадка эта скоро, однако, должна была разрѣшиться. На посвѣтлѣвшемъ нѣсколько, но все еще довольно темномъ небѣ выдѣлялся уже хребетъ. На немъ, вверху, шумѣлъ лѣсъ, внизу, въ темнотѣ, плескалась рѣчка. Въ одномъ мѣстѣ большая черная скала торчала кверху. Это и былъ „Чортовъ-палецъ".

Дорога жалась надъ рѣчкой, къ горамъ. У „Чортова-пальца" она отбѣгала подальше отъ хребта и на нее выходилъ изъ ложбины проселокъ. Это было самое опасное мѣсто, прославленное многочисленными подвигами рыцарей сибирской ночи. Узкая, каменистая дорога не допускала быстрой ѣзды, а кусты скрывали до времени нападеніе. Мы подъѣзжали къ ложбинѣ. „Чортовъ-палецъ" надвигался на насъ, все выростая вверху, во мракѣ. Тучи пробѣгали надъ нимъ и, казалось, задѣвали за его вершину.

Лошади пошли тихо. Коренная осторожно постукивала копытами, внимательно вглядываясь въ дорогу. Пристяжки жались къ оглоблямъ и пугливо храпѣли. Колокольчикъ вздрагивалъ какъ-то неровно, и его тихое потренькиванье, отдаваясь

надъ рѣкой, расплывалось и печально тонуло въ чуткомъ воздухѣ...

Вдругъ лошади остановились. Колокольчикъ порывисто дрогнулъ и замеръ. Я привсталъ. По дорогѣ, межъ темныхъ кустовъ, что-то чернѣло и двигалось. Кусты шевелились.

Ямщикъ остановилъ лошадей какъ разъ во-время: мы избѣгли нападенія сбоку: но и теперь положеніе было критическое. Вернуться назадъ, свернуть въ сторону—было невозможно. Я хотѣлъ уже выстрѣлить наудачу, но вдругъ остановился.

Громадная фигура ямщика, ставшаго на козлахъ, закрыла кусты и дорогу. „Убивецъ“ поднялся, неторопливо передалъ мнѣ вожжи и сошелъ на землю.

— Держи ужо. Не пали!..

Онъ говорилъ спокойно, но въ высшей степени внушительно. Мнѣ не пришло въ голову ослушаться: моихъ подозрѣній какъ не бывало; я взялъ вожжи, а угрюмый великанъ двинулся впередъ по направленію къ кустамъ. Лошади тихо и какъ-то разумно двинулись за хозяиномъ сами.

Шумъ колесъ по каменистой дорогѣ мѣшалъ мнѣ слушать, что происходило въ кустахъ. Когда мы поровнялись съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ раньше замѣтно было движеніе, „убивецъ“ остановился.

Все было тихо, только вдали отъ дороги, по направленію къ хребту, шумѣли листья и слышался трескъ сучьевъ. Очевидно, тамъ пробирались люди. Передній видимо торопился.

— Костюшка это подлецъ впереди всѣхъ бѣжитъ,—сказалъ „убивецъ“, прислушиваясь къ шуму.—Э, да одинъ, гляди-ко, остался!

Въ это время изъ-за куста, очень близко отъ насъ, выдѣлилась высокая фигура и какъ-то стыдливо нырнула въ тайгу вслѣдъ за другими. Теперь явственно слышался въ четырехъ мѣстахъ шумъ удалявшихся отъ дороги людей.

„Убивецъ“ все такъ же спокойно подошелъ къ своимъ конямъ, поправилъ упряжку, звякнулъ дугой съ колокольчикомъ и пошелъ къ облучку.

Вдругъ на утесѣ, подъ „Пальцемъ“, сверкнулъ огонекъ. Грянулъ ружейный выстрѣлъ, наполнивъ пустоту и молчаніе ночи. Что-то шлепнулось въ переплетъ кошовки и шарахнулось затѣмъ по кустамъ.

„Убивецъ“ кинулся было къ утесу, какъ разъяренный, взбѣсившійся звѣрь, но тотчасъ же остановился.

— Слышь, Коська,—сказалъ онъ громко, глубоко взволнованнымъ голосомъ,—не дури, я те говорю. Ежели ты мнѣ теперича невинную животину испортилъ,—уходи за сто верстъ,

я те достану!..—Не пали, господинъ!—добавилъ онъ сурово, обращаясь ко мнѣ.

— Мотри и ты, „убивецъ“,—послышался отъ утеса чей-то сдержанный, какъ будто не Костюшкинъ голосъ.—Не въ свое дѣло пошто суешься?

Говорившій какъ будто боялся быть услышаннымъ тѣмъ, къ кому обращался.

— Не грози, ваше степенство,—съ презрѣніемъ отвѣтилъ ямщикъ. — Не страшенъ, небось, даромъ-что съ бакланами связался!

Черезъ нѣсколько минутъ логъ подъ „Чортовымъ-пальцемъ“ остался у насъ назади. Мы выѣхали на широкую дорогу.

III. «Убивецъ».

Мы проѣхали версты четыре въ глубокомъ молчаніи. Я обдумывалъ все случившееся, ямщикъ только перебиралъ вожжи, спокойно понукая или сдерживая своихъ коней. Наконецъ, я заговорилъ первый:

— Ну, спасибо, пріятель! Безъ тебя мнѣ, пожалуй, пришлось бы плохо!

— Не на чемъ,—отвѣтилъ онъ.

— Ну, какъ не на чемъ? Эти молодцы, видно, народъ отчаянный...

— Отчаянный, это вѣрно!

— А ты ихъ знаешь?

— Костюшку знаю... Да его, варвара, почитай, всякая собака знаетъ... Купца тоже ранѣе примѣчалъ... А вотъ того, который остался, не видалъ будто... Видишь ты, понадѣялся на Костюшку, остался. Да нѣтъ, Костюшка, братъ, не того десятка... Завсегда убѣгетъ въ первую голову... А этотъ смѣлый...

Онъ помолчалъ.

— Не бывало этого ранѣе, никогда не бывало, — заговорилъ онъ опять тихо, покачивая головой. — Костюшка его откуда ни то раздобылъ... Скликаетъ воронья на мою голову, проклятый...

— А почему они тебя такъ боятся?

— Боятся, вѣрно это!.. Уложилъ я у нихъ тутъ одного...

Онъ остановилъ лошадей и повернулся на козлахъ.

— Погляди,—сказалъ онъ,—вонъ онъ, логъ-то, виднѣется,—погляди, погляди!.. Тутъ вотъ, въ этомъ самомъ логу, я этого человѣка убилъ...

Мнѣ показалось, что, когда онъ высказывалъ это признаніе,

голосъ его дрожалъ: мнѣ показалось также, что я вижу въ его глазахъ, слабо освѣщенныхъ отблескомъ востока, выраженіе глубокой тоски.

Повозка стояла на гребнѣ холма. Дорога шла на западъ. Сзади, за нами, на свѣтлѣющемъ фонѣ востока, вырисовывалась скалистая масса, покрытая лѣсомъ; громадный камень, точно поднятый палецъ, торчалъ кверху. Чортовъ логъ казался близехонько.

На вершинѣ холма насъ обдавало предутреннимъ вѣтромъ. Озябшія лошади били копытами и фыркали. Коренная рванула впередъ, но ямщикъ мгновенно осадилъ всю тройку; самъ онъ, перегнувшись съ облучка, все смотрѣлъ по направленію къ логу.

Потомъ онъ вдругъ повернулся, собралъ вожжи, приподнялся на козлахъ и крикнулъ... Лошади сразу подобрались, подхватили съ мѣста, и мы помчались съ вершины холма подъ гору.

Это была бѣшеная скачка. Лошади прижали уши и понеслись, точно въ смертельномъ страхѣ, а ямщикъ то и дѣло приподнимался и безъ слова помахивалъ правою рукой. Тройка какъ будто чуяла, хотя и не могла видѣть этихъ движеній... Земля убѣгала изъ-подъ колесъ, деревья, кусты бѣжали навстрѣчу и будто падали за нами назадъ, скошенные бѣшенымъ вихремъ...

На ровномъ мѣстѣ мы опять поѣхали тише. Отъ лошадей валилъ паръ. Коренная тяжело дышала, а пристяжки вздрагивали, храпѣли и водили ушами. Помаленьку онѣ, однако, становились спокойнѣе. Ямщикъ отпустилъ вожжи и ласково ободрялъ коней...

— Тише, милыя, тише!.. Не бойся... Вотъ вѣдь лошадь,— повернулся онъ ко мнѣ, — безсловесная тварь, а тоже вѣдь понимаетъ... Какъ на *угоръ* этотъ выѣхали, да оглянулись,— не удержишь... Грѣхъ чуютъ...

— Не знаю,—сказалъ я,—можетъ оно и такъ; да только на этотъ разъ ты вѣдь самъ ихъ погналъ.

— Погналъ нешто? Ну, можетъ, и впрямь погналъ. Эхъ, баринъ! Кабы зналъ ты, что у меня на сердцѣ-то...

— Что-жъ? Ты разскажи, такъ узнаю...

„Убивецъ“ потупился.

— Ладно,—сказалъ онъ, помолчавъ,—разскажу тебѣ... Эхъ, милыя! Ступай, ступай, не бойся...

Лошади застучали по мягкой дорогѣ ровною, частою рысцой.

...Видишь ты... Было это давно... Оно хоть и не очень

давно, ну, да воды-то утекло много. Жизнь моя совсѣмъ по иному пошла, такъ вотъ поэтому и кажется все, что давно это было. Крѣпко меня люди обидѣли,—начальники. А тутъ и Богъ, вдобавокъ, убилъ: жена молодая да сынишко въ одночасье померли. Родителей не было,—остался одинъ-одинешенекъ на свѣтѣ: ни у меня родныхъ, ни у меня друга. Попъ — и тотъ послѣднее имѣніе за похороны прибралъ. И сталъ я тогда задумываться. Думалъ, думалъ, и, наконецъ, того, пошатился въ вѣрѣ. Въ старой-то пошатился, а новой еще не обрѣлъ. Конечно, дѣло мое темное. Грамотѣ обученъ плохо, разуму своему тоже не вовсе довѣряю... И взяла меня отъ этихъ мыслей тоска, то-есть такая тоска страшенная, что, кажется, радъ бы на бѣломъ свѣтѣ не жить... Бросилъ я избу свою, какое было еще хозяйствишко — все кинулъ... Взялъ про запасъ полушубокъ, да порты, да сапоги-пару, вырѣзалъ въ тайгѣ посошокъ и пошелъ...

— Куда?

— Да такъ, никуда. Въ одномъ мѣстѣ поживу, за хлѣбъ поработаю — поле вспашу хозяину, а въ другое — къ жатвѣ поспѣю. Гдѣ день проживу, гдѣ недѣлю, а гдѣ и мѣсяцъ; и все смотрю, какъ люди живутъ, какъ Богу молятся, какъ вѣруютъ... Праведныхъ людей искалъ.

— Что же, нашелъ?

— Какъ сказать тебѣ?.. Конечно, всякіе тоже люди есть, и у всякаго, братецъ, свое горе. Это вѣрно. Ну, только все же плохо, братецъ, въ нашей сторонѣ люди Бога-то помнятъ. Самъ тоже понимаешь: такъ ли бы жить-то надо, если по Божьему закону?.. Всякъ о себѣ думаетъ, была бы мамона сыта. Ну, что еще: который грабитель въ кандалахъ закованъ идетъ, и тотъ не настоящій грабитель... Правду ли я говорю?

— Пожалуй... Ну, и что же?

— Ну, еще пуще сталъ на міру тосковать... Вижу, что толку нѣту,—мечусь, все равно какъ въ лѣсу... Теперь, конечно, маленькое понятіе имѣю, да и то... Ну, а тогда вовсе сталъ безъ ума. Надумалъ, напримѣръ, въ арестанты поступить...

— Это какъ же?

— А такъ, очень просто: назвался бродягой,—и посадили. Вродѣ крестъ на себя наложилъ..

— Что жъ, легче ли стало отъ этого?

— Какой-те легче! Конечно, глупость одна. Ты вотъ, можетъ, въ тюрьмѣ не бывалъ, такъ не знаешь, а я довольно узналъ, каковъ это есть монастырь. Главное дѣло — безъ

пользы всякой живутъ люди, безъ работы. Суется это онъ изъ угла въ уголъ, да пакость какую ни есть и надумаетъ. На скверное слово, на отчаянность — самый скорый народъ, а чтобъ о душѣ подумать, о Богѣ тамъ, — это за большую рѣдкость, и даже еще смѣются... Отчаянный самый народъ. Вижу я, что, по глупости своей, не въ надлежащее мѣсто попалъ, и объявилъ свое имя сталъ изъ тюрьмы проситься. Не пускаютъ. Справки пошли, то, другое... Да еще говорятъ: какъ смѣлъ на себя самовольно этакое званіе принять?.. Истомили въ конецъ. Не знаю ужъ, что-бъ и было со мной, да вышелъ тутъ случай... И плохо мнѣ отъ этого самаго случая пришлось... ну, а безъ него-то, пожалуй, было бы еще хуже...

Прошелъ какъ-то по тюрьмѣ говоръ: Безрукаго, молъ, покаянника опять въ острогъ приведутъ. Слышу я разговоры эти: кто говоритъ „правда", другіе спорятся, а мнѣ, признаться, въ ту пору и ни къ чему было: ведутъ, такъ ведутъ. Мало ли каждый день приводятъ? Пришли это изъ городу арестантики, говорятъ: „Вѣрно. Подъ строгимъ конвоемъ Безрукаго водятъ. Къ вечеру безпремѣнно въ острогъ". „*Шпанка*" *) на дворъ повалила,—любопытно. Вышелъ и я погулять тоже: не то чтобы любопытно было, а такъ, больше съ тоски, все, бывало, по двору суешься. Только сталъ я ходить, задумался и о Безрукомъ забылъ совсѣмъ. Вдругъ отворяютъ ворота, смотрю—ведутъ старика. Стариченка-то маленькій, худенькій, борода сѣдая болтается, длинная: идетъ, самъ пошатывается,— ноги не держатъ. Да и рука одна безъ дѣйствія виситъ. А, между прочимъ, пятеро конвою съ нимъ и еще штыки къ нему приставили. Какъ увидѣлъ я это, такъ меня даже шатнуло... „Господи, думаю, чего только дѣлаютъ. Неужели-же человѣка этакъ водить подобаетъ, будто тигру какую? И диви бы еще богатырь какой, а то вѣдь старичокъ ничтожный, недѣля до смерти ему!.."

Взяла меня страшная жалость. И что больше смотрю, то больше сердце у меня разгорается. Провели старика въ контору: кузнеца позвали—ковать въ ручные и ножные кандалы, накрѣпко. Взялъ старикъ жалобы, покрестилъ старымъ крестомъ, самъ на ноги надѣлъ. „Дѣлай!" — говоритъ кузнецу. Потомъ „наручни" покрестилъ, самъ руки продѣлъ.—„Сподобы, говоритъ, Господи, покаянія рады!"

Ямщикъ замолчалъ и опустилъ голову, какъ будто переживая въ воспоминаніи разсказанную сцену. Потомъ, тряхнувъ головой, заговорилъ опять:

---

*) *Шпанкой* на арестантскомъ жаргонѣ зовутъ сѣрую арестантскую массу

— Прельстилъ онъ меня тогда, истинно тебѣ говорю: за сердце взялъ. Удивительное дѣло! Послѣ-то я его хорошо узналъ: чистый дьяволъ, прости Господи, сомуститель и врагъ. А какъ могъ изъ себя святого представить! Вѣдь и теперь, какъ вспомню его молитву, все не вѣрится: другой человѣкъ тогда былъ, да и только.

Да вѣдь и не я одинъ. Повѣришь ли, „шпанка“ тюремная — и та притихла. Смотрятъ всѣ, молчатъ. Которые раньше насмѣхались, и тѣ примолкли, а другой даже и крестное знаменіе творитъ. Вотъ, братъ, какое дѣло!

Ну, а ужъ меня онъ прямо руками взялъ. Потому какъ былъ я въ то время въ задумчивости, вродѣ оглашеннаго, и взошло мнѣ въ голову, что есть этотъ старикъ истинный праведникъ, какіе встарину бывали. Ни съ кѣмъ я въ ту пору не то что дружбу водить, а даже не разговаривалъ. Я ни къ кому, и ко мнѣ никто. Иной разъ и слышу тамъ разговоры ихніе, да все мимо ушей, точно вотъ мухи жужжатъ... Что ни надумаю,—все про себя: худо ли, хорошо ли,—ни у кого не спрашивалъ. Вотъ и задумалъ я къ старику къ этому въ „секретную“ пробраться; подошелъ случай, сунулъ часовымъ по пятаку, они и пропустили, а потомъ и такъ стали пускать, даромъ. Глянулъ я къ нему въ оконце, вижу: ходитъ старикъ по камерѣ, желѣзы за нимъ волочатся, да все что-то самъ себѣ говоритъ. Увидѣлъ меня, повернулся и подходитъ къ дверямъ.

— Что надо?

— Ничего, говорю, не надо, а такъ... навѣстить пришелъ. Чай одному-то скучно.

— Не одинъ я здѣсь, отвѣчаетъ, а съ Богомъ, съ Богомъ-то не скучно, а все же доброму человѣку радъ.

А я стою передъ нимъ дуракъ дуракомъ, онъ даже удивляется, посмотритъ на меня и покачаетъ головой. А разъ какъ-то и говоритъ:

— Отойди-ка, парень, отъ оконца-то, хочу тебя всего видѣть.

Отошелъ я маленько, онъ глазъ-то къ дырѣ приставилъ, смотрѣлъ, смотрѣлъ и говоритъ:

— Что ты за человѣкъ за такой, сказывайся.

— Чего сказываться-то,—отвѣчаю ему,—самый потерянный человѣкъ, больше ничего.

— А можно ли, говоритъ, на тебя положиться? Не обманешь?..

— Никого, молъ, еще не обманывалъ, а тебя и подавно. Что прикажешь, все сдѣлаю вѣрно.

Подумалъ онъ немножко, а потомъ опять говоритъ:

— „Нужно мнѣ человѣка на волю спосылать нынче ночью. Не сходишь ли?“—Какъ же мнѣ, говорю, отсюда выйти?—„Я тебя научу“,—говоритъ. И точно, такъ научилъ, что вышелъ я ночью изъ тюрьмы, все равно, какъ изъ избы своей. Нашелъ человѣка, котораго мнѣ онъ указалъ, сказалъ ему „слово“. Къ утру назадъ. Признаться, какъ сталъ подходить къ острогу, на самой зорькѣ, стало у меня сердце загораться. „Что, думаю, мнѣ за неволя въ петлю лѣзти? Взять да уйти!..“ А острогъ-то, знаешь, за городомъ стоитъ. Дорога тутъ пролегла широкая. У дороги на травушкѣ роса блеститъ, хлѣба стоятъ-наливаются, за рѣчкой лѣсокъ шумитъ маленечко... Приволье!.. А назадъ оглянешься: острогъ стоитъ, точно сычъ насупившись... Да еще ночью-то, дѣло, конечно, сонное... А вспомнишь, какъ тутъ съ зарей день колесомъ завертится,—просто бѣда! Сердце не терпитъ, такъ вотъ и подмываетъ уйти по дорогѣ на просторъ, да на волюшку...

Однако вспомнилъ про старика своего... „Неужто, думаю, я его обману?“ Легъ на траву, въ землю уткнулся, полежалъ маленечко, потомъ всталъ, да и повернулся къ острогу. Назадъ не гляну... Подошелъ поближе, поднялъ глаза, а въ башенкѣ, гдѣ у насъ были секретныя камеры, на окошкѣ мой старикъ сидитъ, да на меня изъ-за рѣшетки смотритъ.

Пробрался я днемъ-то въ его камеру, обсказываю все, какъ, значитъ, его приказаніе исполнилъ. Повеселѣлъ онъ. „Ну, говоритъ, спасибо тебѣ, дитятко. Сослужилъ ты мнѣ службу, вѣкъ не забуду. А что, парень,—спрашиваетъ послѣ,—на волю-то небось крѣпко хочется?“ А самъ смѣется.—Такъ, говорю, хочется, смерть!—„То-то, говоритъ. А за что ты сюда-то попалъ, за какое качество?“—Никакого, говорю, качества не было. Такъ, глупость моя, больше ничего. — Покачалъ онъ тутъ головой.—„Эхъ, говоритъ, посмотрѣть на тебя, парень, и то обидно. Эдакую тебѣ Богъ далъ силу и года твои, можно сказать, ужъ не маленькія, а ты, кромѣ глупостей этихъ, ничего не знаешь на свѣтѣ. Вотъ сидишь теперь тутъ... Что толку? На міру, братъ, грѣхъ, на міру и спасенье...“

— Грѣха, отвѣчаю, много.

— А здѣсь мало, что ли? Да и грѣхи-то здѣсь все безтолковые. Мало ли ты здѣсь нагрѣшилъ-то, а каешься ли?—Горько мнѣ, говорю.—„Горько! А о чемъ—и самъ не знаешь. Не есть это покаяніе настоящее. Настоящее покаяніе сладко. Слушай, что я тебѣ скажу, да помни: безъ грѣха одинъ Богъ, а человѣкъ по естеству грѣшенъ и спасается покаяніемъ. А покаяніе по грѣхѣ, а грѣхъ на міру. Не согрѣшишь—и не покаешься, а не покаешься—не спасешься. Понялъ ли?“

А я, признаться, въ ту пору не совсѣмъ его слова понималъ, а только слышу, что слова хорошія. Притомъ и самъ уже я ранѣе думалъ: какая есть моя жизнь? Всѣ люди—какъ люди, а я точно и не живу на свѣтѣ: все равно какъ трава въ полѣ или бы лѣсина таёжная. Ни себѣ, ни другимъ.

— Это, говорю, вѣрно. На міру хоть и не безъ грѣха жить, такъ по крайности жить, чѣмъ этакъ-то маяться. А только какъ мнѣ жить, не знаю. Да еще когда изъ острога-то выпустятъ.

— Ну,—говоритъ старикъ,—это ужъ мое дѣло. Молился я о тебѣ: дано мнѣ извести изъ темницы душу твою... Обѣщаешь ли меня слушаться,—укажу тебѣ путь къ покаянію.— Обѣщаюсь, говорю.—„И клянешься?"—И клянусь... Поклялся я клятвой, потому что въ ту пору совсѣмъ онъ завладѣлъ мною: въ огонь прикажи,—въ огонь пойду, а въ воду, такъ въ воду.

Вѣрилъ я этому человѣку. И сталъ было мнѣ одинъ арестантикъ говорить: „Ты, молъ, зачѣмъ это съ Безрукимъ связываешься? Не гляди, что онъ живой на небо пялится: руку-то ему купецъ на разбоѣ пулей прострѣлилъ!.." Да я слушать не сталъ, тѣмъ болѣе, что и говорилъ-то онъ во хмѣлю, а я пьяныхъ страсть не люблю. Отвернулся я отъ него, и онъ тоже осердился: „Пропадай, говоритъ, дурья голова!" А надо сказать: справедливый былъ человѣкъ, хоть и пьяница.

Въ скорости Безрукому облегченіе вышло. Перевели его изъ секретной въ общую, съ другими прочими вмѣстѣ. Только и онъ, какъ я же, все больше одинъ. Бывало, начнутъ арестанты приставать, шутки шутить, онъ хоть бы те слово въ отвѣтъ. Поведетъ только глазами, такъ тутъ самый отчаянный опѣшитъ. Нехорошо смотрѣлъ...

Ну, а еще черезъ малое время — и совсѣмъ освободился. Гулялъ я разъ, лѣтнее дѣло, по двору; смотрю, засѣдатель въ контору прошелъ, потомъ провели къ нему Безрукаго. Не прошло полчаса, выходитъ Безрукой съ засѣдателемъ на крыльцо, въ своей одеждѣ, какъ есть на волю выправился, веселый. И засѣдатель тоже смѣется. „Вотъ, вѣдь, думаю, привели человѣка съ какимъ отягченіемъ, а между прочимъ, вины за нимъ не имѣется". Жалко мнѣ, признаться, стало,— тоска. Вотъ, молъ, опять одинъ останусь. Только оглядѣлся онъ по двору, увидѣлъ меня и манитъ къ себѣ пальцемъ. Подошелъ я, снялъ шапку, поклонился начальству, а Безрукой-то и говоритъ:

— Вотъ, ваше благородіе, нельзя ли этого парня обсудить поскорѣе? Вины за нимъ большой нѣту.

— А какъ тебя звать-то?—спрашиваетъ засѣдатель.

— Ѳедоромъ, молъ, зовутъ, Сплинымъ.

— А, говоритъ, помню. Что-жъ, это можно. И судить его не надо, потому что за глупость не судятъ. Вывести за ворота, дать по шеѣ раза, чтобъ напредки не въ свое мѣсто не совался, только и всего. А между прочимъ, справки-то, кажись, давно у меня получены. Черезъ недѣлю непремѣнно отпущу его...

— Ну, вотъ, и отлично,—говоритъ Безрукой.—А ты, парень,—отозвалъ онъ меня къ сторонкѣ,—какъ ослобонишься, ступай на Кильдѣевскую заимку, спроси тамъ хозяина Ивана Захарова, я ему о тебѣ поговорю, дитятко; да клятву-то помни.

И ушли они. А черезъ недѣлю, точно, и меня на волю отпустили. Вышелъ я изъ острога и тотчасъ отправился въ эти вотъ самыя мѣста. Разыскалъ Ивана Захарова. Такъ и такъ, говорю, меня Безрукой прислалъ.—„Знаю, говоритъ. Сказывалъ объ тебѣ старикъ. Что-жъ, становись пока въ работники ко мнѣ, тамъ увидимъ“.—А самъ-то, молъ, Безрукой гдѣ же находится?—„Въ отлучкѣ, говоритъ,—по дѣламъ онъ все ѣздитъ. Никакъ скоро будетъ“.

Вотъ и сталъ я жить на заимкѣ—работникомъ не работникомъ,—такъ живу, настоящаго дѣла не знаю. Семья у нихъ небольшая была. Самъ хозяинъ, да сынъ большой, да работникъ... Я четвертый. Ну, бабы еще, да Безрукой наѣзжалъ. Хозяева—люди строгіе, старовѣры, законъ соблюдаютъ: табаку, водки—ни-ни! А работникъ Кузьма—тотъ у нихъ полоумный какой-то былъ, лохматый да черный, какъ эфіопъ. Чуть, бывало, колокольчикъ забрякаетъ, онъ сейчасъ въ кусты и захоронится. А Безрукаго-то пуще всѣхъ боялся. Издали, бывало, завидитъ, тотчасъ бѣгомъ въ тайгу, и все въ одно мѣсто прятался. Зовутъ хозяева, зовутъ,—не откликается. Пойдетъ къ нему самъ Безрукой, слово скажетъ, онъ и идетъ за нимъ, какъ овечка, и все опять справляетъ, какъ надо.

Наѣзжалъ Безрукой на заимку-то не часто и со мной почитай-что не разговаривалъ. Бесѣдуетъ, бывало, съ хозяиномъ, да на меня смотритъ, какъ я работаю: а подойдешь къ нему,—все некогда. „Погоди, говоритъ, дитятко, ужо на заимку перейду, тогда поговоримъ. Теперь недосугъ“. А мнѣ тоска. Хозяева, положимъ, работой не притѣсняли, пища хорошая, слова дурного не слыхивалъ. Съ проѣзжающими и то посылали рѣдко. Все больше либо самъ хозяинъ, либо сынъ съ работникомъ, особливо ночью. Ну, да мнѣ безъ работы-то еще того хуже; пуще дума одолѣваетъ, мѣста себѣ не найду...

Прошло никакъ недѣль пять, какъ я изъ тюрьмы вышелъ. Пріѣзжаю разъ вечеромъ съ мельницы; гляжу, народу у насъ въ избѣ много... Распрегъ коня; только хочу на крылецъ идти,—хозяинъ мнѣ на-встрѣчу. „Не ходи, говоритъ, погоди малость, самъ позову. Да слышь!—не ходи, я тебѣ говорю". Что же, думаю себѣ, за оказія такая? Повернулся я, пошелъ къ сѣновалу. Легъ на сѣно,—не спится. Вспомнилъ, что топоръ у меня около ручья оставленъ. Сходить, думаю: станетъ народъ расходиться, какъ бы кто не унесъ. Пошелъ мимо оконъ, да какъ-то и глянулъ въ избу. Вижу: полна изба народу, за столомъ засѣдатель сидитъ: водка передъ нимъ, закуска, перо, бумага,—слѣдствіе, однимъ словомъ. А въ сторонѣ-то, на лавкѣ, Безрукой сидитъ. Ахъ ты Господи!.. Точно меня обухомъ по головѣ шибануло!.. Волосы у него на лобъ свѣсились, руки назадъ связаны, а глаза точно угли... И такой онъ мнѣ страшный тогда показался, сказать не могу...

Отшатнулся я отъ окна, отошелъ къ сторонкѣ... Осенью дѣло это было. Ночь стояла звѣздная, да темная. Никогда мнѣ, кажется, ночи этой не забыть будетъ. Рѣчка эта плещется, тайга шумитъ, а самъ я точно во снѣ. Сѣлъ на бережку, на травѣ, дрожу весь... Господи!..

Долго ли, коротко ли сидѣлъ, только слышу: кто-то идетъ изъ тайги тропочкой мимо, въ бѣломъ пинжакѣ, въ фуражкѣ, палочкой помахиваетъ. Писарь... верстахъ въ четырехъ жилъ. Прошелъ онъ по мостику и прямо въ избу. Потянуло тутъ и меня къ окну: что будетъ?

Писарь вошелъ въ двери, снялъ шапку, смотритъ кругомъ. Самъ, видно, не зналъ, зачѣмъ позвали. Потомъ пошелъ къ столу мимо Безрукаго и говоритъ ему: „Здравствуй, Иванъ Алексѣевичъ!" Безрукой его такъ и опалилъ глазами, а хозяинъ за рукавъ дернулъ, да шепнулъ что-то. Писарь, видно, удивляется. Подошелъ къ засѣдателю, а тотъ, уже порядочно выпивши, смотритъ на него мутными глазами, точно съ просонья. Поздоровались. Засѣдатель и спрашиваетъ:

— Знаете вы этого человѣка?—самъ въ Безрукаго пальцемъ тычетъ.

Посмотрѣлъ писарь, съ хозяиномъ переглянулся.

— Нѣтъ, говоритъ, не видывалъ будто.

Что такое, думаю, за оказія? Вѣдь и засѣдатель-то его хорошо знаетъ.

Потомъ засѣдатель опять:

— Это не Иванъ Алексѣевъ, здѣшній житель, по прозванію Безрукой?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ писарь,—не онъ.

Взялъ засѣдатель перо, написалъ что-то на бумагѣ и сталъ вычитывать. Слушаю я за окномъ, дивлюсь только. По бумагѣ-то выходитъ, что самый этотъ старикъ Иванъ Алексѣевъ не есть Иванъ Алексѣевъ: что его сосѣди, а также и писарь не признаютъ за таковое лицо, а самъ онъ именуетъ себя Иваномъ Ивановымъ и пачпортъ кажетъ. Вотъ вѣдь удивительное дѣло! Сколько народу было, всѣ руки прикладывали, и ни одинъ его не призналъ. Правда, и народъ тоже подобрали на тотъ случай! всѣ эти понятые у Ивана Захарова чуть не кабальные, въ долгу.

Кончили это дѣло, понятыхъ отпустили... Безрукаго засѣдатель развязать велѣлъ еще раньше. Иванъ Захаровъ выноситъ деньги, даетъ засѣдателю, тотъ сосчиталъ, сунулъ въ карманъ. „Теперь, говоритъ, тебѣ, старикъ, безпремѣнно мѣсяца на три уѣхать надо. А не уѣдешь,—смотри,—на меня не пеняй... Ну, лошадей мнѣ давайте!..“

Отошелъ я отъ окна, прошелъ на сѣновалъ, думаю, сейчасъ кто-нибудь къ лошадямъ выйдетъ. Не хотѣлось мнѣ, чтобъ меня подъ окномъ-то увидали. Лежу на сѣнѣ, спать не сплю, а все будто сонъ вижу, съ мыслями не могу собраться... Слышу — проводили засѣдателя. Побрякалъ колокольцами, уѣхалъ... Въ домѣ всѣ улеглись, огни погасли. Сталъ было и я дремать, да вдругъ это слышу опять: динь, динь, динь! Колокольчикъ звенитъ. А ночь-то тихая-претихая, далеко слышно. И все это ближе, да ближе: изъ-за рѣки къ намъ будто ѣдутъ. Малое время спустя и въ избѣ колокольчикъ-то услыхали, огонь вздули. Тройка на дворъ въѣхала. Знакомый ямщикъ проѣзжающихъ привезъ, — значитъ, по дружбѣ; мы къ нему возили, онъ къ намъ.

Ну, думаю себѣ, можетъ, ночевать станутъ. Да и то: ночью рѣдко меня посылали; больше самъ хозяинъ, либо сынъ да работникъ. Сталъ я опять дремать, да вдругъ слышу: Безрукой съ хозяиномъ тихонько подъ навѣсомъ разговариваютъ.

— Ну, какъ же быть?—старикъ-то говоритъ.—Да гдѣ же Кузьма?

— То-то вотъ,—хозяинъ отвѣчаетъ.—Иванъ съ засѣдателемъ уѣхалъ, а Кузьма, какъ народъ увидалъ, такъ сейчасъ теку. И въ кустахъ его, слышь, нѣту. Дуракъ парень этотъ. Совсѣмъ, кажись, ума рѣшился.

— Ну, а Ѳедоръ? — старикъ опять спрашиваетъ: это ужъ про меня.

— Ѳедоръ, молъ, вечоръ съ мельницы пріѣхалъ, хотѣлъ въ избу идти, да я не пустилъ.

— Хорошо, говоритъ, надо быть спать завалился. Ничего не видалъ?

— Надо полагать—ничего. Прямо на сѣновалъ ушелъ.

— Ну, ладно. Пустить его, видно, сегодня въ дѣло...

— Ладно-ли будетъ?—говоритъ Захаровъ.

— Ничего, ладно. Парень этотъ простой, а сила въ немъ чудесная: и меня слушаетъ,—кругомъ пальца его оберну. И то сказать: я вѣдь въ самомъ дѣлѣ теперича на полгода ѣду, а парня этого надо къ дѣлу приспособить. Безъ меня дѣло не обойдется.

— Все же будто сумнительный человѣкъ,—говоритъ Захаровъ.— Не по уму онъ мнѣ что-то, даромъ что дурачкомъ глядитъ.

— Ну, ну,—старикъ отвѣчаетъ.—Знаю я его. Простой парень. Намъ этакихъ и надо. А ужъ Кузьму какъ-нибудь сбывать придется. Какъ бы чего не напрокудилъ.

Стали меня окликать: Ѳедоръ, а Ѳедоръ! А у меня духу нѣтъ отвѣтить. Молчу. Полѣзъ старикъ на сѣновалъ, ощупалъ меня. „Вставай, Ѳедорушка! — говоритъ, да таково ласково.—Ты, спрашиваетъ, спалъ ли?“—Спалъ, говорю...—„Ну, говоритъ, дитятко, вставай, запрягай коней; съ проѣзжающимъ поѣдешь. Помнишь ли, въ чемъ клялся?“ — Помню, говорю. А у самого зубы-то щелкаютъ, дрожь по тѣлу идетъ, холодъ.— „Можетъ,—говоритъ старикъ,—подошло твое время. Слушайся, что я прикажу. А пока—запрягай-ка проворнѣй: проѣзжающіе торопятся“...

Вытащилъ я изъ-подъ навѣса телѣгу, захомуталъ коренную, сталъ запрягать, а сердце такъ и стучитъ, такъ и колотится! И все думаю, не сонное ли, молъ, все это видѣніе? Въ головѣ суета какая-то, а мыслей нѣту...

Безрукой, гляжу, тоже коня сѣдлаетъ, а конекъ у него послушный былъ, какъ собаченка. Одною рукой онъ его сѣдлалъ. Сѣлъ потомъ на него, сказалъ ему слово тихонько, конь и пошелъ со двора. Запрегъ я коренную, вышелъ за ворота, гляжу: Безрукой рысцой уже въ тайгу въѣзжаетъ. Мѣсяцъ-то хоть не взошелъ еще, а все же видно маленько. Скрылся онъ въ тайгу, и у меня на сердцѣ-то полегчало.

Подалъ я лошадей. Въ избу меня проѣзжающіе позвали, барыня молодая, да трое ребятъ, малъ-мала меньше. Старшему-то четыре годика, а младшей самой дѣвочкѣ года два, не болѣе. И куда только, думаю, тебѣ горемычной экое мѣсто ѣхать доводится, да еще одной, безъ мужа? Барыня-то тихая, привѣтная. Посадила меня за столъ, чаемъ напоила. Спрашиваетъ, какія мѣста, нѣтъ ли шалостей? — Не слыхивалъ, говорю, а самъ думмю: охъ, родная! боишься ты, видно. Да и какъ ей, бѣдной, не бояться: клади съ ней много, богато

ѣдетъ, да еще съ ребятами: материнское сердце — вѣщунъ. Тоже, видно, неволюшка гонитъ.

Ну, сѣли, поѣхали. До свѣту еще часа два оставалось. Выѣхали на дорогу, съ версту этакъ проѣхали; гляжу, пристяжка у меня шарахнулась. Что, думаю, такое тутъ? Остановилъ коней, оглядываюсь: Кузьма изъ кустовъ ползетъ на дорогу. Всталъ обокъ дороги, смотритъ на меня, самъ лохмами своими трясетъ, смѣется про себя... Фу ты, окаянная сила! У меня и то кошки по сердцу скребнули, а барыня моя, гляжу, ни жива, ни мертва... Ребята спятъ, сама не спитъ, мается. На глазахъ слезы. Плачетъ... „Боюсь я, говоритъ, всѣхъ васъ боюсь...“

— Что ты, говорю, Христосъ съ тобой, милая. Или я душегубъ какой?.. Да вы почто же ночевать-то не остались?..

— Тамъ-то, говоритъ, еще того хуже. Прежній ямщикъ сказалъ: къ ночи въ деревню пріѣдемъ, а самъ въ глухую тайгу завезъ, на заимку... У старика-то,—говоритъ барыня,— пуще всѣхъ глаза нехорошіе...

Ахъ ты, Господи, думаю, что мнѣ теперича съ нею дѣлать? Убивается, бѣдная.

— Что-жъ, говорю, теперича, какъ будете: назадъ ли вернетесь, или дальше поѣдемъ? Хожу я кругъ ея, — не знаю, какъ и утѣшить, потому жалко. А тутъ еще и логъ этотъ недалече; съ проселку на него выѣзжать приходилось, мимо „Камня“. Вотъ видитъ она, что и самъ я съ нею опѣшилъ, и засмѣялась:

— Ну, садись, говоритъ, поѣзжай. Не вернусь я назадъ: тамъ страшнѣе... Съ тобой лучше поѣду, потому что лицо у тебя доброе.—Теперь это, братецъ, люди меня боятся, „убивцемъ“ зовутъ, а тогда я все одно какъ младенецъ былъ, печати этой каиновой на мнѣ еще не было.

Повеселѣлъ и я съ нею. Сѣлъ на козлы. „Давай, — говоритъ моя барыня,—станемъ разговаривать“ Спрашиваетъ про меня и про себя сказываетъ. Ѣдетъ къ мужу. Сосланный мужъ у нея изъ богатыхъ. „А ты, говоритъ, у этихъ хозяевъ давно ли живешь: въ услуженіи ли, какъ ли?“—Въ услуженіи, говорю, недавно нанялся.—„Что, молъ, за люди?“—Люди, говорю, ничего... А впрочемъ, кто ихъ знаетъ. Строгіе... водки не пьютъ, табаку не курятъ.—„Это, говоритъ, пустяки одни, не въ этомъ дѣло“.—А какъ же, говорю, жить-то надо? Вижу я: она хоть баба, да съ толкомъ: не скажетъ ли мнѣ чего путнаго? „Ты, спрашиваетъ, грамотный ли?“ — Маленечко, молъ, учился.—„Какая, говоритъ, большая заповѣдь въ Евангеліи?“—Большая, молъ, заповѣдь—любовь!—„Ну, вѣрно. А

еще сказано: больше той любви не бываетъ, если кто душу готовъ отдать за други своя! Вотъ тутъ и весь законъ. Да еще умъ, говоритъ, нуженъ,—значитъ, разсудить: гдѣ польза, а гдѣ пользы нѣту. А персты эти, да табакъ тамъ—это одна наружность...“—Ну, правда твоя, отвѣчаю. А все же и строгости маленько не мѣшаетъ, чтобы человѣкъ во всякое время помнилъ.

Ну, разговариваемъ этакъ, ѣдемъ себѣ не торопясь. Къ тайгѣ подъѣхали, къ рѣчушкѣ. Перевозъ тутъ. Рѣчка въ малую воду узенькая: паромъ толканешь, онъ ужъ и на другой сторонѣ. Перевозчиковъ и не надо. Ребятки проснулись, продрали глазенки-то, глядятъ: ночь ночью. Лѣсъ это шумитъ, звѣзды на небѣ, луна только передъ свѣтомъ подымается... Ребятамъ-то и любо... Извѣстное дѣло—несмысли!

Ну, только, братецъ, въѣхали въ тайгу, — меня точно по сердцу-то холодомъ обмахнуло. Гляжу: впереди по тропочкѣ ровно бы кто на вершной бѣжитъ. Явственно-то не видно, а такъ кажетъ, будто сѣрый конекъ Безрукаго, и топотокъ слышно. Упало у меня сердце: что, молъ, это такое будетъ? Зачѣмъ старикъ сюда выѣхалъ? Да еще клятву мнѣ напомнилъ ранѣе... Не къ добру... Задумался я... Страхъ передъ старикомъ разбираетъ. Прежде я любилъ его, а съ этого вечера бояться сталъ; какъ вспомню, какіе глаза у него были, такъ дрожь и пройдетъ, и пройдетъ по тѣлу.

Примолкъ я; думать ничего не думаю и не слышу ничего. Барыня моя слово-другое скажетъ, — я все молчу. Стихла и она, бѣдная... Сидитъ...

Мѣсто пошло узкое, темное мѣсто. Тайга самая злющая, чернь. А на душѣ у меня тоже черно, просто сказать—чернѣе ночи. Сижу самъ не свой. Кони дорогу знаютъ, бѣгутъ къ „Камню“ этому,—я не правлю. Подъѣзжаемъ,—такъ и есть... Стоитъ на дорогѣ сѣрый конекъ, старикъ на немъ сидитъ, глаза у него, — вѣрищь ли Богу, — какъ угли... Я и вожжи-то выпустилъ изъ рукъ. Кони вплоть подъѣхали къ сѣрому, стали сами собой. „Ѳедоръ! — старикъ говоритъ, — сойди-ка на земь!“ Сошелъ я съ козелъ, послушался его, онъ тоже съ сѣдла слѣзаетъ. Конька-то своего сѣраго поперекъ дороги передъ тройкой поставилъ. Стоятъ мои кони, ни одинъ не шелохнется. Я тоже стою, какъ околдованный. Подошелъ онъ ко мнѣ, говоритъ что-то, за руку взялъ, ведетъ къ кошовкѣ. Гляжу: въ рукѣ у меня топоръ!..

Иду за нимъ... и словъ у меня супротивъ его, душегуба, нѣту, и силъ моихъ нѣту противиться. „Согрѣши, говоритъ, познаешь сладость покаянія...“ Больше не помню. Подошли

мы вплоть къ кошовушкѣ... Онъ сталъ обокъ. „Начинай,—говоритъ.—Сначала бабу-то по лбу!“—Глянулъ я тутъ въ кошовку... Господи Боже! Барыня-то моя сидитъ, какъ голубка ушибленная, ребятокъ руками кроетъ, сама на меня большими глазами смотритъ. Сердце у меня повернулось... Ребятки тоже проснулись, глядятъ, точно пташки. Понимаютъ ли, нѣтъ ли...

И точно я съ этого взгляду отъ сна какого прокинулся. Отвелъ глаза, подымаю топоръ... А самому страшно: сердце закипаетъ... Посмотрѣлъ я на Безрукаго, дрогнулъ онъ... Понялъ. Посмотрѣлъ я въ другой разъ: глаза у него зеленые, такъ и бѣгаютъ. Поднялась у меня рука, размахнулся... состонать не успѣлъ старикъ, повалился мнѣ въ ноги, а я его, братецъ, мертваго... ногами... Самъ звѣремъ сталъ, прости меня, Господи Боже!..

Разсказчикъ тяжело перевелъ духъ.

— Что̀ же послѣ? — спросилъ я, видя, что онъ замолкъ и задумался.

— Ась?—откликнулся онъ.—Да, послѣ-то? Очнулся я, смотрю: скачетъ къ намъ Иванъ Захаровъ на вершной, въ рукахъ ружье держитъ. Подскакалъ вплоть; я къ нему... Лежать бы и ему рядомъ съ Безрукимъ, ужъ это вѣрно, да, спасибо, самъ догадался. Какъ глянулъ на меня,—повернулъ коня, да давай его ружейнымъ прикладомъ по бокамъ нахлестывать. Тутъ у него меренокъ человѣческимъ голосомъ взвылъ, право, да какъ взовьется, что твоя птица!

Опомнился я вовсе... Не гляжу на людей... Сѣлъ на козлы, коней хлеснулъ... ни съ мѣста... Глядь, а сѣрый конекъ все поперекъ дороги стоитъ. Я про него и забылъ. Вотъ, вѣдь, дьяволъ, какъ былъ пріученъ! Перекрестился я. Видно, думаю, и животину дьявольскую тутъ же уложить придется. Подошелъ къ коньку: стоитъ онъ, только ухми прядетъ. Дернулъ я за поводъ, упирается. Ну, говорю, выходи, барыня, изъ кошовки, какъ бы не разнесли кони-то съ испугу, потому что онъ вплоть передъ ними стоитъ. Барыня, что твой ребенокъ послушный, выходитъ... Ребята повылѣзли, къ матери жмутся. Страшно и имъ, потому мѣсто глухое, темное, а тутъ еще я съ дьяволами съ этими вожаюсь.

Спятилъ я свою тройку, взялъ опять топоръ въ руки, подхожу къ сѣрому! — Иди, говорю, съ дороги, — убью! Повелъ онъ ухомъ однимъ. Не иду, молъ. Ахъ ты! Потемнѣло у меня въ глазахъ, волосы подъ шапкой такъ и встаютъ... Размахнулся изо всей силы, брякъ его по лбу... Скричалъ онъ легонько, да и свалился, протянулъ ноги... Взялъ я его за ноги, сволокъ къ хозяину и положилъ рядомъ, обокъ дороги. Лежите!..

— Садитесь!—говорю барынѣ. Посадила она младшихъ-то ребятъ, а старшенькаго-то не сдюжаетъ... — „Помоги“, говоритъ. Подошелъ я; мальчонко-то руки ко мнѣ тянетъ. Только хотѣлъ я взять его, да вдругъ вспомнилъ...—Убери, говорю, ребенка-то подальше. Весь я въ крови, не гоже младенцу касаться...

Кое-какъ усѣлись. Тронулъ я... Храпятъ мои кони, не идутъ... Что тутъ дѣлать?.. Посади-ко,—говорю опять,—младенца на козлы. Посадила она мальчонку, держитъ его руками. Хлеснулъ я вожжой, — пошли, такъ и несутся... Вотъ какъ теперь же, самъ ты видѣлъ. Отъ крови бѣгутъ...

На утро доставилъ я барыню въ управу, въ село. Самъ повинился. „Берите меня, я человѣка убилъ“. Барыня разсказываетъ все, какъ было. „Онъ меня спасъ“, говоритъ. Связали меня. Ужъ плакала она, бѣдная. „За что же, говоритъ, вы его вяжете? Онъ доброе дѣло сдѣлалъ, моихъ ребятъ отъ злодѣевъ защитилъ“. Видитъ, что никто на ея слова вниманія не беретъ, кинулась ко мнѣ, давай развязывать сама. Тутъ ужъ я ее остановилъ... — Брось, говорю, не твое дѣло. Теперь ужъ дѣло-то людское, да Божье. Виноватъ ли я, правъ ли,—разсудитъ Богъ, да добрые люди... — „Да какая же, говоритъ, можетъ быть вина твоя?“ — Гордость моя, отвѣчаю. Черезъ гордость я и къ злодѣямъ этимъ попалъ самовольно. Отъ міру отбился, людей не слушался, все своимъ совѣтомъ поступалъ. Анъ вотъ онъ, свой-то совѣтъ и довелъ до душегубства...

Ну, отступилась, послушалась меня. Стала уѣзжать, подошла ко мнѣ прощаться, обняла... „бѣдный ты!..“ Ребятокъ обнимать заставляетъ. — Что ты? говорю. — Не скверни младенцевъ. Душегубъ вѣдь я...—Опасался признаться, что дѣтки и сами грѣха моего забоятся. Да нѣтъ, поднесла она маленькихъ, старшенькій самъ подошелъ. Какъ обвился мальчонко вокругъ шеи моей ручками.—не выдержалъ я, заревѣлъ. Слезы такъ и бѣгутъ. Добрая же душа у бабы этой!.. Можетъ, за ея добрую душу и съ меня Господь грѣха моего не взыщетъ...

— Если, — говоритъ она, — есть на свѣтѣ сколько-нибудь правды, мы ее для тебя добудемъ. Вѣкъ тебя не забуду! И точно не забыла. Самъ знаешь суды-то наши... волокита одна. Держали бы меня въ острогѣ и по сю пору, да ужъ она съ мужемъ меня бумагами оттуда добыли.

— А все-таки держали въ острогѣ?

— Держали и даже порядочное время. Главная причина— черезъ деньги. Послала мнѣ барыня денегъ полтысячи и

письмо мнѣ съ мужемъ написали. Какъ пришли деньги эти, и сейчасъ мое дѣло зашевелилось. Пріѣзжаетъ засѣдатель, вызвалъ меня въ контору. „Ну, говоритъ, дѣло твое у меня. Много ли дашь, я тебя вовсе оправлю?“

Ахъ ты, думаю, твое благородіе!.. За что деньги проситъ! Суди ты меня строго-на-строго, да чтобъ я твой законъ видѣлъ,—я тебѣ въ ноги поклонюсь. А онъ на-ко!—за деньги...

— Ничего, говорю, не дамъ. По закону судите, чему я теперича подверженъ.

Смѣется:—Дуракъ ты, я вижу, говоритъ. По закону твое дѣло въ двухъ смыслахъ выходитъ. Законъ на полкѣ лежитъ, а я, между прочимъ,—власть. Куда захочу, туда тебя и сну.

— Это, молъ, какъ же такъ выйдетъ?

— А такъ, говоритъ. Глупъ ты! Послушай вотъ: ты въ этомъ разѣ барыню-то съ ребятами защитилъ?

— Ну, молъ, что дальше-то?

— Ну, защитилъ. Можно это къ добродѣтели твоей приписать? Вполнѣ, говоритъ, можно, потому что это доброе дѣло. Вотъ тебѣ одинъ смыслъ.

— А другой, молъ, какой будетъ?

— Другой-то? А вотъ какой: посмотри ты на себя, какой ты есть дѣтина. Вотъ супротивъ тебя старикъ—все одно какъ ребенокъ. Онъ тебя сомущать, а ты бы ему благороднымъ манеромъ ручки-то назадъ, да къ начальству. А ты, не говоря худого слова, бацъ!.. и свалилъ. Это надо приписать къ твоему самоуправству, потому что этакъ не полагается. Понялъ?

— Понялъ, говорю. Нѣтъ у васъ правды! Кабы ты мнѣ это безъ корысти объяснилъ... такъ-ли, этакъ-ли,—я бъ тебѣ въ ноги поклонился. А ты вотъ что! Ничего тебѣ отъ меня не будетъ.

Осердился онъ.

— Хорошо же, молъ. Я тебя, голубчика, пока еще судъ да дѣло, въ острогѣ сгною.

— Ладно, говорю, не грози.

Вотъ и сталъ онъ меня гноить, да, вишь ты, барыня-то не отступилась, нашла ходы. Пришла откуда-то такая бумага, что засѣдатель мой ажъ завертѣлся. Призвалъ меня въ контору, кричалъ, кричалъ, а наконецъ того взялъ, да въ тотъ же день и отпустилъ. Вотъ и вышелъ я безъ суда... Самъ теперь не знаю. Сказываютъ люди, будутъ и у насъ суды правильные, вотъ я и жду: привелъ бы Богъ у присяжныхъ судей обсудиться, какъ они скажутъ.

— А что же Иванъ-то Захаровъ?

— А Иванъ Захаровъ безъ вѣсти пропалъ. У нихъ, слышь, съ Безрукимъ-то уговоръ былъ: ѣхать Захарову за мной невдалекѣ. Ежели, значитъ, я на душегубство согласія не дамъ, тутъ бы меня Захарову изъ ружья стрѣлять. Да, вишь, Богъ-то судилъ иначе... Прискакалъ къ намъ Захаровъ, а дѣло-то ужъ у меня кончено. Онъ и испужался. Сказывали люди опосля, что прибѣжалъ онъ тогда на заимку и сейчасъ сталъ изъ земли деньги свои копать. Выкопалъ, да какъ былъ, никому не сказавшись,—въ тайгу... А на зарѣ взяло заимку огнемъ. Самъ-ли какъ-нибудь заронилъ, а то, сказываютъ, Кузьма пѣтуха пустилъ, неизвѣстно. Только какъ полыхнуло на зорькѣ, къ вечеру угольки одни остались. Пошло все гнѣздо варваровъ прахомъ. Бабы и сейчасъ по міру ходятъ, а сынъ—на каторгѣ. Откупиться-то стало ужъ нечѣмъ.

— Тиру, милыя!.. Пріѣхали, слышь, слава-те Господи... Вишь ты, и солнышко Божье какъ разъ подымается.

IV. Сибирскій волтеріанецъ.

Прошло около мѣсяца. Покончивъ съ дѣлами, я опять возвращался въ губернскій городъ на почтовыхъ и около полудня пріѣхалъ на N-скую станцію.

Толстый смотритель стоялъ на крылечкѣ и дымилъ сигарой.

— Вамъ лошадей? — спросилъ онъ, не давъ мнѣ еще и поздороваться.

— Да, лошадей.

— Нѣтъ.

— Э, полноте, Василій Ивановичъ! Я вѣдь вижу...

Дѣйствительно, подъ навѣсомъ стояла тройка въ шлеяхъ и хомутахъ.

Василій Ивановичъ засмѣялся.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ онъ затѣмъ серьезно.— Вамъ, теперь, вѣроятно, не къ спѣху... Пожалуйста, я васъ прошу: погодите!

— Да зачѣмъ же? Ужъ не губернатора ли дожидаетесь?

— Губернатора! — засмѣялся Василій Ивановичъ. — Куда махнули. И всего-то надворнаго совѣтника, да ужъ очень хочется мнѣ этого парня уважить, право... Вы не обижайтесь, я и вамъ тоже всею душой. Но вѣдь я вижу: вамъ не къ спѣху, а тутъ, можно сказать, интересъ гуманности, правосудія и даже спасенія человѣчества.

— Да что у васъ съ правосудіемъ тутъ? Какія дѣла зазвались?

— А вотъ погодите, разскажу. Да что же вы здѣсь стоите? Заходите въ мою хибарку.

Я согласился и послѣдовалъ за Васильемъ Ивановичемъ въ его „хибарку“, гдѣ за чайнымъ столомъ насъ ждала уже его супруга, полная и чрезвычайно добродушная дама.

— Да, такъ вы насчетъ правосудія спрашивали?—заговорилъ опять Василій Ивановичъ. — Вы фамилію Проскурова слыхали?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Да и чего слыхать-то,—вмѣшалась Матрена Ивановна.— Такой же вотъ озорникъ, какъ и мой, и даже въ газетахъ строчитъ.

— Ну, ужъ это вы напрасно, вотъ ужъ напрасно!—горячо заговорилъ Василій Ивановичъ. — Проскуровъ, матушка моя, человѣкъ благонадежный, на виду у начальства. Ты еще угоднику моему свѣчку должна поставить за то, что мужъ твой съ этакими лицами знакомство ведетъ. Ты что о Проскуровѣ-то думаешь? Какого-нибудь шелопая сдѣлаютъ развѣ слѣдователемъ по особо-важнымъ дѣламъ?

— Что вы это мелете?—вступился я. — Какіе тутъ слѣдователи, да еще по особо-важнымъ дѣламъ?

— То-то и я говорю, — ободрилась Матрена Ивановна, — врешь ты все, я вижу. Да что я-то, по твоему, дура набитая, что ли? Неужто важные-то начальники такіе бываютъ?

— Вотъ вы у меня Матрену Ивановну и смутили, — укоризненно покачалъ головой смотритель.—А вѣдь, въ сущности, напрасно. Оно, конечно, по штату такой должности у насъ не полагается, но если человѣкъ, все-таки, ее исполняетъ по особому, такъ сказать, довѣрію, то вѣдь это еще лучше.

— Ничего я тутъ не понимаю,—сказалъ я.

— То-то вотъ. Сами не понимаете, а женщину неопытную смутили! Ну, а слышали вы, что у насъ есть тутъ компанія одна, вродѣ какъ бы на акціяхъ, которая ворочаетъ всѣми дѣлами большихъ дорогъ и темныхъ ночей?.. Неужели и этого не слыхали?

— Да, слыхалъ, конечно.

— Ну, то-то. Компанія, такъ сказать, всесословная. Дѣло ведется на широкую ногу, подъ девизомъ: „рука руку моетъ“, и даже не чуждается нѣкоторой гласности: по крайней мѣрѣ, всѣ отлично знаютъ о существованіи сего товарищества и даже лицъ въ немъ участвующихъ, — всѣ, кромѣ, конечно, превосходительнаго... Но вотъ недавно какъ-то, послѣ одного блестящаго дѣла, „самого“ осѣнила внезапная мысль: надо, думаетъ, „искоренить“. Это, положимъ, бывало и прежде: искореняли сами себя члены компаніи и все обходилось благополучно. Но на этотъ разъ осѣненіе вышло какое-то уни-

вительное. Очень ужъ изволили осердиться, да и назначили своего чиновника особыхъ порученій, Проскурова, слѣдователемъ, съ самыми широкими полномочіями по дѣламъ не только уже совершившимся, но и имѣющимъ впредь совершиться, если въ нихъ можно подозрѣвать связь съ прежними.

— Что же тутъ удивительнаго?

— Оно, конечно, Богъ умудряетъ и младенцы. Человѣкъ-то попался честный и энергичный,—вотъ что удивительно! Мѣсяца три ужъ искореняетъ: поднялъ такую возню, не дай Господи! Лошадей однѣхъ заѣздили около десятка.

— Что же тутъ хорошаго, особенно для васъ?

— Да вѣдь заѣздилъ-то не Проскуровъ... Этотъ ѣздитъ аккуратно. Земская полиція все за нимъ на обывательскихъ гоняется. Соревнованіе, знаете. Стараются попасть ранѣе на мѣсто преступленія... для пользы службы, конечно. Ну, да рѣдко имъ удается. Проскуровъ у насъ настоящій Лекокъ. Разъ, правда, успѣли одинъ кончикъ ловко у него изъ-подъ носу вытащить... Огорчили бѣднаго до такой степени, что онъ даже въ оффиціальномъ рапортѣ забылся: „стараніемъ, говоритъ, земскихъ властей приняты были всѣ мѣры къ успѣшному сокрытію слѣдовъ преступленія“. Ха-ха-ха!

— То-то вотъ,—сказала Матрена Ивановна,—я и говорю, озорникъ. Одного съ тобой поля ягода-то!..

— Ну, ужъ не озорникъ,—возразилъ Василій Ивановичъ.— Нѣ-ѣтъ! А что разъ промахнулся, такъ это и съ серьезнѣйшими людьми бываетъ. Самъ послѣ увидалъ, что далъ маху. Приступили къ нему; пришлось бѣднягѣ оправдываться опиской... „На предбудущее время,—говорятъ ему,—такихъ описокъ не допускать, подъ опасеніемъ отставки по разстроенному здоровью“. Чудакъ! Ха-ха-ха!

— Ну, а вы-то тутъ при чемъ? — спросилъ я.

Василій Ивановичъ принялъ комически-серьезный видъ.

— А я, видите ли, содѣйствую. У насъ тутъ, — спросите вотъ у Матрены Ивановны, — настоящій заговоръ, тайное сообщество. Онъ искореняетъ, а я ему, знаете ли, лошадокъ всегда наготовѣ держу. Взять хоть сегодня: тамъ, гдѣ-то по тракту убійство, и его человѣчекъ къ нему съ извѣстіемъ поскакалъ. Ну, значитъ, и самъ искоренитель скоро явится; вотъ у меня лошади въ хомутахъ, да и на другихъ станкахъ просилъ пріятелей приготовить. Вотъ оно и выходитъ, что на скромномъ смотрительскомъ мѣстѣ тоже можно человѣчеству оказывать не маловажныя услуги, д-да-съ...

Подъ конецъ этой тирады веселый смотритель опять не выдержалъ серьезнаго тона и захохоталъ.

— Погодите, — сказалъ я ему. — Вы смѣетесь. Скажите-ка мнѣ серьезно: сами-то вы вѣрите въ эту искоренительную миссію, или только наблюдаете?

Василій Ивановичъ крѣпко затянулся сигарой и замолчалъ.

— Представьте,—сказалъ онъ довольно серьезно,—вѣдь я еще самъ не предлагалъ себѣ подобнаго вопроса. Погодите, дайте подумать... Да нѣтъ, какая къ чорту тутъ миссія! Загремитъ онъ скоро кверху тармашками, это вѣрно. А типъ, я вамъ скажу, интереснѣйшій! Да вотъ вамъ примѣръ: вѣдь оказывается, въ сущности, что я въ успѣхъ его дѣла не вѣрю; иногда смѣшонъ мнѣ этотъ искоренитель до послѣдней крайности, а содѣйствую и даже, если хотите, Матрена Ивановна права: возбуждаю противъ себя „настоящее“ начальство. Изъ-за чего? Да и я ли одинъ? Вездѣ у него есть свои люди... „сочувствующіе“. Въ этомъ его сила, конечно. Только... странно, что, кажется, никто въ его успѣхъ не вѣритъ. Вотъ вы слышали: Матрена Ивановна говоритъ, что „настоящіе начальники не такіе бываютъ“. Это отголоски общественнаго мнѣнія. А между тѣмъ, пока этотъ младенецъ ломитъ впередъ, „высоко держа знамя“, какъ говорится въ газетахъ, всякій человѣкъ съ капелькой души, или просто лично не заинтересованный, старается мимоходомъ столкнуть съ его пути одинъ, другой камешекъ, чтобы младенецъ не ушибся. Ну, да это, конечно, не поможетъ.

— Но почему? При сочувствіи населенія, въ этомъ случаѣ даже прямо заинтересованнаго?..

— То-то вотъ. Сочувствіе это какое-то не вполнѣ доброкачественное. Сами вы увидите, можетъ быть, какое это чадо. Претъ себѣ безъ всякой „политики“ и горюшка мало, что его бука съѣстъ. А сторонній человѣкъ смотритъ и головой качаетъ: „съѣдятъ, молъ, младенца ни за грошъ!“ Ну, и жалко. „Погоди-ка,—говоритъ сторонній человѣкъ,—я вотъ тутъ тебѣ дорожку прочищу, а ужъ дальше съѣстъ тебя бука, какъ пить дастъ“. А онъ идетъ, ничего! Поймите вы, что значитъ сочувствіе, если нѣтъ вѣры въ успѣхъ дѣла? Тутъ, молъ, надо начальника настоящаго, мудраго, яко змій, чтобы, знаете, этими обходцами ползать умѣлъ, величіе бы являлъ, гдѣ надо, а гдѣ надо—и взяточкой бы не побрезгалъ,—безъ этого какой ужъ и начальникъ! Ну, тогда могла бы явиться и вѣра: „этотъ, молъ, скрутитъ!“ Только... чортъ возьми! тогда не было бы сочувствія, потому что все дѣло объяснялось бы столкновеніемъ „начальственныхъ“ интересовъ... Вотъ тутъ и поди!.. Э-эхъ, сторона наша, сторонушка!.. Давайте-ка лучше чай пить!

Василій Ивановичъ круто оборвалъ и повернулся на стулѣ.

— Наливай, Матренчикъ, чаю,—сказалъ онъ какъ-то мягко женѣ, слушавшей все время съ большимъ интересомъ рѣчи супруга.—А прежде,—обратился онъ ко мнѣ,—не дернуть-ли намъ по первой?..

Василій Ивановичъ и самъ представлялъ тоже одинъ изъ интереснѣйшихъ типовъ, какіе, кажется, встрѣчаются только въ Сибири; по крайней мѣрѣ, въ одной Сибири вы найдете такого философа гдѣ-нибудь на почтовомъ станкѣ, въ должности смотрителя. Еще если бы Василій Ивановичъ былъ „изъ сосланныхъ", то это было бы не удивительно. Здѣсь не мало людей, которыхъ колесо фортуны, низвергши съ извѣстной высоты, зашвырнуло въ мѣста отдаленныя, и которые здѣсь начинаютъ вновь карабкаться со ступеньки на ступеньку, внося въ эти „низменныя" сферы не совсѣмъ обычные въ нихъ пріемы, образованіе и культуру. Но Василій Ивановичъ, наоборотъ, за свое вольнодумство спускался медленно, но вѣрно, съ верхнихъ ступеней на нижнія. Онъ относился къ этому съ спокойствіемъ настоящаго философа. Получивъ подъ какими-то педагогическими вліяніями, тоже нерѣдкими въ этой „ссыльной странѣ", съ ранней юности, вкусы и склонности интеллигентнаго человѣка, онъ дорожилъ ими всю жизнь, пренебрегая внѣшними удобствами. Кромѣ того, въ немъ сидѣлъ художникъ. Когда Василій Ивановичъ б[illegible]валъ въ ударѣ, его можно было заслушаться до того, что вы забывали и дорогу, и спѣшное дѣло. Онъ сыпалъ анекдотами, разсказами, картинами; передъ вами проходила цѣлая панорама чисто-мѣстныхъ типовъ своеобразной и забытой реформой страны: всѣ эти засѣдатели, голодные, безпокойно-юркіе и алчные; исправники, отъѣвшіеся и начинающіе ощущать „удовольствіе существованія"; горные исправники, находящіеся на вершинахъ благополучія; совѣтники, старшіе совѣтники, чиновники „всякихъ" порученій... И надъ всѣмъ этимъ міромъ, знакомымъ Василію Ивановичу до мельчайшихъ закоулковъ, царило благодушіе и величіе мѣстныхъ юпитеровъ, съ демонстративно-помпадурской грозой и съ младенчески-наивнымъ невѣдѣніемъ страны, съ кругозоромъ петербургскихъ департаментскихъ канцелярій и властью могущественнѣйшихъ сатраповъ. И все это въ разсказахъ Василія Ивановича освѣщалось тѣмъ особеннымъ внутреннимъ чувствомъ, какое кладетъ истинный художникъ въ изображеніе интересующаго его предмета. А для Василія Ивановича его родина, которую онъ рисовалъ такими часто непривлекательными кра-

сками, составляла предметъ глубоко интересный. Интеллигентный человѣкъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, онъ съ полнымъ правомъ могъ примѣнить къ себѣ стихъ поэта:

„Люблю отчизну я, но странною любовью!“

И онъ дѣйствительно любилъ ее, хоть эта плохо оцѣненная любовь и вела его къ постепенной, какъ онъ выражался, „деградаціи“. Когда, послѣ одного изъ крушеній, вызванныхъ его обличительнымъ зудомъ, ему предложили порядочное мѣсто въ Россіи, онъ, немного подумавъ, отвѣтилъ предлагавшему:

— Нѣтъ, батюшка, спасибо вамъ, но я не могу... Не могу-съ! Что мнѣ тамъ дѣлать? Все чужое. Помилуйте, да мнѣ и выругать-то тамъ будетъ некого.

Вообще, когда мнѣ приходится слышать или читать сравненіе Сибири съ дореформенною Россіей, — сравненіе, которое одно время было въ такомъ ходу,—мнѣ всегда приходитъ на умъ одно рѣзкое различіе. Различіе это воплощается въ видѣ толстой фигуры моего юмориста-пріятеля. Дѣло въ томъ, что у дореформенной Россіи не было сосѣдства Россіи же реформированной, а у Сибири есть это сосѣдство, и оно порождаетъ то ироническое отношеніе къ своей родной дѣйствительности, которое вы можете встрѣтить въ Сибири даже у людей не особенно интеллигентныхъ. Нашъ россійскій Сквозникъ-Дмухановскій, въ простотѣ своей душевной непосредственности, полагалъ, что „такъ ужъ самимъ Богомъ установлено, и волтеріанцы напрасно противъ этого вооружаются“. Сибирскій же Сквозникъ видѣлъ упраздненіе своего россійскаго прототипа, видѣлъ торжество волтеріанцевъ, и его непосредственность давно уже утрачена. Онъ рветъ и мечетъ, но въ свое провиденціальное назначеніе не вѣритъ. Пойдутъ одни „вѣянія“,—онъ радуется: пойдутъ другія,—онъ впадаетъ въ уныніе и скрежещетъ. Правда, къ отчаянію всегда примѣшивается частица надежды: „авось и на этотъ разъ пронесетъ еще мимо“; за-то и ко всякой надеждѣ примѣшивается горькое сомнѣніе: „надолго ли?“ Ибо „рубятъ лѣсъ за Ураломъ, а въ Сибирь летятъ щепки“. А тутъ еще въ сторонкѣ стоитъ свой родной „волтеріанецъ“ во фризовой шинели и улыбается: „что, молъ, батюшка, покуда еще Богъ грѣхамъ терпитъ, ась?“—да втихомолку строчитъ корреспонденціи въ россійскія безцензурныя изданія.

— Кстати, — спросилъ у меня Василій Ивановичъ, когда послѣ чаю мы закурили сигары, продолжая свою бесѣду: — вы мнѣ вѣдь еще не разсказали, что такое случилось съ вами, тотъ разъ, въ логу?

Я разсказалъ все уже извѣстное читателю.

Василій Ивановичъ сидѣлъ задумчиво, разсматривая кончикъ нагорѣвшей сигары.

— Да,—сказалъ онъ,—странные люди...

— Вы ихъ знали?

— Какъ вамъ сказать? Ну, встрѣчалъ, и бесѣдовалъ, и чай, вотъ какъ съ вами, пивалъ. А знать... ну, нѣтъ! Засѣдателей вотъ или исправниковъ, быть-можетъ по родственности духа, насквозь вижу, а этихъ понять не могу. Одно только знаю твердо: не сдобровать этому Силину,—не теперь, такъ послѣ покончатъ съ нимъ непремѣнно

— Почему вы думаете?

— Да, какъ же иначе? Происшествіе съ вами уже не первое. Во всѣхъ подобныхъ опасныхъ случаяхъ, когда ни одинъ ямщикъ не рѣшится везти, обращаются къ этому молодцу, и онъ никогда не откажется. И замѣтьте: никогда онъ не беретъ съ собой никакого оружія. Правда, онъ всѣмъ импонируетъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ уложилъ Безрукаго, его сопровождаетъ какое-то странное обаяніе, и онъ самъ, кажется, тоже ему поддается. Но вѣдь это иллюзія. Поговариваютъ ужъ тутъ разные ребята: „Убивца“, молъ, хоть заговоренною пулей, а все же взять можно...“ Кажется, упорство, съ какимъ этотъ Константинъ производитъ по немъ свои выстрѣлы, объясняется именно тѣмъ, что онъ запасся такими заговоренными пулями.

V. «Искоренитель».

Василій Ивановичъ насторожилъ, среди разговора, свои привычныя уши.

— Погодите-ка,—сказалъ онъ, — кажется, колокольчикъ... Должно быть, Проскуровъ.

И при этомъ имени Василія Ивановича, очевидно, вновь обуяла его смѣшливая веселость. Онъ быстро подбѣжалъ къ окну.

— Ну, такъ и есть. Катитъ нашъ искоренитель. Посмотрите-ка, посмотрите: вѣдь это картина. Ха-ха-ха!.. Вотъ всегда этакъ ѣздитъ. Аккуратнѣйшій мужчина!

Я подошелъ къ окну. Звонъ колокольчика быстро приближался, но сначала мнѣ видно было только облако пыли, выкатившееся какъ будто изъ лѣсу и бѣжавшее по дорогѣ къ стану. Но вотъ дорога, пролегавшая подъ горой, круто свернула къ станціи, и въ этомъ мѣстѣ мы могли видѣть ѣхавшихъ—прямо и очень близко подъ нами.

Почтовая тройка быстро мчала легонькую таратайку. Изъ-

подъ копытъ разгорячившихся коней летѣлъ брызгами щебень и мелкая каменная пыль, но ямщикъ, наклонившись съ облучка, еще погонялъ и покрикивалъ. За ямщикомъ виднѣлась фигура въ форменной фуражкѣ съ кокардой и штатскомъ пальто. Хотя на ухабистой дорогѣ таратайку то и дѣло трясло и подкидывало самымъ жестокимъ образомъ, но господинъ съ кокардой не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія. Онъ тоже перегнулся, стоя, черезъ облучекъ и, повидимому, тщательно слѣдилъ за каждымъ движеніемъ каждой лошади, контролируя ихъ и слѣдя, чтобы ни одна не отставала. По временамъ онъ указывалъ ямщику, какую, по его мнѣнію, слѣдуетъ подхлестнуть, иногда даже бралъ у него кнутъ и старательно, хоть и неумѣло, подхлестывалъ самъ. Отъ этого занятія, поглощавшаго все его вниманіе, онъ изрѣдка только отрывался, чтобы взглянуть на часы.

Василій Ивановичъ, все время, пока тройка неслась въ гору, хохоталъ, какъ сумасшедшій; но когда колокольчикъ, забившись отчаянно передъ самымъ крыльцомъ, вдругъ смолкъ, смотритель сидѣлъ уже на кушеткѣ и, какъ ни въ чемъ не бывало, курилъ свою сигару.

Нѣсколько секундъ со двора слышно было только, какъ дышатъ усталыя лошади. Но вдругъ наша дверь отворилась, и въ комнату вбѣжалъ новопріѣзжій. Это былъ господинъ лѣтъ 35, небольшого роста, съ несоразмѣрно большой головой. Широкое лицо, съ выдававшимися нѣсколько скулами, прямыми бровями, слегка вздернутымъ носомъ и тонко очерченными губами, было почти прямоугольно и дышало своеобразною энергіей. Большіе сѣрые глаза смотрѣли въ упоръ. Вообще, физіономія Проскурова на первый взглядъ поражала серьезностью выраженія, но впечатлѣніе это, послѣ нѣсколькихъ мгновеній, какъ-то стиралось. Аккуратныя чиновничьи „котлетки“, обрамлявшія гладко выбритыя щеки, проборъ на подбородкѣ, какая-то странная торопливость движеній тотчасъ же примѣшивали къ первому впечатлѣнію комизмъ, который только усиливался отъ контрастовъ, совмѣщавшихся въ этой своеобразной фигурѣ.

Войдя въ комнату, Проскуровъ сначала на мгновеніе остановился, потомъ быстро окинулъ ее взглядомъ и, увидѣвъ Василія Ивановича, тотчасъ же устремился къ нему.

— Господинъ смотритель!.. Василій Ивановичъ, голубчикъ... лошадей!.. Лошадей мнѣ, милостивый государь, ради Бога, поскорѣе!

Василій Ивановичъ, развалясь на кушеткѣ, хранилъ холодно-дипломатическій видъ.

— Не могу-съ... Да вамъ, кажется, почтовыхъ и не полагается, а земскія нужны подъ засѣдателя, — онъ скоро будетъ.

Проскуровъ сначала горестно изумился, потомъ вдругъ вспыхнулъ.

— Что вы, что вы это? Вѣдь я прибылъ раньше. Нѣтъ, позвольте-съ... Во-первыхъ, ошибаетесь и насчетъ почтовыхъ: у меня на всякій случай подорожная... Но кромѣ того, на законномъ основаніи...

Но Василій Ивановичъ уже смѣялся.

— А, чортъ возьми! Вѣчно вы съ вашими шутками, а мнѣ некогда! — досадливо сказалъ Проскуровъ, очевидно, не въ первый разъ попадавшій въ эту ловушку. — Скорѣе, Бога ради, у меня тутъ дѣло!

— Знаю, убійство...

— Да вы почему знаете? — встревожился Проскуровъ.

— Почему знаете!—передразнилъ смотритель.—Да вѣдь засѣдатель-то ужъ тамъ. Отъ него слышалъ.

— Э, врете вы опять,—просіялъ Проскуровъ.—*Они*-то еще и ухомъ не повели, а ужъ у моихъ, знаете ли, и виновный, то-есть собственно... правильнѣе сказать—подозрѣваемый, въ рукахъ. Это, батюшка, такое дѣльце выйдетъ... громчайшее!.. Вотъ вы посмотрите, какъ я ихъ тутъ всѣхъ ковырну!

— Ну, ужъ вы-то ковырнете! Смотрите, не ковырнули бы васъ.

Проскуровъ вдругъ встрепенулся. Во дворѣ забрякали колокольцы.

— Василій Ивановичъ,—заговорилъ онъ вдругъ какимъ-то заискивающимъ тономъ, — тамъ, я слышу, запрягаютъ. Это мнѣ, что ли?

При этомъ онъ схватилъ смотрителя за руку и бросилъ тревожный взглядъ въ мою сторону.

— Ну, вамъ, вамъ... успокойтесь! Да что у васъ тамъ въ самомъ-то дѣлѣ?

— Убійство, батюшка! Опять убійство... Да еще какое! Съ явными признаками дѣятельности извѣстной вамъ шайки. У меня тутъ нити. Если не ошибаюсь, тутъ нѣсколько такихъ хвостиковъ прищемить можно... Ахъ, ради Бога, поскорѣе!..

— Сейчасъ. Да гдѣ же это случилось?

— Все въ этомъ же логу проклятомъ. Взорвать бы это мѣсто порохомъ, право! Ямщика убили...

— Что такое? Ужъ не ограбленіе ли почты?

— Э, нѣтъ, „вольнаго“.

— „Убивца“? — вскрикнулъ я, пораженный внезапною догадкой.

Проскуровъ обернулся ко мнѣ и впился въ мое лицо своими большими глазами.

— Д-дѣйствительно-съ... убитаго такъ звали. А позвольте спросить: почему это васъ такъ интересуетъ?

— Гм... — промычалъ Василій Ивановичъ, и въ глазахъ его забѣгали веселые огоньки. — Допросите-ка его, хорошенько допросите!

— Я встрѣчался съ нимъ ранѣе.

— Та-акъ-съ!.. — протянулъ Василій Ивановичъ, — встрѣча-лись... А не было ли у васъ вражды или соперничества, не ожидали ли по покойномъ наслѣдства?

— Да ну васъ, съ вашими шутками! Что за несносный человѣкъ!—досадливо отмахнулся опять Проскуровъ и обратился ко мнѣ:

— Извините, милостивый государь, собственно я вовсе не имѣлъ въ виду привлекать васъ къ дѣлу, но вы понимаете... интересы такъ сказать...

— Правосудія и законности,—ввернулъ опять неисправимый смотритель.

— Однимъ словомъ,—продолжалъ Проскуровъ, бросивъ на Василія Ивановича подавляющій взглядъ,—я хотѣлъ сказать, что вниманіе къ интересамъ правосудія обязательно для всякаго, такъ сказать, гражданина. И если вы можете сообщить какія-либо свѣдѣнія, идущія къ дѣлу, то... вы понимаете... однимъ словомъ, обязаны это сдѣлать.

У меня мелькнуло вдругъ смутное соображеніе.

— Не знаю,—отвѣтилъ я,—насколько могутъ способствовать раскрытію дѣла тѣ свѣдѣнія, какія я могу доставить. Но я радъ бы былъ, если бъ они оказались полезны.

— Превосходно! Подобная готовность дѣлаетъ вамъ честь, милостивый государь. Позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю удовольствіе?..

Я назвался.

— Аѳанасій Ивановичъ Проскуровъ, — отрекомендовался онъ въ свою очередь. — Вы вотъ изъявили сейчасъ готовность содѣйствовать правосудію. Такъ вотъ, видите ли, чтобъ ужъ не дѣлать дѣло въ половину, не согласитесь ли вы, милостивый государь... однимъ словомъ... ѣхать теперь же со мною?

Василій Ивановичъ захохоталъ.

— Н-ну, ужъ это... я вамъ скажу... Это чортъ знаетъ что такое! Да вы что, арестовать его, что ли, намѣрены?

Проскуровъ быстро и какъ будто сконфуженно схватилъ мою руку.

— Не думайте, пожалуйста,—заговорилъ онъ.—Помилуйте какія же основанія?..

Я поспѣшилъ его успокоить, что мнѣ вовсе не приходило въ голову ничего подобнаго.

— Да и Василій Ивановичъ, конечно, шутитъ,—добавилъ я.

— Я радъ, что вы меня понимаете. Мнѣ время дорого! Тутъ всего, знаете ли, два перегона. Дорогой вы мнѣ сообщите, что вамъ извѣстно. Да, кстати же, я безъ письмоводителя.

Я не имѣлъ причины отказаться.

— Напротивъ, — сказалъ я Проскурову, — я самъ хотѣлъ просить васъ взять меня съ собою, такъ какъ меня лично крайне интересуетъ это дѣло.

Передо мною, точно живой, всталъ образъ „убивца", съ угрюмыми чертами, со страдальческою складкой между бровей, съ затаенною думой въ глазахъ. „Скликаетъ воронья на мою головушку, проклятый!" — вспомнилось мнѣ его тоскливое предчувствіе. Сердце у меня сжалось. Теперь это воронье кружилось надъ его угасшими очами въ темномъ логу, и прежде уже омрачившемъ его чистую жизнь своею зловѣщею тѣнью.

— Эге-ге! — закричалъ вдругъ Василій Ивановичъ, внимательно вглядываясь въ окно. — Аѳанасій Ивановичъ, не можете ли сказать, кто это ѣдетъ вонъ тамъ подъ самымъ лѣсомъ?

Проскуровъ только взглянулъ въ окно и тотчасъ же кинулся къ выходу.

— Поскорѣй, ради Бога,—кинулъ онъ мнѣ на ходу, хватая со стола фуражку.

Я тоже наскоро собрался и вышелъ. Въ ту же минуту къ ступенямъ крыльца подкатила ретивая тройка.

Взглянувъ въ сторону лѣса, я увидѣлъ вдали быстро приближавшуюся повозку. Сѣдокъ привставалъ иногда и что-то дѣлалъ надъ спиной ямщика; виднѣлись подымаемыя и опускаемыя руки. Косвенные лучи вечерняго солнца переливались слабыми искорками въ пуговицахъ и погонахъ.

Проскуровъ расплачивался съ привезшимъ его ямщикомъ. Парень осклабился съ довольнымъ видомъ.

— Много довольны, ваше благородіе...

— Сказалъ товарищу, вотъ ему? — ткнулъ Проскуровъ въ новаго ямщика.

— Знаемъ, — отвѣтилъ тотъ.

— Ну, смотри,—сказалъ слѣдователь, усаживаясь въ повозку.—Пріѣдешь въ полтора часа,—получишь рубль, а минутой—понимаешь?—одной только минутой позже...

Тутъ лошади подхватили съ мѣста, и Проскуровъ поперхнулся, не докончивъ начатой фразы.

VI. Евсѣичъ.

До Б. было верстъ двадцать. Проскуровъ сначала все посматривалъ на часы, сличая разстояніе, и по временамъ тревожно озирался назадъ. Убѣдившись, что тройка мчится лихо и погони сзади не видно, онъ обратился ко мнѣ:

— Ну-съ, милостивый государь, что же собственно вамъ извѣстно по этому дѣлу?

Я разсказалъ о своемъ приключеніи въ логу, о предчувствіи ямщика, объ угрозѣ, которую послалъ ему одинъ изъ грабителей, какъ мнѣ казалось,—купецъ. Проскуровъ не проронилъ ни одного слова.

— Д-да,—сказалъ онъ, когда я кончилъ.—Все это будетъ имѣть свое значеніе. Ну-съ, а помните ли вы лица этихъ людей?

— Да, за исключеніемъ развѣ купца.

Проскуровъ бросилъ на меня взглядъ, исполненный глубокой укоризны.

— Ахъ, Боже мой!—воскликнулъ онъ, и въ тонѣ его слышалась горечь разочарованія. — Гм... Конечно, вы не виноваты, но его-то именно вамъ слѣдовало замѣтить. Жаль, очень жаль... Ну, да все же онъ не избѣгнетъ правосудія.

Менѣе чѣмъ въ полтора часа мы были уже на станѣ. Распорядившись, чтобы поскорѣй запрягали, Проскуровъ приказалъ позвать къ себѣ сотскаго.

Тотчасъ же явился мужичокъ небольшого роста, съ жидкой бородкой и плутоватыми глазами. Выраженіе лица представляло характерную смѣсь добродушія и лукавства, но въ общемъ впечатлѣніе отъ этой фигуры было пріятное и располагало въ пользу ея обладателя. Худой зипунишко и вообще рваная, убогая одежонка не обличали особеннаго достатка. Войдя въ избу, онъ поклонился, потомъ выглянулъ за дверь, какъ бы желая убѣдиться, что никто не подслушиваетъ, и затѣмъ подошелъ ближе. Казалось, въ сообществѣ съ Проскуровымъ онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко и даже какъ будто въ опасности.

— Здравствуй, здравствуй, Евсѣичъ!—сказалъ чиновникъ радушно. — Ну, что? Птица-то у насъ не улетѣла?

— Пошто улетитъ? — сказалъ Евсѣичъ, переминаясь. — Сторожимъ тоже.

— Пробовалъ ты съ нимъ заговаривать?.. Что говоритъ?

— Пробовалъ-то пробова-алъ, да, вишь, онъ разговари-

вать-то не больно охочъ. Перво я къ нему было добромъ, а опосля, признаться, постращалъ-таки маленько! „Что, молъ, такой-сякой, лежишь ровно статуй? Знаешь, молъ, кто я по здѣшнему мѣсту?“—„А кто?“—спрашиваетъ.—„Да начальство, молъ, вотъ кто... сотскій!“—„Этакихъ, говоритъ, начальствовъ мы по мордѣ бивали“... Что ты съ нимъ подѣлаешь? Отчаянный!.. Извѣстно, жиганъ!

— Ну, хорошо, хорошо! — перебилъ нетерпѣливо Проскуровъ. — Сторожите хорошенько. Я скоро вернусь.

— Не убѣгетъ. Да ёнъ, ваше благородіе,—надо правду говорить, — смирной... Кою пору все только лежитъ, да въ потолокъ смотритъ. Дрыхнетъ ли, такъ ли отлеживается, — шутъ его знаетъ... Разъ только и вставалъ-то: поѣсть бы, сказываетъ, охота. Покормилъ я его маленько, попросилъ онъ еще табачку на цыгарку, да опять и залегъ.

— Ну, и отлично, братецъ. Я на тебя надѣюсь. Если пріѣдетъ фельдшеръ, посылай на мѣсто.

— Будьте благонадежны. А что я хотѣлъ спросить, ваше благородіе?..

Евсѣичъ опять подошелъ къ двери и выглянулъ въ сѣни.

— Ну, что еще? — спросилъ Проскуровъ, направлявшійся было къ выходу.

— Да, значитъ, теперича такъ мы мекаемъ, — началъ Евсѣичъ, политично переминаясь и искоса посматривая на меня, — тепереча ежели мужикамъ на *ихъ* налегнуть, такъ въ самую бы пору... Міромъ, значитъ, или бы сказать: скопомъ.

— Ну? — сказалъ Проскуровъ и нагнулъ голову, чтобы лучше вслушаться въ безсвязное объясненіе мужика.

— Да какъ же, ваше благородіе, сами судите! Терпѣть не можно стало: вѣдь безпокойство! Какую теперича силу взяли, и все ни почемъ... Теперича хоть бы самый этотъ жиганъ... Онъ что такое? Можно сказать—купленный человѣкъ; больше ничего, что за деньги... Не онъ, такъ другой...

— Справедливо, — поощрилъ Проскуровъ, очевидно, сильно заинтересованный. — Ну, продолжай, братецъ. Ты, я вижу мужикъ съ головой. Что же дальше?

— Ну, больше ничего, что ежели теперича мужики видѣли бы себѣ подмогу... мы бы, можетъ, супротивъ *ихъ* осмѣлились... Мало ли теперича за ними качествъ? Міръ — великое дѣло.

— Что-жъ, помогите вы правосудію и правосудіе вамъ поможетъ, — сказалъ Проскуровъ не безъ важности.

— Извѣстно,—произнесъ Евсѣичъ задумчиво. — Ну, только опять такъ мы, значитъ, промежду себя мекаемъ: ежели,

молъ, теперича вамъ, ваше благородіе, супротивъ начальниковъ не выстоять будетъ, тутъ мы должны вовсе пропасть и съ ребятами. Потому — ихняя сила...

Проскуровъ вздрогнулъ, точно по немъ пробѣжала электрическая искра и, быстро схвативъ фуражку, выбѣжалъ вонъ. Я послѣдовалъ за нимъ, оставивъ Евсѣича въ той же недоумѣвающей позѣ. Онъ разводилъ руками и что-то бормоталъ про себя.

А Проскуровъ садился въ повозку въ полномъ негодованіи.

— Вотъ такъ всегда! — говорилъ онъ. — Все компромиссы, всюду компромиссы... Обезпечь имъ успѣхъ, тогда они согласны оказать поддержку правосудію... Что вы на это скажете? Вѣдь это... — это-съ — развратъ, наконецъ... Отсутствіе сознанія долга...

— Если ужъ вы обратились ко мнѣ съ этимъ вопросомъ, — сказалъ *я*, — то я позволю себѣ не согласиться съ вами. Мнѣ кажется, они вправѣ требовать отъ „власти“ гарантіи успѣха праваго дѣла *на легальномъ пути*. Иначе въ чемъ же состоитъ самая идея власти?.. Не думаете ли вы, что разъ міру воспрещенъ самосудъ, то тѣмъ самымъ взяты извѣстныя обязательства? И если они не исполняются, то...

Проскуровъ живо повернулся въ мою сторону и, повидимому, хотѣлъ что-то сказать, но не сказалъ ничего и глубоко задумался.

Мы отъѣхали верстъ шесть и до лога оставалось не болѣе трехъ, когда сзади послышался колокольчикъ.

— Ага! — сказалъ Проскуровъ, — ѣдетъ безъ перепряжки. Ну, да тѣмъ лучше: не успѣетъ повидаться съ арестованнымъ. Я такъ и думалъ.

VII. Засѣдатель.

Солнце задѣло багрянымъ краемъ за черту горизонта, когда мы подъѣхали къ логу. Свѣту было еще достаточно, хотя въ логу залегали уже густые вечерніе мороки. Было прохладно и тихо. „Камень“ молчаливо стоялъ надъ туманами и надъ нимъ подымался полный, хотя еще блѣдный, мѣсяцъ. Черная тайга, точно заклятая, дремала недвижимо, не шелохнувъ ни одною вѣткой. Тишина нарушалась только звономъ колокольчика, который гулко носился въ воздухѣ, отдаваемый эхомъ ущелья. Сзади слышался такой же звонъ, только послабѣе.

У кустовъ курился дымокъ. Караульные крестьяне сидѣли вокругъ костра въ угрюмомъ молчаніи. Увидѣвъ насъ, они встали и сняли шапки. Въ сторонкѣ, подъ холщевымъ покрываломъ, лежало мертвое тѣло.

— Здравствуйте, братцы! — сказалъ слѣдователь тихо.

— Здорово, ваше благородіе! — отвѣчали крестьяне.

— Ничего не трогали съ мѣста?

— Ничего, будто... *Его* маленечко обрядили: не хорошо, значитъ... Скотину не тронули.

— Какую скотину?

— Да вѣдь какъ же: Пѣгашку-то пристрѣлили же варвары... На вершной покойникъ-то возвращался.

Дѣйствительно, въ саженяхъ тридцати, у дороги, виднѣлась убитая лошадь.

Проскуровъ занялся осмотромъ мѣстности, пригласивъ съ собою и караульныхъ. Я подошелъ къ покойнику и поднялъ пологъ съ лица.

Мертвенно-блѣдныя черты были спокойны. Потускнѣвшіе глаза смотрѣли вверхъ, на вечернее небо, и на лицѣ виднѣлось то особенное выраженіе недоумѣнія и какъ будто вопроса, которое смерть оставляетъ иногда, какъ послѣднее движеніе улетающей жизни... Лицо было чисто, не запятнано кровью.

Черезъ четверть часа Проскуровъ съ крестьянами прошелъ мимо меня, направляясь къ перекрестку. Навстрѣчу имъ подъѣзжала задняя повозка.

Изъ нея вышелъ немолодой мужчина въ полицейской формѣ и молодой штатскій господинъ, оказавшійся фельдшеромъ.

Засѣдатель, видимо, сильно усталъ. Его широкая грудь работала, какъ кузнечные мѣхи, и все тучное тѣло ходило ходуномъ подъ короткою форменною шинелью довольно изящнаго покроя. Щеки тоже вздувались и опадали, причемъ нафабренные большіе усы то подымались концами и становились перпендикулярно, то опять припадали къ ушамъ. Большіе, сѣроватые съ просѣдью и курчавые волосы были покрыты пылью.

— У-уфъ, — заговорилъ онъ, пыхтя и отдуваясь. — За вами, Аѳанасій Ивановичъ, не поспѣешь. Здравствуйте!

— Мое почтеніе, — отвѣтилъ Проскуровъ холодно. — И напрасно изволили торопиться. Я могъ бы и обождать.

— Нѣтъ, зачѣмъ же-съ?.. У-уфъ!.. Служба прежде всего-съ... Не люблю, знаете ли, когда меня дожидаются. Не въ моихъ правилахъ-съ.

Засѣдатель говорилъ сиплымъ армейскимъ басомъ, при звукахъ котораго невольно вспоминается запахъ рому и жуковскаго табаку. Глаза его, маленькіе, полинявшіе, но все еще довольно живые и бойкіе, бѣгали, между тѣмъ, по сторонамъ, тревожно изслѣдуя обстановку. Они остановились на мнѣ.

— Это мой знакомый, — отрекомендовалъ меня Проскуровъ, — г. NN., временно исполняющій обязанности моего письмоводителя.

— Имѣлъ удовольствіе слышать-съ. Очень пріятно-съ. Отставной штабсъ-капитанъ Безрыловъ.

Безрыловъ поднесъ руку къ козырьку и молодцевато щелкнулъ шпорами.

— Отлично-съ. Теперь мы можемъ приступить къ изслѣдованію. Отдѣлаемъ по-военному, живо, пока еще засвѣтло. Эй, понятые, сюда!..

Караульные крестьяне приблизились къ начальству и всѣ вмѣстѣ двинулись къ мертвому тѣлу. Первымъ подошелъ очень развязно Безрыловъ и сразу отдернулъ весь пологъ.

Мы всѣ отшатнулись при видѣ открывшейся при этомъ картины. Вся грудь убитаго представляла одну зіяющую рану, прорѣзанную и истыканную въ разныхъ направленіяхъ. Невольный ужасъ охватывалъ душу при видѣ этихъ слѣдовъ изступленнаго звѣрства. Каждая рана была бы смертельна, но было очевидно, что большинство изъ нихъ нанесены мертвому.

Даже господинъ Безрыловъ потерялъ всю свою развязность. Онъ стоялъ неподвижно, держа въ рукѣ конецъ полога. Его щеки побагровѣли, а концы усовъ угрожающе торчали, какъ два копья.

— Ррак-ка-льи! — произнесъ онъ, наконецъ, и какъ-то глубоко вздохнулъ.

Быть-можетъ въ этомъ вздохѣ сказалось сожалѣніе о томъ, что для господина Безрылова нѣтъ уже возврата съ пути укрывательства и потачекъ.

Онъ тихо закрылъ пологъ и обратился къ Проскурову, который, между тѣмъ, уставился на него своими упорными глазами.

— Пожалуйста, — попросилъ засѣдатель, опуская глаза, — опишемъ при вскрытіи, завтра... Теперь изслѣдуемъ обстановку и перенесемъ тѣло въ Б.

— А тамъ произведемъ допросъ арестованному по этому дѣлу, — сказалъ Проскуровъ жестко.

Глаза Безрылова забѣгали, какъ два затравленные звѣрька.

— Арестованному? — переспросилъ онъ. — У васъ есть уже и арестованный?.. Какъ же мнѣ... какъ же я ничего не зналъ объ этомъ?

Онъ былъ жалокъ, но тотчасъ же попытался оправиться. Кинувъ быстрый, враждебный взглядъ на крестьянъ и на своего ямщика, онъ обратился опять къ Проскурову.

— Вотъ и отлично-съ. У васъ дѣло кипитъ въ рукахъ... зам-мѣ-чательно...

VIII. «Иванъ тридцати восьми лѣтъ».

Около полуночи, отдохнувъ нѣсколько и напившись чаю, чиновники приступили къ слѣдствію.

Въ довольно просторной комнатѣ, за столомъ, уставленнымъ письменными принадлежностями, помѣстился по серединѣ Проскуровъ. Его нѣсколько комичная подвижность исчезла; онъ сталъ серьезенъ и важенъ. Сперва усѣлся Безрыловъ, успѣвшій совершенно оправиться и вновь пріобрѣвшій свою армейскую развязность. Во время короткаго роздыха онъ умылся, нафабрилъ усы и взбилъ свои сѣдоватыя кудри. Вообще, Безрыловъ сталъ бодръ и великолѣпенъ. Похлебывая густой чай изъ стоявшаго передъ нимъ стакана, онъ посматривалъ на слѣдователя съ снисходительною улыбкой. Я усѣлся на другомъ концѣ стола.

— Прикажите ввести арестованнаго,—сказалъ Проскуровъ, подымая глаза отъ листа бумаги, на которомъ онъ быстро писалъ форму допроса.

Безрыловъ кивнулъ только головой, и Евсѣичъ бросился вонъ изъ избы.

Черезъ минуту входная дверь отворилась, и въ ней рѣзко обрисовалась высокая фигура того самаго мужчины, котораго я видѣлъ съ Костюшкой на перевозѣ, задумчиво слѣдящимъ за облаками.

Входя въ комнату, онъ слегка запнулся за порогъ, оглядѣлъ то мѣсто, за которое задѣлъ, потомъ вышелъ на середину и остановился. Его походка была ровна и спокойна. Широкое лицо, съ грубоватыми, но довольно правильными чертами, выражало полное равнодушіе. Голубые глаза были нѣсколько тусклы и неопредѣленно смотрѣли впередъ, какъ будто не видя ближайшихъ предметовъ. Волосы подстрижены въ скобку. На новой ситцевой рубахѣ виднѣлись слѣды крови.

Проскуровъ передалъ мнѣ „форму“ и, подвинувъ перо и чернильницу, приступилъ къ обычному опросу.

— Какъ зовутъ?

— „Иванъ тридцати восьми лѣтъ“.

— Гдѣ имѣете мѣсто жительства?

— Безъ пріюту... въ бродяжествѣ...

— Скажите, Иванъ тридцати восьми лѣтъ, вами ли совершено сего числа убійство ямщика Ѳедора Михайлова?

— Такъ точно, ваше благородіе, моя работа... Что ужъ, видимое дѣло...

— Молодецъ! — одобрилъ бродягу Безрыловъ.

— Что-жъ, ваше благородіе, зачѣмъ чинить напрасную проволочку?.. Не отопрешься.

— А по чьему наученію или подговору? — продолжалъ слѣдователь, когда первые отвѣты были записаны. — И откуда у васъ тѣ пятьдесятъ рублей тридцать двѣ копейки, которые найдены при обыскѣ?

Бродяга вскинулъ на него своими задумчивыми глазами.

— Ну, ужъ это, — отвѣтилъ онъ, — ты, ваше благородіе, лучше оставь! Ты свое дѣло знаешь, — ну, и я свое тоже знаю... Самъ по себѣ работалъ, больше ничего... Я, да темная ночка, да тайга-матушка — самъ третей!..

Безрыловъ крякнулъ и съ наслажденіемъ отхлебнулъ сразу полстакана, кидая на Проскурова насмѣшливый взглядъ. Затѣмъ онъ опять уставился на бродягу, видимо любуясь его образцовою тюремною выправкой, какъ любуется служака офицеръ на браваго солдата.

Проскуровъ оставался спокоенъ. Видно было, что онъ и не особенно разсчитывалъ на откровенность бродяги.

— Ну, а не желаете ли сказать, — продолжалъ онъ свой допросъ, — почему вы такъ звѣрски изрѣзали убитаго вами Ѳедора Михайлова? Вы имѣли противъ покойнаго личную вражду или ненависть?

Допрашиваемый смотрѣлъ на слѣдователя съ недоумѣніемъ.

— Пырнулъ я его ножикомъ разъ и другой... Болѣе, кажись, не было... Свалился онъ...

— Десятникъ, — обратился Проскуровъ къ крестьянину, — возьмите свѣчу и посвѣтите арестанту. А вы взгляните въ ту комнату.

Бродяга все тою же ровною походкой подошелъ къ двери и остановился. Крестьянинъ, взявъ со стола одну свѣчу, вошелъ въ сосѣднюю горницу.

Вдругъ жиганъ вздрогнулъ и отшатнулся. Потомъ, взглянувъ съ видимымъ усиліемъ еще разъ въ томъ же направленіи, онъ отошелъ къ противоположной стѣнѣ. Мы всѣ слѣдили за нимъ въ сильнѣйшемъ волненіи, которое какъ будто передавалось намъ отъ этой мощной, но теперь сломленной и подавленной фигуры.

Онъ былъ блѣденъ. Нѣкоторое время онъ стоялъ, опустивъ голову и опершись плечомъ о стѣну. Потомъ онъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на насъ смутнымъ и недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Ваше благородіе... хрестьяне православные, — заговорилъ онъ умоляющимъ тономъ, — не дѣлалъ я этого... Вѣрьте совѣсти — не дѣлалъ!.. Со страху нешто, не помню... Да нѣтъ, не можетъ этого быть...

Вдругъ онъ оживился. Глаза его въ первый разъ сверкнули.

— Ваше благородіе,—заговорилъ онъ рѣшительно, подходя къ столу, — пишите: Костюшка это сдѣлалъ,—Костинкинъ — рваная-ноздря!.. Онъ, безпремѣнно онъ подлецъ!.. Никто, какъ онъ, человѣка этакъ испакостилъ. Его дѣло... Все одно: товарищъ, не товарищъ—знать не хочу!.. Пишите, ваше благородіе!..

При этой неожиданной вспышкѣ откровенности Проскуровъ быстро выхватилъ у меня перо и бумагу и приготовился записывать самъ. Бродяга тяжело и какъ будто съ усиліемъ сталъ развертывать передъ нами мрачную драму.

Онъ бѣжалъ изъ N-скаго острога, гдѣ содержался за бродяжество, и нѣкоторое время слонялся безъ дѣла, пока судьба не столкнула его, въ одномъ „заведеніи", съ Костюшкой и его товарищами. Тутъ въ первый разъ услышалъ онъ разговоръ про покойнаго Михалыча. „Убивецъ", молъ, такой человѣкъ, его ничѣмъ не возьмешь: ни ножомъ, ни пулей, потому заколдованъ".—„Пустое дѣло, господа,—я говорю:—не можетъ этого быть. Всякаго человѣка желѣзомъ возьмешь".—„А вы, спрашиваютъ, кто такіе будете, какого роду-племени?"—„А это, говорю, дѣло мое. Острогъ—мнѣ батюшка, а тайга—моя матушка. Тутъ и родъ, тутъ и племя, а что не люблю слушать, когда, напримѣръ, пустяки этакіе говорятъ... вотъ что!" Ну слово за слово, разговорились, приняли они меня въ компанію свою, полуштофъ поставили, потомъ Костинкинъ и говоритъ: „Ежели вы, говоритъ, человѣкъ благонадежный, то не желаете ли съ нами *на фартъ* *) идти?"—„Пойду", говорю.—„Ладно, молъ, намъ человѣкъ нуженъ. Днемъ ли, ночью ли, а ужъ въ логу безпремѣнно дѣло сдѣлать надо, потому что капиталы повезетъ тутъ господинъ изъ городу большіе. Только смотри, говоритъ, не хвастаешь ли? Ежели съ другимъ ямщикомъ господинъ этотъ поѣдетъ, сдѣлаемъ дѣло, раздуванимъ честь честью... Ну, а ежели „убивецъ" опять повезетъ,—мотри, убѣгешь". — „Не будетъ этого, говорю, чтобъ я убѣгъ". — „Ну, ладно, молъ: ежели имѣешь въ себѣ такой духъ, то будешь счастливый человѣкъ, — за „убивца" можешь себѣ награду получить большую!.."

— Награду?—переспросилъ Проскуровъ.—Отъ кого же?

— Ты вотъ что, господинъ,—сказалъ бродяга,—ты слушай меня, пока я говорю, а спрашивать будешь послѣ... Ну, признаться сказать, на первый-то разъ убѣгъ я, испужался. Главная причина—товарищи выдали. Идетъ на насъ Мыхалычъ, стыдно сказать, съ кнутикомъ, а Костинкинъ съ ружьемъ въ первую голову убѣжалъ. Ну, подался и я, сробѣлъ... Да онъ же, под-

---

*) *Фартъ* по-сибирски—удача, дѣло, обѣщающее выгоду.

лецъ, потомъ первый на смѣхъ меня поднялъ. Язвительный онъ, Костинкинъ, то-есть. „Ладно, говорю, идемъ опять. Да смотри, Костюша, убѣгешь ежели,—самъ живъ отъ меня не останешься!“—Три дня мы въ логу этомъ прожили,—все его дожидались. На третій день проѣхалъ онъ подъ вечеръ: значитъ ночью ему назадъ ворочаться. Изготовились мы; слышимъ: ѣдетъ тихонько на вершной. Выпалилъ Костинкинъ изъ ружья, пѣгашку свалилъ. Михалычъ кинулся въ кусты, какъ разъ на меня... прямо... Стукнуло у меня сердце-то, признаться, да вижу—все одно молъ: либо онъ, либо я!.. Изловчился, хвать его ножикомъ, да плохо. Схватилъ онъ меня за руку, ножъ вырвалъ, самого—объ земь. Силенъ былъ покойникъ. Подмялъ; гляжу—поясъ снимаетъ, хочетъ вязать. А у меня за голенищемъ другой ножикъ въ запасѣ. Добылъ я его тихонько, повернулся да опять его... подъ ребро... Состоналъ онъ, повернулъ меня лицомъ кверху, наклонился, посмотрѣлъ въ глаза... „А! — говоритъ, — чуяло мое сердце!.. Ну, теперь ступай съ Богомъ, не тирань. Убилъ ты меня до смерти...“ Всталъ я, гляжу: мается онъ... хотѣлъ было подняться, — не смогъ. „Прости меня“, говорю.—„Ступай, отвѣчаетъ, ступай себѣ... Богъ проститъ ли, а я прощаю...“ Я ушелъ, и не подходилъ болѣе, повѣрьте совѣсти... Костинкинъ это, видно, послѣ меня на него набросился...

Бродяга смолкъ и тяжело опустился на лавку. Проскуровъ быстро дописалъ. Было тихо.

— Теперь,—заговорилъ опять слѣдователь,—докончите ваше чистосердечное признаніе. Какой купецъ былъ съ вами во время перваго нападенія и отъ чьего имени Костюшка обѣщалъ награду за убійство Ѳедора Михайлова?

Безрыловъ разочарованно смотрѣлъ на ослабѣвшаго бродягу. Но тотъ вдругъ поднялся со скамьи и принялъ прежній равнодушно-разсѣянный видъ.

— Будетъ!— сказалъ онъ твердо. — Болѣ не стану... Довольно!.. Про Костюшку-то все записали?.. Ну, и ладно, впередъ не пакости онъ! Прикажите, ваше благородіе, увести меня, болѣе ничего не скажу.

— Послушайте, Иванъ тридцати восьми лѣтъ, — сказалъ слѣдователь,—считаю нужнымъ предупредить васъ, что чѣмъ полнѣе будетъ ваше сознаніе, тѣмъ мягче отнесется къ вамъ правосудіе. Сообщниковъ же вашихъ вы все равно не спасете.

Бродяга пожалъ плечами.

— Это дѣло не наше. Мнѣ все единственно.

Очевидно, не было надежды добиться отъ него чего-либо еще. Его вывели.

IX. Ходъ.

Предстоитъ допросъ свидѣтелей.

Они столпились кучкой у задней стѣны. Сѣрая толпа съ угрюмыми лицами стояла, переминаясь, въ тяжеломъ молчаніи. Впереди всѣхъ былъ Евсѣичъ. Лицо его было красно, губы сжаты, лобъ наморщенъ. Онъ кидалъ исподлобья довольно мрачные взгляды, останавливая ихъ то на Безрыловѣ, то на слѣдователѣ. По всему было видно, что въ этой толпѣ и въ Евсѣичѣ, ея представителѣ, созрѣло какое-то рѣшеніе.

Безрыловъ сидѣлъ на лавкѣ, разставивъ широко ноги и пощелкивая пальцемъ одной руки по другой. Пока крестьяне входили и занимали мѣста, онъ смотрѣлъ на нихъ внимательно и вдумчиво. Потомъ, окинувъ всю толпу холоднымъ, презрительнымъ взглядомъ, онъ слегка, почти незамѣтно, покачалъ головой и, усмѣхнувшись, обратился къ Проскурову.

— Кстати, Аѳанасій Ивановичъ, я вѣдь и забылъ поздравить васъ съ пріятною новостью... Ужъ извините... Всѣ эти хлопоты... Просто изъ ума вонъ...

— Съ чѣмъ это?—спросилъ Проскуровъ, не отрываясь отъ чтенія протокола.

— Какъ? — просіялъ Безрыловъ. — Значитъ, вамъ ничего неизвѣстно, и я, нѣкоторымъ образомъ, первый буду имѣть удовольствіе сообщить вамъ это пріятное извѣстіе? — Очень, оч-чень пріятно-съ...

Проскуровъ поднялъ глаза на засѣдателя, который, между тѣмъ, подходилъ къ нему, брякая шпорами и обворожительно улыбаясь.

— Вы получаете назначеніе исправляющимъ должность казначея въ N-скъ... Ну, да это, конечно, одна форма; безъ сомнѣнія, вы будете утверждены окончательно. Поздравляю, голубчикъ, — продолжалъ Безрыловъ самымъ задушевнымъ и благожелательнымъ тономъ, завладѣвая рукой удивленнаго Проскурова:—поздравляю отъ всего сердца.

Но Проскуровъ плохо оцѣнилъ дружеское поздравленіе; онъ быстро отвернулъ руку и вскочилъ съ мѣста.

— Но... позвольте-съ, милостивый государь,—заговорилъ онъ торопливо, и даже заикаясь.—Здѣсь шутить не мѣсто. Н-не мѣсто-съ!.. Думаете, я не понимаю вашей тактики? Ошибаетесь, милостивый государь. Я не теленокъ... да-съ, милостивый государь, не теленокъ-съ!..

— Что вы, Богъ съ вами, Аѳанасій Ивановичъ!—изумился Безрыловъ и даже развелъ руками и оглянулся, какъ будто призывая всѣхъ присутствующихъ въ свидѣтели черной небла-

годарности Проскурова.—Смѣю ли я шутить?.. Оффиціальное назначеніе... самъ читалъ бумагу-съ... Увѣряю васъ... Ну, и мѣстечко, я вамъ скажу!—продолжалъ онъ, измѣнивъ тонъ и вновь впадая въ дружескую фамильярность. — Теперь ужъ вамъ не придется возиться съ этими непріятными дѣлами. Даже и настоящее дѣло намъ, несчастнымъ, придется, вѣроятно, кончать, безъ вашего незамѣнимаго содѣйствія... Жаль, конечно!.. За-то за васъ... пріятно-съ! Мѣсто тихое, спокойное... ха-ха-ха!.. какъ разъ... ха-ха-ха!.. по вашему нраву... И притомъ... отъ купечества... ха-ха-ха-ха-ха!.. благодарность...

Безрыловъ какъ будто пересталъ стѣсняться, и его смѣхъ, отъ котораго сотрясалась вся его тучная фигура, становился даже неприличенъ. А Проскуровъ стоялъ передъ нимъ точно окаменѣлый, держась за столъ обѣими руками. Его лицо сразу какъ-то осунулось и пожелтѣло и на немъ застыло выраженіе горестнаго изумленія. Въ эту минуту — увы! — онъ, дѣйствительно, напоминалъ... теленка.

Я посмотрѣлъ на крестьянъ. Всѣ они какъ-то подались головами впередъ, только Евсѣичъ стоялъ, низко нагнувъ голову, по своему обычаю, и слушалъ внимательно, не проронивъ ни одного слова.

Дальнѣйшій допросъ не представлялъ уже въ моихъ глазахъ ни малѣйшаго интереса. Я вышелъ въ переднюю...

Тамъ, въ углу на лавкѣ, сидѣлъ жиганъ. Нѣсколько крестьянъ-караульныхъ стояли въ сторонкѣ. Я подошелъ къ арестованному и сѣлъ рядомъ. Онъ посмотрѣлъ на меня и подвинулся.

— Скажите мнѣ,—спросилъ я у него,—неужели у васъ, дѣйствительно, не было никакой вражды къ покойному Михайлову?

Бродяга вскинулъ на меня своими спокойными голубыми глазами.

— Чего?—переспросилъ онъ.—Какая можетъ быть вражда? Нѣтъ, не видывалъ я его ранѣе.

— Такъ изъ-за чего же вы убили? Вѣдь ужъ навѣрное не изъ-за тѣхъ пятидесяти рублей, что при васъ найдены?

— Конечно,—произнесъ онъ задумчиво.—Намъ, при нашей жизни, вдесятеро столько,—и то на недѣлю хватитъ, а такъ, что значитъ... можетъ ли быть, напримѣръ, эдакое дѣло, чтобы вдругъ человѣка желѣзомъ не взять...

— Неужто изъ любопытства стоило убивать другого, да и себѣ жизнь портить?

Бродяга посмотрѣлъ на меня съ какимъ-то удивленіемъ.

— Жизнь, говоришь?.. Себѣ, то-есть?.. Какая можетъ быть моя жизнь? Вотъ нынче я Михалыча прикончилъ а доведись иначе, можетъ, онъ бы меня уложилъ...

— Ну, нѣтъ, онъ не убилъ бы.

— Твоя правда: могъ онъ убить меня, — самъ живъ бы остался.

— Тебѣ его жалко?

Бродяга посмотрѣлъ на меня и взглядъ его сверкнулъ враждой.

— Уйди ты! что тебѣ надо?—сказалъ онъ и потомъ прибавилъ, понуривъ голову:—Такая ужъ моя линія!..

— Какая?

— А вотъ такая же... Потому, какъ мы съ измалѣтства на тюремномъ положеніи...

— А Бога ты не боишься?

— Бога-то? — усмѣхнулся бродяга и тряхнулъ головой. — Давненько что-то я съ нимъ, съ Богомъ-то, не считался... А надо бы! Можетъ, еще за нимъ сколько-нибудь моего замоленаго осталось... Вотъ что̀, господинъ,—сказалъ онъ, перемѣнивъ тонъ: — ничего этого намъ не требуется. Что ты присталъ? Говорю тебѣ: линія такая. Вотъ теперь я съ тобой бесѣдую, какъ слѣдуетъ быть, аккуратно. А доведись въ тайгѣ матушкѣ или хоть тотъ разъ, въ логу,—тутъ опять разговоръ былъ бы иного роду... Потому—линія другая... Эхма!

Онъ опять встряхнулъ своими русыми волосами.

— Нѣтъ ли, господинъ, табачку покурить? Страсть курить охота!—заговорилъ онъ вдругъ какъ-то развязно; но мнѣ эта развязность показалась фальшивой.

Я далъ ему папиросу и вышелъ на крыльцо. Изъ-за лѣсу подымалось уже солнце. Съ „Камня“ надъ логомъ снимались ночные туманы и плыли на западъ, задѣвая за верхушки елей и кедровъ. На травѣ сверкала роса, а въ ближайшее окно виднѣлись желтые огоньки восковыхъ свѣчей, поставленныхъ въ изголовьи мертваго тѣла.

1882 г.

СОКОЛИНЕЦЪ.

(Изъ разсказовъ о бродягахъ).

I.

...Мой сожитель уѣхалъ. Мнѣ приходилось ночевать одному въ нашей юртѣ.

Не работалось; я не зажигалъ огня и, полулежа на своей постели, незамѣтно отдавался тяжелымъ впечатлѣніямъ молчанія и мрака, пока короткій сѣверный день угасалъ среди холоднаго тумана. Послѣдніе слабые лучи понемногу уходили сквозь льдины оконъ изъ небольшой юрты; густая тьма выползала изъ угловъ, заволакивала наклонныя стѣны, которыя, казалось, все плотнѣе сдвигаются надъ головой. Нѣсколько времени маячили еще въ глазахъ очертанія стоявшаго въ серединѣ юрты громаднаго камелька. Казалось, неуклюжій пенатъ якутскаго жилья простираетъ на-встрѣчу тьмѣ широко раздвинутыя руки, точно въ молчаливой борьбѣ... Но вотъ и эти смутныя очертанія исчезли... Тьма!.. Только въ трехъ мѣстахъ тихо мерцали расплывчатыя фосфорическія пятна; это снаружи сквозь оконныя льдины тускло заглядывалъ въ юрту мертвящій якутскій морозъ.

Минуты, часы безмолвною чередой пробѣгали надъ моею головой, и я спохватился, какъ незамѣтно подкрался тотъ роковой часъ, когда тоска такъ властно овладѣваетъ сердцемъ, когда „чужая сторона“ враждебно вѣетъ на него всѣмъ своимъ мракомъ и холодомъ, когда передъ встревоженнымъ воображеніемъ грозно встаютъ неизмѣримою, неодолимою далью всѣ эти горы, лѣса, безконечныя степи, которыя залегли между тобой и всѣмъ дорогимъ, далекимъ, потеряннымъ, что такъ неотступно манитъ къ себѣ и что, въ этотъ часъ, какъ будто совсѣмъ исчезаетъ изъ виду, рѣя въ сумрачной дали слабымъ

угасающимъ огонькомъ умирающей надежды... А подавленное, но все же неотвязное горе, спрятанное далеко-далеко, въ глубинѣ сердца, смѣло подыметъ теперь зловѣщую голову и среди мертваго затишья во мракѣ, такъ явственно шепчетъ ужасныя роковыя слова: „навсегда... въ этомъ гробу, навсегда!..“

Легкій, ласковый визгъ, донесшійся до меня съ плоской крыши сквозь трубу камелька, вывелъ меня изъ тяжелаго оцѣпенѣнія. Это умный другъ, вѣрный песъ Церберъ, продрогшій на своемъ сторожевомъ посту, спрашивалъ, что со мною и почему въ такой страшный морозъ я не зажигаю огня.

Я отряхнулся, почувствовалъ, что изнемогаю въ борьбѣ съ молчаніемъ и мракомъ, и рѣшился прибѣгнуть къ спасительному средству, которое было тутъ же подъ руками. Средство это—богъ юрты, могучій огонь.

У якутовъ по зимамъ никогда не прекращается топка, и потому у нихъ нѣтъ приспособленій для закрыванія трубы. Мы кое-какъ приладили эти приспособленія, наша труба закрывалась снаружи и каждый разъ для этого приходилось взбираться на плоскую крышу юрты.

Я взошелъ на нее по ступенькамъ, протоптаннымъ въ снѣгу, которымъ юрта была закидана до-верху. Наше жилье стояло на краю слободы, въ нѣкоторомъ отдаленіи... Обыкновенно съ нашей крыши можно было видѣть всю небольшую равнину и замыкавшія ее горы, и огни слободскихъ юртъ, въ которыхъ жили давно объякутившіеся потомки русскихъ поселенцевъ и, частью, сыльные татары. Но теперь все это потонуло въ сѣромъ, холодномъ, непроницаемомъ для глазъ туманѣ. Туманъ стоялъ неподвижно, выжатый изъ воздуха сорокаградуснымъ морозомъ, и все тяжелѣе налегалъ на примолкшую землю; всюду взглядъ упирался въ безформенную, безжизненную сѣрую массу и только вверху, прямо надъ головой, гдѣ-то далеко, далеко висѣла одинокая звѣзда, пронизывавшая холодную пелену острымъ лучомъ.

А вокругъ все замерло. Горный берегъ рѣки, бѣдныя юрты селенія, небольшая церковь, снѣжная гладь луговъ, темная полоса тайги—все погрузилось въ безбрежное туманное море. Крыша юрты, съ ея грубо сколоченною изъ глины трубой, на которой я стоялъ съ прижимавшеюся къ моимъ ногамъ собакой, казалась островомъ, закинутымъ среди безконечнаго, необозримаго океана.. Кругомъ—ни звука... Холодно и жутко... Ночь притаилась, охваченная ужасомъ—чуткимъ и напряженнымъ.

Церберъ тихо и какъ-то жалобно взвизгивалъ. Бѣдному псу, повидимому, тоже становилось страшно, въ виду наступающаго царства мертвящаго мороза; онъ прижимался ко мнѣ и,

задумчиво вытягивая острую морду, настораживая чуткія уши, внимательно вглядывался въ безпросвѣтно-сѣрую мглу.

Вдругъ онъ повелъ ушами и заворчалъ. Я прислушался. Сначала все было по-прежнему тихо. Потомъ въ этой напряженной тишинѣ выдѣлился звукъ, другой, третій... Въ морозномъ воздухѣ издали несся слабый топотъ далеко по лугамъ бѣгущей лошади.

Подумавъ объ одинокомъ всадникѣ, которому, судя по слабому топоту, предстояло проѣхать еще версты три до слободы, я быстро сбѣжалъ съ крыши по наклонной стѣнкѣ и кинулся въ юрту. Минута въ воздухѣ съ открытымъ лицомъ грозила отмороженнымъ носомъ или щекою. Церберъ, издавъ громкій, торопливый лай въ направленіи конскаго топота, послѣдовалъ за мною.

Вскорѣ въ камелькѣ, широко зіявшемъ открытою пастью въ серединѣ юрты, вспыхнулъ огонекъ зажженной мною лучины. Къ этому огоньку я приставилъ сухихъ полѣньевъ смолистой лиственницы, и въ нѣсколько мгновеній мое жилье измѣнилось до неузнаваемости. Молчаливая юрта наполнилась вдругъ говоромъ и трескомъ. Огонь сотней языковъ перебѣгалъ между полѣньями, охватывалъ ихъ, игралъ съ ними, прыгалъ, рокоталъ, шипѣлъ и трещалъ. Что-то яркое, живое, торопливое и неугомонно-болтливое ворвалось въ юрту, заглядывая во всѣ ея углы и закоулки. По временамъ трескучее, разыгравшееся пламя стихало. Тогда мнѣ было слышно, какъ, вылетая въ короткую прямую трубку камелька, шипѣли, трескались въ морозномъ воздухѣ горячія искры. Но черезъ минуту огонь принимался за свою игру съ новой силой, и въ юртѣ раздавались частые взрывы, точно пистолетные выстрѣлы.

Теперь я уже не чувствовалъ себя въ такой степени одинокимъ, какъ прежде. Все, казалось, вокругъ меня шевелится, говоритъ, суетится и пляшетъ. Оконныя льдины, въ которыя за минуту передъ тѣмъ глядѣла снаружи морозная ночь, теперь искрились и переливались отблескомъ пламени, точно самоцвѣтные камни. Я находилъ особаго рода отраду въ мысли, что, во мглѣ холодной ночи, моя одинокая юрта сверкаетъ свѣтлыми льдинами и сыплетъ, точно маленькій вулканъ, цѣлымъ снопомъ огненныхъ искръ, судорожно трепещущихъ въ воздухѣ, среди клубовъ бѣлаго дыма.

Церберъ усѣлся противъ камелька, уставился на огонь и сидитъ неподвижно, точно бѣлое изваяніе; по-временамъ только онъ поворачиваетъ ко мнѣ голову, и въ умныхъ глазахъ собаки я читаю благодарность и ласку. Тяжелые шаги скрипятъ по двору у наружной стѣны, но Церберъ остается

спокоенъ, а только снисходительно взвизгиваетъ; онъ знаетъ, что это наши лошади, стоявшія до сихъ поръ гдѣ-нибудь подъ плетнемъ, прижавъ уши и пожимаясь отъ мороза, вышли на огонь, чтобы стать у стѣны и смотрѣть на весело прыгающія искры, на широкую ленту теплаго бѣлаго дыма.

Но вотъ собака съ неудовольствіемъ отвернулась отъ огня и заворчала. Черезъ минуту она бросилась къ двери. Я выпустилъ Цербера, и пока онъ неистовствовалъ и заливался на своемъ обычномъ сторожевомъ посту, на крышѣ, я выглянулъ изъ сѣней. Очевидно, одинокій путникъ, котораго приближеніе я слышалъ ранѣе среди чуткаго безмолвія морозной ночи, соблазнился моимъ веселымъ огнемъ. Онъ раздвигалъ теперь жерди моихъ воротъ, чтобы провести во дворъ осѣдланную и навьюченную лошадь.

Я не ждалъ никого изъ знакомыхъ. Якутъ едва ли пріѣхалъ бы въ слободу такъ поздно, а если бъ и пріѣхалъ, то, безъ сомнѣнія, зналъ бы, гдѣ живутъ его „догòры“ *), а не повернулъ бы на первый огонь. Стало-быть, разсуждалъ я, это можетъ быть только поселенецъ. Въ обыкновенное время мы не особенно радовались подобнымъ гостямъ, но теперь живой человѣкъ былъ очень кстати. Я зналъ, что скоро веселый огонь станетъ смолкать; пламя лѣниво и томно потянется по раскаленному дереву, потомъ останется только куча углей, и по нимъ, нашептывая что-то, побѣгутъ огненныя змѣйки, все тише, все рѣже... Тогда въ юртѣ настанетъ опять безмолвіе мрака, а въ мое сердце опять вольется тоска. Камелекъ глянетъ въ темнотѣ слабою искоркой изъ подъ пепла, точно изъ полузакрытаго глаза, — глянетъ разъ и другой и... заснетъ. А я опять останусь одинъ... одинъ передъ долгою, тоскливою, безконечною ночью.

Мысль о томъ, что, быть-можетъ, мнѣ придется провести ночь съ человѣкомъ, прошлое котораго запятнано кровью, не приходила мнѣ въ голову. Сибирь пріучаетъ видѣть и въ убійцѣ человѣка, и хотя ближайшее знакомство не позволяетъ, конечно, особенно идеализировать „несчастненькаго“, взламывавшаго замки, воровавшаго лошадей или проламывавшаго темною ночью головы ближнихъ, но все же это знакомство позволяетъ трезво оріентироваться среди сложныхъ человѣческихъ побужденій. Вы узнаете, когда и чего можно ждать отъ человѣка. Убійца не все же только убиваетъ, онъ еще и живетъ, и чувствуетъ то же, что чувствуютъ всѣ остальные люди, въ томъ числѣ и благодарность къ тому, кто его прі-

---

*) «Догоръ» — другъ, пріятель.

ютилъ въ морозъ и непогоду. Но когда мнѣ приходилось пріобрѣтать въ этой средѣ новое знакомство и если при этомъ у новаго знакомаго оказывалась осѣдланная лошадь, а въ сѣдлѣ болтались вьючныя „сумы-переметы“, то вопросъ о принадлежности лошади внушалъ нѣкоторыя сомнѣнія, а содержимое „переметовъ“ вызывало на размышленія о способѣ его пріобрѣтенія.

Тяжелая, обитая конской шкурой, дверь юрты приподнялась въ наклонной стѣнѣ; со двора хлынула волна пара, и къ камельку подошелъ незнакомый пришлецъ. Это былъ мужчина высокаго роста, широкоплечій и статный. Уже на первый взглядъ можно было отличить, что это не якутъ, хотя одѣтъ онъ былъ по-якутски. На ногахъ у него были надѣты „торбаса“, изъ бѣлой, какъ снѣгъ, конской шкуры. Широчайшіе рукава якутской „соны“ *) подымались складками на плечахъ выше ушей. Голова и шея были закутаны большою шалью, концы которой завязаны вокругъ стана. Вся шаль, вмѣстѣ съ острою верхушкой торчавшей надъ нею якутской шапки („бергесъ“), была обильно усыпана хлопьями крѣпкаго, плотно смерзшагося инея.

Незнакомецъ приблизился къ камельку и неловко, полузастывшими руками сталъ развязывать шаль, потомъ ремешки шапки. Когда онъ откинулъ свой треухъ на плечи, я увидалъ молодое, раскраснѣвшееся отъ мороза лицо мужчины лѣтъ тридцати; крупныя черты его были отмѣчены тѣмъ особеннымъ выраженіемъ, какое нерѣдко приходилось мнѣ замѣчать на лицахъ старостъ арестантскихъ артелей и вообще на лицахъ людей, привыкшихъ къ признанію и авторитету въ своей средѣ, но, въ то же время, вынужденныхъ постоянно держаться на сторожѣ съ посторонними. Черные, выразительные глаза его кидали быстрые, короткіе взгляды. Нижняя часть лица нѣсколько выдавалась впередъ, обнаруживая пылкость страстной натуры, но бродяга (по нѣкоторымъ характернымъ, хотя трудно уловимымъ признакамъ, я сразу предположилъ въ моемъ гостѣ бродягу) давно уже привыкъ сдерживать эту пылкость. Только легкое подергиваніе нижней губы и нервная игра мускуловъ выдавали по-временамъ безпокойную напряженность внутренней борьбы.

Усталость, морозная ночь, а быть-можетъ и тоска, которую испытывалъ одинокій путникъ, пробиравшійся среди непроницаемаго тумана, — все это нѣсколько смягчило рѣзкія очертанія лица, залегло надъ бровями и въ черныхъ глазахъ

*) «Сона» — верхняя одежда, кафтанъ, шуба и т. д.

выраженіемъ страданія, гармонировавшаго съ моимъ настроеніемъ въ этотъ вечеръ, и внушило мнѣ сразу невольную симпатію къ незнакомому гостю.

Не раздѣваясь дальше, онъ прислонился къ камельку и вынулъ изъ кармана трубку.

— Здравствуйте, господинъ, — сказалъ онъ, вытряхивая трубку объ уголокъ и, въ то же время, искоса окидывая меня внимательнымъ взглядомъ.

— Здравствуйте, — отвѣтилъ я, продолжая въ свою очередь пытливо осматривать незнакомую фигуру.

— Вы ужъ меня, господинъ, извините, что я такъ прямо къ вамъ взошелъ. Мнѣ вотъ только обогрѣться маленько, да трубочку покурить, — я и уѣду, потому что у меня тутъ знакомые, которые меня во всякое время принимаютъ, въ двухъ верстахъ отсель, на заимкѣ.

Въ его голосѣ слышалась сдержанность человѣка, очевидно, не желавшаго показаться навязчивымъ. Говоря это, онъ кинулъ на меня нѣсколько короткихъ внимательныхъ взглядовъ, какъ будто выжидая, что я скажу, чтобы сообразно съ этимъ установить дальнѣйшія отношенія. „Какъ ты со мной, такъ и я съ тобой“ — казалось, выражали эти пристальные, холодные взгляды. Во всякомъ случаѣ, пріемы моего гостя составляли пріятный контрастъ съ обычною назойливостью якутскаго поселенца, хоть для меня и было очевидно, что если бъ онъ не разсчитывалъ остаться у меня ночевать, то не сталъ бы вводить лошадь во дворъ, а привязалъ бы ее къ городьбѣ, снаружи.

— Кто вы такой, — спросилъ я, — какъ васъ зовутъ?

— Меня-то? Зовутъ меня *Багылай,* то-есть это, видите ли, по-здѣшнему, а настояще-то, по-рассейски — Василій... Можетъ, слыхали? Байагантайскаго улусу.

— Родомъ съ Урала, бродяга?..

На губахъ незнакомца чуть-чуть промелькнула улыбка удовольствія.

— Ну, вотъ, вотъ! Онъ самый. Вы, стало-быть, обо мнѣ маленько наслышаны?

— Да, слышалъ отъ Семена Ивановича. Вы вѣдь съ нимъ жили по сосѣдству.

— Вѣрно. Семенъ Иванычъ меня довольно знаютъ.

— Ну, радъ гостю, милости просимъ. Оставайтесь у меня ночевать, кстати же я одинъ. Сейчасъ самоваръ поставимъ.

Бродяга охотно принялъ приглашеніе.

— Спасибо, господинъ! Ежели ужъ вы приглашаете, то я останусь. Надо вотъ переметы съ сѣдла снять, кое-что въ

избу внести. Оно хоть, скажемъ, конь-то у меня во дворѣ привязанъ, а все же лучше: народъ-то у васъ въ слободѣ фортовый, особливо татары.

Онъ вышелъ и черезъ минуту внесъ въ юрту двѣ переметныя сумы. Развязавъ ремни, онъ сталъ вынимать оттуда привезенные съ собою припасы: круги мерзлаго масла, мороженаго молока, нѣсколько десятковъ яицъ и т. д. Кое-что изъ привезеннаго онъ разложилъ у меня на полкахъ, остальное вынесъ на морозъ, въ сѣни, чтобы не растаяло. Затѣмъ онъ снялъ шаль, шубу и кафтанъ и, оставшись въ красной кумачной рубахѣ и шароварахъ изъ „бильбирета“ (родъ плиса), усѣлся противъ огня на стулѣ.

— Вотъ, господинъ,—поднялъ онъ голову и усмѣхнулся,—стану вамъ правду говорить: ѣду этто къ вашимъ воротамъ, а самъ думаю: неужто не пуститъ меня ночевать? Потому что я довольно хорошо понимаю: есть изъ нашего брата тоже всякаго народу достаточно, котораго и пустить никакъ невозможно. Ну, я не изъ такихъ, по совѣсти говорю... Да вы, вотъ, сказываете, про меня слыхали.

— Дѣйствительно, слышалъ.

— Ну, вотъ! Живу, могу сказать, не похвастаившись, честно и благородно. Имѣю у себя корову, бычка по третьему году, лошадь... Землю пашу, огородъ.

Бродяга говорилъ все это страннымъ тономъ, какъ-то раздумчиво глядя въ одну точку, а при послѣднихъ словахъ даже развелъ руками, какъ будто удивляясь: „а что, вѣдь и вправду, все это такъ и есть въ дѣйствительности!“

— Да,—продолжалъ онъ тѣмъ же тономъ,—работаю! То-есть вполнѣ даже какъ слѣдуетъ, по Божьему приказанію. Что жъ, я такъ понимаю, что это гораздо лучше, нежели воровать или наиначе еще разбойничать. Вотъ! скажемъ хоть къ этому примѣру: ѣду я ночью, увидѣлъ огонь и заѣзжаю къ вамъ... и сейчасъ вы мнѣ уваженіе, самоварчикъ... Я это долженъ цѣнить. Такъ ли я говорю?

— Конечно,—подтвердилъ я, хотя, въ сущности, бродяга обращался больше къ себѣ самому, себя убѣждалъ въ преимуществахъ своей настоящей жизни.

Я дѣйствительно зналъ Василья по слухамъ отъ товарищей; это былъ бродяга-поселенецъ, уже два года жившій въ своемъ домикѣ, среди тайги, надъ озеромъ, въ одномъ изъ большихъ якутскихъ „наслеговъ“ *). Въ безшабашной и потерянной

*) Якутская область въ административномъ отношеніи раздѣляется на округи, соотвѣтствующіе нашимъ уѣздамъ. Округъ, въ свою очередь, раздѣляется на *улусы*, а улусы подраздѣляются на *наслеги*. Если улусъ приравнять къ русской волости, то *наслегъ* будетъ соотвѣтствовать отдѣльному обществу въ средѣ волости. Дѣленіе это имѣетъ характеръ отчасти родовой, отчасти административный.

средѣ поселенцевъ, бѣдствовавшихъ, воровавшихъ и нерѣдко разбойничавшихъ по наслегамъ, онъ былъ однимъ изъ немногихъ, предпочитавшихъ трудовую жизнь, которая здѣсь давала легкую возможность подняться. Якуты, вообще говоря, народъ очень добродушный, и во многихъ улусахъ принято, какъ обычай, оказывать новоприбывшимъ поселенцамъ довольно существенную помощь. Правда, что безъ этой помощи человѣку, закинутому въ суровыя условія незнакомой страны, пришлось бы или въ самомъ скоромъ времени умереть отъ голода и холода, или приняться за разбой; правда также, что всего охотнѣе эта помощь оказывается въ видѣ пособія „на дорогу", посредствомъ котораго якутская община старается какъ можно скорѣе выпроводить поселенца куда-нибудь на пріискъ, откуда уже большая часть этихъ неудобныхъ гражданъ не возвращается; тѣмъ не менѣе, человѣку, серьезно принимающемуся за работу, якуты по большей части также помогаютъ стать на ноги. Василій получилъ отъ наслега избу, быка и на первый годъ ему засѣяли обществомъ шесть пудовъ хлѣба. Урожай выдался хорошій: кромѣ того, онъ выгодно нанялся у якутовъ косить сѣно, сталъ слегка торговать табакомъ, и года въ два хозяйство его сложилось. Якуты относились къ нему съ почтеніемъ, поселенцы величали его въ глаза Василіемъ Ивановичемъ и только за глаза звали Васькой: попы, выѣзжая на требу, охотно заѣзжали къ нему на перепутье и сами сажали его за столъ, когда ему случалось пріѣзжать къ нимъ. Водилъ онъ также знакомство и съ нашею братіею интеллигентными людьми, заброшенными судьбой въ эти далекія страны. Казалось бы, всѣмъ житье бродягѣ,— оставалось только жениться; тутъ, конечно, встрѣчалось маленькое затрудненіе, такъ какъ бродягъ обыкновенно не вѣнчаютъ, но въ той сторонѣ, за небольшія деньги, за телку или хорошаго жеребенка, можно было устроить и это.

И тѣмъ не менѣе, вглядываясь въ энергичное лицо молодого бродяги, я все яснѣе различалъ въ немъ какую-то странность. Теперь это лицо нравилось мнѣ уже нѣсколько менѣе, чѣмъ въ первую минуту, но все же оно было довольно пріятно. Темные глаза глядѣли по-временамъ задумчиво и умно, всѣ черты выражали энергію; обращеніе его было свободно, въ тонѣ слышалось удовлетворенное самолюбіе гордой натуры. Только по-временамъ нижняя часть лица какъ-то нервно вздрагивала и блескъ глазъ потухалъ. Было видно, что Багылаю стоитъ нѣкотораго усилія держать этотъ ровный тонъ, сквозь который что-то какъ будто силилось пробиться наружу, что-то горькое, подавляемое только напряженіемъ воли...

Сначала я не могъ отдать себѣ отчета, что именно это было. Теперь я уже знаю: привычный бродяга обманывалъ себя, увѣряя, что онъ доволенъ своимъ спокойнымъ существованіемъ, своимъ домкомъ и коровкой, и бычкомъ по третьему году, и оказываемымъ ему уваженіемъ. Въ глубинѣ души онъ сознавалъ, — хотя и подавлялъ пока это сознаніе, — что эта сѣрая жизнь, жизнь на чужбинѣ, постылой и непривѣтной, не про него. Изъ глубины души уже подымались въ немъ призывы тайги, его манила уже отъ сѣрыхъ будней безвѣстная, заманчивая и обманчивая даль. Такъ объяснилъ я себѣ эту черту впослѣдствіи, но тогда я видѣлъ только, что бродягу, несмотря на кажущееся спокойствіе, что-то гложетъ внутри, что-то прорывается наружу...

Пока я хлопоталъ съ самоваромъ, Василій сидѣлъ противъ камелька, задумчиво глядя на огонь. Я окликнулъ его, когда все было готово.

— Спасибо, господинъ,—сказалъ онъ, подымаясь.—Много доволенъ и на ласковомъ словѣ. Ахъ, господинъ, господинъ!— обратился онъ вдругъ ко мнѣ какъ-то страстно, — повѣришь ты: какъ завидѣлъ я твой огонекъ, сердце во мнѣ взыграло,— право, не лгу! Потому что знаю: у рассейскаго человѣка этотъ огонь горитъ... Ѣхалъ этто лугами... темень, морозъ... Юрта гдѣ задымится въ сторонкѣ, — конь такъ и воротитъ къ ней, такъ и воротитъ; извѣстно, скотина якутская, лестно ей. Ну, а у меня сердце туда не лежитъ. Что мнѣ въ ней, хоть бы и въ юртѣ? Конечно, согрѣютъ, можетъ, и водка нашлась бы. Да нѣтъ!.. А твой огонь увидалъ,—вотъ, думаю, куда заѣзжать, если приметъ. Спасибо, что не прогналъ. Въ нашемъ наслегѣ, можетъ, когда быть доведется, — милости просимъ ко мнѣ. Найдемъ чѣмъ угостить, слава-те Господи! Примемъ какъ слѣдуетъ, честно!

II.

Напившись чаю, Василій опять усѣлся противъ огня. Ему нельзя было еще ложиться: приходилось выждать, пока остынетъ его лошадь, чтобы спустить ее къ сѣну. Якутская лошадь не особенно сильна, за-то удивительно нетребовательна; якутъ доставляетъ на ней масло и другіе припасы на дальніе пріиска или въ тайгу къ тунгусамъ, на дальній Учуръ *), проходя сотни верстъ по мѣстамъ, гдѣ нечего и думать о запасахъ сѣна. Пріѣхавъ на ночевку, въ дикой тайгѣ, онъ разгребаетъ снѣгъ, разводитъ костеръ, а стреноженныхъ лошадей пускаетъ въ тайгу; привычный конь добываетъ себѣ изъ подъ

*) Учуръ—рѣка, притокъ Алдана, впадающаго въ Лену.

снѣга высохшую прошлогоднюю траву и на утро опять готовъ для утомительнаго перехода. Но при этомъ у якутской лошади есть одна особенность: ее нельзя кормить тотчасъ послѣ поѣздки, и передъ отправленіемъ въ путь сытую лошадь тоже выдерживаютъ безъ пищи иногда въ теченіе сутокъ и даже больше.

Василью нужно было выждать часа три. Я тоже не ложился, и мы сидѣли оба, изрѣдка перекидываясь словами. Василій, или, какъ онъ уже привыкъ называть себя — Багылай, то и дѣло подкладывалъ въ огонь по одному полѣну. Это въ немъ сказывалась мѣстная привычка, пріобрѣтенная въ теченіе длинныхъ вечеровъ якутской зимы.

— Далеко! — сказалъ онъ вдругъ послѣ долгаго молчанія, какъ будто отвѣчая собственной мысли.

— Что это?—спросилъ я.

— Наша-то сторона, Рассея... Здѣсь вотъ все не по-нашему, что ни возьми. Взять хоть скотину, лошадь, къ примѣру: у насъ лошади, ежели пріѣхалъ на ней, первымъ дѣломъ требуется пища, а эту вотъ накорми горячую—подохнетъ. Какъ тепло станетъ, сейчасъ у ней въ сердцѣ сдѣлается льдина, и кончено! Тоже и народъ взять: живутъ по лѣсу, конину жрутъ, сырое мясо ѣдятъ, падаль, прости Господи, и ту трескаютъ... тьфу! Стыда у здѣшняго народа нисколько нѣту: вынь въ юртѣ у нихъ кисетъ съ табакомъ, и сейчасъ, сколько ни есть тутъ народу, всякій къ тебѣ руку тянетъ: давай!

— Что-жъ, это у нихъ обычай,—возразилъ я.—За-то и сами они даютъ. Вѣдь вотъ помогли же вамъ завести хозяйство.

— Помогли, правда.

— Довольны вы своею жизнью?—спросилъ я, вглядываясь въ лицо бродяги.

Онъ какъ-то загадочно улыбнулся.

— Да, жизнь... — сказалъ онъ, помолчавъ и подбрасывая въ огонь новое полѣно.

Пламя освѣтило его лицо: глаза глядѣли тускло.

— Эхъ, господинъ, ежели разсказать вамъ!.. Не видалъ я въ жизни своей хорошаго и теперь не вижу. Только и видѣлъ хорошаго до восемнадцати лѣтъ. Ладненько тогда жилъ, пока родителей слушалъ. Пересталъ слушаться—и жизнь моя кончилась. Съ самыхъ тѣхъ поръ, я такъ считаю, что и на свѣтѣ не живу вовсе. Такъ... бьюсь только понапрасну.

По красному лицу бродяги пробѣгаютъ тѣни и нижняя губа нервно вздрагиваетъ, какъ у ребенка, точно онъ на это время опять возвратился къ тому возрасту, когда „слушался родителей“, точно вновь сталъ ребенкомъ, только этотъ ребенокъ готовъ теперь расплакаться надъ собственною разбитою жизнью!

Замѣтивъ, что я пытливо гляжу на него, бродяга спохватился и тряхнулъ головой.

— Ну, да что тутъ... Не хотите ли лучше послушать, какъ мы съ Соколинаго острова бѣжали?

Я, конечно, согласился и всю ночь до разсвѣта прослушалъ разсказы бродяги.

III.

Въ лѣтнюю ночь 187* года пароходъ „Нижній-Новгородъ“ плылъ по водамъ Японскаго моря, оставляя за собой въ синемъ воздухѣ длинный хвостъ чернаго дыма. Горный берегъ Приморской области уже синѣлъ слѣва въ серебристо-сизомъ туманѣ; справа въ безконечную даль уходили волны Лаперузова пролива. Пароходъ держалъ курсъ на Сахалинъ, но скалистыхъ береговъ дикаго острова еще не было видно.

На пароходѣ все было спокойно и тихо. На рубкѣ виднѣлись освѣщенныя луной фигуры лоцмановъ и дежурныхъ офицеровъ. Огни изъ люковъ трепетали, отражаясь на темной поверхности океана.

„Нижній-Новгородъ“ шелъ съ „грузомъ арестантовъ“, назначенныхъ на Сахалинъ. Морскіе уставы вообще очень строги, а на кораблѣ съ подобнымъ грузомъ они еще строже. Днемъ арестанты посмѣнно гуляли по палубѣ, оцѣпленные крѣпкимъ карауломъ. Остальное время они проводили въ своихъ помѣщеніяхъ подъ палубой.

Обширная камера подъ низко нависшимъ потолкомъ... Свѣтъ проникаетъ днемъ сквозь небольшіе люки, которые выдѣляются на темномъ фонѣ, точно два ряда свѣтлыхъ пуговицъ, все меньше и меньше, теряясь на закругленныхъ бокахъ пароходнаго корпуса. Въ серединѣ трюма оставленъ проходъ вродѣ корридора; чугунные столбы и желѣзная рѣшетка отдѣляютъ этотъ корридоръ отъ помѣщенія съ нарами для арестантовъ. Въ проходѣ, опершись на ружья, стоятъ конвойные часовые. По вечерамъ тутъ же печально-вытянутою линіей тускло горятъ фонари.

Вся жизнь сѣрыхъ пассажировъ парохода проходитъ на виду, за этою рѣшеткой. Стоитъ ли надъ моремъ яркое тропическое солнце, свиститъ ли вѣтеръ, скрипятъ и гнутся снасти, ударитъ ли волной непогода, разыграется ли грозная буря и пароходъ весь застонетъ подъ ударами шторма,— здѣсь, все также взаперти, прислушиваются къ завыванію вѣтра сотни людей, которымъ нѣтъ дѣла до того, что происходитъ тамъ, наверху, и куда несется ихъ плавучая тюрьма.

Арестантовъ гораздо больше на пароходѣ, чѣмъ конвоя,

но за-то каждый шагъ, каждое движеніе сѣрой толпы введены твердою рукой въ заранѣе намѣченную желѣзную колею, и экипажъ обезпеченъ противъ всякой возможности бунта.

Впрочемъ, здѣсь принято во вниманіе все, даже и невѣроятное: если бы въ толпѣ прорвался ожесточенный разъярившійся звѣрь и она въ отчаяніи стала бы кидаться на явную опасность, если бы выстрѣлы сквозь рѣшетку не оказали дѣйствія, и звѣрь грозилъ бы сломать свою желѣзную клѣтку,—тогда въ рукахъ командира оставалось бы еще одно могучее средство. Ему стоило только крикнуть въ машинное отдѣленіе нѣсколько словъ:

— Рычагъ такой-то... отдать!

— Есть! — и вслѣдъ за этимъ отвѣтомъ въ арестантское помѣщеніе были бы пущены изъ машины струи горячаго пара, точно въ щель съ тараканами. Это страшное средство предотвращало всякую возможность общаго безчинства со стороны сѣраго населенія пароходнаго трюма.

Тѣмъ не менѣе, и подъ давленіемъ строгаго режима, это сѣрое населеніе жило за желѣзными рѣшетками своею обычною жизнью. И въ ту самую ночь, когда пароходъ шлепалъ колесами по спокойному морю, дробясь въ мрачной зыбучей глубинѣ своими огнями, когда часовые, опершись на ружья, дремали въ проходахъ трюма, и фонари, слегка вздрагивая отъ ударовъ никогда не засыпавшей машины, разливали свой тусклый, задумчивый свѣтъ въ желѣзномъ корридорѣ и за рѣшетками... когда на нарахъ рядами лежали сѣрыя неподвижныя фигуры спавшихъ арестантовъ,—тамъ, за этими рѣшетками, совершалась безмолвная драма. Сѣрое кандальное общество казнило своихъ отступниковъ.

На слѣдующее утро, во время переклички, три арестанта не поднялись съ своихъ мѣстъ. Они остались лежать на нарахъ, несмотря на грозные оклики начальства. Когда вошли за рѣшетку и приподняли халаты, которыми они были прикрыты, то начальство убѣдилось, что эти трое никогда уже не поднимутся на перекличку.

Во всякой арестантской артели всѣ важнѣйшія дѣла вершатся болѣе вліятельнымъ и сплоченнымъ ядромъ. Для массы, по-арестантски „шпанки“, сѣрой, безличной толпы, подобныя событія нерѣдко тоже бываютъ совершенною неожиданностью. Пораженное мрачною ночною трагедіей, населеніе пароходнаго трюма вначалѣ примолкло; подъ низкимъ потолкомъ стояла пугливая тишина. Только плескъ моря доносился снаружи, бѣжали съ рокотомъ вдоль ватерлиніи разбиваемыя грудью парохода волны, да тяжелое пыхтѣніе машины глухо отдавалось вмѣстѣ съ мѣрными ударами поршней.

Но скоро начались среди арестантовъ разговоры и толки о послѣдствіяхъ „происшествія“. Начальство, очевидно, не намѣрено было замять непріятное дѣло, приписавъ смерть случайности или скоропостижнымъ болѣзнямъ. Признаки насилія были очевидны; пошли допросы. Арестанты отвѣчали единодушно; быть можетъ, въ другое время, начальству и не трудно было бы найти нѣсколько человѣкъ, которыхъ страхомъ или обѣщаніемъ выгоды можно бы склонить къ доносу, но теперь, кромѣ чувства „товарищества“, языки были скованы ужасомъ. Какъ ни страшно начальство, какъ ни грозны его окрики,—„артель“ еще страшнѣе: въ эту ночь, тамъ, на нарахъ, на виду у часовыхъ, она показала свое ужасное могущество. Безъ сомнѣнія, многіе въ ту ночь не спали; не одно ухо чутко ловило заглушенные звуки борьбы „подъ крышкой“ *), хрипѣніе и вздохи, не совсѣмъ похожіе на вздохи спящихъ, но никто ни однимъ словомъ не выдалъ исполнителей страшнаго приговора. Начальству не оставалось ничего болѣе, какъ приняться за оффиціальныхъ отвѣтчиковъ: старосту и его помощника. Въ тотъ же день ихъ обоихъ заковали въ кандалы.

Помощникомъ былъ Василій, носившій тогда другое имя.

Прошло еще дня два, и дѣло было обсуждено арестантами съ полною обстоятельностью. На первый взглядъ казалось, что концы спрятаны, виновныхъ открыть невозможно и закованнымъ представителямъ артели грозила лишь легкая дисциплинарная отвѣтственность. На всѣ вопросы у нихъ былъ прямой и резонный отвѣтъ: „спали!“

Однако, при болѣе тщательномъ разсмотрѣніи, дѣло стало возбуждать нѣкоторыя сомнѣнія. Сомнѣнія эти относились именно къ Василью. Правда, въ подобныхъ случаяхъ артель дѣйствуетъ всегда такимъ образомъ, чтобы неприкосновенность къ дѣлу первыхъ „отвѣтчиковъ“ кидалась по возможности въ глаза, и въ этомъ случаѣ Василій могъ легко доказать, что онъ не принималъ въ ночной трагедіи прямого участія. Тѣмъ не менѣе, обсуждая положеніе помощника старосты, опытные арестанты, прошедшіе и огонь, и мѣдныя трубы, покачивали головами.

— Слышь, парень, — подошелъ разъ къ Василью старый, бывалый въ передѣлкахъ бродяга,—какъ пріѣдемъ на Соколиный островъ, запасай ноги. Дѣло, братецъ, твое непріятно. Совсѣмъ табакъ твое дѣло!

---

*) «Сдѣлать крышку» на арестантскомъ жаргонѣ значитъ убить кого-либо въ средѣ самой тюрьмы. При этомъ обыкновенно на голову жертвы накидывается халатъ, съ цѣлью заглушить ея крики. Это и есть *крышка*.

— А что?

— Да вотъ то же!.. Ты въ первый разъ осужденъ или вторично?

— Вторично.

— То-то. А помнишь, покойный Ѳедька на кого доносилъ? Все на тебя же. Вѣдь, изъ-за него ты ходилъ недѣлю въ наручняхъ, такъ ли?

— Было дѣло.

— Ну, а что ты ему тогда сказалъ? Солдаты-то вѣдь слышали! Ты какъ объ этомъ думаешь? Вѣдь это есть угроза!

Василій и другіе слушатели поняли, что тутъ было отъ чего почесаться.

— Ну, вотъ! Сообрази-ка ты все это, да и готовься къ разстрѣлу!

Въ партіи поднялся ропотъ.

— Не болтай, Буранъ, — заговорили арестанты съ неудовольствіемъ.

— Хлопаетъ старикъ зря.

— Отъ старости, видно, изъ ума выжилъ. Шутка ли чего сказалъ: къ разстрѣлу!

— Не выжилъ я изъ ума,—сердито заговорилъ старикъ и плюнулъ съ досады.—Много вы, шпанье *), понимаете! Вы судите по-рассейски, а я по-здѣшнему. Я здѣшніе-то порядки знаю... Вѣрно тебѣ говорю, Василій: пошлютъ дѣло къ амурскому генералъ-губернатору, — готовься къ разстрѣлу. А ежели за великую милость на *кобылу* **) велятъ ложиться, такъ это еще хуже: съ кобылы-то ужъ не встанешь. Потому что ты понимай: это, братецъ, корабль! На кораблѣ законъ противъ сухопутья вдвое строже. Ну, а впрочемъ, — глухо добавилъ старикъ, запыхавшійся отъ этой длинной рѣчи, — мнѣ все одно, хоть пропадите вы всѣ прòпадомъ...

Потухшіе глаза стараго, разбитаго незадачливою жизнью бродяги давно уже глядѣли на міръ тускло и съ угрюмымъ равнодушіемъ. Онъ махнулъ рукой и отошелъ къ сторонкѣ.

Среди арестантскихъ партій встрѣчается не мало юристовъ, и если такая партія, во всемъ составѣ, по тщательномъ обсужденіи даннаго дѣла, постановитъ свой предполагаемый приговоръ, то онъ почти всегда въ точности совпадаетъ съ дѣйствительнымъ. Въ данномъ случаѣ всѣ такіе юристы согласились съ мнѣніемъ Бурана, и съ этихъ поръ было рѣшено,

---

*) Презрительная кличка отъ слова «шпанка» (объясненіе выше).

**) «Кобылой» называютъ скамью особаго вида, къ которой привязываютъ наказываемаго плетьми.

что Василій долженъ бѣжать. Такъ какъ онъ могъ пострадать изъ-за „артельнаго дѣла“, то артель считала себя обязанной оказать ему помощь. Запасъ сухарей и галетъ, образовавшійся изъ „экономіи“, поступилъ въ его распоряженіе, и Василій сталъ „сбивать партію“ желающихъ участвовать въ побѣгѣ.

Старый Буранъ бѣгалъ уже съ Сахалина, и потому первый выборъ палъ на него. Старикъ долго не раздумывалъ.

— Мнѣ,—отвѣтилъ онъ,—на роду ужъ написано въ тайгѣ помирать. Да оно, пожалуй, въ тайгѣ-то бродягѣ и лучше. Одно вотъ только: годы мои не тѣ, поизносился.

Старый бродяга заморгалъ тусклыми глазами.

— Ну, инъ сбивай артель. Вдвоемъ, али втроемъ нечего и идти, — дорога трудная. Наберется человѣкъ десять — и ладно. А ужъ я пойду, поколѣ ноги-то носятъ. Хоть помереть бы мнѣ въ другомъ мѣстѣ, а не на этомъ острову.

Буранъ заморгалъ еще сильнѣе, и по сморщенному, обвѣтрѣлому лицу покатились старческія слезы.

„Ослабъ старый бродяга“, подумалъ Василій и пошелъ „сбивать артель“, подыскивать другихъ товарищей.

IV.

Обогнувъ высокій мысъ, пароходъ вошелъ въ заливъ. Арестанты толпились у люковъ и съ тревожнымъ любопытствомъ смотрѣли на горные высокіе берега острова, все выроставшіе среди сумрака приближавшагося вечера.

Темною ночью подошелъ пароходъ къ порту. Очертанія берега надвинулись и встали черною громадой. Пароходъ остановился, команда выстроилась; стали выводить арестантовъ.

На берегу въ темнотѣ виднѣлись кое-гдѣ огни; море плескалось въ берегъ, на небѣ висѣли тучи, а на сердцѣ у всѣхъ такая же темная, такая же мрачная нависла тоска.

— Портъ это,—тихо говорилъ Буранъ,—*Дуя* *) называемый. Тутъ на первое время въ казармахъ жить придется.

Послѣ провѣрки въ присутствіи мѣстнаго начальства вывели партію на берегъ. Проведя нѣсколько мѣсяцевъ на морѣ, арестанты впервые чувствовали подъ ногами твердую почву. Пароходъ, на которомъ они прожили столько времени, покачивался въ темнотѣ и вздыхалъ среди ночи клубами бѣлаго пара.

Впереди задвигались огни. Послышались голоса:

— Партія что-ли?

---

*) Портъ Дуэ, на западномъ берегу Сахалина.

— Партія.

— Ступай сюда, въ седьмую казарму!

Арестанты двинулись на огонь. Шли въ разбродъ, въ безпорядкѣ, и всѣхъ поражало то обстоятельство, что сбоку никто не толкаетъ ихъ прикладами.

— Братцы,—послышались удивленные голоса,—никакъ караулу-то съ нами нѣту?

— Молчи!—угрюмо проворчалъ въ отвѣтъ на это Буранъ.—Зачѣмъ тебѣ здѣсь караулъ? Небось, и безъ караулу не убѣжишь. Островъ этотъ большой, да дикой. Въ любомъ мѣстѣ съ голоду поколѣешь. А кругомъ острова море. Не слышишь, что-ли?

Дѣйствительно, среди влажной ночи подымался вѣтеръ; огни фонарей неровно мерцали подъ его порывами, и глухой гулъ моря доносился съ берега, точно ревъ просыпающагося звѣря.

— Слышь, какъ реветъ?—обратился Буранъ къ Василью.—Вотъ оно: кругомъ-то вода, посередкѣ бѣда... Безпремѣнно море переплывать надо, да еще до переправы островомъ сколько идти придется... Гольцы, да тайга, да кордоны!.. На сердцѣ у меня что-то плохо; нехорошо море-то говоритъ, неблагопріятно. Не избыть мнѣ, видно, Соколинаго острова, не избыть будетъ,—старъ! Два раза бѣгалъ; разъ въ Благовѣщенскѣ, другой-то разъ въ Рассеѣ поймали, — опять сюда... Видно, судьба мнѣ на острову помереть.

— Авось не помрешь!—ободрилъ старика Василій.

— Молодъ ты, а я ужъ износился. Эхъ, море-то, море-то, какъ жалостно, да сердито взыграло!

Изъ казармы № 7 вывели всѣхъ жившихъ въ ней каторжныхъ и отвели ее новоприбывшимъ, приставивъ на первое время караулъ. Привыкши къ тюремной неволѣ и крѣпкимъ запорамъ, они непремѣнно разбились бы по острову, какъ овцы, выпущенныя изъ овчарни. Другихъ, жившихъ здѣсь подольше, не запирали: пооглядѣвшись и ознакомившись съ условіями, ссыльные убѣждаются, что побѣгъ на островѣ — дѣло крайне рискованное, почти вѣрная смерть, и потому на это дѣло отваживаются только исключительные удальцы, да и то послѣ тщательныхъ сборовъ. А такихъ, все равно, запирай не запирай — убѣгутъ, если не изъ тюрьмы, то съ работы.

— Ну, Буранъ, совѣтуй теперь, — приставалъ къ Бурану Василій, дня черезъ три по пріѣздѣ на островъ, — ты вѣдь у насъ старшій будешь, тебѣ впереди идти, тебѣ и порядки давать. Чай вѣдь запасъ нужно дѣлать.

— Чего совѣтовать-то,—отвѣтилъ старикъ вяло.—Трудно...

годы мои не тѣ. Вотъ видишь ты: пройдетъ еще дня три, караулы поснимутъ, станутъ партіями въ разныя мѣста на работы выводить, да и такъ изъ казармы выходить дозволяется. Ну, только съ мѣшкомъ изъ казармы не выпустятъ. Вотъ тутъ и думай.

— Ты придумай, Буранушка,—тебѣ лучше знать.

Но Буранъ ходилъ осунувшійся, угрюмый и опустившійся. Онъ ни съ кѣмъ не говорилъ и только что-то бормоталъ про себя. Съ каждымъ днемъ, казалось, старый бродяга, очутившійся въ третій разъ на старомъ мѣстѣ, „ослабѣвалъ“ все больше и больше. Между тѣмъ, Василій успѣлъ подобрать еще десять охотниковъ, молодецъ къ молодцу, и все приставалъ къ Бурану, стараясь расшевелить его и вызвать къ дѣятельности. Порой это удавалось, но даже и тогда старикъ всегда сводилъ рѣчь на трудность пути и дурныя предзнаменованія.

„Не избыть острова!“ Это была постоянная фраза, въ которой вылилась безнадежная увѣренность неудачника-бродяги. Тѣмъ не менѣе, въ свѣтлыя минуты онъ оживлялся воспоминаніями о прежнихъ попыткахъ, и тогда, въ особенности по вечерамъ, лежа на нарахъ, рядомъ съ Васильемъ, онъ разсказывалъ ему объ островѣ и о пути, по которому придется идти бѣглецамъ.

Портъ Дуэ расположенъ на западной сторонѣ острова, обращенной къ азіатскому берегу. Татарскій проливъ въ этомъ мѣстѣ имѣетъ около 300 верстъ въ ширину; переплыть его въ небольшой лодочкѣ, понятно, нечего и думать, и потому бѣглецы поневолѣ направляются въ ту или другую сторону по острову. Побѣгъ, собственно на островѣ, не труденъ. „Куда хошь ступай, — говорилъ Буранъ, — коли помирать хочется: островъ большой, весь въ гольцахъ, да въ тайгѣ. Гилякъ инородецъ на что привычный человѣкъ, и тотъ не во всякомъ мѣстѣ держится. На востокъ ежели пойдешь, — заплутаешься въ камняхъ: либо пропадешь, расклюетъ тебя голодная птица, либо самъ къ зимѣ опять сюда явишься. На полдень пойдешь,—дойдешь до конца острова, а тамъ море-окіянъ: на кораблѣ развѣ переплыть. Одна намъ дорога—на сѣверъ, все берегомъ держаться. Море-то само дорогу укажетъ. Верстъ триста пройдемъ, будетъ проливъ, узкое мѣсто; тутъ намъ и переправу держать на амурскую сторону на лодкахъ“.

— Ну, только что скажу тебѣ, парень,—начиналъ Буранъ обычный унылый припѣвъ,—и тутъ трудно, потому что мимо кордоновъ идти придется, а въ кордонахъ солдаты. Первый

кордонъ Варки называется, предпослѣдній Панги, послѣдній самый — Погиба. А почему Погиба? — больше всѣхъ тутъ нашему брату погибель. И хитро же у нихъ кордоны поставлены: гдѣ этакъ узгорочекъ круто заворачиваетъ, тутъ и кордонъ выстроенъ. Идешь, идешь да прямо на кордонъ и наткнешься. Не дай Господи!

— Ну, да вѣдь ужъ два раза ходилъ, чай знаешь?

— Ходилъ, парень, ходилъ... — и потухшіе глаза старика опять вспыхнули.—Ну, слушай меня, да дѣлайте, какъ я велю. Станутъ скоро на мельницу на постройку людей выкликать, вы всѣ въ то число становитесь; станутъ туда провизію запасать, и вы свои сухари да галеты въ телѣгу складывайте. На мельницѣ-то Петруха сидитъ, изъ каторжныхъ. Отъ него вамъ и будетъ ходъ, съ мельницы то-есть. Три дня здѣсь васъ не спохватятся, такой здѣсь порядокъ: три дня можно на перекличку не являться,—ничего. Докторъ отъ наказанія избавляетъ, потому что, говоритъ, больница плохая; иной это притомится на работѣ, занеможетъ: чѣмъ ему въ больницу идти, лучше онъ въ кусты уйдетъ, да тамъ какъ-нибудь, на воздухѣ-то, и отлежится. Ну, а ужъ если на четвертый день не явился, то прямо считаютъ въ бѣгахъ. И самъ послѣ явишься, все равно: приходи да прямо на кобылу и ложись.

— Зачѣмъ на кобылу? — сказалъ Василій. — Дастъ Богъ уйдемъ, такъ ужъ охотой не вернемся.

— А не вернешься,—глухо заворчалъ Буранъ и глаза его опять потухли,—не вернешься, такъ все равно воронье тебя расклюетъ въ пади гдѣ-нибудь, на кордонѣ. Кордону-то, небось, съ вашимъ братомъ возиться некогда; ему тебя не представлять обратно, за сотни-то верстъ. Гдѣ увидѣлъ, тутъ уложилъ съ ружья—и дѣлу конецъ.

— Не каркай, старая ворона!.. Завтра, смотри, идемъ мы. Ты Боброву сказывай, чего надо, артель, отпуститъ.

Старикъ проворчалъ что-то въ отвѣтъ и отошелъ, понуривъ голову, а Василій пошелъ къ товарищамъ сказать, чтобы готовились. Отъ должности помощника старосты онъ отказался ранѣе, и на его мѣсто уже выбрали другого. Бѣглецы уложили котомочки, вымѣняли лучшую одежду и обувь и на слѣдующій день, когда, дѣйствительно, стали снаряжать рабочихъ на мельницу, они стали въ число выкликаемыхъ. Въ тотъ же день съ постройки всѣ они ушли въ кусты. Не было только Бурана.

Отрядъ подобрался удачно. Съ Васильемъ пошелъ его пріятель, который „по бродяжеству“ носилъ кличку Володьки, Макаровъ, силачъ и хватъ, бѣгавшій два раза съ Кары, два

черкеса, народъ рѣшительный и незамѣнимый въ отношеніи товарищеской вѣрности, одинъ татаринъ, плутъ и проныра, но за-то изобрѣтательный и въ высшей степени ловкій. Остальные были тоже бродяги, искусившіеся въ путешествіяхъ по Сибири.

Артель просидѣла въ кустахъ уже день, переночевала, и другой день клонился къ вечеру, а Бурана все не было. Послали татарина въ казарму: пробравшись туда тихонько, онъ вызвалъ стараго арестанта Боброва, пріятеля Василья, имѣвшаго въ средѣ арестантовъ вѣсъ и вліяніе. На слѣдующее утро Бобровъ пришелъ въ кусты къ бѣглецамъ.

— Что, братцы, какъ бы мнѣ вамъ какую помощь сдѣлать?

— Посылай непремѣнно Бурана. Безъ него намъ не ходъ. Да если чего просить станетъ изъ запасу,—дайте. За Бураномъ у насъ только и дѣло-то стало.

Вернулся Бобровъ въ казарму, а Буранъ и не думаетъ собираться. Суется по камерѣ, самъ съ собою разговариваетъ, да размахиваетъ руками.

— Ты что же это, Буранъ, думаешь?—окликнулъ его Бобровъ.

— А тебѣ что?

— Какъ что? Почему не собрался?

— Въ могилу мнѣ собираться, вотъ куда!

Бобровъ разсердился.

— Да ты что въ самомъ дѣлѣ! Вѣдь ребята четвертыя сутки въ кустахъ. Вѣдь имъ теперь на кобылу ложиться... А еще старый бродяга!

Заплакалъ отъ покоровъ старикъ.

— Отошло мое время... Не избыть мнѣ острова... Износился!..

— Износился ты, аль нѣтъ, это дѣло твое. Не дойдешь, помрешь въ дорогѣ, за это никто не завинитъ; а ежели ты подвелъ одиннадцать человѣкъ подъ плети, то обязанъ идти. Вѣдь мнѣ стоитъ артели сказать, что тогда надъ тобой сдѣлаютъ?

— Знаю,—сказалъ Буранъ сумрачно,—сдѣлаютъ „крышку", потому что стою... Не честно старому бродягѣ помирать такою смертью. Ну, инъ видно идти мнѣ доводится. Только, вотъ, ничего-то у меня не припасено.

— Все живою рукой будетъ. Что надо?

— А вотъ что: первымъ дѣломъ неси мнѣ двѣнадцать хорошихъ халатовъ, новыхъ.

— Да вѣдь у ребятъ свои есть.

— Ты слушай меня, что я говорю, — заговорилъ Буранъ съ сердцемъ: — знаю, что есть у нихъ по халату, а надо по два. Гилякамъ за лодку съ человѣка по халату придется. Да еще надо мнѣ двѣнадцать ножей хорошихъ, по три четверти, да два топора, да три котла.

Бобровъ собралъ артель и объяснилъ, въ чемъ дѣло. У кого были лишніе халаты, всѣ поступились въ пользу бѣглецовъ. У всякаго арестанта живуче какое-то инстинктивное сочувствіе смѣлой попыткѣ вырваться изъ глухихъ стѣнъ на вольную волю. Котлы и ножи нашлись частью даромъ, частью за деньги у старожиловъ-ссыльныхъ. Все было готово дня въ два.

Со времени прибытія партіи на островъ прошло тринадцать дней.

На слѣдующее утро Бобровъ доставилъ Бурана въ кусты, вмѣстѣ съ запасомъ. Бѣглецы „стали на молитву", отслужили нѣчто вродѣ молебна на этотъ случай по особому арестантскому уставу, попрощались съ Бобровымъ и двинулись въ дорогу.

V.

— Что же, небось, весело было въ путь отправляться?— спросилъ я, вслушиваясь въ окрѣпшій голосъ разсказчика, вглядываясь въ его оживившіяся въ этомъ мѣстѣ разсказа черты.

— Да какъ же не весело! Какъ изошли изъ кустовъ, да тайга-матушка надъ нами зашумѣла,—вѣрите, точно на свѣтъ вновь народились. Таково всѣмъ радостно стало. Одинъ только Буранъ идетъ себѣ впереди, голову повѣсилъ, что-то про себя бормочетъ. Не весело вышелъ старикъ. Чуяло, видно, Бураново сердце, что не далеко уйти ему.

Видимъ мы съ перваго разу, что командеръ у насъ не очень надежный. Онъ хоть бродяга опытный и даже съ Соколинаго острова два раза бѣгалъ, да и дорогу, видно, знаетъ: идетъ, знай, покачивается, по сторонамъ не глядитъ, ровно собака по слѣду,—ну, а все же насъ съ Володькой, съ пріятелемъ, сомнѣніе беретъ.

— Гляди-ко,—говоритъ мнѣ Володька,—съ Бураномъ какъ бы на бѣду не напороться. Видишь: онъ не въ себѣ что-то.

— А что?—говорю.

— А то, что старикъ какъ будто не въ полномъ разсудкѣ. Самъ съ собой разговариваетъ, голова у него мотается, да и распоряженіевъ отъ него никакихъ не видится. Намъ бы давно ужъ хоть маленькій привалъ сдѣлать, а онъ, видишь, претъ себѣ, да претъ. Не ладно, право!

Вижу и я, что не ладно.—Подошли мы къ Бурану, окликнули:

— Дядя, молъ, а дядя! Что больно разошелся? Не пора ли привалъ сдѣлать, прилечь, отдохнуть?

Повернулся онъ къ намъ, посмотрѣлъ, да опять впередъ пошелъ.

— Погодите, говоритъ,—зачѣмъ торопитесь ложиться? Вонъ въ Варкахъ, либо въ Погибѣ уложатъ пулями—належитесь еще.

— Ахъ, чтобъ-те пусто было! Ну все же спорить не стали, потому что онъ—старый бродяга. И, притомъ, сами видимъ, что не дѣло и мы затѣяли: въ первый-то день побольше уйти надо,—тутъ не до отдыху.

Прошли еще сколько-то. Володька опять меня толкаетъ:

— Слышь, Василій, дѣло-то все же не ладно!

— Что такое опять?

— До Варковъ-то, сказывали, двадцать верстъ; ну, ужъ мы восемнадцать-то вѣрныхъ прошли. Какъ бы на кордонъ не напороться.

— Буранъ, а Буранъ!.. Дядя!—кричимъ опять.

— Что вамъ?

— Варки, чай, близко.

— Далеко еще,—отвѣчаетъ и опять пошелъ.

Была бы тутъ бѣда, да на счастіе увидѣли мы—на рѣчкѣ челнокъ зачаленъ стоитъ. Какъ увидѣли мы этотъ челнокъ, такъ всѣ и остановились. Бурана Макаръ силой удержалъ. Ужъ ежели, думаемъ себѣ, челнокъ стоитъ, значитъ, и житель близко. Стой, ребята, въ кусты!

Вотъ вошли мы въ тайгу, а на ту пору шли мы падью по рѣчкѣ; по одну сторону горы и по другую тоже горы, лиственью поросли густо. Съ весны съ самой по Соколиному острову туманы теплые ходятъ, и въ тотъ день съ утра тоже туманъ былъ. А какъ взобрались мы на гору, да прошли малое мѣсто верхами, — дохнулъ изъ пади вѣтеръ, туманъ, какъ нарочно, въ море и угнало. Смотримъ мы: внизу за горкой кордонъ, какъ на ладонкѣ, солдаты по двору ходятъ, собаки лежатъ, дремлютъ. Всѣ мы тутъ ахнули: вѣдь безъ малаго волку въ пасть своею охотой не полѣзли.

— Какъ же, говоримъ, дядя Буранъ.—Вѣдь это кордонъ.

— Кордонъ,—отвѣчаетъ Буранъ.—Самые это Варки.

— Ну,—говоримъ мы ему,—ужъ ты, дядя, не прогнѣвайся: хоть ты и старше насъ всѣхъ, однако, видно, намъ самимъ о себѣ промышлять надо. Съ тобой какъ разъ бѣды наживешь.

Заплакалъ старикъ.

— Братцы!—говоритъ, — старъ я, простите ради Христа. Сорокъ лѣтъ хожу, весь исходился, видно; память временами отшибать стало: кое помню, а кое вовсе забылъ. Не взыщите! Надо теперь поскорѣй уходить отсюда: не дай Богъ, за ягодой кто къ кордону пойдетъ или вѣтеръ бродяжьимъ духомъ на собаку пахнётъ,—бѣда будетъ.

Пошли мы дальше. Дорогой поговорили межъ собой и всѣ такъ порѣшили, чтобы за Бураномъ смотрѣть. Меня ребята выбрали вожатымъ; мнѣ, значитъ, привалами распоряжаться,

порядки давать; ну, а Бурану все же впереди идти, потому что онъ съ дороги-то не сбивается. Ноги у бродяги привычныя: весь изомретъ, а ноги-то все живы, — идетъ себѣ, съ ноги на ногу переваливается. Такъ вѣдь до самой смерти все старикъ шелъ.

Шли мы больше горами; оно хоть труднѣе, да за-то безопаснѣе: на горахъ-то только тайга шумитъ, да ручьи бѣгутъ, по камню играютъ. Житель, гилякъ, въ долинахъ живетъ, у рѣкъ, да у моря, потому что питается рыбой, которая рыба въ рѣки ихнія съ моря заходитъ, *кытà* называемая. И столь этой рыбы много, такъ это даже удивленію подобно. Кто не видалъ, повѣрить трудно: сами мы эту рыбу руками добывали.

Такъ все и идемъ, носъ-то по вѣтру держимъ. Гдѣ этакъ безопаснѣе, къ морю, аль къ рѣчкѣ спустимся, а чуть малость сомнѣваться станемъ, сейчасъ опять на верхи. Кордоны-то обходимъ со всякою осторожностью, а кордоны-то стоятъ разно: гдѣ двадцать верстъ разстояніе, а гдѣ и всѣ пятьдесятъ. Угадать никакъ невозможно. Ну, все же какъ-то насъ Богъ миловалъ, обходили всѣ кордоны благополучно, вплоть до послѣдняго...

VI.

Разсказчикъ нахмурился и замолчалъ. Спустя нѣкоторое время онъ поднялся съ мѣста.

— Что же дальше?—спросилъ я.

— Лошадь вотъ... Чай ужъ просохла. Пора, пожалуй, спустить съ привязи.

Мы оба вышли на дворъ. Морозъ сдавалъ, туманъ разсѣялся. Бродяга посмотрѣлъ на небо.

— Стожары-то высоко поднялись,—сказалъ онъ.—За полночь зашло.

Теперь юрты сосѣдней слободы виднѣлись ясно, такъ какъ туманъ не мѣшалъ. Слобода спала. Бѣлыя полосы дыма тихо и сонно клубились въ воздухѣ; по-временамъ только изъ какой-нибудь трубы вдругъ вырывались снопы искръ, неистово прыгая на морозѣ. Якуты топятъ всю ночь безъ перерыва, въ короткую не закрытую трубу тепло вытягиваетъ быстро, и потому первый, кто проснется отъ наступившаго въ юртѣ холода, подкладываетъ свѣжихъ полѣньевъ.

Бродяга постоялъ нѣкоторое время въ молчаніи, глядя на слободу. Затѣмъ онъ вздохнулъ.

— Вотъ и ровно бы село наше, право! Давно ужъ я села не видалъ. Якуты по наслегамъ живутъ, какъ звѣри въ лѣсу,

всѣ въ одиночку... Эхъ, хоть бы сюда мнѣ перебраться, что-ли. Можетъ, и выжилъ бы здѣсь.

— Ну, а въ наслегѣ развѣ не выживете? Вѣдь у васъ хозяйство. Вотъ вы говорили, что довольны своимъ положеніемъ.

Бродяга отвѣтилъ не сразу.

— Мочи моей нѣту, вотъ что! Не глядѣли бы глаза на здѣшнюю сторону.

Онъ подошелъ къ коню, пощупалъ у него подъ гривой, потрепалъ по шеѣ. Умный конекъ повернулъ къ нему голову и заржалъ.

— Ну, ладно, ладно!—сказалъ Василій ласково. — Спущу сейчасъ. Смотри, Сѣрко, завтра не выдай!.. Въ бѣга его завтра пущу съ татарами. Конекъ хорошій, набѣгалъ я его,—теперь съ любымъ скакуномъ потягается. Вѣтеръ!

Онъ снялъ недоуздокъ, и конь веселою рысцой побѣжалъ къ сѣну. Мы вернулись въ избу.

Лицо Василья сохраняло пасмурное выраженіе. Онъ какъ будто забылъ или не хотѣлъ продолжать свой разсказъ. Я напомнилъ ему, что жду продолженія.

— Да что разсказывать-то,—сказалъ онъ угрюмо,—не знаю, право... Нехорошо у насъ вышло. Ну, да ужъ началъ, такъ надо кончать...

Шли мы уже двѣнадцать дёнъ и все еще съ Соколинаго острова не вышли, а по-настоящему надо бы на восьмой день уже на амурскую сторону перебраться. И все потому, что опасаемся, на командера своего надежды не имѣемъ. Гдѣ бы ровнымъ мѣстомъ идти, берегомъ, а мы по верхамъ рыщемъ, по оврагамъ, по гольцамъ, да тайгой, да по буреломy... Много ли тутъ уйдешь? Вотъ и стала у насъ провизія кончаться, потому что всего на 12 дёнъ и запасали. Стали мы по-началу порціи уменьшать; сухарей понемногу отпускали, и промышляй всякъ для своей утробы, какъ знаешь: ягоды-то по тайгѣ много. И пришли мы такимъ родомъ къ заливчику, лиманъ называемый. Вода въ томъ заливчикѣ соленая, а какъ припретъ ину пору съ Амуру, то и прѣсная бываетъ. Вотъ хорошо: надо въ этомъ мѣстѣ лодки добывать, на амурскую сторону переправу имѣть.

Стали мы тутъ думать-гадать: гдѣ намъ взять лодки? Приступили къ Бурану: совѣтуй! А Буранъ-старикъ притомился у насъ вовсе: глаза потускли, осунулся весь и никакого совѣту не знаетъ. „У гиляковъ, говоритъ, лодки добывать надо“, а гдѣ они, гиляки эти, и какимъ, напримѣръ, способомъ лодки у нихъ получить, этого не объясняетъ.

Вотъ и говоримъ мы съ Володькой ребятамъ: „Погодите-ка

вы здѣсь, а ужъ мы по берегу пойдемъ, можетъ, на гиляковъ наткнемся: какъ-нибудь лодку-ли, двѣ-ли промыслимъ. А вы тутъ, ребята, смотрите, ходите съ опаской, потому что кордонъ, надо быть, по близости находится".

Остались ребята, а мы втроемъ пошли по берегу. Шли-шли, вышли на утесикъ, глядимъ, а внизу, надъ рѣчкой, гилякъ стоитъ, снасть чинитъ. Богъ намъ его, Оркуна этого, послалъ.

— Это что же Оркунъ, имя, что-ли? — спросилъ я разсказчика.

— Кто его знаетъ? Можетъ и имя, а вѣрнѣе, что старосту эту по-ихнему обозначаетъ. Намъ неизвѣстно, а только какъ подошли мы къ нему потихоньку (не сбѣжалъ бы, думаемъ), окружили его, онъ и сталъ тыкать себя пальцемъ въ грудь: Оркунъ, говоритъ, Оркунъ; а что такое Оркунъ, — мы не понимаемъ. Однако, стали съ нимъ разговаривать. Володька взялъ въ руки палочку и начертилъ на землѣ лодку; значитъ: вотъ намъ отъ тебя какой предметъ требуется! Гилякъ сообразилъ сразу; замоталъ головой и начинаетъ намъ пальцы казать: то два покажетъ, то пять, то всѣ десять. Не могли мы долго въ толкъ взять, что такое онъ показываетъ, а потомъ Макаровъ догадался:

— Братцы, говоритъ, да вѣдь это ему надо знать, сколько насъ, какую лодку готовить.

— Вѣрно! — говоримъ и показываемъ гиляку, что, молъ, двѣнадцать насъ всѣхъ человѣкъ. Замоталъ головой,—понялъ.

Потомъ велитъ себя къ остальнымъ товарищамъ вести. Взяло насъ тутъ маленько раздумье, да что станешь дѣлать? Пѣшкомъ по морю не пойдешь! Привели. Возроптали на насъ товарищи: „Это вы, молъ, зачѣмъ гиляка сюда-то притащили? Казать ему насъ, что-ли?.."—„Молчите, говоримъ, мы съ нимъ дѣло дѣлаемъ". А гилякъ ничего, ходитъ межъ насъ, ничего не опасается; знай себѣ халаты пощупываетъ.

Отдали мы ему запасные халаты, онъ ихъ ремнемъ перевязалъ, вскинулъ на плечи и пошелъ себѣ внизъ. Мы, конечно, за нимъ. А внизу-то, смотримъ, юртенки гиляцкія стоятъ, вродѣ какъ бы деревушка.

— Что-жъ теперь? — сумлѣваются ребята. — Вѣдь онъ въ деревню пошелъ, народъ сгонять станетъ!..

— Ну, такъ что-жъ, — говоримъ мы имъ. — Ихъ всего-то четыре юрты, — много ли тутъ народу наберется? А вѣдь насъ двѣнадцать человѣкъ, ножи у насъ по три четверти аршина, хорошіе. Да и гдѣ же гиляку съ русскимъ человѣкомъ силой равняться? Русскій человѣкъ — хлѣбной, а онъ

рыбу одну жретъ. Съ рыбы-то много ли онъ силы наѣстъ? Куда имъ!

Ну, все-таки, надо правду говорить, маленько и у меня по сердцу скребнуло: не было бы какого худа. Вотъ, молъ, и край Соколинаго острова стоимъ, а приведетъ ли Богъ на амурской-то сторонѣ побывать? А амурская-то сторона за проливомъ край неба горами синѣетъ. Такъ бы, кажись, птицей снялся да полетѣлъ. Да вишь локоть и близокъ, а укусить — не укусишь!..

Вотъ хорошо. Подождали мы маленько, смотримъ, идутъ къ намъ гиляки гурьбой. Оркунъ впереди, и въ рукахъ у нихъ копья. „Вотъ видите, — ребята говорятъ, — гиляки биться идутъ!“ — Ну, молъ, что будетъ... Готовь, ребята, ножи. Смотрите: живьемъ никому не сдаваться и живого имъ въ руки никого не давать. Кого убьютъ, дѣлать нечего, — значитъ, судьба! А въ комъ духъ остался, за того стоять. Либо всѣмъ уйти, либо всѣмъ живымъ не быть. Стой, говорю, ребята, крѣпче!

Однако на гиляковъ мы это подумали напрасно. Увидѣлъ Оркунъ, что мы сумлѣваемся, обобралъ у своихъ копья, одному на руки сдалъ, а съ остальными къ намъ идетъ безъ оружія. Тутъ ужъ и мы увидали, конечно, что у гиляковъ дѣло на чести, и пошли съ ними къ тому мѣсту, гдѣ у нихъ лодки были спрятаны. Выволокли они намъ двѣ лодки: одна побольше, другая поменьше. Въ большую-то Оркунъ приказываетъ восьмерымъ садиться, въ маленькую — остальнымъ.

Вотъ мы, значитъ, и съ лодками стали, а только переправляться-то сразу нельзя. Повѣялъ съ амурской стороны вѣтеръ, волна по проливу пошла крупная, прибой такъ въ берегъ и хлещетъ. Никакъ намъ въ этихъ лодочкахъ по этой погодѣ переѣхать невозможно.

И пришлось намъ изъ-за вѣтру прожить на берегу еще два дня. Припасы-то, между тѣмъ, всѣ прикончились, ягодой только брюхо набиваемъ, да еще Оркунъ, спасибо ему, четыре юколы далъ,—рыба у нихъ такая. Такъ вотъ юколой этой еще сколько-нибудь питались. Честныхъ правилъ, отличный гилякъ былъ, дай ему Господи! И по сю пору о немъ вспоминаю.

День прошелъ, все мы на берегу томимся. И до чего досадно было, такъ и сказать невозможно. Ночь переночевали, на другой день—все вѣтеръ. Тоска донимаетъ, просто терпѣть нельзя. А амурская-то сторона изъ-подъ вѣтру-то еще явственнѣе выступаетъ, потому что туманъ съ моря согнало. Буранъ нашъ какъ сѣлъ на утесикѣ, глазами на тотъ берегъ уставился, такъ и сидитъ. Не говоритъ ничего и ягодъ не

собираетъ; сжалится кто надъ старикомъ, принесетъ ему ягоды въ шапкѣ,—ну, онъ поѣстъ, а самъ ни съ мѣста. Загорѣлось у старика бродяжье сердце. А можетъ и то: смерть свою увидалъ... Бываетъ!..

Наконецъ, всѣмъ уже невтерпежъ стало, и стали ребята говорить: ночью, какъ-никакъ, ѣдемъ! Днемъ невозможно, потому что кордонные могутъ увидѣть,—ну. а ночью-то отъ людей безопасно, а Богъ авось помилуетъ, не потопитъ. А вѣтеръ-то все гуляетъ по проливу, волна такъ и ходитъ; бѣлые зайцы по гребню играютъ, *старички* (птица такая, вродѣ чайки) надъ моремъ летаютъ, крикомъ кричатъ, ровно черти. Каменный берегъ весь стономъ стонетъ, море на берегъ лѣзетъ!

— Давайте, говорю, ребята, спать ляжемъ. Луна съ полночи взойдетъ, тогда что Богъ дастъ, поплывемъ. Спать ужъ тогда немного придется, надо теперь силы наспать.

Послушались ребята, легли. Выбрали мы мѣсто на высокомъ берегу, близъ утесу. Снизу-то, отъ моря, насъ и не видно: деревья кроютъ. Одинъ Буранъ не ложится: все въ западную сторону глядитъ. Легли мы, солнце-то еще только-только склоняться стало, до ночи далеко. Перекрестился я, послушалъ, какъ земля стонетъ, какъ тайгу вѣтеръ качаетъ, да и заснулъ.

Спимъ себѣ, бѣды и не чаемъ.

Долго ли, коротко ли спали, только слышу я: Буранъ меня окликаетъ. Проснулся отъ сна, гляжу: солнце-то садиться хочетъ, море утихло, мороки надъ берегомъ залегаютъ. Надо мною Буранъ стоитъ, глаза у него дикіе.

— Вставай,—говоритъ, пришли ужъ... по душу, говоритъ, пришли!..—рукой этакъ въ кусты показываетъ.

Вскочилъ я тутъ на ноги, гляжу: въ кустахъ солдаты...

Одинъ, поближе, изъ ружья цѣлится, другой, подальше, подбѣгаетъ, а съ горки этакъ еще трое спускаются, ружья подымаютъ. Мигомъ сонъ съ меня соскочилъ; крикнулъ я тутъ громкимъ голосомъ, и поднялись ребята сразу всѣ, какъ одинъ. Только успѣлъ первый солдатъ выстрѣлить, мы ужъ на нихъ набѣжали...

Глухое волненіе сдавило голосъ разсказчика; онъ понурилъ голову. Въ юртѣ стояла полутьма, такъ какъ бродяга забылъ подкладывать полѣнья.

— Не надо бы разсказывать,—сказалъ онъ тономъ, въ которомъ слышалось что-то вродѣ просьбы.

— Нѣтъ ужъ, все равно, кончайте! Что же дальше?

— А дальше... да что ужъ тутъ... сами подумайте: вѣдь

ихъ всего-то пять человѣкъ, а насъ двѣнадцать. Да еще думали они насъ сонныхъ накрыть, все равно какъ тетеревей, а вмѣсто того мы имъ и оглянуться-то, и собраться въ кучу не дали... Ножи у насъ длинные...

Выстрѣлили они по разу на-спѣхъ—промахнулись. Бѣгутъ съ горки и удержаться-то трудно. Сбѣжитъ внизъ, а тутъ внизу мы его и принимаемъ...

— Вѣрите вы? — какъ-то жалостливо проговорилъ разсказчикъ, поднимая на меня глаза съ выраженіемъ тоски,— и оборониться-то они нисколько не умѣли: со штыками этакъ, какъ отъ собакъ, отмахиваются, а мы на нихъ, мы на нихъ, какъ лютые волки!..

Пхнулъ одинъ солдатъ штыкомъ меня въ ногу, оцарапалъ только, да я споткнулся, упалъ... Онъ на меня. Сверху еще Макаровъ навалился... Слышу: бѣжитъ по мнѣ кровь... Мы-то съ Макаровымъ встали, а солдатикъ остался...

Поднялся я на ноги, гляжу — послѣдніе двое на пригорокъ выбѣжали. Впереди-то Салтановъ, начальникъ кордона, лихой, далеко про него слышно было; гиляки—и тѣ его пуще шайтана боялись, а ужъ изъ нашего-то брата не одинъ отъ него смерть себѣ получилъ. Ну, на этотъ разъ не пришлось... Самъ себя потерялъ...

Было у насъ два черкеса, проворны, какъ кошки, и храбрость имѣли большую. Кинулся одинъ къ Салтанову навстрѣчу, въ половинѣ пригорка сошлись. Салтановъ въ него изъ револьвера выпалилъ; черкесъ нагнулся, оба упали. А другой-то черкесъ подумалъ, что товарищъ у него убитъ. Какъ бросится туда же... Оглянуться мы не успѣли, онъ ужъ Салтанову голову на-прочь ножомъ отмахнулъ.

Вскочилъ на ноги, зубы оскалилъ... въ рукахъ голову держитъ. Замерли мы всѣ тутъ, глядимъ... Скрикнулъ онъ что-то по-своему, звонко... Размахалъ голову, размахалъ и бросилъ...

Полетѣла голова поверхъ деревьевъ съ утесу... Тишина у насъ настала, стоимъ всѣ ни живы, ни мертвы и слышимъ: внизу по морю плескъ раздался,—пала голова въ море.

И солдатикъ послѣдній на пригоркѣ стоитъ, остановился. Потомъ ружье бросилъ, закрылъ лицо руками и убѣжалъ. Мы и не гонимся: бѣги, Богъ съ тобой! Одинъ онъ, бѣднята, на всемъ кордонѣ остался, потому что было двадцать человѣкъ. Тринадцать на амурскую сторону за провизіей поѣхали, да изъ-за вѣтру не успѣли еще вернуться, а шестерыхъ мы уложили.

Кончилось все, а мы испугались, никакъ сообразиться не можемъ, другъ на друга глядимъ: что же, молъ, это такое —

во снѣ, али вправду? Только вдругъ слышимъ: сзади, на томъ мѣстѣ, гдѣ спали мы, подъ деревомъ, Буранъ у насъ стонетъ...

А Бурана нашего первый солдатъ изъ ружья убилъ. Не вовсе убилъ,—помаялся старикъ еще малое время, да недолго. Пока солнце за гору сѣло, изъ старика и духъ вонъ. Страсть было жалко!..

Подошли мы къ нему, видимъ: сидитъ старикъ подъ кедрой, рукой грудь зажимаетъ, на глазахъ слезы. Поманилъ меня къ себѣ. „Вели, говоритъ, ребятамъ могилу мнѣ вырыть. Все одно вамъ сейчасъ плыть нельзя, надо ночи дождаться, а то какъ бы съ остальными солдатами въ проливѣ не встрѣтиться. Такъ ужъ похороните вы меня, ради Христа“.

— Что ты, что ты, дядя Буранъ!—говорю ему.—Нешто живому человѣку могилу роютъ? Мы тебя на амурскую сторону свеземъ, тамъ на рукахъ понесемъ... Богъ съ тобой.

— Нѣтъ ужъ, братецъ,—отвѣчаетъ старикъ, противъ своей судьбы не пойдешь, а ужъ мнѣ судьба лежать на этомъ острову, видно. Такъ пусть ужъ... чуяло сердце... Вотъ всю-то жизнь почитай все изъ Сибири въ Рассею рвался, а теперь хоть бы на сибирской землѣ помереть, а не на этомъ острову проклятомъ...

Подивился я тутъ на Бурана,—совсѣмъ не тотъ старикъ сталъ: говоритъ какъ слѣдуетъ, въ полной памяти, глаза у него ясные, только голосъ слабый. Собралъ насъ всѣхъ вокругъ себя и сталъ наставлять.

— Слушайте,—говоритъ,—ребята, что я стану разсказывать, да запоминайте хорошенько. Придется теперь вамъ безъ меня по Сибири идти, а мнѣ здѣсь оставаться. Дѣло ваше теперь очень опасно,—пуще всего, что Салтанова убили. Слухъ теперь пройдетъ объ этомъ дѣлѣ далеко: не то что въ Иркутскѣ, въ Рассеѣ объ этомъ дѣлѣ узнаютъ. Станутъ васъ въ Николаевскомъ сторожить. Смотри, ребята, идите опасно; голодъ, холодъ терпите, а ужъ въ деревни-то заходите поменьше, города обходите подальше. Гиляка и голда не бойтесь,—эти васъ не тронутъ. Ну, теперь замѣчайте хорошенько, стану вамъ про дорогу по амурской сторонѣ разсказывать. Будетъ тутъ передъ Николаевскимъ городомъ заимка, въ той заимкѣ нашъ благодѣтель живетъ, приказчикъ купца Тарханова. Торговалъ онъ раньше на Соколиномъ острову съ гиляками, заѣхалъ съ товарами въ горы, да и сбился съ дороги, заблудился. А съ гиляками у него нелады были, ссора. Увидѣли они, что забрался онъ въ глухое мѣсто, и застукали его въ оврагѣ; совсѣмъ было убили, да какъ разъ на ту пору

шли мы самымъ тѣмъ оврагомъ, соколинскіе бродяжки... Въ первый разъ еще тогда я съ Соколина уходилъ. Вотъ заслышали мы. что русской человѣкъ въ тайгѣ голосомъ голоситъ, кинулись въ оврагъ и приказчика отъ гиляковъ избавили; съ тѣхъ самыхъ поръ онъ нашу добродѣтель помнитъ. „Долженъ я, говоритъ, по гробъ моей жизни соколинскихъ ребятъ наблюдать“... И дѣйствительно, съ тѣхъ поръ нашимъ отъ него всякое довольствіе идетъ. Разыщите его,—счастливы будете и всякую помощь получите.

Вотъ разсказалъ намъ старикъ всѣ дороги, наставленіе далъ, а потомъ говоритъ:

— Теперь,—говоритъ,—ребята, вамъ времени-то терять незачѣмъ. Прикажи-ка, Василій, на этомъ мѣстѣ домовину мнѣ вырыть, потому что мѣсто хорошее. Пусть хоть вѣтеръ съ амурской стороны долетаетъ, да море оттуда плещетъ. Не мѣшкайте, полно, ребята! Принимайтесь за работу живѣе!

Послушались мы.

Тутъ старикъ подъ кедрой сидитъ, а тутъ мы ему могилу роемъ; вырыли могилу ножами, помолились Богу, старикъ ужъ у насъ молчитъ, только головой качаетъ, слезно плачетъ. Сѣло солнце, старикъ у насъ померъ. Стемнѣло, мы ужъ и яму сравняли.

Какъ выплыли мы на середину пролива, луна на небо взошла, посвѣтлѣло. Оглянулись всѣ, сняли шапки... За нами, сзади, Соколиный островъ горами высится, на утесикѣ-то Буранова кедра стоитъ...

VII.

Переѣхали мы на амурскую сторону, а ужъ тамъ гиляки говорятъ: „Салтанова голова... вода“. Бѣдовые эти инородцы, сороки имъ на хвостѣ вѣсти носятъ. Что ни случись, все въ ту же минуту узнаютъ. Повстрѣчали мы ихъ нѣсколько человѣкъ у моря, рыбу они ловили. Мотаютъ головами, смѣются; видно, что рады сами. А мы думаемъ: хорошо, молъ, вамъ, чертямъ, смѣяться, а намъ-то каково! Изъ-за этой головы намъ, можетъ, всѣмъ теперь своихъ головъ не сносить. Ну, дали они намъ рыбы, разспросили мы ихъ про всѣ дороги, какія тутъ были, и пошли себѣ по своей. Идемъ по землѣ, словно по камню горячему, каждаго шороху пугаемся, каждую заимку обходимъ, отъ русскаго человѣка тотчасъ въ тайгу хоронимся, слѣды заметаемъ. Страшно вѣдь...

Днемъ больше въ тайгѣ отдыхали, по ночамъ шли на пролетъ. Къ Тархановой заимкѣ подошли на разсвѣтѣ. Стоитъ въ лѣсу заимка новая, кругомъ огорожена, вороты заперты

ва крѣпко. По примѣтамъ выходитъ та самая, про какую Буранъ разсказывалъ. Вотъ подошли мы, вѣжливенько постучались, смотримъ: вздуваютъ въ заимкѣ огонь. „Кто, молъ, тутъ, что за люди?“

— Бродяжки,—говоримъ,—отъ Бурана Стахѣю Митричу поклонъ принесли.

А на ту пору Стахѣй Митричъ, главный-то приказчикъ гархановскій, въ отлучкѣ находился, а на заимкѣ подручнаго оставилъ, и былъ отъ него подручному наказъ: въ случаѣ придутъ соколинскіе ребята, давать имъ по пяти рублей на брата, да сапоги, да полушубокъ, бѣлья и провизіи—сколько потребуется. „Сколько бы ихъ ни было, говоритъ, всѣхъ удовлетвори, собери работниковъ, да при нихъ выдачу и засвидѣтельствуй. Тутъ и отчетъ весь!“

А ужъ на заимкѣ тоже про Салтанова узнали. Приказчикъ-то увидѣлъ насъ и испужался.

— Ахъ, братцы,—говоритъ,—не вы-ли же этого Салтанова прикончили? Бѣда вѣдь!

— Ну, молъ, мы, аль не мы, объ этомъ разговаривать нечего. А не будетъ-ли отъ вашей милости какой помощи? Отъ Бурана мы къ Стахѣю Митричу съ поклономъ.

— А самъ-то Буранъ что же? Али опять на островъ попалъ?

— Попалъ,—говоримъ,—да приказалъ долго жить.

— Ну, царство ему небесное... Хорошій бродяга былъ, честныхъ правилъ, хотя и незадачливый. Стахѣй Митричъ и по сю пору его вспоминаетъ. Теперь, чай, въ поминанье запишетъ, только вотъ имя-то ему какъ? Не знаете-ли, ребята?

— Не знаемъ мы. Буранъ да Буранъ, такъ и звали. Чай, покойникъ и самъ-отъ свое имя забылъ, потому что бродягѣ не къ чему.

— То-то вотъ. Эхъ, братцы, жизнь-то, жизнь ваша!.. Захочетъ попъ объ васъ Богу сказать, и то не знаетъ, какъ назвать... тоже, чай, у старика въ своей сторонѣ родня была: братья и сестры, а можетъ и родныя дѣтки.

— Какъ, чай, не быть. Бродяга-то хоть имя свое крещеное бросилъ, а тоже вѣдь и его баба родила, какъ и людей...

— Горькая ваша жизнь,—охъ горькая!

— Чего горше: ѣдимъ прошеное, носимъ брошеное, помремъ—и то въ землю не пойдемъ. Вѣрно! Не всякому вѣдь бродягѣ и могила-то достанется. Помрешь въ пустынѣ,—звѣрь сожретъ, птица расклюетъ... Кости—и тѣ сѣрые волки врозь растащутъ. Какъ же не горькая жизнь?

Пригорюнились мы... Хоть жалостныя-то слова мы для приказчика говоримъ,—потому сибиряку чѣмъ жалостнѣе ска-

жешь, то онъ больше тебя наградитъ,—ну, а все же видимъ и сами, что правда, такъ оно и по-настоящему точка въ точку выходитъ. Вотъ, думаемъ, онъ сейчасъ зѣвнетъ, да перекрестится, да и завалится спать... въ теплѣ, да въ сытости, да никого-то онъ не боится, а мы пойдемъ по дикой тайгѣ путаться глухою ночью, да точно нечисть болотная съ пѣтухами отъ крещоныхъ людей хорониться.

— Ну, однако, ребята,—говоритъ приказчикъ,—пора мнѣ и на боковую. Жертвую вамъ отъ себя по двугривенному на брата, да по положенію, что слѣдуетъ, получите и ступайте себѣ съ Богомъ. Рабочихъ всѣхъ будить не стану, — трое есть у меня понадежнѣе, такъ они и засвидѣтельствуютъ для отчету. А то какъ бы съ вами бѣды не нажить... Смотрите, въ Николаевскій городъ лучше не заглядывайте. Намеднись я оттуда пріѣхалъ: исправникъ нонѣ живетъ бойкой; приказалъ всѣхъ прохожихъ имать, гдѣ какой ни объявится. „Сорокѣ, говоритъ, пролетѣть не дамъ, заяцъ мимо не проскачетъ, звѣрь не прорыщетъ, а ужъ этихъ я молодцовъ-соколинцевъ изымаю“. Счастливы будете, ежели удастся вамъ мимо пройти, а ужъ въ городъ-то ни за коимъ дѣломъ не заходите.

Выдалъ онъ намъ по положенію, рыбы еще далъ нѣсколько, да отъ себя по двугривенному накинулъ. Потомъ перекрестился на небо, ушелъ къ себѣ на заимку и дверь заперъ. Погасили сибиряки огни, легли спать,—до свѣту-то еще не близко. А мы пошли себѣ своею дорогой, и очень намъ всѣмъ въ ту ночь тоскливо было.

Охъ, и люта же тоска на бродягу живетъ! Ночка-то темная, тайга-то глухая... дождемъ тебя моетъ, вѣтромъ тебя сушитъ и на всемъ-то, на всемъ бѣломъ свѣтѣ нѣтъ тебѣ родного угла, ни пріюту... Все вотъ на родину тянешься, а приди на родину, тамъ тебя всякая собака за бродягу знаетъ. А начальства-то много, да начальство-то строго... Долго-ли на родинѣ погуляешь,—опять тюрьма!

Да еще и тюрьма-то иной разъ разомъ вспоминается, право... Вотъ и въ ту ночь, идемъ-идемъ, вдругъ Володька и говоритъ:

— А что, братцы, что-то теперь наши подѣлываютъ?

— Это ты про кого, молъ?

— Да наши, на Соколиномъ острову, въ седьмой казармѣ. Чай, спятъ себѣ теперь и горюшка мало!.. А мы вотъ тутъ... Эхъ, не надо бы и ходить-то...

Прикрикнулъ я на него. „Полно, молъ, тебѣ бабиться! И не ходилъ бы, коли духъ въ тебѣ короткій, — на другихъ тоску пытьемъ нагоняешь“.

А самъ, признаться, тоже задумался. Притомились мы, идемъ—дремлемъ; бродягѣ это въ привычку на ходу спать. И чуть маленько забудусь, сейчасъ казарма и приснится. Мѣсяцъ будто свѣтитъ и стѣнка на свѣту поблескиваетъ, а за рѣшетчатыми окнами—нары, а на нарахъ арестантики спятъ рядами. А потомъ приснится, и самъ будто лежу, потягиваюсь... Потянусь—и сна не бывало...

Ну, нѣтъ того сна лютѣе, какъ отецъ съ матерью приснятся. Ничего будто со мною не бывало—ни тюрьмы, ни Соколинаго острова, ни этого кордону. Лежу будто въ горенкѣ родительской, и мать мнѣ волосы чешетъ и гладитъ. А на столѣ свѣчка стоитъ, и за столомъ сидитъ отецъ, очки у него надѣты и старинную книгу читаетъ. Начотчикъ былъ. А мать будто пѣсню поетъ.

Проснулся я отъ этого сна,—кажись, ножъ бы въ сердце, такъ въ ту же пору. Вмѣсто горенки родительской — глухая тропа таёжная. Впереди-то Макаровъ идетъ, а мы за нимъ гусемъ. Вѣтеръ подымется, пошелеститъ вѣтвями и стихнетъ. А вдали, сквозь деревъ, море виднѣется, и надъ моремъ край неба просвѣчиваетъ,—значитъ, скоро заря и намъ куда-нибудь въ оврагѣ хорониться. И никогда-то—можетъ, и сами слышали,—никогда оно не молчитъ, море-то. Все будто говоритъ что-то, пѣсню поетъ, али такъ бормочетъ... Оттого мнѣ во снѣ все пѣсня и снилась. Пуще всего нашему брату отъ моря тоска, потому что мы къ нему не привычны.

Стали ближе къ Николаевскому подаваться; заимки пошли чаще и намъ еще опаснѣе. Какъ-никакъ, подвигаемся помаленьку впередъ, да тихо; ночью идемъ, а съ утра забиваемся въ глушь, гдѣ ужъ не то что человѣкъ—звѣрь не прорыщетъ, птица не пролетитъ.

Николаевскъ городъ надо бы подальше обойти, да ужъ мы притомились по пустымъ мѣстамъ, да и припасы кончились. Вотъ подходимъ къ рѣкѣ подъ вечеръ, видимъ: на берегу люди какіе-то. Приглядѣлись, анъ это „вольная команда“ *) съ сѣтями рыбу ловитъ. Ну, и мы безъ страху подходимъ:

— Здорово, молъ, господа, вольная команда!

— Здравствуйте,—отвѣчаютъ.—Издалеча ли Богъ несетъ?

Слово за слово, разговорились. Потомъ староста ихній посмотрѣлъ на насъ пристально, отозвалъ меня къ сторонкѣ и спрашиваетъ:

---

*) *Вольную команду* составляютъ каторжники, отбывшіе положенный срокъ испытанія. Они живутъ не въ тюрьмѣ, а на вольныхъ квартирахъ, хотя все же и они лично, и ихъ трудъ подвергаются извѣстному контролю и обусловлены извѣстными правилами.

— Вы, господа проходящіе, не съ Соколинаго ли острову? Не вы ли это Салтанова „накрыли“?

Постѣснялся я, признаться, сказать ему откровенно всю правду. Онъ хошь и свой братъ, да въ этакомъ дѣлѣ и своему-то не-сразу довѣришься. Да и то сказать: вольная команда все же не то, что арестантская артель, захочетъ онъ, напримѣръ, передъ начальствомъ выслужиться, придетъ и доложитъ тайкомъ,—онъ вѣдь „вольный“. Въ тюрьмахъ у насъ всѣ фискалы на перечетъ,—чуть что, сейчасъ ужъ знаемъ, на кого думать. А на волѣ-то какъ узнаешь?

Вотъ видитъ онъ, что я позамялся, и говоритъ опять:

— Вы меня не опасайтесь: я своего брата выдавать никогда не согласенъ, да и дѣла мнѣ нѣтъ. Не вы, такъ и не вы! А только, какъ было слышно въ городѣ, что на Соколинѣ сдѣлано качество, и вижу я теперь, что васъ одиннадцать человѣкъ, то я и догадался. Охъ, ребята, бѣда вѣдь это,—право, бѣда! Главное дѣло: качество-то большое, да и исправникъ у насъ нонѣ дошлый. Ну, это дѣло ваше... Пройдете мимо,—счастливы будете, а покамѣсть вотъ осталось у насъ артельнаго припасу достаточно, и какъ нонче намъ домой возвращаться, то получайте себѣ нашъ хлѣбъ, да еще рыбы вамъ отпустимъ. Не нужно ли котла?

— Пожалуй, говорю, лишній не помѣшаетъ.

— Берите артельный... Да еще изъ городу ночью я вамъ кое-чего привезу. Надо вѣдь своему брату помощь дѣлать.

Легче тутъ намъ стало. Снялъ я шапку, поклонился доброму человѣку; товарищи тоже ему кланяются... Плачемъ... И то дорого, что припасами надѣлилъ, а еще пуще того дорого, что доброе слово услыхали. До сихъ поръ шли, отъ людей прятались, потому знаемъ: смерть намъ отъ людей предстоитъ, больше ничего. А тутъ пожалѣли насъ.

Ну, на радостяхъ-то чуть было бѣды себѣ не надѣлали.

Какъ отъѣхала вольная команда, ребята наши повеселѣли. Володька даже въ плясъ пустился, и сейчасъ мы весь свой страхъ забыли. Ушли мы въ падь, называемая та падь Дикманская, потому что нѣмецъ-пароходчикъ Дикманъ въ ней свои пароходы строилъ... надъ рѣкой... Развели огонь, подвѣсили два котла, въ одномъ чай заварили, въ другомъ уху готовимъ. А дѣло-то ужъ и къ вечеру подошло, глядишь и совсѣмъ стемнѣло, и дождикъ пошелъ. Да намъ въ то время дождикъ, у огня-то за чаемъ, нипочемъ показался.

Сидимъ себѣ, бесѣдуемъ, какъ у Христа за пазухой, а о томъ и не думаемъ, что отъ насъ на той сторонѣ городскіе огни виднѣются, стало-быть, и нашъ огонь изъ городу тоже

видать. Вотъ вѣдь до чего нашъ братъ порой безпеченъ бываетъ: по горамъ шли, тайгой, такъ и то всякаго шороху пугались, а тутъ противъ самаго города огонь развели и бесѣдуемъ себѣ, будто такъ оно и слѣдуетъ.

На счастье наше, жилъ въ то время въ городу старичокъ-чиновникъ. Былъ онъ въ прежнее время въ N. тюремнымъ смотрителемъ. А въ N. тюрьма большая, народу въ ней перебывало страсть, и всѣ того старика поминали добромъ. Вся Сибирь Самарова знала, и какъ сказали мнѣ недавно ребята, что померъ онъ въ третьемъ годѣ, то я нарочно къ попу ѣздилъ, полтину за поминъ души ему отдалъ, право! Добрѣйшей души старичокъ былъ, царствіе ему небесное, только ругаться любилъ... Такой былъ ругатель, просто бѣда. Кричитъ, кричитъ и ногами топаетъ, и кулаки сжимаетъ, а никакого страху отъ него не было. Уважали ему, конечно, во всякое время, потому что былъ старикъ справедливый. Никогда отъ него арестанту обиды не было, никогда ничѣмъ не притѣснялъ, копейкой артельной не прибытчился, кромѣ того, что добровольно артель за его добродѣтель награждала. Не забывали, надо правду говорить, и его арестанты, потому что семья у него была не малая... Имѣлъ доходъ порядочный...

Въ то время старичокъ этотъ былъ ужъ въ отставкѣ и жилъ себѣ въ Николаевскѣ на спокоѣ, въ собственномъ домишкѣ. И по старой памяти все онъ съ нашими ребятами изъ вольной команды дружбу водилъ. Вотъ сидѣлъ онъ тѣмъ временемъ у себя на крылечкѣ и трубку покуривалъ. Куритъ трубку и видитъ: въ Дикманской пади огонекъ горитъ. „Кому же бы это, думаетъ, тотъ огонекъ развести?“

Проходили тутъ двое изъ вольной команды, подозвалъ онъ ихъ и спрашиваетъ:

— Гдѣ нонѣ ваша команда рыбу ловитъ? Неужто въ Дикманской пади?

— Нѣтъ, — говорятъ тѣ, — не въ Дикманской пади. Нонѣ имъ повыше надо быть. Да и то, никакъ, вольной командѣ нонче въ городъ возвращаться.

— То-то вотъ и я думаю... А видите, вонъ, огонекъ за рѣкой горитъ?

— Видимъ.

— Кому же у того огня быть? Какъ по-вашему?

— Не могимъ знать, Степанъ Савельичъ. Какіе-нибудь проходящіе.

— То-то, проходящіе... Нѣтъ у васъ, подлецовъ, догадки о своемъ братѣ подумать, все я объ васъ обо всѣхъ думай...

А слыхали, что исправникъ третьяго дня про соколинцевъ-то сказывалъ? Видали, молъ, ихъ недалече... Не они ли это, дурачки, огонь развели?

— Можетъ статься, Степанъ Савельичъ. Не диво, что и они развели.

— Ну, плохо жъ ихъ дѣло! Вотъ вѣдь, подлецы, чего дѣлаютъ!.. Не знаю, исправникъ-то въ городѣ ли? Коли не вернулся еще, такъ скоро вернется: увидитъ этотъ огонь, сейчасъ команду нарядитъ. Какъ быть? Жаль вѣдь мерзавцевъ-то: за Салтанова имъ всѣмъ своихъ головъ не сносить! Снаряжай-ка, ребята, лодку...

Вотъ, сидимъ мы у огня, ухи дожидаемся,—давно горячаго не видали. А ночь темная, съ окіяну тучи надвинулись, дождитъ моросить, по тайгѣ въ оврагѣ шумъ идетъ, а намъ и любо... Нашему-то брату, бродяжкѣ, темная ночь—родная матушка; на небѣ темнѣе—на сердцѣ веселѣе.

Только вдругъ татаринъ у насъ уши насторожилъ. Чутки они, татары-то, какъ кошки. Прислушался и я, слышу: будто кто тихонько по рѣкѣ весломъ плещетъ. Подошелъ ближе къ берегу, такъ и есть: крадется подъ кручей лодочка, гребцы на веслахъ сидятъ, а у рулевого на лбу кокарда поблескиваетъ.

— Ну, говорю, ребята, пропали наши головы... Исправникъ!

Вскочили всѣ, котлы опрокинули,—въ тайгу!.. Не приказалъ я ребятамъ врозь разбѣгаться. Посмотримъ, молъ, что еще будетъ: можетъ гурьбой-то лучше спасемся, если ихъ мало. Притаились за деревьями, ждемъ. Пристаетъ лодка къ берегу, выходятъ на берегъ пятеро. Одинъ засмѣялся и говоритъ:

— Что, дурачки, разбѣжались? Небось, выйдете всѣ, — я на васъ такое слово знаю. Видишь, удалые ребята, а бѣгаютъ, какъ зайцы!

Сидѣлъ рядомъ со мной Дарьинъ за кедрой.

— Слышь, говоритъ, Василій? Чудное дѣло: голосъ у исправника будто знакомый.

— Молчи, говорю, что еще будетъ. Немного ихъ.

Вышелъ тутъ одинъ гребецъ впередъ и спрашиваетъ:

— Эй, вы, не бойтесь!.. Кого вы въ здѣшнемъ острогѣ знаете?

Притаили мы духъ, не откликаемся.

— Да что вы это, лѣшіе! — окликаетъ тотъ опять. — Сказывайте, кого вы въ здѣшнемъ острогѣ знаете, можетъ и насъ узнаете тоже.

Отозвался я.

— Да ужъ знаемъ ли, нѣтъ ли, а только если бъ вѣкъ

васъ не видать, можетъ и намъ, и вамъ лучше бы было. Живьемъ не дадимся.

Это я товарищамъ признакъ подалъ, чтобы готовились. Ихъ всего пятеро,—сила-то наша. Бѣда только, думаю, какъ начнутъ изъ револьверовъ палить, — въ городѣ-то услышатъ. Ну, да ужъ за одно пропадать! Безъ бою все-таки не дадимся.

Тутъ старикъ самъ заговорилъ:

— Ребята, говоритъ, неужто никто изъ васъ Самарова не знаетъ?

Дарьинъ опять меня толкнулъ:

— Вѣрно! Кажись, это N-ской смотритель... А что,—спрашиваетъ громко,—вы, ваше благородіе, Дарьина знавали ли когда?

— Какъ, молъ, не знать,—старостой у меня въ N. находился, Ѳедотомъ, кажись, звали.

— Я самый, ваше благородіе. Выходи, ребята! Это отецъ нашъ.

Тутъ всѣ мы вышли.

— Что же, молъ, ваше благородіе, неужто вы насъ ловить выѣхали? Такъ мы на это никакъ не надѣемся.

— Дураки вы! Пожалѣлъ я васъ, олуховъ. Вы это что же съ великаго-то ума надумали, прямо противъ города огонь развели?

— Обмокли, говоримъ, ваше благородіе. Дождикъ.

— Дожди-икъ? А еще называетесь бродяги! Чай, не размокнете. Счастливъ вашъ Богъ, что я раньше исправника вышелъ на крылечко, трубку-то покурить. Увидѣлъ бы вашъ огонь исправникъ, онъ бы вамъ нашелъ мѣсто, гдѣ обсушиться-то... Ахъ, ребята, ребята! Не очень вы, я вижу, востры, даромъ, что Салтанова поддѣли, кан-нальи этакіе! Гаси живѣе огонь, да убирайтесь съ берега туда вонъ, подальше, въ падь. Тамъ хоть десять костровъ разводи, подлецы!

Ругается старикъ, а мы стоимъ вокругъ, слушаемъ да посмѣиваемся. Потомъ пересталъ кричать и говоритъ:

— Ну, вотъ что: привезъ я вамъ въ лодкѣ хлѣба печенаго, да чаю кирпича три. Не поминайте старика Самарова лихомъ. Да если дастъ Богъ счастливо отсюда выбраться, можетъ, доведется кому въ Тобольскѣ побывать,—поставьте тамъ въ соборѣ моему угоднику свѣчку. Мнѣ, старику, видно ужъ въ здѣшней сторонѣ помирать, потому что за женой домъ у меня взятъ... Ну, и старъ ужъ... А тоже иногда про свою сторону вспоминаю. Ну, а теперь прощайте. Да еще совѣтъ мой вамъ: разбейтесь врозь. Васъ теперь сколько?

— Одиннадцать, говоримъ.

— Ну, и какъ же вы не дураки? Вѣдь про васъ теперь, чай, въ Иркутскѣ знаютъ, а вы такъ всею партіей и прете.

Сѣлъ старикъ въ лодку, уѣхалъ, а мы ушли подальше въ падь, чай вскипятили, сварили уху, раздуванили припасы и распрощались, — старика-то послушались.

Мы съ Дарьинымъ въ парѣ пошли. Макаровъ пошелъ съ черкесами. Татаринъ къ двумъ бродягамъ присоединился; остальные трое тоже кучкой пошли. Такъ больше мы и не видались. Не знаю, всѣ ли товарищи живы, или померъ кто. Про татарина слыхалъ, будто тоже сюда присланъ, а вѣрно ли— не знаю.

Въ ту же ночь, еще на небѣ не зарилось, мы съ Дарьинымъ мимо Николаевска тихонько шмыгнули. Одна только собака на ближней заимкѣ взлаяла.

А какъ стало солнце всходить, мы ужъ верстъ десятокъ тайгой отмахали и стали опять къ дорогѣ держать. Тутъ вдругъ слышимъ—колокольчикъ позваниваетъ. Прилегли мы тутъ за кусточкомъ, смотримъ, бѣжитъ почтовая тройка и въ телѣгѣ исправникъ, закрывшись шинелью, дремлетъ.

Перекрестились мы тутъ съ Дарьинымъ: слава-те Господи, что вечоръ его въ городѣ не было. Чай, насъ ловить выѣзжалъ.

VIII.

Огонь въ камелькѣ погасъ. Въ юртѣ стало тепло, какъ въ нагрѣтой печи. Льдины на окнахъ начали таять, и изъ этого можно было заключить, что на дворѣ морозъ сталъ меньше, такъ какъ въ сильные морозы льдина не таетъ и съ внутренней стороны, какъ бы ни было тепло въ юртѣ. Въ виду этого, мы перестали подбавлять въ камелекъ дрова, и я вышелъ наружу, чтобы закрыть трубу.

Дѣйствительно, туманъ совершенно разсѣялся, воздухъ сталъ прозрачнѣе и нѣсколько мягче. На сѣверѣ изъ-за гребня холмовъ, покрытыхъ черною массой лѣсовъ, слабо мерцая, подымались какія-то бѣлесоватыя облака, быстро пробѣгающія по небу. Казалось, кто-то тихо вздыхалъ среди глубокой холодной ночи, и клубы пара, вылетавшіе изъ гигантской груди, безшумно проносились по небу отъ края и до края и, затѣмъ, тихо угасали въ глубокой синевѣ. Это играло слабое сѣверное сіяніе.

Поддавшись какому-то грустному обаянію, я стоялъ на крышѣ, задумчиво слѣдя за слабыми переливами сполоха. Ночь развернулась во всей своей холодной и унылой красѣ. На небѣ мигали звѣзды, внизу снѣга уходили вдаль ровною

пеленой, чернѣла гребнемъ тайга, синѣли дальнія горы. И ото всей этой молчаливой, объятой холодомъ, картины вѣяло къ душу снисходительною грустью,—казалось, какая-то печальная нота трепещетъ въ воздухѣ: „далеко, далеко!“

Когда я вернулся въ избу, бродяга уже спалъ, и въ юртѣ слышалось его ровное дыханіе.

Я тоже легъ, но долго еще не могъ заснуть подъ впечатлѣніемъ только-что выслушанныхъ разсказовъ. Нѣсколько разъ сонъ, казалось, опускался уже на мою разгоряченную голову, но въ эти минуты, какъ будто нарочно, бродяга начиналъ ворочаться на лавкѣ и тихо бредилъ. Его грудной голосъ, звучащій какимъ-то безотчетно-смутнымъ ропотомъ, разгонялъ мою дремоту, и въ воображеніи одна за другой вставали картины его одиссеи. По-временамъ, когда я начиналъ забываться, мнѣ казалось, что надо мной шумятъ лиственницы и кедры, что я гляжу внизъ съ высокаго утеса и вижу бѣлые домики кордона въ оврагѣ, а между моимъ глазомъ и бѣлою стѣною рѣетъ горный орелъ, тихо взмахивая свободнымъ крыломъ. И мечта уносила меня все дальше и дальше отъ безнадежнаго мрака тѣсной юрты. Казалось, меня обдавалъ свободный вѣтеръ, въ ушахъ гудѣлъ рокотъ океана, садилось солнце, залегали синіе мороки, и моя лодка тихо качалась на волнахъ прилива.

Всю кровь взбудоражилъ во мнѣ своими разсказами молодой бродяга. Я думалъ о томъ, какое впечатлѣніе должна производить эта бродяжья эпопея, разсказанная въ душной каторжной казармѣ, въ четырехъ стѣнахъ крѣпко запертой тюрьмы. И почему, спрашивалъ я себя, этотъ разсказъ запечатлѣвается даже въ моемъ умѣ — не трудностью пути, не страданіями, даже не „лютою бродяжьей тоской“, а только поэзіей вольной волюшки? Почему на меня пахнуло отъ него только призывомъ раздолья и простора, моря, тайги и степи? И если меня такъ зоветъ она, такъ манитъ къ себѣ эта безвѣстная даль, то какъ неодолимо должна она призывать къ себѣ бродягу, уже испившаго изъ этой отравленной неутолимымъ желаніемъ чаши?

Бродяга спалъ, а мои мысли не давали мнѣ покоя. Я забылъ о томъ, что привело его въ тюрьму и ссылку, что пережилъ онъ, что сдѣлалъ въ то время, когда „пересталъ слушаться родителей“. Я видѣлъ въ немъ только молодую жизнь, полную энергіи и силы, страстно рвущуюся на волю... Куда?

Да, куда?..

Въ смутномъ бормотаніи бродяги мнѣ слышались неопредѣленные вздохи о чемъ-то. Я забылся подъ давленіемъ не-

разрѣшимаго вопроса и надъ моимъ изголовьемъ витали сумрачныя грезы... Сѣло вечернее солнце. Земля лежитъ громадная, необъятная, грустная, вся погруженная въ тяжелую думу. Нависла молчаливая, тяжелая туча... Только край неба отсвѣчиваетъ еще потухающими лучами зари, да гдѣ-то далеко, подъ задумчиво синѣющими горами, стоитъ огонекъ...

Что это: родное пламя давно оставленнаго очага, или блуждающій огонь надъ ожидающею во мракѣ могилой?..

Заснулъ я очень поздно.

IX.

Когда я проснулся, было уже, вѣроятно, часовъ одиннадцать. На полу юрты, прорѣзавшись сквозь льдины, играли косые лучи солнца. Бродяги въ юртѣ не было.

Мнѣ нужно было съѣздить по дѣламъ въ слободу, поэтому я запрегъ коня въ маленькія саночки и выѣхалъ изъ своихъ воротъ, направляясь вдоль улицы селенія. День былъ яркій и сравнительно теплый. Морозъ стоялъ градусовъ около двадцати, но... все въ мірѣ относительно, и то самое, что въ другихъ мѣстахъ бываетъ въ развалъ зимы, мы здѣсь воспринимали какъ первое дыханіе наступавшей весны. Клубы дыма, дружно поднимаясь изо всѣхъ слободскихъ юртъ, не стояли прямыми, неподвижными столбами, какъ бываетъ обыкновенно въ большіе морозы,—ихъ гнуло къ западу, вѣялъ восточный вѣтеръ, несущій тепло съ Великаго океана.

Слобода почти на половину населена ссыльными татарами, и такъ какъ въ тотъ день у татаръ былъ праздникъ, то улица имѣла довольно оживленный видъ. То и дѣло гдѣ-нибудь скрипѣли ворота, и со двора выѣзжали дровни или выбѣгали рысцой верховыя лошади, на которыхъ, раскачиваясь въ стороны, сидѣли хмѣльные всадники. Эти поклонники Магомета не особенно строго блюдутъ запрещеніе Корана, и потому какъ верховые, такъ и пѣшеходы выписывали вдоль и поперекъ улицы самые причудливые зигзаги. Порой какой-нибудь пугливый конекъ кидался въ сторону слишкомъ круто, дровни опрокидывались, лошадь мчалась вдоль улицы, а хозяинъ подымалъ цѣлую тучу снѣговой пыли собственною фигурой, волочась на вожжахъ. Не сдержать коня и вывалиться съ дровней—это во хмѣлю можетъ случиться со всякимъ: но для „хорошаго татарина“ позорно выпустить изъ рукъ вожжи, хотя бы при такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Но вотъ прямая, какъ стрѣла, улица приходитъ въ какое-то особенное, суетливое оживленіе. Ѣздоки приворачиваютъ къ заборамъ, пѣшіе сторонятся, татарки въ красныхъ чадрахъ,

нарядныя и пестрыя, сгоняютъ ребятъ по дворамъ. Изъ юртъ выбѣгаютъ любопытные, и всѣ поворачиваютъ лица въ одну сторону.

На другомъ концѣ длинной улицы появилась кучка всадниковъ, и я узналъ *бѣга*, до которыхъ и якуты, и татары большіе охотники. Всадниковъ было человѣкъ пять, они мчались, какъ вѣтеръ, и когда кавалькада приблизилась, то впереди я различилъ сѣраго конька, на которомъ вчера пріѣхалъ Багылай. Съ каждымъ ударомъ копытъ пространство, отдѣлявшее его отъ скакавшихъ сзади, увеличивалось. Черезъ минуту всѣ они промчались мимо меня, какъ вѣтеръ.

Глаза татаръ сверкали возбужденіемъ, почти злобой. Всѣ они на-скаку размахивали руками и ногами и неистово кричали, отдавшись всѣмъ корпусомъ назадъ почти на спины лошадямъ. Одинъ Василій скакалъ „по-рассейски", пригнувшись къ лошадиной шеѣ, и изрѣдка издавалъ короткіе свистки, звучавшіе рѣзко, какъ удары хлыста. Сѣрый конекъ почти ложился на землю, распластываясь въ воздухѣ, точно летящая птица.

Сочувствіе улицы, какъ всегда въ этихъ случаяхъ, склонилось на сторону побѣдителя.

— Эхъ, удалой молодца!—вскрикивали въ восторгѣ зрители, а старые конокрады, страстные любители дикаго спорта, присѣдали и хлопали себя по колѣнамъ, въ тактъ ударамъ лошадиныхъ копытъ.

Въ половинѣ улицы Василій догналъ меня, возвращаясь на взмыленномъ конѣ обратно. Посрамленные соперники плелись далеко сзади.

Лицо бродяги было блѣдно, глаза горѣли отъ возбужденія. Я замѣтилъ, что онъ уже „выпивши".

— Закутилъ!—крикнулъ онъ мнѣ, наклоняясь съ коня, и взмахнулъ шапкой.

— Дѣло ваше...—отвѣтилъ я.

— Ничего, не сердись!.. Кутить могу, а умъ не пропью никогда. Между прочимъ, пересмѣты мои ни подъ какимъ видомъ никому не отдавай! И самъ просить стану,—не давай! Слышишь?

— Слышу,—отвѣтилъ я холодно,—только ужъ вы, пожалуйста, пьянымъ ко мнѣ не приходите.

— Не придемъ,—отвѣтилъ бродяга и хлестнулъ коня концомъ повода. Конекъ захрапѣлъ, взвился, но, отскакавъ сажени три, Василій круто остановилъ его и опять нагнулся ко мнѣ.

— Конекъ-то золото! Объ закладъ бился. Видѣли вы, какъ

скачетъ? Теперича я съ татаръ что захочу, то за него и возьму. Вѣрно тебѣ говорю, потому татаринъ хорошаго коня обожаетъ до страсти!

— Зачѣмъ же вы его продаете? На чемъ будете работать?

— Продаю,—подошла линія!

Онъ опять хлестнулъ коня и опять удержалъ его.

— Собственно потому, какъ встрѣтилъ я здѣсь товарища. Все брошу. Эхъ, мил-лай! Посмотри вонъ, татаринъ ѣдетъ, вонъ на чаломъ жеребчикѣ... Эй, ты,—крикнулъ онъ ѣхавшему сзади татарину,—Ахметка! Подъѣзжай-ка сюда.

Чалый жеребчикъ, играя головой и круто забирая ногами, подбѣжалъ къ моимъ саночкамъ. Сидѣвшій на немъ татаринъ снялъ шапку и поклонился, весело ухмыляясь. Я съ любопытствомъ взглянулъ на него.

Плутоватая рожа Ахметки вся расцвѣтала широкою улыбкой. Маленькіе глазки весело сверкали, глядя на собесѣдника съ плутовской фамильярностью. „Мы, братъ, съ тобой понимаемъ другъ-друга, — какъ будто говорилъ каждому этотъ взглядъ.—Конечно, я плутъ, но вѣдь въ томъ-то и дѣло, не правда ли, чтобы быть плутомъ ловкимъ?“ И собесѣдникъ, глядя на это скуластое лицо, на веселыя морщинки около глазъ, на оттопыренныя тонкія и большія уши, какъ-то особенно и потѣшно торчавшія врозь, невольно усмѣхался тоже. Тогда Ахметка убѣждался, что его поняли, удовлетворялся и снисходительно кивалъ головой въ знакъ солидарности во взглядахъ.

— Товарища!—кивнулъ онъ головой на Василья,—вмѣстѣ бродяга ходилъ.

— А теперь-то ты гдѣ же проживаешь?.. Я что-то раньше въ слободѣ тебя не видалъ.

— За бумагамъ пришелъ. Пріискамъ ходимъ, спирту таскаемъ *).

Я взглянулъ на Василья. Онъ потупился подъ моимъ взглядомъ и подобралъ поводья лошади, но потомъ поднялъ опять голову и вызывающе посмотрѣлъ на меня горящими глазами. Губы его были крѣпко сжаты, но нижняя губа замѣтно вздрагивала.

*) Торговля водкой на пріискахъ и вблизи пріисковъ строго воспрещена, и потому въ таежныхъ пріискахъ Ленской системы развился особый промыселъ — спиртоносовъ, доставляющихъ на пріиски спиртъ въ обмѣнъ на золото. Промыселъ чрезвычайно опасный, такъ какъ въ наказаніе за это полагаются каторжныя работы, и, кромѣ того, дикая природа сама по себѣ представляетъ много трудностей. Множество спиртоносовъ гибнетъ въ тайгѣ отъ лишеній и казачьихъ пуль, а нерѣдко и подъ ножами своей же братіи изъ другихъ партій. За-то промыселъ этотъ выгоднѣе пріисковой работы.

Уйду съ нимъ въ тайгу... Что на меня такъ смотришь? Бродяга я, бродяга!..

Послѣднія слова онъ произнесъ уже на скаку. Черезъ минуту только туча морозной пыли удалялась по улицѣ, вмѣстѣ съ частымъ топотомъ лошадиныхъ копытъ.

Черезъ годъ Ахметка опять приходилъ въ слободу „за бумагамъ“, но Василій больше не возвращался.

1885 г.

ВЪ НОЧЬ ПОДЪ СВѢТЛЫЙ ПРАЗДНИКЪ.

Страстная суббота 187* года.

Сумрачный вечеръ давно уже спустился на примолкшую землю. Разогрѣтая за день и теперь слегка обвѣянная бодрымъ дыханіемъ весенняго ночного мороза, земля, казалось, тихо вздыхала полною грудью: отъ этого дыханія, играя въ лучахъ величаво горѣвшаго звѣзднаго неба, вставали бѣлесоватые туманы, точно клубы кадильнаго дыма, подымавшіеся на-встрѣчу идущему празднику.

Было тихо. Небольшой губернскій городъ N., весь обвѣянный сумрачною прохладой, замолкъ, въ ожиданіи минуты, когда съ соборной колокольни прозвенитъ первый ударъ. Но городъ не спалъ. Подъ покровомъ влажнаго сумрака, въ тѣни молчаливыхъ, безлюдныхъ улицъ, слышалось сдержанное ожиданіе. Лишь изрѣдка пробѣжитъ запоздалый труженикъ, котораго праздникъ чуть не засталъ за тяжелою, непокорною работою, прогремитъ извозчичья пролетка — и опять безмолвная тишь... Жизнь схлынула съ улицъ въ дома, въ богатыя хоромы и скромныя лачуги, свѣтившія окнами на улицу, и тамъ притаилась. Надъ городомъ, надъ полями, надъ всей землей слышалось незримое вѣяніе наступающаго праздника воскресенія и обновленія...

Луна не поднималась, и городъ лежалъ въ широкой тѣни возвышенности, на которой виднѣлось большое, угрюмое зданіе. Странныя, прямыя и строгія линіи этого зданія мрачно рисовались на звѣздной лазури: темныя ворота чуть-чуть выдѣлялись, зіяя во мракѣ затѣненной стѣны, и четыре башни по угламъ вырѣзались на небѣ острыми вершинами.

Но вотъ, съ высоты соборной колокольни сорвался и пронесся въ чуткомъ воздухѣ задумчивой ночи первый звенящій ударъ... другой, третій... Черезъ минуту въ разныхъ мѣстахъ, разными тонами, звенѣли, заливались и пѣли колокола, и звуки, сплетаясь въ могучую, своеобразную гармонію, тихо

колыхались и будто кружились въ эфирѣ... Изъ темнаго зданія, затѣнявшаго городъ, слышалось тоже чахлое, надтреснутое дребезжанье, какъ будто трепетавшее въ воздухѣ въ жалкомъ безсиліи подняться въ эфирную высь за могучимъ аккордомъ.

Звонъ смолкъ... Звуки растаяли въ воздухѣ, но безмолвіе ночи лишь постепенно вступало въ свои права: долго еще въ сумракѣ чудился смутный, замирающій отголосокъ, точно дрожаніе невидимой, натянутой въ воздухѣ струны... Въ домахъ огни погасли; окна церквей сіяли. Земля въ 187* году еще разъ готовилась провозгласить старый лозунгъ побѣды мира, любви и братства...

Въ темныхъ воротахъ угрюмаго зданія лязгнули запоры. Полувзводъ солдатъ, бряцая въ темнотѣ оружіемъ, вышелъ смѣнять ночные караулы. Они подходили къ угламъ и останавливались у постовъ; изъ темной кучки людей выходила размѣреннымъ шагомъ одна фигура, а прежній часовой какъ будто тонулъ въ этой неопредѣленно-чернѣвшей кучкѣ... Затѣмъ полувзводъ двигался дальше, обходя вокругъ высокой тюремной стѣны.

На западной сторонѣ на смѣну стоявшаго здѣсь часового вышелъ молодой новобранецъ; въ его движеніяхъ не исчезла еще деревенская угловатость; молодое лицо хранило выраженіе напряженнаго вниманія новичка, впервые занимающаго отвѣтственный постъ. Онъ сталъ лицомъ къ стѣнѣ, брякнулъ ружьемъ, ступилъ два шага и, сдѣлавъ полуоборотъ, сталъ плечомъ къ плечу прежняго часового. Тотъ, слегка повернувъ къ нему голову, прочиталъ заученнымъ тономъ обычныя наставленія.

— Отъ угла до угла... смотрѣть... не спать, не дремать!— быстро говорилъ солдатъ, а рекрутъ слушалъ все такъ же напряженно, и въ его сѣрыхъ глазахъ сквозило какое-то особенное выраженіе тоски.

— Понялъ?—спросилъ ефрейторъ.

— Такъ точно!

— Ну, смотри!—сказалъ тотъ строго и затѣмъ, измѣнивъ тонъ, заговорилъ болѣе добродушно:

— Да ничего, Ѳадѣевъ, не бойся! Чай, ты не баба... Лѣшаго, что-ли, тебѣ бояться-то?

— Зачѣмъ лѣшаго?—наивно отвѣтилъ Ѳадѣевъ и потомъ задумчиво прибавилъ:—Такъ штой-то на сердцѣ... будто какъ чижало, братцы...

При этомъ простодушномъ, почти по-дѣтски звучавшемъ признаніи въ кучкѣ солдатъ послышался смѣхъ.

— Вотъ она, деревня-то матушка! — съ пренебрежительнымъ сожалѣніемъ промолвилъ ефрейторъ и рѣзко скомандовалъ:

— Ружья воль-но!.. Шагомъ маршъ!

Караулъ, мѣрно постукивая на ходу, скрылся за угломъ, и скоро шаги его стихли. Часовой вскинулъ ружье и тихо пошелъ вдоль стѣны...

Внутри тюрьмы, съ послѣднимъ ударомъ колокола, началось движеніе. Мрачная и скорбная тюремная ночь давно уже не видѣла подобнаго оживленія. Какъ будто дѣйствительно благовѣстъ донесся сюда вѣстью свободы: черныя двери камеръ одна за другой отворялись. Люди въ сѣрыхъ халатахъ, съ роковыми цвѣтными отмѣтками на спинахъ, длинными вереницами, попарно проходили по корридорамъ, входя въ тюремную церковь, блиставшую огнями. Они шли справа и слѣва, поднимались по лѣстницѣ снизу, опускались сверху: среди гулкаго топота слышался по-временамъ лязгъ ружья и переливчатое бряцаніе ножныхъ кандаловъ. Входя въ обширную церковь, сѣрая толпа вливалась въ отгороженныя рѣшеткой мѣста и тамъ затихала. Въ церковныхъ окнахъ также виднѣлись крѣпкія желѣзныя рѣшетки...

Тюрьма опустѣла. Только въ четырехъ угловыхъ башняхъ, въ небольшихъ круглыхъ камерахъ, наглухо запертыхъ, четыре одиночныхъ арестанта угрюмо метались по своимъ кельямъ, по-временамъ припадая ухомъ къ дверямъ и жадно ловя отрывки долетавшаго изъ церкви пѣнія.

Да еще въ одной изъ общихъ камеръ на нарахъ лежалъ больной. Смотритель, которому доложили о внезапно заболѣвшемъ, подошелъ къ нему, когда арестантовъ уводили въ церковь, и, наклонясь, заглянулъ въ его глаза, горѣвшіе страннымъ блескомъ и тупо устремленные въ пространство.

— Ивановъ!.. Слушай, Ивановъ! — окликнулъ смотритель больного.

Арестантъ не повернулъ головы: онъ бормоталъ что-то невнятное; голосъ былъ хриплый; воспаленныя губы шевелились съ усиліемъ.

— Завтра въ больницу! — распорядился смотритель и вышелъ, оставивъ у дверей камеры одного изъ корридорныхъ. Тотъ внимательно посмотрѣлъ на больного и покачалъ головой.

— Эхъ, бродяга, бродяга! Видно, братецъ, отбѣгалъ свое! — и, рѣшивъ, что тутъ ему дѣлать нечего, надзиратель прошелъ по корридору къ церкви, остановился у запертой двери и сталъ слушать службу, то и дѣло припадая къ землѣ для поклоновъ.

Пустая камера оглашалась по-временамъ невнятнымъ говоромъ больного. Это былъ не старый еще человѣкъ, сильный и крѣпкій. Онъ бредилъ, переживая недавнее прошлое, и лицо его искажалось выраженіемъ муки.

Судьба спутила надъ бродягой скверную шутку. Онъ прошелъ тысячу верстъ, пробираясь тайгой и дикими хребтами, вынесъ тысячи опасностей и лишеній, гонимый жгучею тоской по родинѣ, руководимый одною надеждой: „повидать бы... на мѣсяцъ... на недѣлю... пожить у своихъ... а тамъ—хоть опять та же дорожка!“ За сотню верстъ отъ родимой деревни онъ попалъ въ эту тюрьму...

Но вотъ невнятный говоръ притихъ. Глаза бродяги расширились, грудь дышитъ ровнѣе... Надъ горящею головой повѣяло болѣе отрадными мечтами...

...Шумитъ тайга... Ему знакомъ этотъ шумъ—ровный, пѣвучій, свободный... Онъ научился различать голоса лѣса, говоръ каждаго дерева. Величавыя сосны звенятъ высоко, высоко, густою, темною зеленью... Ели шепчутъ протяжно и гулко; веселая, яркая лиственъ машетъ гибкими вѣтвями; осина дрожитъ и трепещетъ чуткимъ, боязливымъ листомъ... Свищетъ свободная птица, ручей говорливо и буйно летитъ по каменистымъ оврагамъ, и таежныя сыщицы—стая болтливыхъ сорокъ — носятся въ воздухѣ надъ тѣми мѣстами, гдѣ, невидимый въ чащѣ, проходитъ тайгою бродяга *).

Точно струя свободнаго таежнаго вѣтра опахнула больного. Онъ поднялся, глубоко вздохнулъ; глаза съ выраженіемъ вниманія глядятъ впередъ. Вдругъ въ нихъ блеснуло что-то вродѣ сознанія. Бродяга, привычный бѣглецъ, увидалъ передъ собою необычайное явленіе: открытую дверь...

Могучій инстинктъ встряхнулъ весь организмъ, потрясенный болѣзнью. Призраки бреда быстро исчезали или группировались около одного представленія, яркимъ лучомъ прорѣзавшагося въ этомъ хаосѣ: одинъ!.. дверь открыта!..

Черезъ минуту онъ стоялъ на полу. Казалось, весь жаръ воспаленнаго мозга хлынулъ къ глазамъ: они глядѣли какъ-то ровно, упорно и страшно.

Кто-то, выходя, отворилъ на мгновеніе дверь изъ церкви... Волны стройнаго, смягченнаго разстояніемъ, пѣнія коснулись уха бродяги и опять смолкли. На блѣдномъ лицѣ скользнуло

---

*) Сибирскіе бродяги разсказываютъ, что въ глухой тайгѣ сороки стаями провожаютъ пробирающагося въ чащѣ человѣка. Въ тѣ времена, когда охота на «горбачей» разрѣшалась закономъ, буряты-охотники выслѣживали бродягъ по громкимъ крикамъ сорочьей стаи.

Примѣч. авт.

умиленіе, глаза затуманились, и въ умѣ пронеслась давно лелѣянная мечтою картина: тихая ночь, шопотъ сосенъ, склонившихся темными вѣтвями надъ старою церковью родимой деревни... толпа земляковъ, огни надъ рѣкой и это самое пѣніе... онъ торопился въ пути, чтобъ услышать все это тамъ, у своихъ...

Между тѣмъ, въ корридорѣ, у церковныхъ дверей, припадая къ землѣ, надзиратель усердно молился.

Молодой рекрутъ ходитъ съ ружьемъ вдоль стѣны. Передъ часовымъ разстилается ровное, недавно обнажившееся изъ-подъ снѣга, далеко уходящее поле. Легкій вѣтеръ бѣжитъ по немъ, шелестя засохшимъ бурьяномъ, звенитъ въ прошлогодней травѣ и вѣетъ въ душу солдата спокойною, грустною думой.

Молодой часовой остановился у стѣны, поставилъ ружье на землю и, положивъ руки на дуло, а голову на руки, глубоко задумался. Онъ не могъ еще ясно представить себѣ, зачѣмъ онъ здѣсь въ эту торжественную ночь передъ праздникомъ, съ ружьемъ, у стѣны, въ виду пустыннаго поля. Вообще, онъ былъ еще настоящій мужикъ, не понималъ еще многаго, что такъ понятно солдату, и его недаромъ дразнили „деревней“. Онъ такъ недавно еще былъ свободенъ, былъ хозяинъ, владѣлецъ своего поля, своей работы... а теперь страхъ, безотчетный, необъяснимый, неопредѣленный, преслѣдовавшій каждый шагъ, каждое движеніе, вгонялъ молодую и угловатую деревенскую натуру въ колею строгой службы.

Но въ эту минуту онъ былъ одинъ... Пустынный видъ, разстилавшійся передъ глазами, и свистъ вѣтра въ бурьянѣ навѣвали на него какую-то дрему. И передъ глазами молодого солдата несутся родныя картины. Онъ тоже видитъ деревню, и тотъ же бѣжитъ надъ нею вѣтеръ, и церковь горитъ огнями, и старыя сосны качаютъ надъ церковью темными вершинами.

По-временамъ онъ какъ будто очнется, и тогда въ его сѣрыхъ глазахъ отражается недоумѣніе: что это?—поле, ружье и стѣна... Онъ на минуту вспоминаетъ дѣйствительность, но скоро опять смутный звонъ ночного вѣтра навѣваетъ родныя картины, и солдатъ опять дремлетъ, опершись на ружье...

Невдалекѣ отъ мѣста, гдѣ стоитъ часовой, на гребнѣ стѣны появляется темный силуэтъ: это голова человѣка... Бродяга глядитъ въ дальнее поле, къ чуть видной чертѣ далекаго лѣса... Его грудь расширяется, жадно ловя свѣжее, свободное дуновеніе матери-ночи. Онъ спускается на рукахъ и тихо скользитъ внизъ вдоль стѣны...

Радостный гулъ колоколовъ будитъ ночную тишь. Дверь тюремной церкви раскрылась, во дворѣ крестный ходъ; стройное пѣніе хлынуло волной изъ церкви. Солдатъ вздрогнулъ, выпрямился, снялъ шапку, чтобы перекреститься, и... замеръ съ поднятой рукой... Бродяга, достигнувъ земли, бросился бѣжать къ бурьяну.

— Стой, стой!.. Голубчикъ, родимый!.. — вскрикиваетъ часовой, въ ужасѣ подымая ружье. Все, чего онъ боялся, передъ чѣмъ трепеталъ, надвигается на него, безформенное, страшное — въ виду этой бѣгущей сѣрой фигуры. „Служба, отвѣтъ!“—мелькаетъ въ умѣ солдата, и онъ, вскинувъ ружье, прицѣлился въ бѣгущаго человѣка. Собираясь спустить курокъ, онъ съ жалкимъ видомъ зажмурилъ глаза...

А надъ городомъ вновь царитъ и кружится въ эфирѣ гармоническій, пѣвучій, переливчатый звонъ, и... опять надтреснутый колоколъ тюрьмы трепещетъ и бьется, точно стонъ подстрѣленной птицы. Изъ-за стѣны стройно несутся далеко въ поле первые звуки торжествующей пѣсни: „Христосъ воскресе!“

И вдругъ за стѣной, покрывая все остальное, грянулъ выстрѣлъ... Слабый безпомощный стонъ пронесся за нимъ безпредметною жалобой, затѣмъ все стихло...

Только дальнее эхо пустыннаго поля съ печальнымъ р[illegible] потомъ повторяло отголоски ружейнаго выстрѣла...

АТЪ-ДАВАНЪ *).

(Изъ сибирской жизни).

I.

— Н-ну, ужъ и дор-рѐга! — сказалъ мой спутникъ, Михайло Ивановичъ Копыленковъ. — Самая эта проклятая путина, хуже которой ужъ и быть невозможно... Правду ли я говорю, ай нѣтъ?

Къ сожалѣнію, Михайло Ивановичъ говорилъ совершенную правду. Мы ѣхали внизъ по Ленѣ. По всей ширинѣ ея торчали въ разныхъ направленіяхъ огромныя льдины, по-мѣстному „торѐсья", которыя сердитая быстрая рѣка швыряла осенью другъ на друга, въ борьбѣ со страшнымъ сибирскимъ морозомъ. Но морозъ, наконецъ, побѣдилъ. Рѣка застыла и только гигантскіе „торѐсья", цѣлый хаосъ огромныхъ льдинъ, нагроможденныхъ въ безпорядкѣ другъ на друга, задавленныхъ внизу или кинутыхъ непонятнымъ образомъ кверху, остался безмолвнымъ свидѣтелемъ титанической борьбы, да кое-гдѣ еще зіяли длинныя, никогда не замерзающія полыньи, въ которыхъ прорывались и кипѣли быстрыя рѣчныя струи. Надъ ними тяжело колыхались холодные клубы пара, точно въ полыньяхъ, дѣйствительно, былъ кипятокъ.

А съ обѣихъ сторонъ надъ этимъ причудливымъ ледянымъ хаосомъ стояли молчаливыя, огромныя Ленскія горы. Жидкая лиственъ цѣплялась по склонамъ, широко раскидывая корни, но камень не даетъ ей расти, и склоны усѣяны сплошь густою древесною падалью. Ближе вы видите трупы деревьевъ, запорошенныхъ снѣгомъ, съ вырванными изъ почвы, судорожно скрюченными корнями. Дальше эти подробности исчезаютъ, а къ вершинѣ горы склонъ покрытъ валежникомъ,

*) Атъ-Даванъ — станція на Ленѣ, около 300 верстъ выше Якутска.

точно густою сѣткой. Упавшія деревья кажутся безчисленными иглами, точно хвои въ сосновомъ лѣсу, а между ними, еще живыя, тянутся такія же прямыя, такія же тонкія и жалкія, лиственницы, пытающія счастья надъ трупами предковъ. И только на ровной, будто обрѣзанной, вершинѣ лѣсъ сразу становится гуще и тянется длинною, темною, траурною каймой надъ бѣлымъ скатомъ берега.

И такъ на десятки, на сотни верстъ!.. Цѣлую недѣлю уже нашъ возокъ ныряетъ жалкою точкою между торосьями, колыхаясь, точно лодочка на бурномъ морѣ... Цѣлую недѣлю я гляжу на полосу блѣднаго неба межъ высокими берегами, на бѣлые склоны съ траурной каймой, на „пади“ (ущелья), таинственно выползающія откуда-то изъ тунгузскихъ пустынь на просторъ великой рѣки, на холодные туманы, которые тянутся безъ конца, свиваются, развертываются, тѣснятся на сжатыхъ скалами поворотахъ и безшумно втягиваются въ пасти ущелій, будто какая-то призрачная армія, расходящаяся на зимнія квартиры. Тишина томитъ душу. И только по-временамъ по рѣкѣ ухнетъ вдругъ тяжелымъ стономъ треснувшій ледъ, зашипитъ, какъ пролетающее ядро, отдастся эхомъ, какъ пушечный выстрѣлъ, пронесется куда-то далеко назадъ, въ оставленныя нами пустынныя извилины Лены, и долго еще звенитъ отголосками и умираетъ, пугая воображеніе причудливыми, внезапно воскресающими дальними стонами...

Мнѣ было грустно. Мой спутникъ томился и нервничалъ. Возокъ нашъ то и дѣло кидало съ боку на бокъ и уже не разъ онъ опрокидывался совсѣмъ. При этомъ, къ великой досадѣ Михайла Ивановича, случалось все какъ-то такъ, что валились мы неизмѣнно въ его сторону. Это было естественно, но все же причиняло ему большое неудовольствіе. Однако, случись иначе, мнѣ грозила бы серьезная опасность, тѣмъ болѣе, что въ такихъ случаяхъ, онъ, съ своей стороны, не дѣлалъ ни малѣйшихъ усилій. Только крякнетъ, бывало, и дѣловито обращается къ ямщику:

— Подымай!

Ямщикъ, какъ ни трудно, подымаетъ, и мы ѣдемъ далѣе.

Мнѣ казалось, что ужъ мѣсяцъ отдѣляетъ меня отъ Якутска, изъ котораго мы выѣхали всего дней шесть назадъ, и чуть не цѣлая жизнь отъ ближайшей цѣли путешествія, Иркутска, до котораго осталось болѣе двухъ тысячъ верстъ.

Ѣдемъ мы тихо: сначала насъ держали неистовыя морозныя мятели, теперь держитъ Михайло Ивановичъ. Дни коротки, но ночи свѣтлы, полная луна то и дѣло глядитъ сквозь

морозную мглу, да и лошади не могутъ сбиться съ протоpенной „по торосу“ узкой дороги. И, однако, сдѣлавъ станка два или три, мой спутникъ, купчина сырой и рыхлый, начинаетъ основательно разоблачаться передъ камелькомъ или желѣзной печкой, безъ церемоніи снимая съ себя лишнюю и даже вовсе не лишнюю одежду.

— Что вы, Михайло Иванычъ! — пытаюсь я протестовать въ такихъ случаяхъ.—Станокъ бы еще можно сегодня...

— Куда къ шуту торопиться-то?—отвѣчаетъ Михайло Ивановичъ.—Чайкомъ ополоснуть утробу-те, да на боковую.

Ѣсть, „полоскаться“ чаемъ и спать—все это Михайло Ивановичъ могъ производить въ размѣрахъ поистинѣ изумительныхъ, и все это совершалъ тщательно, съ любовью, почти съ благоговѣніемъ.

Однако, кромѣ этого, у него были еще и другія соображенія:

— Народъ здѣсь, — говорилъ онъ таинственно, — на копейку до чрезвычайности, братецъ ты мой, жаденъ. Бѣдовый самый народъ, потому что золотомъ набалованъ.

— Ну, золото-то далеко, да и не слышно ничего такого о здѣшнихъ мѣстахъ.

— А вотъ какъ насъ съ тобой ограбятъ, такъ и услышишь, да поздно... Чудакъ!—прибавлялъ онъ, быстро впадая въ „сердце“, — какая это есть сторона, не знаешь, что-ли? Это тебѣ не Рассея! Гора, да падь, да полынья, да пустыня... Самое гиблое мѣсто.

Вообще, Михаилу Ивановичу „здѣшняя сторона“ не внушала ничего, кромѣ искренняго омерзѣнія и брезгливости. Все здѣсь, начиная съ угрюмой природы и людей и кончая безсловесною тварью, не избѣгало съ его стороны самой придирчивой критики. Онъ зналъ только одно: здѣсь, если „пофартитъ“, можно скоро и крупно разжиться („въ день человѣкомъ сдѣлаешься“), и поэтому жилъ здѣсь уже нѣсколько лѣтъ, зорко выглядывая случай и стремясь неуклонно къ извѣстному „предѣлу“, послѣ котораго намѣревался вернуться „во свою сторону“, куда-то къ Томску. Въ этомъ отношеніи онъ напоминалъ человѣка, которому за извѣстное вознагражденіе предложили пробѣжать голымъ по сильному морозу. Михайло Ивановичъ согласился, и вотъ теперь онъ бѣжитъ, сухая и пожимаясь, къ своему предѣлу. Только бы добѣжать, только бы схватить, а тамъ... пропадай хоть пропадомъ вся эта гиблая сторона,— Михайло Ивановичъ не пожалѣетъ.

Въ данное время, кажется, онъ уже значительно приблизился къ предѣлу и, быть-можетъ, именно поэтому ужасно нервничалъ: а что, дескать, ежели именно теперь кто-нибудь

у него схваченное-то и вырветъ?.. Михайло Ивановичъ, о которомъ я слышалъ много разсказовъ, рекомендовавшихъ въ самомъ яркомъ свѣтѣ его предпріимчивость, доходившую до дерзости въ началѣ здѣшней карьеры,—теперь трусилъ, какъ баба, и мнѣ поневолѣ приходилось изъ-за этого проводить съ нимъ скучнѣйшіе вечера и долгія ночи на пустынныхъ станкахъ угрюмой и безлюдной Лены.

II.

Въ одинъ изъ такихъ морозныхъ вечеровъ я былъ разбуженъ испуганнымъ восклицаніемъ Михайла Ивановича. Оказалось, что мы оба заснули въ возкѣ и, когда проснулись, то увидѣли себя на льду, подъ каменистымъ берегомъ, въ совершенно безлюдной мѣстности. Колокольчика не было слышно, возокъ стоялъ неподвижно, лошади были распряжены, ямщикъ исчезъ, и Михайло Ивановичъ протиралъ глаза съ испугомъ и удивленіемъ.

Вскорѣ, однако, недоумѣніе наше разсѣялось. Я вглядѣлся въ ровный каменный берегъ, уходившій стѣной вдаль и искрившійся подъ лучами полнаго мѣсяца. Невдалекѣ тропинка исчезла въ разсѣлинахъ скалъ, а прямо надъ головой свѣсился высокій крестъ якутской могилы. Хотя могила на берегу, даже и совсѣмъ пустынномъ, не рѣдкость въ томъ краю, такъ какъ якутъ старается лечь на вѣчный покой непремѣнно на возвышенности, у воды, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ много дали и простора,—но все же я узналъ Атъ-Даванскую станцію, которую замѣтилъ уже въ первую свою поѣздку. Красный сланецъ, съ причудливыми слоями, напоминавшими какія-то невѣдомыя письмена, ровный, будто искусственно сложенный обрывъ, жидкія лиственницы, якутская могила съ крестомъ и срубомъ, и, наконецъ, длинная пелена бѣлаго дыма, тихо нависшая съ берега надъ рѣкой—все это вспомнилось мнѣ сразу. Здѣсь нѣтъ въѣзда, берегъ представляетъ отвѣсную стѣну, и потому зимой сани оставляютъ на рѣкѣ, а лошадей приводятъ узкой тропой прямо на ледъ. Михайло Ивановичъ тоже скоро успокоился, тѣмъ болѣе, что на тропинкѣ уже мелькали фонари.

Черезъ минуту мы были на верху, на станціи.

Маленькая станціонная комната была натоплена; отъ раскаленной желѣзной печи такъ и пыхало сухимъ жаромъ. Двѣ сальныя свѣчки, оплывшія отъ теплоты, освѣщали притязательную обстановку полуякутской постройки, обращенной въ станцію. Генералы и красавицы чередовались на стѣнахъ съ объявленіями почтоваго вѣдомства и патентами въ черныхъ

рамахъ, сильно засиженныхъ мухами. Вся обстановка обнаруживала ясно, что станція кого-то ждала, и мы не имѣли основаній приписать всѣ эти приготовленія себѣ.

— Вотъ, братецъ ты мой, и чудесно!—радостно говорилъ Михайло Ивановичъ, принимаясь за переметы со всякою дорожною снѣдью.—Эка теплота-то благодатная! Тутъ ужъ, шабашъ, ночуемъ безпремѣнно! Эй, кто тамъ... писарь, что-ли? Самоварчикъ бы намъ, да кипяточку для пельменей...

— Ну, нѣтъ, Михайло Ивановичъ, — попытался я возразить:—еще рано. До N. доѣдемъ, а тамъ и ночлежничать можно.

— Лошадей, милостивый государь, нѣтъ,—послышался сзади меня дребезжащій, слащавый и какъ будто робѣющій голосъ.

Я оглянулся. Въ комнату входилъ небольшой, круглый человѣчекъ неопредѣленнаго возраста, одѣтый довольно оригинально. Кургузый сюртучокъ, клѣтчатыя панталоны, пикейный жилетъ, сорочка съ манжетами и даже старинною плойкой, цвѣтной галстухъ съ золотыми мухами по зеленому полю,—все это слегка уже полинявшее, слежалое, какъ будто надѣтое по случаю, напоминало о какихъ-то давно прошедшихъ временахъ. На ногахъ у вошедшаго были тяжелые валенки, наряду съ которыми кургузый нѣмецкій костюмъ выглядѣлъ очень комично. Впрочемъ, маленькій человѣчекъ не сознавалъ, повидимому, этого контраста и выступалъ щеголевато, мелкими, „щепоткими“ шагами.

Физіономія незнакомца, какъ и вся фигура, была какая-то сѣренькая, тоже какъ будто слегка подержанная или лежалая, а теперь приглаженная и почищенная для случая. Въ улыбкѣ, въ сѣрыхъ глазахъ, въ тонѣ голоса замѣтна была претензія на нѣкоторую культурность. Маленькій человѣчекъ какъ будто хотѣлъ показать, что онъ видалъ лучшіе дни, знаетъ „обращеніе“ и при другихъ обстоятельствахъ стоялъ бы съ нами на равной ногѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ какъ-то сжимался и робѣлъ, какъ будто его слишкомъ часто осаживали, и онъ боялся того же отъ насъ.

— Какъ же нѣтъ лошадей?—возразилъ я, посмотрѣвъ въ книгу, выложенную, повидимому, недавно на видномъ мѣстѣ.—Двѣ тройки должны быть на станціи.

— Такъ точно, — покорно отвѣтилъ онъ, — должны находиться. Только, собственно... какъ бы вамъ, милостивый государь, объяснить...

Онъ замялся.

— Пожалѣйте меня, господа проѣзжающіе, не требуйте,— произнесъ онъ вдругъ чрезвычайно жалобнымъ и приниженно-просящимъ голосомъ.

— Но почему же это?—удивился я.

— Экіе вы, право!—съ неудовольствіемъ вмѣшался Михайло Ивановичъ, успѣвшій уже стащить съ себя даже брюки.—Почему, да почему? Ну, куда вы торопитесь? Дѣти у васъ, что-ли, плачутъ?.. Видишь, вѣдь, братецъ ты мой: человѣкъ слезно проситъ—значитъ, причина!

— Такъ точно-съ,—обрадовался незнакомецъ и обратился къ Копыленкову съ сочувственной улыбкой, обдергивая полы своего пиджака,—такъ точно-съ, какъ вы изволили замѣтить: неужели безъ причины стану чинить господамъ проѣзжающимъ задержку? Никогда-съ!

Послѣднее слово онъ произнесъ какъ-то даже гордо, выпрямился при этомъ и обдернулъ пиджакъ.

— Ну, хорошо,—сказалъ я, сдаваясь тѣмъ охотнѣе, что понималъ невозможность вытянуть моего быстро разоблачившагося спутника изъ этой теплой комнаты на трескучій вечерній морозъ.—Но все же объясните вашу причину, если это не тайна...

Сочувственная улыбка озарила все лицо маленькаго человѣчка. Онъ увидѣлъ, что дѣло сладилось, и намѣревался отвѣтить мнѣ съ видимою благосклонностью, но вдругъ насторожился. Снаружи, съ рѣки, сквозь трескъ желѣзной печурки, слышался звонъ.

Дверь отворилась, староста, полу-якутъ по наружности, осторожно вошелъ въ комнату, тщательно заперъ дверь и сказалъ:

— Почтà келлѐ, Василь Спиридонычъ...

— А, почта! — успокоился старичокъ.—Ну, баръ-антахъ (ступай), чтобъ живо!.. Сейчасъ иду, извините меня, почтенные господа...

Онъ вышелъ. Станція переполнилась движеніемъ. Хлопали двери, скрипѣли ступени, ямщики таскали баулы и сумки, суетливый звонъ уводимыхъ и перепрягаемыхъ на льду троекъ тѣснился каждый разъ въ отворяемую дверь, ямщики кричали другъ на друга по-якутски и ругались на чистомъ русскомъ діалектѣ, доказывая этимъ свое россійское происхожденіе...

III.

Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату не вошелъ, а вбѣжалъ какой-то человѣкъ небольшого роста, въ сильно потертой казенной шинели, въ якутскомъ малахаѣ и обвязанный шарфомъ. Онъ вбѣжалъ такъ торопливо, какъ будто за нимъ кто гонится, и тотчасъ же направился къ желѣзной печкѣ

Скинувъ шинель, онъ остался въ какой-то жиденькой шубкѣ на кроличьемъ мѣху, сильно похожей на женскую кацавейку: когда же снялъ и шубку, то подъ ней оказался старый, изорванный подъ мышками, мундиръ почтоваго вѣдомства.

Дѣйствительно, это былъ почталіонъ, такъ торопливо убѣгавшій отъ мороза, который на протяженіи длиннаго перегона видимо одержалъ надъ нимъ значительныя побѣды. Бѣдный молодой человѣкъ рвалъ съ себя настывшія одѣянія, какъ будто въ нихъ засѣлъ цѣлый рой пчелъ, и, не снимая еще малахая и шарфа, быстро скинулъ съ ногъ валенки, которые и уложилъ подошвами къ печкѣ. Снятіе шарфа и малахая заняло болѣе времени. Якуты и карымы не носятъ бороды и усовъ. Это вошло уже въ эстетическія привычки, но объясняется чисто-климатическими условіями: бѣдняга почталіонъ, повидимому, дорожилъ этими атрибутами, и теперь жидкая бороденка и такіе же усики, которыми онъ, быть-можетъ, плѣнялъ гдѣ-нибудь въ Киренскѣ какую-нибудь заѣзжую невѣсту изъ семьи состоятельнаго поселенца,—превратились въ одну сосульку, плотно соединившую его голову съ малахаемъ и шарфомъ. Нужно было не мало времени, пока, наконецъ, представитель почтоваго вѣдомства, совавшій голову чуть не въ самое пламя и разминавшій льдины полузастывшими пальцами, предсталъ передъ нами въ своемъ настоящемъ видѣ: молодое, но значительно отекшее лицо, безпокойные, но тусклые глаза, испуганная подвижность во всей фигурѣ, короткій и узкій мундиръ, лопнувшій по швамъ, и заячьи чулки на ногахъ.

— Че!—отряхнулся онъ.—Тымны берть, морозъ улаханъ (очень холодно, большой морозъ)... Дозвольте рюмочку, господа!

— Угощайся,—отвѣтилъ Копыленковъ благодушно.—Несчастный ты самый человѣкъ.

Глаза молодого человѣка какъ-то опять испуганно заморгали. Холодное сожалѣніе купца только ярче напомнило ему холодъ дороги, и проглоченная рюмка пролетѣла, будто льдинка. Вслѣдствіе этого, онъ налилъ другую и отправилъ вслѣдъ за первой. Только тогда испуганное выраженіе начало исчезать съ лица бѣднаго малаго.

— Вѣрно,—сказалъ онъ.—Собачья жизнь... Да и морозы же стоятъ, удивительное дѣло...

— Одежонка у тебя—ой-ой плоха. Не по здѣшнему мѣсту.

— Одежа ничего. А впрочемъ... на восемь рублей не очень нащеголяешь...

Почта пробѣгаетъ по этому огромному тракту одинъ разъ въ недѣлю. Зимой трехтысячный путь она дѣлаетъ въ 19 дней,

лѣтомъ, конечно, дольше. Осенью и весной, когда Лена еще не стала, или уже тронулась, и ледоходъ мѣшаетъ движенію лодокъ, почту везутъ въ переметныхъ сумахъ верхами. Цѣлый караванъ вьючныхъ лошадей жмется тогда между рѣкой и каменными горами, то огибая, по брюхо лошади въ водѣ, какую-нибудь выдавшуюся скалу, то карабкаясь по каменистымъ тропинкамъ, то мелькая на вершинахъ чуть не подъ облаками. Трудно себѣ представить занятіе, требующее большей выносливости, присутствія духа, терпѣнія и здоровья... Три тысячи верстъ!.. Ямщикамъ тоже трудно, но ямщики давно вернулись по домамъ и отдыхаютъ, въ ожиданіи рѣдкаго проѣзжающаго, порой даже до слѣдующей почты, а почталіонъ опять трясется въ сѣдлѣ, или качается на бурной волнѣ огромной рѣки, или коченѣетъ, забившись межъ кожаными баулами въ саняхъ. И это при обычныхъ почтовыхъ окладахъ...

Правда, почталіонъ изобрѣтаетъ еще постороннія средства. Въ Иркутскѣ онъ запасается боченкомъ дешевой водки, которую продаетъ на станкахъ писарямъ и ямщикамъ, купитъ только-что вышедшіе календари, возьметъ на комиссію пачку лубочныхъ картинъ. Всѣ художественныя произведенія, обильно украшающія стѣны станковъ, ему обязаны доставкой своей въ эти далекія страны. Онъ совершенствуетъ эстетическіе взгляды полуякутовъ станочниковъ, водворяя на стѣнахъ гравированные портреты получившихъ гдѣ-то премію красавицъ, онъ содѣйствуетъ популярности генераловъ, онъ же развѣнчиваетъ ихъ, замѣняя старыхъ героевъ новѣйшими... Однако, эта полезная дѣятельность мало скрашиваетъ судьбу горемыки-почталіона, и если онъ остается живъ въ своей плохой одежонкѣ среди необычайныхъ морозовъ, то приписываетъ это, главнымъ и даже исключительнымъ образомъ, водкѣ, которой выпиваетъ на каждой станціи огромное количество, безъ всякихъ видимыхъ послѣдствій, благо она достается ему дешево и доставляетъ даже нѣкоторый,—право же, невинный при этихъ условіяхъ,—доходъ...

Отъ него же, главнымъ образомъ, этотъ трехтысячный трактъ, съ его почти единственными обитателями станочниками, узнаетъ новости, совершающіяся въ далекомъ мірѣ.

Такой-то подвижникъ почтоваго вѣдомства стоялъ теперь у желѣзной печки, съ подогнутыми отъ холода ногами, протянувъ руки къ пламени и кидая жадные взгляды на наши бутылки.

— А, это у васъ коньякъ?.. Коньячку я еще хвачу,—произносилъ онъ вдругъ съ робкою фамильярностью, подбѣгалъ къ столу, наливалъ, опрокидывалъ и опять убѣгалъ къ огню

все съ тѣмъ же видомъ человѣка, испуганнаго внутреннимъ ознобомъ.

— Слышь, почта, давай чайкомъ побалуемся,—предложилъ Копыленковъ.

— Невозможно, господа почтенные,—тороплюсь. Слушай, парень,—дружески обратился онъ къ вошедшему въ эту минуту писарю,—поберегайся! Ѣдетъ, вѣдь...

Старичокъ вздохнулъ.

— Что Богъ дастъ! Ждемъ давно, хоть бы ужъ какъ-нибудь скорѣе...

— Теперь живо. Мнѣ бы вотъ какъ-нибудь улетѣть, не напороться бы. Да гдѣ, не уйти,—догонитъ! Хорошо, если на дорогѣ гдѣ-нибудь...

— Тебѣ-то что?

— Да все отъ грѣха подальше. А слышь, парень, про жалобы-то узналъ, вѣдь...

— Ну?

— То-то... Сказываютъ, осатанѣлъ, бѣда!

— Авось, Богъ милостивъ. Мы не жаловались...

— Да вы это про кого?—спросилъ Копыленковъ.

— Арабинъ, курьеръ... Теперь изъ Верхоянска обращается.

— Такъ, такъ, такъ! Вотъ почему у тебя и лошадей-то не оказалось. Понялъ! А вдругъ бы мы у тебя лошадей-то послѣднихъ и взяли...

— Совершенно вѣрно-съ... Судите сами: пріѣдутъ они сюда, и вдругъ я имъ объявлю: нѣтъ лошадей! Что же это-съ... Вѣдь, тогда имъ здѣсь ночевать-съ...

Копыленковъ захохоталъ.

— Ну, онъ тебя, братецъ, за ночь-то съѣстъ и съ пиджакомъ съ твоимъ.

Почталіонъ тоже засмѣялся, какъ-то порывисто, закинувъ голову назадъ. Старичокъ постарался улыбнуться, но больше изъ вѣжливости. Глаза его были задумчивы и озабочены.

— Богъ знаетъ, Богъ знаетъ... Прошлый разъ уберегла Царица Небесная... Скотиной все-таки назвалъ.

— Удостоилъ?

— Да-съ. Это что-жъ... Конечно, по прежнему времени, состоявши въ чинѣ коллежскаго секретаря, могъ обижаться... Ну, между прочимъ, въ настоящемъ ничтожномъ положеніи обязанъ терпѣть... Вы самоварчикъ изволили приказывать?—спохватился онъ вдругъ.—Ахъ, Боже мой, что же я-съ... Сейчасъ будетъ готово,—два самовара у насъ. Ежели въ случаѣ пріѣдетъ, и ему подадимъ... Сейчасъ...

IV.

Черезъ нѣсколько минутъ нестарая еще и довольно красивая женщина, при входѣ которой почталіонъ опять закинулъ голову и засмѣялся своимъ прерывистымъ смѣхомъ, а писарь сталъ какъ-то особенно серьезенъ,—внесла небольшой самоварчикъ и принялась уставлять чайную посуду. Мы пригласили къ чаю старичка и почталіона. Послѣдній отказался и такъ же быстро, какъ прежде скидалъ съ себя, сталъ натягивать свои не совсѣмъ высохшія одѣянія. Писарь тоже пытался отказаться изъ приличія, но затѣмъ, на вторичное приглашеніе, согласился, видимо польщенный.

— Съ превеликимъ удовольствіемъ раздѣлю компанію,— сказалъ онъ и затѣмъ, застегнувъ пиджакъ на всѣ пуговицы и взявшись рукой за спинку стула, поклонился и произнесъ:

— Въ такомъ случаѣ, считаю за честь рекомендоваться: Кругликовъ, Василій Спиридоновъ, бывшій коллежскій секретарь... Пріятно пріобрѣсти знакомство.

— Значитъ, служилъ?—спросилъ Копыленковъ.

— Такъ точно-съ, по коммиссаріатской части, во флотѣ-съ.

Почталіонъ облачился, сунулъ намъ всѣмъ на прощаніе руку, еще разъ сказалъ: „А, это спиртъ у васъ? Хвачу-ка еще спирту!“—хватилъ и торопливо выбѣжалъ на морозъ. Я одѣлся и вышелъ за нимъ.

Нужно было подойти къ обрыву у могилы съ наклонившимся крестомъ, чтобъ увидѣть почту внизу.

Рѣка, загроможденная бѣлымъ торосомъ, слегка искрилась подъ серебристымъ и грустнымъ свѣтомъ луны, стоявшей надъ горами. Съ того берега, удаленнаго версты на четыре, ложилась густая неопредѣленная тѣнь, вдали неясно виднѣлись береговыя сопки, покрытыя лѣсомъ, уходившія все дальше и дальше, сопровождая плавные повороты Лены... Становилось и жутко, и грустно при видѣ этой огромной ледяной пустыни.

Почта,—три тройки,—двинулась, колокольчики сразу, какъ-то сбивчиво и шумно, заговорили подъ моими ногами, какъ будто ободряя другъ друга. Три черныя пятна, точно фантастическія многосоставныя животныя, шевельнулись по снѣгу и замелькали между торосьями, становясь все меньше и меньше. Ихъ давно уже не было видно, а звонъ все стоялъ такой же ясный въ морозномъ, точно стеклянномъ, воздухѣ... Каждый колокольчикъ говорилъ по-своему: разстояніе уменьшало только силу, но не ясность звука. Потомъ все исчезло внезапно, только торосья искрились фантастическимъ хаосомъ, да сопки

тихо спали въ тѣни, и какія-то неясныя грёзы передвигались подъ дальними берегами.

Чуть не все населеніе станка провожало почту... На бѣдномъ Атъ-Даванѣ, пріютившемся подъ каменными горами, этотъ пролетъ рѣдкой почты—цѣлое событіе.

Но станокъ ждалъ и томился ожиданіемъ еще другого событія.

Когда почта исчезла и звонъ затихъ, гурьба ямщиковъ, тихо подымавшихся съ рѣки, прошла мимо меня, разговаривая по-якутски. Мнѣ трудно было разобрать эти тихія рѣчи, однако я понялъ, что говорятъ они не о томъ, кто уѣхалъ, а о комъ-то, кто долженъ пріѣхать сверху. При этомъ имя „Арабынъ-тойона“ раза два коснулось моего слуха.

Я остался еще на берегу, привлекаемый грустнымъ очарованіемъ. Воздухъ былъ неподвиженъ и полонъ какой-то чуткой, кристаллической ясности, не нарушаемой теперь ни однимъ звукомъ, но какъ будто застывшей въ пугливомъ ожиданіи... Стоитъ опять треснуть льдинѣ, и морозная ночь вся содрогнется, и загудитъ, и застонетъ. Камень оборвется изъ-подъ моей ноги—и опять надолго наполнитъ чуткое молчаніе сухими и рѣзкими отголосками...

Морозъ все крѣпчалъ. Зданіе станціи, которое наполовину состояло изъ юрты и только наполовину изъ русскаго сруба, сіяло огнями. Изъ трубы надъ юртой цѣлый вѣникъ искръ торопливо мотался въ воздухѣ, а бѣлый густой дымъ поднимался сначала кверху, потомъ отгибался къ рѣкѣ и тянулся далеко, до самой ея середины... Льдины, вставленныя въ окна, казалось, горѣли сами, переливаясь радужными оттѣнками пламени...

Я еще разъ окинулъ взглядомъ окружающую картину, полную захватывающей грусти, и пошелъ въ избу.

V.

Въ ямщицкой огромный камелекъ, плотно сбитый изъ глины, зіялъ, точно раскрытая огненная пасть сказочнаго чудовища. Огонь съ невѣроятной силой рвался въ трубу, какъ будто цѣлая рѣка пламени струилась кверху. Наклонныя стѣны юрты то тѣсно сдвигались, охваченныя багрянымъ отблескомъ, то утопали чуть замѣтно во тьмѣ; тогда юрта казалась огромною пещерой съ темными сводами. Группа огненныхъ же фигуръ, будто только-что отлитыхъ изъ неостывшаго еще металла, сомкнулась полукругомъ около камина. Въ серединѣ, уставившись на огонь задумчивыми глазами и опершись подбородкомъ на руки, сидѣлъ молодой станочникъ съ рѣзко-инородческими чертами, представитель этого стран-

наго, на-половину объякутѣвшаго населенія средней Лены. Изъ горла его лились, примѣшиваясь къ шипѣнію и треску пламени, странные—то протяжные, то истерически-прерывистые—звуки. Это была якутская пѣсня-импровизація,—пѣсня, въ которой только привычное ухо можетъ уловить признаки своеобразной гармоніи. „Господи Боже, — подумалъ я невольно,—какъ только ни выражается человѣческое чувство!..“ Но такъ какъ красота, все-таки, въ самомъ чувствѣ, то есть своя доля красоты и въ этомъ дикомъ гортанномъ, прерывистомъ завываніи, похожемъ то на плачъ, то на шумъ вѣтра въ дикомъ ущельи... Достаточно было взглянуть на бронзовыя лица станочниковъ Атъ-Давана, чтобы убѣдиться въ присутствіи захватывающаго и поглощающаго душевнаго движенія, царившаго въ грязной, непривѣтливой юртѣ.

Молодой станочникъ пѣлъ, остальные слушали, изрѣдка поощряя пѣвца рѣзкими, непроизвольными короткими восклицаніями. Мы имѣемъ свои пѣсни, записанныя, положенныя на ноты, въ которыхъ болѣе сложное чувство кристаллизовалось въ постоянную форму. Дикая тайга, каменистыя тропинки надъ Леной, угрюмый и сиротливый Атъ-Даванъ — имѣютъ свои пѣсни. Онѣ не записаны, не выработаны, не гармоничны и довольно грубы, но за то каждая изъ нихъ рождается по первому призыву, отзывается, какъ эолова арфа, своею незаконченною и незакругленною гармоніей на каждое дуновеніе горнаго вѣтра, на каждое движеніе суровой природы, на каждое трепетаніе бѣдной впечатлѣніями жизни... Пѣвецъ-станочникъ пѣлъ объ усилившемся морозѣ, о томъ, что Лена стрѣляетъ, что лошади забились подъ утесы, что въ каминѣ горитъ яркій огонь, что они, очередные ямщики, собрались въ числѣ десяти человѣкъ, что шестерка коней стоитъ у коновязей, что Атъ-Даванъ ждетъ Арабынъ-тойона, что съ сѣвера, отъ великаго города, надвигается гроза, и Атъ-Даванъ содрогается и трепещетъ...

Пѣсенный якутскій языкъ отличается отъ обиходнаго приблизительно такъ же, какъ нашъ славянскій отъ нынѣшняго разговорнаго. Пѣсенный языкъ родился гдѣ-то далеко, въ невѣдомыхъ глубинахъ Средней Азіи, откуда великое смѣшеніе народовъ бросило жалкій осколокъ какого-то племени на дальній сѣверо-востокъ. Онъ сохранилъ на сѣверѣ пышные образы и краски далекаго юга... Отъ сѣвера же, отъ пугливаго морознаго воздуха, въ которомъ трескъ льдины выростаетъ въ пушечный выстрѣлъ, а паденіе ничтожнаго камня гремитъ, какъ обвалъ, — пѣсня пріобрѣла пугливую наклонность къ чудовищнымъ гиперболамъ, къ гигантскимъ,

устрашающимъ преувеличеніямъ. Вотъ почему, надо думать, якутскій Иванушка, бѣдный сиротина Эръ-Соготохъ, въ своихъ горестныхъ странствіяхъ натыкается то и дѣло на сказочныхъ молодцовъ, самый меньшій изъ которыхъ обладаетъ икрами въ обхватъ старой лиственницы, а глаза его вѣсятъ по пяти фунтовъ.

Я сталъ въ тѣни, не замѣченный, и слушалъ пѣсню станочника объ Арабынъ-тойонѣ... Арабинъ, Арабинъ!.. Я гдѣ-то слышалъ эту фамилію. Мнѣ стоило значительнаго усилія отодвинуть отъ себя сказочную фигуру, и изъ-за нея въ моей памяти выдвинулась другая. Въ Иркутскѣ, въ знакомомъ домѣ, я нѣсколько разъ встрѣчалъ, — правда, мимолетно, — казацкаго хорунжаго съ этою фамиліей. Это былъ человѣкъ ничѣмъ не выдававшійся, молчаливый, слегка даже застѣнчивый, тою особою застѣнчивостью, которою отличаются болѣзненно-самолюбивые люди. Я едва замѣтилъ его тогда, но потомъ слышалъ, что онъ чѣмъ-то обратилъ на себя вниманіе тогдашняго генералъ-губернатора и что его употребляютъ для „особыхъ порученій“. Неужели это онъ? Неужели это о немъ я слышу теперь по всему пути,—о немъ, чье имя едва различалось въ иркутской толпѣ?.. Онъ уже третій разъ пролетаетъ по Ленѣ въ качествѣ курьера и каждый разъ толки о немъ долго не смолкаютъ на пустынной рѣкѣ. На станціяхъ онъ велъ себя какъ человѣкъ, на единичныя усилія котораго возложено усмиреніе бунтующаго края. Врывался, какъ ураганъ, бушевалъ, наводилъ паническій ужасъ, грозилъ пистолетомъ и... забывалъ всюду платить курьерскіе прогоны. Вѣроятно, благодаря этимъ пріемамъ, онъ исполнялъ порученія въ сроки, удивлявшіе самыхъ привычныхъ людей, и начальство отличало его еще болѣе. „Курьеръ“ стало кличкой и чуть не постоянною профессіей Арабина. Скромный и застѣнчивый въ Иркутскѣ, онъ становился совершенно другимъ, лишь только выѣзжалъ изъ города. Быть искренно убѣжденнымъ, что *всякая* власть сильнѣе *всякаго* закона, и чувствовать себя цѣлыя недѣли единственнымъ представителемъ власти на огромныхъ пространствахъ, не встрѣчая нигдѣ ни малѣйшаго сопротивленія, — отъ этого можетъ закружиться голова и посильнѣе головы казачьяго хорунжаго.

И она, дѣйствительно, кружилась. Въ послѣдній проѣздъ онъ уже скакалъ черезъ рѣдкіе города (Киренскъ, Верхоленскъ и Олекму), стоя въ повозкѣ и размахивая надъ головой краснымъ флагомъ. Въ этомъ было что-то фантастическое: двѣ тройки мчались, какъ птицы, съ смертельнымъ ужасомъ въ глазахъ, ямщикъ походилъ на мертвеца, засты-

вшаго на облучкѣ съ возжами въ рукахъ; сѣдокъ стоялъ, сверкалъ глазами и размахивалъ флагомъ... Мѣстныя власти покачивали головами, обыватели разбѣгались. Въ этотъ проѣздъ Арабинъ отмѣтилъ свой путь такимъ количествомъ павшихъ лошадей, воплей и жалобъ, прорвавшихся, наконецъ, наружу, что почтовое начальство сочло необходимымъ вмѣшаться. Забѣгая впередъ, скажу только, что изъ-за Арабина поссорились два вѣдомства, что непосредственное начальство курьера вынуждено было, все-таки, отказаться отъ его услугъ, но, снабженный отличными рекомендаціями, онъ перешелъ на службу еще дальше на востокъ и тамъ, на Амурѣ, застрѣлилъ, наконецъ, наповалъ станціоннаго смотрителя. Тогда объ Арабынъ-тойонѣ заговорили даже въ Россіи и только тогда узнали, что судить, въ сущности, некого, такъ какъ знаменитый курьеръ былъ уже... вполнѣ сумасшедшимъ.

Такова дальнѣйшая исторія грознаго и несчастнаго Арабынъ-тойона, ожидаемаго въ эту ночь на далекомъ Атъ-Даванѣ. Вотъ о комъ скрипѣла и завывала унылая якутская пѣсня въ ямщицкой юртѣ.

VI.

Въ станціонной комнатѣ Михайло Ивановичъ въ одномъ бѣльѣ сидѣлъ за столомъ. Кругликовъ помѣщался напротивъ, въ позѣ значительно болѣе свободной, чѣмъ прежде. По наивному оживленію, сверкавшему въ простодушно-хищныхъ глазахъ моего спутника, я сразу увидѣлъ, что ему удалось уже завязать одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, до которыхъ онъ былъ великій охотникъ. Это были именно разговоры чисто-біографическаго и отчасти стяжательнаго характера: кто, гдѣ и какимъ образомъ сумѣлъ нажить деньгу. Всѣ подробности наживательскихъ драмъ имѣли для него какую-то особенную, обаятельную прелесть. Кругликовъ давалъ эти подробности охотно и съ объективнымъ спокойствіемъ человѣка, глядящаго на все это со стороны, глазами наблюдателя.

— Такъ, говоришь, прогорѣлъ?—спрашивалъ Михайло Ивановичъ, наклонясь черезъ столъ.

— До основанія-съ! — отвѣтилъ Кругликовъ и подулъ на блюдечко съ чаемъ. — Совсѣмъ-съ, такъ что, съ позволенія вашего сказать, въ рубашкѣ одной остался, да и та чужая.

— Ахъ ты, братецъ мой, какой человѣкъ пропалъ!

— Пропалъ? Ну, это зачѣмъ же-съ! Гдѣ же этакому человѣку пропасть? По здѣшнимъ-то мѣстамъ, я говорю, да этакой головѣ...

— Дѣйствительно, шельма естественная. Говоришь, поправился?

— Да еще какъ поправился!..

— Ну, дѣла!.. Чѣмъ же онъ взялся-то?

Кругликовъ поставилъ блюдечко и загнулъ палецъ:

— Первымъ дѣломъ—женится онъ вторично на вдовѣ съ капитальцемъ. Капиталъ, положимъ, ничтожный...

— Постой! Говоришь: женится! А первая-то померла, что ли?

— Живехонька-съ! Это ничего не составляетъ.

— Ай-ай-ай!.. Н-н-ну-съ? Что ты, братецъ, мямлишь, говори далѣе!

— Ну-съ, и сталъ легонечко поторговывать на пріискахъ спиртомъ.

— Спир-томъ?.. Ну, нѣтъ, нонѣ, братъ, на спирту далеко не уѣдешь. Нонѣ, братъ, на спиртовомъ-то дѣлѣ тюрьму себѣ заработаешь, а богатъ не станешь. Не прежнія времена...

— Ахъ, нѣтъ, позвольте-съ, это вы напрасно! Спиртовое дѣло, оно само по себѣ, а ежели при этомъ пшеничка *)...

— Ну, вотъ это такъ! ежели ловкому человѣку...

— Этотъ ловокъ. Шире-далѣ, шире-далѣ и взошелъ онъ въ копѣйку настоящую.

Михайло Иванычъ хлопнулъ себя рукой по колѣну.

— Ахъ ты, братецъ мой! Вотъ голова, такъ голова... Пей еще!—предложилъ онъ радушно, когда г-нъ Кругликовъ положилъ пустой стаканъ на блюдечко въ знакъ того, что онъ доволенъ, но выпьетъ еще, если его попросятъ (опрокинуть стаканъ и положить на него огрызокъ сахару — значило бы отказаться окончательно).—Пей! А что касающее должности, не сомнѣвайся. Опредѣлю, будешь доволенъ. Я, братецъ, люблю разговорчивыхъ людей. Только ужъ ты скажи мнѣ, по правдѣ-истинѣ: хмѣлемъ зашибаешься?

Г-нъ Кругликовъ посмотрѣлъ ему прямо въ глаза яснымъ взглядомъ и отвѣтилъ:

— Пью-съ... Пьяницей или, сказать, пропойцей себя не полагаю-съ, а пью-съ... Но спросите: почему пью?—потому, что нахожусь въ горести послѣ прежней благополучной жизни. Вотъ и Иванъ Александровичъ, — навѣрно извольте знать, пріиски у него богатѣйшіе были,—говоритъ, бывало: „Зачѣмъ, Кругликовъ, пьешь? Тебѣ бы, при твоемъ умѣ, вовсе бы касаться не надо... Почеркъ имѣешь прекрасный, экипированъ прилично, самъ себя ведешь аккуратно... Тебѣ бы ка-

---

*) Золотой песокъ. Торговать пшеничкой — скупать тайнымъ образомъ подъемное золото у пріисковыхъ рабочихъ.

кое мѣсто можно занимать, только не касайся вина!“—Такъ вотъ нѣтъ, сердце не дозволяетъ... „Иванъ Александровичъ“— говорю ему...

Г-нъ Кругликовъ заволновался. Повидимому, онъ забылъ, кому и по какому поводу онъ дѣлалъ эти изліянія, и, ударивъ себя въ грудь, продолжалъ:

— „Иванъ Александровичъ, благодѣтель, не суди! Господи! Да я бы смолу,—понимаешь ты?—с-смолу бы кипящую пилъ, ежели бы могъ иной разъ себѣ облегченіе получить,—забвеніе горести!“ — Смолу-у!.. Боже мой, Создатель! за что Ты судьбу мою въ эту гиблую сторону закинулъ?.. Хлѣба пудъ— четыре съ полтиной, говядина — восемь рублей! Ни спокою, ни пищи...

— Это вѣрно,—поддержалъ Михайло Ивановичъ,—корма-то здѣсь дороги, нечего говорить.

— Эхъ, нѣтъ, не то! — съ тоской заговорилъ вдругъ маленькій писарь, и эта тоска глубоко щемящею нотой прорвалась въ его голосѣ, промелькнула въ лицѣ, измѣнила всю нѣсколько комичную его фигуру. — Не то-съ... Сердце закипаетъ во мнѣ, размышленіе одолѣваетъ...

— Задумываешься? — перебилъ Михайло Ивановичъ съ какимъ-то пугливымъ участіемъ.

— Бываетъ,—угрюмо сознался Кругликовъ.

— Ахъ, братецъ! Ты какъ-нибудь тово... брось... Самое это плохое дѣло. У меня, братъ, смолоду тоже было; насилу отецъ-покойникъ выгналъ. Послѣ женитьбы и то еще, бывало, нѣтъ-нѣтъ да и засосетъ... На свѣтъ не глядѣлъ бы отъ мыслей этихъ... Послѣднее дѣло!

— Чего хуже! Повѣрите: иной разъ ночью проснешься, опомнишься: „А гдѣ-то ты рожденъ, Василій Спиридоновъ, въ коихъ мѣстахъ юность свою провелъ?.. А нынѣ гдѣ жизнь влачишь?..“ Морозище трещитъ за стѣной или вьюга воетъ... къ окну, а въ окнѣ—слѣпая льдина... Отойдешь и сейчасъ къ шкапу. Наливаю, пью...

— Легче?

— Въ голову ударитъ,—ну, и омрачитъ отчасти... Затуманитъ, потому—настойка у меня... Водка настоена крѣпчайшая... А настоящаго облегченія не вижу.

— Вотъ оно дѣло какое! И вѣрно, что лучше бросить... Займись дѣломъ, оно, братъ, тоже по головѣ-то ударитъ, не хуже настойки... А скажи ты мнѣ вотъ что: за что тебя сюда-то уперли?

Этотъ вопросъ, предложенный съ такою грубою внезапностью, прошелъ еще разъ по всей фигурѣ г-на Кругликова,

и еще разъ она преобразилась, теряя въ моихъ глазахъ прежній оттѣнокъ комизма. Казалось, какая-то искра пробивается изъ-подъ давно потухшаго, но еще не остывшаго вполнѣ пепелища.

Онъ какъ-то подернулся, потупился, и его голосъ, когда онъ спросилъ позволенія налить себѣ рюмку, сталъ глуше.

— Дозволите?

— Угощайся!

Онъ налилъ, осмотрѣлъ рюмку на свѣтъ, какъ будто ища тамъ отвѣта на мучительный вопросъ, выпилъ ее залпомъ и сказалъ:

— За любовь-съ.

Михайло Ивановичъ разинулъ ротъ отъ удивленія. Я долженъ сказать, что заявленіе г-на Кругликова, высказанное съ такою краткою рѣшительностью, было такъ неожиданно, что заставило и меня взглянуть на него съ удивленіемъ. Кругликовъ, казалось, и самъ понималъ, что своими словами произвелъ значительную сенсацію.

— Да говори ты, братецъ, толкомъ! — сказалъ, наконецъ, Михайло Ивановичъ съ досадой.

— Что жъ, я правду говорю, — отвѣтилъ Кругликовъ, — такъ какъ, собственно изъ любви къ одной дѣвицѣ, въ начальника своего, статскаго совѣтника Латкина, дважды изъ пистолета палилъ.

Это было уже слишкомъ.

Михайло Ивановичъ окаменѣлъ и смотрѣлъ на своего собесѣдника какими-то безсмысленными, мутными глазами. Онъ походилъ на путника, который, пробесѣдовавъ часа два съ самымъ любезнымъ, хотя и случайно встрѣченнымъ попутчикомъ, и совершенно очарованный его прекрасными качествами, вдругъ узнаетъ, что передъ нимъ не кто другой, какъ celebrissime Ринальдо-Ринальдини.

— Изъ пистолета?—протянулъ онъ растерянно.—Какъ же это такъ? Да ты вѣрно ли говоришь: изъ пистолета?

— Такъ точно-съ. Пистолетъ настоящій.

— Палилъ?

— Два раза.

— Да, вѣдь, это, братецъ ты мой, такое дѣло, такое... самое, сказать тебѣ, политическое...

— Что тутъ подѣлаете! Судите меня, какъ знаете... Любовь-съ.

— Да вы разскажите, Василій Спиридоновичъ, какъ эта вся исторія вышла...—обратился я къ г-ну Кругликову.

— Да,—поддержалъ мою просьбу и Копыленковъ,—что жъ,

братецъ, разскажи, разскажи—ничего! Что ужъ тутъ... Удивительно!

VII.

Г-нъ Кругликовъ отхлебнулъ послѣдній глотокъ чаю, опрокинулъ стаканъ, положилъ на донышко кусокъ сахару и отодвинулъ все это отъ себя. Послѣ этихъ приготовленій налилъ себѣ рюмку и опять посмотрѣлъ на свѣтъ. Я сожалѣлъ въ эту минуту, что я не живописецъ и не могу изобразить сложныхъ ощущеній, совмѣстившихся на оригинальномъ лицѣ атъ-даванскаго станціоннаго писаря, освѣщенномъ оплывшими сальными свѣчами. Круглый обликъ, пепельные, аккуратно причесанные волосы съ чѣмъ-то вродѣ кока впереди, подстриженныя котлетками бакенбарды и бритый подбородокъ. Въ сѣрыхъ глазахъ, внимательно глядѣвшихъ рюмку на свѣтъ, можно было бы прочесть и предвкушаемое удовольствіе, и тщеславную гордость заинтересовавшаго слушателей разсказчика, и искреннюю горечь разбитой жизни и жгучихъ воспоминаній. Онъ запрокинулъ голову, выцѣдилъ рюмку коньяку, поставилъ ее на столъ, обтеръ губы истрепаннымъ фуляровымъ платкомъ и обратился къ разсказу:

— Моя біографія жизни, почтенные господа, очень печальная... Чувствительный человѣкъ можетъ окончательно все понимать, а другіе смѣются-съ... Впрочемъ, это все равно-съ...

Онъ горько улыбнулся, все еще нѣсколько рисуясь, и затѣмъ спросилъ:

— Не случалось ли кому изъ васъ, почтенные господа, бывать въ Кронштадтѣ?

— Это гдѣ?—спросилъ Копыленковъ.

— Вблизи Петербурга, часа два пароходной ѣзды-съ, портовый городъ.

— Я бывалъ,—сорвалось у меня.

— Бывали-съ? Въ самомъ Кронштадтѣ-съ?

Кругликовъ живо повернулся ко мнѣ, и глаза его сверкнули оживленіемъ.

— Да, бывалъ, и даже жилъ нѣсколько мѣсяцевъ.

— Великолѣпный городъ! Портъ, крѣпость, твердыня-съ, оплотъ, окно въ Европу-съ... Превосходный городъ, уголокъ Санктъ-Петербурга!

— Да, городъ хорошій.

— Ахъ, какъ можно, какъ можно! Этакого другого города... да гдѣ вы найдете? Помилуйте. А правда ли-съ, что теперь, говорилъ мнѣ какъ-то проѣзжій офицеръ, на Екатерининской улицѣ чугунная мостовая положена?

— Вѣрно.

— Красота, должно быть!.. А пристани-съ, Купеческая стѣнка, фортъ Павелъ, фортъ Константинъ...

Онъ увлекался. Моя мысль тоже какъ-то мгновенно перенеслась съ угрюмой Лены въ Кронштадтъ, гдѣ я провелъ нѣсколько радостныхъ мѣсяцевъ еще студентомъ... Меня, какъ и Кругликова, охватили воспоминанія: плескала морская волна, сливающаяся съ невскою, свистѣлъ пароходъ, длинная дамба гудѣла подъ копытами извозчичьихъ лошадей, везущихъ публику съ только что приставшаго парохода, сновали катера, баркасы, дымились пароходы... Бѣлые ялики съ стройно взмахивающими веслами, грузные броненосцы, шпицъ нѣмецкой кирки, улицы, перерѣзанныя каналами доковъ, гдѣ среди зданій, точно киты, невѣдомо какъ попавшіе въ средину города, стоятъ огромныя морскія громады съ толстыми мачтами, каменные дома, бульвары, казармы, блескъ и роскошь уголка столицы... И опять—лѣсъ мачтъ въ синемъ небѣ, Купеческая гавань, отлогая коса и шумъ морского прибоя... Синяя даль, сверкающіе гребни волнъ и грузные форты, выступившіе далеко въ море... Облака, чайки съ бѣлыми крыльями, легкій катеръ съ сильно наклонившимся парусомъ, тяжелая чухонская лайба, со скрипомъ и стономъ рѣжущая волну, и дымокъ парохода тамъ, далеко, изъ-за Толбухина маяка, уходящаго въ синюю западную даль... въ Европу!..

Иллюзію нарушилъ, во-первыхъ, новый выстрѣлъ замерзшей рѣки. Должно быть, морозъ принимался къ ночи не на шутку. Звукъ былъ такъ силенъ, что ясно слышался сквозь стѣны станціонной избушки, хотя и смягченный. Казалось, будто какая-то чудовищная птица летитъ со страшною быстротой надъ рѣкою и стонетъ... Стонъ приближается, растетъ, проносится мимо и съ слабѣющими взмахами гигантскихъ крыльевъ замираетъ вдали.

Копыленковъ нервно вздрогнулъ и затѣмъ, какъ это часто бываетъ послѣ испуга, съ досадой накинулся на Кругликова:

— Ну, такъ что же,—сказалъ онъ нетерпѣливо, — родомъ ты, что ли, изъ этого самаго городу? Началъ, такъ ужъ говори толкомъ, не мямли!

— Да-съ, родомъ,—отрѣзалъ Кругликовъ съ гордостью.— На Сайдашной улицѣ и свѣтъ увидалъ. Сайдашную изволите знать? У отца моего въ этой улицѣ собственный домъ находился, можетъ, стоитъ еще и понынѣ. А родитель мой, надо сказать, хотя и изъ ластовыхъ былъ, но мѣсто имѣлъ доходное и, понятное дѣло, сыну тоже далъ порядочнаго ходу. Образованіемъ не очень увлекался, ограничиваясь начатками

грамоты и почеркомъ, но, какъ и самъ я былъ молодой человѣкъ аккуратный, по службѣ исполнителенъ и у начальства нѣсколько на виду по причинѣ родителя, то и стоялъ я, могу сказать, на лучшей линіи... Да-съ, по началу судьбы моей не того можно было ожидать, чѣмъ я нынѣ постигнутъ. Ясное утро и печальный закатъ-съ...

— Не ропщи!—наставительно произнесъ Копыленковъ.

— Ну-съ, и такъ... сказалъ я вамъ, милостивые мои государи, что у родителя былъ собственный домъ на Сайдашной улицѣ. А въ этой же улицѣ, насупротивъ, нѣсколько этакъ наискосокъ, проживалъ товарищъ моего отца, тоже изъ ластовыхъ, и, по выслугѣ, занималъ мѣсто и еще того доходнѣе...

— А какое?—не вытерпѣлъ Михайло Ивановичъ.

— Въ порту, гдѣ происходятъ ремонтъ и постройка морского флота судовъ. Оклады тогда шли не очень, чтобы сказать, большіе, но сторонній доходъ по тому времени выпадалъ обильно,—просто было! Можете судить по тому, что съ должности рѣдкій день уходили не обмотавшись...

— То-есть это что же, насчетъ чего?.. — недоумѣвающе спросилъ Копыленковъ, для котораго, какъ знатока по части самыхъ разнообразныхъ доходовъ, эта форма оказалась непонятной.

— Это, видите, въ чемъ состоитъ. Судно морского флота не то, что ваши паузки. Наружность само собой, крѣпленіе тамъ, ванты, рангоутъ и прочее, но еще внутренняя отдѣлка требуетъ матеріалу дорогого и тонкаго. Великолѣпіе, блескъ и даже, можно сказать, комфортъ... Ну-съ, такъ вотъ, въ матеріальныхъ складахъ матерій этихъ, ліонскаго бархату, англицкихъ разныхъ шелковъ... горы... Теперь представьте: надо ему уходить съ должности домой; снимаетъ онъ сюртукъ, беретъ кусокъ шелковой матеріи, обернетъ вокругъ корпуса, опять одѣвается, уходитъ. Пришелъ домой, размотаетъ его жена, какъ катушку какую,—вотъ и пріобрѣлъ!

— Важная штука!.. Только какъ же ихъ тамъ не щупаютъ, на выходѣ-то?

— Какъ можно! Рабочихъ, конечно, обыскиваютъ у воротъ, а съ господами и обращеніе другое, на довѣрчивомъ началѣ.

— Ничего, можно дѣла дѣлать... Только надо умному быть. Ежели на жаднаго человѣка, который не знаетъ мѣры,—живо пропасть можно. Все-таки, вѣдь, казна!

— Будьте добры, продолжайте,—въ свою очередь перебилъ я, видя, что теперь увлекается ужъ Копыленковъ.

— Да-съ, конечно, дѣло не въ этомъ. А что просто было,— это вѣрно. Просто, просто, а только что просвѣщенія было въ нашемъ кругу мало, а дикости много... Изъ-за этого я и крестъ теперь несу. Видите ли, была у этого папашина товарища дочка, на два года меня моложе, по восемнадцатому году, красавица! И умна... Отецъ въ ней души не чаялъ, и даже ходилъ къ ней студентъ—обученіемъ занимался. Сама напросилась, — ну, а отецъ любимому дѣтищу не перечилъ. Подвернулся студентъ, человѣкъ умный, ученый, и цѣну взялъ не дорогую,—учи!

— Напрасно,—сказалъ вскользь Копыленковъ.—Баловство! Женскому полу это никчему...

— Ну-съ, а я былъ той дѣвицѣ, Раисѣ Павловнѣ, нареченный женихъ. Родители наши пріятели были, мы почти-что и выросли вмѣстѣ, и задумали отцы между собою такъ, чтобы непремѣнно меня на ней женить. И мы, съ своей стороны, имѣли другъ къ другу чувствительное расположеніе. Сначала-то, знаете, дружба, играемъ, бывало, вмѣстѣ, а потомъ ужъ и серьезно. Отъ родителей препятствія не видѣли и имѣли постоянно другъ съ дружкой обращеніе.

— Грѣхъ вышелъ?—забѣжалъ впередъ Михайло Ивановичъ.

— Никакого грѣха!—отрѣзалъ Кругликовъ холодно.—И въ мысляхъ не было,—оба младенцы чистые. Рая до чтенія была охотница, такъ вотъ въ этомъ больше и время проводили. Сначала Гуаки тамъ, рыцари разные, Францыль Венецыянъ,— чувствительныя исторіи!.. Пустяки, конечно, а нравилось: маркграфиня, напримѣръ, бранденбургская, принцесса баварская, и при всемъ этомъ свирѣпый сераскиръ... Все такое-этакое... Возвышенныя персоны-съ и все насчетъ любви и вѣрности упражняются и претерпѣваютъ приключенія... Конечно, головы молодыя! У меня все-таки служба, а она управится по домашности, какъ минута свободная — сейчасъ въ комнатѣ своей съ ногами на диванчикъ, въ платочекъ завернется и читаетъ. Подъ вечеръ—я съ должности вернусь— гулять идемъ, подъ ручку-съ. Въ Кронштадтѣ, извѣстно, какое гулянье: на крѣпостной валъ, на Купеческую стѣнку, бывало, сходимъ, на море смотримъ... Она мнѣ и разсказываетъ, что за день-то прочитала. Говоритъ, говоритъ, потомъ и задумается.

„— Вотъ, Васенька, говоритъ, какіе на свѣтѣ бывали любовники... Вотъ бы и намъ съ тобой этакъ же. Можешь ли ты въ испытаніи, напримѣръ, вѣрность сохранить?.. Вдругъ бы ко мнѣ какой-нибудь свирѣпый сераскиръ присватался?..

„Ну, я, конечно, съ своей стороны:

„— Могу-то я могу, да только, вѣдь, намъ, говорю, не къ чему, если насъ хоть завтра по родительскому приказу въ соборѣ обвѣнчаютъ...

„Смѣюсь, конечно, потому что каждый день въ канцелярію хожу, такъ и то обращеніе въ свѣтѣ имѣю, а она—дите...

„— Видишь, говоритъ, вонъ у маяка парусокъ бѣжитъ?

„— Вижу, бригъ изъ-за границы идетъ.

„— А что, говоритъ, можетъ, на этомъ кораблѣ пиратъ ѣдетъ: кинется вдругъ, городъ спалитъ, тебѣ копьемъ грудь пронзитъ, меня въ плѣнъ...

„Задрожитъ сама, испугается, жмется ко мнѣ. Ну, я ее опять успокою:

„— Что ты, Богъ съ тобой! Это бригъ идетъ голландскій или тамъ аглицкой, съ хлопкомъ. Мало ли ихъ, эгличей этихъ, и сейчасъ по улицамъ ходитъ. Конечно, буянятъ иной разъ, такъ, вѣдь, и въ участокъ не долго.

„— Да,—говоритъ и Рая,—наша жизнь есть совсѣмъ другая... Вотъ и студентъ, Дмитрій Орестовичъ, тоже все смѣется. А мнѣ, говоритъ, что-то скучно... И вздохнетъ.

„Ну, подошло время уже и о свадьбѣ думать. Начали отцы о приданомъ поговаривать. Вотъ разъ мой отецъ и говоритъ: „женить—такъ женить, нечего откладывать! Я, говоритъ, своему даю шесть тысячъ, ты сколько?“

„— И я,—Раинъ родитель отвѣчаетъ,—столько же, вмѣстѣ составится двѣнадцать,—куда имъ больше?

„— Нѣтъ,—мой опять говоритъ,—не такъ! Самъ подумай: мой Вася можетъ время отъ времени въ чины взойти, а твоя дочь какая есть, такая и останется, только что старѣть будетъ. Тебѣ бы по-настоящему и десять тысячъ дать не обидно...

„Слово за слово, — заспорили. Тотъ человѣкъ горячій, а ужъ моего-то родителя будто муха укусила: укрѣпился на своемъ и только. Гвоздитъ одно, не спускаетъ ни копѣйки. Ну, тотъ, разумѣется, осердился...

„— Когда такъ, говоритъ, когда ты своего щенка надъ моей Раичкой на цѣлыхъ четыре тысячи превознесъ, такъ не надо ничего! За генерала дочку отдамъ, не твоему пащенку чета!“

— Нашла, значитъ, коса на камень, — засмѣялся Копыленковъ,

Кругликовъ взглянулъ на него съ какимъ-то удивленіемъ, какъ будто не разслышалъ, и продолжалъ:

— Охъ-хо-хо! Такъ-то вотъ изъ пустяковъ началось. Надо же вамъ сказать, что начальникъ нашъ, дѣйствительно, на Раю началъ умильнымъ окомъ поглядывать. Онъ хотя,

скажемъ, не полный генералъ былъ, да мы-то, въ правленіи, всегда его вашимъ превосходительствомъ звали. Самъ приказалъ: „Для чужихъ я, говоритъ, можетъ, и меньше полковника, а своимъ подчиненнымъ я богъ и царь!“

— А что ты думаешь?.. И вѣрно!—опять вставилъ Копыленковъ.—До Бога высоко, до царя далеко, а онъ тебя тутъ завсегда ухватитъ... Это онъ правильно!

— Въ лѣтахъ онъ былъ преклонныхъ, бездѣтный вдовецъ, и замѣтьте, сколько ни сваталъ изъ равныхъ себѣ, — никто за него не отдавалъ: наружности былъ самой скаредной... Ну, и пала ему на глазъ моя Раечка. Разумѣется, она и не знала, тѣмъ болѣе, что я ужъ считался женихомъ. Изъ себя—дѣло прошлое—былъ хорошъ, росту хоть небольшого, да лицомъ пріятенъ, усики тамъ, волосы всегда напомажены и щегольнуть любилъ... Да и отецъ-то ея сначала все-таки жалѣлъ единственную дочку. А тутъ какъ забрало его за живое, всталъ на дыбы, захрапѣлъ и сейчасъ мнѣ отъ дому отказъ, какъ шестъ, а генералу надежду подалъ... О-охъ! И стала у насъ въ Сайдашной улицѣ генеральская карета прокатываться...

Глаза Кругликова стали влажны, искра изъ-подъ пепла пробилась яснѣе. Къ сожалѣнію, онъ тотчасъ же залилъ ее новою рюмкой водки. Рука, подносившая рюмку, сильно дрожала, водка плескалась и капала на пикейную жилетку.

— А тамъ и чаще! Пѣшкомъ ужъ сталъ захаживать и подарки носить. А ужъ я-то на порогъ сунуться не смѣю: вдругъ я туда, а генералъ тамъ сидитъ... Убиваюсь... Вотъ однажды иду съ должности мимо одного дома, гдѣ студентъ этотъ, учитель, квартировалъ, — жилъ онъ во флигелечкѣ, книгу сочинялъ, да чучелы дѣлалъ. Только, гляжу, сидитъ на крылечкѣ, трубочку сосетъ. И теперь, сказываютъ, въ чинахъ уже большихъ по своей части, а все трубки этой изо рта не выпускаетъ... Странный, конечно, народъ—ученые люди...

Кругликовъ улыбнулся тихою улыбкой, всталъ, пошарилъ въ какой-то шкатулкѣ въ своей темной клѣтушкѣ и вынесъ старую книгу.

— Вотъ,—сказалъ онъ,—посмотрите...

Я взглянулъ и на меня пахнуло давно прошедшимъ. Книга была изданія 60-хъ годовъ, полу-спеціальнаго содержанія по естествознанію. Она цѣликомъ принадлежала тому общественному настроенію, когда молодое у насъ изученіе природы гордо выступало на завоеваніе міра. Міръ остался незавоеваннымъ, но изъ-подъ схлынувшей свѣжей волны взошло все-таки много побѣговъ. Между прочимъ, движеніе это дало

намъ не мало славныхъ именъ. Одно изъ этихъ именъ, — хотя, быть можетъ, и не изъ первыхъ рядовъ, — стояло на обложкѣ книги.

— Они-съ, Дмитрій Орестовичъ, сочинили, — сказалъ Кругликовъ, тщательно завертывая книгу въ какой-то почтовый бланкъ. Очевидно онъ хранилъ ее съ гордостью, какъ одно изъ своихъ самыхъ лестныхъ воспоминаній о невозвратномъ прошломъ.

„Да, такъ иду мимо него, слышу, окликаетъ: „Эй, вы, господинъ Венецыянъ, подите-ка сюда!“

„Подошелъ я: вижу, что меня зоветъ... Шутникъ былъ.

„— Что вамъ угодно-съ?

„— Что вы это, говоритъ, маркграфиню-то бранденбургскую совсѣмъ, что ли, бросили? Вѣдь, убивается.

„Посмотрѣлъ на меня этакъ съ головы до ногъ...—И то, говоритъ, какъ объ этакомъ храбромъ рыцарѣ не убиваться...

„Вижу я, что это насмѣшка, а все-таки человѣкъ онъ былъ души добрѣйшей. Рая тоже сначала очень его боялась, потому что все больше смѣшкомъ да срывомъ, а послѣ очень хвалила. Я не обижаюсь и говорю ему:

„— Что мнѣ дѣлать, Дмитрій Орестовичъ, научите!

„— А вы, говоритъ, не знаете?

„— То-то, не знаю.

„— Ну, такъ и я тоже не знаю... А все-таки долженъ вамъ передать, что Раиса Павловна ждетъ васъ сегодня въ сумерки у себя. Отца не будетъ, свирѣпый сераскиръ тоже въ Тамбовъ уѣхалъ. Прощайте!

„— Посовѣтуйте, Дмитрій Орестовичъ, какъ мнѣ быть!

„— Ну, нѣтъ, говоритъ, я вамъ въ этомъ дѣлѣ не совѣтчикъ. Я вотъ совѣтовалъ Раисѣ Павловнѣ, чтобъ она бросила за окно всѣхъ сераскировъ, да и Венецыяна одного кстати туда же... Не слушаетъ; а вамъ что и совѣтовать...“

„Грустно мнѣ тогда, признаться, сдѣлалось. „Что, думаю, ему въ самомъ-то дѣлѣ надо мною смѣяться? Чѣмъ же я хуже другихъ-прочихъ жениховъ, только что вотъ несчастливъ: невѣста моя начальнику приглянулась. Такъ опять это вина не моя“. Ну, потомъ вспомнилъ, что идти вечеромъ съ Раей повидаться, и повеселѣлъ.

„Въ сумерки пробрался къ ней... Кинулась мнѣ Раиса Павловна на шею и заплакала. Посмотрѣлъ я на нее, не узналъ. И та—и не та. Поблѣднѣла, осунулась, глаза большіе, смотритъ совсѣмъ по-иному. А красота... неописанная! Стукнуло у меня сердце-то. Не моя это Раинька, другая дѣвица какая-то. А обнимаетъ: „Вася, говоритъ, ми...лый, же... ланный, говоритъ, пришелъ, говоритъ, не за...былъ, не... бр...“

Внезапно приливъ слезъ подступилъ къ глазамъ Кругликова, горло его сжалось спазмами. Онъ всталъ, отошелъ къ стѣнѣ и простоялъ нѣсколько времени лицомъ къ какому-то почтовому объявленію.

Взглянувъ на Михаила Ивановича, я съ великимъ изумленіемъ замѣтилъ, что и безъ того рыхлыя черты этого не особенно сантиментальнаго человѣка тоже какъ-то размякли, распустились, и глаза усиленно моргали.

— Что ужъ это, — произнесъ онъ растроганно, — до чего чувствительная, право, исторія!.. Ну-ка ты, бѣдняга, чебурахни стаканчикъ! Ничего, братъ, что дѣлать! Жизнь наша, брагецъ, юдоль...

Кругликовъ стыдливо подошелъ, налилъ, выпилъ и обтеръ лицо фуляромъ.

— Простите, господа почтенные,—не могу... Въ послѣдній разъ я тогда Раичку свою обнималъ. Съ этихъ поръ уже она для меня Раиса Павловна стала, рукой не достать... воспоминаніе и святыня-съ... Недостоинъ...

— Ну, ну,—защищался Копыленковъ отъ новаго припадка чувствительности,—ты ужъ, братецъ, какъ-нибудь того, какъ-нибудь досказывай дальше. Что уже тутъ...

— Ну, просидѣли мы вечеръ этотъ, Раиса Павловна повеселѣла маленько.

„— Полно, говоритъ, кого это мы, въ самомъ дѣлѣ, хоронимъ. Ничего! укрѣпляйся, Васенька! Видно и наше время настало. Помнишь ли, говоритъ, нашъ разговоръ на валу? Вотъ оно по-моему и вышло; свирѣпый-то сераскиръ—вѣдь это, говоритъ, самъ Латкинъ и есть.

„И засмѣялась, а за нею я... Часто это у насъ бывало; она, какъ солнышко изъ-за тучи, просвѣтлѣетъ,—ну, и я на нее глядя...

„— Смотри, говоритъ, Васенька, укрѣпись; покажемъ, какая можетъ быть наша любовь; ты только не сдавайся, а ужъ я-то не сдамся. Погоди, какую я вещь намедни купила...

„Вынимаетъ изъ комода пистолетикъ. Такъ, небольшая штучка, — ну, да, вѣдь, все-таки оружіе огнестрѣльное, не шутка. У меня даже въ пятки вступило... Вотъ подъ конецъ вечера я эту штучку-то у нея изъ стола взялъ, да тихонечко въ пальто, въ карманъ боковой, и спряталъ... Спряталъ, да такъ и забылъ, да и она-то не хватилась... Самъ на слѣдующій день иду къ родителю. Сидѣлъ онъ у себя, чертежи дѣлалъ, судно они новое строили... Увидѣлъ меня, повернулся, въ глаза не смотритъ... Э-эхъ! чуялъ, вѣдь, что сына губитъ изъ-за гордости своей... Да, видно, судьба!..

„— Что, говоритъ, надо?—Я въ ноги. Куда тутъ! и слушать не хочетъ. Всталъ я тогда и говорю:

„— Ну, когда такъ, то я нахожусь въ совершенныхъ моихъ лѣтахъ. Женюсь безъ приданаго.

„А родитель у меня, надо замѣтить, хладнокровенъ былъ. Шею имѣлъ покойникъ короткую, и доктора сказали, что можетъ ему отъ волненія крови произойти внезапная кончина. Поэтому кричать тамъ или ругаться шибко не любили. Только, бывало, лицо нальется, а голосъ и не дрогнетъ.

„— Вотъ, говоритъ, что: дуракъ ты, Васька, право, дуракъ! Говоришь, а не сдѣлаешь... А я скажу, такъ ужъ будетъ по-моему. Помни это: при твоихъ совершенныхъ лѣтахъ я тебя отдеру, какъ сидорову козу...

„— Не можетъ быть, говорю,—я чиновникъ.

„— Не вѣришь? Ладно.

„Отворилъ окно, поманилъ пальцемъ... Жили у насъ во дворѣ, во флигелечкѣ, два брата—бомбардиры отставные, здоровенные, подлецы, усищи у каждаго по аршину, морды красныя... Сапожничали: гдѣ починить, гдѣ подметку подкинуть, гдѣ и новую пару сшить, а болѣе насчетъ пьянства. Вошли въ комнату, стали у косяковъ, только усами водятъ, какъ тараканы: не перепадетъ ли? Отецъ подноситъ по рюмочкѣ.

„— Вотъ, говоритъ, вамъ, господа бомбардиры, шнапсу на первый разъ. Посмотрите вотъ на этого молодца хорошенько. Можете ли вы его моей родительскою рукой высѣчь?..

„Посмотрѣлъ тутъ младшій бомбардиръ на старшаго, а тотъ отвѣчаетъ:

„— Родительской рукой завсегда можно,—законъ дозволяетъ,

„— Ну, имѣйте въ виду на будущее время. Какъ сигналъ выкину,—сейчасъ вы, говоритъ, его на буксиръ, клади въ дрейфъ, грузи съ кормовой части!.. Ну, ступайте всѣ трое!

„Прихожу послѣ того на службу, а тамъ говорятъ: начальникъ звалъ. Вхожу. Сидитъ на креслѣ одинъ въ кабинетѣ, искоса на меня смотритъ, пальцами по столу этакъ барабанитъ, молчитъ. Потомъ повернулся, поманилъ къ себѣ ближе, опять на меня смотритъ.

„— Вы, говоритъ, что это... мечтаете?

„— Помилуйте, отвѣчаю, ваше превосходительство, кажется, со всѣмъ усердіемъ служу и ничуть не мечтаю. Смѣю ли я?..

„— Нѣтъ, говоритъ, я не превосходительство вовсе... Не стѣсняйтесь, молодой человѣкъ. Нынче это, говоритъ, въ модѣ-съ. Такія времена, что начальство ниночемъ! Вы, кажется, имѣете намѣреніе жениться?

„— Это, говорю, ваше превосходительство, въ моемъ возрастѣ и при томъ съ дозволенія начальства дѣло законное.

„— Такъ, такъ... А кого имѣете въ виду?

„Замялся я. Погрозилъ онъ пальцемъ и говоритъ:

„— Вотъ видишь, Кругликовъ, совѣсть у тебя противъ начальства не чиста,—небось, замялся... Ну, брось, забудь объ этой дѣвицѣ думать, отринь, говоритъ, всякое помышленіе,— получше тебя женихъ найдется. Ступай!“

„Вышелъ я изъ кабинета, слезы у меня такъ и текутъ. Въ канцеляріи и то удивляются. Должно быть, говорятъ, вѣдомости перепуталъ. А ужъ какія тутъ вѣдомости,—свѣтъ мнѣ не милъ: тутъ—начальникъ, домой придешь—бомбардиры выбѣгаютъ изъ флигеля, на окно къ отцу смотрятъ, нѣтъ ли сигналу... Просто некуда стало податься, и что мнѣ дѣлать, не знаю, потому что выходу себѣ не вижу. Извожусь... Отецъ ужъ самъ сталъ замѣчать и бомбардирамъ запретилъ меня тревожить. Выскочили они разъ за сигналомъ, такъ я весь задрожалъ, рухнулся о земь, изо рта пѣна пошла. Ну, отецъ видитъ, что испортилъ меня тиранствомъ, велѣлъ оставить, подумывать сталъ, сдѣлался осторожнѣе. А гордость-то все-таки осталась... Царствіе небесное! Пока живъ былъ, не оставлялъ меня. Писалъ три раза въ годъ и деньги сюда посылалъ. Передъ смертію письмо прислалъ: „Простишь ли, сынъ мой, что я тебя несчастнымъ сдѣлалъ?...“ Богъ проститъ, конечно. Меня-то вотъ... меня-то никто не простилъ...“

— Ну?—прервалъ опять Копыленковъ тяжелое, хотя и не долгое молчаніе, и Кругликовъ продолжалъ разсказъ:

— Врагъ-то мой видитъ, что я ослабъ, тутъ и вздумалъ насѣсть. Черезъ недѣлю этакъ, или маленько поболѣе, зовутъ меня къ начальнику. Встрѣчаетъ серьезно.

„— Одѣвайся! Помни, говоритъ, Кругликовъ, что мнѣ нужны подчиненные, которые бы со всею преданностію... А кто, говоритъ, не преданъ, такіе терпимы быть не могутъ...“

— Понятное дѣло!—одобрилъ эту сентенцію Копыленковъ. Кругликовъ опять пропустилъ это замѣчаніе мимо ушей и продолжалъ:

— Ну, сѣли мы... сѣли-съ и поѣхали... А куда именно поѣхали, такъ этого я, милостивые мои господа, и подумать не могъ... Въ Сайдашную улицу, къ Раисѣ Павловнѣ...

— Зачѣмъ?—невольно вырвалось у меня.

Кругликовъ посмотрѣлъ на меня съ выраженіемъ, въ которомъ смѣшивалась старая печаль и тщеславіе.

— Сватомъ-съ,—отвѣтилъ онъ не безъ гордости.

— Богъ знаетъ, что вы это разсказываете намъ, Василій Спиридоновичъ!

— Нѣтъ, не Богъ знаетъ, что-съ, а истинную правду... Потому что, видите ли-съ... Раиса Павловна пожелала. „Если же, говоритъ, вы можете такъ утверждать, что онъ отъ меня отступился, то присылайте его сватомъ...“

— Ну, и дѣвка же... Ахъ, бѣдовая!—не выдержалъ опять Копыленковъ.

— И вы пошли?—спросилъ я съ невольной укоризной.

— Да, вѣдь, повезъ...—застѣнчиво отвѣтилъ разсказчикъ и затѣмъ съ внезапною рѣзкостью повернулся къ Копыленкову:

— А вы, милостивый государь, не можете ничего понимать! Замѣчанія дѣлаете, а понятія чувствъ не имѣете-съ.

— Очень нужно еще и понимать-то тебя,—отразилъ неожиданную атаку озадаченный купецъ.

— Ну, и м-м-малчи-те-съ,—отрѣзалъ Кругликовъ какимъ-то скрипучимъ голосомъ и опять повернулся ко мнѣ.

„Да, милостивый государь... Какъ изволите справедливо говорить-съ, я и поѣхалъ... По-ѣ-халъ-съ... Послѣ тоже везли меня, для объявленія приговора... называется публичная казнь, на площади-съ... А было мнѣ все-таки легче. Вѣрьте мнѣ, легче было... А все-таки поѣхалъ-съ. Люди видѣли, какъ мы оба въ Сайдашной улицѣ выходили изъ кареты. Генералъ были сумрачны, а ужъ на мнѣ-то и лица не было... Да!.. И все-таки поѣхалъ-съ, милостивый государь! Судите объ этомъ, какъ ваше понятіе дозволяетъ, а поѣхалъ-съ... Что дѣлать!.. Только входимъ мы въ переднюю, а навстрѣчу какъ разъ Дмитрій Орестовичъ, студентъ. Увидѣлъ насъ, остановился, поглядѣлъ на меня и говоритъ: „Ну, такъ и зналъ. Хорошъ, нечего сказать, принцъ венеціанскій... И свирѣпый сераскиръ тутъ же“,—это про генерала“.

Кругликовъ вздохнулъ и улыбнулся.

— Рѣзкій человѣкъ былъ, безстрашной породы. Генералъ такъ даже позеленѣлъ и говоритъ ему: „Я вамъ, молодой человѣкъ, не сераскиръ! Не сераскиръ-съ, а государя моего статскій совѣтникъ! Прошу не забывать-съ“... Дмитрій Орестовичъ повели этакъ плечомъ и говорятъ: „Ну, тамъ какой бы ни было, а что напрасно безпокоитесь, это вѣрно“. И вышелъ, а генералъ повернулся ко мнѣ:—„Помни, говоритъ, ты это: никогда я тебѣ этого не забуду, ни-ког-да-съ“... Вотъ, милостивые господа, какова правда на свѣтѣ... Студентъ нагрубилъ, а Кругликовъ отвѣчай!..

„Однако, между тѣмъ, прошли мы гостиную, входимъ къ Раисѣ Павловнѣ... Сидитъ моя Рая, генеральская невѣста,

глаза наплаканные, большіе, прямо такъ на меня и уставилась... Опустилъ я глаза...„Неужто, думаю, это она, моя Раинька? Нѣтъ, не она, или вотъ на горѣ стоитъ, на какой-нибудь высочайшей“... Ну, сталъ я у порога, а генералъ къ ручкѣ подошелъ. „Вотъ, говоритъ, вы, королевна моя, сомнѣвались, а онъ и пріѣхалъ!..“

„Приподнялась она, оперлась руками на столикъ, глядитъ на меня, будто узнать не можетъ. Генералъ тоже повернулся, смотрятъ оба, а я... стою въ Раиной комнатѣ... у порога-съ.— „Васенька“... хотѣла видно сказать что-то, потомъ откинулась на кушетку и засмѣялась...

„— А что, говоритъ, можете вы его въ лакеи къ себѣ опредѣлить? — Генералъ и обрадовался:—„Могу, говоритъ, если вы, моя королевна, пожелаете...“

„— Что жъ, говоритъ, возьмите, только жалованьемъ, говоритъ, не обижайте...“

У г-на Кругликова что-то вдругъ сдавило горло. Онъ опустилъ голову, скрывая отъ насъ лицо, и въ комнатѣ водворилось молчаніе. Даже Копыленковъ только глядѣлъ на писаря широко открытыми, какъ будто удивленными глазами, не смѣя нарушить тишину, наполненную тяжкимъ сознаніемъ глубокаго человѣческаго униженія...

Наконецъ, Кругликовъ перевелъ духъ и посмотрѣлъ на меня какимъ-то свинцовымъ, тусклымъ взглядомъ.

— Вотъ тутъ-то, — сказалъ онъ съ разстановкой,—вотъ въ эту самую минуту, въ меня, милостивый государь, и вступило. Точно я ото сна очнулся. Гляжу: комната знакомая, будто сейчасъ еще мы въ ней съ Раичкой вечеромъ сидѣли... На кушеткѣ сидитъ сама она, лицо закрыла, передъ ней генералъ сѣменитъ, а рядомъ столикъ открытый... И вспомнилось мнѣ вдругъ, какъ я оттуда пистолетикъ вынулъ... Да вѣдь онъ, думаю, и теперь въ пальто у меня, въ карманѣ лежитъ... Повернулся тихонечко, вышелъ въ переднюю. Пистолетикъ въ боковомъ карманѣ прикурнулъ, будто вотъ дожидается. Вынулъ я его и, помню, даже засмѣялся...

„Пошелъ опять назадъ, тороплюсь, какъ бы, думаю, генералъ-то лицомъ къ двери не повернулся... Повернись онъ, кажись, ничего бы этого не было. Да нѣтъ, Раиса Павловна плачутъ, лицо закрыли, генералъ руки отъ лица отымаетъ. Вошелъ я, Раиса Павловна отняла руку, взглянула да такъ и замерла. А я... ступилъ два шага... только бы, думаю, не повернулся... И разъ-разъ въ него... сзади...“

— Убилъ?—въ ужасѣ приподнялся Копыленковъ.

— Нѣтъ, не убилъ,—съ вздохомъ облегченія, какъ будто

весь разсказъ лежалъ на немъ тяжелымъ бременемъ, произнесъ Кругликовъ.—По великой ко мнѣ милости Господней, выстрѣлы-то оказались слабые и при томъ въ мягкія части-съ... Упалъ онъ, конечно, закричалъ, забарахтался, завизжалъ... Раиса къ нему кинулась, потомъ видитъ, что онъ живой, только раненъ, и отошла. Хотѣла ко мнѣ подойти... „Васенька, говоритъ, бѣдный... Что ты надѣлалъ?..“—потомъ отъ меня... кинулась въ кресло и заплакала.

„— Господи, говоритъ, сзади... подкрался... какая низость... Уйдите, говоритъ, оба, оставьте меня... И все пуще, да пуще и плачетъ, и смѣется... Истерика! А тутъ и люди сбѣжались. Ну, дальше-то извѣстно что: арестовали“.

— Ну, выпьемъ! — сказалъ Копыленковъ. — Все что ли? Очень ужъ страшно. Ахъ, братецъ ты мой! И отчаянные же вы, право, отчаянные!.. Какъ это вы можете только...

— Сужденъ старымъ судомъ, безъ снисхожденія. Можетъ быть, теперь бы... муку бы мою во вниманіе взяли, что я былъ человѣкъ измученный... А тогда всякая была вина виновата. Услали. Отецъ въ годъ постарѣлъ на десять лѣтъ, осунулся, здоровьемъ ослабъ, мѣста лишился, а я вотъ тутъ пропадаю.

— А Раиса Павловна?

Г. Кругликовъ всталъ, вошелъ въ свою каморку, снялъ со стѣны какой-то портретъ въ вычурной рамкѣ, сдѣланной съ очевидно-нарочитымъ стараніемъ какимъ-нибудь искуснымъ поселенцемъ, и принесъ его къ намъ. На портретѣ, значительно уже выцвѣтшемъ отъ времени, я увидѣлъ группу: красивая молодая женщина, мужчина съ рѣзкими, характерными чертами лица, съ умнымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ, въ очкахъ, и двое дѣтей.

— Неужели это?..

— Онѣ-съ, — сказалъ Кругликовъ почтительно. — Раиса Павловна. А это ихъ супругъ, Дмитрій Орестовичъ. Не забываютъ. Къ новому году жду письма-съ. И портретъ этотъ прислали по униженной моей просьбѣ, да и... деньгами когда... то же самое...

Онъ говорилъ почтительно, какъ будто это была не та Рая, съ которой онъ нѣкогда читалъ о королевнахъ Ренцывенахъ и Францыляхъ Венеціанскихъ. Только когда онъ указывалъ на старшую дѣвочку, тоненькую, свѣтловолосую, съ большими мечтательными глазами, то голосъ его опять слегка дрогнулъ.

— Похожа... двѣ капли воды Раиса Павловна дѣвочкой-съ.

Онъ быстро взялъ портретъ, къ которому потянулся было заинтересованный Копыленковъ, унесъ въ свою комнату и

долго стоялъ тамъ у стѣны, какъ прежде передъ почтовымъ объявленіемъ.

Вся фигура въ кургузомъ пиджачкѣ нервно вздрагивала...

VIII.

Послѣ этого никакіе уже разговоры не клеились. Сторожъ принесъ въ печку дровъ, въ ямщицкой юртѣ огромный камелекъ тоже весь заставили дровами, такъ какъ огонь разводится на всю ночь. Пламя разгорѣлось и трещало. Въ пріоткрытую дверь все еще виднѣлись у огня фигуры ямщиковъ, лежавшихъ вокругъ камелька на скамьяхъ.

Атъ-Даванъ успокоился на ночь.

Г. Кругликовъ отвелъ намъ сосѣднюю комнату, гдѣ Копыленковъ тотчасъ же заснулъ. Станціонная комната осталась незанятой.

— Для Арабина?—спросилъ я.

— Да,—какъ-то особенно угрюмо отвѣтилъ Кругликовъ. Женщина, прислуживавшая намъ, вѣроятно, давно спала; поэтому г. Кругликовъ хлопоталъ самъ: онъ накидалъ въ самоваръ мелкаго льду, бросилъ углей и поставилъ его, на случай, у камелька. Потомъ принялся убирать со стола, при чемъ не преминулъ, уставляя бутылки, выпить еще рюмку какого-то напитка. Онъ становился все болѣе мраченъ, но, казалось, сонъ совсѣмъ не имѣлъ надъ нимъ власти.

Наконецъ, на Атъ-Даванѣ все смолкло. Только по временамъ снаружи трещалъ морозъ, да въ потемнѣвшихъ комнатахъ, по которымъ пробѣгали теперь только трепетные красноватые отблески пламени, слышались глухіе шаги и шлепанье валенокъ, а порой тихо звенѣла рюмка и булькала наливаемая жидкость. Г. Кругликовъ, которому расшевелившіяся воспоминанія, повидимому, не давали заснуть, какъ-то тоскливо совался по станціи, вздыхалъ, молился или ворчалъ что-то про себя.

Я забылся. . . . . .

. . . . . .

Когда я очнулся, была все еще глухая ночь, но Атъ-Даванъ весь опять жилъ, сіялъ и двигался. Со двора несся звонъ, хлопали двери, бѣгали ямщики, фыркали и стучали копытами по скрипучему снѣгу быстро проводимыя подъ стѣнами лошади, тревожно звенѣли дуги съ колокольцами, и все это какимъ-то шумнымъ потокомъ стремилось со станціи къ рѣкѣ.

Въ сосѣдней комнатѣ г. Кругликовъ, не торопясь, зажигалъ свѣчи; сѣрная спичка сначала кинула синеватый, мертвенный свѣтъ, потомъ вдругъ загорѣлась и освѣтила комнату.

Г. Кругликовъ поднесъ ее къ свѣтильнѣ, зажегъ свѣчу и повернулся. Передъ нимъ невдалекѣ стояла новая фигура: человѣкъ въ оленьей дохѣ съ капюшономъ, запорошенный снѣгомъ. Изъ-подъ оленьяго мѣшка глядѣли два черные глаза, слегка скошенные, какъ у карыма, виднѣлось блѣдное лицо, тонкій носъ и длинные, черные, опущенные книзу усы. По этимъ чертамъ я узналъ Арабынъ-тойона, котораго съ такимъ тихимъ трепетомъ и смиреніемъ ждалъ Атъ-Даванъ уже нѣсколько дней. И, въ то же время, это былъ мой знакомый, казацкій хорунжій, незначительный и застѣнчивый въ Иркутскѣ.

Повидимому, первый выходъ обѣщалъ, что все сойдетъ благополучно. Арабинъ, очевидно, сильно усталъ, можетъ быть, отъ дороги, а, можетъ быть также—отъ роли грознаго Арабынъ-тойона... Казалось, онъ хочетъ просто отдохнуть, напиться чаю, прилечь... Теперь онъ стоялъ, слегка опустившись, съ соннымъ лицомъ, въ ожиданіи свѣта. Только по временамъ въ мутныхъ глазахъ загоралось нетерпѣніе... За то съ г. Кругликовымъ произошла рѣзкая перемѣна: онъ совсѣмъ не былъ похожъ на того маленькаго, невзрачнаго и смѣшного человѣчка, который еще вчера униженно просилъ пожалѣть его и не требовать лошадей. Теперь онъ былъ угрюмъ, серьезенъ и сдержанъ. Движенія его были неторопливы и полны какой-то рѣшимости. Онъ даже какъ будто выросъ. Повидимому, вчерашній разсказъ, большое количество водки, пары которой только проходили черезъ его голову, разгоряченную старыми растревоженными воспоминаніями, и ночь безъ сна,— все это не прошло для г. Кругликова даромъ.

— Чортъ возьми! — произнесъ Арабинъ нетерпѣливо. — Шевелись тамъ!

— Покорнѣйше прошу потише, здѣсь проѣзжающіе,—спокойно отвѣчалъ Кругликовъ.

Арабинъ снималъ свою шапку и, когда снялъ ее, то въ его черныхъ глазахъ сверкнуло что-то вродѣ изумленія. Однако, онъ все еще, повидимому, старался удержаться.

— Самоваръ! — буркнулъ онъ, кидая доху и садясь къ столу.

— Готовъ.

— Лошадей!

— Пожалуйте прогоны.

Голова Арабина, низко остриженная, съ тонкими, слегка торчащими по-монгольски ушами, повернулась тревожно и живо. Въ глазахъ сверкнуло уже что-то порѣзче простого удивленія. Онъ поднялся и произнесъ опять:

— Лошадей, живо!

— Прогоны пожалуйте,—съ какимъ-то вызывающимъ спокойствіемъ отрѣзалъ г. Кругликовъ.

Вблизи меня что-то зашевелилось. Проснувшійся Копыленковъ, полусидя на кровати, старался безъ шума натянуть какую-то принадлежность костюма съ такимъ видомъ, будто на станціи начинался пожаръ или непріятельское нашествіе. Его шея была вытянута, простодушно-хитрые глаза сверкали въ полутьмѣ отъ испуга и любопытства.

— Н-ну, что-то будетъ, — наклонясь вдругъ ко мнѣ, прошепталъ онъ, — бѣда!.. И отчаянный же этотъ Кругликовъ... Помни, братецъ ты мой, мы съ тобой ничего не видали, — въ свидѣтели еще попадешь...

Только теперь, послѣ этихъ словъ, я сообразилъ положеніе вещей... Спрашивать у г. Арабина, извѣстнаго и грознаго Арабынъ-тойона, прогоны, да еще такимъ рѣшительнымъ тономъ, да еще какъ условіе подачи лошадей, — это была со стороны смиреннаго, пріютившагося подъ дикими горами Атъ-Давана неслыханная дерзость. Арабинъ вскочилъ; сердито дернулъ къ себѣ сумку, выхватилъ какую-то бумагу и порывисто швырнулъ ее Кругликову. По всему было видно, что онъ, усталый и разбитый, хочетъ удержаться въ извѣстныхъ предѣлахъ, что ему теперь тяжела и непріятна роль грознаго Арабынъ-тойона, въ этотъ поздній часъ, на тепломъ и освѣщенномъ Атъ-Даванѣ. Но онъ не хотѣлъ также платить прогоны, тѣмъ болѣе, что эта тихая, смиренная Лена имѣетъ одну особенность: заплати г. Арабинъ на Атъ-Даванѣ—и его престижъ сразу падетъ, и уже всюду, на протяженіи трехъ тысячъ верстъ, ямщики отъ станка до станка разнесутъ извѣстіе, что улахàнъ Арабынъ-тойонъ сдался и платитъ... И всюду уже съ него неотступно потребуютъ тоже прогоновъ. Онъ, вѣроятно, надѣялся еще, что Кругликовъ забылъ, кто онъ такой, и бумага ему напомнитъ. Но вышло еще хуже.

Кругликовъ, все такъ же не торопясь, развернулъ бумагу, прочиталъ ее внимательно, долго переводилъ глаза отъ строки къ строкѣ и потомъ сказалъ:

— Здѣсь вотъ сказано: „на четверку лошадей за установленные прогоны“. А вы берете шестерку подъ двѣ повозки и не изволите платить прогоновъ. Незаконно-съ...

Голосъ его звучалъ тоже спокойно, но онъ какъ будто разнесся по всему Атъ-Давану. Шумъ, которымъ былъ полонъ станокъ, пріостановился, ямщики тѣснились съ робкимъ интересомъ къ дверямъ, ведущимъ изъ ямщицкой въ горницы. Копыленковъ притаилъ дыханіе.

Арабинъ встрепенулся, окинулъ станокъ вспыхнувшимъ

взглядомъ, выпрямился, стукнулъ кулакомъ по столу и по лицу его пробѣжало зловѣщее выраженіе.

— Молчать!—крикнулъ онъ.—Это что... бунтъ?

— Никакого бунту-съ, а по закону. По указу Его Императорскаго Величества. Что, въ самомъ дѣлѣ, до коихъ поръ...

Кругликовъ не успѣлъ окончить. Сильный ударъ свалилъ его съ ногъ... Арабинъ кинулся было къ лежащему...

Я вбѣжалъ въ ту комнату и остановился. Арабинъ стоялъ противъ меня, удивленный моимъ неожиданнымъ появленіемъ. Это, вѣроятно, спасло и Кругликова, и самого Арабина отъ дальнѣйшихъ послѣдствій его изступленія. Блѣдное лицо его подергивалось, въ глазахъ бѣгало что-то безпокойное и больное. Казалось, казацкій хорунжій, забывшій на Ленѣ о томъ, что онъ только казацкій хорунжій, и самъ уже отвыкъ представлять себя иначе, какъ Арабынъ-тойномъ, могучимъ и грознымъ, съ головой выше приленскихъ сопокъ. И вдругъ мое появленіе перенесло его въ Иркутскъ, въ низкую комнату, гдѣ голова хорунжаго далеко не достигала потолка и не поднималась выше десятковъ другихъ, самыхъ обыкновенныхъ головъ.

Однако, Атъ-Даванъ не замѣтилъ ни этой растерянности, ни этого душевнаго движенія. Онъ видѣлъ только ударъ, видѣлъ, что писарь лежалъ на полу. Двери изъ ямской захлопнулись, на дворѣ опять началась бѣготня. Изъ нашей комнаты слышался притворный храпъ Михаила Ивановича...

Очевидно, бунтъ въ Атъ-Даванѣ прекратился, и Арабынъ-тойонъ остался для Атъ-Давана тѣмъ же могучимъ и грознымъ, о которомъ недавно пѣла пѣсня.

Черезъ нѣсколько мгновеній Кругликовъ поднялся съ полу, и тотчасъ же мои глаза встрѣтились съ его глазами. Я невольно отвернулся. Во взглядѣ Кругликова было что-то до такой степени жалкое, что у меня сжалось сердце,—такъ смотрятъ только у насъ на Руси!.. Онъ всталъ, отошелъ къ стѣнѣ и, прислонясь плечомъ, закрылъ лицо руками. Фигура опять была вчерашняя, только еще болѣе убитая, приниженная и жалкая.

Женщина торопливо внесла самоваръ, искоса и съ жалостью кинувъ на хозяина быстрый взглядъ... Арабинъ, тяжело дыша, усѣлся за самоваръ.

— Я вамъ пок-кажу бунтовать!—ворчалъ онъ. Дальше разобрать было трудно. Слышно было, однако, какое-то упоминаніе о „свидѣтеляхъ“, которымъ г. Арабинъ совѣтовалъ отправиться ко всѣмъ чертямъ, о чести мундира и еще что-то въ томъ же родѣ.

IX.

Между тѣмъ, въ полутьмѣ нашей комнаты Михайло Ивановичъ Копыленковъ спѣшно заканчивалъ свой туалетъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ появился въ дверяхъ, одѣтый, застегиваясь, покашливая и стараясь изобразить на лицѣ привѣтливую улыбку.

Арабинъ взглянулъ на это неожиданное появленіе съ выраженіемъ сердитаго недоумѣнія. Повидимому, онъ не могъ понять сразу, что нужно этому улыбающемуся, подпрыгивающему на ходу и кланяющемуся незнакомцу, однако пріязненныя улыбки и поклоны озадачивали его и предупреждали вспышку не утихшей еще свирѣпости. Онъ подносилъ слегка дрожащею рукой блюдце съ горячимъ чаемъ и искоса недоброжелательно слѣдилъ за маневрами Копыленкова.

— Вамъ что надо? — вдругъ отчеканилъ онъ рѣзко, ставя блюдце на столъ.

Копыленковъ чуть-чуть дрогнулъ, но тотчасъ же опять принялъ прежнее выраженіе подловатой любезности.

— Собственно, ничего-съ. Почтеніе засвидѣтельствовать... Не изволили признать, видно... У Левъ Степановича, у горнаго исправника, если изволите вспомнить, имѣли разговоръ и даже-съ... дѣльце одно происходило...

— А-а!.. Ну, такъ,—произнесъ Арабинъ, опять принимаясь за чай.—Теперь помню.

— Именно-съ,—обрадовался Копыленковъ.—А могу побезпокоить вопросомъ, по какому порученію изволите?..

— Не ваше дѣло!

— Это справедливо,—смиренно согласился Михайло Ивановичъ.—Можетъ, касающее секрету...

Бѣдняга не могъ понять, что самое упоминаніе объ Иркутскѣ, о горномъ исправникѣ, обо всѣхъ этихъ будничныхъ дѣлахъ не могло быть пріятно Арабынъ-тойону, все еще находившемуся въ эпическомъ, сказочномъ мірѣ.

— Справедливо-съ,—въ раздумьѣ еще разъ произнесъ Копыленковъ и, чтобы удержать позицію, прибавилъ: — Сердиться изволили тутъ мало-мало... Да ужъ истинно, что въ здѣшнихъ мѣстахъ ангелъ и тотъ разсердится. Вѣрно.

Онъ покосился въ сторону Кругликова и вздохнулъ:

— Необразованность!

Однако, и это не помогло. Арабинъ не обратилъ на него вниманія, допилъ стаканъ, вынулъ книжку, что-то записалъ въ ней, потомъ торопливо одѣлся, рванулся къ двери, потомъ остановился, взглянулъ, нѣтъ ли въ дверяхъ кого-либо изъ

ямщиковъ, и, будто обдумавъ что-то, вдругъ рѣзкимъ движеніемъ швырнулъ деньги. Двѣ бумажки мелькнули въ воздухѣ, серебро со звономъ покатилось на полъ. Арабинъ исчезъ за дверью, и черезъ минуту колокольчики бѣшено забились на рѣкѣ подъ обрывомъ.

Все это было сдѣлано такъ неожиданно и быстро, что всѣ мы, трое безмолвныхъ свидѣтелей этой сцены, не сразу сообразили, что это значитъ. Какъ всегда въ денежныхъ вопросахъ, первый, однако, догадался Копыленковъ.

— Уплатилъ! — произнесъ онъ съ величайшимъ изумленіемъ.—Слышь ты, Кругликовъ? Вѣдь это, смотри, прогоны. Ахъ ты, братецъ мой!.. Вотъ такъ исторія!

Изъ ямщиковъ никто не былъ свидѣтелемъ этой уступки со стороны грознаго Арабынъ-тойона.

X.

Позднимъ утромъ слѣдующаго дня мы съ Копыленковымъ опять усаживались въ свой возокъ. Морозъ не уменьшался. Изъ-за горъ, синѣвшихъ въ морозномъ туманѣ за рѣкой, блѣдными столбами прорывались лучи восходящаго солнца. Лошади бились, и ямщики съ трудомъ удерживали озябшую тройку.

На Атъ-Даванѣ было грустно, сѣро и тихо. Кругликовъ, подавленный обрушившеюся вчера невзгодой, угнетенный и приниженный, проводилъ насъ до саней, вздрагивая отъ холода, похмѣлья и печали. Онъ съ какимъ-то подобострастіемъ подсаживалъ Копыленкова, запахивалъ его ноги кошмой, задергивалъ пологомъ.

— Михаилъ Ивановичъ,—произнесъ онъ съ робкою мольбой,—будьте благодѣтель, не забудьте насчетъ мѣстечка-то. Теперь ужъ мнѣ здѣсь не служить! Сами видѣли, грѣхъ какой вышелъ...

— Хорошо, хорошо, братецъ!—какъ-то неохотно отвѣтилъ Копыленковъ.

Въ эту минуту ямщики, державшіе лошадей, разскочились въ стороны, тройка подхватила съ мѣста, и мы понеслись по ледяной дорогѣ. Обрывистый берегъ убѣгалъ назадъ, туманныя сопки, на которыя я глядѣлъ вчера, — таинственныя и фантастическія подъ сіяніемъ луны, — надвигались на насъ теперь,—хмурыя и холодныя.

— Ну, что жъ, Михаилъ Иванычъ, — спросилъ я, когда тройка побѣжала ровнѣе,—доставите вы ему мѣсто?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Копыленковъ равнодушно.

— Но почему же?

— Вредный человѣкъ-съ, самый опасный, д-да!.. Вы вотъ разсудите-ка объ его поступкахъ. Ну, захотѣлъ онъ тогда,

въ Кронштадтѣ-то въ этомъ, начальника уважить—и уважь! Отказался бы въ чистую отъ невѣсты и былъ бы вѣкъ свой счастливъ. Мало ли ихъ, невѣстовъ этихъ. Отъ одной отступился,—взялъ другую, только и было. А его бы за это человѣкомъ сдѣлали. Нѣтъ, онъ, вотъ посмотрите, какъ уважилъ... изъ пистолета! Ты, братецъ, суди по человѣчеству: ну, кому это можетъ быть пріятно? И что это за поведеніе за такое?.. Сегодня онъ васъ этакъ уважилъ, а завтра меня.

— Да вѣдь это давно было. Теперь онъ не тотъ.

— Нѣтъ, не скажи! Слышалъ, чай, какъ онъ вчера съ Арабинымъ-то разговаривалъ?..

— Я слышалъ: требовалъ прогоны,—это его обязанность.

Копыленковъ повернулся съ досадой ко мнѣ.

— Вѣдь, вотъ, умный ты человѣкъ, а простого дѣла не понимаешь. Прогоны!.. Нешто онъ ему одному не платилъ? Чай, онъ, можетъ, сколько тысячей верстъ ѣхалъ, нигдѣ не платилъ. На вотъ, ему одному подавай, велика птица!

— Обязанъ платить.

— Обязанъ! Кто его обвязалъ-то, не вы ли съ Кругликовымъ со своимъ?

— Законъ, Михайло Ивановичъ.

— За-а-кòнъ... То-то вотъ и онъ вчера заладилъ: законъ. Да онъ знаетъ ли еще, какое это слово: „законъ“?

— Какое?

— А такое: разъ ты его скажи, десять разъ про себя подержи, пока не спросятъ. А то, вишь ты, развеличался: законъ, по закону!.. Дубина ты, а не законъ тебѣ! Нашелся тоже большой человѣкъ—начальнику законы указывать...

Видя, что Михайло Ивановичъ начинаетъ сердиться свыше всякой мѣры, и опасаясь, чтобъ окончательно не испортить дѣла, я попробовалъ зайти, въ интересѣ Кругликова, съ другой стороны.

— Однако, вспомните, Михаилъ Иванычъ, вѣдь вы же ему обѣщали.

— Мало ли что обѣщалъ... Разжалобился, оттого и обѣщалъ...

— Подымай!—крикнулъ вдругъ Михайло Ивановичъ, такъ какъ возокъ, скользнувъ съ наклонной льдины, опять опрокинулся, и опять Михайло Ивановичъ очутился подо мной.

Пришлось выйти. Вѣроятно, въ этомъ мѣстѣ борьба рѣки съ морозомъ была особенно сильна: огромныя бѣлыя, холодныя льдины обступили насъ кругомъ, закрывая перспективу рѣки. Только по сторонамъ дикія и даже страшныя въ своемъ величіи горы выступили рѣзко изъ тумана, да вдали, надъ хаотически-нагроможденнымъ торосомъ, тянулась едва замѣтная бѣлая струйка дыма... Это, должно-быть, и былъ Атъ-Даванъ.

ЧЕРКЕСЪ.

Очеркъ.

I.

— Иванъ Семенычъ, а Иванъ Семенычъ!..

— Ммм... — послышалось въ отвѣтъ изъ глубины повозки.

— Только и есть у нихъ: мычатъ, какъ коровы. У-у, падаль, прости Господи, а не унтеръ, чтобъ васъ язвило!..

Я не видалъ лица жандармскаго унтеръ-офицера Чепурникова, произносившаго злобнымъ голосомъ эти слова, но ясно представлялъ себѣ его сердитое выраженіе и даже сверкающій глубокою враждой взглядъ, устремленный въ томъ направленіи, гдѣ предполагалось неподвижное, грузное тѣло унтеръ-офицера Пушныхъ.

Ночь была темна, а въ нашей повозкѣ, конечно, еще темнѣе. Колеса стучали по крѣпко замерзшимъ колеямъ, надъ головой чуть маячилъ переплетъ обтянутаго кожей верха; онъ казался темнымъ полукругомъ, и трудно было даже разобрать, дѣйствительно ли это переплетъ надъ самой головой, или темная туча, несущаяся за нами въ вышинѣ. Фартукъ былъ задернутъ, и въ небольшое пространство, оставшееся открытымъ, то и дѣло залетали къ намъ изъ темноты острыя снѣжинки, коловшія лицо, точно иглами.

Дѣло было въ ноябрѣ, въ распутицу. Мы ѣхали къ Якутску; путь предстоялъ длинный, и мы мечтали о санной дорогѣ. На станціяхъ обнадеживали, что отъ Качуга по Ленѣ уже ѣздятъ на саняхъ, но пока насъ немилосердно трясло по замерзшимъ колеямъ.

Унтеръ-офицеръ Чепурниковъ отдернулъ фартукъ. Рѣзкая струя вѣтра ворвалась къ намъ, и Пушныхъ зашевелился.

— Ямщикъ! Что, еще далече до станціи?

Ямщикъ нашъ былъ одѣтъ въ пеструю и мохнатую собачью доху, а такъ какъ темныя пятна этой дохи сливались съ темною же, какъ чернила, ночью, то на облучкѣ намъ виднѣлась лишь странная куча бѣлыхъ заплатокъ, что производило самое фантастическое впечатлѣніе.

— Верстовъ еще съ десять,—послышалось оттуда.

— Хлопаешь зря: ѣдемъ-ѣдемъ—все десять верстовъ.

Чепурниковъ нервничалъ и сердился.

Ямщикъ равнодушно пробурчалъ что-то, нѣсколько придержалъ лошадей и набилъ трубку. Мгновенно вспыхнувшій огонекъ освѣтилъ невѣроятной формы мохнатую шапку, обмерзшее лицо, отвернувшееся отъ вѣтра, и скрючившіяся отъ мороза руки.

— Ну, ты, поѣзжай, что ли! —сказалъ Чепурниковъ съ холоднымъ отчаяніемъ.

— Сьчасъ!

Огонекъ погасъ и на облучкѣ опять замелькало только созвѣздіе изъ бѣловатыхъ пятенъ.

Телѣга качнулась, мы задернули фартукъ и вновь понеслись впередъ, среди холода и темноты.

Чепурниковъ нервно ворочался и вздыхалъ, Пушныхъ сладко всхрапывалъ. Этотъ гарнизонный счастливецъ обладалъ завидною способностью засыпать мгновенно при всякихъ обстоятельствахъ, и это служило главною причиной глубокой ненависти, которую питалъ къ нему, несмотря на недавнее знакомство, его дорожный товарищъ. Послѣдній пытался доказывать неоднократно, что Пушныхъ не имѣетъ никакого „полнаго права“ своею грузною фигурой занимать большую половину мѣста, назначеннаго для троихъ. Пушныхъ при этомъ жмурился и стыдливо улыбался. Онъ позволялъ даже Чепурникову всячески тиранить себя каждый разъ при усаживаніи въ повозку. Желчный унтеръ-офицеръ порывисто запихивалъ куда-нибудь его ноги, подбиралъ и укладывалъ руки, заталкивалъ въ самый дальній уголъ его спину, гнулъ его и выворачивалъ, точно имѣлъ дѣло съ тюфякомъ, а не съ живымъ человѣкомъ.

— Вотъ... вотъ!.. такъ... этакъ!..—приговаривалъ Чепурниковъ, толкая и пихая какую-нибудь часть рыхлой фигуры товарища.—Р-раздуло васъ, прости Господи, горой!..

Пушныхъ конфузливо и виновато улыбался.

— Чѣмъ же я, Василій Петровичъ, въ эфтимъ случаѣ... Мы всѣ, то-есть, родомъ экіе!.. Ой, Василь Петровичъ, ты мало-мало полегче пихайся...

Чепурниковъ окидывалъ взглядомъ свою упаковку и оставался недоволенъ

— Безз-совѣстные!—ворчалъ онъ.

Надо замѣтить, что оба мой спутника принадлежали къ разнымъ родамъ оружія, и Чепурниковъ, какъ жандармъ, считалъ себя неизмѣримо выше Пушныхъ уже тѣмъ, что его служба вмѣняла въ обязанность тактичное и вѣжливое обращеніе. Поэтому онъ обращался даже къ Пушныхъ не иначе, какъ во множественномъ числѣ, хотя при этомъ высказывался нерѣдко довольно безцеремонно: „безсовѣстные вы этакіе чурбаны!“—говорилъ онъ, напримѣръ.

Но, въ сущности, всѣ мы понимали, что совѣсть тутъ не при чемъ. Особенно же когда, проѣхавъ версты полторы, Пушныхъ засыпалъ, какъ камень,—тутъ ужъ вступали въ силу положительно одни физическіе законы: Пушныхъ, какъ тѣло наиболѣе грузное, опускался на дно повозки, вытѣсняя насъ кверху.

То же случилось и въ эту холодную ночь. Чепурниковъ жался къ краю повозки, я кое-какъ сидѣлъ въ серединѣ, стараясь не задавить Пушныхъ, который все совалъ подъ меня голову съ безпечностью соннаго человѣка. Я всматривался въ темноту: какія-то фантастическія чудовища неясно проползали въ вышинѣ, навѣвая невеселыя думы.

— Ну, и командировка выдалась!.. Не фартитъ мнѣ, да и только!—сказалъ Чепурниковъ съ глубокою грустью и съ очевидною жаждой сочувствія.

Мнѣ было не до сочувствія. Для меня эта „командировка“ была еще менѣе удачной, и мнѣ казалось, что это у меня на душѣ проплываютъ одни за другими безформенные призраки, которые неслись тамъ, въ вышинѣ.

— Эхъ, и что бы мѣсяцъ раньше! купилъ бы я въ Качугѣ шитикъ, поставилъ бы парусъ—и катай себѣ внизъ по Ленѣ до самаго Якутска. Вѣдь это, какъ вы думаете, экономія?

— Конечно, экономія.

— То-то, вотъ, что экономія... А, какъ по-вашему, сколько?..

— Не знаю...

— А вотъ погодите, разсчитаемъ. Три тысячи верстъ, по четыре съ половиной копѣйки, это выходитъ по сту по тридцати пяти рублей съ лошади. Ежели теперь на четверку, да на обратный путь хоть, скажемъ, на двѣ лошади... Поэтому экономія составляется сотъ восемь рублей на однихъ прогонахъ. Такъ, или нѣтъ?

Чепурниковъ разсчитывалъ съ какимъ-то сладострастнымъ наслажденіемъ и потомъ сказалъ со злостью.

— А теперь вотъ и за одну лошадь, смотрите, останется ли? Вспомните мое слово: станутъ намъ дальше и четвертую ло-

шадь припрягать. Такой подлецъ народъ сталъ, такой подлецъ—и сказать вамъ не могу. Этто чтобы служащему человѣку сколько-нибудь уважить,—никогда!

Мнѣ отъ этихъ разсчетовъ было ни тепло, ни холодно. Пушныхъ напоминалъ о себѣ сладкимъ мычаньемъ сквозь сонъ.

— Да вотъ тутъ еще съ этимъ дѣлись, съ чурбаномъ!—желчно закончилъ Чепурниковъ.—А спрашивается теперь: за что?

Онъ смолкъ. Темная дорожная ночь тянулась безъ конца, а колокольчикъ, казалось, бился и стоналъ на одномъ мѣстѣ. Туманы продолжали ползти въ вышинѣ какими-то смутными намеками на что-то необыкновенно печальное. Чепурниковъ вздыхалъ и злился рядомъ со мной, продолжая раздражать себя разсчетами экономіи, утерянной только потому, что меня Богъ не послалъ ему мѣсяцемъ ранѣе.

Но вотъ повозка быстро забилась на ухабахъ, колокольчикъ заболталъ что-то несвязное, послышался хриплый лай ленскихъ собакъ, болѣе похожій на какой-то очень жалобный вой, и въ промежуткѣ между фартукомъ и верхомъ повозки проплылъ яркій огонь фонаря, раскачиваемаго вѣтромъ на верхушкѣ полосатаго столба.

Станція.

Я сталъ выбираться изъ повозки, разминая отекшіе члены. Чепурниковъ захватилъ узелокъ съ провизіей и сталъ безцеремонно тормошить Пушныхъ. Послѣ нѣсколькихъ пинковъ безпечный унтеръ-офицеръ промычалъ что-то, зѣвнулъ протяжно и сладко и сталъ вываливаться изъ телѣги.

— Полоски (сабли) захватите,—крикнулъ ему Чепурниковъ на ходу:—да револьверы!

Но Пушныхъ въ эту минуту, стоя уже на землѣ и заложивъ руки за голову, сладко тянулся, хрустя суставами, и зѣвалъ.

Когда онъ вошелъ, черезъ минуту, въ теплую станціонную комнату, потирая, по-дѣтски, кулаками заспанные глаза, въ рукахъ у него не было ни „полосокъ“, ни револьверовъ, которые остались въ повозкѣ.

II.

Я сѣлъ къ столу и, облокотившись на него, смотрѣлъ передъ собою, отдаваясь ощущенію тепла и отдыха. Глаза мои были открыты, но всѣ предметы принимали для меня какія-то фантастическія формы. Стѣны комнаты раздвигались, и я опять видѣлъ себя далеко на дорогѣ, въ темной повозкѣ. Только въ углу повозки пріютилось теперь какое-то странное

животное на четырехъ изогнутыхъ ножкахъ; оно сердито шипѣло на меня, фыркало и лязгало зубами, сквозь которые пробивалось пламя, пыхая на меня жаромъ. Отъ этого я начиналъ ужасно грустить, и тогда глаза мои инстинктивно искали на стѣнѣ картину, изображавшую возвращеніе блуднаго сына. Блудный сынъ стоитъ на колѣняхъ, а старикъ-отецъ протягиваетъ надъ нимъ благословляющую руку. У старика было доброе лицо, и онъ такъ благосклонно глядѣлъ, а, быть можетъ, еще и до сихъ поръ глядитъ на проѣзжающихъ со стѣнъ всѣхъ станцій, на протяженіи всей Лены. Почтенный старецъ! Онъ столько разъ и такъ радушно встрѣчалъ меня своимъ благословляющимъ жестомъ, что я положительно привязался къ нему и, входя въ любую станцію, утомленный угрюмыми приленскими видами, тотчасъ же разыскивалъ его глазами. И въ эту минуту я стремился къ нему подъ защиту. Тутъ ли онъ? Да, онъ тутъ и, значитъ, я не на холоду, а въ свѣтлой комнатѣ, и сердитое животное, пыхающее огнемъ,—только желѣзная печурка, жарко натопленная лиственничными дровами. Да, старикъ тутъ и, значитъ, у меня есть добрый знакомый въ этомъ далекомъ и непривѣтливомъ краю, въ этомъ маленькомъ домикѣ съ полосатыми столбами, пріютившемся у подножія угрюмыхъ и мрачныхъ хребтовъ.

Пушныхъ, положивъ руки на столъ и голову на руки, тихонько всхрапывалъ, а Чепурниковъ суетился одинъ, то подкладывая дровъ, то распоряжаясь относительно самовара. Наконецъ, онъ удалился за перегородку, и черезъ минуту оттуда послышался сначала просто любезный, а потомъ и дружескій разговоръ.

— Я очень доволенъ; я даже такъ разсуждаю,—говорилъ писарь:—что васъ ко мнѣ самъ Богъ послалъ, право. Можете вѣрить слову.

Подъ дальнѣйшій тихій шопотъ новыхъ пріятелей я совсѣмъ заснулъ.

Кто-то тронулъ меня за руку. Я открылъ глаза и не сразу сообразилъ, въ чемъ дѣло. Надо мной стоялъ жандармъ Чепурниковъ, и на его обыкновенно подвижномъ лицѣ теперь лежало какое-то застывшее выраженіе. Онъ трогалъ мою руку, а самъ смотрѣлъ въ окно. Я невольно посмотрѣлъ туда же, но ничего особеннаго не увидѣлъ. Въ стекла глядѣла ночь, и только пушистыя снѣжинки, налетая изъ мрака, садились снаружи на черныя стекла и тотчасъ же таяли. Казалось, какія-то бѣлыя насѣкомыя съ любопытствомъ заглядываютъ въ нашу комнату и черезъ мгновенье безшумно отлетаютъ въ

темноту, чтобы сообщить кому-то о томъ, что они увидѣли въ станціонной избушкѣ...

— Что такое?—спросилъ я съ невольной тревогой.

Чепурниковъ сѣлъ на стулъ и съ тѣмъ же задумчивымъ видомъ перевелъ на меня свои каріе глаза.

— А-а, господинъ...—сказалъ онъ тономъ довѣрія.—У насъ тутъ такое дѣло налаживается, просто ужъ и не знаю. Въ одинъ день человѣкомъ сдѣлаешься!

— Человѣкомъ?—переспросилъ я, все еще не отряхнувшись отъ сна.—Что жъ, это отлично!

— Вѣрно, въ одинъ день, господинъ!..—и Чепурниковъ вперилъ въ меня долгій, въ душу проникающій взглядъ.—Вотъ,—заговорилъ онъ вдругъ вкрадчиво:—вы, напримѣръ, люди образованные и стоите за бѣдноту. А можете ли вы понимать служащаго человѣка?

— Ну?

— Служащему человѣку требуется голову свою какъ-нибудь прокормить и какой-нибудь дивидентъ себѣ пріобрѣсти. Такъ ли я говорю, ай нѣтъ?

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— Въ томъ дѣло,—ночевать здѣсь придется!

— Ну, и прекрасно.

— То-то. А не быть бы мнѣ въ отвѣтѣ, потому намъ по инструкціи воспрещается... Такъ ужъ вы, въ случаѣ чего, ни-ни... Такъ, дескать, встрѣтились, только и всего... На станкѣ, при перепряжкѣ... Поняли?

— Положимъ, ничего не понялъ. Съ кѣмъ встрѣтились?

— А вотъ погодите... Гаврилычъ, вылѣзай-ка сюда!

Станціонный писарь, внимательно слѣдившій за разговоромъ изъ-за перегородки, тотчасъ же вышелъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, въ стоптанныхъ валеныхъ калошахъ, повязанный грязнымъ шарфомъ; движенія его не лишены были нѣкоторой торжественности. Видно, что жизнь на станціи и общеніе съ „проѣзжающими господами“ способствовали развитію въ немъ нѣкоторыхъ возвышенныхъ наклонностей.

— Это онъ вѣрно вамъ говоритъ,—наклонился писарь ко мнѣ, уставляясь въ меня своими большими черными глазами, немного напоминавшими чахоточнаго.—Дѣло первой важности,—большія можно тысячи пріобрѣсти...

— Вотъ!—подчеркнулъ Чепурниковъ, испытующе заглядывая мнѣ въ лицо.

Я опять протеръ глаза. Этотъ шопотъ, важный видъ говорившихъ, застывшіе взгляды и загадочныя слова казались мнѣ просто продолженіемъ какого-то безсвязнаго сна.

— Да въ чемъ, наконецъ, дѣло?—спросилъ я съ досадой.

— Въ черкесѣ-съ...—и взглядъ писаря сталъ еще многозначительнѣе.—Неужто про черкеса не слыхали? Лицо по всей Ленѣ знаменитое.

— Я здѣсь въ первый разъ.

— Извините, не сообразилъ. Позвольте, я вамъ объясню. Этотъ черкесъ, да еще съ другимъ товарищемъ по спиртовому дѣлу у насъ первые... То-есть, проще вамъ сказать, спиртоносы, на пріиска запрещеннымъ способомъ спиртъ доставляютъ и вымѣниваютъ рабочимъ на золото. Отличныя дѣла дѣлаютъ.

— Ну-съ?

— Ну-съ, больше ничего, что завтра этотъ черкесъ будетъ здѣсь...

Онъ наклонился къ моему уху.

— Золото въ Иркутскъ везетъ китайцамъ продавать... Ежели теперича самъ Богъ намъ его въ руки даетъ,—это значитъ Божіе благословеніе... Третья часть въ нашу пользу, остальное въ казну...

— Понимаю... Но неужели онъ такъ безпеченъ, что прямо дастся вамъ въ руки?

— Какое дастся! Дьяволъ—не человѣкъ. Не первый разъ уже... Летитъ, сломя голову, ямщикамъ на водку по рублю. Валяй! Лишь бы сзади казаки да исправникъ не пронюхали, да не нагнали. А у насъ народъ на станкахъ робкій... Да и на кого ни доведись—страшно: съ голыми руками не приступишься. Ну, а теперь все-таки люди военные. Можно его и взять.

— Ежели намъ удастся, и вы счастливы будете, господинъ!—сказалъ Чепурниковъ, у котораго загорѣлись глаза.—Тысячи и на вашъ фартъ не пожалѣю.

— Да ужъ только бы пофартило,—все такъ же поучительно прибавилъ писарь,—а ужъ дуванить-то будетъ чего.

— Я думаю, казеннаго проценту за поимку тысячъ тридцать. А лошадей все равно свободныхъ нѣту,—наивно схитрилъ Чепурниковъ, взглянувъ на писаря.

— Ну, какъ знаете. Мнѣ никакихъ денегъ не нужно, а ночевать я согласенъ съ величайшимъ удовольствіемъ.

— Берите, не отказывайтесь. Мы васъ обижать не согласны.

Я вышелъ изъ-за стола и сталъ укладываться на диванѣ. Перспектива провести цѣлую ночь въ теплой комнатѣ, подъ благословляющею десницей почтеннаго старца, была такъ соблазнительна, что въ моей отяжелѣвшей головѣ не было другихъ мыслей... Чепурниковъ съ писаремъ удалились за

перегородку и продолжали тамъ свою бесѣду о предстоящей кампаніи.

— Вѣрно ты знаешь, что завтра?

— Да ужъ вѣрно тебѣ говорю. Болдинъ сказывалъ. Выпили мы тутъ съ нимъ, онъ и проговорился... Они меня не боятся, потому я и самъ въ прежнія времена, признаться сказать...

— А трудно...—слышалось черезъ минуту.

— Трудно. Храбрость имѣетъ большую. Черкесъ настоящій, молодчина!

— Отчаянный?

— Да ужъ безъ засады не взять.

— А какъ ничего нѣту?

— Чудакъ! Вѣдь, ужъ мнѣ тогда здѣсь не житье,—неужто стану рисковать?

Я заснулъ. Мнѣ казалось, что я забылся только на мгновеніе, но, очевидно, прошло довольно много времени. На станціи было тихо, на столѣ стоялъ самоваръ и чайные приборы. Очевидно, мои спутники успѣли напиться чаю и улеглись спать. Свѣча была погашена, и только желѣзная печка освѣщала комнату вспышками пламени...

— Гавриловъ!—послышался вдругъ тихій окликъ Чепурникова.—Не спите?

— Не сплю.

— А знаете, я, вѣдь, разсчиталъ.

— Ну?

— Тридцать двѣ тысячи восемьсотъ сорокъ рублей пятьдесятъ копѣекъ.

— Н-да,—сказалъ Гавриловъ изъ своего угла,—капиталъ хорошій. Только бы Богъ помогъ.

— Дай-то Господи! Капиталъ отличный. Вотъ бы Марѳа моя Степановна обрадовалась!

— Н-да. Возымѣли бы мы съ тобой хорошую копѣечку...

Сильнымъ сопѣніемъ Пушныхъ напомнилъ собесѣдникамъ о своемъ существованіи.

— Ишь, сопитъ свинья! — съ презрѣніемъ сказалъ Чепурниковъ.—А, вѣдь, и ему придется дать.

И черезъ полминуты онъ добавилъ съ закипающею досадой:

— Спрашивается: съ какой стати?

Опять тишина.

— Гавриловъ, а Гавриловъ!

— Что?

— А вы вѣрно знаете, сколько съ нимъ золота?

— Вѣрно. По этому самому разсчету они ужъ и раздува-

нили въ тайгѣ. Черкесъ съ Мандрыковымъ за себя весь песокъ взяли!

— Гм... Жалко!

— Что тебѣ жалко?

— Маловато выходитъ.

— Что такъ?

— Да такъ, не хватаетъ мнѣ мало-мало по моимъ разсчетамъ. Еще бы мнѣ тысячки хоть три, я бы на Горѣ у вдовы у Мятусовой домикъ купилъ. Славный домикъ, съ огородомъ и съ мензелинчикомъ. А теперь придется у Степанова купить. Тоже домикъ ничего, а нѣтъ того виду... Тотъ на господскую ногу... Я, вѣдь, службу-то брошу...

— Бросишь?

— Ну ее! Съ капиталомъ какая надобность? Теперь я передъ каждымъ офицеромъ тянусь, а тогда онъ у меня, офицеръ, на чашку кофею будетъ званъ. Такъ, ай нѣтъ?

— Пустое!—сказалъ писарь рѣшительно.

— Какъ пустое?

— Такъ, суета, честолюбіе одно,—подтвердилъ Гавриловъ философски.—Думаешь, хорошо: станешь ты по этой причинѣ форсить, носъ кверху драть? Нѣтъ, братъ, хорошаго тутъ мало...

Я насторожилъ уши. Писарь говорилъ тихо, и голосъ у него мнѣ показался чрезвычайно пріятнымъ. Я усталъ отъ холоднаго, угрюмаго пути и отъ этихъ жесткихъ, наивно-грабительскихъ разговоровъ. Мнѣ показалось, что я, наконецъ, услышу человѣческое слово. Мнѣ вспомнились большіе глаза Гаврилова, и въ ихъ выраженіи теперь чудилась мнѣ человѣческая мечта о счастіи...

— Вотъ ты какъ разговариваешь, — сказалъ нѣсколько озадаченный Чепурниковъ.—Ну, а ты что станешь дѣлать?

— Я?.. Мнѣ бы привелъ Господь, я бы женился.

— А ты развѣ не женатый?

Гавриловъ сдѣлалъ на своей постели нетерпѣливое движеніе.

— Ты знаешь ли,—спросилъ онъ рѣзко,—почемъ въ нашей сторонѣ пудъ хлѣба?

— Пожалуй, не рупь ли съ полтиной...

— То-то. Такъ неужто же при нашихъ достаткахъ жениться?

— А ты бы другого мѣста поискалъ.

— Бывалъ и въ другихъ мѣстахъ. Не фартитъ. На пріискахъ служилъ и спиртъ нашивалъ... Только и нажилъ, что ломоту въ ногахъ. Нѣтъ, по нашему мѣсту надо совсѣмъ безсовѣстному человѣку быть, тогда станешь богатъ...

— А невѣста есть?

Гавриловъ молчалъ. Слабый огонекъ его цыгарки какъ-то задумчиво вспыхивалъ и угасалъ за перегородкой. Писарь курилъ и мечталъ.

— Поглядываю тутъ на одну. Да что! Я бѣденъ, она и того бѣднѣе. Такъ и не говорилъ ей ни разу... Другое бы дѣло, кабы Богъ помогъ... Уѣхали бы мы съ ней изъ этого гиблаго мѣста, зажили бы себѣ тихонько, свое бы дѣльце завели.

— Какое бы ты дѣло сталъ заводить?

— Я-то?

— Да.

Опять Гавриловъ замолчалъ, какъ будто не рѣшаясь посвятить Чепурникова во святая святыхъ своихъ мечтаній.

— Кабакъ въ своемъ мѣстѣ открылъ бы,—сказалъ онъ.— Чего лучше? Спокой!.. А народъ у насъ къ вину наваженный...

III.

Огонь въ печкѣ угасалъ. Какъ это часто случается послѣ сильной усталости, я спалъ плохо. Забываясь въ половину, я терялъ минутами сознаніе времени, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ясно слышалъ порывы вѣтра, налетавшаго съ ленской стороны, слышалъ, какъ онъ шипитъ снаружи у стѣнъ и сыплетъ снѣгомъ въ окна.

Вдругъ съ однимъ изъ этихъ порывовъ до меня долетѣлъ слабый звонъ колокольчика. Звукъ этотъ чуть коснулся слуха и тотчасъ же потонулъ въ шипѣніи метели. Но черезъ минуту онъ повторился, опять исчезъ и потомъ зазвенѣлъ яснѣе, дольше, съ короткими перерывами. Чуткій Гавриловъ поднялся за перегородкой, зажегъ свѣчу и кинулъ нѣсколько полѣньевъ въ печку.

— Охъ-хо-хо! — зѣвнулъ онъ и перекрестилъ при этомъ ротъ. — Господи-Владыко, Царица моя небесная!.. Кого еще Богъ даетъ, ужъ не почтмейстеръ ли? Ѣдетъ что-то шибко... Простого пассажира этакъ не повезутъ...

Дверь отворилась. Староста въ дохѣ и теплой шапкѣ появился на порогѣ съ ручнымъ фонаремъ.

— Проѣзжающій, Степанъ Гаврилычъ! Слышите, что ль?

— Слышу. Пожалуй, не почтмейстеръ ли изъ Киренска. Торопи ямщиковъ на всякій случай. Чтобъ безъ задержки.

— Выкатили. Лошадей хомутаютъ.

— Чтобы живо!

— Единымъ духомъ...—и голова старосты исчезла за дверью.

— А?.. Что тутъ такое?—встрепенулся вдругъ Чепурниковъ и сѣлъ на полу, тревожно бѣгая по комнатѣ глазами.

— Ничего. Проѣзжающіе.

— Черкесъ?

— Какой тебѣ черкесъ... Спи-ложись.

Чепурниковъ упалъ на подушку. Онъ спрашивалъ сквозь сонъ.

Стукъ копытъ и звонъ колокольчика стихли у воротъ.

Слышно было, какъ ямщики торопливо выпрягаютъ лошадей, побрякивая снимаемымъ колокольчикомъ, и еще по временамъ доносился со двора чей-то рѣзкій, повелительный голосъ.

Заслышавъ этотъ голосъ, Гавриловъ вдругъ насторожился и стоялъ нѣсколько секундъ удивленный и неподвижный, съ полуоткрытою станціонною книгой въ рукахъ. Вдругъ на лѣстницѣ послышались шаги; Гавриловъ вздрогнулъ.

Дверь отворилась, староста просунулъ голову и сказалъ:

— Черкесъ это пріѣхалъ.

Писарь поблѣднѣлъ и какъ-то метнулся къ Чепурникову, но тотъ уже вскочилъ, какъ ужаленный, сѣлъ на стулъ и протиралъ глаза.

— А, что? Гдѣ черкесъ? Да вставайте же вы, лежебоки!..

Хотя онъ говорилъ во множественномъ числѣ, но восклицаніе относилось къ одному Пушныхъ, лежавшему на полу у его ногъ. Несмотря на вѣжливую форму обращенія на „вы“, онъ толкнулъ грузнаго унтеръ-офицера такъ сильно, что тотъ сразу обнаружилъ признаки жизни. Онъ замычалъ, всталъ на четвереньки и сталъ тихо подниматься, точно на спинѣ его лежала громадная тяжесть. Писарь суетился, зажигалъ зачѣмъ-то стеариновую свѣчку на столикѣ у зеркала, Чепурниковъ шарилъ по стульямъ, разыскивая подъ платьемъ оружіе... Вообще, за минуту передъ тѣмъ спавшая въ безмолвіи и темнотѣ, станціонная комната теперь ожила и была полна движенія.

А на все это движеніе смотрѣлъ съ порога высокій стройный человѣкъ, въ которомъ съ перваго взгляда можно было узнать такъ страстно ожидаемаго и все же такъ неожиданно нагрянувшаго черкеса.

IV.

Я видѣлъ, какъ онъ вошелъ. Едва только староста успѣлъ отойти отъ двери, какъ она опять отворилась, и черкесъ, безпечно держась за ручку, занесъ ногу на порогъ. Изъ темныхъ сѣней его фигура выступила съ отчетливою рѣзкостью. Это былъ старикъ лѣтъ пятидесяти пяти, съ сухимъ и жесткимъ лицомъ, гладко обритымъ. По лицу онъ напоминалъ скорѣе нѣмца, но рыжая черкеска, подбитая мѣхомъ, и за-

тѣмъ вся фигура съ крутою грудью, тонкимъ станомъ и упругими движеніями, обличали ссыльнаго горца. Онъ былъ перетянутъ тонкимъ кожанымъ поясомъ, на которомъ спереди, наискосокъ, висѣлъ красивый кинжалъ, сзади револьверъ въ кожаномъ чехлѣ и, наконецъ, толстый шнурокъ, очевидно тоже отъ револьвера, терялся въ карманѣ.

Свѣтъ ударилъ ему въ глаза; онъ прижмурился, какъ кошка, и, увидѣвъ форменныя шинели, мгновенно отшатнулся. Я замѣтилъ, какъ выраженіе вражды и, частію, испуга промелькнуло въ его черныхъ глазахъ, странно загорѣвшихся подъ сѣдыми бровями. Мнѣ казалось, что я уловилъ также оттѣнокъ печали, который можно замѣтить въ глазахъ травленнаго звѣря, внезапно попавшаго въ засаду. Затѣмъ онъ какъ-то инстинктивно выпрямился, быстрымъ и привычнымъ движеніемъ тронулъ ручку кинжала и еще разъ оглянулъ всю комнату, останавливая на каждомъ изъ насъ мгновенный взглядъ, острый, ясный и испытующій. Все это продолжалось двѣ-три секунды. Затѣмъ онъ шагнулъ въ комнату.

— Здрастуйте!—сказалъ онъ спокойнымъ тономъ, которому отчасти противорѣчили все еще безпокойно бѣгавшіе взгляды.

— А, что такое?.. Да, здравствуйте, здравствуйте,—растерянно отвѣтилъ Чепурниковъ и, наклонившись къ равнодушно усѣвшемуся на стулѣ Пушныхъ, прошипѣлъ:

— Куда вы дѣвали револьверы... скоты вы этакіе?..

— Чего лаешься?—громко отвѣтилъ Пушныхъ.—Что съ твоими револьверами сдѣлается?.. Въ повозкѣ.

Всѣ какъ-то примолкли послѣ этого отвѣта. Гавриловъ кинулъ на обоихъ солдатъ укоризненный взглядъ и покачалъ головой.

— Пожалуйте вашу подорожную,—обратился онъ къ черкесу, стараясь своею развязностью покрыть неловкость. Глаза у черкеса вспыхнули, какъ у тигра, замѣтившаго опасность; онъ вынулъ изъ кармана свернутую бумагу и кинулъ ее на столъ.

— Зачѣмъ кидать... можно подать, я думаю,—обиженно сказалъ Гавриловъ.

Черкесъ не обратилъ вниманія на это замѣчаніе. Онъ держался чутко, на-сторожѣ. Острый взглядъ его опять быстро обѣжалъ всѣхъ находившихся въ комнатѣ, и вдругъ я почувствовалъ его на себѣ. Глаза наши встрѣтились. Онъ разсмотрѣлъ мое лицо, мое платье, мой чемоданъ, стоявшій у дивана, опять взглянулъ на солдатъ и составилъ свое заключеніе; потомъ онъ быстро придвинулъ стулъ и сѣлъ недалеко отъ меня, полуобернувшись ко мнѣ спиной, лицомъ къ остальнымъ.

Гавриловъ раскрылъ книгу, но, видимо, не торопился записывать подорожную. Онъ опрокидывался на спинку стула,

то и дѣло заглядывая изъ-за своей перегородки въ станціонную комнату. Порой онъ дѣлалъ Пушныхъ какіе-то знаки, отъ которыхъ на жирномъ лицѣ грузнаго унтеръ-офицера проступали явственные признаки изумленія. Черкесъ холодно смотрѣлъ на эти маневры и игралъ рукояткой кинжала.

Между тѣмъ сконфуженность Чепурникова прошла, и юркій унтеръ-офицеръ видимо подыскивалъ планъ. Онъ сѣлъ на край стула, опершись объ уголъ стола, въ позѣ, обличавшей готовность воспользоваться благопріятною минутой. Но черкесъ сидѣлъ противъ него на разстояніи комнаты, зоркій, чуткій и напряженный. Тогда Чепурниковъ посмотрѣлъ на меня умоляющимъ взглядомъ. Я понялъ: если бъ я быстро вскочилъ, то, пожалуй, могъ бы схватить черкеса сзади. Во всякомъ случаѣ, я могъ бы всякимъ своимъ движеніемъ произвести опасную для осажденнаго диверсію, которою Чепурниковъ не преминулъ бы воспользоваться.

Чтобы выяснить свою роль, я слегка шевельнулся. Черкесъ вздрогнулъ, взглянулъ на меня черезъ плечо, и его вниманіе видимо раздвоилось между мной и Чепурниковымъ. Но я заложилъ руки за голову, принявъ позу наблюдателя. Чепурниковъ съ очевидною горестью убѣдился, что я безповоротно занялъ нейтральное положеніе.

Черкесъ поправился на стулѣ и спросилъ насмѣшливо, обращаясь прямо къ Чепурникову:

— Далече ѣдешь?

— До Якутска. А вы?

— Мы не далече.

— А откуда, дозвольте, къ примѣру, узнать?

— Мы?—изъ Олекмы.

— Та-акъ. А какъ тамъ насчетъ, напримѣръ, пути. По Ленѣ на саняхъ ѣздіютъ ли?

— А какъ же... Оченъ ѣздіютъ. Мы и самъ до Качугъ въ своемъ возкѣ ѣхалъ... Мы думалъ—всюду санной дорога. А здѣсь нѣтъ санной дорога. Зналъ бы, не ѣхалъ бы. Плохо. А ты слушай, другъ!—обратился онъ къ писарю,—ты пиши рѣзво. Лошади готовы, у тебэ не готово...

— Охъ-хо-хо-о!—потянулся Чепурниковъ съ какою-то неестественною безпечностью.—Пойти и намъ собираться. Ну-ко, Пушныхъ, пойдемъ-ко-те, что я вамъ скажу.

Пушныхъ посмотрѣлъ на товарища съ удивленіемъ. Очевидно, его еще не посвятили въ дѣло. Чепурниковъ двинулся было къ дверямъ, но черкесъ, вдругъ выпрямившись, точно стальная пружина, слегка отодвинулъ его локтемъ, и отъ этого движенія юркая небольшая фигурка унтеръ-офицера очутилась

въ углу у перегородки, а черкесъ сталъ рядомъ. Все это было сдѣлано такъ легко и незамѣтно, что когда онъ сказалъ Чепурникову: „Погоди, другъ, вмѣстѣ ходимъ“, то эта фраза казалась дѣйствительно дружескимъ приглашеніемъ. Глаза Чепурникова забѣгали по всей фигурѣ черкеса, однако, онъ остался у перегородки.

— Давай!—сказалъ черкесъ писарю, протягивая руку за подорожной.

— Не записано еще.

— Давай, говорю! Послѣ кончаешь!

Онъ быстро взялъ со стола бумагу. Я невольно залюбовался имъ: его лицо было теперь повелительно и строго, а движенія напоминали красивыя и грозныя повадки тигра. Теперь всѣ здѣсь уже понимали другъ друга, за исключеніемъ, конечно, одного Пушныхъ. Черкесъ былъ въ комнатѣ одинъ, и, въ случаѣ свалки, противъ него были бы трое: грузный унтеръ-офицеръ, безъ сомнѣнія, принялъ бы немедленно участіе въ битвѣ. Успѣхъ легко могъ склониться на сторону нападающихъ, но первый шагъ былъ самый страшный...

— Теперь хочешь, такъ ходимъ вмѣстѣ,—сказалъ черкесъ Чепурникову.—Погоди! Хочешь у меня возокъ покупать,—покупай.

Чепурниковъ быстро согласился, видимо обрадованный новою проволочкою.

— Гдѣ онъ у тебя?

— Въ Качугѣ, записку тебэ даю. Знакомому человѣкъ...

— Дорого продаешь?

— Тридцать рубля. Кожаный верхъ. Пятьдесятъ стоитъ. Бери!

Торгуясь, черкесъ кидалъ жадные взгляды на чайникъ. Онъ ѣхалъ безъ остановокъ и здѣсь, быть-можетъ, разсчитывалъ отдохнуть и напиться чаю. Съ послѣдними словами онъ быстро подошелъ къ столу, налилъ стаканъ изъ остывшаго чайника и, повернувшись спиной ко мнѣ и Пушныхъ, жадно выпилъ холодный чай однимъ глоткомъ, не спуская глазъ съ жандарма. Глаза Чепурникова сверкали, лицо было красно и потно. Онъ готовъ былъ кинуться на черкеса, но упустилъ удобное мгновеніе. Когда онъ рванулся къ столу, черкесъ уже стоялъ въ небрежной позѣ, съ рукой у пояса.

— Давай, что ли, записку,—сказалъ Чепурниковъ глухо, чтобы чѣмъ-нибудь объяснить свое порывистое движеніе.

Черкесъ вынулъ записную книжечку, набросалъ въ ней нѣсколько словъ и вырвалъ листокъ: все это онъ сдѣлалъ одною рукой, стоя у стола и не теряя изъ виду покупателя. Его брови были сдвинуты, сухое лицо поблѣднѣло. Видно было, что напряженіе этихъ минутъ не проходитъ ему даромъ. Чепурниковъ былъ взволнованъ еще сильнѣе.

— Бери! — кинулъ черкесъ записку,—деньги отдашь въ Качугѣ.

— Хорошо.

— Идемъ вмѣстѣ!

Они вышли рядомъ, плечо къ плечу. Черкесъ шелъ легко, какъ кошка, слегка приподымаясь на носкахъ, стройный, гибкій и напряженный. Чепурниковъ рядомъ съ нимъ казался маленькимъ и неуклюжимъ, но во всей фигурѣ унтеръ-офицера виднѣлись упрямство и злая рѣшимость.

Гавриловъ, съ расширенными зрачками и почти задыхающійся, кинулся къ Пушныхъ и началъ его тормошить.

— Что жъ вы сидите? Эхъ, вы! А еще унтеръ-офицеръ. Ступайте живѣе!

Пушныхъ поднялся и покорно, вяло пошелъ изъ комнаты.

Я тоже накинулъ пальто, надѣлъ валенки и выбѣжалъ на крыльцо.

Метель стихла, но снѣгъ шелъ густо, и тройка лошадей у крыльца виднѣлась точно сквозь сѣтку. Ямщикъ только-что взобрался на козлы. Въ открытой перекладной сидѣла какая-то темная фигура. Еще двѣ фигуры подошли къ повозкѣ.

— Ну, прощай, другъ. Ѣзжай самъ здоровъ!—сказалъ черкесъ, и въ голосѣ таежнаго коршуна послышалась насмѣшка.

— Прощай,—глухо отвѣчалъ Чепурниковъ.

Я видѣлъ, какъ они подали другъ другу руки.

— Прощай, но... прощай!—повторилъ черкесъ и, при вторичномъ прощаніи, въ голосѣ пробилось уже безпокойство: унтеръ-офицеръ не выпускалъ его руки изъ своей.

— Играешь, что ли?.. Смотри, не надо!—рѣзко проронилъ черкесъ, и затѣмъ нѣсколько сухихъ звуковъ на непонятномъ языкѣ полетѣли въ повозку.

Въ глубинѣ крытаго возка послышалось движеніе.

— Иг-раю,—еще глуше и съ усиліемъ отвѣтилъ Чепурниковъ, точно у него сдавило горло.—Давай, послушай... поборемся... кто сильнѣе? право, ей-Богу...

Я понималъ настроеніе Чепурникова. Онъ не рѣшался кинуться одинъ на опаснаго противника, но и не въ силахъ былъ глядѣть равнодушно, какъ онъ сядетъ и уѣдетъ, увозя съ собой всѣ только-что расцвѣтшія надежды...

Началась возня... нѣсколько короткихъ секундъ... Чепурниковъ упалъ на землю, а черкесъ вскочилъ въ повозку.

— Ишо-о-олъ!—крикнулъ онъ дико и пронзительно. Испуганныя лошади взяли съ мѣста, телѣга загрохотала по колеямъ и исчезла въ снѣжномъ сумракѣ; только нѣсколько разъ еще донеслись до насъ изъ темноты взвизгиванія черкеса:

шпо-о-ôлъ, шпо-о-ô-лъ!.. Казалось, это были крики возбужденнаго, опьянѣвшаго человѣка.

Мы кинулись къ Чепурникову.

— Что съ вами?—спросилъ я у него.

— Ничего, ничего... Ка-àкъ онъ меня толкнулъ, дьяволъ,—сказалъ онъ, подымаясь,—и понять не могу!.. Ну и вы всѣ... Не могли его сзади тогда... Эхъ!

Онъ говорилъ трудно, точно что-то сдавливало его горло.

Изъ ямщицкой выбѣгали ямщики, которыхъ позвалъ Гавриловъ, но было уже поздно: удаляющійся звонъ колокольчика слышался какъ-то тупо, приглушаемый густо падавшимъ снѣгомъ, только дикія взвизгиванія черкеса прорѣзали еще нѣсколько разъ ночной воздухъ, точно рѣзкіе крики ночной птицы.

Эти звуки, полные дикаго возбужденія, надолго остались у меня въ памяти, и впослѣдствіи не разъ, когда я съ стѣсненнымъ сердцемъ смотрѣлъ на угрюмые приленскіе виды, на этотъ горизонтъ, охваченный горами, по крутымъ склонамъ которыхъ тѣснятся лѣса, торчатъ скалы и туманы выползаютъ изъ ущелій,—мнѣ всегда казалось, что этотъ дикій крикъ хищника носится въ воздухѣ надъ печальною и мрачною страной.

— Фью-ю-ю! — свистнулъ Гавриловъ и махнулъ рукой. — Теперь катитъ-заливается,—до Иркутскаго никто ужъ не остановитъ. А тамъ...

— Да хоть и остановилъ бы, намъ какой барышъ!..

— Нѣтъ, не остановятъ. Никто и не знаетъ. Конченъ балъ! Эхъ, господа, служба-а!—прибавилъ онъ съ глубокой укоризной, и его черные глаза долго не могли оторваться отъ снѣжной мглы, въ которой вмѣстѣ со звуками колокольчика утопали недавнія его мечты о женитьбѣ и о спокойной жизни.

V.

Повозка, проданная намъ черкесомъ, нѣсколько утѣшила Чепурникова. Это былъ превосходный возокъ, крытый кожей, просторный и даже со стеклянными дверцами... Черкесъ, продавъ его за тридцать рублей, заплатилъ намъ дорогую цѣну за одинъ стаканъ холоднаго чаю.

На слѣдующую же ночь, выѣхавъ изъ Качуга, мы могли улечься довольно удобно втроемъ, а такъ какъ по Ленѣ дѣйствительно установилась уже санная дорога, то мы не тряслись по ухабамъ и не особенно страдали отъ безпечнаго эгоизма Пушныхъ.

Для одного Чепурникова возокъ имѣлъ особаго рода неудобство. Онъ слишкомъ растравлялъ его воспоминаніе о неудачѣ и не позволялъ ему думать ни о чемъ другомъ.

Слѣдующею же ночью я крѣпко заснулъ подъ скрипъ по-

лозьевъ, какъ вдругъ меня разбудила странная возня. Съ трудомъ высвободившись изъ-подъ барахтавшихся въ возкѣ моихъ провожатыхъ и прижавшись въ уголъ, я зажегъ спичку. Чепурниковъ пыхтѣлъ и отчаянно тормошилъ Пушныхъ, который, по обыкновенію, только мычалъ, не давая себѣ отчета въ томъ, что съ нимъ происходитъ.

— Что вы дѣлаете, Чепурниковъ, — окликнулъ я, хватая унтеръ-офицера за руку. Но онъ уже очнулся.

— Съ нами крестная сила!..—сказалъ онъ, крестясь и съ изумленіемъ взглядывая на товарища.

Спичка погасла. Чепурниковъ сѣлъ на свое мѣсто.

— Фу, ты навожденіе!—сказалъ онъ сконфуженно.

— Ты это... какъ могешь драться, а?—спросилъ Пушныхъ нѣсколько гнусавымъ и обиженнымъ голосомъ.

— А, ну васъ! Все этотъ черкесъ, — даже во снѣ снится, проклятый...

Но, помолчавъ съ минуту, Чепурниковъ вдругъ прибавилъ со злостью:

— А вы думаете, я вамъ изъ экономіи-то дамъ сколько-нибудь? Ничего не дамъ, вотъ! Будь у меня настоящій товарищъ, мы бы теперь оба людьми стали.

Утромъ, уже подъѣзжая къ станціи, я проснулся опять. Чепурниковъ не спалъ и глядѣлъ въ окно возка, которое онъ опустилъ до половины. Увидѣвъ, что я открылъ глаза, онъ сказалъ, повидимому, выражая вслухъ продолженіе своихъ мыслей:

— Нѣтъ! Невозможно было. Это надо жизни своей рѣшиться... Богъ съ нимъ и съ капиталомъ... Подошелъ я тогда къ повозкѣ, а тамъ у него баба сидитъ на рундучкѣ. Повѣрите, и у той револьверы да кинжалы, вся, какъ пушка, изаряжена... Глядитъ оттуда, точно сова... Ну, и народецъ!..

Я выглянулъ наружу. Снѣгъ продолжалъ валить хлопьями, въ воздухѣ бѣлѣло. За горами занималась уже, вѣроятно, заря, но сюда, въ глубокую тѣснину свѣтъ чуть-чуть преломился, и темнота становилась молочной. Возокъ покачивался, ныряя въ этомъ снѣжномъ морѣ, и трудно было бы представить себѣ, что мы дѣйствительно подвигаемся впередъ, если бы сквозь мглу не проступали призрачныя вершины высокаго берегового хребта, тихо уплывавшаго назадъ и развертывавшаго передъ глазами все новыя и новыя очертанія...

А снѣгъ все валилъ, покрывая землю, и на сердце все больше налегала тоска. Ряды невеселыхъ мыслей развертывались въ воображеніи, какъ ряды этихъ сумрачныхъ сопокъ...

1889 г.

„ГОСУДАРЕВЫ ЯМЩИКИ“.

I. Станочники.

Осенью 188... года мнѣ съ двумя товарищами пришлось совершить по Ленѣ путь отъ Якутска до Иркутска, что составляетъ приблизительно около трехъ тысячъ верстъ.

Наше положеніе давало намъ право на „тройку обывательскихъ лошадей съ провожатымъ“ безплатно. Но передъ отъѣздомъ мы имѣли несчастіе повздорить нѣсколько съ мѣстной властью. Исправникъ, „изъ хохловъ“, человѣкъ въ высшей степени флегматичный и лѣнивый, не сталъ съ нами спорить или изобрѣтать способы мщенія. Онъ только нашелъ, что выданная намъ бумага составлена неправильно, и выдалъ другую. Въ этой послѣдней было все то же, что и въ первой, за небольшимъ исключеніемъ: какъ и въ первой, въ ней было сказано, что мы имѣемъ право „слѣдовать отъ станка до станка“ и даже съ провожатымъ, но о лошадяхъ не было упомянуто ни слова...

Впослѣдствіи мы узнали, что такими загадочными бумагами якутская полиція снабжала иногда, въ видѣ особаго одолженія, проторговавшихся или прокутившихся на лѣтней якутской ярмаркѣ иркутскихъ приказчиковъ. Остальное предоставлялось ловкости и авторитету путниковъ. Если они сумѣютъ импонировать забитому и неграмотному населенію, то проѣдутъ даромъ всю дорогу... Они будутъ кричать, торопить ямщиковъ, кое-гдѣ откупаться подачками отъ рѣдкихъ грамотеевъ, кое-гдѣ даже, для бо̀льшей увѣренности, бить старость по скуламъ, а ямщиковъ по шеѣ. Во всякомъ случаѣ, такая дружеская бумажка даетъ возможность сильно сократить расходы длиннаго и дорогого пути.

Съ такой же бумажкой въ рукахъ очутились и мы. Наше право на „обывательскихъ лошадей“ было неоспоримо, но,

чтобы возстановить его, намъ пришлось бы жаловаться и ждать. Ждать, пока жалоба и резолюція проѣдутъ тѣ же три тысячи верстъ, до Иркутска и обратно, какія приходилось сдѣлать намъ... И мы рѣшились пуститься въ путь безъ жалобы...

Сначала дѣло шло гладко. Подъ городомъ споровъ не возникло. Далѣе мы ѣхали отъ станка до станка, и ямщики везли насъ безпрекословно только потому, что насъ къ нимъ привозили сосѣди. Значитъ, такъ и нужно. Но затѣмъ, уже довольно далеко отъ города, на одномъ изъ станковъ какой-то грамотей, одѣтый въ звѣриныя шкуры, вчитался въ наше „свидѣтельство“ и заподозрѣлъ въ немъ форму знакомой „дружеской бумаги“, смыслъ и значеніе которой населеніе уже разгадало. Онъ сталъ что-то говорить ямщикамъ по-якутски, тѣ робко окружили насъ, топтались, молчали, поталкивали другъ друга, и, наконецъ, задніе объявили, что по этой „бумагѣ“ насъ везти не слѣдуетъ. Станочники, вѣроятно, ждали съ нашей стороны вспышки и обычныхъ проявленій авторитета, которыя доказали бы имъ если не наше право, то степень нашего значенія въ мірѣ повелѣвающихъ (грамотей на всякій случай помѣстился сзади всѣхъ). Но мы не имѣли къ этому ни охоты, ни способностей. Мы просто стояли только на своемъ. Тогда толпа стала смѣлѣе, голоса все больше возвышались, начались шумные споры...

Положеніе становилось затруднительнымъ. Мы походили на путниковъ, отчалившихъ съ ненадежнымъ парусомъ отъ одного берега и рисковавшихъ не пристать къ другому. Прогоны, особенно въ осеннее время, на три тысячи верстъ требовали нѣсколько сотъ рублей. Такихъ денегъ у насъ не было. Если бы гдѣ-нибудь произошла окончательная остановка, у насъ не хватило бы и на обратный путь до Якутска. Годъ былъ голодный, хлѣба трудно было на пустынныхъ станкахъ достать и за деньги, и поэтому провизію мы тоже везли съ собою... Вообще, мы физически не могли уступить, если бы и хотѣли, и нашъ путь обратился въ настоящую каторгу: пріѣзжая къ вечеру на станцію, усталые и озябшіе, мы, вмѣсто отдыха, встрѣчали новыя сомнѣнія, возраженія, упреки и споры... Они продолжались обыкновенно и утромъ слѣдующаго дня. Выѣзжали мы поздно, проѣзжали мало, и если была въ этомъ хорошая сторона, то развѣ та, что такимъ образомъ мы имѣли случай ознакомиться съ своеобразнымъ бытомъ этихъ ленскихъ станочниковъ...

Ленскіе станки — это какъ бы сколокъ прошлыхъ вѣковъ, оставленный на далекой рѣкѣ въ нетронутомъ видѣ періодомъ

россійскихъ реформъ, какъ остается зимній ледъ въ глубокихъ ущельяхъ... Это бывшіе „государевы ямщики“, мужики, несущіе на жалованіи ямскую государеву службу. Государству необходимо поддерживать сношенія съ отдаленнымъ и мало населеннымъ краемъ. Изрѣдка проѣдетъ по рѣкѣ чиновникъ или полицейскій засѣдатель, въ недѣлю разъ проскачетъ почта, порой промчится эстафета или генералъ-губернаторскій курьеръ пролетитъ, какъ сорвавшійся съ цѣпи, по-старинному понукая ямщика полновѣсными ударами по шеѣ. И уже совсѣмъ рѣдко появится купецъ или иной партикулярный человѣкъ, слѣдующій по собственной надобности и, значитъ, платящій „прогоны“, въ общемъ составляющіе совершенно ничтожную цифру...

Да еще порой въ эту узкую ленскую щель съ юга, отъ Иркутска, пригонятъ партію арестантовъ и пустятъ ее дальше самостоятельно внизъ по рѣкѣ. Начальникъ партіи уѣзжаетъ впередъ, а команда съ арестантами растягивается на далекое разстояніе. Скрыться изъ этой щели некуда: направо и налѣво за береговыми хребтами дикая таежная пустыня, населенная лишь бродячими тунгусами. Назади — уже пройденные станки, населеніе которыхъ, разъ накормивши арестанта (своего рода натуральная повинность), въ другой разъ его не приметъ. И партія, растягиваясь иногда на недѣлю, спускается отъ станка къ станку лѣтомъ въ лодкахъ, зимой на дровняхъ, мечтая о далекомъ якутскомъ острогѣ, какъ о землѣ обѣтованной. День за днемъ, на станки являются эти люди въ сѣрыхъ халатахъ, испуганные, подавленные суровымъ величіемъ этихъ камней и голодные. Ихъ съ проклятіями разводятъ по очереднымъ избамъ и проклятіями же сопровождаютъ каждый кусокъ подаваемаго дорогого хлѣба...

Наконецъ, порой поселенецъ напроказитъ на пріискахъ,— тогда его снабжаютъ „листомъ“, и ямщики везутъ его до мѣста приписки... А весной онъ опять спускается въ лодкѣ, чтобы черезъ нѣкоторое время опять катить на обывательскихъ обратно...

Въ совокупности всего этого — смыслъ существованія ленскихъ ямщиковъ. Когда-то, давно, по рѣкѣ проѣхали землемѣры и чиновники, высматривая изъ лодки „мѣста, годныя для поселенія“, и по глазомѣру опредѣляя разстоянія. Потомъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи и Сибири пригнали мужиковъ и поселили на голыхъ камняхъ. Мужики, по большей части завербованные волшебными сказками о „золотыхъ горахъ“, плакали и били кайлами углубленія порой въ сплошномъ камнѣ. Въ ямы вставляли столбы, на столбы клали

вѣнцы и строили избы и юрты... И съ тѣхъ поръ они живутъ здѣсь столѣтія, — мужики, несущіе на жалованіи государственную службу. Старинные „ямы“ всюду давно исчезли, исчезло крѣпостное право во всѣхъ видахъ. Осталось оно только на Ленѣ...

Выборъ мѣстъ для станковъ, повидимому, изъ „государственныхъ видовъ“, останавливался преимущественно на мѣстахъ, совершенно неудобныхъ для земледѣлія. Станочники не надѣлены землей, и все ихъ существованіе зависитъ отъ почтовой гоньбы...

Каждые три или четыре года исправники, ихъ помощники или засѣдатели проѣзжаютъ по станкамъ и заключаютъ съ ямщиками контракты „по добровольному соглашенію“. Для станочниковъ это добровольное соглашеніе опредѣляется тѣмъ, что безъ „жалованія“ они перемрутъ голодною смертью... Цѣлыми станками, поголовно, они будутъ умирать среди этихъ равнодушныхъ камней, и никому до этого не будетъ дѣла... За то, если-бы они дѣйствительно отказались, почтовая служба станетъ, и необходимое „воздѣйствіе центра на окраину“ прекратится. Въ ямщики нуженъ мужикъ и только мужикъ. Варнака-поселенца, съ которымъ пришлось бы пробираться самъ-другъ этими дикими камнями и ущельями, боится начальство. Якуты и инородцы, въ свою очередь, боятся начальства, и было много случаевъ, когда, при первомъ же окрикѣ или ударѣ грознаго фельдъ-егеря, ямщики-инородцы бросали лошадей и разбѣгались... Въ виду этого, признано, что для правильной гоньбы идетъ только правильный, настоящій русскій мужикъ, искушенный въ долготерпѣніи и понимающій начальственное обращеніе...

На этой почвѣ возникаютъ отношенія въ высшей степени запутанныя, своеобразныя, а пожалуй, и безобразныя. Чиновникъ, отправляющійся по станкамъ для заключенія новыхъ контрактовъ, прежде всего долженъ обезпечить гоньбу, а затѣмъ сдѣлать это какъ можно дешевле, такъ какъ этимъ онъ можетъ отличиться и получить награду. Поэтому въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по близости есть пашни и покосы, которые станочники снимаютъ у якутовъ или бурятъ, населеніе держится крѣпко, и цѣны за пару доходятъ иной разъ до 1.000 и болѣе рублей. Одна изъ такихъ счастливыхъ волостей носитъ даже названіе „дворянской“. Здѣсь мужчины ходятъ въ пріисковыхъ расшитыхъ кафтанахъ, собольихъ шапкахъ, и молодые ямщики курятъ привозныя папиросы „Лафермъ“ съ золотыми орлами на мундштукахъ. Однажды при мнѣ такой ямщикъ, которому проѣзжій обѣщалъ на чай, если онъ по-

дастъ лошадей скорѣе, посмотрѣлъ на него равнодушнымъ взглядомъ и отвѣтилъ:

— Я тебѣ, господинъ, самъ, пожалуй, дамъ на чай.— только не ѣзди!

И это понятно, потому что рѣдкіе прогоны, разверстываемые по душамъ,—ничтожны сравнительно съ „жалованьемъ" этихъ счастливцевъ.

За то въ другихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ ни пашенъ, ни покосовъ, ни стороннихъ заработковъ,—цѣна сбивалась до 300 и даже до 260 рублей, особенно въ трудные годы дороговизны хлѣба и сѣна... Населеніе такихъ обездоленныхъ станковъ — наслѣдственно угнетенное, необыкновенное печальное и явно вырождающееся. Уйти имъ цѣлымъ обществомъ въ переселеніе — нельзя! Это будетъ уже „бунтъ", и начальство приметъ „строгія мѣры". Отдѣльныхъ же членовъ своихъ не пуститъ само общество: остающіеся не желаютъ принять отъ уходящаго часть тяжкаго бремени этой ужасной жизни...

Такъ и тянется, забытая исторіей, жизнь своеобразныхъ ямщичьихъ общинъ. На каждомъ станкѣ должно быть столько-то паръ лошадей, по стольку-то за пару. Населеніе раздѣляетъ „по душамъ" и почтовую повинность, и плату. „Душа" ямщика это такая-то доля лошади... Въ станкахъ съ меньшимъ населеніемъ эта доля будетъ больше, и на домохозяина придется 1/2 лошади и даже цѣлая... Гдѣ населеніе болѣе многочисленно,—душа соотвѣтствуетъ четверти, осьмой и т. д. части лошади... Разверстка этихъ лошадиныхъ „душъ", съ лежащими на нихъ повинностями и „жалованіемъ" чрезвычайно своеобразна и заслуживала бы вниманія изслѣдователя... Если лошадь пала, на ямщика навалятъ ея работу: онъ будетъ грести лѣтомъ, или таскать лодки лямкой... Если работникъ захворалъ или умеръ, — семья тоже вымираетъ медленной смертью, на которую полуголодные сосѣди глядятъ съ испуганнымъ состраданіемъ, а камни и лѣса—съ величавымъ стихійнымъ равнодушіемъ...

Въ общемъ — большинство этихъ забытыхъ жизнью „государевыхъ ямщиковъ" производятъ впечатлѣніе медленнаго вымиранія. Они болѣзненны, блѣдны, печальны и хмуры, какъ эти берега. Свою родную рѣку они зовутъ „проклятою" или „гиблою щелью" и увѣряютъ съ полнымъ убѣжденіемъ, будто „начальники" (устанавливающіе „добровольное соглашеніе") не вѣрятъ въ Бога, отчего земля ни одного изъ нихъ послѣ смерти не принимаетъ въ свои нѣдра... „Что губернаторы, что исправники, что засѣдатели,—все одно... Положатъ его въ домовину, онъ такъ скрозь землю и пойдетъ, и пойдетъ...въ самые, видно, тартарары".

И съ этими-то несчастными людьми мы, хитростью нашего лукаваго врага, были поставлены въ положеніе взаимной борьбы... И теперь еще я не могу вспомнить безъ нѣкотораго замиранія сердца о тоскѣ этого долгаго пути и этихъ безконечныхъ споровъ съ людьми, порой такъ глубоко-несчастными и имѣвшими полное основаніе подозрѣвать съ нашей стороны посягательство на ихъ даровой трудъ... Да, это была настоящая пытка...

II. Микеша.

На одной изъ станцій произошла серьезная остановка. Ямщики уперлись и, не видя съ нашей стороны рѣшительныхъ дѣйствій, продержали насъ цѣлыя сутки. Къ счастью, раннимъ утромъ я услышалъ колокольцы: кто-то проѣзжалъ на почтовыхъ въ Якутскъ. Пока перепрягали лошадей, я вынулъ свою дорожную чернильницу и бумагу и при свѣтѣ камелька сталъ писать письмо въ городъ, изображая наше положеніе. Это таинственное въ глазахъ станочниковъ и совершенно необычное дѣйствіе произвело сильное впечатлѣніе. Ямщики входили, смотрѣли на меня съ глубочайшимъ вниманіемъ, уходили опять, и, наконецъ, когда письмо было готово и я собрался его заклеивать, вошелъ видимо встревоженный староста, поклонился мнѣ и сказалъ:

— Зачѣмъ писать? Не надо, пожалуйста... Повеземъ... Брось бумагу...

И, дѣйствительно, около полудня намъ подали трехъ верховыхъ лошадей. На четвертой впереди ѣхалъ хозяинъ ямщикъ и еще сзади—въ припрыжку бѣжалъ пѣшій, молодой парень лѣтъ 23-хъ, придерживаясь по временамъ за мое стремя. Дорога на этотъ разъ отошла отъ берега и пролегала тайгой, уже пожелтѣвшей, но еще не совсѣмъ потерявшей листву... Порой изъ-за верхушекъ деревьевъ мелькали вдали береговыя горы и ущелья, освѣщенныя косыми лучами осенняго солнца. Лошади бѣжали бойко и, когда я нарочно сдерживалъ свою, чтобы не затруднять бѣгущаго,—хозяинъ-ямщикъ оборачивался и покрикивалъ:

— Не отставай! Не отставай!

А пѣшій глубоко вдыхалъ воздухъ и прибавлялъ шагу. — „Ничего, ничего! Ударь!..“—говорилъ онъ и, все такъ-же держась за стремя, продолжалъ бѣжать рядомъ...

Это было странное существо съ очень смуглымъ лицомъ и глубокими вдумчивыми глазами. Пока я писалъ свое письмо, онъ, войдя въ избу, стоялъ рядомъ, не отрывая глазъ отъ клочка бумаги, по которой бѣгало мое перо, выводя непонят-

ные для него знаки. Когда этотъ процессъ вызвалъ на станкѣ суматоху, и ямщики стали входить и выходить изъ избы, съ явными признаками безпокойства,—онъ такъ-же внимательно слѣдилъ за ними, переводя взглядъ съ бумаги на лица своихъ земляковъ и обратно, какъ бы изучая таинственную связь, установившуюся между этимъ листкомъ и ихъ настроеніемъ. По временамъ на лицѣ его мелькало что-то похожее на злорадную улыбку. Когда-же, наконецъ, станокъ уступилъ,—онъ крякнулъ и вздохнулъ такъ сильно, какъ будто это онъ самъ только что свалилъ съ себя тяжелую работу. Въ его глазахъ виднѣлось выраженіе восхищенія, почти восторга, какъ будто онъ присутствовалъ при волшебномъ опытѣ, продѣланномъ съ замѣчательной чистотой, и результаты котораго онъ отчасти предвидѣлъ или угадывалъ. Когда впослѣдствіи ямщики подняли обычные споры изъ-за очереди и разверстки,—онъ слушалъ этотъ галдежъ равнодушно и отчасти насмѣшливо.

При этомъ какъ-то неожиданно вышло, что разверстка запуталась. Общество находило, что везти насъ было выгоднѣе обычныхъ очередей. Мы не пользовались продовольствіемъ очередного станочника и, сколько могли, платили на чай везшимъ насъ ямщикамъ. Такимъ образомъ, „равненіе“ нарушалось, очередь становилась слишкомъ легкой, и другимъ казалось обидно. Очередной ямщикъ горячился и спорилъ, находя, что это уже его „фартъ“, но кто-то вдругъ предложилъ исходъ:

— Прибавить ему Микешу,—сказалъ онъ.

— И вѣрно,—согласились остальные.

— Куда мнѣ его?—протестовалъ хозяинъ.

— Ничего,—побѣжитъ пѣшимъ. Назадъ, однако, съ четверкой трудно тебѣ... Помогетъ будто.

— И вѣрно. А ты, значитъ, ему за четь... Оно и выйдетъ въ ровень...

— Много...

— Чего много?.. Надо тоже и ему какъ ни-набудь... хоша бы и Микешѣ.

Микеша слушалъ эти разговоры съ такимъ равнодушіемъ, какъ будто рѣчь шла совсѣмъ не о немъ. Изъ разговоровъ я понялъ, что его считаютъ нѣсколько „порченымъ“. Хозяйство послѣ смерти отца и матери онъ порѣшилъ, живетъ бобылемъ-захребетникомъ, не хочетъ жениться, два раза уходилъ въ бѣга, пробираясь на пріиски, и употребляется обществомъ на случайныя между-очередныя работы, или, какъ теперь, въ качествѣ нѣкотораго привѣска, для „равненія“...

Теперь этотъ живой привѣсокъ общинныхъ вѣсовъ бѣжалъ рядомъ съ нами, держась по большей части у моего стремени, такъ какъ я ѣхалъ послѣднимъ. Когда мы въѣхали въ лѣсъ, Микеша остановилъ меня и, вынувъ изъ-подъ куста небольшой узелокъ и ружье, привязалъ узелокъ къ лукѣ сѣдла, а ружье вскинулъ себѣ на плечо... Мнѣ показалось, что онъ дѣлаетъ это съ какой-то осторожностью, поглядывая впередъ... Узелъ, очевидно, онъ занесъ сюда, пока снаряжали лошадей.

Вскорѣ впереди, между перелѣсками послышался звонъ колокольцовъ и, растянувшись длиннымъ караваномъ съ переметными сумами въ сѣдлахъ, мимо насъ пробѣжала встрѣчная почта. Передовой ямщикъ нашъ проводилъ ее разочарованнымъ взглядомъ, — очевидно, онъ надѣялся пріѣхать на станцію раньше и заодно на обратномъ пути захватить часть почты на свою четверку. Къ одной выгодной очереди онъ, такимъ образомъ, присоединилъ бы и другую, выгодную уже для всего станка. Микеша посмотрѣлъ на его разочарованную фигуру и свистнулъ.

— Гляди, умные наши станочники, — сказалъ онъ съ насмѣшкой.—Не спорились бы вчера, какъ разъ бы поспѣли... Четыре лошади не гоняли бы зря...

Очевидно, неудача станочниковъ его не касалась и будила въ немъ лишь нѣкоторую ироническую наблюдательность...

— Ну-ну! Самъ умнай! — со злостью отвѣтилъ ему ямщикъ.— Общество учить станешь...—И онъ хлеснулъ опять свою лошадь, выбираясь на дорогу...

Послѣ этого мы поѣхали легкой рысцой, и Микеша вздохнулъ свободно. Верстъ уже десять онъ пробѣжалъ, не отставая отъ рыси лошадей, но, видимо, это скороходное искусство, созданное привычкой съ дѣтства,— не давалась ему даромъ. Лицо его слегка поблѣднѣло, на лбу были крупныя капли пота.

Теперь онъ, не торопясь, шагалъ рядомъ, все такъ же держась за мое стремя, и закидалъ меня вопросами. На мои разспросы о жизни ямщиковъ онъ отвѣчалъ неохотно, какъ будто этотъ предметъ внушалъ ему отвращеніе. Вмѣсто этого, онъ самъ спрашивалъ, откуда мы, куда ѣдемъ, большой ли городъ Петербургъ, правда ли, что тамъ по пяти домовъ ставятъ одинъ на другой, и есть ли конецъ землѣ, и можно ли видѣть царя, и какъ къ нему дойти? При этомъ смуглое лицо его оставалось неподвижнымъ, но въ глазахъ сверкало жадное любопытство.

Эта кипучая жадность, горѣвшая во взглядѣ молодого ста-

ночника, произвела на меня странно-возбуждающее дѣйствіе, и я, неожиданно для себя, разговорился. Казалось, горы, насъ окружавшія, раздвинулись, я заглянулъ далеко за нихъ и почти безсознательно старался дать заглянуть туда и этому наивному станочнику. Товарищи уѣхали впередъ, покрикиванія передового ямщика смолкли, кругомъ насъ тихо стоялъ лѣсокъ, весь желтый, приготовившійся къ зимѣ, а изъ-за его вершинъ выглядывали верхушки скалъ, на которыхъ угасали послѣдніе лучи дня.

Черезъ нѣкоторое время дорога вышла изъ лѣсу и направилась черезъ опушку къ рѣкѣ. На другой сторонѣ, казалось, совсѣмъ близко, стояли стѣной скалы, изломанныя, причудливыя, мертвыя, съ трещинами, выступами, ущельями... А подъ ними, убѣгая вдаль, струилась темная рѣка.

Зрѣлище было полно такой глубокой и такой красивой печали, что я невольно остановилъ лошадь. Микеша тоже остановился и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня.

— Что сталъ?—спросилъ онъ.

— Хорошо очень, Микеша, — отвѣтилъ я съ невольнымъ восхищеніемъ, не отрывая глазъ отъ освѣщеннаго косыми лучами горнаго берега.

— Хорошо?—переспросилъ онъ все такъ же удивленно и прибавилъ съ глубокимъ убѣжденіемъ на наивно-изломанномъ нарѣчіи средней Лены:—Нѣтъ! Бѣломъ свѣтѣ хорошо. За горами хорошо... А мы тутъ... зачѣмъ живемъ? Пеструю столбу караулимъ... Пеструю столбу, да сѣрый камень, да темную лѣсу...

Впереди изъ-за куста выглядывалъ полосатый казенный столбъ, полинялый и наклонившійся. Его-то, очевидно, и разумѣлъ Микеша подъ „пестрой столбой“. Въ голосѣ его слышалось столько глубокой грусти, что мнѣ стало вдругъ не по себѣ, какъ будто я былъ виноватъ въ чемъ-то. Зачѣмъ я только что съ такимъ увлеченіемъ разсказывалъ ему о далекой странѣ, куда мы ѣдемъ? Пройдетъ мѣсяца два или три, и я буду тамъ, въ этомъ широкомъ бѣломъ свѣтѣ, а этотъ странный молодой станочникъ съ глубокими черными глазами, все равно, останется здѣсь, у своей „пестрой столбы“, среди этихъ красивыхъ, но мертвыхъ и безплодныхъ камней, надъ пустынной рѣкой.

Послѣ этого съ версту мы проѣхали молча. Лучи на камняхъ угасали, въ ущельяхъ залегали густыя сумерки, насыщенныя туманами, которыя въ Сибири называютъ красивымъ словомъ „мороки“. Въ воздухѣ быстро свѣжѣло. Шагъ лошади гулко раздавался по перелѣскамъ.

— На Титаринскомъ станкѣ опять, видно, писать будешь?— спросилъ Микеша, съ любопытствомъ поднимая на меня свои наивные глаза.

— Зачѣмъ?—спросилъ я, нѣсколько удивленный.

— Не дадутъ лошадей,—пояснилъ онъ. — Титаринскіе станочники—не народъ, а дьяволъ. Не пишешь—не даютъ, пишешь—боятся. Пиши! Я смотрѣть буду...

— Не отставай! Не отста-ва-ай!—донесся издалека протяжный окрикъ передового ямщика.

— Ударь,—сказалъ Микеша.—Ночь придетъ...

Я тронулъ лошадь поводомъ, но, пробѣжавъ нѣсколько сажень, она вдругъ шарахнулась въ сторону, такъ что я едва усидѣлъ. Впереди на дорогѣ, прямо передъ нами, стояли на колѣняхъ двѣ человѣческія фигуры.

— Батюшка, кормилецъ... ваше сіятельство!..—услышалъ я два гнусавыхъ лицемѣрно жалобныхъ голоса. — Не дай пропасть душамъ христіанскимъ...

— Ва-ш-ше высоч-чество! — подхватилъ другой. — Помираемъ... Обносились, оголодали...

— Бродяги,—спокойно сказалъ Микеша, остановившись у моей лошади и съ обычнымъ своимъ внимательнымъ любопытствомъ присматриваясь къ пріемамъ бродягъ и къ тому дѣйствію, какое они окажутъ на меня... Видъ у бродягъ былъ дѣйствительно ужасный, лица блѣдныя, въ голосахъ, дѣланно-плаксивыхъ и скулящихъ по-собачьи, слышалось что-то страшное, а въ глазахъ, сквозь заискивающую и льстивую покорность, настораживалось вдругъ что-то пристально высматривающее и хищное.

Я далъ серебряную монету и вынулъ кусокъ хлѣба изъ переметной сумы. Оба схватились за хлѣбъ, и въ голосахъ ихъ послышалась радостная благодарность. Отъѣхавъ на нѣкоторое разстояніе, я замѣтилъ, что Микеша остановился и дружелюбно, какъ съ знакомыми, бесѣдуетъ съ варнаками. Впрочемъ, черезъ нѣсколько минутъ онъ опять присоединился ко мнѣ.

— Сколько далъ? — спросилъ онъ у меня и, получивъ отвѣтъ, прибавилъ:—хитрый варнакъ. Глаза закатитъ, слѣпой дѣлается, ногу подогнетъ—хромой дѣлается... Одного въ лѣсу встрѣчаетъ тебя,—горло перерветъ, пожалуй. А тутъ ногамъ кланяется.

— Ты ихъ знаешь?

— Въ тайгѣ встрѣчалъ, чай варили... Этотъ Иванъ—умнай, бѣда! Говоритъ: царю помогалъ, деньги дѣлалъ. Не знаю, правда,—не знаю, хвастаетъ... Въ острогѣ много сидѣлъ.

И пройдя еще нѣсколько саженъ, онъ прибавилъ задумчиво:

— Въ острогѣ человѣкъ много сидитъ, умнай бываетъ...

Онъ вздохнулъ... Мы опять ѣхали подъ скалами, и лицо его мнѣ было видно довольно плохо въ вечернемъ сумракѣ. Но въ его голосѣ слышались ноты такого же почтительнаго удивленія къ острожникамъ, какое онъ выказывалъ по поводу моего писанія...

Черезъ полчаса стало уже совсѣмъ темно. Вверху угасали еще въ синемъ небѣ послѣдніе отблески заката, но въ затѣненной ленской долинѣ стояла тьма... Вдругъ мой спутникъ издалъ легкій гортанный крикъ удивленія и вскочилъ сзади на крупъ моей лошади.

— Гони! Скорѣй!—сказалъ онъ.

— Что такое?

— Огонь! Слѣпой ты, что-ли?

Дѣйствительно, вглядѣвшись въ темноту, я замѣтилъ впереди слабые отблески переливавшагося, какъ дыханіе, огня... Горѣло гдѣ-то въ сторонѣ, въ ущельи...

— Островскій горитъ, поселенецъ,—сказалъ Микеша, всматриваясь впередъ и усиленно колотя по бокамъ лошадь пятками своихъ торбасовъ.

Черезъ нѣсколько минутъ лошадь тяжелой рысью вынесла насъ двоихъ къ повороту дороги, и здѣсь изъ-за возвышенности передъ нами открылось направо широкое ущелье. Въ глубинѣ его, на отлогомъ скатѣ горы виднѣлось догоравшее пожарище. Языки пламени еще вырывались изъ обугленной кучи бревенъ, и довольно рѣзкій ночной вѣтеръ, дувшій изъ пади, тихо колебалъ стлавшійся по землѣ бѣловатый дымъ. Какой-то человѣкъ то и дѣло мелькалъ чернымъ силуэтомъ на фонѣ пламени и, какъ мнѣ показалось, кидалъ что-то въ огонь. Невдалекѣ виднѣлось еще нѣсколько фигуръ, конныхъ и пѣшихъ, стоявшихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи неподвижно, въ роли праздныхъ зрителей...

Передовой ямщикъ успѣлъ съѣздить туда и теперь выѣхалъ опять на дорогу. Онъ сказалъ Микешѣ нѣсколько словъ по-якутски и хлеснулъ лошадь. Опять прежній звукъ, выражавшій не то удивленіе, не то радостный восторгъ, раздался за моей спиной...

— Ча!—крикнулъ Микеша.—Погляди ты, какіе люди бываютъ: самъ юрту зажигалъ, амбаръ зажигалъ, городьбу что есть въ огонь бросалъ... У-у, дьяволъ!

— Кто это?

— Да кто иной: Островскій, говорю, уніатъ...

И Микеша съ интересомъ и оживленіемъ сталъ разсказывать мнѣ исторію этого пожара.

Она была проста и сурова, какъ эти берега и горы. Нѣсколько лѣтъ назадъ уніатъ Островскій былъ высланъ, кажется, за отпаденіе отъ православія и поселенъ на Ленѣ. За нимъ пришла молодая жена съ маленькой дѣвочкой. Якуты отвели ему надѣлъ въ широкой пади, между двумя склонами. Мѣсто показалось удобнымъ для земледѣлія, якуты оказали нѣкоторую помощь. Сравнительно нетрудно было сбывать хлѣбъ на пріиски, и Островскій бодро принялся за работу. Якуты не сказали ему одного: въ этой лощинѣ хлѣбъ родился прекрасно, но никогда не вызрѣвалъ, такъ какъ его уже въ іюлѣ каждый годъ неизмѣнно убивали сѣверо-западные вѣтры, дувшіе изъ ущелья, какъ въ трубу, и приносившіе ранній иней. Якуты, не желающіе вообще поселенцевъ на своихъ земляхъ, имѣли свои виды, а сосѣди-станочники, арендовавшіе у якутовъ покосы и поэтому зависимые, тоже не предупредили поляка, боясь разсердить якутовъ.

Первые годы Островскій приписывалъ свои неудачи случайности и, глядя на необыкновенно-буйные урожаи, все ждалъ, что одинъ годъ сразу поставитъ его на ноги. И онъ убивался надъ работой, голодалъ, заставилъ голодать жену и ребенка, все расширяя свои запашки... Въ этомъ году лѣто опять дало одну солому, а осенью измученная горемъ жена умерла отъ цынги.

Островскій вырылъ могилу, безъ слезъ уложилъ жену въ мерзлую землю и заровнялъ ее... Потомъ онъ взялъ билетъ на пріиски и пособіе у якутовъ на дорогу. Якуты охотно дали то и другое, въ разсчетѣ избавиться отъ поселенца и воспользоваться его домомъ и кое-какимъ имуществомъ. Но Островскій обманулъ эти наивно-хитрыя ожиданія: онъ снесъ все имущество въ избу и зажегъ ее съ четырехъ концовъ. Этотъ-то пожаръ мы и видѣли теперь, проѣзжая мимо. Роковой вѣтеръ изъ ущелья раздувалъ пламя, пожиравшее пять лѣтъ труда, надеждъ, усилій и жертвъ...

— Все зажигалъ! Въ одинъ разъ кончилъ, — заключилъ Микеша свой разсказъ и потомъ спросилъ по-своему вдумчиво:

— Уні-атъ... Что такое уніатъ?.. Какой человѣкъ бываетъ?

— Вѣра такая,—отвѣтилъ я.

— То-то. И онъ говоритъ: вѣра. Въ одну церковь самъ не идетъ, въ другую не пускаютъ. Чего надо?..

Я не зналъ, какъ объяснить ему. Мнѣ казалось, что для этого нѣтъ словъ, понятныхъ Микешѣ, и нѣкоторое разстояніе мы проѣхали молча среди темной и притихшей тайги... Потомъ онъ легко соскочилъ съ лошади и пошелъ рядомъ, нѣсколько впереди, заглядывая мнѣ въ лицо,

— Другіе люди на бѣломъ свѣтѣ,—сказалъ онъ серьезно,— вздорятъ за вѣру... Есть скопецъ, есть духоборъ, есть молоканъ.... Много ихъ мимо насъ гоняли. За вѣру своей стороны лишаются... А у насъ никакая церковь нѣту... Лѣсинѣ хочешь молись, никто не спроситъ...

Я молчалъ. Надъ горами слегка свѣтлѣло, луна кралась изъ-за черныхъ хребтовъ, осторожно окрашивая заревомъ ночное небо... Мерцали звѣзды, тихо вѣялъ ночной ласково-свѣжій вѣтеръ... И мнѣ казалось, что голосъ Микеши, простодушный и одинаково непосредственный, когда онъ говоритъ о вѣрѣ далекой страны, или объ ея тюрьмахъ,—составляетъ лишь часть этой тихой ночи, какъ шорохъ деревьевъ или плескъ рѣчной струи. Но вдругъ въ этомъ голосѣ задрожало что-то, заставившее меня очнуться.

— Другіе говорятъ... никакой Богъ нѣту,—говорилъ Микеша, стараясь въ сумеркахъ уловить мой взглядъ... — Ты умной, бумага пишешь... Скажи,—можетъ это быть?..

— Не можетъ быть, Микеша,—отвѣтилъ я съ невольной лаской въ голосѣ.

Онъ вздохнулъ, какъ мнѣ показалось, съ облегченіемъ.

— Не можетъ быть!.. Враки!—подхватилъ онъ убѣжденно. И, поднявъ глаза къ темнымъ вершинамъ береговыхъ горъ или къ холодному небу, красиво, но безучастно сіявшему своими безчисленными огнями, и какъ бы отыскивая тамъ что-то, онъ прибавилъ:

— Хоть худенькій-худой, ну, все еще сколько-нибудь дѣламъ-те правитъ.

Теперь я невольно наклонился съ сѣдла, стараясь поймать взглядъ человѣка, только что и такъ изумительно просто исповѣдавшаго странную вѣру въ „худенькаго Бога". Была ли это ирония?.. Или это было искреннее выраженіе какъ бы ущербленной и тоскующей вѣры, угасающей среди этихъ равнодушныхъ камней?..

Луна совсѣмъ поднялась надъ суровыми очертаніями молчаливыхъ горъ и кинула свои холодные отблески на берегъ, на перелѣски и скалы... Но лицо Микеши было мнѣ видно плохо. Только глаза его, черные и большіе, выдѣлялись въ сумеркахъ вопросительно и загадочно...

— Не отста-вай, не отста-ва-ай!.. Ночь пришла-а!—слышалось издалека, изъ глубины таинственной и сумеречной дали...

III. Отчаянный человѣкъ на Титаринскомъ станкѣ.

Предсказаніе Микеши сбылось: на Титаринскомъ станкѣ опять не признали нашу „бумагу", и опять цѣлый день мы провели безъ движенія въ избѣ очередного станочника. Въ

серединѣ этого дня уѣхалъ обратно нашъ прежній ямщикъ. Къ его, а отчасти и моему удивленію, Микеша не послѣдовалъ за нимъ, а остался на станкѣ. Ямщикъ звалъ его, ругался, грозилъ даже, но Микеша молча сидѣлъ на лавкѣ, потупившись, съ видомъ безнадежнаго упрямства. Когда ямщикъ, наконецъ, увязалъ гусемъ всю четверку и, сѣвъ на переднюю лошадь, еще разъ крикнулъ Микешу, тотъ только махнулъ рукой и отвѣтилъ:

— Не ѣду я!..—И потомъ, повернувшись ко мнѣ, спросилъ:—Писать будешь? Пиши, пожалуйста.

Но писать мнѣ на этотъ разъ не приходилось: почта пробѣжала вчера, проѣзжающихъ не было, и до слѣдующей почты у титаринцевъ времени было слишкомъ много, чтобы испытать наше терпѣніе. Оставалось сидѣть въ избѣ, бродить съ тоской по берегу Лены и ждать счастливаго случая.

Къ вечеру на станкѣ появился вдругъ „уніатъ“ Островскій. Это былъ человѣкъ небольшого роста, коренастый, съ сильно загорѣлымъ энергичнымъ лицомъ настоящаго земледѣльца. На плечахъ онъ несъ нѣсколько связанныхъ вмѣстѣ узловъ, образовавшихъ цѣлую гору, а за полу его суконнаго кафтана держалась дѣвочка лѣтъ 8 или 9-ти, тоненькая, блѣдная и видимо испуганная. Я встрѣтилъ его на площадкѣ и сразу угадалъ, кто это: въ глазахъ у него какъ будто застыло охладѣвшее тяжелое горе. Станочники робко оглядывались при встрѣчѣ съ этимъ человѣкомъ, въ несчастіи котораго станокъ чувствовалъ и свою долю, хотя и пассивнаго участія.

Онъ спросилъ очередную избу и вошелъ въ нее вслѣдъ за мною. Не скидая шапки и не здороваясь, онъ сбросилъ на лавку свою ношу и сказалъ грубо:

— Ну, хозяева, принимайте гостя. Чайникъ, лепешку, живо!

— Вотъ онъ какой... уніатъ,—сказалъ мнѣ Микеша, тотчасъ же принявшійся наблюдать суетню оробѣвшихъ хозяевъ... Нашъ чайникъ былъ уже готовъ, и мы пригласили Островскаго раздѣлить съ нами наши дорожные запасы. Но онъ осмотрѣлъ насъ съ холоднымъ вниманіемъ и, составивъ какое-то заключеніе, отвѣтилъ рѣшительно и сурово:

— Нѣтъ, вы люди дорожные... А съ ними я все равно сосчитаюсь,—прибавилъ онъ съ усмѣшкой, кивая въ сторону хозяевъ.—Ну, живѣе, что ли! Падаль!

— Позвольте хоть дѣвочку напоить чаемъ.

Онъ посмотрѣлъ на нее, поколебался и потомъ сказалъ дочери:

— Садись съ ними... Да мнѣ только для нея и нужно... Самому и кусокъ въ горло не пойдетъ.

Въ послѣднихъ словахъ прозвучала горечь и какъ будто усталость. Свои дальнѣйшіе планы, на нашъ вопросъ, онъ изложилъ съ холоднымъ лаконизмомъ:

— На пріиски иду... Если дорогой не пропаду, наймусь... А дѣвчонку стану господамъ продавать...

Я съ ужасомъ взглянулъ на него, стараясь разглядѣть въ суровомъ лицѣ хоть что-нибудь, что выдало бы неискренность его словъ. Но его лицо было просто пасмурно, слова звучали рѣзко, какъ холодныя льдины во время ледохода... А дѣвочка ласково прижималась къ нему, и грубая рука, можетъ быть, механически гладила ея волосы...

— Какъ же вы доберетесь съ дѣвочкой до пріисковъ? — спросилъ я.

— Въ лодкѣ,—отвѣтилъ онъ сухо.

— У тебя, Островскій, развѣ есть ладья?—вкрадчиво спросилъ хозяинъ избы.

Островскій уставился въ него своимъ тяжелымъ, холоднымъ взглядомъ.

— Мало, что ли, лодокъ на берегу?..—отвѣтилъ онъ. —Возьму любую...

— Такъ то вѣдь наши, — наивно сказалъ станочникъ и, видя, что Островскій только усмѣхнулся, онъ какъ-то робко поднялся и вышелъ изъ избы.

Послѣ этого на площадкѣ, освѣщенной луною, собрались станочники, и даже въ нашу юрту долетали ихъ шумные разговоры. Станокъ жужжалъ, какъ рой обезпокоенныхъ пчелъ... По временамъ ямщики поодиночкѣ входили въ избу, здоровались, переминались у камелька съ ноги на ногу и смотрѣли на пришельца, какъ бы изучая его настроеніе. Островскій не обращалъ на все это ни малѣйшаго вниманія... Онъ сидѣлъ, согнувшись на лавкѣ, противъ огня, по временамъ клалъ въ камелекъ полѣно и расправлялъ желѣзной кочергой угли...

Проснувшись среди ночи, я увидѣлъ его въ той же позѣ. Слабый огонекъ освѣщалъ угрюмое лицо, длинные, опущенные книзу усы и лихорадочный взглядъ впалыхъ глазъ подъ нависшими бровями. Дѣвочка спала, положивъ голову ему на колѣни. Отблескъ огня пробѣгалъ по временамъ по ея свѣтлымъ, какъ ленъ, волосамъ, выбившимся изъ-подъ краснаго платочка. Кромѣ Островскаго, въ юртѣ, повидимому, всѣ спали; изъ темныхъ угловъ доносилось разнотонное храпѣніе...

Дѣвочка потянулась и заплакала.

— Спи!—сказалъ отецъ угрюмо.—Ночь еще...

Она всхлипнула какъ-то горько и спросила сонным голосомъ:

— Куда пойдемъ?..

— Ага!—съ злобной горечью отвѣтилъ про себя Островскій.—Когда бы я самъ зналъ... Къ дьяволу, вѣрно... Больше некуда...

— Куда?—громче спросила дѣвочка, но сонъ бралъ свое, усталое тѣльце снова съежилось, и она стала засыпать.

— Ку-да?.. Куда-а? — еще раза два прошептали сонныя губы, и, не дождавшись отвѣта, она заснула.

Сквозь стѣны доносилось къ намъ жужжанье голосовъ. Я протеръ запотѣлое оконце и глянулъ наружу.

Ночь сильно измѣнилась... Луна поднялась высоко надъ горами и освѣщала бѣлыя скалы, покрытыя инеемъ лиственницы, мотавшіяся отъ вѣтра и кидавшія черныя тѣни. Очевидно, послѣ полночи ударилъ морозъ, и вся каменная площадка побѣлѣла отъ инея. На ней черными пятнами выдѣлялась группа людей... Станочники, очевидно, не ложившіеся съ вечера, обсуждали что-то горячо и шумно.

Потомъ группа ямщиковъ медленно направилась къ нашей юртѣ. Дверь скрипнула, ворвался клубъ холоднаго воздуха... Ямщики одинъ за другимъ входили въ избу, подходили къ камельку, протягивали руки къ огню и смотрѣли на Островскаго. Тотъ какъ будто даже не замѣчалъ ихъ...

Послѣ всѣхъ вошелъ сѣдой старикъ. Очевидно, его сняли съ теплой лежанки собственно для этого случая. Волосы у него были бѣлые, какъ снѣгъ, рѣдкіе усы и борода тоже. Рука, опиравшаяся на длинную палку, дрожала. Подъ другую руку его поддерживалъ молодой ямщикъ, вѣроятно, внукъ.

— Здравствуй, братъ!—сказалъ онъ слегка дрожащимъ по-старчески, но пріятнымъ и какимъ-то почтеннымъ голосомъ.

— Здравствуй, дѣдъ,—отвѣтилъ Островскій, не поворачиваясь.—Зачѣмъ слѣзъ съ печи?

— Да, дѣло старое, — вздохнулъ старикъ и потомъ спросилъ политично:

— На пріиски собрался?

— Ну, на пріиски. Такъ что?

— Добро... Какъ пойдешь съ дѣвочкой?

— Въ лодкѣ.

— Гдѣ возьмешь?

— У васъ...

— Дорогой чѣмъ дѣвку кормить станешь?

— Хлѣбомъ.

— Гдѣ возьмешь?

— Вы дадите... Пудъ муки и кирпичъ чаю!..

Среди ямщиковъ послышался негодующій говоръ. Къ ка-

мельку протискался, между тѣмъ, Микеша, и мнѣ съ моего мѣста было видно его заинтересованное лицо. Черные глаза переходили съ мрачной фигуры Островскаго на почтеннаго станочнаго патріарха.

Тотъ покачалъ головой. Островскій посмотрѣлъ на него, усмѣхнулся и сказалъ:

— Ну, говори, старый хрычъ!

— Буду говорить,—сказалъ старикъ.—Я старый человѣкъ, могу тебѣ сказать. А ты, молодой, послушай. У тебя, Матвѣй, изба была вѣдь?

— Была.

— Что ты съ нею сдѣлалъ?

— Спалилъ, чтобъ собакамъ якутамъ не досталась.

— Твое дѣло. У тебя добро тоже было... Гдѣ оно?

— Съ дымомъ улетѣло.

— Пошто съ дымомъ пустилъ? Огонь съѣлъ, спасибо не сказалъ. Мы тебѣ сосѣди. Пришелъ-бы къ намъ... Возьмите, дескать, что осталось. Сбруя, телѣга, два хомута, дуга хорошая, столъ, четыре лавки... Вотъ и добро было-бы. Ты-бы до насъ, мы до тебя...

— Не надо! Все спалилъ, чтобъ и вамъ не досталось.

— Ну, спалилъ, твое дѣло. Зачѣмъ теперь къ намъ пришелъ?

Островскій посмотрѣлъ на старика, прищурившись.

— Ты не знаешь, зачѣмъ я пришелъ?.. Сосчитаться съ вами пришелъ. Давайте лодку, давайте хлѣба... Дешево прошу... Смотрите, не обошлось-бы дороже...

— Иди, у огня проси...—отвѣтилъ старикъ, сердито стукнувъ клюкой.—Огню все отдалъ, у него и проси. Намъ не давалъ, какъ теперь просишь? Негодяй!

Эта ясная логика и твердый тонъ пришлись, очевидно, по вкусу ямщикамъ. По всей избѣ пошелъ одобрительный говоръ. Но Островскій только сверкнулъ глазами и съ внезапной яростью ударилъ кочергой по дровамъ. Пукъ искръ метнулся въ трубу камелька... Ямщики дрогнули; ближайшіе попятились.

Дѣвочка, разбуженная рѣзкимъ движеніемъ, проснулась и сѣла на скамьѣ. Островскій не обратилъ на нее вниманія.

— Вотъ такъ, — сказалъ онъ съ дикой энергіей, — пошло все мое добро... Видѣли, какъ хорошо горѣло вчера ночью?

Онъ повернулся и посмотрѣлъ на замолкшую толпу ямщиковъ упорнымъ и злымъ взглядомъ.

— Своего не пожалѣлъ... Думаете—ваше пожалѣю?

Въ толпѣ опять послышался ропотъ. Микеша тяжело перевелъ духъ.

— Насъ, смотри-ка, много, — сказалъ сзади чей-то задорный голосъ. Островскій посмотрѣлъ туда и отвернулся опять къ огню.

— Убейте, — сказалъ онъ спокойно. — И меня, и дѣвку... Мнѣ все одно. А не убьете,—давайте хлѣба, давайте лодку... И съ парусомъ...

— Еще съ парусомъ ему!..—зароптали ямщики.

Старикъ стукнулъ палкой объ полъ и, когда водворилось молчаніе, сказалъ:

— Слушай, Матвѣй. Я тебѣ еще скажу слово, ты послушай.

— Говори, мнѣ все одно, что вѣтеръ.

— Ты сюда за что присланъ?.. За вѣру?

— Забылъ,—угрюмо отвѣтилъ Островскій.

— Въ Господа Бога вѣруешь?—торжественно сказалъ станочный патріархъ, глядя ему въ лицо.

— Не знаю,—отвѣтилъ Островскій и вдругъ поднялся со скамьи. Ямщики шарахнулись прочь, тѣсня другъ-друга.

— Слушай, — сказалъ Островскій, отчеканивая слова. — Слушай и ты меня, старая со-ба-ка...

— А-ха! — охнулъ внезапно Микеша при этомъ тяжкомъ оскорбленіи станочнаго патріарха. Ямщики смолкли. Нѣсколько мгновеній слышно было только легкое потрескиваніе огня въ камелькѣ.

— Помнишь ты,—продолжалъ Островскій,—какъ я въ первый разъ приходилъ къ тебѣ съ женой, какъ я кланялся твоимъ сѣдымъ волосамъ, просилъ у тебя совѣта?.. Аа! ты это позабылъ, а о Богѣ напоминаешь... Собака ты лукавая, всѣ вы собаки!—крикнулъ онъ почти въ изступленіи, отмахнувшись отъ дѣвочки, которая, не понимая, что тутъ происходитъ, потянулась къ отцу.—Вы—дерево лѣсное!.. И сторона ваша проклятая, и земля, и небо, и звѣзды, и...

Онъ остановился, и въ потемнѣвшей избушкѣ опять водворилось молчаніе, полное тяжелой подавленности и испуга... Островскій опустился на скамью, тяжело переводя дыханіе, съ искаженнымъ, почти неузнаваемымъ лицомъ... Черезъ нѣсколько мгновеній оно все передернулось непріятной гримасой, отдаленно напомнившей улыбку, и онъ насмѣшливо сказалъ старику:

— Ну, скажи еще что-нибудь...

— Нечего съ тобой и говорить, съ отчаяннымъ,—отвѣтилъ старикъ грустно и какъ-то сконфуженно повернулся къ выходу. Станочники молча разступались, но видъ у патріарха былъ приниженный и жалкій... Микеша прошелъ за камель-

комъ и, тихо сѣвъ рядомъ со мной, сказалъ послѣ короткаго молчанія:

— Слыхалъ?.. А? Какъ онъ его... Евстигнѣя Прокопьича... Собака ты, говоритъ... А-ай-а-ай! Теперь, гляди, станочники все дадутъ. Побоятся... Чистой дьяволъ...

— Уні-атъ,—прибавилъ онъ въ раздумьи, покачивая головой, какъ будто въ этомъ мало-понятномъ словѣ заключалась загадка страннаго могущества Островскаго...

Ямщики одинъ за другимъ, въ глубокомъ молчаніи, выходили изъ избы...

Вскорѣ, столпившись на той-же площадкѣ, они зажужжали и заспорили снова... Микеша угадалъ: ямская община, нравственно побѣжденная въ лицѣ патріарха, уже сдалась, станочники намѣтили старую лодку съ оборваннымъ парусомъ, оцѣнивали ее и разверстывали по душамъ этотъ непредвидѣнный расходъ... Станокъ, очевидно, спѣшилъ избавиться отъ человѣка, который дошелъ до того, что уже не дорожитъ ничѣмъ и ничего не боится.

Островскій все еще сидѣлъ на лавкѣ. Потомъ онъ оглянулся по опустѣвшей избѣ, и его взглядъ встрѣтился съ моимъ. Глаза его, еще недавно горѣвшіе, теперь были совершенно тусклы и непріятно, какъ-то матово отсвѣчивали подъ слабымъ огнемъ камелька.

— Ха!—сказалъ онъ, продолжая глядѣть на меня этимъ тяжелымъ взглядомъ. — За вѣру!.. Бога вспомнили... Давно это было... Не хотѣлъ ребенка хоронить на православномъ кладбищѣ... Теперь жену зарылъ въ яму, завалилъ камнями, безъ креста, безъ молитвы... Лѣсъ, камни... и люди, какъ камни...

Онъ провелъ рукой по лицу и, какъ будто отряхнувшись, заговорилъ спокойнѣе и съ насмѣшкой:

— Я бьюсь, голодаю, жду... Въ концѣ лѣта приходитъ морозъ, и кончено... И если бы я работалъ до суднаго дня,— было бы все то же. А они знали... И никто не сказалъ, ни одна собака!..

— Врешь, Островской, — послышался вдругъ около меня голосъ Микеши.—Я тебѣ говорилъ...

Островскій пристально всмотрѣлся и увидѣлъ говорившаго.

— А, это ты, Микеша... Вѣрно, — ты говорилъ, да я не послушалъ, потому что ты полоумный... А умные говорили другое...

При словѣ „полоумный“ я невольно взглянулъ на Микешу. Онъ сидѣлъ, опустивъ голову, лица его не было видно, но онъ не сказалъ больше ни слова...

Черезъ часъ, когда Островскій напился, какъ ни въ чемъ не бывало, чаю вмѣстѣ съ хозяевами, а мы напоили его дѣвочку, пришелъ молодой ямщикъ, принесъ въ мѣшкѣ муку и сказалъ, что лодка для Островскаго выбрана.

Меня поразило благодушное выраженіе голоса этого ямщика. Очевидно, разъ общество рѣшило,—ему уже не было дѣла до того, какимъ путемъ была отвоевана эта лодка... Ее приходилось еще чинить, но такъ какъ до берега было не близко, то Островскій собрался совсѣмъ. Онъ заботливо одѣлъ дѣвочку и взвалилъ на плечи свои узлы. Мы дали дѣвочкѣ сахару, бѣлаго хлѣба и нѣсколько серебряныхъ монетъ. Она вопросительно посмотрѣла на отца. Онъ не сказалъ ни слова, не поблагодарилъ, даже не посмотрѣлъ въ нашу сторону, но и не помѣшалъ ребенку сунуть все полученное въ небольшую котомку. Лицо его оставалось все такъ же холодно и рѣшительно. Уходя, онъ сказалъ только:

— Прощайте, господа! Васъ они тоже повезутъ... Въ лодкѣ не соглашайтесь... Повезутъ, подлецы, и на лошадяхъ.

И, повернувшись на порогѣ, онъ прибавилъ:

— Бейте по мордѣ... Тогда доѣдете скоро...

Затѣмъ онъ вышелъ, ведя дѣвочку за руку.

Я посмотрѣлъ за ними въ окно. Долгая осенняя ночь чуть-чуть блѣднѣла, но луна все такъ же свѣтила съ вышины, такъ же дулъ предутренній вѣтеръ, такъ же качались и бились лиственницы подъ большой скалой, такъ же мелькали по инею отблески и тѣни. Только теперь къ этому мельканію прибавились три человѣческія фигуры. Впереди шелъ молодой ямщикъ, сзади—нагруженный Островскій и рядомъ съ нимъ дѣвочка. И на бѣлой равнинѣ за ними слѣдовали черныя тѣни: одна огромная и уродливая, другая тоненькая и, какъ будто, готовая растаять среди этого холода и камней...

IV. По рѣкѣ.

Повидимому, разъ уступивъ Островскому, станокъ какъ бы потерялъ силу сопротивленія, и это послужило намъ на пользу. Утромъ въ избу вошелъ незнакомый намъ ямщикъ, небольшой, коренастый, съ безпокойно бѣгающими глазами. Онъ помолился на образъ и, не глядя на насъ, спросилъ:

— Чего думаете дѣлать?.. Общество лошадей не даетъ.

— А тебѣ что нужно?

— Да я объ васъ хлопочу. Въ лодкѣ, пожалуй, ямщики согласятся.

— Ну, въ лодкѣ, такъ въ лодкѣ.

Маленькіе глазки ямщика радостно сверкнули.

— Значитъ, согласны?.. — прорвалось у него восклицаніе, и онъ быстро направился къ двери. Отворивъ ее, онъ повернулся и сказалъ:

— Микеша, подь-ка сюда... Говорить надо.

Черезъ часъ мы уже были на берегу рѣки. Солнце поднялось надъ горами и сгоняло инѣй, еще лежавшій въ тѣни. Холодъ начиналъ уступать передъ солнечными лучами, но въ заливчикахъ и затонахъ держались еще льдистыя иглы...

Подходя къ берегу, мы съ удивленіемъ увидѣли, что къ лодкѣ подходитъ также Микеша. На одномъ плечѣ онъ несъ весла, на другомъ висѣла винтовка, въ рукѣ у него былъ узелокъ, который онъ тщательно спряталъ въ ящикъ на кормѣ.

Продѣлавъ все это, онъ посмотрѣлъ на меня какъ будто укоризненнымъ и слегка пренебрежительнымъ взглядомъ.

— Зачѣмъ не писалъ? Лошадямъ ѣхалъ бы... Дальше тоже лошадей давали бы... Лодкой худо... Когда доѣдешь?

Мы, очевидно, много потеряли въ его глазахъ, такъ легко согласившись ѣхать въ лодкѣ, тѣмъ болѣе, что станокъ, въ сущности, уступилъ бы, и мы стали жертвой хитрости стараго ямщика. У него пала лошадь, и онъ отправлялъ свою долю повинностей греблей. Поэтому онъ стоялъ на сходѣ за то, чтобы насъ везти, но непремѣнно въ лодкѣ,—такимъ образомъ, ему выпадала сравнительно легкая очередь. Общество сомнѣвалось, согласимся ли мы тащиться 45 верстъ противъ теченія, когда дорога еще допускала болѣе удобный и скорый способъ передвиженія. Старый ямщикъ взялся уговорить насъ и теперь, къ явному разочарованію Микеши, торжествовалъ легкую побѣду...

— У-у! хитрой ямщикъ,—говорилъ онъ, глядя съ улыбкой на торопливо бѣжавшаго по берегу старика... Повидимому, „хитрой ямщикъ“ боялся, что мы еще можемъ раздумать...

Но мы безпрекословно усѣлись въ широкую лодку, старикъ отпихнулъ ее багромъ, а Микеша толкалъ съ носа, шлепая по водѣ, пока она не вышла на болѣе глубокое мѣсто. Тогда и Микеша вскочилъ въ нее и сѣлъ въ весла.

Не успѣли мы обогнуть небольшой мысокъ, какъ отъ станка къ берегу подбѣжала дѣвочка и кинула намъ съ деревянныхъ мостковъ узелокъ.

— Что это?—спросилъ я

— Ничего, ничего, такъ, посылка...—отвѣтилъ старикъ.

— Хлѣбъ, чайникъ...—пояснилъ Микеша.—На островѣ чай пить будемъ. Далеко...

Старикъ сердито посмотрѣлъ на него: онъ увѣрялъ насъ, что до захода солнца мы уже будемъ на станкѣ, и боялся,

что разоблаченіе Микеши еще можетъ измѣнить наше рѣшеніе. Онъ открылъ дверку ящика, чтобы сунуть туда свой узелокъ, и остановился съ удивленіемъ, видя, что мѣсто занято. Мнѣ показалось, что Микеша, въ свою очередь, смутился, когда старикъ нащупалъ рукой въ его узелкѣ сапоги.

— Это что? — спросилъ старикъ, пытливо глядя на Микешу.—Сапоги взялъ, барахло взялъ, винтовку взялъ... Смотри, Микешъ, опять, видно, дурить хочешь...

Микеша не отвѣтилъ и только крѣпче налегъ на весла, такъ что онѣ застонали въ уключинахъ... Лодка взмыла впередъ, подъ килемъ забились и зажурчали ленскія волны. Высокія горы какъ будто дрогнули и тихо двинулись назадъ... Темныя крыши Титаринскаго станка скоро потонули за мысомъ.

День обѣщалъ быть теплымъ. Вѣтеръ стихъ, рѣчная гладь едва шевелилась, и широкія, пологія волны лишь тихо колебали, не взламывая, зеркальное отраженіе скалъ. Горы противоположнаго берега казались совсѣмъ близко, и, только пристально вглядываясь въ подробности, можно было замѣтить, что это обманъ зрѣнія: овраги представлялись извилистыми трещинками, а огромныя лиственницы на склонахъ — былинками...

Наша лодка, тихо покачиваясь, шла точно по водяной аллеѣ. По временамъ, будто кинутый чьей-то невидимой рукой, изъ-за горъ вылеталъ черной точкой орелъ или коршунъ и плавно опускался къ рѣкѣ, проносясь надъ нашими головами. Порой гдѣ-то въ воздухѣ раздавался торопливый перезвонъ птичьей стаи, но глазъ не могъ различить ее на пестромъ фонѣ лѣсистыхъ скалъ, пока совсѣмъ близко въ воздухѣ не пролетала стремительно горсточка черныхъ точекъ, торопясь, свистя крыльями, погоняя другъ-друга—и тотчасъ же сливаясь съ пестрымъ фономъ другого берега. Только сѣрые бакланы неторопливо, дѣловито держались по слѣду нашей лодки, то припадая грудью къ водѣ, то трепыхая на мѣстѣ крыльями и погружая въ воду тонкія красныя лапки.

Порой дорогу намъ загораживала далеко вдавшаяся въ рѣку отмель... Тогда Микеша входилъ беззаботно въ холодную воду, иногда по поясъ, и тащилъ лодку лямкой.

— Гляди, вонъ тамъ, подъ горой, Островскій идетъ,—сказалъ мнѣ ямщикъ, указывая вдаль. Вглядѣвшись пристально въ пеструю полоску другого берега, я дѣйствительно увидѣлъ на водѣ тихо двигавшуюся лодочку, а по камнямъ, часто теряясь между ними, двигалась, какъ муравей, черная точка. Это Островскій тащилъ лодку лямкой.

Плесъ былъ прямой, и долго я видѣлъ впереди эту точку

пока безсонная ночь и утомленіе взяли свое, и я заснулъ подъ мѣрное взвизгиваніе уключинъ. Оба мои спутника тоже давно спали на днѣ широкой лодки.

Когда я проснулся, то сразу замѣтилъ, что кругомъ что-то измѣнилось. Микеша торопливо шлепалъ по водѣ, таща лямку, старикъ правилъ рулемъ, и лодка, круто забирая волну, перерѣзывала широкую курью (заливъ), направляясь къ серединѣ рѣки. Въ воздухѣ посвѣжѣло, берега какъ будто прижмурились, лица ямщиковъ были озабочены, движенія торопливы.

— Сядь-ко къ рулю, скорѣе будетъ,—сказалъ мнѣ старшій ямщикъ, замѣтивъ, что я проснулся. — Держи вонъ туда, на островъ,—прибавилъ онъ, указывая на едва замѣтную полоску земли, какъ будто прижавшуюся къ самому берегу на другой сторонѣ, но оказавшуюся впослѣдствіи большимъ островомъ на самой серединѣ рѣки. Я сѣлъ къ рулю, Микеша, разбрызгивая холодную воду, взобрался въ лодку, и она понеслась на перерѣзъ теченія.

— Халанъ (снѣговая туча) придетъ,—пояснилъ старикъ.— Авось, еще на островъ поспѣемъ.

Я не видѣлъ никакой тучи. Лодка наша торопливо удалялась отъ одного берега, но другой какъ будто не приближался, и рѣка, имѣющая здѣсь около шести верстъ въ ширину, только раздвигалась передъ нами, какъ море. Вверхъ по теченію широко разлившаяся водная гладь почти сливалась съ золотомъ близкаго заката, и только туманная синяя полоска отдѣляла воду отъ неба.

Все было свѣтло, задумчиво, спокойно.

— Гдѣ же туча?—спросилъ я, удивленный тревожной торопливостью ямщиковъ. Старикъ не отвѣтилъ. Микеша, не переставая грести, кивнулъ головой кверху, по направленію къ свѣтлому разливу... Вглядѣвшись пристальнѣе, я замѣтилъ, что синяя полоска, висѣвшая въ воздухѣ между землею и небомъ, начинаетъ какъ будто таять. Что-то легкое, бѣлое, какъ пушинка, катилось по зеркальной поверхности Лены, направляясь отъ широкаго разлива къ нашей щели между высокими горами.

— Работай, работай!—поощрялъ старикъ, самъ съ усиліемъ налегая на весла.

По лицамъ ямщиковъ катились крупныя капли пота, руки напрягались... Лодка неслась, какъ стрѣла. Островъ замѣтно отдѣлялся отъ противоположнаго берега.

— Не поспѣть,—сказалъ старшій, повернувъ озабоченное лицо въ сторону все мутнѣвшей дали...

— Не сдавай книзу, смотри! Какъ бы не миновать острова...

Я повернулъ лодку и сразу почувствовалъ, что ее колыхнуло сильнѣе, приподняло, и въ бока ударила торопливая, тревожная зыбь... Бѣжавшій передъ тучею охлажденный вѣтеръ задулъ между горами, точно въ трубѣ. Отъ высокаго берега донесся протяжный гулъ, въ лицо намъ попадала мелкая пыль водяныхъ брызговъ, между берегомъ и глазомъ неслась тонкая пелена, смывавшая очертанія скалъ и ущелій...

— Ну, запылитъ теперь, — сказалъ старикъ, — держи, смотри, потверже, помни, гдѣ островъ.

Съ горъ несся уже протяжный шумъ лиственницъ, и скоро къ нему присоединился плескъ прибоя. Нѣкоторое время было видно, какъ берегъ весь побѣлѣлъ отъ пѣны. Но вскорѣ все это стало исчезать... По всей рѣкѣ запорхали бѣлыя снѣжинки, ложившіяся на темныя волны. Онѣ становились все гуще, заволакивая сначала дальніе уступы, потомъ ближнія скалы, потомъ самый обрѣзъ берега... Птичьи голоса смолкали, жизнь, казалось, уходила съ рѣки... Только чайки вскрикивали еще нервно и отрывисто, кидаясь навстрѣчу вѣтру, гнавшему тучу и сгущавшему ее между высокими горными берегами... Нѣкоторое время сквозь эту пелену еще доносился шумъ лиственницъ, потомъ смолкъ и онъ, какъ будто задавленный густымъ снѣгомъ; вѣтеръ тоже стихалъ...

Одинъ изъ моихъ товарищей, крѣпко спавшихъ на днѣ лодки, проснулся отъ этой тишины, поднялся и, протирая глаза, спрашивалъ съ удивленіемъ:

— Что такое? Гдѣ мы?

Кругомъ стало однообразно бѣло, спокойно и только милліоны снѣжинокъ, большихъ, плоскихъ, пушистыхъ, порхая и кружась, сыпались на воду, на весла, на лодку, на лица гребцовъ. Скоро края лодки, лавки, одежда побѣлѣли подъ толстымъ слоемъ снѣга.

Ямщики сложили весла и тяжело перевели дыханіе... Кругомъ стояла будто бѣлая стѣна, а на небольшой площадкѣ воды у самой лодки густо валились бѣлые хлопья, таявшіе въ водѣ и тотчасъ смѣнявшіеся другими...

— Что-же, надо всетаки грести къ острову, — сказалъ я.

— А гдѣ онъ, островъ? — отвѣтилъ насмѣшливо старшій ямщикъ.

Дѣйствительно, опредѣлить направленіе было трудно. Лодка, покачиваясь, казалось, стоитъ на мѣстѣ на небольшомъ темномъ кружкѣ воды, окруженномъ бѣлою непроницаемою стѣною. Но вдругъ Микеша наклонился, протянулъ весло и вытащилъ изъ воды таловую вѣтку съ неопавшими еще листами.

— Островъ близко, сказалъ онъ, тамъ...

Черезъ минуту изъ бѣлаго тумана опять показались очертанія, и мимо насъ проплыло цѣлое деревцо, очевидно, только что оторвавшееся съ крутояра, оставляя за собой глинистый слѣдъ еще не обмытыхъ корней... Ямщики бодро ударили въ весла...

Прошло съ четверть часа и носъ лодки уткнулся въ крутой и обрывистый берегъ. Островъ былъ плоскій, и укрыться отъ снѣга было негдѣ; ямщики нарубили сухого тальнику, и бѣлый дымъ костра смѣшался съ густой сѣткой снѣга... Я посмотрѣлъ на часы: было уже довольно поздно, и скоро за снѣговой тучей должно было сѣсть солнце...

— А далеко еще до станка?—спросилъ я.

— Недалече, отвѣтилъ старикъ, бѣгая своими плутоватыми глазами. —Вотъ чаю напьемся, островъ лямкой пройдемъ, потомъ ударимся на ту сторону...

Микеша усмѣхнулся.

— Островъ десять верстъ, —сказалъ онъ равнодушно, — той стороной тоже десять... Ночь полночь и то на станкѣ не будемъ... Ты писать можешь, а старикъ умнѣе тебя: обманулъ! прибавилъ онъ. Хитрой! Тюрьма сидѣлъ, и то оправился.

— За что? спросилъ я.

— За купчиху, отвѣтилъ Микеша, спокойно и съ нѣкоторымъ любопытствомъ вглядываясь въ измѣнившееся лицо старика. У того глаза сверкнули внезапнымъ огонькомъ.

— За какую купчиху... Врешь ты, — сказалъ онъ живо. — Не хлопай, чего не знаешь...

— Да тебя не Фроломъ ли звать? спросилъ я.

— Ну, Фроломъ. Такъ что? отвѣтилъ онъ, настораживаясь, и въ глазахъ его проступило что-то злое и чуткое, точно у звѣря, сознающаго опасность...

Исторію этого Фрола мнѣ разсказывали еще въ Якутскѣ, такъ какъ нѣсколько лѣтъ назадъ она занимала всю Лену, небогатую вообще событіями. Это былъ когда-то хорошій хозяинъ, и жена у него, значительно моложе его самого, считалась красавицей. Говорили, что онъ очень любилъ ее, но и мучилъ дьявольской ревностью, особенно послѣ того, какъ, увлекшись какимъ-то кудрявымъ хохломъ-поселенцемъ, она убѣжала было съ нимъ на пріиски... Ее скоро вернули, она захворала и умерла отъ тоски или отъ побоевъ. Фролъ сначала очень тосковалъ, потомъ вдругъ успокоился и даже повеселѣлъ. Когда ему напоминали о женѣ или принимались сватать другихъ, онъ только лукаво усмѣхался и какъ-то загадочно увѣрялъ, что она опять убѣжала, но скоро вернется.

Однажды, лунною, осеннею ночью, на серединѣ перегона между двумя станками ему встрѣтился ямщикъ сосѣдняго станка, предложившій обмѣняться пассажирами. Это обычный пріемъ ямщиковъ, выигрывающихъ такимъ образомъ цѣлую путину. Пассажиры спали въ открытыхъ кибиткахъ и не слышали даже, какъ ямщики перепрягали лошадей... Отъѣхавъ недалеко, встрѣчный ямщикъ услышалъ назади какъ будто испуганный крикъ. Но онъ не обратилъ на него вниманія и поѣхалъ дальше.

Оказалось, что пассажирка, ѣхавшая съ нимъ до этой перепряжки, очнулась, когда Фролъ влѣзалъ на козлы. Удивленная остановкой, она отодвинула фартукъ, и на Фрола взглянуло внезапно женское лицо, освѣщенное свѣтомъ полной луны...

Что было послѣ этого, и самъ Фролъ, и обезумѣвшая отъ испуга пассажирка помнили плохо. Только уже днемъ Фролъ привезъ ее на станокъ, но вмѣсто того, чтобы высадить у почтовой станціи, привезъ къ своей избѣ, сгребъ въ охапку, внесъ въ избу и крѣпко заперъ. На разспросы сосѣдей онъ объявилъ, что къ нему опять вернулась жена, и что теперь онъ ее уже не отпуститъ... Явился староста, собрались станочники, и у сумасшедшаго съ трудомъ отбили до безчувствія испуганную женщину, оказавшуюся вдовой-купчихой изъ приленскаго города, часто разъѣзжавшей по торговымъ дѣламъ...

Судъ призналъ Фрола невмѣняемымъ, и онъ опять вернулся въ общество, только хозяйство его сильно пошатнулось...

— Какъ могъ оправиться? — спрашивалъ теперь у меня Микеша, съ любопытствомъ присматривавшійся къ страннымъ огонькамъ, тревожно вспыхивавшимъ въ глазахъ старика...

Я тоже съ любопытствомъ взглянулъ на Фрола. Онъ былъ низкаго роста, съ широкими плечами, длинными руками и быстрыми движеніями сильной обезьяны. Въ скуластомъ зеленовато-желтомъ лицѣ, съ тонкими, постоянно какъ будто жевавшими губами, виднѣлись типическіе признаки вырожденія. Глаза бѣгали, и теперь въ нихъ загоралось лукаво скрытое мелькающее выраженіе, какъ будто онъ что-то затаилъ въ себѣ, что-то относящееся до этой исторіи, извѣстное ему одному, чему глупые люди, пожалуй, не повѣрятъ. Микеша приглядывался къ нему съ любопытствомъ и отчасти съ насмѣшкой; онъ, вѣроятно, давно уловилъ этотъ двойственный взглядъ Фрола и по-своему характеризовалъ его часто повторяемымъ словомъ: „хитрой“. Мнѣ казалось, что изъ бѣгающихъ глазъ этого станочника глядѣло просто сумасшествіе... Очевидно, и теперь еще въ немъ, среди этихъ су-

мрачныхъ скалъ, шла какая-то своя жизнь, полная сумасшедшихъ мечтаній, быть можетъ, радостныхъ и свѣтлыхъ, а можетъ быть, и еще болѣе мрачныхъ, чѣмъ эти горы. Но трудная доля ямщика, не дававшая отдыха и досуга отъ тяжелыхъ повседневныхъ заботъ, не выпускала его изъ своихъ тисковъ, и ей, вѣроятно, онъ былъ обязанъ тѣмъ, что ему позволяли оставаться на рѣкѣ, вмѣсто сумасшедшаго дома, и тянуть, до новаго случая, будничную лямку здравомыслящихъ земляковъ...

Впрочемъ, скоро безпокойные огоньки въ его глазахъ, освѣщавшіе эту глубоко-скрытую и таинственную глубину омраченной человѣческой души, угасли. Онъ сталъ распоряжаться закипавшимъ чайникомъ... Только лицо его стало нѣсколько блѣднѣе, и губы все какъ бы жевали что-то...

Гдѣ-то теперь Островскій? - спросилъ я, чтобы перемѣнить разговоръ...

Куда дѣвается? - отвѣтилъ Фролъ, - тоже гдѣ-нибудь чай варитъ на томъ берегу... Варнакъ проклятой!..

Чего ругаешься? - спросилъ Микеша.

Хвалить, что ли, стану... - отгрызнулся Фролъ. - Лодку съ общества взялъ нахраномъ... Лодка чего-нибудь стоитъ...

На пріиски пошелъ... Проклятое мѣсто сидѣть не хочетъ, - задумчиво сказалъ Микеша и потомъ, усмѣхнувшись, прибавилъ: - а титаринскіе испугались. Тридцать человѣкъ боятся... Одинъ человѣкъ не боится... Деньги, сказалъ-бы, давайте, деньги дали-бы... Удивительное дѣло... Уні-атъ!

— А тебѣ любо?—ехидно спросилъ Фролъ и, живо повернувшись ко мнѣ, сказалъ:—Микешко этотъ вотъ какой человѣкъ: гоньба гонять—не хочу, жениться—не хочу, начальникъ возить—не хочу. Ничего не хочу! Какъ будешь жить?..

— Неволя жить не хочу, — задумчиво и просто сказалъ Микеша.—Пашпортъ давали-бы,—бѣлый свѣтъ пойду...

Фролъ посмотрѣлъ на него долгимъ и насмѣшливымъ взглядомъ...

— Безумной!—сказалъ онъ убѣжденно:—какъ пашпортъ тебѣ дадутъ? Другой тоже пашпортъ хочетъ... Всѣ захотятъ, кто на станкѣ останется? Начальникъ пріѣдетъ, кто повезетъ?..

Микеша промолчалъ. Лицо у него было грустное. Быть можетъ, онъ признавалъ неодолимую правильность аргумента, но внутри у него безсознательно, нелогично и непобѣдимо засѣло стремленіе къ бѣлу свѣту и вольной волѣ. Вообще, мнѣ казалось, что теперь роли ямщиковъ радикально измѣнились. Фролъ представлялъ собою само здравомысліе, вѣковую мудрость ямщицкихъ общинъ, —и онъ съ уничтожающей на-

смѣшкой смотрѣлъ на „безумнаго“ Микешу. Въ глазахъ послѣдняго стояла лишь грустная растерянность и темное, безсознательное стремленіе... неизвѣстно куда...

— Какъ-же ты говоришь,—заступился я за Микешу, къ „безумію“ котораго я почувствовалъ глубокую симпатію, — какъ ты говоришь, что онъ не хочетъ работать, когда вотъ онъ лямку съ тобой же тянетъ...

— Такъ то̀ я его нанималъ, — отвѣтилъ Фролъ насмѣшливо.— Какой это станочникъ, на чужой станокъ нанимается, свою очередь держать не хочетъ... Два раза бѣгалъ... обществомъ пороли... Можетъ, скажешь, неправда?

Микеша продолжалъ молчать...

— Теперь, гляди, опять чего-то надумалъ, — съ чисто мефистофелевской улыбкой продолжалъ Фролъ, пронизывая бѣднаго Микешу острымъ и насмѣшливымъ взглядомъ... — Скажешь—и это неправда? А зачѣмъ барахло взялъ?.. Сапоги зачѣмъ? Ружье для чего захватилъ? Смотри, общество все равно достанетъ тебя... Опять портки спустятъ.

Онъ говорилъ съ негодованіемъ и увлеченіемъ. Но Микеша вдругъ перевелъ на него свои выразительные глаза, въ которыхъ засвѣтилась опредѣленная мысль, и сказалъ просто:

— Мѣняй у меня лодку. Моя лодка на станкѣ осталась, хорошая!..

Маленькіе хитрые глазки Фрола забѣгали. Онъ былъ сбитъ съ безкорыстно-обличительной колеи и не могъ сразу попасть на другую, тѣмъ болѣе, что ему приходилось стать пособникомъ подозрѣваемаго новаго побѣга. Черезъ нѣкоторое время, однако, онъ отвѣтилъ заискивающимъ тономъ:

— Придачи, Микешенька, не спросишь?

— Гдѣ придачу возьмешь? Лодку сегодня давай. Проѣзжающихъ доставимъ, я въ лодку сяду, ты пѣшкомъ назадъ пойдешь.

— А я потомъ какъ твою ладью достану? Станочники не отдадутъ.

— Бумагу пишемъ. Вотъ онъ бумагу пишетъ, — указалъ Микеша на меня.

— Пишешь бумагу? — живо спросилъ у меня Фролъ...—Ну, когда такъ,—мѣняю!

Они ударили по рукамъ, и я тутъ же на листкѣ, вырванномъ изъ записной книжки, наскоро написалъ условіе, буквы котораго расплывались отъ снѣга. Фролъ тщательно свернулъ мокрую бумажку и сунулъ въ голенище. Съ этой минуты онъ становился обладателемъ хорошей лодки, единственнаго достоянія Микеши, которому въ собственность переходила ста-

рая тяжелая лодка Фрола. Въ глазахъ стараго ямщика свѣтилась радость, тонкія губы складывались въ усмѣшку. Очевидно, теперь онъ имѣлъ еще больше основаній считать Микешу полоумнымъ...

Снѣгу, казалось, не будетъ конца. Бѣлые хлопья все порхали, густо садясь на вѣтки талины, на давно побѣлѣвшую землю, на насъ. Только у самаго огня протаяло и было черно. Весь видимый міръ для насъ ограничивался этимъ костромъ да небольшимъ клочкомъ острова съ выступавшими, точно изъ тумана, очертаніями кустовъ... Дальше была бѣлая стѣна мелькающаго снѣга.

Вдругъ оба ямщика насторожились.

— Будетъ!—сказалъ старикъ, подымаясь, собирайся, ребята, халанъ проходитъ...

Гдѣ-то совсѣмъ близко послышалось веселое щебетанье птицъ, какъ будто птичья стая радовалась опять наступившему свѣту, и вслѣдъ за этимъ я и оба мои товарища вскочили на ноги, пораженные, почти испуганные. Сплошная завѣса снѣга разорвалась въ вышинѣ, и оттуда, какъ-то угрожающе близко, точно въ круглое окно, глядѣлъ на насъ огромный утесъ, черный, тяжелый, опушенный снѣгомъ, съ лиственницами на вершинѣ. Впечатлѣніе было такое, какъ будто кто-то огромный и мрачный тихо раздвинулъ снѣговую тучу и молчаливо смотритъ сверху на кучку людишекъ, маленькихъ и беззащитныхъ, затерявшихся на пустомъ островѣ.

Мгновеніе... окно закрылось, утесъ исчезъ, какъ мимолетный кошмаръ, но снѣгъ уже пришелъ въ движеніе и несся мимо, волнуясь и колеблясь. Опять въ этой колеблющейся пеленѣ мелькнулъ разрывъ, другой, чаще и шире, и черезъ нѣсколько минутъ весь горный берегъ выступилъ передъ нами въ поражающемъ величіи...

Огромныя базальтовыя скалы стояли у самой воды, возвышаясь вершинами вровень съ хребтомъ... Столбы, арки, крѣпостныя стѣны съ зубцами, башни, мосты, пещеры, фасады причудливыхъ зданій, разбросанныхъ по гигантскому склону, все это, опушенное по выступамъ бѣлыми каймами снѣга, облитое лучами заходящаго солнца, полное покоя, величія и невообразимой первобытной красоты...

А послѣдніе столбы снѣговой тучи мчались мимо, какъ остатки какой-то призрачной арміи...

Ничего прекраснѣе этого зрѣлища я не видѣлъ никогда въ своей жизни.

— Камнями этими поманили отцовъ нашихъ, — сказалъ Фролъ, и въ лицѣ его я прочелъ почти ненависть. —Въ нихъ,

говоритъ. золота лопатами греби... Поди, возьми его! Однако, братцы, ѣхать пора... Бери, Микеша,

— А во-онъ—Островскій идетъ, указалъ Микеша, когда мы вышли на откосъ берега...

Подъ огромными горами, на побѣлѣвшей и залитой косыми лучами вечерняго солнца береговой полоскѣ опять виднѣлась маленькая черная точка...

Долго еще послѣ этого плыли мы по темной рѣкѣ. Послѣдніе лучи заката давно погасли, горы утонули въ густомъ сумракѣ, рѣка какъ будто притаилась между смутными берегами, и всплески нашихъ веселъ одни нарушали очарованное молчаніе, отдаваясь чуткимъ эхомъ заснувшихъ ущелій... Вверху было глубокое, темное небо, внизу таинственно мерцающая глубина... И до сихъ поръ еще, порой, я вижу во снѣ эту темную рѣку, и смутныя отраженія рѣдкихъ звѣздъ, и эти горы, похожія въ темнотѣ на тучи, и нашу лодочку, покачиваемую невидимой волной великой сибирской рѣки... И на меня вѣетъ отъ этихъ воспоминаній глубокою, неизобразимою словами печалью. Откуда она — я сказать не могу... Отголосокъ-ли невозвратнаго прошлаго, смутное мерцаніе пройденнаго уже пути жизни? Или это опредѣленная человѣческая грусть этихъ станочниковъ, обреченныхъ караулить на дикихъ берегахъ полосатые казенные столбы и холодные камни?..

— Огонь!—радостно сказалъ одинъ изъ моихъ товарищей.

Дѣйствительно, за поворотомъ, навстрѣчу намъ засверкалъ на берегу живой огонекъ костра подъ темными скалами. Подъѣхавъ ближе, мы услышали хриплый голосъ, выводившій какую-то пѣсню, у костра виднѣлись три человѣческія фигуры, въ которыхъ мы скоро узнали Островскаго и недавно встрѣченныхъ нами бродягъ.

Вѣроятно, заслышавъ плескъ веселъ, Островскій поднялся, отошелъ отъ костра и остановился, вглядываясь въ темноту. Потомъ онъ сошелъ на берегъ.

— Ага! это вы? — сказалъ онъ. — Ого-го! и Микеша съ вами...

— А вы, Островскій, нашли себѣ товарищей, сказалъ я.

— Ребята теплые! отвѣтилъ онъ съ насмѣшкой въ голосѣ.

— Не совсѣмъ только подходящая компанія для дѣвочки...

— Ни-и-чего!—отвѣтилъ онъ увѣренно.—Го-го! Островскаго никто не обидитъ, а за Анюту... горло перерву!..

— Островской! Куда ушелъ? Съ кѣмъ ты тамъ разговариваешь? — крикнулъ одинъ изъ бродягъ отъ костра.

— Молчи! Не твое дѣло! — грубо отвѣтилъ ему Островскій и, опять обращаясь къ намъ, прибавилъ:

— Думаете, пропаду?.. Нѣтъ, не пропаду... Былъ дуракъ, чуть не пропалъ... Ха! Думалъ святую землю работать, другихъ научить, какъ за нею ходить надо... Спасибо, самого научили!

— Островской — дьяволъ! — послышалось опять съ берега, и одинъ изъ сидѣвшихъ у костра бродягъ зашевелился...

— Однако, вы лучше проѣзжайте по добру, — сказалъ Островскій. — Товарищи мои выпили... Какъ разъ захотятъ познакомиться...

Фролъ быстро двинулъ лодку багромъ, и она нырнула съ нами изъ освѣщеннаго пространства въ темноту.

— Храни Господи, — сказалъ старый ямщикъ. — Жиганъ нынѣ голодный, какъ волкъ. На станкахъ не подаемъ мы... А водку жрутъ, — прибавилъ онъ съ удивленіемъ и, пожалуй, съ завистью...

Мнѣ показалось, что Островскій тоже былъ слегка выпивши. Мы отъѣхали саженъ тридцать, когда съ берега послышался пьяный голосъ бродяги:

— Микеша! А, Микешъ! Желторотой! На волю хочешь?

— Молчи ты, пьяный! — сказалъ сурово Островскій.

— Ну, ничего, не сердись, Островской, я, вѣдь, любя...

— Микешъ!.. Мике-ешъ, Микешенька,—катилось еще долго надъ сонной рѣкой, перемежаясь пьянымъ хохотомъ. Ямщики молча налегали на весла и вскорѣ огонекъ скрылся изъ виду.

Ночь продолжала тихо ползти надъ Леной. Взошла луна, красная, какъ кровь, и опять закатилась за вершину близкой горы. Сѣверная Медвѣдица спустилась низко, все растягиваясь и выростая... Потомъ мутное облако поглотило рѣдкія звѣзды, а наша лодка все плыла... Я какъ-то не замѣтилъ, какъ мы еще разъ перерѣзали рѣку, и спохватился только когда лодка зашуршала килемъ по песку.

Кругомъ было пусто. За широкой береговой отмелью лежала полоса горъ, молчаливыхъ и сонныхъ...

Ямщики сложили весла, стали въ лодкѣ, приставили руки къ щекамъ, и надъ пустыннымъ берегомъ, будя ночные отголоски, понесся протяжный крикъ:

— Аг-ы-ы-ы...

Фролъ кричалъ, видимо надрывая старую грудь. Микеша тянулъ свободно, полнымъ и звучнымъ голосомъ. Никогда еще я не слыхалъ подобныхъ звуковъ изъ человѣческой груди... Крикъ былъ ровный, неустанный и гулкій, точно тягучій отголосокъ огромнаго колокола... Это былъ обычный

призывъ съ берега къ спящему за отмелью отдаленному станку.

— Аг-г-гы-ы... ямщики!

Старикъ сорвался глухимъ хрипомъ и болѣзненно закашлялся.

— Э-эхъ, — сказалъ онъ съ горечью, — съѣла у меня голосъ рѣка-матушка.

Микеша продолжалъ кричать, не останавливаясь для передышки...

— Идутъ, — сказалъ, наконецъ, Фролъ.

Дѣйствительно, за отмелью мелькнули огни фонарей, и Микеша тоже смолкъ. И тотчасъ-же со стороны рѣки, изъ-за горы, какъ бы въ отвѣтъ на крикъ ямщика раздался такой же протяжный крикъ, только чудовищно громкій и глубокій. Мы невольно переглянулись и замерли, охваченные безотчетнымъ испугомъ... Казалось сказочное чудовище проснулось и завыло гдѣ-то неодалеку.

— Пароходъ, — сказалъ первымъ опомнившійся Фролъ.

Вскорѣ въ глубинѣ темной ночи послышались частые гулкіе удары, и на рѣку, сверкая огнями, выплылъ пароходъ съ двумя барками. Микешка быстро вскочилъ въ лодку и отсунулся отъ берега, кинувъ Фролу его узелъ. Черезъ минуту лодку едва можно было разглядѣть на темныхъ волнахъ Лены.

— Прощай, Микеша! — крикнулъ я вдогонку.

— Проща-ай! — донеслось въ отвѣтъ изъ темноты.

— Варнака къ варнаку тянетъ, — съ презрѣніемъ сказалъ Фролъ. — Къ жиганамъ, видно, пристанетъ.

— А ты развѣ не зналъ, зачѣмъ онъ у тебя вымѣниваетъ лодку? — сказалъ я. — Зачѣмъ же уступилъ?..

Фролъ отвѣтилъ не сразу.

— Хорошо-ли бумагу писалъ? Крѣпко-ли? — спросилъ онъ черезъ минуту. — Станочники чисто собаки. Не отдадутъ, пожалуй.

Въ это время къ намъ подошли станочники съ фонарями, и всѣ мы, молча, смотрѣли, какъ пароходъ, повернувъ къ намъ оба огня, бѣжалъ какъ будто прямо къ нашему берегу... Подъ лучемъ пароходнаго огня мелькнула на мгновеніе черною тѣнью лодка Микеши и исчезла...

— Кто на рѣкѣ? — спросилъ одинъ изъ ямщиковъ.

— Микеша, — отвѣтилъ Фролъ торопливо. — Со мной пріѣхалъ, да вишь сейчасъ отсунулся.

— Пошто?

— Я развѣ знаю?.. Ничего не говорилъ. А, видно, опять къ бѣга снарядился.

— Въ бѣга, такъ пошто за барку зачалился? — сказалъ опять пришедшій ямщикъ, зоркіе глаза котораго, очевидно, пронизывали темноту тамъ, гдѣ я ничего не видѣлъ.

— Съ жиганами, видно, стакнулся. Жиганы повыше камней ночуютъ.

— Ну, инъ, видно, такъ, — равнодушно подтверждали ямщики. Нѣкоторое время они слѣдили за поворачивавшимися огнями парохода, какъ бы обсуждая, что принесетъ имъ съ собою эта рѣдкая еще на Ленѣ новинка: облегченіе суровой доли и освобожденіе или окончательную гибель...

Оба огня на кожухахъ исчезли, и только три звѣздочки на мачтахъ двигались еще нѣкоторое время въ черной тѣни высокихъ береговыхъ горъ... Потомъ и онѣ угасли... Надъ Леною лежала непроницаемая ночь, молчаливая и таинственная...

Недѣли черезъ двѣ, съ тѣми-же остановками и спорами, мы все еще двигались кверху по замерзающей Ленѣ, когда насъ догналъ знакомый почталіонъ, встрѣченный нами еще подъ Якутскомъ и теперь возвращавшійся обратно. Сообщая различныя новости пройденнаго уже нами пути, — онъ разсказалъ, между прочимъ, что на нѣсколько станковъ ниже Батамая оголодавшіе бродяги ограбили было проѣзжаго купца. Согнали народъ и устроили облаву: варнаки отсиживались въ пещерѣ, отстрѣливаясь камнями, но, въ концѣ-концовъ, сдались. Съ ними, говорили, попался молодой ямщикъ, убѣжавшій съ Титаринскаго станка.

— А Островскаго съ ними не было? — спросилъ я.

— Нѣтъ. Онъ отсталъ отъ нихъ раньше.

— Неужели Микеша тоже участвовалъ въ грабежѣ?

— Кто его знаетъ. Самъ говоритъ, что участвовалъ, но ни купецъ, ни бывшій съ нимъ ямщикъ его не видѣли. А бродяги смѣются: „такъ, говорятъ, припутался къ намъ желторотый зря“...

Мнѣ казалось, что я понялъ Микешу: онъ, очевидно, думалъ, что, если ему удастся выбраться „за горы“ черезъ острогъ, то это будетъ крѣпче, и станочники его уже не достанутъ, какъ свою собственность, обратно... Да и самъ онъ, долгимъ общеніемъ въ острогѣ съ „умными“ и бывалыми людьми, — надѣялся, вѣроятно, просвѣтиться...

Да, всякія бываютъ мечты... Сбылась-ли мечта молодого станочника, — я не знаю...

МОРОЗЪ.

I.

Мы ѣхали берегомъ Лены на югъ, а зима догоняла насъ съ сѣвера. Однако, могло показаться, что она идетъ намъ навстрѣчу, спускаясь сверху по теченію рѣки.

Въ сентябрѣ подъ Якутскомъ было еще довольно тепло, на рѣкѣ еще не было видно ни льдинки. На одной изъ близкихъ станцій мы даже соблазнились чудесною лунною ночью и, чтобы не ночевать въ душной юртѣ станочника, только что смазанной снаружи (на зиму) еще теплымъ навозомъ,—легли на берегу, устроивъ себѣ постели въ лодкахъ и укрывшись оленьими шкурами. Ночью мнѣ показалось, однако, что кто-то жжетъ мнѣ пламенемъ правую щеку. Я проснулся и увидѣлъ, что лунная ночь еще болѣе побѣлѣла. Кругомъ стоялъ иней, иней покрылъ мою подушку, и это его прикосновеніе казалось мнѣ такимъ горячимъ. Моему товарищу, спавшему въ одной лодкѣ со мною,—снилось, вѣроятно, то же самое. Луна свѣтила ему прямо въ лицо, и я видѣлъ ужасныя гримасы, появлявшіяся на немъ то и дѣло. Сонъ его былъ крѣпокъ и, вѣроятно, очень мучителенъ. Въ это время въ сосѣдней лодкѣ всталъ другой мой спутникъ, приподнявъ дохи и шкуры, которыми онъ былъ покрытъ. Все было бѣло и пушисто отъ изморози, и весь онъ казался бѣлымъ привидѣніемъ, внезапно возникшимъ изъ холоднаго блеска инея и луннаго свѣта.

— Брр...—сказалъ онъ.—Морозъ, братцы...

Лодка подъ нимъ колыхнулась, и отъ ея движенія на водѣ послышался звонъ, какъ бы отъ разбиваемаго стекла. Это въ мѣстахъ, защищенныхъ отъ быстраго теченія, становились первые „забереги“, еще тонкіе, сохранившіе слѣды длинныхъ кристаллическихъ иголъ, ломавшихся и звенѣвшихъ, какъ тонкій хрусталь... Рѣка какъ будто отяжелѣла, почувствовавъ

первый ударъ мороза, а скалы вдоль горныхъ береговъ ея, наоборотъ, стали легче, воздушнѣе. Покрытыя инеемъ, онѣ уходили въ неясную, озаренную даль, искрящіяся, почти призрачныя...

Это былъ первый привѣтъ мороза въ началѣ длиннаго пути... Привѣтъ веселый, задорный, почти шутливый.

По мѣрѣ того, какъ мы медленно и съ задержками подвигались далѣе къ югу,—зима все крѣпла. Цѣлые затоны стояли уже, покрытые пленкой темнаго дѣвственно-чистаго льда, и камень, брошенный съ берега, долго катился, скользя по гладкой поверхности и вызывая странный, все повышавшійся переливчатый звонъ, отражаемый эхомъ горныхъ ущелій. Далѣе ледъ, плотно схвативъ уже края рѣки и окрѣпшіе „забереги", противился быстрому теченію. Морозъ все продолжалъ свои завоеванія, забереги расширялись, и каждый шагъ въ этой борьбѣ отмѣчался чертой изломанныхъ льдинокъ, показывавшихъ, гдѣ еще недавно было живое теченіе, отступившее опять на сажень-другую къ серединѣ...

Потомъ кое-гдѣ на берегахъ лежалъ уже снѣгъ, рѣзко оттѣняя темную, тяжелую рѣчную струю. Еще дальше,—мелкія горныя рѣчки присоединялись къ этой борьбѣ. Постепенно прибывая отъ истоковъ, онѣ то и дѣло взламывали свой ледъ въ устьяхъ и кидали его въ Лену, загромождая свободное теченіе и затрудняя ея собственную борьбу съ морозомъ... Черты изломовъ на рѣкѣ становилось все выше: льдины, выбрасываемыя теченіемъ на края береговъ, все толще. Онѣ образовали уже настоящіе валы, и порой намъ было видно съ берега, какъ среди этихъ валовъ начиналось тревожное движеніе. Это рѣка сердито кидала въ сковывавшія ее неподвижныя ледяныя укрѣпленія свободно еще двигавшимися по ея стрежню льдинами, пробивала бреши, крошила ледъ въ куски, въ иглы, въ снѣгъ, но затѣмъ опять въ безсиліи отступала, а черезъ нѣкоторое время оказывалось, что бѣлая черта излома продвинулась еще дальше, полоса льда стала шире, русло сузилось...

Чѣмъ дальше, тѣмъ эта борьба становилась упорнѣе и грандіознѣе. Рѣка швыряла уже не тонкія льдины, а цѣлыя огромныя глыбы такъ называемаго „тороса", которыя громоздились другъ на друга въ чудовищномъ безпорядкѣ. Картина становилась все безотраднѣе. Ближе къ берегамъ торосъ уже застылъ безобразными массами, а въ серединѣ онъ все еще ворочался тяжелыми, безпорядочными валами, скрывая отъ глазъ застывающее русло, какъ одичалая толпа закрываетъ мѣсто казни... Вся природа, казалось, была полна испуга и печальнаго, почти торжественнаго ожиданія. Пустынныя ущелья

горныхъ береговъ покорно отражали сухой трескъ ломающихся ледяныхъ полей и тяжелое кряхтѣніе изнемогающей рѣки.

Еще черезъ нѣкоторое время темная струя въ серединѣ тоже побѣлѣла: по ней, тихо ворочаясь, сталкиваясь, шурша— густо плыли бѣлыя льдины сплошного ледохода, готоваго окончательно стиснуть присмирѣвшее и обезсилѣвшее теченіе.

II.

Однажды съ небольшого берегового мыса мы увидѣли среди этихъ тихо передвигавшихся ледяныхъ массъ какой-то черный предметъ, ясно выдѣлявшійся на бѣло-желтомъ фонѣ. Въ пустынныхъ мѣстахъ все привлекаетъ вниманіе, и среди нашего маленькаго каравана начались разговоры и догадки.

— Ворона,—сказалъ кто-то.

— Медвѣдь,—возражалъ другой ямщикъ.

Мнѣнія раздѣлились. Однимъ черная точка казалась не больше вороны, другимъ — не меньше медвѣдя: отдаленное однообразіе этихъ бѣлыхъ подвижныхъ массъ, лѣниво проплывавшихъ между высокими горами, — совершенно извращало перспективу.

— Откуда же взяться медвѣдю на серединѣ рѣки?—спросилъ я у ямщика, высказавшаго предположеніе о медвѣдѣ.

— Съ того берега. Въ третьемъ годѣ медвѣдица вонъ съ того острова переправилась съ тремя медвѣжатами.

— Нонче тоже звѣрь съ того берега на нашъ идетъ. Видно, зима будетъ лютая...

— Морозъ гонитъ,—прибавилъ третій.

Весь нашъ караванъ остановился у мыса, ожидая приближенія заинтересовавшаго всѣхъ предмета. Бѣлая ледяная каша, между тѣмъ, тихо подвигалась къ намъ, и было замѣтно, что черная точка на ней мѣняетъ мѣсто, какъ бы, дѣйствительно, переправляясь по льдинамъ къ нашему берегу.

— А вѣдь это, братцы, козуля,—сказалъ, наконецъ, одинъ изъ ямщиковъ.

— Двѣ,—прибавилъ другой, вглядѣвшись.

Дѣйствительно, это оказались горныя козы и, дѣйствительно, ихъ было двѣ. Теперь намъ уже ясно были видны ихъ темныя изящныя фигурки среди настоящаго ледяного ада. Одна была побольше, другая поменьше. Можетъ быть, это были мать и дочь. Вокругъ нихъ льдины бились, сталкивались, вертѣлись и крошились; при этихъ столкновеніяхъ въ промежуткахъ что-то кипѣло и брызгало пѣной, а нѣжныя животныя, насторожившись, стояли на большой, сравнительно, льдинѣ, подобравъ въ одно мѣсто свои тоненькія ножки...

— Ну, что будетъ! — сказалъ молодой ямщикъ съ глубокимъ интересомъ.

Огромная льдина, плывшая впереди той, на которой стояли козы, стала какъ будто замедлять ходъ и потомъ начала разворачиваться, останавливая движеніе заднихъ. Отъ этого вокругъ животныхъ поднялся вновь цѣлый адъ разрушенія и плеска. Льдины становились вертикально, лѣзли другъ на друга и ломались съ громкимъ, какъ выстрѣлы, трескомъ. По временамъ между ними открывалась и смыкалась опять темная глубь. На мгновеніе два жалкихъ темныхъ пятнышка совсѣмъ было исчезли въ этомъ хаосѣ, но затѣмъ мы тотчасъ же замѣтили ихъ на другой льдинѣ. Опять собравъ свои тонкія, дрожащія ножки, козы стояли на другой ледяной площадкѣ, готовыя къ новому прыжку. Это повторилось нѣсколько разъ, и каждый прыжокъ съ разсчитанной неуклонностью приближалъ ихъ къ нашему берегу и удалялъ отъ противоположнаго.

Можно было уже прослѣдить планъ умныхъ животныхъ. Невдалекѣ отъ насъ конецъ мыса выступалъ острымъ краемъ въ рѣку, и здѣсь льдины, разгоняемыя теченіемъ, разбивались съ особенною силой. За то болѣе отдаленныя, избѣгавшія линіи удара, тотчасъ-же подхватывались отраженной струей и уносились опять къ другому берегу рѣки. Старшая изъ двухъ козъ, видимо руководившая переправой, съ каждымъ прыжкомъ, очевидно, направлялась на этотъ мысокъ, гремѣвшій отъ напора ледохода... Видѣла-ли она насъ или нѣтъ,— но наше присутствіе она явно не принимала въ соображеніе. Мы тоже стояли на самомъ мысу неподвижно, и даже большая остроухая и хищная станочная собака, увязавшаяся за нами, очевидно, была заинтересована совершенно безкорыстно исходомъ этихъ смѣлыхъ и трагически-опасныхъ эволюцій... Совсѣмъ уже близко отъ берега, въ десяткѣ саженей отъ цѣлой кучки людей, козы все также были поглощены только столкновеніемъ льдинъ и своими прыжками. Когда льдина, на которой онѣ стояли, тихо кружась, подошла къ роковому мѣсту,— у насъ даже захватило дыханіе... Мгновеніе... Сухой трескъ, хаосъ обломковъ, которые вдругъ поднялись кверху и поползли на обледенѣлые края мыса—и два черныя тѣла легко, какъ брошенный камень, метнулись на берегъ, поверхъ этого хаоса.

Онѣ были уже на берегу. Но на другой сторонѣ косы была темная полоса воды, а проходъ загораживала кучка людей. Однако, умное животное не задумалось ни на минуту. Я замѣтилъ взглядъ ея круглыхъ глазъ, глядѣвшихъ съ какимъ-то страннымъ довѣріемъ, и затѣмъ она понеслась сама и на-

правила младшую прямо къ намъ. Станочная собака, большой мохнатый Полканъ, сконфуженно посторонилась, когда старшая коза, загораживая младшую, пробѣжала мимо нея, почти коснувшись бокомъ ея мохнатой шерсти. Собака только поджала хвостъ и задумчиво отбѣжала въ сторону, какъ будто озадаченная собственнымъ великодушіемъ и опасаясь, что мы истолкуемъ его въ невыгодномъ для нея смыслѣ. Но мы одобряли ея сдержанность и только радостно смотрѣли кверху, гдѣ два стройныхъ тѣла мелькали на лету, распластываясь надъ верхушками скалъ...

III.

Эту станцію съ нами вмѣстѣ ѣхалъ случайнымъ попутчикомъ Иванъ Родіоновичъ Сокольскій, начальникъ развѣдочной пріисковой партіи. Когда-то какая-то буря занесла его въ далекую Сибирь, и онъ уже не старался вырваться отсюда, втянувшись въ богатую своеобразными впечатлѣніями жизнь пріисковаго развѣдчика. Это былъ человѣкъ крупный, съ обвѣтреннымъ лицомъ, сѣдѣющей гривой волосъ и какъ-бы застывшими чертами, нелегко выдававшими душевныя движенія. Его чувства, казалось, такъ же скрывались подъ невыразительной физіономіей, какъ теченіе рѣки подъ льдами. Въ его кошевѣ (въ которой эту станцію я ѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ) лежало ружье въ чехлѣ изъ лосиной кожи и, хотя онъ стоялъ рядомъ, и ему стоило только протянуть руку, чтобы вынуть ружье,—онъ не сдѣлалъ этого движенія. Его твердые сѣрые глаза все время не отрывались отъ животныхъ, и мнѣ въ первый разъ въ теченіе нашего — недолгаго, впрочемъ—знакомства показалось, что въ этихъ сѣрыхъ глазахъ мелькаетъ что-то, не совсѣмъ холодное и не совсѣмъ загрубѣвшее.

Когда весь этотъ маленькій эпизодъ закончился благополучно, мы всѣ усѣлись опять, и нашъ караванъ двинулся далѣе, растянувшись подъ каменистымъ берегомъ. Всѣ мы были настроены какъ-то весело, и всѣ обсуждали смѣлый подвигъ животнаго, сумѣвшаго сохранить такое самообладаніе среди столькихъ опасностей.

— Впрочемъ,—сказалъ я, улыбаясь,—кое-что надо отнести и на нашъ счетъ. Можно подумать, что морозъ имѣетъ свойство пробуждать добрыя чувства.

— Изъ чего вы это заключаете? — спросилъ Сокольскій серьезно.

— Изъ совершенно необычнаго поведенія этого Полкана, а также, простите сопоставленіе,—вашего собственнаго: ваше ружье осталось въ чехлѣ.

— Да,—отвѣтилъ пріискатель.—Это правда. Эти бѣдныя животныя на нашихъ глазахъ преодолѣли столько опасностей, и, я думаю, даже Полкану было совѣстно закончить все это простымъ убійствомъ на берегу... Замѣтили вы, съ какимъ самоотверженіемъ старшая закрыла младшую отъ собаки?.. Всякій ли человѣкъ сдѣлаетъ это при такихъ обстоятельствахъ?

— Всякая мать, я думаю... — сказалъ я, улыбнувшись. — Вообще, мнѣ кажется, на васъ этотъ маленькій эпизодъ произвелъ сильное дѣйствіе.

Лицо Сокольскаго носило слѣды внутренняго волненія, глаза глядѣли съ мягкою грустью...

— Да, — отвѣтилъ онъ задумчиво. — Это напомнило мнѣ одну исторію и одного человѣка... Вотъ вы сказали о дѣйствіи мороза и о добрыхъ чувствахъ. Нѣтъ, — морозъ — это смерть. Думали ли вы, что въ человѣкѣ можетъ замерзнуть, напримѣръ... совѣсть?

— И даже весь человѣкъ можетъ превратиться въ льдину, т. е. перестанетъ быть человѣкомъ,—отвѣтилъ я, опять улыбнувшись. Настроеніе моего спутника казалось мнѣ все болѣе загадочнымъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ съ той же странной мягкой грустью...—Нѣтъ, гораздо раньше. Вотъ я разскажу вамъ, если хотите... Кстати и было это почти въ этихъ самыхъ мѣстахъ. Я вотъ ѣду теперь съ вами, и мнѣ кажется, что... я переживаю начало моего разсказа, а вы поѣдете дальше и встрѣтите его продолженіе...

IV.

„Это было въ 18... такомъ-то году. Въ то время я только что получилъ мѣсто и ѣхалъ съ товарищемъ на пріискъ. Осень, какъ и нынѣшняя, сильно запоздала, зима медлила, и мы подвигались очень тихо. Здѣсь вотъ приблизительно мы такъ-же встрѣтили первый ледоходъ. Дальше ледъ все крѣпче схватывалъ рѣку, теченіе становилось все уже, потомъ оно стало перерываться заторами. Вотъ посмотрите сами, что это такое... Въ одномъ мѣстѣ густо сталкиваются огромныя льдины и загораживаютъ теченіе. Рѣка нагромождаетъ ихъ все больше, ломаетъ ледъ, образуетъ пороги, реветъ, бѣснуется... Кругомъ на цѣлыя версты стоитъ гулъ и грохотъ... Потомъ ледъ опять прорвется и сплыветъ внизъ, а на серединѣ рѣки мало-по-малу остаются только полыньи, надъ которыми носится густой паръ, прохваченный морозомъ.

Я ѣхалъ съ товарищемъ — полякомъ изъ ссыльныхъ. Онъ

участвовалъ въ извѣстномъ возстаніи на кругобайкальской дорогѣ и былъ раненъ. Усмиряли ихъ тогда жестоко, и у него на всю жизнь остались на рукахъ и ногахъ слѣды желѣза: ихъ вели въ кандалахъ безъ подкандальниковъ по морозу... Отъ этого онъ былъ очень чувствителенъ къ холоду... И вообще, существо это было хлипкое, слабое, — въ чемъ душа, какъ говорится... Но въ этомъ маленькомъ тѣлѣ былъ темпераментъ прямо огромный. И вообще, весь онъ былъ созданъ изъ странныхъ противорѣчій... Фамилія его была Игнатовичъ"...

Сокольскій задумался, и нѣкоторое время мы ѣхали въ молчаніи. Молчаніе это длилось долго, и я хотѣлъ уже напомнить моему спутнику о продолженіи разсказа, какъ вдругъ онъ опять повернулся ко мнѣ.

Боюсь, что я не сумѣю вамъ передать, что это была за натура... Идеалистъ и романтикъ, воспитанный на Красинскомъ, Словацкомъ и Мицкевичѣ. Намъ, русскимъ, всегда было чуждо это настроеніе, эти... какъ бы сказать... экстатическія преувеличенія, что ли. Есть у Мицкевича одно стихотвореніе: кто-то, какое-то огромное *я* головой поднялось въ надзвѣздныя высоты... Кругомъ головы вѣнецъ изъ солнцъ, руки онъ возложилъ на звѣзды, и ихъ хоры, какъ клавиши, звучатъ созданной имъ міровой симфоніей... Въ этомъ родѣ... Я всегда оставался холоденъ къ этимъ образамъ и съ нѣкоторымъ удивленіемъ слушалъ, какъ мой пріятель (мы жили съ нимъ въ Якутскѣ около года) декламировалъ ихъ съ необыкновеннымъ огнемъ и увлеченіемъ. И, не понимая самъ ни возможности, ни красоты этихъ картинъ и этого настроенія,—я все же долженъ былъ признать, что онѣ могутъ будить отвѣтные отголоски: мой маленькій пріятель, казалось, выросталъ, голосъ его начиналъ звенѣть, глаза сверкали, и... если не образы, которые мнѣ всетаки казались ненатурально преувеличенными и странными,—то звуки его голоса—заражали даже меня...

Я думаю, что это можно назвать романтизмомъ... Какое-то преувеличенное представленіе о человѣкѣ, о его „божественномъ началѣ", объ его титаническомъ значеніи. Но въ этомъ настроеніи моего пріятеля не было цѣльности. Кажется, уже во время самаго возстанія, за которое онъ и попалъ въ Сибирь, человѣческая природа повернулась къ нему своими не особенно привлекательными и во всякомъ случаѣ далеко не божественными сторонами... Потомъ было что-то и съ женщиной. Когда она представляется въ надзвѣздныхъ высотахъ, созданной изъ лучей, то, разумѣется, оборотная сторона

женской натуры воспринимается съ болѣзненной чуткостью... Какъ бы то ни было, на него находили порой цѣлыя полосы мизантропіи. Тогда онъ становился почти невыносимъ, особенно въ совмѣстной жизни. Въ его взглядѣ, пронизывающемъ и холодномъ, виднѣлось что-то вродѣ презрѣнія — къ вамъ, къ незнакомому прохожему, къ самому себѣ. Въ эти періоды онъ становился матеріалистомъ и циникомъ, говорилъ рѣзкости, и... я тогда старался уйти куда-нибудь надолго, по возможности на нѣсколько дней... Товарищъ же мой съ особенной заботливостью принимался ухаживать за животными...

Любовь къ животнымъ была тоже выдающейся чертой этого страннаго человѣка. Бывали цѣлые періоды, когда наше скромное жилье положительно превращалось въ лѣчебницу. Цѣлую недѣлю онъ возился съ замерзшей вороной, которую вернулъ къ жизни, а больную лошадь водилъ въ поводу на прогулку по два раза въ день, не смущаясь насмѣшками. И замѣчательно, что, чѣмъ болѣе онъ сердился на человѣка, тѣмъ болѣе нѣжности отдавалъ животнымъ. Въ концѣ концовъ, пессимистъ и циникъ (въ такіе періоды) по отношенію къ „царю“ природы,—онъ превозносилъ ея меньшихъ тварей. Онъ не только признавалъ въ нихъ умъ, память, соображеніе, совѣсть, но даже считалъ эти стороны интеллекта исключительно ихъ принадлежностью, совершенно чуждой человѣку... При этомъ онъ становился дьявольски, невыносимо остроуменъ и саркастиченъ, и порой, когда мнѣ некуда было скрыться въ періоды его мизантропіи, я совершенно изнемогалъ подъ градомъ его парадоксовъ и начиналъ,—право же, чувствовать себя дѣйствительно ниже всякаго скота, въ то время, какъ какая-нибудь собака со спиной, перешибленной полѣномъ досужаго бездѣльника,—казалась мнѣ чуть не сознательнымъ страдальцемъ и философомъ. Впрочемъ, когда эти припадки проходили, онъ опять оживалъ, опять парилъ подъ небесами и декламировалъ „міровыя симфоніи“. Въ то время онъ тоже получилъ мѣсто на пріискѣ чѣмъ-то вродѣ смотрителя матеріальнаго склада... Въ практическихъ вопросахъ я всегда имѣлъ преимущество. Я нашелъ ему эту должность и уговорилъ принять ее. Онъ пассивно подчинился, и мы отправились въ путь, какъ только получили авансъ. Обстоятельства наши были не особенно блестящи.

Ѣхали мы все-таки нѣсколько быстрѣе вашего, и не смотря на то, что одежонка у насъ была неважная, какъ-то еще не успѣли озябнуть настоящимъ образомъ до самой Олекмы и даже дальше. Морозы были порядочные, но озябнешь и отогрѣешься, а на слѣдующій день выѣзжаешь, какъ ни въ чемъ не бывало.

За Олекмой рѣка уже остановилась, оставались только полыньи... Однажды, проѣзжая мимо одной изъ нихъ, мы увидѣли двухъ утокъ. На нихъ намъ указалъ ямщикъ кнутовищемъ. Трудно мнѣ теперь передать вамъ это истинно жалостное зрѣлище. Утки были отсталыя. Товарищи давно улетѣли, а онѣ, застигнутыя болѣзнью или недостаткомъ силъ для перелета, остались умирать на этой холодной рѣкѣ. Пока теченіе было еще свободно хоть на серединѣ, онѣ плавали, спасаясь какъ-то отъ ледохода; потомъ пространство воды все съуживалось, потомъ остались только эти полыньи. Когда и онѣ замерзнутъ, уткамъ предстояла гибель. Теперь онѣ вдвоемъ метались по узкой полыньѣ, охваченныя холоднымъ паромъ, а кругомъ на нихъ смотрѣли вотъ такія же сумрачныя и безучастно холодныя горы.

Я помню, что ямщикъ смѣялся, скаля свои бѣлые зубы... Мнѣ стало немного жутко и холодно, и я запахнулся дохой, какъ будто это подо мной была эта темная холодная глубина. Но мой товарищъ сразу заволновался и вспыхнулъ.

— Стой!—закричалъ онъ ямщику.—Неужели вы способны проѣхать мимо?..—обратился онъ ко мнѣ съ горечью и, не ожидая, пока ямщикъ остановитъ лошадей, выскочилъ изъ кошевы, затѣмъ, скользя и падая на торосьяхъ, кинулся къ полыньѣ.

Ямщикъ смѣялся, какъ сумасшедшій, и я тоже не могъ удержаться отъ улыбки, при видѣ того, какъ мой товарищъ, наклонившись надъ узкой, но длинной полыньей, старался поймать утокъ. Птицы, разумѣется, кинулись отъ него. Тогда мой маленькій спутникъ перебѣжалъ на нижній конецъ полыньи, правильно разсчитавъ, что утокъ теперь понесетъ теченіемъ къ нему, особенно когда, заинтересованный этимъ эпизодомъ, я тоже вышелъ на ледъ и погналъ ихъ книзу... Нырять онѣ боялись, такъ какъ теченіе несло подъ ледъ. Одна изъ этихъ птицъ поднялась было на воздухъ, но другая, потерявшая силы, а можетъ быть, когда-нибудь подстрѣленная, летать не могла, она только взмахнула крыльями и осталась. Тогда и другая, сдѣлавъ кругъ надъ холодными льдами рѣки, вернулась къ своей подругѣ.

Я не могу вамъ описать, какое дѣйствіе произвело это проявленіе великодушія на моего друга. Онъ стоялъ на льду, слѣдя за полетомъ птицы, мелькавшей на фонѣ угрюмыхъ горъ, опушенныхъ снѣгами, и, когда она самоотверженно шлепнулась въ нѣсколькихъ шагахъ на воду, съ очевиднымъ намѣреніемъ раздѣлить общую опасность,—у него на глазахъ появились слезы... Затѣмъ онъ рѣшительно заявилъ, что мы

можемъ, если угодно, ѣхать дальше, а онъ останется здѣсь, пока не поймаетъ обѣихъ утокъ.

Я зналъ, что онъ непремѣнно исполнитъ свою угрозу, и у насъ началась своеобразная охота, къ которой, наконецъ, присоединился и ямщикъ. Въ результатѣ одна птица, именно та, которая пыталась улетѣть,—утонула. Она нырнула изъ моихъ рукъ и теченіемъ ее унесло подъ ледъ... Другая очутилась въ рукахъ ямщика. Игнатовичъ сильно вымокъ, и съ рукавовъ его дохи лилась вода.

Это было очень серьезно, такъ какъ до станціи было еще не близко. Я укуталъ его чѣмъ могъ, но на станкѣ мы едва оттерли его обмороженные пальцы, и цѣлыя сутки послѣ этого мы не говорили другъ съ другомъ. Утку эту мы повезли дальше, и хотя я принималъ участіе въ ея спасеніи и подъ конецъ даже увлекся этимъ благотворительнымъ спортомъ, — но всетаки сознавалъ, что это сантиментально и глупо, тѣмъ болѣе, что всюду нашъ третій пассажиръ вызывалъ справедливыя, по моему, насмѣшки станочниковъ. Игнатовичъ чувствовалъ это мое настроеніе и презиралъ меня.

Въ концѣ-концовъ, утка всетаки издохла, и мы ее кинули на дорогѣ, а сами поѣхали дальше. Нѣсколько дней шелъ густой пушистый снѣгъ, покрывшій на 3/4 аршина и ледъ, и землю. Онъ массами лежалъ на деревьяхъ и порой падалъ съ нихъ комьями, разсыпаясь мелкою пылью въ свѣтломъ воздухѣ.

Потомъ ударилъ морозъ въ 30, 35, 40 градусовъ. Потомъ на одной изъ станцій мы уже видѣли замерзшую въ термометрѣ ртуть, и намъ сказали, что такъ она стоитъ нѣсколько дней.

Птицы замедляли полетъ, судорожно взмахивали крыльями и падали на землю, медвѣди зябли въ берлогахъ и выходили тощіе, испуганные и злые... Охотники на бѣлокъ прекратили изъ-за этихъ озлобленныхъ медвѣдей свой промыселъ.

Мы тоже начали зябнуть. Вы вѣдь знаете, что это такое: дыханія не хватаетъ, моргнешь глазами—между рѣсницами протягиваются тонкія льдинки, холодъ забирается подъ одежу, потомъ въ мускулы, въ кости, до мозга костей, какъ говорится,—и говорится не даромъ... Васъ охватываетъ дрожь, какая-то внутренняя, пронизывающая, непріятная и даже, право, унизительная... Пріѣдешь на станцію, — до полуночи едва начнешь обогрѣваться, а на утро трогаешься въ путь и чувствуешь, что въ тебѣ что-то убыло, что начнешь зябнуть раньше, чѣмъ вчера, и пріѣдешь на ночлегъ еще болѣе озябшій... Настроеніе мѣняется, впечатлѣнія постепенно туск-

нѣютъ, люди кажутся непріятнѣе... Самъ себѣ тоже становишься противенъ... Въ концѣ-концовъ, закутываешься какъ можно плотнѣе, садишься поудобнѣе и стараешься объ одномъ: какъ можно меньше движеній, какъ можно меньше мыслей... организмъ инстинктивно избѣгаетъ всякой траты... Сидишь, и понемногу стынешь, и ждешь съ какимъ-то испугомъ, когда кончатся эти ужасные 40—50-верстные перегоны...

Наконецъ, мы стали приближаться къ Витиму. Съ N-ской станціи выѣхали мы свѣтлымъ, сверкающимъ, снѣжнымъ утромъ. Вся природа какъ будто застыла, умерла подъ своимъ холоднымъ, но поразительно роскошнымъ нарядомъ. Среди дня солнце свѣтило ярко, и его косые лучи были густы и желты... Продираясь сквозь чащу сосноваго бора, они играли кое-гдѣ на стволахъ, на вѣтвяхъ, выхватывая ихъ изъ бѣлаго, одноцвѣтнаго и сверкающаго сумрака.

Перегонъ былъ необычайно длиненъ. Ямщикъ (имъ здѣсь ѣздить приходится не очень часто) — сначала былъ очень бодръ и даже пѣлъ какую-то безобразную пріисковую пѣсню... Потомъ и онъ смолкъ и то и дѣло бѣжалъ въ припрыжку рядомъ съ санями, усиленно топая ногами и хлопая озябшими руками въ рукавицахъ... Мой спутникъ, казалось, совсѣмъ застылъ. Во все время онъ заговаривалъ только разъ, но его голосъ показался мнѣ скрипучимъ и непріятнымъ, и я проворчалъ что-то сердитое и невнятное даже для меня самого. Потомъ онъ молчалъ, какъ закоченѣлый, и я представлялъ себѣ его лицо—съ мизантропическимъ и противнозлымъ выраженіемъ. Я тоже молчалъ и отворачивался въ сторону, чтобы изморозь отъ моего дыханія не попадала мнѣ въ лицо—черезъ отверстіе въ башлыкѣ...

Дорога пошла лѣсомъ, полозья скрипѣли; лошади то и дѣло фыркали, и тогда ямщикъ останавливался и извлекалъ пальцами льдины изъ ихъ ноздрей... Высокія сосны проходили передъ глазами, какъ привидѣнія, бѣлыя, холодныя и какъ-то не оставлявшія впечатлѣнія въ памяти...

Уже вечерѣю, послѣдніе лучи солнца, еще желтѣе и гуще, уходили изъ лѣсу, съ трудомъ карабкаясь по вершинамъ. А внизу ровный бѣлый сумракъ какъ бы еще болѣе настывалъ и синѣлъ. Звонъ колокольчика болтался густо и какъ-то особенно плотно: точно ударяли ложечкой по наполненному жидкостью стакану. Эти звуки тоже раздражали и тревожили нервы...

Въ одномъ мѣстѣ въ глаза мнѣ попало неожиданное впечатлѣніе: невдалекѣ отъ дороги вился тонкій дымокъ между валежникомъ. На пнѣ сидѣлъ человѣкъ, и его фигура одна

чернѣла среди общей бѣлизны темнымъ пятномъ... Надъ нимъ со всѣхъ сторонъ свѣсились мохнатыя лапы лѣсной заросли, вверху еще освѣщенныя солнцемъ, внизу уже охваченныя сумракомъ наступающей ночи. Зрѣлище это промелькнуло мимо моего неподвижнаго взгляда... Въ послѣднее мгновеніе мнѣ показалось, что фигура шевельнулась, и что это имѣло какое-то отношеніе къ намъ, къ нашему сустливому колокольчику, къ нашему быстрому движенію. Но я не повернулъ головы, не повелъ глазами. Видѣніе пронеслось мимо и исчезло, и впечатлѣнія плыли къ сознанію застывшія, мертвыя, неподвижныя, ничего въ немъ не будя и не шевеля воображенія...

Ямщикъ повернулся къ намъ и, наклонясь, сталъ говорить что-то, и помню, что онъ смѣялся. Но для меня это были только разрозненные звуки, точно звенѣли льдинки... Самыя слова были пусты, въ нихъ для меня въ ту минуту не было никакихъ понятій. Смѣхъ ямщика тоже не казался мнѣ смѣхомъ и не производилъ на меня того впечатлѣнія, какое произвелъ бы при другихъ обстоятельствахъ. Я просто видѣлъ непріятно-желтоватое лицо, въ рамкѣ мѣхового малахая, два глаза съ рѣсницами, опушенными инеемъ. Челюсти на этомъ лицѣ двигались, ротъ былъ непріятно перекошенъ, и изъ него вылетали вмѣстѣ съ паромъ пустые звуки, какъ звонъ по стеклу... Вотъ и все... Мой спутникъ зашевелился и тоже пробормоталъ что-то. Кажется, онъ сердито торопилъ ямщика...

Короткій день давно угасъ, когда мы достигли станка и расположились на ночлегъ.

Помню, это была кучка лачугъ, какъ и большинство станковъ—подъ отвѣсными скалами. Тѣ, кто выбирали мѣста для этихъ станковъ,—мало заботились объ удобствахъ будущихъ обитателей. N-скій станокъ стоялъ на открытой каменной площадкѣ, выступавшей къ рѣкѣ, которая въ этомъ мѣстѣ вьется по равнинѣ, открытой прямо на сѣверъ. Нѣсколько верстъ далѣе станокъ могъ бы укрыться за выступомъ горы. Здѣсь онъ стоялъ, ничѣмъ не прикрытый, какъ бы отданный въ жертву страшному сѣверному вѣтру.

Кромѣ оффиціальнаго названія, жители называли его еще „Холоднымъ станкомъ". И дѣйствительно, трудно найти что-нибудь болѣе вызывающее представленіе о холодѣ, чѣмъ эти кучки бревенъ, глины и навоза на каменистой площадкѣ, замѣтенныя снѣгомъ и вздрагивавшія отъ вѣтра. Лѣсъ, который мы оставили назади, кончился у начала луговъ въ низинкѣ и не закрывалъ станка, а только наполнялъ воздухъ протяжнымъ, пугающимъ гуломъ.

Впрочемъ, мы рады были и этому пріюту и доѣхали какъ

разъ во-время, чтобы быть еще въ состояніи отогрѣть застывшіе члены. Къ счастью, лѣсу въ окрестностяхъ было довольно, не принадлежащаго никому, кромѣ Бога, поэтому скоро въ камелькѣ запылалъ яркій огонь, и мы, разостлавъ на полу одѣяло и шкуры, легли прямо противъ пламени, проглотивъ наскоро по стакану чаю. Стаканы было трудно держать въ закоченѣлыхъ рукахъ, но ощущеніе теплоты потерялось; мы только обжигались, а не согрѣвались кипяткомъ и, бросивъ чай, заползли подъ свои шубы. Зубы у меня все еще стучали, ознобъ чувствовался даже въ костяхъ.

Хозяинъ, допивъ нашъ чай, угостивъ также сильно озябшаго ямщика, подложилъ еще дровъ и скрылся въ какой-то уголъ. Въ темной избушкѣ все затихло.

Только снаружи слышался ровный гулъ, какъ будто кто-то огромный шагалъ отъ времени до времени по окованной морозомъ землѣ. Земля глухо гудѣла и смолкала до новаго удара... Удары эти становились все чаще и продолжительнѣе. По временамъ наша избушка тоже какъ будто начинала вздрагивать, и внутренность ея гудѣла, точно пустой ящикъ подъ вѣтромъ. Тогда, не смотря на шубы, я чувствовалъ, какъ по полу тянетъ холодная струя, отъ которой внезапно сильнѣе разгорался огонь и искры вылетали гуще въ каминъ.

— Бѣда! — сказалъ въ одну изъ такихъ минутъ хозяинъ, обращаясь къ засыпавшему ямщику...—Какъ поѣдешь? Поднялся сиверъ, поземка идетъ.

— Да...—отвѣтилъ тотъ.—А морозъ не сталъ меньше... Такому вѣтру, — прибавилъ онъ, по-своему коверкая русскій языкъ,—гляди и почта не ходитъ...

— Не дай Богъ,—прибавилъ хозяинъ, зѣвая.

Я понялъ, что это начинается сравнительно рѣдкое явленіе—морозная буря, когда налетающій откуда-то вѣтеръ толкается въ отяжелѣвшій морозный воздухъ. Отдѣльные толчки и гулъ служили признаками первыхъ усилій вѣтра, еще не могущаго двинуть сгущенную атмосферу... Потомъ толчки стали продолжительнѣе, гулъ становился ровнымъ, непрерывнымъ. Охлажденный ниже 40 градусовъ, воздухъ тронулся съ мѣста и тянулъ, точно надъ нашей площадкой неслись волны бездоннаго океана...

Подъ этотъ шумъ я сталъ засыпать, все еще плохо сознавая происходящее и только радуясь животною радостью при мысли, что я въ избѣ, близко къ огню, что все то, что во мнѣ такъ непріятно застыло и окоченѣло,—скоро должно оттаять и распуститься...

И дѣйствительно, что-то „оттаяло... и распустилось“...

V.

„Какъ и когда оказалось, что я уже не сплю и при томъ совсѣмъ не сплю, — сказать я бы не могъ. Я проснулся незамѣтно, но нѣкоторое время мнѣ казалось, что я еще вижу сонъ, или что я тщательно берегу въ памяти остатки сна, какъ бы боясь, что онъ исчезнетъ, и я не успѣю разсмотрѣть въ немъ что-то очень важное и очень нужное. А между тѣмъ, сонъ былъ самый простой.

Мнѣ снилось, что я опять ѣду той же дорогой, и опять мнѣ холодно, и опять кругомъ меня опушенный инеемъ лѣсъ, и косые лучи солнца, густые и желтые, уходятъ изъ этого лѣса, играя кое-гдѣ на стволахъ и мохнатыхъ вѣткахъ... Только гдѣ-то за лѣсомъ что-то еще гудитъ глухими, стонущими ударами, какъ будто гонится за нашими санями.

Потомъ я увидѣлъ кучу деревьевъ, составлявшихъ какъ-бы бесѣдку подъ мохнатыми вѣтвями, бѣлыми отъ снѣга, и тонкій, какъ будто замирающій дымокъ, и около костра темную фигуру... И все это, по обычной нелогичности сна, казалось мнѣ острыми, колючими льдинками, попавшими мнѣ въ грудь и холодившими сердце.

Потомъ я увидѣлъ еще лицо ямщика, сначала безсмысленное и лишенное выраженія... Постепенно, однако, оно мѣнялось, становилось знакомымъ и, подъ вліяніемъ его взгляда, льдинки въ груди начали вдругъ мучительно быстро таять. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, я чувствовалъ, что бесѣдка изъ вѣтвей въ лѣсу встаетъ во всѣхъ подробностяхъ, которыхъ я не замѣчалъ раньше, и всякая подробность обростаетъ въ воображеніи особенными впечатлѣніями, и мнѣ страшно вглядѣться въ лицо человѣка, какъ будто зашевелившагося на пнѣ, но ямщикъ требуетъ отъ меня, чтобы я непремѣнно вглядѣлся... Я сержусь на него, но потомъ вижу, что это уже не ямщикъ, а Игнатовичъ, и что подъ вліяніемъ его взгляда, полнаго мучительной тоски, — все то, что лежало въ глубинѣ моей памяти безцвѣтными холодными льдинками, вдругъ растаяло...“

Разсказчикъ остановился и, помолчавъ, сказалъ:

— Вы помните, вѣроятно, легендарные разсказы о полярныхъ странахъ средневѣковыхъ путешественниковъ. Зимой слова замерзаютъ и лежатъ мерзлыми льдинами до тепла. А потомъ оттаиваютъ и опять становятся словами... Если понимать это, какъ метафору, въ этомъ есть глубокій смыслъ. По крайней мѣрѣ, въ эту минуту я вдругъ вспомнилъ слова ямщика, которыя онъ говорилъ еще тогда, на дорогѣ и которыя до этого времени лежали у меня гдѣ-то въ глубинѣ

памяти лишенными смысла. Да, несомнѣнно, онъ говорилъ тогда объ этомъ человѣкѣ въ лѣсу и о томъ, что онъ „убился“ гдѣ-то на пріискахъ и идетъ пѣшкомъ отъ станка до станка... Только теперь эти слова вдругъ оттаяли, и отъ нихъ въ груди у меня что-то мучительно заныло...

Я невольно застоналъ и раскрылъ глаза. Огонь въ каминѣ почти догорѣлъ. На дворѣ все еще тянулъ вѣтеръ, надо мной наклонилось лицо моего спутника...

Никогда въ моей жизни, ни прежде, ни послѣ я не видѣлъ ничего ужаснѣе этого лица, освѣщеннаго трепетнымъ пламенемъ камина... Оно было совершенно искажено выраженіемъ ужаса и какъ будто мучительнаго вопроса. Нижняя челюсть его дрожала, зубы стучали, какъ будто отъ озноба...

— Что такое? Ради Бога?—сказалъ я, подымаясь.

— Вы не знаете? — спросилъ онъ, глядя на меня своими угасшими и помутнѣвшими глазами.—Скажите,—развѣ это... былъ только сонъ?

— Что именно?

— То, отчего вы сейчасъ застонали и проснулись,—сказалъ онъ рѣзко и затѣмъ подозрительно взглянулъ на меня. И видя, что я не отвѣчаю, онъ все такъ же подозрительно всматривался мнѣ въ лицо:

— Вы не замѣтили тамъ, въ лѣсу... человѣка?..

Я промолчалъ и невольно отвелъ глаза.

— Послушайте, — заговорилъ онъ, — скажите мнѣ что-нибудь... Я еще думаю, что это былъ сонъ... Вѣдь не можетъ быть, чтобы это было на яву!.. Чтобы мы...

— Да вѣдь это и былъ почти сонъ, — сказалъ я.—Морозъ такъ притупляетъ впечатлѣнія...

Онъ сдѣлалъ рѣзкое движеніе и сразу сѣлъ на своемъ мѣстѣ; глаза его странно сверкнули...

— Правда?..—сказалъ онъ жалобно и потомъ вдругъ прибавилъ съ какой-то дикой энергіей:

— Не лгите! Не изворачивайтесь... Я тоже лгалъ... Я зналъ, что это было на яву... Мы все видѣли... все... Этотъ человѣкъ подымался, онъ хотѣлъ что-то крикнуть... Вы это знаете, и я знаю, и тогда зналъ... — Вы будете подыскивать оправданія... Совѣсть замерзла!.. О, конечно, это всегда такъ бываетъ: стоитъ понизиться на два градуса температурѣ тѣла, и совѣсть замерзаетъ... законъ природы... Не замерзаетъ только соображеніе о своихъ удобствахъ и подлое, фарисейское лицемѣріе... О, какая низость...

Онъ схватилъ голову руками, и нѣсколько секундъ прошло въ молчаніи... Наша избушка все продолжала вздрагивать,

но ровный гулъ прекратился: опять слышались толчки, и мнѣ положительно казалось, будто тамъ, надъ рѣкой, лѣсомъ и ущельями, размѣренно шагалъ кто-то огромный и тяжелый...

— Да встаньте-же, наконецъ, вы... негодяй! — крикнулъ вдругъ Игнатовичъ съ дикой враждой. — Вѣдь мы съ вами убили человѣка. Пон-нимаете-ли вы, себялюбивое животное! Хозяинъ, вставай... Зови всѣхъ... Господи Боже!.. Что дѣлать, что теперь дѣлать?..

Въ освѣщенномъ пространствѣ около камина появилось испуганное лицо нашего хозяина. Уже съ минуту онъ шевелился, прислушиваясь къ непонятному и тревожному разговору незнакомыхъ проѣзжихъ людей, упоминающихъ объ убійствѣ. И теперь, все еще полусонный, испуганный не столько, вѣроятно, словами, сколько дикой энергіей, звучавшей въ голосѣ почти помѣшаннаго человѣка, онъ быстро вскочилъ и сталъ напяливать на себя верхнюю одежду. Потомъ, не говоря ни слова, онъ открылъ дверь и вышелъ въ темноту. Ямщикъ, привезшій насъ, тоже проснулся, зѣвнулъ, сошелъ съ своего мѣста и подбросилъ полѣньевъ въ каминъ... Онъ, видимо, совсѣмъ не понималъ, въ чемъ дѣло. Въ углу заплакалъ ребенокъ, и послышался успокаивающій его женскій голосъ.

Все это навсегда врѣзалось мнѣ въ память и никогда не забыть мнѣ этой ужасной ночи, темной избушки съ тихо набиравшимся въ нее народомъ и этого протяжнаго гула снаружи. Знаете, порой есть что-то изумительно-сознательное въ голосахъ природы... Особенно, когда она грозитъ...

VI.

— Послушайте, можетъ быть, вы всетаки доскажете, что было дальше? — спросилъ я черезъ нѣкоторое время, видя, что мой спутникъ задумался и какъ будто забылъ о своемъ разсказѣ, глядя прямо передъ собой на освѣщенныя солнцемъ горы нашего берега. Рѣки съ ледоходомъ теперь не было видно. Мы ѣхали лугомъ, впереди плелись мои спутники, о чемъ-то весело балагуря съ своимъ ямщикомъ.

— Да, простите, пожалуйста!..—заговорилъ разсказчикъ.— Я задумался. Это очень тяжелыя воспоминанія, но... конечно, я доскажу... остановился я на томъ, что...

— Что въ избу стали набираться ямщики, которыхъ, вѣроятно, созвалъ хозяинъ.

— Да, да, конечно... Хозяинъ созвалъ ихъ чуть не всѣхъ, думая, что въ самомъ дѣлѣ надо будетъ вязать убійцъ. Ямщики входили робко, зѣвая, крестясь, и жались къ сто-

ронкѣ, оставляя вокругъ насъ пустое пространство. Скоро въ углу около дверей образовалась темная куча людей, лица которыхъ съ любопытствомъ и испугомъ тянулись изъ-за плечей стоявшихъ впереди, глядя въ нашу сторону. Послѣднимъ явился староста съ десятскими. Перекрестясь на икону, онъ рѣзко ступилъ прямо къ намъ и заговорилъ грубо, очевидно, стараясь ободрить и себя, и станочниковъ:

— Ну, что такое набѣдокурили? Винуйтесь Богу, великому государю...

Однако, когда я сталъ разъяснять, въ чемъ дѣло, въ избѣ постепенно водворялось что-то, вродѣ разочарованія. Этимъ людямъ жилось всегда такъ холодно, и мой разсказъ, правда, безсвязный и сбивчивый, не облекался для нихъ тѣмъ захватывающимъ, трагическимъ смысломъ, какой онъ имѣлъ теперь для насъ. Гдѣ-то въ углу послышался даже смѣхъ.

— Да это Митрохинъ, поселенецъ!—сказалъ кто-то.

— Вѣрно, онъ... Недѣли, сказываютъ, ужъ три плетется съ пріисковъ.—Надоѣли намъ...

— И вѣрно, — вставилъ свое замѣчаніе привезшій насъ ямщикъ. — У насъ на станкѣ третьяго дня былъ. Лошадь просилъ. Свезите, говоритъ, Христа ради, ноги не ходятъ.

— Ну, что-жъ не дали?—спросилъ староста сурово.

— Надоѣло ужъ намъ возить-то ихъ. Да и бумаги нѣтъ...— отвѣтилъ ямщикъ, отворачиваясь.—Была бы бумага или бы къ намъ привезли его, а то пѣшкомъ же пришелъ... Какъ люди, такъ и мы...

— Пѣшкомъ пришелъ! Умные! То, чай, тепло было, а тутъ видишь сиверъ. Застынетъ теперь,—засѣдатель съ докторомъ, небось, пѣшкомъ не придутъ... Возить же доведется... А вы, господа, что народъ зря булгачите?.. Ночное дѣло...

— У него теплина̀ была (костеръ),—вставилъ ямщикъ въ видѣ оправданія.

— Какъ же зря,—сказалъ я, чувствуя, что почва у насъ начинаетъ ускользать. — Вѣдь человѣкъ замерзнетъ... Надо помочь.

— Какъ поможешь?.. Ежели Богъ сохранитъ, придетъ, дальше свеземъ... Почто, Тимофей, не подобралъ его?—обратился онъ опять къ нашему ямщику.

— Гдѣ посадилъ бы я? Сани махоньки, самъ околѣлъ...

— Вѣрно и то... Трое ѣхали... Что-жъ теперь дѣлать? Теплина была, такъ, можетъ, Господь упасетъ...

— Постойте,—крикнулъ я съ тоской.—Нельзя же этакъ... Вѣдь въ эту минуту, можетъ быть, человѣкъ умираетъ... Слышите, что дѣлается...

На мгновеніе водворилась тишина,—и опять со двора слышны были удары, точно кто размѣренно и съ промежутками толокъ что-то въ ступѣ... И по временамъ воображеніе примѣшивало къ этому стоны... Это доносился, вѣроятно, звенящій гулъ лѣсныхъ верхушекъ—или, можетъ быть, на рѣкѣ трескался ледъ.

Въ избѣ послышались вздохи. Тѣмъ не менѣе, дверь открывалась. Ямщики начинали понемногу выходить.

— Спаси Господи!—прошепталъ кто-то, и чей-то другой голосъ прибавилъ рѣзко:

— Сами тоже стынемъ... Зима не пройдетъ, чтобы на ближнихъ станкахъ не застылъ человѣкъ, а то двое. Перегонъ у насъ лютый!

— Третій годъ,—Ѳедька въ этомъ же лѣсу застылъ.

— Въ прошломъ годѣ баба съ мальчонкомъ.

— А у меня мнукъ не застылъ, что-ли?—злобно выкрикнулъ въ толпѣ какой-то старикъ.

— Этому вѣтру почта не ходитъ,—опять сказалъ нашъ ямщикъ.

Двери скрипнули еще и еще... Народу убывало.

— Постойте,—сказалъ я въ отчаяніи.—Возьмите деньги, что-ли! Десять рублей,—кто согласится поѣхать со мною...

Въ это время мой взглядъ упалъ на лицо Игнатовича, безмолвно сидѣвшаго на скамьѣ, у стола, съ совершенно помертвѣвшимъ лицомъ, и мнѣ стало вдругъ какъ-то жутко. Голосъ мой сорвался...

Помню, что въ эту минуту староста съ внезапнымъ участіемъ взглянулъ мнѣ въ лицо и сдѣлалъ движеніе...

— Двадцать, тридцать, все, что у насъ есть! сказалъ я, почти задыхаясь отъ волненія...

— Стойте,—крикнулъ староста своимъ грубо-рѣшительнымъ голосомъ, отъ котораго толпа ямщиковъ сразу остановилась.—Никто не уходите! Слышите, люди деньги даютъ, а и безъ денегъ все одно надо бы. Вѣрно, что грѣхъ!.. Надо Бога вспомнить! Ну, чья очередь? Говорите, старики!..

Толпа отхлынула отъ порога къ серединѣ избы... Староста стоялъ рядомъ со мною, и я теперь не сводилъ съ него глазъ. Это былъ мужикъ среднихъ лѣтъ, рослый, смуглый, съ грубыми, но пріятными чертами лица и глубокими черными глазами. Въ нихъ виднѣлась рѣшительность и какъ будто забота.

— Эхъ, господинъ,—сказалъ онъ мнѣ сурово, когда среди ямщиковъ начался тотъ говоръ, которымъ открывается обыкновенно обсужденіе мірского дѣла на сходѣ.—Совѣсть у тебя

есть, а ума мало... Безъ денегъ-то бы, пожалуй, лучше было... Я ужъ хотѣлъ объявить нарядъ... Теперь пойдетъ склёка.

И дѣйствительно, началась мучительная „склёка“. Вы знаете, — эти ленскіе ямщики составляютъ своеобразныя ямскія общины, обломокъ прошлыхъ вѣковъ. Земли у нихъ нѣтъ и состоятъ они на жалованьи. „Пара лошадей“ составляетъ основаніе подушной раскладки, „душа“ равняется части лошади, которой соотвѣтствуетъ часть жалованья. Всѣ доходы станка и всѣ повинности пріурочены къ этому основанію... Теперь мои деньги вступали въ эту раскладочную машину, и при томъ деньги экстренныя. Предстояло разверстать ихъ на міръ, а міръ долженъ былъ выставить очередныхъ.

Поднялись споры... Прогонная плата, части лошадей, старые счеты, очереди, возка дровъ, прогонъ почты, провозъ засѣдателей и исправниковъ, сироты, кормежка арестантовъ,— все это теперь выступило на сцену и обсуждалось горячо и всесторонне. Я нѣсколько разъ пытался остановить эти споры тоскливымъ напоминаніемъ о томъ, что человѣкъ въ это время можетъ погибнуть, но ближайшій ямщикъ сказалъ мнѣ съ серьезной непреклонностью:

— Ничего не подѣлаешь, не мѣшай! Дѣло мірское... помѣшаешь, хуже...

Споры продолжались. Рѣшеніе все еще не выяснялось... Снаружи несся все тотъ же зловѣщій гулъ...

Наконецъ, вмѣшался староста, которому какъ будто сообщалось мое нетерпѣніе. Онъ лучше меня, конечно, зналъ ту разверсточную машину, которая такъ шумно дѣйствовала передъ нашими глазами, и видѣлъ, что, пока она сдѣлаетъ точно и справедливо свое дѣло, пройдетъ еще не мало времени... И вотъ онъ выступилъ впередъ, однимъ окрикомъ остановилъ шумъ, потомъ повернулся къ иконѣ и перекрестился широкимъ крестомъ. Кое-гдѣ въ толпѣ руки тоже поднялись инстинктивно для креста... Тревожная ночь производила свое дѣйствіе на грубые нервы...

— Братцы, — сказалъ онъ. — Нельзя эдакъ-ту... Видитъ Богъ, святая Владычица... Я отказываюсь... Не надо мнѣ денегъ... Я ѣду, не въ зачетъ, безъ очереди... Когда Господь ежели поможетъ, — оставьте свои деньги, господинъ... Свѣчку, когда что, поставите...

Въ толпѣ водворилось молчаніе, и черезъ минуту одинъ изъ станочниковъ, еще недавно много споривший и горячившійся изъ-за какой-то неочередной „выти“, первый сказалъ съ спокойнымъ сочувствіемъ:

— Ну, помоги тебѣ Господи... Ежели охотой...

— Дѣло твое...

— Не въ зачетъ,—твоя воля... И то сказать: душа дороже денегъ... Тутъ и самъ застынешь...

— Ишь вѣдь сиверко... Господи помилуй... Вѣрно,— почта не пойдетъ... Ну ихъ, и съ деньгами. Своя душа дороже...

— Помоги тебѣ Владычица, Софронъ Семенычъ.

Я съ безотчетнымъ облегченіемъ взглянулъ въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Игнатовичъ... Мнѣ казалось, что въ великодушномъ предложеніи старосты и въ томъ, какъ оно было принято,— есть что-то разрѣшающее и какъ бы оправдывающее также и насъ... Но Игнатовича на этомъ мѣстѣ уже не было.

Вскорѣ изба очистилась. Остались только хозяинъ, нѣсколько замѣшкавшихся ямщиковъ и я. Игнатовича нигдѣ не было видно. Ямщики говорили, что онъ вышелъ, одѣвшись, еще до окончанія разверстки...

У меня сжалось сердце какимъ-то предчувствіемъ. Я вспомнилъ его блѣдное лицо во время переговоровъ. Вначалѣ на немъ было обычное мизантропическое выраженіе, съ примѣсью злого презрѣнія къ себѣ и другимъ. Но въ послѣднюю минуту мнѣ запомнилось только выраженіе глубокой, безнадежной печали. Это было въ то время, когда я предложилъ деньги, и среди ямщиковъ начались споры...

Я вышелъ на площадку, искалъ и звалъ его, прибавляя на всякій случай, что дѣло сдѣлано, и что я скоро ѣду за человѣкомъ въ лѣсу... Но отвѣта не было, въ окнахъ встревоженнаго станка гасли огни, вѣтеръ тянулъ попрежнему; по временамъ трещали стѣны станочныхъ мазанокъ, и издалека доносился стонущій звукъ лопающагося льда...

— Товарища кличешь?—спросилъ меня проходившій мимо ямщикъ.—Да онъ, чай, ушелъ спать въ другую избу... Безпокойно было у васъ... Можетъ, попросился къ шабрамъ.

Въ это время къ избѣ подъѣхали широкія розвальни, запряженныя парой лошадей, и староста, весь закутанный въ мѣха, въ огромныхъ рукавицахъ, соскочилъ съ нихъ и подошелъ ко мнѣ.

— Что такое?—спросилъ онъ.—Что еще?

— Скорѣй, скорѣй, ради Бога,— сказалъ я, охваченный нервнымъ ознобомъ. У меня возникла внезапная увѣренность, что я найду Игнатовича по дорогѣ.

— Ну, нѣтъ,—сказалъ онъ.—Погоди, баринъ,—этакъ нельзя. Одежда у тебя не по этому вѣтру. На вотъ, я привезъ тебѣ. Одѣвайся.

И онъ настоялъ, чтобы я одѣлся въ его мѣха... Мы выѣхали почти уже на разсвѣтѣ, захвативъ съ собой еще кучу одежи на всякій случай...

Вѣтеръ былъ тяжелый и палящій. На небѣ свѣтила полная луна, а внизу мчалась такъ называемая позёмка.

Вы знаете, что это? Вѣтеръ подымалъ съ земли сухой снѣгъ и несъ намъ навстрѣчу ровно, безпрерывно, упорно... Это не мятель, но хуже всякой мятели... Въ такую погоду всякое движеніе останавливается; кажется, мы, дѣйствительно, кой-чѣмъ рисковали въ это утро. Мнѣ потомъ отрѣзали два пальца...

— Нашли вы этого человѣка? — спросилъ я нетерпѣливо, видя, что Сокольскій опять остановился...

— Нашли, — отвѣтилъ онъ какъ-то беззвучно... Это было уже сѣрымъ утромъ... Вѣтеръ сталъ стихать... Сѣлъ холодный туманъ... У него былъ огонь, но онъ давно потухъ. Онъ, вѣроятно, заснулъ... Глаза у него, впрочемъ, были раскрыты и на зрачкахъ осѣлъ иней...

— А вашъ товарищъ? Онъ, дѣйствительно, остался на станкѣ?

Сокольскій посмотрѣлъ на меня помутившимся и потускнѣвшимъ взглядомъ.

— Я былъ глубоко убѣжденъ, что онъ пошелъ по дорогѣ въ лѣсъ, и потому всю дорогу ночью кричалъ и вглядывался. Староста успокаивалъ меня. Онъ, во-первыхъ, никакъ не понималъ, что человѣкъ можетъ безцѣльно отправиться на гибель, а во-вторыхъ, дорога отъ станка была только одна и при томъ широкая и обставленная вѣхами, такъ что сбиться было невозможно, особенно въ свѣтлую всетаки ночь...

Когда мы поѣхали обратно, уложивъ нашу печальную находку и закутавъ въ мѣха,—было уже утро. Вѣтеръ стихъ, и морозъ внезапно сдался. Потомъ взошло солнце. Слѣдовъ нигдѣ не было...

— Значитъ, вы ошиблись?

— Мы пріѣхали на станокъ... Тамъ его тоже не было...

Сокольскій замолчалъ, и на растроганномъ грубоватомъ лицѣ его проступило выраженіе глубокой нѣжности...

— Онъ былъ непрактиченъ и безпомощенъ, какъ ребенокъ,—сказалъ онъ.—Никогда онъ не умѣлъ найти дорогу.. Выйдя изъ избы, онъ пошелъ спасать замерзающаго, но.. взялъ въ другую сторону...

Разсказчикъ повернулся ко мнѣ.

— Понимаете вы это? Взялъ сразу изъ станка въ другую сторону и пошелъ все прямо. Дорога тутъ была такая же широкая, и скоро опять начинался лѣсъ. Въ этомъ густомъ лѣсу на слѣдующій день еще сохранились въ затишныхъ мѣстахъ слѣды. Они шли все прямо, не сворачивая. Прошелъ онъ удивительно много и... не отступилъ ни шагу, пока...

Сокольскій замолчалъ и довольно долго смотрѣлъ въ сторону.

— Надѣялся-ли онъ спасти этого незнакомаго человѣка?.. Не думаю. Онъ пошелъ, какъ былъ, захвативъ, впрочемъ, трутъ и огниво, которыми едва-ли даже сумѣлъ-бы распорядиться. Говорю вамъ — совершенный ребенокъ. Ему, просто, стало невыносимо... И еще... Мнѣ порой приходитъ въ голову, что онъ казнилъ въ себѣ подлую человѣческую природу, въ которой совѣсть можетъ замерзнуть при пониженіи температуры тѣла на 2 градуса... Романтикъ въ немъ казнилъ матеріалиста...

Онъ опять замолкъ.

— Вы сказали, кажется,—*подлую* человѣческую природу?— сказалъ я черезъ нѣкоторое время.

Онъ оглянулся, какъ будто нѣсколько удивленный.

— Ахъ, да!.. Не знаю я, не знаю!.. Просто ничего не знаю. Знаю одно, что погибаютъ часто не тѣ, кому бы слѣдовало, а мы, которые остаемся...

Онъ не досказалъ, махнулъ рукой, и все остальное время мы ѣхали молча, пока изъ-за откоса не показались дымки станка, на которомъ намъ пришлось разстаться. Сокольскій очень торопился къ своей партіи и уѣхалъ впередъ, а мы поневолѣ ѣхали тише.

VII.

Дня черезъ два послѣ этого, когда мы проѣзжали густымъ лѣсомъ, ямщикъ, молодой мальчишка, подростокъ, указалъ мнѣ кнутовищемъ большой каменный крестъ въ чащѣ, въ сторонѣ отъ дороги, и сказалъ:

— Человѣкъ тутъ застылъ... двое... Крестъ поставилъ пріискатель, Сокольской; можетъ, знаете? Вчера проѣзжалъ. Гляди, его слѣды это...

Дѣйствительно, по глубокому снѣгу, освѣщенному продиравшимися сквозь чащу лучами солнца, ясно виднѣлись чьи-то крупные слѣды отъ дороги къ кресту и обратно.

— Никогда мимо не проѣдетъ, — сказалъ опять ямщикъ, повернувшись на облучкѣ и улыбаясь... — Всегда вылѣзетъ. Постоитъ-постоитъ, опять садится. Креститься не крестится, а, видно, молится... Когда и заплачетъ... Чудакъ, а баринъ хорошій.

И, хлестнувъ лошадь, онъ прибавилъ задумчиво:

— Видно, пріятели были...

ПОСЛѢДНІЙ ЛУЧЪ.

I.

Нюйскій станокъ расположенъ на небольшой полянкѣ, на берегу Лены. Нѣсколько убогихъ избушекъ задами прижимаются къ отвѣснымъ скаламъ, какъ бы пятясь отъ сердитой рѣки. Лена въ этомъ мѣстѣ узка, необыкновенно быстра и очень угрюма. Подошвы горъ противоположнаго берега стоятъ въ водѣ, и здѣсь больше, чѣмъ гдѣ либо, Лена заслуживаетъ свое названіе „Проклятой щели". Дѣйствительно, это какъ будто гигантская трещина, по дну которой клубится темная рѣка, обставленная угрюмыми скалами, обрывами, ущельями. Въ ней надолго останавливаются туманы, стоитъ холодная сырость и почти непрерывныя сумерки. Населеніе этого станка даже среди остальныхъ приленскихъ жителей поражаетъ своею вялостью, худосочіемъ и безнадежной апатіей. Унылый гулъ лиственницъ на горныхъ хребтахъ составляетъ вѣчный аккомпаниментъ къ этому печальному существованію...

Пріѣхавъ на этотъ станокъ ночью, усталый и озябшій, я проснулся утромъ, повидимому, довольно рано.

Было тихо. Въ окна глядѣлъ не то тусклый разсвѣтъ, не то поздній вечеръ,—что-то заполненное безформенной и сумеречной мглой. Вѣтеръ дулъ въ „щели", какъ въ трубѣ, и гналъ по ней ночные туманы. Взглянувъ изъ окна кверху,- я могъ видѣть клочки яснаго неба. Значитъ, на всемъ свѣтѣ зарождалось уже яркое, солнечное утро. А мимо станка все продолжала нестись, клубами, холодная мгла... Было сумрачно, тихо, сѣро и печально.

Въ избушкѣ, гдѣ я ночевалъ, на столѣ горѣла еще простая керосиновая лампочка, примѣшивая къ сумеркамъ комнаты свой убогій желтоватый свѣтъ. Комната была довольно чистая, деревянныя перегородки, отдѣлявшія спальню, были оклеены

газетной бумагой. Въ переднемъ углу, около божницы, густо пестрѣли картинки изъ иллюстрацій, — главнымъ образомъ портреты генераловъ. Одинъ изъ нихъ былъ Муравьевъ-Амурскій, большой и въ регаліяхъ, а рядомъ еще вчера я разглядѣлъ два небольшихъ, скромныхъ портрета декабристовъ.

Лежа на своей постели, я могъ видѣть изъ-за перегородки столъ съ лампой у противоположной стѣны. За столомъ сидѣлъ старикъ, съ довольно красивымъ, но блѣднымъ лицомъ. Борода у него была сѣрая, съ ровной густой сѣдиной, высокій обнаженный лобъ отливалъ желтизной воска, рѣдкіе на темени волосы—сзади были длинны и слегка волнисты. Въ общемъ фигура напоминала духовнаго, даже, пожалуй, одного изъ евангелистовъ, но цвѣтъ лица былъ непріятно блѣдный и нездоровый, глаза мнѣ казались тусклыми. На шеѣ виднѣлись, какъ опухоль, признаки зоба,—болѣзнь, очень распространенная на Ленѣ, которую приписываютъ ленской водѣ.

Рядомъ съ нимъ сидѣлъ мальчикъ лѣтъ около восьми. Мнѣ была видна только его наклоненная голова, съ тонкими, какъ ленъ, бѣлокурыми волосами. Старикъ, щуря сквозь очки свои подслѣповатые глаза, водилъ указкой по страницѣ лежавшей на столѣ книги, а мальчикъ съ напряженнымъ вниманіемъ читалъ по складамъ. Когда ему не удавалось, старикъ поправлялъ его съ ласковымъ терпѣніемъ.

— Люди-онъ... *ло*... вѣди-есть, и краткое...

Мальчикъ остановился. Незнакомое слово, очевидно, не давалось... Старикъ сощурился и помогъ:

— Соловей,—прочелъ онъ.

— Соловей,—добросовѣстно повторилъ ученикъ и, поднявъ недоумѣвающіе глаза на учителя, спросилъ:

— Со-ло-вей... Что такое?

— Птица,—сказалъ старикъ.

— Птица...—И онъ продолжалъ чтеніе. — „Слово-иже, *си*, добро-ять-люди, *отъ*... Соловей си-дѣлъ... на че... на чере... на че-ре-му-хѣ...

— Что такое?—опять вопросительно прозвучалъ какъ будто деревянный, безучастный голосъ ребенка.

— На черемухѣ. Черемуха, стало-быть, дерево. Онъ и сидѣлъ.

— Сидѣлъ... Зачѣмъ сидѣлъ?.. Большая птица?

— Махонька, поетъ хорошо.

— Поетъ хорошо...

Мальчикъ пересталъ читать и задумался. Въ избушкѣ стало совсѣмъ тихо. Стучалъ маятникъ, за окномъ плыли туманы... Клокъ неба вверху приводилъ на память яркій день гдѣ-то

въ другихъ мѣстахъ, гдѣ весной поютъ соловьи на черемухахъ... „Что это за жалкое дѣтство!“ — думалъ я невольно, подъ однотонные звуки этого дѣтскаго голоска... — Безъ соловьевъ, безъ цвѣтущей весны... Только вода да камень, заграждающій взгляду просторъ божьяго міра. Изъ птицъ — чуть ли не одна ворона, по склонамъ—скучная лиственница да изрѣдка сосна...

Мальчикъ прочелъ еще какую-то фразу все тѣмъ-же тусклымъ, непонимающимъ голосомъ и вдругъ остановился.

— А что, дѣдъ,—спросилъ онъ,—намъ не пора-ли, гляди?..— На этотъ разъ въ его голосѣ слышались уже живыя, взволнованныя ноты, и свѣтлые глаза, освѣщенные огнемъ лампы, съ видимымъ любопытствомъ обратились на дѣда.

Тотъ посмотрѣлъ на часы, равнодушно тикавшіе маятникомъ, потомъ на окно съ клубившеюся за стеклами мглою и отвѣтилъ спокойно:

— Рано еще. Только половина!..

— Можетъ, дѣдушка, часы-то испортились.

— Ну, ну... темно еще... Да оно, глупый, намъ же лучше. Вишь вѣтеръ... Можетъ, мороки-те прогонитъ, а то ничего и не увидишь, какъ третьево-дни...

— Лучше,—повторилъ мальчикъ своимъ прежнимъ, покорнымъ голосомъ, и чтеніе продолжалось.

Прошло минутъ двадцать. Старикъ взглянулъ на часы, потомъ въ окно и задулъ лампочку. Въ комнатѣ разлился голубоватый полусвѣтъ.

— Одѣвайся,—сказалъ старикъ и прибавилъ:—тихонько, чтобъ Таня не услыхала.

Мальчикъ живо соскочилъ со стула.

— А ее не возьмемъ?—спросилъ онъ шопотомъ.

— Нѣ... куда ей... И то кашляетъ... Пусть спитъ.

Мальчикъ принялся одѣваться съ осторожной торопливостью, и вскорѣ обѣ фигуры—дѣда и внука промелькнули въ сумеркахъ комнаты. На мальчикѣ было надѣто что-то вродѣ пальто городского покроя, на ногахъ большія валенки, шея закутана женскимъ шарфомъ. Дѣдъ былъ въ полушубкѣ. Дверь скрипнула, и оба вышли наружу.

Я остался одинъ. За перегородкой слышалось тихое дыханіе спящей дѣвочки и хриплое постукиваніе маятника. Движеніе за окномъ все усиливалось, туманы проносились все быстрѣе, разрывались чаще, и въ промежуткахъ все шире проглядывали суровыя пятна темныхъ скалъ и ущелій. Комната то свѣтлѣла, то опять погружалась въ сумракъ.

Мой сонъ прошелъ. Молчаливая печаль этого мѣста начи-

нала захватывать меня, и я ждалъ почти съ нетерпѣніемъ, когда скрипнетъ дверь, и старикъ съ мальчикомъ вернутся. Но ихъ все не было...

Тогда я рѣшилъ посмотрѣть, что это ихъ выманило изъ избы въ туманъ и холодъ. Спалъ я одѣтый, поэтому мнѣ не нужно было много времени, чтобы натянуть сапоги и пальто и выйти...

Оба—старикъ и мальчикъ—стояли на крыльцѣ, заложивъ руки въ рукава и какъ будто чего-то ожидая.

Мѣстность показалась мнѣ теперь еще угрюмѣе, чѣмъ изъ окна. Вверху туманъ разсѣялся, и вершины горъ рисовались отчетливо и сурово на посвѣтлѣвшемъ небѣ. На темномъ фонѣ горъ проносились только отдѣльные горизонтальные клочья тумана, но внизу все еще стояли холодныя сумерки. Ленскія струи, еще не замерзшія, но уже тяжелыя и темныя, сталкивались въ тѣсномъ руслѣ, заворачивались воронками и омутами. Казалось, рѣка въ нѣмомъ отчаяніи кипитъ и рвется, стараясь пробиться на волю изъ мрачной щели... Холодный предутренній вѣтеръ, прогонявшій остатки ночного тумана, трепалъ нашу одежду и сердито мчался дальше...

Дома станка, неопредѣленными кучками раскиданные по каменной площадкѣ, начинали просыпаться. Кое-гдѣ тянулся дымокъ, кое-гдѣ мерцали окна; высокій худой ямщикъ въ рваномъ полушубкѣ, зѣвая, провелъ въ поводу пару лошадей къ водопою и скоро стушевался въ тѣни берегового спуска. Все было буднично и уныло.

— Что это вы ждете?—спросилъ я у старика.

— Да вотъ, внучку охота солнышко посмотрѣть,—отвѣтилъ онъ и спросилъ, въ свою очередь:

— Вы чьи? Россійскіе?

— Да.

— Чернышовыхъ тамъ не знавали?

— Какихъ Чернышовыхъ? Нѣтъ, не знавалъ.

— Гдѣ, поди, знать. Россія велика... Сказываютъ, генералъ былъ...

Онъ помолчалъ, пожимаясь отъ холода, и, что-то обдумавъ, опять повернулся ко мнѣ:

— Проѣзжій тутъ одинъ сказывалъ: при царицѣ Екатеринѣ служилъ Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ...

— Да, такой былъ...

Старикъ хотѣлъ спросить еще что-то, но въ это время мальчикъ рѣзко задвигался и тронулъ его за рукавъ...

Я невольно тоже взглянулъ на вершину утеса, стоявшаго на нашей сторонѣ, у поворота Лены...

До сихъ поръ это мѣсто казалось какимъ-то темнымъ жерломъ, откуда все еще продолжали выползать туманы. Теперь, надъ ними, въ вышинѣ, на остроконечной вершинѣ каменнаго утеса, внезапно какъ будто вспыхнула и засвѣтилась верхушка сосны и нѣсколькихъ уже обнаженныхъ лиственницъ. Прорвавшись откуда-то изъ-за горъ противоположнаго берега, первый лучъ еще не взошедшаго для насъ солнца уже коснулся этого каменнаго выступа и группы деревьевъ, выросшихъ въ его разсѣлинахъ. Надъ холодными синими тѣнями нашей щели они стояли какъ будто въ облакахъ, и тихо сіяли, радуясь первой ласкѣ утра.

Всѣ мы молча смотрѣли на эту вершину, какъ будто боясь спугнуть торжественно-тихую радость одинокаго камня и кучки лиственницъ. Мальчикъ стоялъ неподвижно, держась за рукавъ дѣда. Его глаза были расширены, блѣдное лицо оживилось и засвѣтилось восторгомъ. Между тѣмъ, въ вышинѣ что-то опять дрогнуло, затрепетало, и другой утесъ, до сихъ поръ утопавшій въ общей синевѣ угрюмаго фона горы, —загорѣлся, присоединившись къ освѣщенной группѣ. Еще недавно безлично сливавшіеся съ отдаленными склонами, теперь они смѣло выступили впередъ, а ихъ фонъ сталъ какъ будто еще отдаленнѣе, мглистѣе и темнѣе.

Мальчикъ опять дернулъ дѣда за рукавъ, и его лицо уже совершенно преобразилось. Глаза сверкали, губы улыбались, на блѣдно-желтыхъ щекахъ, казалось, проступалъ румянецъ.

На противоположной сторонѣ рѣки тоже произошла перемѣна. Горы все еще скрывали за собой взошедшее солнце, но небо надъ ними совсѣмъ посвѣтлѣло, и очертанія хребта рисовались рѣзко и отчетливо, образуя между двумя вершинами значительную впадину. По темнымъ еще склонамъ, обращеннымъ къ намъ, сползали внизъ струи молочно-бѣлаго тумана и какъ будто искали мѣста потемнѣе и посырѣе... А вверху небо расцвѣчалось золотомъ, и ряды лиственницъ на гребнѣ выступали на свѣтломъ фонѣ отчетливыми фіолетовыми силуэтами. За ними, казалось, шевелится что-то —радостное, неугомонное и живое. Въ углубленіи отъ горы къ горѣ проплыла легкая тучка, вся въ огнѣ, и исчезла за сосѣдней вершиной. За ней другая, третья, цѣлая стая... За горами совершалось что-то ликующее и радостное. Дно разсѣлины все разгоралось. Казалось, солнце подымается съ той стороны по склонамъ хребта, чтобы заглянуть сюда, въ эту убогую щель, на эту темную рѣку, на эти сиротливыя избушки, на старика съ блѣднымъ мальчикомъ, ждавшихъ его появленія.

И вотъ, оно появилось. Нѣсколько ярко-золотистыхъ лучей брызнули безпорядочно въ глубинѣ разсѣлины между двумя горами, пробивъ отверстія въ густой стѣнѣ лѣса. Огненныя искры посыпались пучками внизъ, на темныя пади и ущелья, вырывая изъ синяго холоднаго сумрака то отдѣльное дерево, то верхушку сланцеваго утеса, то небольшую горную полянку... Подъ ними все задвигалось и засуетилось. Группы деревьевъ, казалось, перебѣгали съ мѣста на мѣсто, скалы выступали впередъ и опять тонули во мглѣ, полянки свѣтились и гасли... Полосы тумана змѣились внизу тревожнѣе и быстрѣе.

Потомъ на нѣсколько мгновеній засвѣтилась даже темная рѣка... Вспыхнули верхушки зыбкихъ волнъ, бѣжавшихъ къ нашему берегу, засверкалъ береговой песокъ съ черными пятнами ямщичьихъ лодокъ и группами людей и лошадей у водопоя. Косые лучи скользнули по убогимъ лачугамъ, отразились въ слюдяныхъ окнахъ, ласково коснулись блѣднаго, восхищеннаго лица мальчика...

А въ разсѣлинѣ между горами уже ясно продвигалась часть огненнаго солнечнаго круга, и на нашей сторонѣ весь берегъ радовался и свѣтился, сверкая, искрясь и переливаясь разноцвѣтными слоями сланцевыхъ породъ и зеленью пушистыхъ сосенъ...

Но это была лишь недолгая ласка утра. Еще нѣсколько секундъ, и дно долины опять стало холодно и сине. Рѣка погасла и мчалась опять въ своемъ темномъ руслѣ, бѣшено крутя водоворотами, слюдяныя окна померкли, тѣни подымались все выше, горы задернули недавнее разнообразіе своихъ склоновъ одноцвѣтною синею мглою. Еще нѣсколько секундъ горѣла на нашей сторонѣ одинокая вершина, точно угасающій факелъ надъ темными туманами... Потомъ и она померкла. Въ разсѣлинѣ закрылись всѣ отверстія лѣса сомкнулись попрежнему сплошной траурной каймой, и только два-три отсталыя облачка продвигались надъ ними, обезцвѣченныя и холодныя...

— Все,—сказалъ мальчикъ грустно. И поднявъ на дѣда свои печальные померкшіе глаза, прибавилъ вопросительно:— больше не будетъ?

— Не будетъ, чай,—отвѣтилъ тотъ.—Самъ ты видѣлъ: только край солнушка показался. Завтра уже пойдетъ низомъ.

— Кончалъ, братъ!—крикнулъ возвращавшійся съ рѣки ямщикъ.—Здравствуйте, дѣдъ со внукомъ!..

Повернувшись, я увидѣлъ, что у другихъ избушекъ тоже кое-гдѣ виднѣлись зрители. Скрипѣли двери, ямщики уходили въ избы, станокъ утопалъ опять въ обезцвѣчивающемъ холодномъ туманѣ.

И это уже на долгіе мѣсяцы!.. Старикъ разсказалъ мнѣ, что лѣтомъ солнце ходитъ у нихъ надъ вершинами, къ осени оно опускается все ниже и скрывается за широкимъ хребтомъ, безсильное уже подняться надъ его обрѣзомъ. Но затѣмъ, точка восхода передвигается къ югу, и тогда на нѣсколько дней оно опять показывается по утрамъ, въ разсѣлинѣ между двумя горами. Сначала оно переходитъ отъ вершины къ вершинѣ, потомъ все ниже, наконецъ, лишь на нѣсколько мгновеній золотые лучи сверкаютъ на самомъ днѣ впадины. Это и было сегодня.

Нюйскій станокъ прощался съ солнцемъ на всю зиму. Ямщики, конечно, увидятъ его во время своихъ разъѣздовъ, но старики и дѣти не увидятъ до самой весны или, вѣрнѣе, до лѣта...

Послѣдніе отблески исчезли... За горами былъ полный день, но внизу опять сгущался туманъ, склоны горъ задернулись мутной одноцвѣтной дымкой. Разсѣянный свѣтъ просачивался изъ-за горъ, холодный и непривѣтливый...

II.

— Такъ вы, говорите, тоже изъ Россіи?—спросилъ я у старика, когда мы опять вошли въ избу, и онъ поставилъ на столъ небольшой, старенькій самоваръ. Мальчикъ ушелъ за перегородку къ проснувшейся сестрѣ и сталъ забавлять ее. По временамъ оттуда слышался слабый дѣтскій смѣхъ, точно кто перекидывалъ кусочки стекла.

Старикъ поправилъ убогую скатертку и черезъ нѣкоторое время отвѣтилъ какъ-то неохотно:

— Да... Что ужъ тутъ... Здѣсь родились, такъ и здѣшніе. Они, вотъ, дѣти, пожалуй что и не простого роду...

— Какъ фамилія?—спросилъ я.

— Да что!..—опять такъ-же вяло отвѣтилъ онъ.—Авдѣевы, скажемъ, фамилія. Да это такъ, просторѣчіе. А настоящая имъ фамилія Чернышовы...

Онъ вдругъ оставилъ скатерть и посмотрѣлъ на меня внимательнымъ и заинтересованнымъ взглядомъ.

— Вы, вотъ, про Чернышова Захара Григорьевича тоже, значитъ, читали. Генералъ былъ?

— Да, былъ генералъ при Екатеринѣ. Только онъ не былъ сосланъ.

— Ну, не онъ, а видно того же роду... При императорѣ Николаѣ... При восшествіи, что-ли...

Онъ испытующе вглядывался въ мое лицо, но я не могъ ничего припомнить о Чернышовѣ. Старикъ грустно покачалъ головой...

— Говорятъ: книгочей былъ. Умиралъ, все наказывалъ дѣтямъ: главное дѣло за грамоту держитеся крѣпче...

Онъ помолчалъ и затѣмъ прибавилъ:

— Да что ужъ тутъ... Извѣстное дѣло,—гиблое мѣсто... Дочь моя за внукомъ его была, за Евгеніевымъ. Вотъ и пошли Авдѣевы... Не живучи... Самъ померъ, мать померла, вонъ двое на рукахъ остались... Я старый, они кволые... Мальчикъ вотъ припадочный... Такъ, видно, и изноемъ... Слѣду не останется...

Дверь отворилась, вошелъ ямщикъ, перекрестился на образъ и сказалъ:

— Авдѣевъ... Иди, проѣзжающихъ запиши... У старосты.

— Ладно!

— Васъ развѣ тоже Авдѣевымъ зовутъ?—спросилъ я.

— Да вотъ, поди-ты... И меня по нимъ: Авдѣевъ да Авдѣевъ... Когда-то люди были...

И старикъ, можетъ быть, единственный грамотей на Нюйскомъ станкѣ взялъ подъ мышки истрепанную книгу и вышелъ.

Больше ничего я не могъ узнать изъ области этой туманной генеалогіи и вскорѣ покинулъ навсегда угрюмый Нюйскій станокъ. Часа черезъ два, повернувъ на другое плёсо, я увидѣлъ солнце прямо передъ собою... Оно стояло невысоко, но все же заливало огненными блестками и берега, и воду... И его тихій, даже, пожалуй, печальный свѣтъ показался мнѣ въ эту минуту и яркимъ, и радостнымъ.

III.

Впослѣдствіи, вернувшись въ Россію, я старался узнать что-нибудь о ссыльной вѣтви чернышовскаго рода. Именемъ Захара Григорьевича Чернышова пестрятъ страницы екатерининской исторіи, но онъ никогда не былъ въ ссылкѣ. Однажды, дожидаясь парохода на волжской отмели, я услышалъ отъ рыбака пѣсню о прусскомъ плѣнѣ русскаго добраго молодца, Чернышова Захара Григорьевича. Рыбакъ не зналъ, конечно, ничего объ исторической личности, но пѣсня все-таки являлась отголоскомъ дѣйствительнаго событія. Во времена Пугачова удалой казакъ Чика принялъ на себя имя Захара Григорьевича Чернышова и прибавилъ въ народной памяти къ популярному имени опальную черту: другая пѣсня говоритъ уже о темницѣ на волжскомъ берегу, въ городѣ Лысковѣ. Удалой добрый молодецъ, Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ, скликаетъ къ себѣ бурлаковъ и низовую вольницу...

Вообще этому имени почему-то повезло въ народной памяти, и среди загадочныхъ личностей Сибири фамилія Чер-

нышовыхъ тоже мелькаетъ довольно часто. Этимъ я и объяснялъ себѣ свою встрѣчу на Нюйскомъ станкѣ; очевидно, дѣйствительное происхожденіе рода, быть можетъ, ссыльнаго, потерялось, и старикъ безсознательно взялъ популярное имя... Въ его грустномъ тонѣ слышались правдивость и убѣжденіе...

Совсѣмъ уже недавно, просматривая небольшую замѣтку о декабристахъ, я наткнулся на одно мало извѣстное и мало упоминаемое имя тоже декабриста... „З. Г. Чернышова“.

Тогда встрѣча на Нюйскомъ станкѣ всплыла опять въ моей памяти и, казалось, освѣтилась новымъ свѣтомъ: и такъ, — думалъ я, — старикъ Авдѣевъ говорилъ правду.

Дальнѣйшія свѣдѣнія, однако, разрушили эту опредѣленность: декабристъ Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ вернулся въ Россію, здѣсь женился и умеръ за границей...

Надъ генеалогіей Авдѣевыхъ нависла опять туманная завѣса... Въ обширной и угрюмой Сибири затерялось такимъ-же образомъ не мало жизней, и многіе роды съ вершинъ, освѣщенныхъ солнцемъ, опускались навсегда въ эти холодные низы, въ ущелья и туманныя долины... Выше Якутска, на берегу Лены, стоитъ утесъ, по которому змѣится надъ пропастью узкая тропинка. Въ разсѣлинѣ скалы сохранились слѣды жилья. Съ этимъ мѣстомъ связана трогательная легенда: здѣсь много лѣтъ жилъ какой-то ссыльный, прежде человѣкъ знатный, попавшій въ опалу. Въ Сибири онъ жилъ въ разныхъ мѣстахъ и, наконецъ, поселился здѣсь, рядомъ съ убогимъ поселкомъ. Онъ самъ рубилъ дрова и таскалъ воду. Однажды, когда онъ поднимался на гору съ вязанкой дровъ, вверху на тропинкѣ передъ нимъ появилась знакомая фигура. Это была жена, разыскавшая его въ этомъ ущельи. Ссыльный узналъ ее, но отъ радости или испуга ему сдѣлалось дурно: онъ покачнулся и упалъ въ пропасть.

Я напрасно старался узнать имя этого человѣка и подробности этого событія: равнодушная и холодная Сибирь плохо хранитъ эти свѣдѣнія, и память объ этой когда-то, можетъ-быть, яркой жизни и трагической смерти замираетъ отголосками неясной легенды, связанной уже только со скалой, но не съ человѣкомъ...

Также неясно и неопредѣленно происхожденіе мальчика, котораго я встрѣтилъ на Нюйскомъ станкѣ. Но, когда мои воспоминанія обращаются къ Сибири, въ моемъ воображеніи невольно встаетъ эта темная щель и быстрая рѣка, и убогія лачуги станка, и послѣдніе отблески уходящаго солнца, гаснущіе въ печальныхъ глазахъ послѣдняго потомка какого-то угасающаго рода...

ФЕОДАЛЫ.

I.

Уже нѣсколько дней мы ѣхали „разнопряжкой". Это значило, что на каждаго человѣка (насъ было трое) давали лошадь и узенькія дровнишки. Ямщикъ, иногда два ѣхали на такихъ же дровняхъ отдѣльно. Составлялся караванъ, который, порой стуча и визжа полозьями по острымъ камнямъ, медленно тянулся по берегу рѣки подъ скалами.

Кажется, только при такомъ путешествіи чувствуешь настоящимъ образомъ, что такое огромный Божій свѣтъ и сколько въ немъ еще могучей и гордой пустыни. Однажды мнѣ случилось отстать, поправляя упряжь. Когда затѣмъ я взглянулъ впередъ,—нашъ караванъ какъ будто исчезъ. Только съ нѣкоторымъ усиліемъ подъ темными скалами, присыпанными сверху каймами бѣлаго снѣга, я могъ разглядѣть четыре темныя точки. Точно четыре муравья медленно ползли межъ камнями.

Рѣка начинала „становиться", и сообщеніе между двумя берегами было уже прервано. Въ одномъ мѣстѣ мы увидали на той сторонѣ угловатыя крыши станка, и надъ снѣгами вилась синяя струйка дыма. Серединой рѣки шелъ уже густой ледъ, и очередные ямщики съ лошадьми и санями заблаговременно перебрались на лѣвый берегъ, чтобы поддерживать почтовое сообщеніе безъ переправы. Здѣсь у нихъ не было никакихъ строеній. Подъ огромной скалой мы увидѣли широкую яму, въ которой ютились и люди, и лошади. Въ серединѣ горѣлъ костеръ изъ цѣлыхъ стволовъ лиственницы, и дымъ подымался кверху, смѣшиваясь съ падавшимъ изъ темноты снѣгомъ...

Ледоходъ затягивался, и люди жили такимъ образомъ вторую недѣлю. Огонь освѣщалъ угрюмыя, истомленныя лица ямщи-

ковъ. Лошади фыркали подъ каменными стѣнами огромной землянки. Порой, когда костеръ вспыхивалъ ярче, вверху появлялись то кусокъ нависшей скалы, то группа лиственницъ... Появлялись, стояли мгновеніе въ вышинѣ, какъ будто готовыя обрушиться, и опять исчезали...

Я вспомнилъ старинное слово „ямы", и мнѣ показалось, что я понялъ происхожденіе этого термина. Не въ такихъ ли „ямахъ" начиналась въ старину „ямская государева служба", не отсюда ли самое слово „ямщикъ"... Картина была фантастическая и мрачная, точно выхваченная изъ XVI столѣтія.

Черезъ часъ нашъ караванъ выѣхалъ опять, звеня бубенцами, и скоро мутные отсвѣты подземнаго костра въ пеленѣ падавшаго снѣга скрылись за поворотомъ...

II.

Молодой сонъ былъ нашимъ спасеньемъ въ этомъ долгомъ пути. Убаюкиваемые неровной дорогой, лѣнивой трусцой лошадей, позваниваньемъ бубенцовъ и однообразіемъ картинъ, мы проводили большую часть времени въ полузабытьи. Засыпая иной разъ при свѣтѣ тусклой вечерней зари и просыпаясь темною ночью подъ шипѣнье легкой мятели, я часто терялъ границу между сномъ и дѣйствительностью. Сны порой бывали теплые и яркіе, какъ дѣйствительность, холодная дѣйствительность походила на кошмарный сонъ.

Въ такомъ неопредѣленномъ настроеніи проснулся я и въ тотъ вечеръ, съ котораго начинается мой разсказъ. Меня разбудила неожиданная остановка, и я открылъ глаза...

Кругомъ было темно. Береговыя скалы отодвинулись. Насъ окружали какія-то громадныя массивныя постройки, которыя оказались барками. Цѣлый караванъ барокъ, охваченныхъ льдомъ... Впереди на довольно крутомъ подъемѣ рисовалась силуэтомъ фантастическая фигура гигантскаго всадника. Я смотрѣлъ на него снизу. Его голова, казалось, уходила въ облака, плечи высились надъ отдаленными горами. Рядомъ въ припрыжку бѣжалъ пѣшій человѣкъ въ остроконечномъ шлыкѣ.

Вдругъ огромная рука всадника поднялась въ мглистомъ небѣ и опустилась. Пѣшій человѣкъ закрылъ голову рукой, и острый свистъ нагайки прорѣзалъ воздухъ...

— Ты куда это завелъ, чтобъ те язвило?—сказалъ гигантъ скрипучимъ и вмѣстѣ гнусавымъ голосомъ...—Давно надо быть въ резиденціи... А мы все еще на берегу?!.

— Да я,—смиренно послышался голосъ пѣшаго,—я, Кондратій Ермолаичъ,—за имя вотъ подался...

— „За имя“,—передразнилъ всадникъ...—Не могешь самъ рентироваться, каналья... Глядѣлки у тебя ржа что-ли выѣла, мразь ничтожная!.. червь ползучій, лярва... А я тутъ зябни!

Послѣднія слова были сказаны гнусавымъ, почти плачущимъ голосомъ, и всадникъ опять поднялъ руку съ нагайкой. Лошадь подъ нимъ испуганно затопталась. Пѣшій спутникъ уклонился отъ удара. Наши ямщики сошли съ санокъ и приняли участіе въ обсужденіи положенія. Оказалось, что мы всѣ заснули, лошади свернули къ берегу. За нами потянулись случайные спутники, при чемъ даже пѣшій проводникъ крупнаго незнакомца очевидно тоже заснулъ на ходу...

— Чего будемъ дѣлать? — проскрипѣлъ опять тотъ же голосъ...—Оз-зя-ябъ вѣдь я! Смерть...

— Вйска это,—сказалъ, выступая изъ темноты, одинъ изъ нашихъ ямщиковъ. — Эк-ка бѣды! Куда въ самъ дѣлѣ заѣхали!.. Вишь, это барки. Караванъ пріисковой зимуетъ...

— Ну, съ Богомъ,—сказалъ другой ямщикъ. — Ступай и ты, ваше степенство, за нами. Придарживай лѣвѣй, ребята, лѣвѣй... Берегись... Не спи... Лѣвѣй, лѣвѣй... Не задѣнь мотри... Камень тутъ... Ну, такъ и есть... Э-эхъ!.. Ну, слава те Господи...

Рѣзкій толчокъ саней о камень... Потомъ ровное поскрипываніе полоза, и я опять сладко заснулъ. Только сначала еще сквозь дремоту, открывая порой глаза, я видѣлъ, что мы ѣдемъ гуськомъ по широкой пустынной луговинѣ, и вѣтеръ сыплетъ въ лицо крупными хлопьями снѣга...

Но вдругъ опять... Сонъ это или дѣйствительность? Копыта нашихъ лошадей гулко стучатъ по деревянной настилкѣ моста... По обѣимъ сторонамъ не камни, не рѣка, не скалы съ шумящими вверху деревьями, а перила моста и... фонари! Впереди какое-то двухъэтажное зданіе съ свѣтящимися окнами, и яркія цѣпочки фонарныхъ огоньковъ уходятъ въ перспективу улицы...

Я протеръ глаза, но видѣніе не исчезло... Лошади, переставъ стучать по мосту, бѣжали по ровной дорогѣ... Освѣщенный двухъэтажный домъ надвинулся ближе. На занавѣскахъ оконъ мелькали, точно китайскія тѣни, силуэты танцующихъ... Слышались заглушенные звуки оркестра... А назади—холодная спутанная тьма, въ которой угадываются горные склоны, темныя ущелья, глубокое ложе замерзающей рѣки, холодъ, метель и пустыня...

Только тотъ, кто нѣсколько долгихъ лѣтъ провелъ вдали отъ всякой культуры, можетъ понять, какимъ изумительнымъ красавцемъ кажется порой послѣ этого простой фонарный

столбъ съ керосиновой лампой, свѣтящей на улицу... И какъ волшебно звучитъ самый незатѣйливый оркестръ за освѣщенными окнами...

Поровнявшись съ подъѣздомъ двухъэтажнаго дома, нашъ караванъ остановился, и тотчасъ же, рядомъ со мной выросла фигура мужика. Онъ былъ въ большомъ полушубкѣ, съ головой, закутанной въ башлыкъ. Изъ-подъ башлыка торчалъ конецъ носа, заиндѣвѣвшія брови и бѣлые усы. Въ одной рукѣ у него была большая дубина, въ другой—трещетка, изъ чего мы заключили, что это ночной караульщикъ.

— Что за народы?—спросилъ онъ.—Гости еще, что-ли?

— Го-о-стй?—насмѣшливо сказалъ одинъ изъ ямщиковъ.— Чай видишь: этапные!

— Ну такъ пошто-жъ вы сюда-то ихъ приперли? Волоки на въѣзжу...

— Такъ,—сказалъ опять ямщикъ въ раздумьи...—Это мы знаемъ. А на каку̀ въѣзжу?

Мужикъ сталъ осматривать наши фигуры...

— Что тутъ у васъ такое?—спросилъ я у него, указывая на освѣщенныя окна.

— Это? — переспросилъ онъ. — Это у насъ разведенція... Господа тутъ теперь гуляютъ. Вы Михаилъ Никитича знаете, что-ль?

— Не знаемъ...

— Не знаете... Та-а̀къ... Дочку онъ просваталъ, такъ вотъ и гуляютъ на сговорѣ... Куда-жъ васъ въ самъ-то дѣлѣ?.. На черну, что ли? Или на господску? Бумага, что-ль, съ вами какая?

— Есть.

— Давай сюда. Схожу къ засѣдателю, поспрошаю... Здѣсь онъ, тоже гуляетъ съ прочими господами, въ компаніи...

Я далъ ему нашу бумагу, и онъ нырнулъ въ калитку рядомъ съ каменнымъ домомъ.

Музыка смолкла. Мѣрное движеніе китайскихъ тѣней пріостановилось... Прошло нѣсколько минутъ, въ теченіи которыхъ засѣдатель, можетъ быть съ участіемъ веселыхъ гостей, обсуждалъ наше положеніе...

Черезъ нѣсколько минутъ караульщикъ появился опять и сказалъ:

— Вались слышь на господску... Баринъ приказалъ... Дворяна, видно,—прибавилъ онъ въ раздумьи и вдругъ отчаянно заколотилъ трещеткой, какъ бы желая показать освѣщенному дому, что онъ охраняетъ его безпечное веселье по сосѣдству съ насторожившейся холодной пустыней. Стукъ его трещетки наполнилъ улицу и полетѣлъ вдаль, въ спу-

танную мглу рѣки и горъ. Когда же трещетка смолкла, то на улицу опять порхнули звуки оркестра, и тѣни на занавѣскахъ опять двигались, подпрыгивали, встрѣчались, отвѣшивали поклоны и расходились...

Еще одинъ мостикъ съ фонарями, еще пустырь — и мы въѣхали въ улицу сибирской слободки, погруженной въ глубокій сонъ. У одного дома мы увидѣли осѣдланную лошадь. Знакомая фигура въ шлыкѣ хлопотала около нея, снимая переметы... Въ замерзшія окна виднѣлся свѣтъ, тоже, какъ и въ резиденціи, мелькали тѣни, и слышались нестройныя пьяныя пѣсни...

— Въѣзжа это... черная,—пояснилъ одинъ изъ ямщиковъ...— Этапные видно загуляли...

Мы проѣхали мимо. Мнѣ казалось, что всѣ эти впечатлѣнія сейчасъ исчезнутъ и что я проснусь опять на угрюмой безконечной дорогѣ или у дымнаго „яма". Но когда нашъ караванъ остановился у небольшого чистенькаго домика,—волшебный сонъ продолжался... Теплая комната, чистыя и мягкія постели... На полу ковры, въ простѣнкахъ высокія зеркала... Одинъ изъ моихъ спутниковъ стоялъ противъ такого зеркала и хохоталъ, глядя на отраженіе въ ровномъ стеклѣ своей полудикой фигуры...

Это была „господская въѣзжая" пріисковой резиденціи...

„Резиденціями" называютъ въ Сибири такіе пункты около большихъ рѣкъ или иныхъ путей сообщенія, которые служатъ посредниками между глубиной золотоносной тайги и остальнымъ міромъ. Въ резиденціяхъ происходитъ окончательная наемка рабочихъ и заключеніе съ ними контрактовъ. Отсюда ихъ уже разводятъ по тайгѣ на мѣста работъ и, поэтому, народъ зоветъ ихъ „разведенціями". Тутъ же рабочіе получаютъ окончательный разсчетъ, отсюда на пріиски доставляются припасы, здѣсь живетъ засѣдатель, а иногда и горный исправникъ съ командой для поддержанія во всемъ пріисковомъ районѣ порядка и для борьбы съ спиртоносами и хищниками золота. Однимъ словомъ, резиденція — это настоящая столица пріисковаго царства. Рабочіе и служащіе отводятъ здѣсь душу послѣ томительнаго однообразія таежной жизни... Ходятъ самые фантастическіе разсказы о разгулѣ, который врывается въ эти мѣста, когда хлынутъ сюда изъ тайги партіи рабочихъ для разсчета... Небольшіе пароходики, пробирающіеся изъ резиденціи въ тайгу, нерѣдко везутъ пріисковымъ господамъ и ихъ дамамъ послѣднія новинки парижскихъ модъ.

Въ одну изъ такихъ резиденцій пріѣхали мы въ этотъ мглистый вечеръ, начавшійся для насъ въ освѣщенной костромъ

ямѣ временнаго станка... Мы то и дѣло смѣялись, безпричинно и безсмысленно, сидя за покрытымъ чистою скатертью столомъ, на которомъ кипѣлъ блестящій самоваръ.

Черезъ полчаса всѣ мы крѣпко спали въ мягкихъ постеляхъ... Сквозь сонъ я слышалъ какую-то суету. Кто-то какъ будто называлъ мою фамилію, кто-то пытался осторожно разбудить меня... Затѣмъ меня оставили въ покоѣ.

III.

На слѣдующее утро, едва я успѣлъ проснуться, какъ въ спальную вошелъ молодой казакъ и почтительно остановился у двери. Онъ кинулъ быстрый и, какъ мнѣ показалось, слегка насмѣшливый взглядъ на наши перемётныя сумы, въ безпорядкѣ лежавшія на коврѣ, на принадлежности нашего далеко не щегольского дорожнаго костюма и затѣмъ сообщилъ, что онъ присланъ „бариномъ“ для услугъ. „Баринъ“ присылали вчера звать меня на „вечорку“, но меня нельзя было добудиться. Теперь приказываютъ лично явиться къ нему въ канцелярію за бумагой.

— Кто же этотъ баринъ?—спросилъ я съ недоумѣніемъ.— Какъ его фамилія?

Баринъ оказался засѣдателемъ присковаго участка, а фамилію его я только слышалъ ранѣе, но не связывалъ съ нею никакихъ личныхъ воспоминаній. Меня это заинтересовало и, хотя особенной надобности въ свиданіи не предстояло,—я былъ радъ случаю повидать административнаго главу пріисковой резиденціи. Поэтому, одѣвшись, я отправился къ засѣдателю.

Канцелярія помѣщалась въ томъ самомъ поселкѣ, который такъ поразилъ меня вчера ночью: въ небольшомъ, но все-таки довольно просторномъ каменномъ домѣ. Въ первой комнатѣ за столами помѣщалось два или три человѣка, усердно скрипѣвшихъ перьями. На стѣнѣ висѣлъ олеографическій портретъ государя и въ черныхъ рамкахъ какіе-то печатные листы и объявленія. Пахло чернилами, носильнымъ платьемъ и еще чѣмъ-то, составляющимъ специфическую принадлежность захолустныхъ канцелярій, полицейскихъ участковъ и духовныхъ консисторій... Писцы имѣли видъ людей, много испытавшихъ въ жизни. Вѣроятно, это были ссыльные; относились они къ своему дѣлу съ угрюмою, озабоченною важностью и говорили другъ съ другомъ осторожнымъ шопотомъ. Чувствовалось, что надъ канцеляріей царитъ ощущеніе дисциплины, какъ будто просачивающееся изъ-за плотно закрытой двери, задернутой тяжелой коричневой драпировкой.

Когда я назвалъ свою фамилію и сказалъ, что явился по

приглашенію, одинъ изъ писцовъ медленно положилъ перо на раскрытую вѣдомость, оглядѣлъ съ ногъ до головы мою фигуру въ полу-якутскомъ костюмѣ и поднялся съ своего мѣста. Впрочемъ, подойдя къ закрытой двери, онъ остановился и съ оттѣнкомъ нерѣшительности оглянулся на другого. Тотъ кивнулъ головой и сказалъ, склоняясь надъ бумагой:

— Доложи... чего тутъ...

И тотчасъ же дѣловито заскрипѣлъ перомъ.

Дверь тихо открылась и закрылась... Въ канцеляріи опять водворилась робкая тишина, нарушаемая скрипомъ перьевъ.

Черезъ полминуты писецъ вынырнулъ изъ-за портьеры.

— Пожалуйте, — сказалъ онъ, вѣжливо сторонясь и пропуская меня въ кабинетъ.

Комната, куда я вошелъ, совсѣмъ не походила на канцелярію или дѣловой кабинетъ полицейскаго засѣдателя (должность, соотвѣтствующая становому приставу). Это былъ скорѣе будуаръ свѣтской женщины. Прежде всего бросалась въ глаза роскошная пестрота, въ которой мягко терялись отдѣльные предметы. Нога ступала по толстому, лохматому ковру, подъ цвѣтъ тяжелыхъ стѣнныхъ обоевъ. Стѣны были увѣшаны картинами и зеркалами. Въ одномъ мѣстѣ сверкала на темномъ фонѣ коллекція оружія; въ углу лапчатые листья тропическихъ растеній простерлись надъ роскошной оттоманкой. Середина комнаты была занята большимъ столомъ, вокругъ котораго стояли мягкія кресла, какъ будто приготовленныя для какихъ-то засѣданій. Въ задней стѣнѣ былъ широкій пролетъ съ тяжелыми драпировками. За нимъ, въ углубленіи виднѣлась большая ниша, что-то въ родѣ спальни. Въ полутьмѣ чуть пестрѣли пятна тигровой шкуры надъ кроватью, и женскій портретъ въ золоченой рамѣ выступалъ изъ полумрака... Комната со столомъ освѣщалась большимъ венеціанскимъ окномъ, въ которое, точно на картинѣ, виднѣлось сѣрое небо съ тяжелыми желтоватыми облаками и дальній берегъ Лены.

— Покорнѣйше прошу вотъ сюда... Кажется, имѣю удовольствіе говорить... съ...

Только теперь я замѣтилъ среди пестроты этой комнаты фигуру хозяина. Онъ сидѣлъ въ огромномъ креслѣ, въ родѣ предсѣдательскаго, съ очень высокой спинкой, и теперь сдѣлалъ движеніе, какъ будто хотѣлъ подняться мнѣ навстрѣчу. Впрочемъ, движеніе это было скорѣе символическое: выходить изъ-за стола съ близко придвинутымъ тяжелымъ креслом было неудобно. Я и принялъ это, какъ величаво-снисходительную любезность, подошелъ самъ и назвалъ свою фамилію.

— Оч-чень радъ... Пожалуйста...

Благосклоннымъ жестомъ онъ указалъ на ближайшее кресло и назвался въ свою очередь:

— Степанъ Осиповичъ Костровъ.

Степанъ Осиповичъ Костровъ оказался человѣкомъ еще молодымъ и довольно красивымъ. Преждевременная лысина сильно увеличила его высокій лобъ, и все лицо, какъ-то излишне выхоленное и нѣжное, выдѣлялось ярко и значительно на темновато-пестромъ фонѣ. На немъ была щегольская сѣрая тужурка съ форменными жгутами на плечахъ, застегнутая вверху на одну пуговицу. Изъ-подъ нея выступали ослѣпительный стоячій воротничекъ и сверкающая бѣлая жилетка съ маленькими золотыми форменными пуговицами. Изъ рукавовъ тужурки выставлялись очень широкія крахмальныя манжеты, и вся фигура давала прежде всего впечатлѣніе нѣсколькихъ ослѣпительно бѣлыхъ пятенъ. Лицо тоже сразу напоминало о пудрѣ и душистомъ мылѣ. Впрочемъ, сѣрые глаза смотрѣли твердо, и въ чертахъ лица проглядывала холодная самоувѣренность. Мнѣ показалось на одно мгновеніе, что моя невольная растерянность и инстинктивное ощущеніе дисгармоніи, которую внесъ я своей полудикой фигурой въ этотъ щегольской уголокъ, доставили хозяину нѣкоторое удовольствіе. По лицу его скользнуло что-то почти неуловимое, какъ будто оно стало еще мягче, свѣжѣе и душистѣе... Онъ подвинулъ ко мнѣ ящикъ съ сигарами и сказалъ:

— Да, я очень радъ, что имѣлъ случай познакомиться. Слышалъ, что принимаете, такъ сказать, участіе въ литературѣ?.. Мы здѣсь это цѣнимъ...

Онъ придвинулъ еще коробку спичекъ и спросилъ очень любезно:

— Надѣюсь, вы хорошо провели *у меня* эту ночь?

Въ тонѣ его мнѣ почуялось легкое напоминаніе, что *у кого-нибудь другого* я могъ бы провести эту ночь и гораздо хуже... на черной въѣзжей, напримѣръ, а не на господской.

— Ночь мы съ товарищами провели превосходно,—отвѣтилъ я.—Я пришелъ, чтобы поблагодарить за гостепріимство и... взять свою бумагу.

Хозяинъ, повидимому, не торопился закончить аудіэнцію такъ скоро. Срѣзавъ конецъ сигары, онъ долго закуривалъ ее и затѣмъ, выпустивъ клубокъ дыма, сказалъ, откидываясь въ креслѣ и протягивая ноги подъ столомъ:

— Мы позволили себѣ потревожить васъ вчера, но вы уже спали... Маленькое семейное торжество... Кронидъ Ивановичъ былъ тоже...

Замѣтивъ мой вопросительный взглядъ, онъ пояснилъ.

— Кронидъ Ивановичъ Шабельскій. Вѣдь вы, кажется, знакомы?

— Нѣтъ, не знаю.

— Не знаете?.. Кронида Ивановича?.. Странно...

Онъ кинулъ на меня взглядъ, въ которомъ проскользнуло сомнѣніе: то-ли я лицо, по адресу котораго онъ расточалъ свои любезности, и продолжалъ:

— Новый управляющій пріисковъ... Я думалъ, что вы знакомы. Когда вчера принесли вашу бумагу, онъ сразу обратилъ вниманіе на вашу фамилію... Можетъ, припомните?

— Нѣтъ, не припоминаю.

— Достой-нѣйшая, просвѣщенная личность...

Лицо его при упоминаніи о просвѣщенной личности стало еще болѣе матовымъ и разнѣженнымъ... Онъ опять съ легкимъ оттѣнкомъ сомнѣнія скользнулъ по моей фигурѣ, какъ бы сопоставляя ее съ достойнѣйшимъ Кронидомъ Ивановичемъ, къ большой, конечно, невыгодѣ для моей скромной особы, и сказалъ съ озабоченнымъ видомъ:

— Уѣхалъ утромъ, прямо съ бала... какъ-то удалось переправиться?..

Я сказалъ, что переправа вѣроятно очень трудна. На рѣкѣ довольно крупное „сало". Ямщики на нѣкоторыхъ станкахъ дежурятъ въ „ямахъ". Людямъ приходится очень трудно. Онъ выслушалъ послѣднее замѣчаніе съ небрежнымъ видомъ и сказалъ:

— Народъ привычный... Боюсь, что и мнѣ скоро придется ѣхать въ участокъ и при томъ довольно далеко...

— Вашъ участокъ, вѣроятно, великъ, — сказалъ я, чтобы поддержать разговоръ.

Онъ слегка улыбнулся какъ-то особенно, одними бровями и уголкомъ губъ, въ которыхъ была защемлена сигара, и сказалъ кратко:

— На европейскій масштабъ, — цѣлое государство!.. Да вотъ, не угодно-ли взглянуть на эту карту... Синей чертой обведены границы моихъ владѣній...

И онъ съ изящной небрежностью сдѣлалъ округленный жестъ рукою по направленію къ большой картѣ, висѣвшей надъ каминомъ.

Я съ любопытствомъ взглянулъ на нее. Синяя черта, извиваясь между хребтовъ, горныхъ рѣчекъ и падей, уходила на сѣверо-востокъ, захватывала значительную часть теченія Лены и ея безымянныхъ притоковъ, подходила къ водораздѣлу Енисея на сѣверо-западѣ, а на юго-востокѣ широкимъ синимъ пятномъ къ ней придвигался Байкалъ...

Этотъ клокъ разрисованной бумаги живо подѣйствовалъ на мое воображеніе. Мнѣ представились эти сотни и тысячи верстъ, оставшихся назади, которыя мы одолѣвали такъ долго и съ такими усиліями... Зеленыя пятна, тамъ и сямъ причудливыми массами разбросанныя кистью чертежника, — это глухая, дремучая тайга, непроходимою, дикою чащею раскинувшаяся по горнымъ уступамъ и ущельямъ. Черныя точки — убогіе станки, населенные несчастными, полуголодными и угрюмыми ямщиками. Извилистыя полоски—это горныя рѣчки, черезъ которыя мы переправлялись съ такими приключеніями... Все это живо представилось мнѣ при взглядѣ на карту „участка“, который этотъ франтоватый господинъ въ сѣрой тужуркѣ съ такой великолѣпной небрежностью только что назвалъ „своими владѣніями“.

— Да вѣдь это въ самомъ дѣлѣ владѣтельный князь, — подумалъ я и съ невольнымъ любопытствомъ еще разъ взглянулъ на г-на Кострова.

По наружности сразу видно, что это не коренной сибирякъ, а изъ „навознаго элемента“, какъ ихъ иронически зовутъ въ Сибири... Сильно воспользовался жизнью въ Россіи... разорился... Потомъ взялся за умъ... Пріѣхалъ въ хвостѣ генералъ-губернаторской свиты и, благодаря столичной протекціи, получилъ теплое мѣсто на пріискахъ. Въ то время эти „навозные“ господа не пользовались особеннымъ расположеніемъ сибиряковъ. Послѣдніе предпочитали своихъ аборигеновъ, съ знакомымъ сибирскимъ бытовымъ налетомъ. Они какъ-то лучше приходились ко двору. У навозныхъ не было мѣстнаго чутья. Они были высокомѣрны, заносчивы, и требованія ихъ часто превосходили всякіе предѣлы...

Степанъ Осиповичъ Костровъ имѣлъ руку въ Иркутскѣ... Въ послѣднее время впрочемъ толковали о перемѣнѣ генералъ-губернатора...

V.

Въ кабинетѣ вдругъ послышался какой-то сторонній звукъ...

Оглянувшись, я увидѣлъ, что мы съ засѣдателемъ не одни. У двери, прижавшись между портьерой и пестрой стѣной, какъ бы стараясь уничтожиться въ этой роскошной обстановкѣ, стоялъ человѣкъ, котораго я при входѣ не замѣтилъ.

Это былъ субъектъ большого роста, одѣтый въ длинный сѣрый пиджакъ и свѣтлыя брюки крупной клѣткой. Пиджакъ висѣлъ на сухощавой фигурѣ, какъ на вѣшалкѣ, брюки были засунуты въ лакированныя голенища, слишкомъ широкія и нелѣпо спустившіяся книзу. На свѣтлой, но порядочно обмыз-

ганной жилеткѣ болталась толстая металлическая цѣпочка съ массивными брелоками. Лицо у незнакомца было смуглооливковое съ очень низкимъ лбомъ, надъ которымъ торчали въ разныя стороны короткіе и густые черные волосы. Большія торчащія уши, толстая нижняя губа и широкія челюсти давали впечатлѣніе странной, нѣсколько комической гримасы. Маленькіе черные глаза сверкали по временамъ враждой и какимъ-то унылымъ упорствомъ.

Наклонивъ голову и глядя искоса и исподлобья на засѣдателя, онъ сказалъ:

— Можно мнѣ уже идти, Степанъ Осиповичъ?

Засѣдатель повернулся въ его сторону и, откинувшись назадъ, нѣкоторое время смотрѣлъ на незнакомца строго и холодно...

— Нѣтъ-съ, нельзя-съ, Кондратій... забылъ какъ по батюшкѣ, — сказалъ онъ сухо.—Мы съ вами еще не кончили нашего разговора...

— Да коихъ же поръ... въ самъ-дѣлѣ? — пробурчалъ незнакомецъ угрюмо...—Стою, стою...

— Я, быть можетъ, вамъ помѣшалъ? — сказалъ я, дѣлая движеніе, чтобы подняться.

— Нисколько... Пожалуйста!.. У насъ съ этимъ господиномъ нѣтъ никакихъ секретовъ... Даже совершенно наоборотъ... Дѣло наше, можно сказать, получило широкую огласку...

Мнѣ показалось, что въ послѣднихъ словахъ прозвучалъ оттѣнокъ нѣкоторой злости, но затѣмъ засѣдатель небрежно протянулъ руку, взялъ номеръ лежавшей на столѣ газеты и подалъ его мнѣ.

— Посмотрите вотъ здѣсь... отчеркнутое мѣсто... Какъ вамъ понравится?..

Газета была сибирская, но выходила въ столицѣ. Отчеркнутое мѣсто заключало въ себѣ сообщеніе о циркулярѣ, который волостной писарь Шушминской волости N-скаго округа разослалъ по деревнямъ „въ руководство на случай военнаго могущаго произойти столкновенія“. За много лѣтъ до дѣйствительной китайской войны газеты заговорили какъ-то о недоразумѣніяхъ на китайской границѣ. Недоразумѣнія были улажены, но волостной писарь отдаленной волости, очевидно, большой дипломатъ, счелъ нужнымъ и съ своей стороны принять участіе въ инцидентѣ. Онъ разослалъ по деревнямъ циркуляръ, въ которомъ предлагалъ „подвѣдомымъ старшинамъ, сотскимъ, а равно прочей мелкой власти“ внушать населенію полное спокойствіе. „Я же, со своей стороны, — такъ заканчивался этотъ циркуляръ,—за благо признаваю, въ

силу облекаемой власти и политическаго равновѣсія, какъ равно и высшаго соображенія причинъ, клонящихъ намѣреніе къ строжающему нейтралитету, то имѣешь ты, старшина (имярекъ), съ прочею низкою властію приложить всемѣрное стараніе подъ страхомъ въ противномъ могущемъ быть случаѣ наистрожайшаго штрафованія, не исключая личной прикосновенности по закону и свыше... Подлинный подписалъ писарь Кондратій Замятинъ".

Самому-ли Кондратію Замятину пришла въ голову эта горделивая идея, или ее внушилъ ему какой-нибудь юмористъ изъ ссыльныхъ,—сказать трудно; но имя Кондратія Замятина на время всплыло въ сибирской и столичной печати.

— Да-съ! Вотъ не угодно-ли?—сказалъ Степанъ Осиповичъ, когда я съ невольной улыбкой положилъ номеръ на столъ.— Подлинный подписалъ Кондратій Замятинъ — это вотъ они-съ... Не угодно-ли полюбоваться... Бисмаркъ Шушминской волости... Объявляетъ войну и миръ и поддерживаетъ политическое равновѣсіе.

Кондратій Замятинъ повернулъ голову такъ круто, что казалось, онъ свернетъ себѣ шею, и въ его лицѣ, въ глазахъ, даже въ позѣ виднѣлось выраженіе сконфуженности и вмѣстѣ упрямства. Такой видъ должны были имѣть въ доброе старое время великовозрастные богословы и философы, которымъ предстояло ложиться подъ „учительную" лозу отца ректора...

— Можно... уйти?.. — процѣдилъ онъ опять, и губы его сложились въ такую складку злости и обиды, что мнѣ стало нѣсколько жутко.

При этомъ что-то въ его голосѣ показалось мнѣ очень знакомымъ. Въ моей памяти встала вдругъ вчерашняя темная ночь на льду затона, холодный вѣтеръ съ изморозью, мое полупробужденіе и огромный силуэтъ всадника, возвышавшійся надъ горами... Я невольно спрашивалъ себя, дѣйствительно ли этотъ человѣкъ, уничтожающійся теперь подъ взглядомъ засѣдателя,—тотъ самый, который явился мнѣ вчера такимъ титаномъ?.. И я подумалъ, что Степанъ Осиповичъ нѣсколько неосторожно злоупотребляетъ преимуществомъ своего положенія надъ этимъ верзилой, который можетъ расплющить его однимъ движеніемъ своей жилистой лапы...

— То-рò-опитесь?—сказалъ засѣдатель съ уничтожающимъ сарказмомъ въ голосѣ... — Сочинять министерскіе циркуляры?.. Или...

Въ глазахъ Кострова пробѣжало что-то быстрое и холодное, какъ змѣйка.

— Или с-строчить доносы вашему куму, исправнику?..

Нѣтъ-съ, господинъ Замятинъ, на этотъ разъ вы отъ меня дешево не отдѣлаетесь. Я не посмотрю на вашихъ кумовей и на всѣ ваши шашни... Сдѣлайте одолженіе... Сколько угодно! Пишите, выдумывайте, лгите... А пока...

Его лицо стало опять блѣдно и холодно. Онъ любезно повернулся ко мнѣ и сказалъ:

— Извините, что дѣлаю васъ, такъ сказать, свидѣтелемъ... Но съ этимъ народомъ и ангелъ потеряетъ терпѣніе... Не угодно-ли вотъ!.. Я ничего не знаю, а циркуляръ уже попалъ въ газеты. Пойдутъ теперь трепать... Того гляди, изъ самаго Петербурга запросъ: въ чьемъ участкѣ этотъ Талейранъ объявился?.. Сепаратизмъ еще приплетутъ... Ну-съ, такъ вотъ, господинъ Кондратій Замятинъ, владѣтельный князь Шушминской волости... есть тамъ у васъ... въ вашихъ „подвѣдомыхъ владѣніяхъ“ каталажка?..

— То есть... это въ которомъ смыслѣ?..—угрюмо спросилъ Кондратій Замятинъ.

— А вотъ, въ томъ самомъ смыслѣ... куда сажаютъ бродягъ, воровъ и пьяницъ и куда вы изволили посадить самовольно и противузаконно тунгузскаго князца... Это вотъ самое строеніе... стоитъ еще на мѣстѣ? Не сгорѣло?..

Замятинъ издалъ невнятное, но, повидимому, утвердительное ворчаніе...

— Такъ вотъ-съ... вы получите въ моей канцеляріи предписаніе, которое приказываю исполнить точнѣйшимъ образомъ. Прежде всего, не медля здѣсь ни минуты...—слышите? ни одной секунды... вы отправляетесь къ мѣсту своей службы. По прибытіи имѣете предъявить старостѣ бумагу, которую тоже получите изъ моей канцеляріи для объявленія на сходѣ... И прошу добросовѣстно прочесть ея содержаніе,—прибавилъ Степанъ Осиповичъ металлическимъ голосомъ.—Я провѣрю... И если вы... если ты, сс-укинъ... Ахъ, извините, я опять забылся,—спохватился засѣдатель, повернувшись ко мнѣ.

Кондратій Замятинъ пересталъ жаться къ стѣнѣ и вытянулъ шею...

— Въ бумагѣ этой говорится,—холодно отчеканилъ засѣдатель дальше,—что писарь Шушминской волости Кондратій Замятинъ, изъ ссыльно-поселенцевъ, имѣетъ отсидѣть въ сельской каталажкѣ на хлѣбѣ и водѣ недѣлю... за составленіе безсмысленныхъ циркуляровъ, выходящихъ за предѣлы его обязанностей и составляющихъ превышеніе власти... Можете идти...

Замятинъ, какъ будто все еще не вполнѣ разобравшій смыслъ сказаннаго, медленно, съ медвѣжьей ухваткой повер-

нулся къ двери, потомъ остановился, мгновеніе постоялъ неподвижно и затѣмъ опять обратился въ полъ-оборота къ засѣдателю.

— Степанъ Осиповичъ,—сказалъ онъ сдавленнымъ, глухимъ голосомъ...

— Что-съ?

— Отмѣните...

— Я никогда не отмѣняю своихъ распоряженій...

Замятинъ еще постоялъ, опустивъ голову, и потомъ продолжалъ такъ же глухо:

— Отмѣните... Я говорю: какой же послѣ этого посреди дикаго народу... пристижъ?..

— Что-ò-съ,—вспыхнулъ засѣдатель... — Пристижъ? Пристижъ вамъ!.. Не угодно-ли повернуться лицомъ, когда съ вами говоритъ начальникъ... Что это за поза?.. Руки по швамъ!—крикнулъ Костровъ, выходя изъ себя...

Замятинъ неохотно и не до конца повернулся и опустилъ руки. Засѣдатель окинулъ всю его фигуру горящимъ взглядомъ.

— Тебѣ, Кондратій Замятинъ,—сказалъ онъ, отчеканивая каждое слово,—статья такая-то, о „состояніяхъ“ извѣстна?.. Примѣчаніе такое-то объ изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній?.. Ступай и помни, что, если ты выведешь меня изъ терпѣнія, то я примѣню къ тебѣ это примѣчаніе при первомъ случаѣ... И никакія шашни, никакіе доносы не помогутъ... Ступай.

Замятинъ издалъ что-то въ родѣ глухого медвѣжьяго ворчанія, круто повернулся и исчезъ за занавѣской. Видъ у него былъ такой же зловѣще-унылый и упрямый. Уходя, онъ даже непочтительно стукнулъ дверью... Степанъ Осиповичъ проводилъ его враждебнымъ и внимательнымъ взглядомъ.

Когда портьера за писаремъ перестала колыхаться, Костровъ повернулся ко мнѣ.

— Ну-съ, вотъ вы изволили видѣть сами... Такъ сказать, бытовая картина, которую бы можно озаглавить: положеніе сибирскаго администратора... Что скажете?

Я рѣшительно не зналъ въ ту минуту, что я могу сказать о положеніи сибирскаго администратора. Впрочемъ, Степанъ Осиповичъ самъ вывелъ меня изъ затрудненія. Онъ подвинулъ мнѣ коробку папиросъ, закурилъ самъ и сказалъ тономъ довѣрчивымъ, отчасти даже конфиденціальнымъ:

— Вотъ вы человѣкъ просвѣщенный... Судите сами: на отвѣтственности засѣдателя цѣлое, такъ сказать, государство... Засѣдатель отвѣчаетъ за благосостояніе и спокойствіе въ нѣкоторомъ родѣ сибирской Швейцаріи...

Онъ опять меланхолическимъ жестомъ указалъ на карту.

— А между тѣмъ засѣдатель связанъ по рукамъ и ногамъ... Власть его ограничена до смѣшного! Вѣрите, я не имѣю возможности прогнать какого-нибудь ссыль...

Онъ спохватился и поправился.

— Съ одной стороны какая-нибудь уголовная фигура, вотъ въ родѣ сейчасъ вами видѣнной... Съ другой исправникъ, изъ мѣстныхъ, непросвѣщенный, грубый, который, однако, имѣетъ возможность на всякомъ шагу ставить препятствія...

Онъ сдѣлалъ усиліе и передвинулъ свое тяжелое кресло, такъ что насъ раздѣлялъ только уголъ стола.

— Послушайте, — заговорилъ онъ нѣсколько пониженнымъ голосомъ. — Вотъ я и говорю: вы человѣкъ просвѣщенный, обладаете талантомъ. Скоро будете въ Россіи... Еще скорѣе въ Иркутскѣ... Что, если бы вы изобразили... ну, вотъ, хотя бы то, что видѣли... „Къ положенію просвѣщеннаго администратора въ Сибири“... Я съ своей стороны могъ бы дать нѣкоторыя поясненія... Тема для статьи богатѣйшая... Если я отвѣчаю, дайте мнѣ власть... Это понятно. Если мнѣ довѣряютъ, я долженъ быть независимъ отъ какого-нибудь... тамъ... исправника стараго закала, который принимаетъ доносы, роняя, такъ сказать, престижъ... А? Что̀ такое?.. Что̀ вамъ нужно?..

Сердитое восклицаніе относилось къ писцу, который въ эту минуту тихо приподнялъ портьеру и просунулъ въ кабинетъ свою лысую голову съ выразительно суровымъ лицомъ.

— Ну, что тамъ такое?—нетерпѣливо спросилъ Костровъ.

Писарь переступилъ порогъ, тихо опустилъ портьеру и, безшумно ступая въ мягкихъ валенкахъ по ковру, подошелъ къ столу. Здѣсь онъ остановился какъ бы въ нерѣшительности, глядя то на засѣдателя, то на меня...

— Пришелъ... — сказалъ онъ.

— Кто пришелъ? Да говорите вы, чортъ васъ возьми, по-человѣчески!

Лысый писецъ какъ-то съежился, но послѣ нетерпѣливаго начальственнаго окрика сказалъ почти шопотомъ:

— Бурмакинъ-съ...

Засѣдатель какъ будто удивился.

— Уже? — сказалъ онъ. — А... да, да... Ну, хорошо, хорошо...

Онъ отодвинулъ свой стулъ и съ любезною, нѣсколько сконфуженною торопливостью повернулся ко мнѣ.

— Да-съ... такъ мнѣ очень пріятно... какъ же, какъ же: слышалъ отъ Кронида Ивановича... Очень, оч-чень сожалѣю, что обязанности службы лишаютъ меня въ нѣкоторомъ родѣ

удовольствія... Въ противномъ случаѣ, повѣрьте... счелъ бы за честь... Карповъ, — выдашь вотъ имъ бумагу... Счастливаго пути... Въ Россію! На милую родину... Завидую...

Онъ вышелъ изъ-за стола и, задержавъ мою руку въ своей, продолжалъ:

— Можетъ быть, по пріѣздѣ въ Россію или... еще лучше въ Иркутскъ... вы вспомните о томъ, что я говорилъ. Очень, оч-чень жаль, что важныя дѣла мѣшаютъ мнѣ въ настоящую минуту дать нѣкоторые матеріалы... Но впрочемъ, подъ перомъ талантливаго человѣка и то, что вы видѣли и слышали... Всего, всего хорошаго...

Онъ говорилъ любезно, но въ голосѣ слышалась сильная озабоченность... Было видно, что преждевременное появленіе того человѣка, о которомъ говорилъ писарь, спутывало какіе-то планы г-на Кострова...

IV.

Въ канцеляріи, куда я вошелъ, было новое лицо и, пожалуй, новое настроеніе. У одного изъ столовъ стоялъ высокій человѣкъ, въ пріискательскомъ кафтанѣ изъ верблюжьей шерсти, съ узорно расшитыми полами. Кафтанъ былъ перетянутъ краснымъ кушакомъ, концы котораго были старательно расправлены и кинуты бахромой на боку. Одна пола была приподнята и заправлена за поясъ, открывая широкія плисовыя шаровары, вдѣтыя въ голенища высокихъ сапоговъ. Въ рукахъ онъ держалъ дорогую соболью шапку, изъ-за голенища торчала чеканная ручка нагайки. Все въ этой фигурѣ отзывалось разсчитаннымъ пріискательскимъ щегольствомъ, а красивое смуглое лицо, съ непріятно-полными и красными губами, дышало увѣренностью и самодовольствомъ. Повидимому, то, что онъ успѣлъ сказать здѣсь, въ канцеляріи до моего прихода,—доставило всему штату много развлеченія и удовольствія. Писаря бросили писать, всѣ улыбались, на всѣхъ лицахъ виднѣлось оживленіе.

Когда я вошелъ, новый пришелецъ двинулся навстрѣчу и обмѣнялся взглядомъ съ шедшимъ за мною Карповымъ. Тотъ утвердительно кивнулъ головой, и Бурмакинъ увѣренно направился къ двери...

Этого человѣка я уже встрѣчалъ...

Это было нѣсколько дней назадъ, на дорогѣ между двумя станками. Былъ сѣрый, непріятный день, съ холоднымъ пасмурнымъ небомъ и пронизывающимъ вѣтромъ, наметавшимъ кое-гдѣ сугробы сухого снѣга и свистѣвшимъ въ обнаженныхъ придорожныхъ кустахъ и деревьяхъ. Мы ѣхали съ

ранняго утра и уже устали отъ холода, пустыннаго вѣтра и пестраго мельканія снѣжныхъ пятенъ и обнаженныхъ скалъ.

Въ одномъ мѣстѣ насъ обогнали широкія пошевни, запряженныя парой лошадей съ колокольчикомъ. Онѣ вынырнули на дорогу съ проселка, въ концѣ котораго виднѣлись верхушки крышъ небольшого поселенія, расположеннаго у самой рѣки. Ямщикъ былъ сильно пьянъ и гналъ лошадей безъ толку, то нахлестывая ихъ кнутомъ, то задергивая возжами. Сани мотались по ухабамъ какъ будто тоже пьяныя, а въ нихъ безпорядочно барахтались двѣ фигуры. Одинъ изъ сѣдоковъ, молодой парень, откинувъ голову назадъ, тянулъ водку прямо изъ горлышка бутылки... Его кидало на ухабахъ, водка лилась мимо, и онъ глупо смѣялся пьянымъ смѣхомъ. Другой, полулежа въ широкихъ пошевняхъ безъ всякой подстилки, то поощрялъ своего спутника, то толкалъ его подъ локоть; мнѣ онъ показался значительно трезвѣе. Въ одномъ мѣстѣ сани вдругъ наклонились, и оба сѣдока выкатились на дорогу.

Пока младшій старался подняться, тыкаясь красными руками въ холодный снѣгъ, другой всталъ на ноги и не совсѣмъ твердой походкой направился къ намъ.

— Здравствуйте, господа! Издалеча-ли Богъ несетъ?..— спросилъ онъ, внимательно оглядывая насъ.

Мы отвѣтили.

— А я — Бурмакинъ!..— сказалъ онъ гордо.

Это имя было намъ знакомо. Бурмакинъ былъ очень извѣстный въ тѣхъ мѣстахъ глава спиртоносовъ, ежегодно снаряжавшій въ тайгу цѣлыя экспедиціи хищниковъ золота, устраивавшихъ въ глухихъ притонахъ свои становища и скупавшихъ у пріисковыхъ рабочихъ подъемное золото за деньги или за спиртъ. Промыселъ чрезвычайно опасный, требующій большой выносливости, рѣшительности и сноровки, но и очень прибыльный. И каждый годъ въ то время, когда большинство мѣстныхъ поселенцевъ, а иногда и крестьянъ шло наниматься на пріиски—меньшинство, состоявшее изъ наиболѣе отчаянныхъ удальцовъ, отправлялось къ Бурмакину. Онъ выбиралъ изъ нихъ самыхъ подходящихъ и „давалъ задатки“, какъ глава какой-нибудь извѣстной фирмы...

Я съ интересомъ взглянулъ на эту знаменитость, стоявшую передъ нами на дорогѣ. Бурмакинъ былъ въ широкой дохѣ, распахнувшіяся полы которой трепалъ вѣтеръ. Лицо его было непріятно красное, набухшее, какъ бы отъ продолжительнаго пьянства, но въ глазахъ виднѣлась рѣшительность и сила.

— Выпейте съ Бурмакинымъ, ребята! — сказалъ онъ та-

кимъ тономъ, какъ будто былъ увѣренъ, что мы сочтемъ это приглашеніе за великую честь. И, засунувъ руку въ карманъ ватнаго кафтана, надѣтаго подъ дохой, онъ вытащилъ оттуда непочатую бутылку...

Мы отказались...

— Ну, и чортъ съ вами, — сказалъ онъ грубо... — Наплевать! Видно, не знаете, кто васъ угощаетъ... Эй, Сенька, дьяволъ!.. Вставай! Обночлежился, что-ли, тутъ въ снѣгу?..

Онъ подошелъ къ санямъ, у которыхъ все еще барахтался пьяный товарищъ, и, поднявъ его, бросилъ въ пошевни, точно мѣшокъ съ мукой. Я слышалъ, какъ голова Сеньки стукнулась объ обочину саней... Бурмакинъ опять выругался, но вдругъ повернулся еще разъ къ намъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ.

Я приготовился къ какой-нибудь непріятной сценѣ. „Знаменитый Бурмакинъ“ показался мнѣ просто пьянымъ нахаломъ, въ родѣ загулявшаго бахвала-фабричнаго. Но, взглянувъ на его лицо, я увидѣлъ, что теперь оно измѣнилось: черные глаза глядѣли серьезно и какъ будто печально.

— Извините, господа, — сказалъ онъ. — Выпивши я немного. Сколько время съ этимъ народомъ каталажусь... Вы вотъ изъ Якутска ѣдете... что-нибудь про моихъ „ребятъ“ слыхали?

Мы слыхали, что въ якутской тюрьмѣ сидѣло еще съ прошлаго года человѣкъ 15 спиртоносовъ и въ томъ числѣ правая рука Бурмакина, черкесъ Измаилъ Юнусовъ. Говорили, что Бурмакинъ сыпалъ деньгами, чтобы выручить товарищей, но „выгодное“ для начальства дѣло затягивалось. „Бурмакинскіе ребята“ уже около году томились въ якутской тюрьмѣ, — правда, благодаря бурмакинскимъ деньгамъ, имъ было довольно весело.

Мы разсказали Бурмакину, что знали о положеніи его товарищей. Онъ выслушалъ внимательно и серьезно и сказалъ:

— Ну, спасибо вамъ, господа... Э-эхъ! На всѣхъ бы наплевать, — Измаила жалко... Повѣрите, братцы, — за этого человѣка сейчасъ праву руку долой! Братъ, — даромъ что нехристь!..

Въ его словахъ мнѣ послышалось искреннее чувство и печаль. Но тотчасъ же этотъ проблескъ исчезъ, какъ слабый лучъ въ холодныхъ облакахъ, и на лицѣ Бурмакина опять появилось выраженіе бахвальства.

— Ну, да ничего! Выручу!.. Бурмакинъ, да чтобъ не выручилъ... Слыхали, чай, про меня! Кто по здѣшнему мѣсту первый человѣкъ?.. Бурмакинъ! Вотъ гдѣ у Бурмакина всѣ...

Онъ поднялъ кверху сжатый кулакъ и вдругъ вернулся опять къ прежнему:

— Наливки хотите? Можетъ, хересу?.. У меня тутъ все есть... Ну, не хотите, какъ хотите... честь предложена... Эй ты, ямщикъ... желторотой... Чего стоишь... Пошелъ!

Сани уже тронулись, когда онъ грузно ввалился въ нихъ, рискуя задавить пьянаго Сеньку, и вся группа безтолковымъ темнымъ пятномъ опять понеслась впередъ, вихляясь изъ стороны въ сторону... Надъ широкой спинкой саней мелькали руки, спины, собольи шапки. Бурмакинъ съ Сенькой возились, какъ два медвѣдя, отымая другъ у друга бутылку съ водкой, которая весело мелькала на солнцѣ... Неровно звенѣлъ колокольчикъ и къ намъ доносились нелѣпые обрывки циничной пріисковой пѣсни.

Нашъ ямщикъ, молодой станочникъ, выросшій по сосѣдству съ нелѣпой роскошью пріисковъ, провожалъ удаляющуюся компанію завистливымъ взглядомъ.

— Фартовый народъ! — сказалъ онъ, когда она исчезла за поворотомъ дороги. — Сани, что есть, и то пьяныя—качаются.

И онъ принялся подробно разсказывать намъ о Бурмакинѣ, объ его удальствѣ и удачѣ.

По его словамъ, Бурмакинъ снаряжаетъ и на этотъ годъ въ тайгу небывалую еще экспедицію, въ нѣсколько десятковъ самыхъ отчаянныхъ головорѣзовъ поселенцевъ и сорокъ вьючныхъ оленей. Ямщикъ говорилъ, гдѣ именно собираются по частямъ отряды и гдѣ будетъ переправа...

Мнѣ запомнился навсегда простодушно-эпическій тонъ этого разсказа и наивно-безстрастное выраженіе синихъ глазъ сибирскаго юноши. Въ тонѣ не было слышно ни одной ноты осужденія или хоть ироніи, добрые глаза глядѣли ровно и съ тѣмъ безстрастнымъ доброжелательствомъ, съ какимъ они смотрѣли на облака, на снѣжную дорогу, на сопки... Если бы развернуть это выраженіе въ членораздѣльные звуки и связную рѣчь, то оно значило бы вѣроятно: есть на свѣтѣ облака и солнце, и снѣгъ, и дорога, и камни. И есть маленькіе холмики и огромныя горы... И есть жалкіе станочники и могущественные Бурмакины... И все это отъ вѣка и навсегда...

— Теперь, не иначе,—къ засѣдателю поѣдетъ...—прибавилъ онъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто это тоже написано въ предвѣчныхъ законахъ этого холоднаго, каменистаго міра...

Молодой ямщикъ не ошибся. Бурмакинъ дѣйствительно появился въ резиденціи. Владыка тайги передъ экспедиціей вступалъ повидимому въ какіе-то дипломатическіе переговоры съ владыкой „сибирской Швейцаріи“...

V.

Выйдя изъ канцеляріи, я направился по улицамъ слободки къ мѣсту своего ночлега. Въ слободку, звеня колокольцами, въѣзжала почта на восьми тройкахъ.

У черной въѣзжей стояла осѣдланная лошадь. Изъ воротъ вышелъ Замятинъ и, остановивъ послѣднюю тройку, о чемъ-то пошептался съ почталіономъ и сунулъ ему письмо. Когда почта проѣхала, онъ направился къ своей лошади и встрѣтился со мною. Сначала онъ отвернулъ свое выразительное лицо, какъ будто ему была непріятна встрѣча съ свидѣтелемъ его недавняго униженія. Но затѣмъ посмотрѣлъ мнѣ прямо въ лицо своимъ тяжеловатымъ взглядомъ и улыбнулся. Его толстыя несимметричныя губы растянулись вкось самымъ удивительнымъ образомъ. Вышла не улыбка, а какая-то зловѣщая гримаса.

— Ни-че-го!—сказалъ онъ фамильярно, какъ старому знакомому кивнувъ мнѣ головой.—Видали и не этакихъ коркодиловъ... Еще посмотримъ!

Онъ довольно грузно взобрался на лошадь, оправилъ доху, усѣлся плотнѣе въ высокомъ якутскомъ сѣдлѣ и тронулся съ мѣста. Отдохнувшій конекъ заигралъ и быстро повернулъ въ томъ направленіи, откуда мы вчера пріѣхали. Но Замятинъ хлеснулъ его нагайкой и повернулъ въ противуположную сторону. Онъ лукаво кивнулъ мнѣ съ такимъ видомъ, точно мы были два заговорщика, связанные какою-то общею тайной, и поѣхалъ вдоль улицы. Сначала тихо, потомъ шибче, а затѣмъ, доѣхавъ до конца улицы, къ выѣзду изъ слободы,— вдругъ нахлесталъ лошадь и пустился въ карьеръ. Полы его дохи развѣвались, по бокамъ сѣдла метались переметы, и мелкій снѣгъ тучей несся за копытами коня...

Сначала я ничего не понялъ ни въ этой мимикѣ, ни въ сумасшедшей скачкѣ Замятина, но затѣмъ сообразилъ: онъ нарушилъ строгое приказаніе засѣдателя и ѣхалъ совсѣмъ не въ Шушминскую волость, гдѣ его ждало унизительное заключеніе въ каталажкѣ... При этомъ онъ увозилъ съ собой дипломатическія тайны вражескаго стана...

Почта была на этотъ разъ экстренно велика, и намъ пришлось по неволѣ остаться въ резиденціи до поздняго вечера.

Днемъ мы спали, а передъ вечеромъ я отправился пройтись по слободкѣ. Начинало темнѣть. Сумерки наваливались на бревенчатыя избы, нахлобученныя шапками снѣга, на „резиденцію“, на темныя массы горъ. Въ слободкѣ зажигались огни... Въ одной избѣ стоялъ шумъ, слышались визгливые звуки гармоники, нестройный галдежъ и пѣсни...

Такъ какъ люди входили и выходили оттуда совершенно свободно, то вошелъ и я, привлеченный любопытствомъ.

Никто не обратилъ на меня вниманія въ избѣ, тѣсно набитой народомъ. Воздухъ былъ пропитанъ запахомъ махорки, вина, овчины и оленьихъ мѣховъ. За столомъ сидѣло нѣсколько человѣкъ. Передъ ними стояли початыя бутылки и стаканы. На грязныхъ тарелкахъ лежали горой куски вареннаго мяса и рыбы. Какой-то парень „томился", положивъ на руки кудрявую бѣлокурую голову и пачкая рукава новаго азяма въ пролитомъ винѣ и застывшемъ салѣ. Двое другихъ, обнявшись за шеи, качались изъ стороны въ сторону и тянули дикими голосами пріисковую пѣсню, сбиваясь и не обращая вниманія другъ на друга... Невдалекѣ отъ нихъ совершенно трезвый сибирякъ игралъ на гармоніи и зоркимъ, хищнымъ взглядомъ, искоса слѣдилъ за пѣвцами. Это не мѣшало ему добросовѣстно перебирать лады гармоніи, рѣзавшей ухо визгливой частушкой. По серединѣ просторной избы, среди тѣсной кучи зрителей, шелъ плясъ. Танцующихъ не было видно, слышалось только уханіе и частый тяжелый топотъ... По временамъ снаружи въ избу входилъ кто-нибудь изъ мѣстныхъ жителей и, протискавшись къ столу, безъ церемоніи наливалъ себѣ стаканъ водки...

— Пейте, челдоньё, лакайте, дьяволы, не жалѣй, собаки, чужого добра!..—выкрикивалъ одинъ изъ пѣвцовъ высокимъ теноромъ.

— Знай бурмакинску команду!—вторилъ могучимъ басомъ другой, и они опять принимались пѣть.

Вдругъ сибирякъ, игравшій на гармоніи, насторожился, и въ его глазахъ мелькнула злая тревога. Въ сосѣдней комнатѣ, за запертой дверью послышался шумъ. Музыкантъ поднялся и, не переставая играть, сталъ протискиваться черезъ толпу. Когда онъ раздвинулъ ее, я увидѣлъ въ центрѣ зрителей пьянаго танцора. Глаза его были безсмысленно выпучены и онъ автоматически топалъ ногами съ такимъ ожесточеніемъ, какъ будто навсегда потерялъ способность къ движеніямъ другого рода. Вокругъ него „ходила" молодая дѣвушка, почти ребенокъ, съ налитымъ, краснымъ лицомъ, выдѣлывая нескромныя „колѣна" безобразной пляски, которыя зрители встрѣчали поощрительнымъ хохотомъ.

Вдругъ гармонія стихла. Музыкантъ, протолкавшись къ запертой двери, рванулъ ее и раскрылъ настежь... За ней мелькнуло возбужденное и пьяное лицо того самаго Сеньки, котораго я встрѣтилъ на дорогѣ съ Бурмакинымъ. Противъ него стояла въ воинственной позѣ старая женщина.

— Ты кого мнѣ привела... Нѣтъ, ты кого привела!—кричалъ Сенька нелѣпымъ пьянымъ голосомъ.—Думаешь, пьянъ... не замѣчу... Я тебѣ приказывалъ: доставь Малашу, никакихъ денегъ не пожалѣю. А ты мнѣ свою лахудру подсудобила... Это есть ам-манъ!

— Молчи, подлецъ, молчи, каторжна душа!—визгливо отвѣчала женщина, видимо тоже пьяная.—Чѣмъ тебѣ наши дѣвки плохи... Могешь ты моихъ дочекъ страмить?.. Жиганъ ничтожный, тля тюремная!..

— Ма-ма... Мама... — слезливо говорила молоденькая дѣвушка и тянулась къ матери.

— Не трогъ, Афрося, молчи а ты... Я вотъ ему своимъ рукамъ...

Плясъ пріостановился. Толпа хлынула къ открытымъ дверямъ, закрывъ отъ моихъ глазъ происходившую за ними сцену.

— Братцы, бурмакинскіе! Ам-манъ... Амманываютъ нашихъ, — кричалъ Сенька такъ отчаянно, точно его рѣзали темною ночью на большой дорогѣ. Пѣвцы кинулись къ нему. Молодой человѣкъ съ кудрявой головой, томившійся за столомъ, вдругъ вскочилъ, посмотрѣлъ вокругъ осоловѣвшими, почти безумными глазами и толкнулъ столъ, отчего бутылки и стаканы со звономъ полетѣли на полъ... Все перемѣшалось и зашумѣло...

Съ отуманенной головой, не отдавая и не желая отдавать себѣ полнаго отчета во всемъ происходящемъ, я выбрался изъ этого ада и вышелъ опять на улицу слободки.

Начинало темнѣть, надвигалась туча. На слободку сыпался снѣжокъ, еще рѣдкій, но уже закрывавшій неясной пеленой далекія горы другого берега. Невдалекѣ, на небольшой возвышенности виднѣлись каменныя зданія резиденціи, бѣлыя и чистенькія. Въ нихъ уже спокойно свѣтились большія окна. Огоньки фонарей вспыхивали одинъ за другимъ вдоль улицы, чистенькіе, холодные и веселые.

За мной, въ только что оставленной избѣ, стоялъ неясный шумъ, топотъ и крики. И мнѣ казалось, что изъ этого содома доносится еще полудѣтскій испуганный крикъ:

— Мама... ма-ама...

VI.

Снѣгъ шелъ неустанно и ровно всю ночь, и на утро мы выѣхали по пушистой, еще не укатанной дорогѣ, на которой лежало лишь нѣсколько глубокихъ свѣжихъ отпечатковъ полозьевъ и конскихъ копытъ...

У околицы, оглянувшись назадъ, я увидѣлъ только бѣлыя крыши резиденціи, рѣзко выступавшія на фонѣ густого и холоднаго сибирскаго морока, состоявшаго изъ синяго тумана и едва угадываемыхъ очертаній горныхъ громадъ.

Потомъ и крыши исчезли...

Начинался опять долгій и утомительный путь съ безконечными днями и неудобными ночлегами. Но мнѣ уже хотѣлось окунуться въ его тяжелое, безстрастное однообразіе, чтобы покрыть слишкомъ яркія впечатлѣнія вчерашняго дня...

Первый за резиденціей станокъ былъ хотя не въ ямѣ, но тоже представлялъ временное помѣщеніе, наполовину бревенчатую избу, наполовину землянку. Ямщики встрѣтили насъ съ угрюмою враждебностью, пока не разъяснилось, что мы совсѣмъ не пріискатели, а люди, ѣдущіе издалека и далеко. Тогда отношеніе рѣзко измѣнилось, и ямщики вступили съ нами въ откровенные, почти задушевные разговоры. Эти люди не имѣли уже ничего общаго ни съ резиденціей, ни съ пріисками, и глубоко ихъ ненавидѣли... Они жаловались на то, что ихъ замучили постоянной ѣздой, „нарочными", гоньбой этаповъ, отправлявшихъ то и дѣло съ пріисковъ провинившихся или заболѣвшихъ рабочихъ... Вотъ вчера, съ вечера, проскакалъ, какъ сумасшедшій, Шушминскій писарь, а сегодня, опять какъ сумасшедшій, за нимъ промчался на парѣ гонецъ отъ засѣдателя... Гонецъ-казакъ ругается и говоритъ, что ему приказано „по касающему дѣлу" непремѣнно догнать писаря и воротить его, подъ конвоемъ (изъ тѣхъ же ямщиковъ). Но писарь вчера тоже кричалъ, что ѣдетъ по „касающему дѣлу". Онъ требовалъ, именемъ исправника, лучшихъ лошадей, грозя, что изъ-за него всѣ они „изноютъ въ тюрьмѣ, какъ ничтожная тля"... А они уже выбились изъ силъ и не знаютъ, кто и по какому праву можетъ съ нихъ „требовать" и кто не можетъ...

— Эхъ, золото, золото! — сказалъ одинъ изъ нихъ, съ горечью качая головой. — Кому золото, а намъ слезы кипучія...

Черезъ два дня труднаго пути мы уже забыли о резиденціи. Ея „господская въѣзжая", ковры, цвѣты и зеркала, ея фонари, большія освѣщенныя окна и музыка, будуаръ-канцелярія засѣдателя, управляющаго „цѣлымъ государствомъ", — все это утонуло, затянутое однообразіемъ новыхъ впечатлѣній, какъ тонетъ дальній островокъ въ туманномъ океанѣ...

Опять только каменныя горы, лѣса и рѣка, по которой все такъ же лѣниво продвигаются бѣлыя пятна замедлившагося отъ снѣжныхъ оттепелей ледохода...

Путь становился еще труднѣе. Въ одномъ мѣстѣ рѣка дѣ-

ластъ частые и крутые повороты, въ скалистыхъ берегахъ. Кое-гдѣ эти скалы вступаютъ прямо въ воду. Жители называютъ ихъ щеками. Лѣтомъ подъ утесами есть всетаки узкая каменистая дорожка берегомъ. Весной и осенью приходится то подниматься на крутыя вершины, то спускаться внизъ.

Невидимое солнце начинало склоняться за туманными облаками, когда мы поднялись на первую гору. Отъ лошадей валилъ паръ. Люди холодными рукавами отирали крупныя капли пота на раскраснѣвшихся лицахъ. Пока они отдыхали, я отошелъ въ сторону и, остановившись на краю утеса, залюбовался суровымъ видомъ...

Рѣка здѣсь дѣлала излучину. Она лежала такъ глубоко, что бѣлыя пятна ледохода, казалось, стоятъ безъ движенія на свинцово-синей полосѣ стрежня. Шелъ рѣдкій снѣгъ. Все казалось задумчивымъ, угрюмымъ и необычайно пустыннымъ...

— Гляди-ка, гляди, ребята! — вскрикнулъ вдругъ молодой ямщикъ, подошедшій къ обрыву вслѣдъ за мною...—Вѣдь это бурмакинскій караванъ!

Ямщики оставили уставшихъ лошадей и кинулись къ намъ, съ любопытствомъ глядя внизъ на далекую рѣку.

Сначала я не видѣлъ никакого каравана... Рѣка, утесы, тихое, незамѣтное движеніе ледохода, сѣтка снѣга, великое безмолвіе пустыни... Но ямщики читали въ этомъ угрюмомъ пейзажѣ какъ въ открытой книгѣ.

Благодаря ихъ отрывистымъ поясненіямъ, я тоже началъ понемногу разбираться.

Большой мысъ, бѣлый отъ снѣга, вдавался съ той стороны въ темную полосу рѣки. На этомъ мысу чернѣли какія-то пятнышки, которыя я сначала принялъ за разбросанные по берегу камни. Но теперь было замѣтно, что они шевелятся... На серединѣ рѣки тоже осторожно пробирались между льдинами какія-то темныя щепки. Это были два плота или парома. Зоркіе глаза ямщиковъ различали людей и оленей.

Это Бурмакинъ, пользуясь послѣдними днями передъ полнымъ ледоходомъ, переправлялъ свою экспедицію. Голова каравана была уже на той сторонѣ и тянулась къ горамъ, точно вереница черныхъ мурашей по бѣлой скатерти...

— Хитрый, варнакъ!—ухмыльнулся одинъ изъ ямщиковъ.— Переправится теперь, а глядишь завтра-послѣзавтра ледъ пойдетъ ходомъ...

— Да еще станутъ заторы... Тутъ въ трубѣ этой чего только будетъ... Громъ пойдетъ.

— На недѣлю, а то и больше рѣка-матушка ходу не дастъ... Лови его тогда... Хоть самъ исправникъ...

Мы долго слѣдили за опасной переправой. Она казалась отсюда, издали и сквозь сѣтку снѣга, какой-то далекой сказкой... Потомъ снѣгъ повалилъ гуще. Сквозь бѣлую пелену помаячила еще рѣка съ бѣлыми пятнами, мысокъ на томъ берегу... Каравана уже нельзя было разглядѣть... Мы тронулись дальше...

На другую гору подниматься пришлось уже въ сумерки... Это была почти отвѣсная скала, по уступамъ которой, какъ будто смѣлыми прыжками, взбиралась къ вершинѣ густая тайга. Мы шли кверху, опираясь на шесты, то и дѣло скользя и падая, а за нами отчаянно бились колокольцы поднимавшихся троекъ... Порой все стихало, и снизу доносилось только судорожное дыханіе лошадей, отдыхавшихъ на кручѣ, пока ямщики сзади держали сани воткнутыми въ снѣгъ шестами... Вершины деревьевъ, стоявшихъ внизу, теперь виднѣлись далеко подъ нами. Откуда-то сбоку, отъ темной рѣки, слышался глухой далекій шумъ, всплески и сухой трескъ льдинъ, разбивавшихся о каменные бока утеса... Лошади опять отчаянно трогали впередъ, срывались, храпѣли, въ смертельномъ ужасѣ бились на мѣстѣ... Ямщики на остановкахъ крестились всѣ вмѣстѣ и произносили какія-то молитвы. Слова мнѣ были незнакомы. Повидимому, своимъ происхожденіемъ они были обязаны ужасу этого мѣста и этихъ опасныхъ подъемовъ.

На вершинѣ сдѣлали продолжительную остановку. Было тихо. Звякали колокольцы, отфыркивались, мотая головами, смертельно усталыя лошади. По верхушкамъ тайги шелъ тихій говоръ.

Ямщики вспоминали случаи, когда тройки срывались на крутыхъ спускахъ и, несмотря на тормаза, безъ удержу мчались внизъ, порой увлекая за собой и людей. Много ямщиковъ сложили здѣсь свои головы. Одинъ разъ лошади всѣ убились, погибъ и ямщикъ, а сани повисли на верхушкѣ дерева. И никто не могъ объяснить, какъ онѣ туда попали...

А бывало и такъ: вдругъ послышатся колокольцы, такъ что громъ идетъ по ущельямъ.

Катятъ съ горы тройки, какъ по ровному мѣсту, гоготъ... звонъ... свистъ... Ямщики со станка выбѣгутъ навстрѣчу, чаютъ такъ, что губернаторъ... И нѣтъ никого... Звонъ, да крики, да свистъ пролетятъ съ вѣтромъ мимо, только снѣгъ пылитъ... А никого, что есть, ни лошадей, ни человѣка не видно...

— Охо-хо-о... Владычице небесная, Никола милостивой...— закончилъ разсказчикъ. — Есть ли, господа рассейскіе, еще гдѣ такая сторона на бѣломъ свѣтѣ... Ну, инъ видно трогать... Спускъ, помни, еще труднѣе, а ночь-те темная.

И опять судорожно забились подъ дугами колокольчики, лошади всхрапывали, осаживаемыя удилами... Среди темноты чувствовалось напряженіе и опасность...

У конца труднаго спуска произошла неожиданная остановка. По сторонамъ дорожки замелькали какія-то фигуры съ винтовками за плечами, повидимому, казаки. Ямщики едва удержали переднюю тройку. Заднія лошади чуть не попали ногами въ переднія сани... храпѣли, бились, часто и тревожно звенѣли колокольцы и бубенчики...

— Стой!.. Стой!..—кричали казаки...

Но передняя тройка уже рванулась впередъ, за ней задняя. Ямщики ругались... Опасная работа спуска не позволяла неуказанной остановки, и казаки сами поняли это. Они дали ямщикамъ проѣхать и даже не задержали насъ, только заглянувъ въ лица...

Внизу, когда дорога выравнялась, одинъ изъ ямщиковъ тихо сказалъ другому:

— Гляди, не пофартитъ Бурмакину.

— Да, будетъ склёка, — отвѣтилъ тотъ, набивая трубку.— Исправникъ тоже парень фартовый... коса на камень.

— Намъ-ка што,—философски перебилъ третій.—Наше дѣло—знай трогай... Слава-те Господи, живы остались... Радитесь, господа! Теперь ровно!

На станкѣ, до котораго намъ пришлось проѣхать еще около пяти верстъ, мы увидѣли въ разныхъ мѣстахъ осѣдланныхъ лошадей, привязанныхъ къ коновязямъ. Въ широкихъ сѣняхъ станціи, съ лавками по стѣнамъ и каминомъ, сидѣло нѣсколько сибирскихъ казаковъ. Видъ у нихъ былъ мало воинственный: одѣты они были въ разнообразные мѣховые костюмы, съ оленьими малахаями на головахъ, и въ унты—мѣстную якутскую обувь, за которую этихъ казаковъ зовутъ насмѣшливо „унтовымъ войскомъ“. Шашки были не у всѣхъ, только за плечами висѣли винтовки, а у пояса въ ножнахъ небольшіе ножи... Лица были большею частью молодыя и очень добродушныя.

Въ станціонной комнатѣ за столомъ сидѣлъ исправникъ, тотъ самый, о которомъ съ такимъ презрѣніемъ говорилъ Степанъ Осиповичъ. Это былъ человѣкъ коренастый, приземистый, съ очень густою растительностью на головѣ, но лишь съ небольшими усами и бородкой. Вся фигура его напоминала средняго роста медвѣдя, а манера держать голову на короткой шеѣ и взглядъ маленькихъ, но очень живыхъ глазъ еще усиливали это сходство. На немъ была старая форменная тужурка, подбитая мѣхомъ, а на ногахъ большія теплыя валенки.

Вообще въ наружности предводителя было такъ же мало военнаго щегольства и удали, какъ и въ унтовомъ войскѣ. Зато въ каждомъ его движеніи чувствовалось, что это человѣкъ, выросшій среди этой суровой природы и ея людей...

Онъ велѣлъ позвать къ себѣ нашихъ ямщиковъ и быстро, глухимъ голосомъ, задалъ имъ нѣсколько вопросовъ. Ямщики отвѣчали коротко и неохотно, но исправникъ и не требовалъ большаго. Онъ понималъ ихъ положеніе среди воюющихъ сторонъ... Обмѣнявшись съ ними нѣсколькими короткими фразами, онъ вдругъ поднялся и отдалъ казачьему уряднику приказъ садиться на лошадей, и сталъ одѣваться. Въ теплой шубѣ и дохѣ, которую казакъ повязалъ поясомъ и шарфомъ, онъ сталъ еще болѣе похожъ на медвѣдя и, переваливаясь въ тяжелыхъ валенкахъ, вышелъ на крыльцо, у котораго его уже ждали сани... Черезъ четверть часа весь отрядъ въ безпорядкѣ выѣхалъ изъ станка и потянулся по дорогѣ, которая, змѣясь подъ свѣтомъ выглянувшей луны, ползла къ темнѣвшимъ за равниною скаламъ.

На станкѣ о предстоящихъ событіяхъ говорили мало. Всѣ понимали, что гдѣ-то тамъ, въ глубинѣ этой ночи, должны столкнуться разныя силы и, значитъ, готовятся происшествія, съ которыхъ кому-нибудь можетъ „пофартить“, а кому-нибудь придтись очень плохо. Но до станка это не касалось... Что былъ громъ гдѣ-то въ далекихъ тучахъ, перебрасывающихся зарницами въ недосягаемой вышинѣ. Станокъ притаился внизу и ждалъ послѣдствій.

Только станціонный писарь, человѣкъ доступный высшимъ взглядамъ, сообщилъ намъ, что генералъ-губернаторъ дѣйствительно смѣнился, что съ тѣмъ вмѣстѣ мѣнялись всѣ мѣстныя отношенія, и теперь Степану Осиповичу не сдобровать.

— А господинъ какой... образованный,—прибавилъ онъ съ почтеніемъ.—Ну, только неуживчивъ. Самъ о себѣ слишкомъ высоко понималъ. Вотъ и нарвался... Уменъ, уменъ, да не все, видно, понимаетъ.

Онъ прибавилъ, что, по его мнѣнію, шушминскій писаришка, Замятинъ—большой дуракъ. Кто бы кого ни побѣдилъ въ этой войнѣ,—ему все равно придется плохо.

— Извѣстно: доказчику первый кнутъ.

Это было единственное опредѣленное мнѣніе, какое мнѣ пришлось услышать на станкѣ по поводу знаменательныхъ событій, готовившихся „во владѣніяхъ“ гостепріимнаго Степана Осиповича Кострова...

. . . . . .

Уже въ Иркутскѣ я узналъ, что Бурмакинъ былъ настиг-

нутъ въ тайгѣ, потерпѣлъ полное пораженіе, и большая часть его отряда арестована. Рѣшительная ставка смѣлаго авантюриста была бита. Степану Осиповичу предстояла отставка. Вмѣсто него уже намѣченъ человѣкъ, представленный исправникомъ.

Кто при этихъ новыхъ порядкахъ занялъ впослѣдствіи „должность“ Бурмакина,—мнѣ неизвѣстно, такъ какъ я все дальше уѣзжалъ изъ этихъ мѣстъ по направленію къ Россіи...

ЛЕВЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ.

(Статья первая).

I.

Среди смуты, въ хаосѣ творенія новой русской жизни, наступаетъ 80-лѣтняя годовщина великаго русскаго художника и истинно-замѣчательнаго человѣка, вызывающаго удивленіе и восторгъ во всемъ читающемъ и мыслящемъ человѣчествѣ. Нѣтъ угла на земномъ шарѣ, въ который только проникаетъ газета, на какомъ бы языкѣ она ни издавалась, куда бы теперь не проникало и это имя. И всюду оно вызываетъ извѣстное движеніе мысли и чувства, ума и совѣсти, начиная съ простого любопытства или радостнаго сочувствія и кончая напряженнымъ столкновеніемъ религіозныхъ, нравственныхъ, политическихъ мнѣній.

Послѣднее — особенно въ нашемъ отечествѣ. Здѣсь около этой сложной, удивительной и величавой фигуры бушуетъ теперь настоящій водоворотъ разнообразныхъ теченій, происходитъ столкновеніе не однихъ взглядовъ, но и страстей. Наша жизнь всколыхнулась до глубины въ трагическомъ усиліи возрожденія, — но и среди этого огромнаго движенія, быть можетъ, въ органической съ нимъ связи — праздникъ литературы, праздникъ свободной мысли и слова составляетъ одинъ изъ выдающихся эпизодовъ, которому суждено остаться въ біографіи великаго писателя и въ исторіи нашей общественности характернымъ пятномъ на своеобразномъ фонѣ... Какой величаво-яркій закатъ... какая тревожная, бурная обстановка...

Толстой — великій художникъ. Это истина, уже признанная читающимъ міромъ и, кажется, нигдѣ и никѣмъ серьезно не оспариваемая. И если порой всетаки поднимаются голоса, вродѣ Бѣлавенека въ вѣнскомъ рейхстагѣ или епископа Гермогена въ Саратовѣ, утверждавшаго еще недавно, что образы

Толстого-художника „красивы, но не дѣйствуютъ благотворно ни на умъ, ни на сердце“, то судьба такихъ свѣдущихъ критиковъ — только оттѣнять торжественный хоръ общаго восхищенія и признанія...

Да. Толстой дѣйствительно огромный художникъ, какіе рождаются вѣками, и творчество его кристально чисто, свѣтло и прекрасно. Кто-то изъ крупныхъ французскихъ писателей, если не ошибаюсь, Гюи де-Мопассанъ, сказалъ, что каждый художникъ изображаетъ намъ свою „иллюзію міра“. Обыкновенно принято сравнивать художественное произведеніе съ зеркаломъ, отражающимъ міръ явленій. Мнѣ кажется, можно принять въ извѣстной комбинаціи оба опредѣленія. Художникъ — зеркало, но зеркало живое. Онъ воспринимаетъ изъ міра явленій то, что подлежитъ непосредственному воспріятію. Но затѣмъ въ живой глубинѣ его воображенія воспринятыя впечатлѣнія вступаютъ въ извѣстное взаимодѣйствіе, сочетаются въ новыя комбинаціи, соотвѣтственно съ лежащей въ душѣ художника общей концепціей міра. И вотъ въ концѣ процесса зеркало даетъ свое отраженіе, свою „иллюзію міра“, гдѣ мы получаемъ знакомые элементы дѣйствительности въ новыхъ, доселѣ незнакомыхъ намъ сочетаніяхъ. Достоинство этого сложнаго отраженія находится въ зависимости отъ двухъ главныхъ факторовъ: зеркало должно быть ровно, прозрачно и чисто, чтобы явленія внѣшняго міра проникали въ его глубину не изломанныя, не извращенныя и потусклыя. Процессъ новыхъ сочетаній и комбинацій, происходящій въ творящей глубинѣ, долженъ соотвѣтствовать тѣмъ органическимъ законамъ, по которымъ явленія сочетаются въ жизни. Тогда, и только тогда, мы чувствуемъ въ „вымыслѣ“ художника живую художественную правду...

Иллюзія міра... Да, конечно. И эти иллюзіи сложны и разнообразны, какъ и самъ воспринимаемый міръ. Одно и то же лицо можетъ быть отражено въ зеркалѣ плоскомъ, или вогнутомъ, или выпукломъ. Ни одно изъ этихъ зеркалъ не солжетъ, — элементарные процессы природы лгать не могутъ (кажется, въ этомъ смыслѣ софисты доказывали, что лжи совсѣмъ нѣтъ). Но если вы отразите всѣ эти изображенія на экранѣ и измѣрите ихъ очертанія, то увидите, что только прямое зеркало дало вамъ отраженіе, размѣры и пропорціи котораго объективно совпадаютъ съ размѣрами и пропорціями предмета въ натурѣ. Отраженіе того же лица на поверхности самовара — конечно не „ложь“: оно и движется, и измѣняетъ выраженіе, оно, значитъ, отражаетъ дѣйствительное, живое лицо. Но между этимъ лицомъ и видимымъ нами отраженіемъ

легли искажающія свойства выпуклой поверхности. А вѣдь порой на этой поверхности есть еще ржавчина, или плѣсень, или она изъѣдена кавернами, или окрашена случайными реактивами, измѣняющими живую окраску... И тогда, вглядываясь въ чуть мерцающее отраженіе живого лица, мы едва узнаемъ знакомыя намъ черты: онѣ растянуты, обезображены, искажены; на мѣстѣ глазъ — ржавыя пятна, вмѣсто живого тѣла — цвѣтъ разложенія, вмѣсто „иллюзіи живого явленія" — „иллюзія" призрака.

Конечно, можетъ случиться, что и при такой отражающей поверхности, внутренній процессъ творчества будетъ обладать свойствами органически правильнаго и оригинальнаго сочетанія, какъ это было, напримѣръ, у больного Достоевскаго. И тогда въ искаженныхъ отраженіяхъ мѣстами, какъ клочки неба въ черныхъ лѣсныхъ озерахъ, будутъ сверкать откровенія изумительной глубины и силы. Они будутъ и драгоцѣнны, и поучительны, но всегда односторонни. Они вскроютъ намъ почти недоступныя глубины больного духа, но не ищите въ нихъ ни законовъ здоровой жизни, ни ея широкихъ перспективъ. Продолжая ранѣе взятое сравненіе, я скажу, что по прямому отраженію пейзажа, зарисованнаго съ птичьяго полета на бумагѣ, вы можете оріентироваться въ натурѣ, легко найдете свою дорогу и разсчитаете усилія, необходимыя для достиженія цѣли. Попробуйте сдѣлать то же по рисунку, отраженному неправильной зеркальной поверхностью, и, конечно, вы собьетесь съ пути.

Нынѣшній періодъ литературы особенно богатъ такими иллюзіями призраковъ, т.-е. иллюзіями вдвойнѣ. Отчего бы это ни происходило, какъ бы „натурально" ни объяснялось, и какъ бы „законно" ни было, фактъ все же остается фактомъ: воспринимающая поверхность нашего художественнаго зеркала за послѣдніе годы какъ будто искривилась, покрылась ржавыми пятнами, извратилась на разные лады и въ разныхъ направленіяхъ. Я не говорю, конечно, о томъ, что на ней появляются то и дѣло искаженныя ужасомъ лица, расширенные и застывшіе зрачки, стоящіе дыбомъ волосы: ужасъ составляетъ значительный моментъ самой современности. Я говорю о тѣхъ извращеніяхъ, которыя не зависятъ прямо отъ явленій жизни, а только отъ зеркала... Болѣзненныя искривленія линій, невѣроятныя и нежизненныя положенія и поступки, преувеличенно-пріапическое выраженіе, сплошь разлитое на среднихъ человѣческихъ лицахъ, въ средней, повидимому, обстановкѣ... При видѣ этихъ вереницъ дикихъ образовъ, точно въ фантастическомъ вихрѣ несу-

щихся передъ современнымъ читателемъ, мы уже не спрашиваемъ вмѣстѣ съ „старымъ“ поэтомъ:

Съ кого они портреты пишутъ?
Гдѣ разговоры эти слышутъ?

На сходство съ дѣйствительностью, на простоту и естественность они и сами не претендуютъ... Нѣтъ, при созерцаніи фантастической метели модернизма, приходитъ на умъ парафразъ изъ другого поэта:

Сколько ихъ, куда ихъ гонятъ?
Что фальшиво такъ поютъ?

II.

Когда послѣ этого обращаешься къ Толстому, то чувствуешь, точно съ Брокена и вальпургіевой ночи попалъ на свѣтъ дня и солнца. Міръ Толстого это — міръ, залитый солнечнымъ свѣтомъ, простымъ и яркимъ, міръ, въ которомъ всѣ отраженія по размѣрамъ, пропорціямъ и свѣто-тѣни соотвѣтствуютъ явленіямъ дѣйствительности, а творческія сочетанія совершаются въ соотвѣтствіи съ органическими законами природы... Надъ его пейзажемъ свѣтитъ солнце, несутся облачныя пятна, есть людская радость и печаль, есть грѣхи, преступленія и добродѣтели... И всѣ эти образы, трепещущіе жизнью, движеніемъ, кипящіе человѣческими страстями, человѣческой мыслью, стремленіями ввысь и глубокими паденіями, созданы въ полномъ соотвѣтствіи съ творчествомъ жизни, ихъ размѣры, ихъ окраска, пропорціи ихъ взаимнаго распредѣленія отражаютъ точно и ясно, какъ экранъ подъ прямымъ зеркаломъ, взаимоотношенія и свѣто-тѣни дѣйствительности. И все это отмѣчено печатью духа, свѣтится внутреннимъ свѣтомъ необыкновеннаго воображенія и никогда не устающей бодрой мысли.

Но кромѣ этой вѣрности, чистоты и прозрачности образовъ, поразительна еще и ширина творческаго захвата, огромность художественнаго горизонта Толстого. Мы, люди, работающіе въ нижнихъ слояхъ той же области, надъ которой высится и паритъ Толстой, особенно живо чувствуемъ почти титаническую силу его художественнаго подъема. Средній художникъ считаетъ себя счастливымъ, если ему удастся выхватить изъ безформеннаго хаоса явленій одну освѣщенную тропу, въ лучшемъ случаѣ пробить просѣку, по которой движется послѣдовательное развитіе даннаго образа, освѣщая кое-что и по сторонамъ главной дорожки. Художественный захватъ Толстого это не тропа, не просѣка, не лента дороги. Это огромный, далеко и широко раскинувшійся кругозоръ, лежа-

щій передъ нами во всемъ своемъ неизмѣримомъ просторѣ, съ изгибами рѣкъ, пятнами лѣсовъ, дальними селами. Подойдите ближе въ любомъ мѣстѣ, и передъ вами зашумитъ многоголосый, живой говоръ толпы. Еще ближе—и вы видите изъ нея отдѣльныхъ людей. И все это живетъ собственной, полной, настоящей жизнью, кипучей, своеобразной и много образной...

Размѣры статьи и ея назначеніе не позволяютъ мнѣ привести для иллюстраціи примѣры и сравненія. Я позволю себѣ, однако, одно бѣглое указаніе. Золя въ своемъ „Débacle" разработалъ ту же тему, что и Толстой въ „Войнѣ и Мирѣ". Золя — крупный художникъ и мыслитель, однако, сравните его картины съ картинами Толстого. Вотъ, напримѣръ, движеніе отрядовъ. У Золя—это „боевыя единицы". Вы ихъ видите, слышите гулъ ихъ движенія, наблюдаете дѣйствіе ихъ въ общемъ столкновеніи. Но это именно коллективныя единицы, которыя движутся, точно пятна на планѣ. Въ лучшемъ случаѣ вы разглядите среди нихъ главнаго героя и отдѣльныя группы, близкія къ основной нити разсказа. У Толстого проходящій на парадѣ или идущій въ сраженіе полкъ — не коллективная единица, а человѣческая масса, кишащая отдѣльными жизнями. Передъ вами выступаютъ то и дѣло множество живыхъ лицъ, — генералы, офицеры, солдаты, со своими личными особенностями, со своими случайными ощущеньями данной минуты, — и когда это изумительное движеніе пронеслось и исчезло, вы еще чувствуете этотъ клубокъ человѣческихъ жизней, прокатившійся въ общей массѣ...

Выражаясь грубо фигурально, можно сказать, что средній художникъ поднимаетъ въ воображеніи двухъ, трехъ, наконецъ, десятокъ-другой лицъ. И чѣмъ больше расширитъ онъ свой захватъ, тѣмъ тусклѣе становятся образы. Воображеніе Толстого поднимаетъ сотни, и несетъ ихъ съ изумительной легкостью, какъ могучая рѣка свои караваны и флотиліи... Въ своемъ „Разгромѣ" Золя—архитекторъ, отлично владѣющій матеріаломъ и распредѣляющій его, какъ математикъ, по закону: необходимо и достаточно. Порой въ его строго разсчитанной картинѣ чувствуется чертежъ и подстриженная аллейка. Творческое воображеніе Толстого не знаетъ удержу: поле его фантазіи засѣяно могучей порослью, буйно разростающейся за всякія ограды намѣченнаго плана. У него нѣтъ главнаго героя. Его герой цѣлая страна, борющаяся съ нашествіемъ врага. Въ его картинѣ сотни лицъ и каждое, даже случайно, мимоходомъ выпущенное на арену, тотчасъ же заявляетъ о своей яркой особности, насильно захватываетъ ваше вниманіе для своей собственной личной жизни, не хочетъ

уйти изъ вашей памяти... И все это вмѣстѣ растекается въ ширь, какъ наводненіе, грозя выхлестнуть изъ рамы съ стихійной силой самостоятельнаго, непокорнаго ничьему велѣнію явленія жизни. При меньшей силѣ художественнаго кругозора,—эта буйная плодовитость воображенія могла бы стать роковымъ недостаткомъ: столпленіе образовъ могло бы превратиться въ настоящій хаосъ конкретныхъ явленій, то есть потерять значеніе обобщающаго художественнаго творенія. Порой кажется, что еще немного, и художникъ долженъ изнемочь подъ бременемъ своихъ образовъ, какъ атлетъ, поднявшій чрезмѣрную тяжесть, и тогда разросшееся твореніе падетъ опять въ хаосъ явленій, сольется съ безпорядкомъ, изъ котораго пыталось его выхватить художественное творчество. По Толстому по силамъ то, подъ чѣмъ упалъ бы всякій другой. Своимъ истинно-орлинымъ взглядомъ онъ все время обозрѣваетъ огромное поле своего дѣйствія, не теряя изъ виду ни одного лица въ отдѣльности и не позволяя имъ закрывать передъ собой цѣлое... Въ концѣ концовъ неудержимый напоръ стихійно возникающихъ образовъ введенъ въ границы. Въ заключеніи романа вы видите, какъ буйный разливъ вошелъ въ свои берега, грандіозная эпопея заканчивается плавно, величаво и спокойно...

Да, это почти не человѣческая сила воображенія и почти магическая власть надъ кипящими отраженьями жизни. Можно сказать смѣло, что по непосредственной силѣ творческой фантазіи, по богатству и яркости художественнаго матеріала нѣтъ равнаго Толстому изъ современныхъ художниковъ. Всемірно извѣстный Ибсенъ не можетъ и отдаленно сравниться съ Толстымъ въ этомъ отношеніи: его порой очень глубокая мысль далеко не всегда покрывается слишкомъ для нея скудными образами, и художнику то и дѣло приходится прибѣгать къ заплатамъ сухого, отвлеченнаго и безкровнаго символизма.

III.

Теперь отъ художественной области, въ которой величіе Толстого очевидно и неоспоримо, мы переходимъ къ области болѣе спорной, около которой и въ настоящую минуту возникаютъ разногласія, вскипаютъ страсти.

Толстой публицистъ, моралистъ и мыслитель не всегда былъ достаточно благодаренъ Толстому-художнику. А между тѣмъ, если бы художникъ не поднялся на высоту, откуда онъ виденъ и слышенъ всему міру, едва-ли міръ съ такимъ вниманіемъ прислушивался бы къ словамъ мыслителя. И кромѣ

того Толстой-мыслитель весь и цѣликомъ заключенъ въ Толстомъ-художникѣ. Здѣсь всѣ его крупныя достоинства и не менѣе крупные недостатки.

Давно уже отмѣчено, что въ произведеніяхъ Толстого-художника нашла отраженіе вся наша жизнь, начиная отъ царя и кончая крестьяниномъ. Эти полюсы намѣчены вѣрно: дѣйствительно въ „Войнѣ и мирѣ", напримѣръ, есть поразительно яркій и реальный образъ царя въ лицѣ Александра I-го. Это съ одной стороны. На другой — мы имѣемъ почти безсловесныхъ солдата Каратаева и мужика Акима (изъ „Власти тьмы"). Между этими крайностями располагается множество персонажей,—аристократія, деревенскіе дворяне,—много деревенскихъ дворянъ,—крѣпостные, дворовые, мужики,—много мужиковъ... Однако, есть въ этой необыкновенно богатой коллекціи и одинъ существенный пробѣлъ: вы напрасно станете искать въ ней „средняго сословія", интеллигента, человѣка свободныхъ профессій, горожанина, — будь то чиновникъ на жалованіи, конторщикъ, бухгалтеръ, кассиръ частнаго банка, ремесленникъ, заводскій рабочій, газетный сотрудникъ, технологъ, инженеръ, архитекторъ... Родовитое дворянство въ произведеніяхъ Толстого подаетъ руку мужику черезъ головы людей средняго состоянія, которые въ этомъ богатомъ собраніи персонажей почти отсутствуютъ или являются только мелькомъ, безъ существенныхъ особенностей своего положенія, своей психологіи и быта.

Городъ для Толстого это мѣсто, гдѣ влюбляется Левинъ, гдѣ Стива Облонскій видитъ во снѣ своихъ дамочекъ и рюмочки, куда деревенскіе ходоки приходятъ съ своими ходатайствами за разоренныхъ Стивой и его собратьями однодеревенцевъ, куда, наконецъ, идутъ на скорую погибель дѣтски-безпомощные деревенскіе парни и дѣвицы. Но горожанина, какъ такового, и городской жизни, независимой отъ деревни, съ ея особенной самостоятельной ролью въ общей жизни великой страны не знаетъ художественное вниманіе Толстого. Въ немъ всего устойчивѣе отразились два полюса крѣпостной Россіи: деревенскій дворянинъ и деревенскій мужикъ. Нашего брата, горожанина-разночинца, чья жизнь вращается между этими полюсами, великій художникъ не видитъ, не хочетъ знать и не желаетъ съ нами считаться.

Не знаю, попадалось-ли уже это замѣчаніе въ огромной критической литературѣ о Толстомъ. Во всякомъ случаѣ оно принадлежитъ не мнѣ: впервые я слышалъ его отъ одного изъ моихъ друзей и оно поразило меня своей мѣткостью. Разумѣется, было бы странно ставить это обстоятельство на счетъ „недо-

статковъ“ въ художественномъ творчествѣ Толстого. Пожалуй, наоборотъ,—оно подчеркиваетъ огромный захватъ этого творчества: въ то время, какъ у другихъ художниковъ мы указываемъ, что именно, какой уголъ жизни они изобразили, у Толстого легче отмѣтить то, что онъ пропустилъ. Но для Толстого мыслителя и публициста этотъ пробѣлъ имѣлъ очень существенное, почти роковое значеніе.

Дѣло именно въ томъ, что Толстой-мыслитель — цѣликомъ порожденіе Толстого-художника. Конечно, Толстой человѣкъ очень образованный, много читавшій и много изучавшій. Для своихъ религіозныхъ изысканій онъ изучалъ даже древнееврейскій языкъ. Но его публицистическія и моральныя схемы никогда не истекали изъ этого изученія, какъ самостоятельный выводъ изъ накопленныхъ знаній. Наоборотъ, изученіе являлось служебнымъ орудіемъ для готовой схемы, которая рождалась изъ художественной интуиціи.

Въ комплексѣ душевныхъ свойствъ этого замѣчательнаго человѣка есть одна черта, заслуживающая болѣе пристальнаго и обстоятельнаго анализа. Можетъ быть я остановлюсь еще на ней въ другой разъ, а пока отмѣчу ее лишь общими чертами. Въ недавно опубликованныхъ г-номъ Чертковымъ матеріалахъ изъ семейной хроники и переписки Толстыхъ есть одно письмо старшаго брата писателя, а въ письмѣ есть характерная фраза: „Левушка все юфанитъ“. Въ примѣчаніи къ письму говорится, что Юфанъ былъ работникъ въ имѣніи Толстыхъ, который очень нравился Льву Николаевичу. Нравился до такой степени, что онъ подражалъ его движеніямъ, его манерѣ держать соху и т. д. И это было далеко уже не въ дѣтскомъ и даже, кажется, не въ юношескомъ возрастѣ.

Такихъ примѣровъ можно было бы привести очень много и изъ произведеній, и изъ біографіи великаго писателя. Эта способность увлекаться чужой личностью, вовлекаться, такъ сказать, въ ея сферу составляетъ парадоксальную на первый взглядъ, но очень замѣтную черту нравственной физіономіи Толстого. И, навѣрное, этотъ Юфанъ ничѣмъ особеннымъ не выдѣлялся изъ ряду. Здѣсь не нужно ни особенной глубины, ни оригинальности, ни богатства душевнаго строя. Нужна только *непосредственность* и *цѣльность*. Солдатъ Каратаевъ не умѣетъ связать трехъ послѣдовательныхъ фразъ, Акимъ закрываетъ свое туманное міросозерцаніе магической и почти нечленораздѣльной формулой: таё-таё. Убогость душевнаго міра несомнѣнная. Мало словъ, мало понятій, мало образовъ и мало ощущеній. Зато эта убогая душевная меблировка разста-

влена удивительно просто и гармонично: тутъ нѣтъ мѣста разнымъ душевнымъ безпорядкамъ,—вродѣ столкновенія различныхъ противурѣчивыхъ понятій, нѣтъ мѣста рефлексіи и сомнѣніямъ. Отсюда спокойная увѣренность въ своей правотѣ, отсюда непосредственность и цѣльность. А этого достаточно, чтобы великій художникъ, обуреваемый цѣлымъ міромъ образовъ, идей, понятій, которые вѣчно волнуются, сталкиваются въ душѣ и не позволяютъ ей окончательно сложиться въ какомъ-нибудь прочномъ и гармоническомъ „стилѣ“, — остановился передъ Каратаевымъ, передъ Акимомъ, передъ Юфаномъ, зачарованный почти до гипноза ихъ простою и убогою цѣльностью. И въ своемъ увлеченіи онъ силою таланта заставитъ и насъ преклоняться передъ этой цѣльностью и вѣрить, что въ солдатѣ Каратаевѣ мерцаетъ какая-то необыкновенная мистическая мудрость, которую не дано разгадать даже геніальному художнику.

Вся многообразная исторія Толстовскихъ душевныхъ переживаній сводится, по моему мнѣнію, къ жадному исканію цѣльности и гармоніи духа. Если это возможно только при душевномъ и умственномъ обѣднѣніи, то—за бортъ душевное и умственное богатство! Для Толстого наступаетъ періодъ общенія съ Юфанами, Каратаевыми и Акимами въ „простой народной вѣрѣ“, „у одной чаши“, у одного обряда... Вмѣстѣ со своимъ Левинымъ онъ идетъ тогда въ деревенскій храмъ и съ сердечнымъ сокрушеніемъ раскрываетъ передъ немудрымъ деревенскимъ попикомъ свою геніальную душу. Онъ вовлеченъ въ душевную сферу Юфановъ и Каратаевыхъ, и ему кажется, что онъ „научился“ вѣрить такъ же бездумно, просто и „правильно“, какъ правильно, „по-юфановски“, научился держать соху. Онъ задулъ свой діогеновскій фонарь и съ наслажденіемъ погружается въ океанъ непосредственной вѣры, безъ критики, съ подавленнымъ анализомъ въ душѣ.

Но, конечно, это только иллюзія. „Научиться“ акимовой вѣрѣ нельзя, во-первыхъ, а во-вторыхъ, не стоитъ, потому именно, что невозможно *научиться непосредственности*, а только она одна и влекла Толстого. Между тѣмъ кипучая, богатая красками и мыслью натура художника протестуетъ противъ обѣднѣнія. Наступаетъ кризисъ. Анализъ сухъ и безрадостенъ, но вѣдь онъ тоже стихія, живущая своей непосредственной жизнью... А „народная вѣра—глупа“ и полна нехристіанскихъ суевѣрій... Гармонія исчезаетъ. Періодъ неразсуждающей ортодоксіи законченъ. Вѣчный искатель пускается въ новый путь.

IV.

Толстой говоритъ (если не ошибаюсь въ „Исповѣди“), что въ это время онъ былъ близокъ къ самоубійству. Но вотъ, на безрадостномъ распутіи, Толстой-художникъ протягиваетъ руку помощи растерявшемуся Толстому-мыслителю, и богатая фантазія возстановляетъ передъ нимъ картину новой душевной непосредственности и гармоніи. Онъ спитъ и видитъ сонъ. Песчаная, выжженная пустыня. Кучка невѣдомыхъ людей въ простыхъ одеждахъ древности стоитъ подъ солнечными лучами и ждетъ. Самъ онъ стоитъ вмѣстѣ съ ними, со своимъ теперешнимъ ощущеніемъ духовной жажды, но онъ одѣтъ, какъ они. Онъ тоже простой іудей перваго вѣка, ожидающій въ знойной пустынѣ слова великаго Учителя жизни...

И вотъ *Онъ*, этотъ учитель, всходитъ на песчаный холмъ и начинаетъ говорить. Говоритъ онъ простыя слова евангельскаго ученія, и они тотчасъ-же водворяютъ свой миръ въ смятенныя и жаждущія души.

Это было. Значитъ, это прежде всего можно себѣ представить воображеніемъ. А подвижное и яркое воображеніе великаго художника къ его услугамъ. Онъ *самъ* стоялъ у холма, самъ *видѣлъ* Учителя, самъ вмѣстѣ съ другими іудеями перваго вѣка испыталъ очарованіе этой божественной проповѣди. Теперь онъ сохранитъ этотъ душевный строй, въ сферу котораго кинулъ его вѣщій художественный сонъ, и развернетъ его передъ людьми. И это будетъ благодатная новая вѣра Толстого, въ сущности старая христіанская вѣра, которую нужно добыть въ евангеліи изъ-подъ позднѣйшихъ наслоеній, какъ золото изъ-подъ шлака. Толстой читаетъ евангелія, вдумывается въ подлинные тексты вульгаты, изучаетъ древнееврейскій языкъ... Но это изученіе—не изслѣдованіе объективнаго ученаго, готоваго признать выводы изъ фактовъ, каковы бы они ни оказались. Это страстное стремленіе художника во что бы то ни стало возстановить душевный строй первыхъ христіанъ и гармонію простой, неусложненной христіанской вѣры, которые онъ пережилъ въ воображеніи. Въ то время, когда на него въ вѣщемъ сновидѣніи сошло ощущеніе благодати и покоя, онъ былъ іудеемъ перваго вѣка. Ну что-жъ,— онъ имъ и останется до конца. Это ему нетрудно: къ услугамъ богатое воображеніе, придающее сну силу дѣйствительности. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ, къ услугамъ еще и тотъ пробѣлъ въ его художественномъ кругозорѣ, о которомъ мы говорили выше.

Толстой-художникъ знаетъ, чувствуетъ, видитъ только два

полюса земледѣльческой Россіи. Его художественный міръ— это міръ богачей земледѣльческаго строя и его бѣдныхъ Лазарей. Тутъ есть и добродѣтельные Воозы, и бѣдныя Руѳи, и неправедные цари, отымающіе у поселянина его виноградникъ, но совсѣмъ нѣтъ ни самостоятельной городской жизни, ни фабрикъ, ни заводовъ, ни капитала, оторваннаго отъ труда, ни труда, лишеннаго не только виноградника, но и собственнаго крова, ни трестовъ, ни союзовъ рабочихъ, ни политическихъ требованій, ни классовой борьбы, ни забастовокъ... Значитъ—ничего этого для единственнаго блага на землѣ— душевной гармоніи—и не нужно. Нужна любовь. Добрый богачъ Воозъ допустилъ бѣдную Руѳь собирать колосья на своей богатой нивѣ. Вдовица смиренно подбирала колосья... И Богъ устроилъ все ко благу ихъ обоихъ... Нужна любовь, а не союзы и стачки... Пусть всѣ полюбятъ другъ друга... Не ясно ли, что тогда рай водворится на этой смятенной землѣ.

Толстой—великій художникъ, и Толстой же—мыслитель, указывающій человѣчеству пути къ новой жизни. Не странно ли, что онъ никогда не пытался написать свою „утопію", т. е. изобразить въ конкретныхъ, видимыхъ формахъ будущее общество, построенное на проповѣдуемыхъ имъ началахъ. Мнѣ кажется, что эта видимая странность объясняется довольно просто. Для своего будущаго общества Толстой не требуетъ никакихъ новыхъ общественныхъ формъ. Его утопія— частью назади: простой сельскій бытъ, которому остается только проникнуться началами первобытнаго христіанства. Всѣ усложненія и надстройки позднѣйшихъ вѣковъ должны исчезнуть сами собою. Взыскуемый градъ Толстого по своему устройству ничѣмъ не отличался бы отъ того, что мы видимъ теперь. Это была бы простая русская деревня, такія же избы, тѣ же бревенчатыя стѣны, той же соломой были бы покрыты крыши, и тѣ же порядки царствовали бы внутри деревенскаго міра. Только всѣ любили бы другъ друга. Поэтому не было бы бѣдныхъ вдовицъ, никто бы не обижалъ сиротъ, не грабило бы начальство... Избы были бы просторны и чисты, закрома широки и полны, скотина сильна и сыта, отцы мудры и благосклонны, дѣти добры и послушны. Фабрикъ и заводовъ, университетовъ и гимназій не было бы вовсе. Не было бы „союзовъ", не было бы политики, не было бы болѣзней, не было бы врачей и ужъ, конечно, не было бы губернаторовъ, исправниковъ, урядниковъ и вообще „начальства".

Такъ могло бы быть на этомъ свѣтѣ, если бы люди захотѣли послушаться іудея перваго вѣка нашей эры, который самъ слышалъ слова великаго Учителя съ холма среди пес-

чаной пустыни... Слышалъ такъ ясно, хотя бы только въ вѣщемъ снѣ!

V.

Мнѣ кажется, я не ошибаюсь: въ этомъ *образѣ*, который Толстой-художникъ подарилъ Толстому-мыслителю, и въ стремленіи мыслителя развернуть въ конкретныхъ формахъ навѣянное сномъ ощущеніе благодатной душевной гармоніи, пріобщивъ къ ней всѣхъ людей,—въ этомъ весь законъ и пророки Толстого-мыслителя и моралиста. Здѣсь его поразительная временами сила и не менѣе поразительная слабость.

Сила—въ критикѣ нашего строя съ точки зрѣнія якобы признаваемыхъ этимъ строемъ христіанскихъ началъ. Слабость—въ неумѣніи самому оріентироваться въ запутанностяхъ этого строя, изъ котораго онъ желаетъ намъ указать выходъ. Если бы дѣйствительно іудей перваго вѣка, слышавшій живую рѣчь Христа, какимъ-нибудь чудомъ очутился теперь среди насъ, то очень вѣроятно, что, ошеломленный сложностью нашей жизни и ея ужасами, онъ сказалъ бы намъ приблизительно то же, что и Толстой: братья, уйдемъ отсюда въ пустыню, гдѣ жизнь проще и добрѣе, и, когда на холмъ взойдетъ великій Учитель, ваша скорбь и ваше смятеніе стихнетъ. Увы!—онъ не зналъ бы, что этотъ холмъ существуетъ уже только въ сновидѣніи, что въ дѣйствительности отъ него уже не осталось и слѣда, что по тому мѣсту проложены, быть можетъ, рельсы и поѣздъ несетъ туда за деньги людей, каждый шагъ которыхъ въ святой землѣ долженъ быть оплаченъ тѣми же деньгами... Такъ какъ каждый клочекъ святой земли служитъ источникомъ алчнаго дохода...

Когда самъ Толстой со своей мечтой, навѣянной чуднымъ сновидѣніемъ, выходитъ на городскую улицу XX вѣка,—онъ безпомощенъ и наивенъ совершенно въ той же степени, какъ нашъ предполагаемый выходецъ изъ перваго вѣка. Иллюстрацій сколько угодно,—мы возьмемъ одну изъ области борьбы великаго писателя съ деньгами...

Тотъ, кто въ знойной пустынѣ водворилъ простыми словами миръ въ его душу, охваченную отчаяніемъ и смятеніемъ, сказалъ, между прочимъ, великія слова: „просящему дай“, и „если имѣешь двѣ одежды, одну отдай нищему“. Заповѣдь простая, которую, повидимому, нужно только *пожелать* исполнить, а программа исполненія ясна: „иди и раздай имѣніе нищимъ“.

Что же? У Толстого не хватило желанія? Какъ извѣстно, этотъ пунктъ является однимъ изъ наиболѣе благодарныхъ

для личныхъ нападокъ, на тему притчи о богатомъ юношѣ и объ игольномъ ухѣ. Чужая душа, разумѣется, потемки, но мнѣ кажется, что та точка зрѣнія, какую я пытаюсь установить въ этой, быть можетъ, слишкомъ бѣглой и торопливой замѣткѣ, исключаетъ въ очень значительной степени мелкое зоильство и злорадное торжество при видѣ „противорѣчія между словомъ и дѣломъ“ въ практикѣ этого прямого и искренняго человѣка.

Дѣло въ томъ, что нашъ іудей перваго вѣка замѣчательный психологъ и наблюдатель. Было время: онъ пытался исполнить заповѣдь. Всѣмъ извѣстенъ эпизодъ во время переписи, когда Толстой сдѣлалъ довольно широкую попытку помогать деньгами, и что изъ этого вышло: вышло не благо. На деньги „простого графа“ потянулась (положимъ, въ Хитровомъ рынкѣ) дикая алчность, лицемѣріе, ложь и зависть. И результатами такой упрощенной раздачи явилось не улучшеніе людей, не благодатные просвѣты въ душахъ пріемлющихъ, а только сгущенная тьма алчности, пьянства, цинизма.

„Рука дающаго не оскудѣваетъ“. На этомъ основаніи „простой“ обыватель намѣниваетъ каждую субботу копѣечекъ и раздаетъ ихъ въ воскресеніе нищимъ на паперти приходскаго храма. Толстой не знаетъ *такихъ* раздачъ и такой крохоборной благотворительности. Все или ничего! *Все*—когда изъ этого проистекаетъ прямо и непосредственно добро въ его смыслѣ. Что же значитъ, что исполненіе простой заповѣди дало такіе странные результаты? Мы, приглядывающіеся къ жизненной сутолокѣ съ другой, болѣе современной и болѣе сложной точки зрѣнія, знаемъ, что и благотворительность въ современныхъ условіяхъ требуетъ большого вниманія, сложной системы и даже искусства. Но іудей перваго вѣка не хочетъ знать никакихъ сложностей. Отъ раздачи денегъ истекало зло. Откуда оно? Очевидно, не отъ внутренняго побужденія дающаго. Алчное тяготѣніе обездоленнаго къ протянутой рукѣ тоже естественно. Зло въ самыхъ деньгахъ, этомъ изобрѣтеніи лукаваго города. Христосъ не помогалъ деньгами, апостолы тоже. Это оттого, что деньги зло. А значитъ дающій деньги—даетъ зло. Деньгами помогать ближнему не слѣдуетъ. Можно помогать только любовью. А уже любовь найдетъ свои пути и свои способы помощи.

Такова теорія, и она установлена прочно. Но вотъ наступаетъ тяжелый 1891—2 годъ. На огромномъ пространствѣ Россіи люди—взрослые, женщины, дѣти болѣютъ отъ голода, страдаютъ и умираютъ. Одинъ „петербургскій житель“ пишетъ Толстому письмо, въ которомъ изображаетъ свое поло-

женіе: онъ желалъ бы помочь голодающимъ, но онъ малосостоятельный горожанинъ, живущій на свой городской заработокъ. Единственная форма помощи ближнему, которая ему доступна,—это ежемѣсячное отчисленіе отъ своего заработка. Но... деньги зло! Что ему дѣлать?

Былъ ли это дѣйствительно простодушный вопросъ искренняго толстовца, или это, наоборотъ, была форма полемики съ толстовскими идеями, это неважно. Вопросъ былъ поставленъ ребромъ, и отвѣтъ на него несомнѣнно имѣлъ большое значеніе для искреннихъ послѣдователей Толстого. Вопросъ состоялъ въ томъ, какъ заурядному современному человѣку сдѣлать хоть маленькое дѣло любви и помощи въ современныхъ условіяхъ раздѣленія труда и денежнаго хозяйства.

Л. Н. Толстой отвѣтилъ на запросъ цѣлой статьей, которая, кажется, не была напечатана, но въ то время ходила по рукамъ, литографировалась, читалась въ собраніяхъ, и всюду оставляла чувство неудовлетворенія. Изъ нея мы, разночинные представители междуполярныхъ общественныхъ слоевъ, не богатые деревенскіе помѣщики и не нищіе деревенскіе пахари—должны были еще разъ убѣдиться, до какой степени и мы сами, и наше положеніе чужды и Толстому-художнику, и Толстому-моралисту. Въ статьѣ подтверждалось всетаки, что „деньги зло“ и помощь деньгами—не настоящая помощь. Помогать надо любовью. Любовь требуетъ близости. Пусть же господа горожане при наступленіи лѣта ѣдутъ, „вмѣсто дорогихъ петербургскихъ дачъ“—въ голодающія деревни. Тамъ непосредственное созерцаніе умирающихъ съ голоду братьевъ укажетъ имъ, что дѣлать. Вмѣсто холодной и формальной денежной помощи, горожанинъ „отрѣжетъ краюху отъ собственнаго хлѣба“, и это будетъ дѣломъ любви.

Да, только геніальному человѣку можно простить такіе совѣты, — говорилъ мнѣ одинъ „горожанинъ“, прочитавшій статью... Бѣда въ томъ, что вопрошатель Толстого едва-ли выѣзжалъ на дачи. А если выѣзжалъ, то ему были доступны только досчатыя сооруженія въ Шуваловѣ, Парголовѣ, Перкіярви, откуда каждый день съ портфелемъ подъ мышкой онъ долженъ ѣздить на работу въ канцелярію, контору или редакцію... „Уѣхать на дачу“ въ голодающія губерніи!.. Но тогда онъ немедленно очутится съ семьей въ положеніи того же „голодающаго“, такъ какъ у него нѣтъ ни богатаго помѣстья, ни мужичьяго надѣла, а только „образованіе“, гонораръ, построчная плата... Онъ продаетъ свой трудъ за деньги... и отдать онъ можетъ только деньги, столько-то рублей въ мѣсяцъ. А столько-то рублей это по условіямъ хлѣбнаго

рынка—столько-то пудовъ хлѣба... Т. е. столько-то накормленныхъ людей.

Толстой—честь и слава его живому чувству—самъ, повидимому, не удовлетворился своимъ отвѣтомъ, отступилъ отъ своей схемы, сталъ принимать денежныя пожертвованія и мѣнять деньги на хлѣбъ. И онъ сдѣлалъ въ голодный годъ большое и важное благотворительное дѣло...

А затѣмъ... Можно было думать, что этотъ рѣзкій эпизодъ, это бьющее въ глаза противорѣчіе теоріи съ неизбѣжной практикой (вредъ отъ раздачи денегъ—деньги зло; необходимость денежной помощи — деньги благо) заставитъ Толстого остановиться въ новомъ раздумьи и что отсюда начнется новое отрицаніе. Но на этотъ разъ онъ удержался всетаки въ занятой позиціи, въ атмосферѣ волшебнаго сновидѣнія объ іудеѣ перваго вѣка. Хотя,—кто знаетъ—даже и теперь, покончитъ-ли на этомъ неутомимый искатель, или мы услышимъ еще разъ о новыхъ сомнѣніяхъ этого вѣчно бодраго ума... Паломникъ въ страну непосредственности и гармоніи духа опять, быть можетъ, возьметъ свой странническій посохъ, чтобы отправиться въ новый путь, и самый поздній закатъ застанетъ его среди этого неусыпнаго вѣчнаго стремленія... *)

VI.

Итакъ, Толстой-мыслитель—весь въ Толстомъ-художникѣ, и изъяны его построеній почти цѣликомъ вытекаютъ изъ указаннаго выше пробѣла въ области его художественныхъ наблюденій. Его прекрасная мечта о водвореніи первыхъ вѣковъ христіанства можетъ сильно дѣйствовать на простыя, непосредственныя или на уставшія души. Но мы, люди изъ просмотрѣннаго художникомъ междуполярнаго міра, не можемъ послѣдовать за нимъ въ эту измечтанную страну. Для этого у насъ нѣтъ ни достаточно воображенія, ни достаточно досуга и, наконецъ, настроенія. Жизнь, усложненная, запутанная современная жизнь съ ея условіями обдаетъ насъ, междуполярныхъ жителей, бурными вихрями отъ обоихъ полюсовъ. Мы тоже еще недавно вѣрили въ близкое царство божіе на землѣ и такъ же, какъ Левъ Николаевичъ, признавали формулу: все или ничего. Но суровая исторія борьбы нѣсколькихъ поколѣній напомнила намъ старую истину, что

---

*) Это писано въ 1908 г. Чрезвычайно интересно прослѣдить, какъ въ послѣдніе годы жизни еще разъ мѣнялись нѣкоторые взгляды Толстого. Символически — картина выдержана до конца. Смерть застала великаго искателя въ пути...

„царство божіе нудится“, что одной проповѣди недостаточно даже для воспитанія, что формы общественной жизни являются въ свою очередь могучими факторами совершенствованія личности, и что необходимо шагъ за шагомъ разрушать и перестраивать эти формы. Въ одной изъ статей Толстого приведены слова Генри Джорджа, котораго Левъ Николаевичъ ставитъ очень высоко. „Я знаю,—говоритъ Генри Джорджъ,—что предлагаемая мною реформа не водворитъ еще царства справедливости на землѣ. Для этого и сами люди должны стать лучше. Но эта реформа *создастъ условія*, при которыхъ людямъ легче совершенствоваться“... Въ этой совершенно правильной мысли — узелъ того спора, который раздѣляетъ порой такъ рѣзко настроеніе Толстого-мыслителя и чтущей великаго художника передовой части русскаго общества. Никто не отрицаетъ, что человѣкъ долженъ стремиться стать и внутренно достойнымъ свободы. Дѣло только въ томъ, что между внутренней и внѣшней свободой есть органическая связь и для возможности самой проповѣди о внутреннемъ совершенствованіи необходимы лучшія, *болѣе нравственныя* формы общественныхъ отношеній. И вотъ почему идетъ эта тяжкая борьба, которая потребовала уже столько жертвъ изъ той именно сферы жизни, которую проглядѣлъ Толстой-художникъ и съ которой не желаетъ считаться Толстой-мыслитель и моралистъ. И потребуетъ еще много. И не для „всего“, не для водворенія сразу царства божія на землѣ, которое кажется такимъ простымъ, *если бы всѣ* захотѣли и могли повѣрить озаренному свѣтлому сну о первомъ вѣкѣ христіанской эры, а только для того, чтобы ступень за ступенью, рядъ за рядомъ класть основы, на которыхъ будетъ построенъ храмъ будущей свободы. И когда среди этой тяжкой борьбы, порой идущей среди тьмы и тумана, іудей перваго вѣка смотритъ съ пренебрежительной усмѣшкой или съ тяжкимъ упрекомъ на эти усилія, осуждая не только средства, которыя разнообразны, но и цѣли, за которыя люди (а теперь уже массы людей) отдаютъ свою жизнь, — то становится понятнымъ чувство отвѣтной горечи, которое являлось временами по адресу Толстого среди передовыхъ слоевъ борющагося общества и народа... И порой невольно приходитъ въ голову, что только благодаря тому, что Толстой знаетъ, видитъ, чувствуетъ лишь самые низы и самыя высоты соціальнаго строя,—ему такъ легко требовать „все или ничего“, такъ легко отказываться отъ „одностороннихъ“ улучшеній, вродѣ конституціоннаго строя и ограниченія закономъ внѣшняго произвола во всѣхъ его видахъ. Низы долго страдали и безро-

потно, смиренно терпѣли... До высотъ, особенно до той высоты, на которой стоитъ геніальный художникъ,—не можетъ доплеснуть волна никакого утѣсненія. А намъ, людямъ изъ невѣдомой и непризнанной области, намъ нуженъ отъ времени до времени хоть глотокъ свѣжаго воздуха, чтобы не задохнуться въ этомъ царствѣ гнета и безграничнаго произвола...

А теперь уже не мы одни, междуполярные жители, но самые низы готовы, повидимому, отказаться отъ „внутренней свободы“ безропотнаго и безграничнаго терпѣнія... И пока будетъ устроенъ на землѣ *рай полной* свободы,—они хотѣли бы раздвинуть и расширить свое теперешнее помѣщеніе, сломать ненужныя, сгнившія постройки и—главное—почувствовать себя хоть до извѣстной степени хозяевами въ собственномъ домѣ.

VII.

Я пишу не панегирикъ къ юбилейному дню, а стараюсь только дать посильную характеристику геніальнаго художника и крупнаго, искренняго, смѣлаго человѣка. Толстой не нуждается въ дифирамбахъ, а характеризовать его правильно, со всѣми свойствами его выдающейся личности—значитъ дать образъ, вызывающій восторгъ и удивленіе. Безъ указанія же на отмѣченныя выше черты характеристика была бы не полна...

Но въ той же толстовской мечтѣ есть также источникъ его силы, какъ безпощаднаго критика современнаго строя. Мы не можемъ послѣдовать за Толстымъ въ измечтанную имъ область. Но искренняя мечта всегда была отличнымъ критеріемъ дѣйствительности. Гдѣ теперь было бы человѣчество, если бы по временамъ дѣйствительность не вынуждалась стать передъ судомъ мечты. Притомъ же нельзя забывать, что простыя истины, вынесенныя изъ перваго вѣка нашей эры, являются признанными, оффиціально освященными и закрѣпленными основами нашего строя. Это та формальная почва, которая является для современнаго государства источникомъ его показной оффиціальной морали. И въ этой области выходецъ изъ перваго вѣка, со всей своей наивностью и даже благодаря ей можетъ сказать съ большимъ авторитетомъ много живого и интереснаго.

И вотъ подъ вліяніемъ своего чуднаго сновидѣнія, въ которомъ онъ самъ слышалъ слова Учителя,—Толстой смотритъ на нашу дѣйствительность и въ изумленіи протираетъ глаза при видѣ всего того, съ чѣмъ когда-то такъ страстно мечталъ примириться. Какъ? Такъ это христіанство? Какъ? Это—общество, основанное на завѣтахъ Христа!.. Іудей перваго вѣка глубоко изумленъ, а всякая изумленная фигура среди

сутолоки будничной жизни невольно привлекаетъ общее вниманіе, возбуждаетъ и заражаетъ...

Отсюда изумительное искусство Толстого говорить общеизвѣстныя истины. Да, именно общеизвѣстныя истины говорить очень трудно, т. е. говорить такъ, чтобы онѣ пріобрѣтали свѣжесть, оригинальность и жизнь, а именно въ этомъ особенно нуждается наша современность. Мы, образованные люди, *знаемъ* очень много, но въ нашей жизни *сдѣлано* очень мало изъ того, что для насъ стало уже избитой, азбучной истиной. Отсюда—многое въ нашей современной литературѣ и, между прочимъ, стремленіе къ тому, „чего никогда не бывало". У насъ—сѣкутъ мужиковъ въ повалку, иногда женщинъ и дѣтей, и старыхъ почтенныхъ стариковъ. Это позорно. И это незаконно. И объ этомъ говорилось много разъ. И говорилось, какъ о вопіющемъ и позорномъ нарушеніи человѣческаго права, но... господа губернаторы продолжаютъ свои упражненія давно,—и въ „мирное время" столь же свободно, какъ и во время смуты, любой петербургскій пишутъ, очутившійся, благодаря протекціи, въ роли помпадура, приказываетъ разложить почтеннаго старика, который годится ему въ прадѣды, а въ своемъ дѣлѣ во сто разъ умнѣе, чѣмъ помпадуръ въ своемъ, и... въ воздухѣ свищетъ лоза. Мы узнаемъ это и, если сможемъ, напечатаемъ негодующую статью, въ стилѣ которой, однако, звучитъ скрытое уныніе и скука: и погромче насъ были витіи... Ни для кого это, увы!—не новость.

Но вотъ въ одинъ прекрасный день въ концѣ 80-хъ годовъ такой легковѣсный администраторъ въ Орлѣ отправляется въ экспедицію и производитъ экзекуцію надъ мужиками. Конечно, все это сойдетъ ему благополучно... Однако, черезъ нѣкоторое время откуда-то налетаетъ вихрь, и карьера орловскаго помпадура разбита. Что же случилось? Ничего особеннаго. Только іудей перваго вѣка узналъ объ этомъ эпизодѣ и изумленно вскрикнулъ, что это не по-христіански. Но развѣ мы всѣ, сверху до низу, этого не знали? Развѣ это не общеизвѣстная истина? Да. Но Толстой, изъ глубины своего настроенія іудея перваго вѣка, сумѣлъ сказать эту истину такъ, что она вновь потрясаетъ не только готовое къ негодованію „общество", но и тѣхъ, кто терпѣлъ, поощрялъ, даже награждалъ ретивыхъ помпадуровъ за такія же мѣропріятія. Сказалъ Толстой... Это много. Но еще—сказалъ „іудей перваго вѣка христіанской эры",—а это, пожалуй, еще больше.

И дѣло, конечно, не въ томъ, что одинъ администраторъ, легкомысленный и жестокій, потерялъ карьеру. Придутъ другіе,

не менѣе легкомысленные и жестокіе. Это мы знаемъ лучше и тверже, чѣмъ іудей перваго вѣка... Но дѣло въ томъ, что подъ перомъ Толстого такія „общеизвѣстныя истины“ теряютъ свою тусклость и избитость, сверкаютъ опять всѣми красками жизни, будятъ новое негодованіе, тревожатъ, вновь заставляютъ искать выхода... И еще: онѣ перестаютъ быть мертвымъ капиталомъ, лежавшимъ на сохраненіи до лучшихъ временъ, а расходятся широко, проникая и захватывая такіе слои, гдѣ раньше царила тупая непосредственность, жалкая покорность или слѣпое безразличіе.

Въ такіе моменты преграда между Толстымъ-проповѣдникомъ и его принципіальными противниками изъ среды междуполярныхъ жителей рушится. Потому что въ его рѣчахъ слышится глубокая искренность. И когда *онъ* говоритъ о непротивленіи злу насиліемъ, то онъ не похожъ на тѣхъ фарисеевъ, которые обращаются съ своей проповѣдью исключительно къ сторонѣ слабѣйшей. Толстой уже раньше безстрашно и рѣзко осудилъ тѣхъ, кто обладаетъ властью и силой и кто пытается обосновать эту власть на авторитетѣ христіанства и его морали...

И въ ту минуту, когда я пишу эти строки, весь образованный міръ читаетъ опять одну изъ „общеизвѣстныхъ истинъ“ въ освѣщеніи Толстого: его простыя слова на азбучную тему о смертной казни опять потрясаютъ людскія сердца... И, конечно, все, что можетъ сдѣлать человѣческое слово въ прямомъ смыслѣ и еще болѣе—что оно можетъ сдѣлать косвенно, освѣщая мрачныя бездны нашего порядка,—все это сдѣлаетъ слово геніальнаго мечтателя, которому приснилось однажды, что онъ слышитъ въ знойной пустынѣ слова любви и мира изъ устъ самого великаго Учителя...

VIII.

Есть еще одна сторона въ огромной и сложной личности Толстого-писателя, которая заставляетъ насъ, междуполярныхъ жителей, сочувствовать Толстому-мыслителю и восхищаться имъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мы принципіально далеко не во всемъ съ нимъ согласны: онъ поднялъ печатное слово на высоту, недосягаемую для преслѣдованія.

Правда,—для самого Толстого тутъ есть источникъ своеобразнаго нравственнаго страданія. Около 20 лѣтъ назадъ я, еще молодымъ человѣкомъ, только что вернувшись изъ отдаленной ссылки, въ первый разъ посѣтилъ Толстого и первыя его слова при этой встрѣчѣ были:

— Какой вы счастливый: вы пострадали за свои убѣжденія.

Мнѣ Богъ не посылаетъ этого. *За* меня ссылаютъ. *На* меня не обращаютъ вниманія.

Это понятно: запечатлѣть свою проповѣдь жертвой за исповѣдуемыя идеи—стремленіе всякаго проповѣдника, и Толстой много разъ послѣ этого печатно бросалъ русскому правительству упрекъ въ непослѣдовательности и неправосудіи: почему гонятъ, сажаютъ въ тюрьмы, преслѣдуютъ тѣхъ, кто увлеченъ его проповѣдью, и оставляютъ въ покоѣ самого проповѣдника?

Еще недавно, полемизируя съ Толстымъ, оффиціозный органъ „конституціоннаго" министерства отвѣчалъ между прочимъ и на этотъ упрекъ. Что дѣлать,—говоритъ „Россія":—Толстой—плохой мыслитель, но онъ же и великій художникъ. Его проповѣдь (напримѣръ, противъ смертной казни?) очень вредна, но злая судьба создала правительству спеціальное затрудненіе въ пресѣченіи этого вреда: приходилось бы преслѣдовать великаго художника, къ которому чувствуешь „невольную нѣжность", котораго необходимо беречь...

Внушить „невольную нѣжность" людямъ, защищающимъ примѣненіе смертной казни, какъ повседневное, широкое, бытовое явленіе,—уже это, если принять à la lettre заявленіе оффиціоза, является, конечно, огромнымъ нравственнымъ завоеваніемъ. „Другіе" не столь оффиціозные, но одинаково во многомъ настроенные люди такой нѣжности не испытываютъ: по всей Россіи идетъ теперь изступленный походъ противъ великаго писателя и противъ его чествованія благодарнымъ русскимъ обществомъ, а извѣстному кронштадтскому іерею даже приписывали особую молитву, очень напоминающую докладъ по департаменту о необходимости скорѣйшей административной высылки великаго писателя за предѣлы этого міра: онъ будто-бы кощунственно просилъ у Бога скорѣйшей смерти Толстому. О, какъ далеко это „христіанство" отъ того ученія, которое іудеи перваго вѣка слышали на берегахъ озеръ и съ пустынныхъ холмовъ *)...

Да, нѣжность къ великому русскому художнику ретроградныхъ слоевъ русскаго общества, потрясаемаго простымъ и могучимъ словомъ „плохого мыслителя",—очень условна. И однако, фактъ остается: Толстого не рѣшились тронуть, хотя никакіе запреты не въ состояніи остановить распространеніе его мыслей и его наивно-простыхъ, но ужасныхъ обличеній. Толстого это печалитъ. Мы не можемъ этому не радоваться.

---

*) Впослѣдствіи писали, что сочиненіе этой молитвы, ходившей по рукамъ въ извѣстныхъ кругахъ, приписывалось Іоанну Кронштадтскому неправильно.

И не только потому, что намъ при всѣхъ нашихъ разногласіяхъ дорогъ этотъ неугомонный великій старецъ, но и потому, что въ немъ мы видимъ первую побѣду свободы совѣсти и мысли надъ нетерпимостью и гоненіемъ. Да, онъ поднялъ свободное слово на такую высоту, передъ которой преслѣдованіе безсильно.

И это онъ сдѣлалъ только внутренней силой своего генія. Великій художникъ создалъ это положеніе смѣлому мыслителю. Мы не великіе художники, и вся остальная литература бредетъ еще въ густой тьмѣ произвола и безправія. Но впереди, передъ нею, возвышаясь свѣтящимся колоссомъ, стоитъ надъ туманами, заволакивающими еще поле русской жизни, могучая фигура, шагнувшая за предѣлы этой тьмы и этого безправія. И мы чувствуемъ съ особенной силой, что онъ все-таки нашъ, и гордимся, что онъ достигъ этой высоты силою одного только слова. Насъ ободряетъ то, что онъ вынесъ свѣтъ свободной совѣсти и слова за предѣлы угнетенія. И, глядя на высоко поднятый имъ факелъ, мы забываемъ наши разногласія и шлемъ восторженный привѣтъ этому честному, смѣлому, часто заблуждавшемуся, но и въ самыхъ ошибкахъ глубоко искреннему великому человѣку...

1908.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

(Статья вторая).

Блаженны алчущіе и жаждущіе правды.

I.

Кто-то, если не ошибаюсь, Лессингъ, сказалъ:

Если бы Богъ протянулъ мнѣ въ одной рукѣ абсолютное знаніе, а въ другой только стремленіе къ истинѣ и сказалъ: выбирай!—я бы тотчасъ отвѣтилъ: „Нѣтъ, Творецъ! Возьми себѣ абсолютное знаніе, вѣчное и неподвижное, а мнѣ дай святое недовольство и непрерывное, беззавѣтное стремленіе".

Л. Н. Толстой—яркій представитель такого стремленія, безпокойнаго, безкорыстнаго, неустаннаго и заразительнаго.

Формулы, въ которыя Толстой отъ времени до времени заключаетъ это свое стремленіе, какъ готовую истину и какъ мораль для поведенія, мѣнялись не одинъ разъ, какъ мѣнялись онѣ у его героевъ Пьера Безухаго, Левина. Если посмотрѣть на Толстого съ этой точки зрѣнія, то весь онъ—на протяженіи своей долгой и геніальной работы—одно зыбкое противорѣчіе.

Вотъ, напримѣръ, одна изъ такихъ формулъ:

„Благо тому народу, который не какъ французы въ 1813 году, отсалютовавъ по всѣмъ правиламъ искусства и перевернувъ шпагу эфесомъ, граціозно и учтиво передаютъ ее великодушному побѣдителю, а благо тому народу, который въ минуту испытанія, не спрашивая о томъ, какъ по правиламъ поступали другіе люди въ этихъ случаяхъ, *съ простотою и легкостью поднимаетъ первую попавшуюся дубину и гвоздитъ ею до тѣхъ поръ*, пока въ душѣ его *чувство оскорбленія и мести* не замѣняется чувствомъ *презрѣнія* и жалости"... *).

*) «Война и миръ», 7-е полное изданіе соч., т. VIII, стр. 17.

Эти слова, въ которыхъ чувство „противленія“ сказалось во всей своей непосредственности и даже крайностяхъ, гдѣ даже къ побѣжденному врагу нѣтъ другого отношенія, кромѣ жалости, смѣшанной съ презрѣніемъ... Можно ли повѣрить, что они написаны той же рукой, которая впослѣдствіи писала другія строки: если бы даже дикіе зулусы вторглись въ страну, убивая стариковъ и дѣтей, насилуя женъ и дочерей,—и тогда христіанинъ не въ правѣ дать волю „чувству вражды и мести“, и тогда онъ не можетъ силу противопоставить силѣ...

А между тѣмъ это писала дѣйствительно одна и та же рука... Этого мало: формула абсолютнаго непротивленія продиктована тѣмъ же основнымъ душевнымъ мотивомъ, изъ котораго вышла жестокая сентенція о благѣ неразсуждающей вражды и мести...

Этотъ мотивъ, единый и никогда не измѣнявшійся у Толстого,—исканіе правды, стремленіе къ цѣльному душевному строю, который дается только глубокой, неразложимой анализомъ вѣрой въ свою истину и непосредственнымъ ея примѣненіемъ къ жизни.

II.

Тоска по непосредственности и исканіе вѣры, дающей цѣльность душевнаго строя,—такова основная нота главныхъ героевъ Толстого-художника, въ которыхъ всего полнѣе отразилась его собственная личность.

Міръ раскололся,—и трещина прошла по сердцу поэта,—сказалъ Гейне. Замѣчательный образъ, многое объясняющій въ нашемъ душевномъ строѣ. Міръ раскололся давно,—и одна часть человѣчества идетъ по солнечной сторонѣ великой соціальной трещины, другая бредетъ въ темнотѣ и туманѣ. Въ наше время особенно чувствуется, что трещина приходится по сердцамъ не однихъ поэтовъ, и Толстой съ необыкновенной силой таланта и искренности умѣетъ изображать это ощущеніе душевнаго разлада людей, оставшихся на солнечной сторонѣ. Вся его жизнь, вся его геніальная работа какъ художника и мыслителя есть выраженіе этого душевнаго разлада, истекающаго изъ сознанія великой неправды жизни, и стремленіе къ исцѣленію въ какой-нибудь единой вѣрѣ, способной примирить противорѣчія, внести миръ и гармонію въ смятенныя души.

Одно время не только Толстому казалось, что душевная цѣльность осталась только въ простомъ народѣ, какъ даръ судьбы за тяжкое бремя страданія и труда. Но этотъ даръ стоитъ всѣхъ благъ, которыя унесли съ собой счастливцы,

идущіе по солнечной сторонѣ жизни. Онъ драгоцѣннѣе даже знанія, науки и искусства, потому что въ немъ заключена цѣльная всеразрѣшающая мудрость. Неграмотный солдатъ Каратаевъ выше и счастливѣе образованнаго Пьера Безухаго. И Пьеръ Безухій старается проникнуть въ тайну этой цѣльной мудрости неграмотнаго солдата, какъ самъ Толстой стремится постичь мудрость простого народа.

Едва-ли случайно великій художникъ взялъ для самаго значительнаго изъ своихъ произведеній эпоху, въ которой непосредственное чувство народа спасло государство въ критическую минуту, когда всѣ „раціональныя“ организованныя силы оказались безсильны и несостоятельны. Геніальность Кутузова какъ полководца Толстой видитъ лишь въ томъ, что онъ одинъ понялъ силу стихійнаго народнаго чувства и отдался этому могучему теченію, не разсуждая, слѣпо, съ закрытыми глазами. Самъ Толстой, какъ его Кутузовъ, въ этотъ періодъ тоже былъ во власти великой стихіи. Народъ, его непосредственное чувство, его взгляды на міръ, его вѣра,— все это, какъ могучая океанская волна, несло съ собой душу художника, диктовало ему жестокія сентенціи о „первой попавшейся дубинѣ“, о презрѣніи къ побѣжденнымъ. Это цѣльно, и, значитъ, въ этомъ законъ жизни. Вчитайтесь внимательнѣе въ изумительную эпопею народной войны, и вы найдете тамъ, съ удивленіемъ, можетъ-быть, съ душевнымъ содроганіемъ, почти оправданіе убійства плѣнныхъ... Это дѣлалъ народъ, не знающій душевнаго разлада, обладающій мудростью цѣльнаго, неошибающагося непосредственнаго чувства, болѣе правильнаго, чѣмъ всѣ разсчеты... Значитъ, въ этомъ правда...

III.

Однако, человѣкъ, который умѣлъ *такъ* изобразить душевный разладъ, муку сомнѣній и исканій, какъ ихъ изобразилъ Толстой въ Левинѣ, Безухомъ, Нехлюдовѣ, не можетъ надолго остаться въ такомъ настроеніи. Въ силѣ народнаго подъема въ эпоху освободительной борьбы съ внѣшнимъ нашествіемъ онъ нашелъ *непосредственный* порывъ и весь поддался гипнозу этого народнаго порыва, могучаго и цѣльнаго, непосредственнаго и неразсуждающаго. Исканія этой непосредственности и для себя приводитъ его къ жаждѣ такой же цѣльности. Но эта цѣльность—всетаки чужая. А сомнѣнія и душевный разладъ Пьера, рефлексіи Левина, его паденія, ошибки, все новыя и новыя исканія, это—*свое*, родное, органически присущее душѣ самого Толстого. И по мѣрѣ того какъ обаяніе великой эпопеи, овладѣвшей душой писателя, ослабѣвало,

сомнѣнія поднимались снова, анализъ начиналъ подтачивать гипнозъ „простой вѣры“ Каратаевыхъ... „Власть тьмы“, въ которой мудрый простой народъ изображенъ на крайнихъ ступеняхъ темноты и порока, намѣтила новую фазу въ эволюціи Толстого. Художникъ оказался способнымъ дать эту картину. Это значило, что мыслитель освободился отъ подчиненія народному міровоззрѣнію, вышелъ на новый путь для своихъ неутомимыхъ поисковъ.

Нужно бы написать цѣлую книгу, чтобы прослѣдить захватывающую исторію этихъ скитаній великаго и безпокойнаго духа въ поискахъ за исцѣляющей гармоніей истины. Въ другомъ мѣстѣ я пытаюсь съ нѣсколько большей подробностью намѣтить главные этапы этого пилигримства. Здѣсь скажу только, что, разложивъ своимъ анализомъ все то, чему поклонялся еще недавно въ „простой и цѣльной народной вѣрѣ“. Толстой не нашелъ успокоенія и убѣжища во всемъ современномъ мірѣ. По собственному признанію въ „Исповѣди“, міръ въ это время казался ему мертвой пустыней. Умъ безрадостенъ и сухъ, „народная вѣра“ полна лжи и суевѣрій... На этомъ распутьи Толстой-художникъ протянулъ руку истомленному страннику-мыслителю, и геніальное воображеніе создало для него міръ прекрасной и великой мечты. Въ эпоху „Войны и мира“ передъ восхищеннымъ взоромъ Толстого колыхался океанъ душевной цѣльности противляющагося и борющагося народа. И онъ призналъ эту цѣльность борьбы закономъ жизни. Теперь послушная мечта развернула передъ нимъ картину другой цѣльности, такой же могучей, такой же стихійной и такой же захватывающей. На него повѣяло настроеніемъ другого народа, который на зарѣ христіанства подъ грохотъ разваливающагося стараго міра готовился завоевать человѣчество не чувствомъ вражды и мести, а ученіемъ любви и кротости... Обаяніе этой мечты охватило его, убаюкало безпокойную мысль, унесло на своихъ волнахъ въ страну непротивленія, къ душевной ясности христіанъ перваго вѣка... Черезъ тьму столѣтій до его слуха донесся призывъ Христа, и надолго онъ остается въ своей измечтанной странѣ, призывая міръ, метущійся и страдающій въ сѣтяхъ непримиримыхъ противорѣчій, въ свое мирное убѣжище...

IV.

Таковы противоположные полюсы единаго душевнаго стремленія, такова въ сухихъ и общихъ чертахъ исторія этой яркой, великой жизни. Сквозь тьму вѣковъ, изъ страны своей мечты великій художникъ и искренній мыслитель смотритъ

орлинымъ взглядомъ на противорѣчія и несовершенства нашей жизни, и это особенное положеніе дѣлаетъ такой неотразимой его критику нашего строя, считающаго себя тоже основаннымъ на христіанскихъ началахъ.

Правда, мы не можемъ послѣдовать за Толстымъ въ страну его мечты. Но сладость этой мечты мы чувствуемъ и глубоко цѣнимъ искренность его неустанныхъ исканій правды. И кромѣ того мы понимаемъ, что если мыслитель порой закрываетъ глаза на то, что между первымъ вѣкомъ христіанства и нашей современностью залегли бездорожья и туманы девятнадцати столѣтій, въ теченіе которыхъ родились новыя, сложныя и непредвидѣнныя условія, то все же отголоски великихъ истинъ, прозвучавшихъ тогда для человѣчества, отдаются порой въ голосѣ художника-мечтателя съ такой силой, которая какъ бы разгоняетъ туманы вѣковъ. На ихъ обаяніе отзываются простыя сердца, а среди фарисеевъ великаго ученія и среди торгующихъ въ храмѣ они порождаютъ смятеніе и тревогу...

Теперь среди все возрастающаго смятенія, подъ мрачными тучами, завѣсившими нашъ горизонтъ, великій художникъ и смѣлый искатель правды стоитъ на величавомъ закатѣ своей жизни, а вокругъ него, проповѣдующаго кротость и непротивленіе, кипятъ и волнуются страсти, начиная отъ восхищенія и восторга и кончая темной ненавистью и враждой...

Пройдутъ еще годы, десятилѣтія, вѣка... Страсти нашей исторической минуты смолкнутъ. Быть-можетъ, закроется уже и великая трещина, раскалывающая міръ на счастливыхъ и обездоленныхъ отъ рожденія; человѣческое счастье, человѣческое горе и борьба найдутъ другія болѣе достойныя человѣка формы, умственныя стремленія направятся въ своемъ полетѣ къ новымъ цѣлямъ, теперь недоступнымъ нашему воображенію. Но даже и съ этого отдаленія, на рубежѣ двухъ давно истекшихъ столѣтій еще будетъ видна величавая фигура, въ которой, какъ въ символѣ, воплотились и самый тяжкій разладъ, и лучшія стремленія нашего темнаго времени. Это будетъ символическій образъ геніальнаго художника, ходившаго за мужицкимъ плугомъ, и россійскаго графа, надѣвшаго мужицкую сермягу...

1908.

О ГЛѢБѢ ИВАНОВИЧѢ УСПЕНСКОМЪ.

(Черты изъ личныхъ воспоминаній).

> Есть люди, подобные монетамъ, на которыхъ чеканится одно и то же изображеніе. Другіе похожи на медали, выбиваемыя только для даннаго случая.
>
> *Гофманъ.*

I.

Глѣбъ Ивановичъ Успенскій былъ именно такой медалью. Онъ былъ одинъ, самъ по себѣ, ни на кого не былъ похожъ, и никто не былъ похожъ на него. Это былъ уникъ человѣческой породы, рѣдкой красоты и рѣдкаго нравственнаго достоинства.

Нужно съ грустью признаться, что реальная личность писателя, художника, артиста—рѣдко совпадаетъ съ тѣмъ представленіемъ, какое мы составляемъ по ихъ произведеніямъ. Во время творчества идей, звуковъ, образовъ мы становимся нѣсколько выше нашей средней личности. Мы какъ бы уходимъ въ маленькую горную часовенку, отгороженную отъ нашихъ будней. А затѣмъ, „когда не требуетъ поэта къ священной жертвѣ Аполлонъ“, мы опять спускаемся съ этихъ вершинъ, которыя,—велики онѣ или малы, — всетаки составляютъ высшія точки нашего личнаго существованія. Иной разъ этотъ обычный уровень очень удаленъ отъ вершинъ, и вотъ почему такъ часто первое впечатлѣніе при встрѣчѣ съ писателемъ — бываетъ легкое движеніе разочарованія: намъ трудно связать въ одно цѣлое наше идеальное представленіе съ реальною личностью.

Но бываютъ дорогія и рѣдкія исключенія, когда оба эти представленія совпадаютъ вполнѣ и нераздѣльно. Такимъ именно исключеніемъ былъ Глѣбъ Ивановичъ Успенскій.

Во второй половинѣ 80-хъ годовъ я жилъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, и среди моихъ близкихъ знакомыхъ былъ провинціальный писатель, который въ то время велъ литературный отдѣлъ въ одной изъ приволжскихъ газетъ. Всякій, кто жилъ уже сознательной жизнью въ то смутное и туманное время, помнитъ общій тонъ тогдашняго настроенія. У такъ называемой интеллигенціи начиналась съ „меньшимъ братомъ“ крупная ссора (о которой послѣдній, впрочемъ, по обыкновенію даже не зналъ). Хотя Успенскій никогда не идеализировалъ мужика, наоборотъ, съ большой горечью и силой говорилъ о „мужицкомъ свинствѣ“ и о распоясовской темнотѣ даже въ періодъ наибольшаго увлеченія „устоями“ и тайнами „народной правды“, тѣмъ не менѣе въ это время онъ всей силой своего огромнаго таланта продолжалъ призывать вниманіе общества ко всѣмъ вопросамъ народной жизни, со всѣми ея болящими противорѣчіями и во всей ея связи съ интеллигентною совѣстью и мыслью. Такъ что съ реакціей противъ мужика начиналась реакція и противъ Успенскаго: къ нему обращались запросы, упреки, письма. Въ одной изъ своихъ статей въ „Отеч. Запискахъ“ Глѣбъ Ивановичъ съ большимъ остроуміемъ отмѣчалъ и отражалъ это настроеніе при самомъ его возникновеніи. Онъ характеризовалъ его словами: „надо и намъ“. Что въ самомъ дѣлѣ: мужикъ заполонилъ всю литературу. Мужикъ да мужикъ, народъ да народъ. „*Мы* тоже хотимъ... Надо и намъ“... Нѣтъ сомнѣнія, что у этого настроенія были свои причины, пожалуй, далеко не безосновательныя. Еще недавно многіе, требовавшіе „и себѣ“ красоты, мечты, яркихъ красокъ или вниманія—не только не требовали этого, но даже, забывая о себѣ, отдавали все личное меньшему брату. Но жизнь, обманутыя ожиданія завели ихъ въ тупой переулокъ, изъ котораго какъ будто не было выхода... Началось *само*углубленіе, *само*усовершенствованіе, рѣшеніе вопросовъ изолированной личности, внѣ связи съ общественными вопросами, до тѣхъ поръ властно занимавшими умы и сердца. „Восемьдесятъ тысячъ верстъ вокругъ самого себя“—съ обычною мѣткостью характеризовалъ Глѣбъ Ивановичъ одну сторону этого настроенія. Огорченный и разочарованный, русскій интеллигентный человѣкъ углублялся въ себя, уходилъ въ культурные скиты или обиженно требовалъ „новой красоты“, становясь особенно капризнымъ относительно эстетики и формы.

Отчасти это настроеніе переживалъ и мой пріятель. Кромѣ того онъ былъ хорошо знакомъ съ иностранными литературами, относительно же русской въ его чтеніи были пробѣлы.

Въ томъ числѣ и Успенскаго въ цѣломъ онъ не зналъ и раздѣлялъ предубѣжденіе противъ его настойчивыхъ призывовъ „всетаки смотрѣть на мужика“.

Однажды онъ вошелъ въ мою гостиную, когда за чайнымъ столомъ, въ кружкѣ моей семьи и знакомыхъ, сидѣлъ Глѣбъ Ивановичъ, только что пріѣхавшій въ Нижній-Новгородъ. Онъ говорилъ о чемъ-то своимъ обычнымъ тономъ, въ которомъ проглядывала какая-то сдержанная, глубокая печаль, по временамъ вдругъ уступавшая мѣсто вспышкамъ особеннаго, только Успенскому присущаго, тихаго юмора. Я представилъ своего пріятеля. Успенскій всталъ, пожалъ ему руку, невнятно пробормоталъ свою фамилію и опять обратился къ занимавшей его темѣ, которая уже овладѣла вниманіемъ слушателей. Взглянувъ случайно на своего пріятеля, я замѣтилъ на его лицѣ напряженное вниманіе, смѣшанное съ чрезвычайнымъ изумленіемъ. Черезъ четверть часа онъ поднялся съ своего мѣста и, выйдя въ сосѣднюю комнату, поманилъ меня за собою.

— Кто это у васъ?—спросилъ онъ съ величайшимъ любопытствомъ.—Я не разслышалъ его фамиліи.

— А что? Почему вы спрашиваете такимъ тономъ?

— Это какой-то необыкновенный человѣкъ. Отъ него... вѣетъ геніальностью.

— Поздравляю васъ,—отвѣтилъ я, смѣясь,—вы познакомились съ Глѣбомъ Ивановичемъ Успенскимъ.

Послѣ этого, мой пріятель нѣсколько недѣль запоемъ изучалъ Успенскаго, все болѣе и болѣе увлекаясь, и въ приволжскихъ газетахъ появились статьи новаго страстнаго поклонника Глѣба Ивановича. Онъ былъ завоеванъ навсегда, и притомъ не писатель предрасположилъ его къ личности, а наоборотъ, необыкновенное обаяніе личности обратило скептика къ изученію произведеній писателя.

Глѣбъ Ивановичъ Успенскій не сказался въ своихъ произведеніяхъ со всею силой своей необыкновенной личности и своего таланта. Чистый образъ, тщательно выношенный въ душѣ и выплавленный изъ однороднаго художественнаго матеріала, вообще легче привлекаетъ вниманіе и живетъ дольше, чѣмъ та смѣсь образа и публицистики, посредствомъ которой работалъ Успенскій. Ему нужна была не красота, не цѣльность впечатлѣнія, не самый образъ. Съ лихорадочной страстностью среди обломковъ стараго онъ искалъ матеріаловъ для созиданія новой совѣсти, правилъ для новой жизни или хотя бы для новыхъ исканій этой жизни. То, что онъ предполагалъ извѣстнымъ, общимъ у себя и читателя, изъ-[illegible]

не останавливался для детальной отдѣлки, то отмѣчалъ только бѣглымъ штрихомъ, заполнялъ кое-какъ, лишь бы не оставить пустоты. Наоборотъ, то, что еще только мелькало впереди смутными очертаніями будущей правды, — за тѣмъ онъ гнался страстно и торопливо, не выжидая, пока оно самопроизвольно сложится въ душѣ въ ясный, самодовлѣющій образъ. Онъ пытался обрисовать его поскорѣе для насущныхъ надобностей данной исторической минуты тѣми словами, какія первыя приходили на умъ. Отъ этого онъ часто повторялся, все усиливая находимыя идеи, заставлялъ читателя переживать съ нимъ вмѣстѣ и его поиски, и его разочарованія, и всю подготовительную работу, пускалъ жильцовъ, когда у постройки еще не были убраны лѣса. Все это искупалось важностью и насущностью занимавшихъ Успенскаго вопросовъ, а общность настроеній писателя и его читателей заполняла пробѣлы въ этой торопливой работѣ. Теперь, когда настроеніе измѣнилось, пробѣлы выступаютъ яснѣе, и, въ цѣломъ, Успенскій становится „труденъ". Однако, всякій, кто не побоится лѣсовъ и видимаго безпорядка въ этой огромной работѣ—наткнется здѣсь и на замѣчательные образы, носящіе печать болѣе чѣмъ крупнаго таланта, и на глубокія, прямо „проникновенныя" мысли (напр., во „Власти земли", этой философіи и эпопеѣ земледѣльческаго труда)... Но особенно интересна во всемъ этомъ—самая личность автора, съ ея своеобразной глубиной, съ ея необыкновенной чуткостью къ вопросамъ совѣсти, съ ея смятеніемъ и болью...

И всякій, кто зналъ Успенскаго лично, кто помнитъ это обаяніе и значительность основного душевнаго тона, который сразу чувствовался во всякомъ словѣ, движеніи, взглядѣ задумчивыхъ глазъ, въ самомъ даже молчаніи Успенскаго, — согласится съ отзывомъ моего пріятеля: отъ этой своеобразной, единственной въ своемъ родѣ личности „вѣяло геніальностью"...

II.

Съ Глѣбомъ Ивановичемъ Успенскимъ я познакомился лично въ мартѣ или апрѣлѣ 1887 года.

Въ одну трудную эпоху моей жизни я получилъ отъ него черезъ третьи или четвертыя руки нѣсколько словъ привѣта и одобренія, по поводу моихъ первыхъ литературныхъ опытовъ. Это вниманіе любимаго писателя къ неизвѣстному и затерянному въ ссылкѣ молодому человѣку, и та заботливость, съ которой онъ старался переслать свой привѣтъ черезъ разныя посредствующія инстанціи,—меня глубоко тронули и за-

легли въ моей душѣ чувствомъ особой благодарности не только къ писателю, но и къ человѣку. Съ этимъ чувствомъ я подымался въ 5-й (кажется) этажъ большого дома на Васильевскомъ островѣ, гдѣ въ тѣ годы жилъ Успенскій. Въ то время портреты писателей не были такъ распространены, какъ теперь, и я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о наружности Успенскаго. Въ передней, куда я вошелъ, меня встрѣтилъ кто-то изъ молодежи, наполнявшей сосѣднія комнаты. Былъ, помнится, какой-то семейный праздникъ, въ квартирѣ было весело и шумно. Надъ семьей тогда не чувствовалось еще приближеніе грозы, которая уже готовилась въ близкомъ будущемъ, и молодежь беззаботно веселилась, наполняя шумомъ всю квартиру. Я назвалъ свою фамилію и черезъ нѣсколько минутъ очутился въ объятіяхъ человѣка, котораго въ первое время не успѣлъ хорошенько разсмотрѣть. Только когда онъ отодвинулся, чтобы взглянуть мнѣ въ лицо, я увидѣлъ въ первый разъ его удивительные глаза, широко разставленные и глубокіе. Въ нихъ было что-то ласковое и печальное въ то же время; лицо показалось мнѣ усталымъ. Помню, однако, что оно какъ-то сразу, безъ всякаго промежуточнаго впечатлѣнія и разлада, — слилось со всѣмъ лучшимъ, что отлагалось въ душѣ отъ его произведеній. Мнѣ казалось только, что лицо и взглядъ автора „Будки", „Разоренья" и столькихъ картинъ, полныхъ яркаго и своеобразнаго юмора — должны бы быть нѣсколько веселѣе. Однако, я чувствовалъ, что отъ этого оно не стало бы лучше, чѣмъ съ этой грустью, сосредоточенной, вдумчивой и какъ будто бы давно отложившейся на самомъ днѣ этой глубокой души.

Наскоро познакомивъ со своей семьей, Глѣбъ Ивановичъ увелъ меня въ свою маленькую рабочую комнатку налѣво отъ входа. Усадивъ меня, онъ сѣлъ самъ и закурилъ папиросу. Первую минуту оба мы молчали, но отъ этого молчанія мнѣ совсѣмъ не было неловко. Наоборотъ, съ первой же минуты я почувствовалъ себя близкимъ къ этому человѣку съ печальными глазами и ласковой улыбкой, какъ будто мы были давно знакомы. Онъ курилъ и прислушивался къ веселому шуму молодежи, доносившемуся изъ сосѣднихъ комнатъ. Когда взрывы веселья становились особенно ярки, лицо Глѣба Ивановича какъ-то внезапно свѣтлѣло, и онъ глядѣлъ на меня смягченнымъ взглядомъ, будто приглашая принять участіе въ этой общей радости. Потомъ, какъ бы продолжая давно начатый разговоръ, онъ разсказалъ мнѣ о своихъ дѣтяхъ, объ ихъ характерахъ и о причинѣ семейнаго праздника.

Подробностей этого перваго разговора я почему-то не

помню такъ ясно, какъ запомнились мнѣ впослѣдствіи многія другія наши бесѣды. Помню только, что уже въ серединѣ вечера разговоръ коснулся Достоевскаго.

— Вы его любите? — спросилъ Глѣбъ Ивановичъ.

Я отвѣтилъ, что не люблю, но нѣкоторыя вещи его, напримѣръ, „Преступленіе и наказаніе", перечитываю съ величайшимъ интересомъ.

— Перечитываете? — переспросилъ меня Успенскій съ удивленіемъ и потомъ, слѣдя за дымомъ папиросы своими задумчивыми глазами, сказалъ:

— А я не могу... Знаете ли... у меня особенное ощущеніе... Иногда ѣдешь въ поѣздѣ... И задремлешь... И вдругъ чувствуешь, что господинъ, сидѣвшій противъ тебя... самый обыкновенный господинъ... даже съ добрымъ лицомъ... И вдругъ тянется къ тебѣ рукой... и прямо... пррямо за горло хочетъ схватить... или что-то сдѣлать надъ тобой... И не можешь никакъ двинуться.

Онъ говорилъ это такъ выразительно и такъ глядѣлъ своими большими глазами, что я, какъ бы подъ внушеніемъ, самъ почувствовалъ легкое вѣяніе этого кошмара и долженъ былъ согласиться, что это описаніе очень близко къ ощущенію, которое испытываешь порой при чтеніи Достоевскаго.

— А всетаки, есть много правды, —возразилъ я.

— Правды?..

Глѣбъ Ивановичъ задумался и потомъ, указывая двумя пальцами въ тѣсное пространство между открытой дверью кабинета и стѣной, — сказалъ:

— Посмотрите вотъ сюда... Много ли тутъ за дверью уставится?

— Конечно, немного, — отвѣтилъ я, еще не понимая этого перехода мысли.

— Пара калошъ...

— Пожалуй.

— Положительно: пара калошъ. Ничего больше...

И вдругъ, повернувшись ко мнѣ лицомъ и оживляясь, онъ докончилъ:

— А онъ сюда столько набьетъ... человѣческаго страданія, горя... подлости человѣческой... что прямо на четыре каменныхъ дома хватитъ.

Я невольно улыбнулся. Впослѣдствіи мнѣ пришлось не разъ встрѣчаться съ этимъ изумительнымъ умѣніемъ Успенскаго — двумя-тремя словами, комбинаціей первыхъ попавшихся на глаза предметовъ, — объяснять и иллюстрировать сложныя явленія, для которыхъ другимъ нужны длинныя

разсужденія и множество словъ... Его сужденія всегда бывали кратки, образны, били въ самую сущность явленія и часто освѣщали его съ неожиданной стороны. И никогда въ нихъ не было того легкаго остроумія, въ которомъ чувствуется равнодушіе къ предмету и безразличная игра ума. До сихъ поръ я помню выраженіе лица, съ какимъ онъ произносилъ эти слова: „страданіе“, „горе“, „подлость человѣческая“ — въ приведенномъ отзывѣ о Достоевскомъ. Для него это не были простыя понятія: каждое изъ нихъ отражалось болью на его выразительномъ лицѣ...

Можетъ быть, въ этой особенной чуткости сказывалась уже близкая болѣзнь... Но въ то время мнѣ это не приходило въ голову, тѣмъ болѣе, что и эта печаль, и эта чуткость сливались въ цѣльный образъ, слишкомъ привлекательный, чтобы казаться болѣзненнымъ. Во время разговора онъ страшно много курилъ, и здѣсь опять у него былъ свой особенный, оригинальный пріемъ: докуривъ папироску до половины, онъ вынималъ изъ нея своими тонкими, нервными пальцами картонный мундштукъ и какъ-то особенно ловко надѣвалъ недокуренную папиросу на другую, новую. Съ этой послѣдней черезъ нѣкоторое время онъ продѣлывалъ то же самое, и такимъ образомъ его папироса не уменьшалась, а наоборотъ, достигала иногда необычайныхъ размѣровъ...

Впослѣдствіи много разъ приходилось мнѣ проводить время съ Глѣбомъ Ивановичемъ, и почти всегда при этомъ я видѣлъ у него во рту эту длинную составную папиросу, которую онъ все дополнялъ съ привычной ловкостью. Нерѣдко также около него стояла бутылка вина или пива... Очень можетъ быть, даже навѣрное, что и это неумѣренное куренье, и вино оказали свое вредное вліяніе и ускорили наступленіе болѣзни. Но меня всегда коробитъ и оскорбляетъ, когда я слышу или читаю объ алкоголизмѣ или „обычномъ порокѣ талантливыхъ людей“ въ примѣненіи къ Глѣбу Ивановичу Успенскому. Я лично пьянымъ его никогда не видѣлъ... Мнѣ кажется, что у него не было любви ни къ вину, ни къ вызываемому виномъ измѣненію личности. Да такого измѣненія и не было: онъ оставался все тѣмъ же, съ тѣмъ же грустно-задумчивымъ взглядомъ и той же улыбкой... Вообще, когда теперь я вспоминаю эту папиросу и вино и то, что я безъ привычки тоже курилъ и пилъ въ присутствіи Глѣба Ивановича, и что ни куренье, ни табакъ не оказывали на меня никакого дѣйствія, — то мнѣ кажется, что это было какое-то ровное, безпрестанное и чрезвычайно интенсивное горѣніе мозга и нервовъ, заразительное, вовлекавшее тотчасъ же и

другихъ въ свою сферу. И въ этомъ горѣніи совершенно утопало впечатлѣніе наркотиковъ. Это были просто капли, шипѣвшія на раскаленной плитѣ. Но плита раскалялась не ими...

Разговоръ Успенскаго тоже былъ совершенно особенный. Разсказывая что-нибудь, онъ глядѣлъ на собесѣдника своимъ глубокимъ, мерцающимъ взглядомъ, говорилъ тихо, какъ будто сквозь слетка сжатые зубы и при этомъ жестикулировалъ какъ-то особенно, то и дѣло прикладывая два пальца къ груди, какъ будто указывая на какую-то боль, которую онъ чувствовалъ отъ собственныхъ разсказовъ гдѣ-то въ области сердца. Его рѣчь была отрывиста, безъ закругленныхъ періодовъ, полная причудливыхъ изгибовъ и неожиданныхъ опредѣленій, часто вспыхивала своеобразнымъ юморомъ. И никогда она не производила впечатлѣнія простой болтовни на досугѣ, среди которой такъ хорошо иногда отдохнуть отъ работы и отъ мыслей. Его молчаніе было отмѣчено тѣми же чертами, какъ и его разговоръ. Въ его отрывистыхъ замѣчаніяхъ и въ его молчаніи чувствовалась какая-то неразрывная связь. Въ одномъ изъ своихъ очерковъ онъ говоритъ, что иногда можно „молчать о многомъ". Дѣйствительно, бываютъ разговоры, въ которыхъ содержанія меньше, чѣмъ въ полномъ молчаніи, и бываетъ молчаніе, въ которомъ ходъ мысли чувствуется яснѣе, чѣмъ въ иномъ, даже умномъ разговорѣ. Такое именно значительное молчаніе чувствовалось въ паузахъ Успенскаго. Его рѣчь и его паузы продолжали другъ друга. Мысль его шла, какъ рѣка, которая то течетъ на поверхности, то исчезаетъ подъ землею, чтобы черезъ нѣкоторое время опять сверкнуть уже въ другомъ мѣстѣ. Разъ вслушавшись въ основное содержаніе занимавшей его мысли, вы уже были во власти этого теченія, во время самыхъ паузъ уже чувствовали это „молчаніе объ многомъ" и невольно ждали, гдѣ эта неотдыхающая мысль опять сверкнетъ на поверхности какимъ-нибудь неожиданнымъ поворотомъ, образомъ, картиной, иногда въ одной короткой фразѣ или даже въ одномъ только словѣ.

Я думаю, что эта манера молчать такъ же утомительна, какъ и напряженная работа. А между тѣмъ, это было нормальное состояніе Успенскаго, по крайней мѣрѣ въ томъ періодѣ его жизни, когда я зналъ его. Для него почти не существовало тѣхъ минутъ полнаго безразличія организма, когда въ немъ совершаются, не задѣвая сознанія, одни только растительные, возстановляющіе процессы. Нѣкоторыя „житія" рисуютъ намъ подвижниковъ, никогда не разстававшихся съ молитвой, ко-

торая входила даже въ ихъ забытье и сонъ. Совершенно также нѣкоторые вопросы совѣсти и мысли никогда не засыпали въ Успенскомъ. И это-то, я думаю, придавало такую выдѣляющую значительность его лицу, его словамъ, его взгляду, самому его молчанію...

Но это же и сжигало его неустаннымъ огнемъ...

Все это, разумѣется, сложилось для меня въ полное, сознательное впечатлѣніе только впослѣдствіи, при ближайшемъ знакомствѣ съ Успенскимъ, и даже продолжаетъ выясняться теперь, когда я вглядываюсь въ свои воспоминанія. Помню, однако, что въ этотъ первый вечеръ, выйдя на пустынную линію Васильевскаго острова, я очень удивился, взглянувъ на часы, — какъ уже поздно и какъ скоро прошло время. И я долго шелъ пѣшкомъ, останавливаясь то на набережной, то на мосту, и ловилъ себя на этихъ невольныхъ остановкахъ, во время которыхъ, глядя на Неву, на дома, на ночное небо, я въ сущности былъ занятъ только переполнявшимъ меня впечатлѣніемъ отъ этой своеобразной личности, съ ея совершенно особеннымъ душевнымъ складомъ, значительнымъ, глубокимъ и обаятельнымъ.

III.

Въ послѣдующіе годы мы встрѣчались много разъ то въ Петербургѣ (во время моихъ пріѣздовъ), то въ Москвѣ, а затѣмъ нѣсколько разъ онъ гостилъ у насъ въ Нижнемъ. Одно изъ этихъ посѣщеній осталось въ моей памяти съ особенной ясностью, можетъ быть оттого, что нѣкоторыя поразившія меня черточки я тогда же, подъ первымъ впечатлѣніемъ, набросалъ въ своей записной книжкѣ, а можетъ быть и потому еще, что отъ него осталось воспоминаніе, еще не омраченное тѣнью роковой болѣзни.

Это было въ 1887 году, если не ошибаюсь, въ концѣ іюля или началѣ августа. Пріѣхалъ Успенскій въ Нижній-Новгородъ среди чудесныхъ дней ранней осени, ласковыхъ и теплыхъ. Въ первыя минуты онъ показался мнѣ какъ-то особенно веселымъ, радостнымъ, оживленнымъ. Отдѣлавшись отъ срочной работы, онъ пріѣхалъ на пароходѣ и на слѣдующій день собирался ѣхать дальше, внизъ по Волгѣ. Въ планъ его поѣздки входили: Казань, Симбирскъ, Самара, Саратовъ, Царицынъ. Изъ Царицына онъ долженъ былъ проѣхать въ Калачъ, на Донъ, и затѣмъ куда-то по желѣзнымъ дорогамъ, съ намѣченными остановками. Онъ чувствовалъ себя отлично, и отъ него вѣяло свѣжестью и впечатлѣніями Волги.

Однако, у него никогда не было такого времени, когда бы

онъ былъ совершенно свободенъ отъ какой-нибудь „господствующей идеи“, служившей центромъ его настроенія. И, дѣйствительно, послѣ первыхъ радостныхъ привѣтствій онъ посмотрѣлъ на меня своими выразительными глазами, съ притаившейся въ нихъ тревожной печалью, и спросилъ:

— Читали вы лекцію г-жи XX?

Я лекціи не читалъ, но встрѣчалъ кое-что объ ней въ газетахъ. Это было время сильнаго увлеченія теоріями Ломброзо и антропологической школы. Лекція была первоначально прочитана, кажется, въ пользу высшихъ женскихъ курсовъ, женщиной-врачомъ и касалась средняго типа проститутки. Лекторша, на основаніи ряда изслѣдованій, приходила къ заключенію, что „типъ этихъ женщинъ“—ниже средняго женскаго. Между прочимъ, Глѣба Ивановича остановила одна подробность: оказалось, что нижняя челюсть проститутки выступаетъ на какіе-то полтора миллиметра больше, чѣмъ у средней добродѣтельной женщины.

Вся эта физіолого-анатомическая статистика, въ которой утопаетъ столько живого, личнаго, индивидуальнаго горя, страданія и позора, это разсѣченіе живого и болящаго явленія на предопредѣляющія особенности физіолого-анатомическаго свойства глубоко оскорбили Глѣба Ивановича и приводили его въ негодованіе. Онъ зналъ „жертвы“ и притомъ именно жертвы общественныхъ условій и „общественнаго неустройства“. А здѣсь выдвигался „низшій типъ“, осужденный фатально несовершенствами собственной организаціи. Центръ тяжести всей вины, тревожившей совѣсть и взывавшей къ справедливости, переносился изъ отвѣтственной соціальной среды въ фатальныя условія природныхъ предопредѣленій. То обстоятельство, что лекцію читала женщина-врачъ въ пользу высшихъ женскихъ курсовъ, передъ аудиторіей, въ значительной части состоявшей изъ курсистокъ, которыя проводили лекторшу аплодисментами,—особенно огорчило Успенскаго. Въ его чуткомъ воображеніи за этой статистикой всталъ коллективный образъ интеллигентной женщины, пробивающей себѣ дорогу къ знанію и свѣту, а за нимъ—тысячи помраченныхъ существованій. И ему показалось, что добродѣтельная женщина съ холоднымъ пренебреженіемъ закрываетъ глаза на горе своей погибающей сестры, слишкомъ легко принимая теорію „низшаго типа“.

Я, повторяю, не читалъ самой лекціи (напечатанной, кажется, въ какомъ-то журналѣ), но попробовалъ-было заступиться за цифры, допуская, что въ массѣ гибнущихъ есть и „жертвы органическихъ предрасположеній“, ослабляющихъ

устойчивость въ жизненной борьбѣ. Этотъ контингентъ можетъ вліять на средній выводъ, не устраняя вопроса о вліяніи соціальнаго неустройства въ огромномъ большинствѣ остальныхъ случаевъ. Весь вопросъ—въ перспективѣ и выдѣленіи факторовъ общественныхъ отъ чисто антропологическихъ.

Глѣбъ Ивановичъ сначала смотрѣлъ на меня съ печальнымъ недоумѣніемъ и укоромъ, а затѣмъ, дослушавъ, сказалъ:

— Ну, вотъ-вотъ! Такъ гдѣ-же оно, самое-то главное. Въ челюсти-то оно развѣ выражено? Нѣтъ, не защищайте, Владиміръ Галактіоновичъ: есть оно, это бездушіе особенное... женское... добродѣтельное!... Челюсть и больше ничего! Полтора миллиметра и кончено!..

И, сразу обидѣвшись за „недобродѣтельную" сестру, онъ сталъ безпощаденъ къ добродѣтельной. По обыкновенію съ паузами, со своимъ особеннымъ молчаніемъ „все о томъ-же предметѣ", онъ сталъ прослѣживать примѣры „женскаго бездушія", иной разъ удивляя насъ кажущейся неожиданностью и какъ бы безсвязностью своихъ вылазокъ.

— Вотъ теперь въ (такомъ-то журналѣ) мочалка пойдетъ...— сказалъ онъ, вдругъ улыбнувшись.—Приходитъ въ редакцію господинъ... Мрачный... Грива діаконская... подъ мышкой рукопись... „Вотъ о производствѣ мочалокъ! Въ N-ской волости, такой-то губерніи"...—То-есть, позвольте... какихъ мочалокъ?— „А просто: мочалка! Которая въ банѣ... или, напримѣръ, рогожа"...—„Ахъ, вотъ что! Скажите пожалуйста: Ма-а-чалка! Въ N-ской волости... Непремѣнно, непре-мѣнно напечатаемъ! Мочалка!.. Ахъ, какъ интересно".

Всѣ мы хохотали надъ этой маленькой жанровой картинкой, хотя не понимали еще, какая связь между мочалкой и лекціей... Но вдругъ онъ замолкъ, посмотрѣлъ на насъ печальными глазами и, съ особенной силой прижимая два пальца правой руки къ лѣвому лацкану пиджака,—закончилъ внезапно измѣнившимся тономъ:

— Да, вотъ: мочалка! А заступиться за женщинъ... за несчастныхъ... за погибающихъ... Этого вотъ нѣтъ! Помилуйте: у нея вотъ челюсть на полтора миллиметра... Что тутъ подѣлаешь... Нѣ-ѣтъ! Сдѣлайте одолженіе: вымѣряйте получше. Можетъ, у нея челюсть-то поаккуратнѣе вашей...

И онъ продолжалъ развивать эту тему, своей обычной отрывистой рѣчью, съ паузами и неожиданными вспышками юмора. За женщиной-редакторомъ послѣдовали женщины-писательницы. Глѣбъ Ивановичъ находилъ, что и онѣ повинны въ пренебреженіи и холодности къ этому чисто-женскому вопросу...

— Онъ и она... при лунѣ... Любовь... На это вотъ мастерицы: чай влюбленная героиня разливаетъ, такъ у нея любовь-то эта... даже въ носкѣ чайника... такъ вотъ и вьется... Или вотъ у другой: ребеночекъ умираетъ... Такъ она обои, на которые онъ смотрѣлъ,—взяла и выдрала. Понимаете: *свой* ребеночекъ-то смотрѣлъ. Святыня!.. А вотъ у кого ни ребеночка, никого нѣтъ! Почему о нихъ не напишутъ? Кому бы, кажется, за свою-то сестру заступиться... Написать всю правду... до конца!.. А не полтора миллиметра!..

Онъ опять помолчалъ и, грустно покачивая головой, прибавилъ:

— И аплодируютъ... Молодыя, хорошія... счастливыя...

Глаза его становились все глубже, печальнѣе, веселье начинало исчезать, папироса все вырастала и вырастала...

Послѣ обѣда мы рѣшили отправиться на такъ называемый въ Нижнемъ „откосъ". Я надѣялся, что эта прогулка, чудесный день и волжскіе пейзажи разсѣютъ Глѣба Ивановича и вернутъ ему то радостное оживленіе, съ какимъ онъ къ намъ явился въ первыя минуты послѣ пріѣзда. Нѣсколько знакомыхъ отправились впередъ, а я съ Успенскимъ—за ними на извозчикѣ. Въ одной изъ улицъ верхняго города (значительно пустѣющаго во время ярмарки) навстрѣчу намъ, заполняя всю улицу стукомъ копытъ и шуршаніемъ скачущихъ по мостовой резиновыхъ шинъ, промчалась коляска, въ которой развалясь сидѣлъ молодой купецъ. У него было круглое, какъ луна, красное лицо, лоснящіяся, русыя кудри лѣзли изъ-подъ блестящаго, узкаго цилиндра...

Глѣбъ Ивановичъ, до сихъ поръ молчавшій, повернулся въ сидѣніи и проводилъ его внимательнымъ изучающимъ взглядомъ.

— Видѣли?—спросилъ онъ.—Ну, что скажете?

— Да, фигура,—отвѣтилъ я, не понявъ вопроса.

— Нѣтъ... Этакой вотъ господинъ захочетъ вдругъ себѣ удовольствія... Какъ вы думаете,—скажетъ онъ: подавай мнѣ, чтобы именно челюсть на полтора миллиметра?..

Я невольно засмѣялся, а Успенскій со своимъ печально сосредоточеннымъ видомъ закончилъ:

— Нѣтъ... Никакихъ денегъ не пожалѣетъ, сотню подлаго народа на поиски разошлетъ, а ужъ достанетъ... И чтобы все какъ можно лучше... чтобы и челюсть въ самую пропорцію...

И онъ опять замолчалъ, но теперь я уже чувствовалъ, что это молчаніе заполнено все тѣмъ же волнующимъ его вопросомъ о падшихъ и о виновныхъ въ этомъ паденіи.

Нижегородскій „откосъ", на высокомъ берегу, надъ Волгой

воспѣтъ и прозой, и стихами въ тысячахъ фельетоновъ и даже въ серьезныхъ повѣстяхъ и разсказахъ. Дѣйствительно, видъ съ этого горнаго обрѣза на заволжскіе луга, на мрѣющее въ золотѣ заката сліяніе двухъ рѣкъ, на тихо рокочущую далеко на „стрѣлкѣ“ ярмарку—способенъ захватить въ свои бездумныя, ласкающія объятія самаго угрюмаго человѣка. Мы ходили по аллеямъ, садились на скамейки, любовались видами, болтали и смѣялись, а черезъ полчаса усѣлись на полукруглой площадкѣ у ресторана.

Подъ нами разстилались, уходя внизъ, зеленыя вершины липъ. Между зеленью вѣтвей, въ промежуткахъ сверкала далеко внизу рѣка, проходили баржи и пароходы... Цѣлые часы можно было бы просидѣть здѣсь, ни о чемъ не думая, даже ничего въ особенности не выдѣляя въ сознаніи, а только глядя на это небо, на эти синѣющія дали, на рѣку, залитую косыми лучами солнца и прислушиваясь къ ласковому вѣянію вѣтра, доносившаго снизу смягченный шумъ людской суеты...

— Ну, вотъ и посмотрите,—услышалъ я голосъ сидѣвшаго рядомъ Глѣба Ивановича:—ну, вотъ тамъ, на балконѣ... Какіе-же тутъ полтора миллиметра?..

Я оглянулся по направленію его взгляда и увидѣлъ вверху, на балкончикѣ ресторана женскую фигуру. Это была красивая брюнетка кавказскаго типа, съ широкими бровями и огромными черными глазами. Еще довольно свѣжее лицо выдѣлялось своей бѣлизной на фонѣ синевато-черныхъ волосъ.

Въ этомъ ресторанѣ пѣлъ хоръ пѣвицъ, начиная послѣ обѣда и до глубокой ночи. Это была наемная регентша хора, молодая грузинка или осетинка. Было еще рано, посѣтителей было мало, и дѣвушки бродили по дорожкамъ, а регентша задумчиво смотрѣла вдаль, отдаваясь этой минутѣ отдыха и покоя подъ ласкающимъ вѣтромъ, шевелившимъ завитки ея буйныхъ волосъ.

Глѣбъ Ивановичъ смотрѣлъ на нее и на его лицѣ рисовалась глубокая симпатія.

— Да, вотъ вамъ и полтора миллиметра,—говорилъ онъ съ укоромъ,—подите вотъ... Разспросите ее: какъ она сюда попала... А челюсть-то, сдѣлайте одолженіе: поаккуратнѣе многихъ...

Въ это время дѣвушка съ балкона кинула случайно взглядъ на нашу группу и очевидно замѣтила, что мы на нее смотримъ и говоримъ о ней. Для нея это было сигналомъ „начала работы“. Она еще разъ, какъ будто съ сожалѣніемъ, посмотрѣла на далекіе луга и, принявъ профессіонально-ласковое выраженіе лица, обратилась къ намъ съ приглашеніемъ войти внутрь ресторана и послушать пѣніе.

Живя въ Нижнемъ, я много разъ бывалъ и на откосѣ, слушалъ „пѣвицъ“ и на ярмаркѣ, въ первоклассныхъ гостиницахъ, и въ самыхъ ужасныхъ вертепахъ. Компаніи, съ которыми мнѣ пришлось посѣщать эти мѣста, тоже бывали разнообразныя: но впечатлѣнія всетаки походили другъ на друга: всегда оставался какой-то осадокъ, непріятный и тяжелый. Только этотъ случай, когда я слушалъ ресторанныхъ „пѣвицъ“ съ Глѣбомъ Ивановичемъ, оставилъ во мнѣ совершенно особенное впечатлѣніе, такъ какъ, повторяю, человѣкъ этотъ былъ тоже совершенно особенный...

Мы поднялись наверхъ. Въ небольшой комнаткѣ ресторана, съ досчатыми подмостками для хора, стоялъ рояль. По зову регентши, дѣвушки входили изъ сада и со скучающимъ видомъ подымались на эстраду... Потомъ спѣли какую-то пѣсню... Вяло лѣниво. Потомъ подошли со сборомъ „на ноты“...

Однако, скоро это совершенно измѣнилось. Молодая осетинка, которая приняла наше приглашеніе присѣсть къ столу, повидимому инстинктивно угадала, кто служитъ центромъ нашей, не совсѣмъ, быть можетъ, обычной въ ресторанѣ компаніи... И, когда подошелъ слѣдующій номеръ, — она установила свой хоръ на эстрадѣ, но сама вышла впередъ и совершенно неожиданно запѣла одна, подъ аккомпаниментъ рояля, очень красивымъ задушевнымъ контральто:

„Не говори, что молодость сгубила“...

Я пишу свои воспоминанія, ничего въ нихъ не прибавляя, а только возстановляя то что было, и нѣсколько человѣкъ, бывшихъ съ нами въ то время, безъ сомнѣнія, помнятъ еще этотъ маленькій эпизодъ. Я не знаю, чему приписать эту „отгадку“ молодой пѣвицы, такъ какъ до тѣхъ поръ у насъ шелъ самый обыденный разговоръ, полушуточный и легкій. Однако, она именно угадала, что лучше всего спѣть въ данную минуту, и, стоя на эстрадѣ, глядѣла на Успенскаго, какъ бы назначая именно ему свою пѣсню. Пѣла она хорошо и съ чувствомъ...

Глѣбъ Ивановичъ былъ глубоко растроганъ, сидѣлъ, опустивъ голову, и по временамъ шепталъ, полуоборачиваясь къ сосѣду:

— Д-да... да. Боленъ Некрасовъ. Умираетъ... Скоро... „холодный мракъ могилы“... „Не говори, что молодость сгубила“... Да, да... вотъ именно такъ.

Въ это время, пока пѣвица вела къ концу свой романсъ, увлекая насъ и, повидимому, увлекаясь сама, — снизу, изъ люка съ лѣсенкой, которая вела въ этотъ залъ съ нижней

веранды, появилась плотная, пьяная фигура. Какой-то ярмарочный посѣтитель, закутившій „на Стрѣлкѣ“ и пріѣхавшій докучивать на откосъ, въ сѣромъ пальто, съ котелкомъ на затылкѣ, хмѣльной и довольно безобразный, поднялся, привлеченный пѣніемъ, и сталъ прямо между нами и эстрадой. Широкая фигура съ разставленными ногами и палкой въ рукахъ совершенно закрыла пѣвицу. Онъ былъ видимо недоволенъ выборомъ пѣсни и только что отпустилъ какую-то пошлость, какъ Успенскій протянулъ свою палку и тронулъ его концомъ въ плечо.

Это было такъ неожиданно, что я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Глѣба Ивановича и не могъ не улыбнуться. На его лицѣ не было ни гнѣва, ни возбужденія, а только легкая досада и желаніе устранить препятствіе, мѣшавшее ему спокойно слушать. Такъ мы устраняемъ съ дороги не на мѣстѣ усѣвшуюся собаку, кошку или даже просто какой-нибудь обрубокъ. Разумѣется, пьяный господинъ не могъ на это смотрѣть такъ же философски. Онъ повернулъ къ намъ свое разъяренное лицо, и, вѣроятно, романсъ закончился бы большимъ шумомъ, если бы, къ счастью, находчивый Н. Ѳ. Анненскій не подошелъ къ освирѣпѣвшему посѣтителю и, весело и добродушно говоря что-то, отвелъ его въ сторону. Озадаченный и сбитый съ толку посѣтитель попалъ затѣмъ въ руки официантовъ, которые усадили его за столъ, а Глѣбъ Ивановичъ дослушивалъ послѣдніе звуки романса, какъ будто даже не замѣтивъ всего этого эпизода...

Когда послѣ этого одна изъ пѣвицъ опять подошла „съ нотами“, Глѣбъ Ивановичъ вынулъ изъ праваго кармана своего сѣраго пальто бумажку и положилъ ее, не глядя. При слѣдующемъ номерѣ повторилось то-же. Деньги онъ вынималъ, какъ спички для закуриванія папиросы или предметъ совершенно неинтересный и нестоющій вниманія. Я пробовалъ указать ему, что, въ сущности, онъ даетъ не пѣвицамъ и что все это поступитъ не *хору*, а только хищницѣ-хозяйкѣ. Молодая осетинка, сидѣвшая по нашему приглашенію за столомъ, оглянулась и тихо, чуть слышно, сказала: „да, хозяйкѣ... мы на жалованьи“... Но это на Глѣба Ивановича не оказало задерживающаго дѣйствія. Онъ такъ же, не глядя, механически вынималъ деньги и клалъ ихъ „на ноты“. Когда одинъ разъ я захотѣлъ остановить его, указавъ, что мы уже положили и что этого достаточно, — онъ посмотрѣлъ на меня съ выраженіемъ укора и легкой досады и опять вынулъ наудачу то, что первое попалось подъ руку.

Видно было, что, и слушая, и внимательно глядя на пѣ-

вицъ, и вынимая бумажку, — онъ занятъ какимъ-то однимъ предметомъ, отъ котораго какъ будто и не хочетъ, и не можетъ отвлечься для такихъ пустяковъ, какъ деньги и ихъ значеніе...

Послѣ этого я уже не останавливалъ его. Мы просидѣли до заката солнца, потомъ, попрощавшись съ пѣвицами, вышли въ аллеи сада.

Здѣсь насъ ждалъ новый маленькій эпизодъ. Въ то время, когда мы сидѣли еще на площадкѣ снаружи, къ намъ подходилъ маленькій итальянецъ съ какимъ-то инструментомъ въ родѣ гармоніи. На немъ была остроконечная черная шляпа, изъ-подъ которой выразительно глядѣли большіе черные глаза. Игралъ онъ недурно, просилъ глазами еще лучше и, повидимому отчасти благодаря нашей компаніи, сдѣлалъ необычный сборъ. Въ виду этого онъ позволилъ себѣ нѣкоторую роскошь: подойдя къ деревянному кіоску на видной аллеѣ, важно усѣлся на стулъ, положилъ у ногъ калабрійскую шляпу и гармонію и потребовалъ себѣ стаканъ мороженаго.

Случилось, что въ это время злой рокъ привелъ въ садъ его старшую сестру-нищенку, хромую дѣвушку лѣтъ 18—20, на костыляхъ. У нея было такое же смуглое лицо, такіе же черные волосы и такіе же выразительные глаза. Только лицо было болѣзненное, а глаза злые. Она быстро ковыляла по аллеѣ на своемъ костылѣ и, такъ какъ мы подымались по дорожкѣ къ этому кіоску, то маленькая драма завершилась на нашихъ глазахъ: разъяренная дѣвушка схватила безпечнаго музыканта за ухо какъ разъ въ то время, когда онъ подносилъ ко рту ложечку съ мороженымъ.

Вышла маленькая жанровая сценка въ очень красивой обстановкѣ и, въ сущности, очень благодарная для художника. Есть такіе счастливые художники-олимпійцы, которые даже въ самой казни видятъ благодарную „натуру“. Глѣбъ Ивановичъ по своему темпераменту находился на противоположномъ полюсѣ. Въ своей автобіографіи онъ пишетъ, что былъ въ Парижѣ послѣ коммуны и видѣлъ, „какъ приговаривали къ смерти сапожниковъ и каменьщиковъ“. Но онъ сравнительно мало останавливался на этихъ картинахъ и, я думаю, это не случайно: онѣ подавляли его, онъ не могъ овладѣть ими, потому что его мозгъ и его нервы не вмѣщали всего ихъ ужаса. Хорошо это для художника или дурно, — я здѣсь этого вопроса не касаюсь: по отношенію къ Успенскому это былъ фактъ, входившій однимъ изъ составныхъ элементовъ его личности. И теперь, при видѣ этого небольшого конфликта между братомъ и сестрой, пока мы еще успѣли вникнуть въ

смыслъ разыгравшейся передъ нами сценки,—Глѣбъ Ивановичъ съ страдающимъ и искаженнымъ лицомъ кинулся къ дѣвушкѣ и схватилъ ее за руку.

— Что ты дѣлаешь... За что ты его бьешь?.. Какая ты скверная,—говорилъ онъ, сжимая руку озадаченной немезиды своей нервной рукой. Та невольно разжала пальцы, и молодой кутила, вырвавшись, стрѣлой сбѣжалъ съ небольшого откоса на нижнюю дорожку. Тамъ онъ остановился безъ шляпы и гармоніи и, чувствуя себя сравнительно въ безопасности, наблюдалъ происходящее своими темными, какъ черносливъ, простодушными глазами.

Дѣвушка, сначала испуганная, скоро, однако, оправилась и, всхлипывая и грозя брату кулакомъ, стала разсказывать намъ о его ужасномъ преступленіи и о причинахъ своего гнѣва. И вотъ, благодаря вмѣшательству Глѣба Ивановича, въ этомъ прелестномъ уголкѣ, гдѣ для насъ все было отдыхомъ, радостью и весельемъ,—передъ нашими глазами вдругъ развернулась, вмѣсто комическаго интермеццо, цѣлая драма. Оказалось, что въ Нижній, на ярмарку пріѣхала семья итальянцевъ. Отецъ былъ музыкантъ, мать—пѣвица, маленькій сынъ—гармонистъ, вообще, кажется, вся семья готовилась исполнять на ярмаркѣ что-то увеселительное. Но вдругъ отецъ заболѣлъ, и теперь лежалъ въ какомъ-то вертепѣ Милліонной улицы, разстилавшейся внизу, подъ нашими ногами. Мать не могла оставить больного и маленькихъ дѣтей. Въ качествѣ кормильцевъ оставались только—знакомый намъ гармонистъ и она—хромая-нищенка. Но ей подаютъ мало, хоть она ходитъ цѣлые дни, несмотря на больную ногу... Онъ долженъ бы играть и играть, чтобы собрать побольше денегъ... А онъ ѣстъ мороженое въ то время, какъ у родныхъ нѣтъ куска хлѣба для маленькихъ дѣтей...

И она опять заплакала и погрозила кулакомъ злополучному кутилѣ, все еще державшемуся въ почтительномъ отдаленіи. Мы постарались ее успокоить, кидая въ поднятую ею шляпу мальчика серебряныя деньги. Глѣбъ Ивановичъ сунулъ руку въ карманъ пальто, вынулъ оставшуюся тамъ единственную пятирублевку и подалъ ее удивленной дѣвушкѣ. Потомъ полѣзъ въ другой карманъ, пошарилъ тамъ, но въ карманѣ уже ничего не было. Тогда, съ нѣсколько растеряннымъ видомъ, онъ повернулся и очутился лицомъ къ лицу съ незнакомой дамой, съ пышнымъ бюстомъ и въ роскошной шелковой накидкѣ. Она и еще два-три любопытныхъ фланера были привлечены маленькой трагикомедіей и неожиданнымъ вмѣшательствомъ страннаго господина. Успенскаго, повиди-

мому, нимало не смутило то обстоятельство, что передъ нимъ очутились люди, совершенно ему незнакомые. Онъ посмотрѣлъ въ лицо дамы ласковымъ и довѣрчивымъ взглядомъ и сказалъ просто, какъ сказалъ бы хорошему знакомому:

— Вотъ видите, какое тутъ дѣло. Отецъ боленъ, мать съ дѣтьми... въ трущобѣ. У меня больше нѣтъ. Дайте вы сколько-нибудь, вотъ они тоже... Вѣдь цѣлая семья...

Дама высокомѣрно взглянула на неожиданнаго сборщика, пожала плечами и, повернувшись, поплыла по аллеѣ. Остальные любопытные тоже нашли, что самый интересный моментъ миновалъ, и что сбора, сдѣланнаго уже въ пользу итальянцевъ, слишкомъ достаточно для „бѣднаго семейства". Глѣбъ Ивановичъ остался на дорожкѣ одинъ, провожая расходившихся внимательнымъ взглядомъ. Я видѣлъ его лицо въ эту минуту и очень жалѣлъ, что не могъ снять его съ этимъ выраженіемъ: проникновенность художника и простодушное удивленіе ребенка... Это почти дѣтское простодушіе и растерянность передъ самымъ обычнымъ проявленіемъ черствости, и притомъ со стороны художника, который такъ понималъ и такъ умѣлъ рисовать эти свойства средняго человѣка, составляли тоже особенную черту этого своеобразнаго и сложнаго характера.

Утромъ, тотчасъ послѣ пріѣзда къ намъ, Успенскій говорилъ, что ночью спалъ мало и хочетъ лечь пораньше, чтобы отдохнуть передъ дальнѣйшимъ путешествіемъ. Въ виду этого я настаивалъ, чтобы не ходить уже никуда, и чтобы Глѣбъ Ивановичъ ложился. Онъ покорно соглашался, но при этомъ какъ-то лукаво улыбался. Придя домой, онъ пошарилъ въ чемоданѣ и съ торжествомъ вынулъ портмоне, изъ котораго сталъ перегружать бумажки опять въ лѣвый карманъ.

— Да вотъ! — сказалъ онъ, улыбаясь съ веселымъ лукавствомъ: — я вѣдь человѣкъ предусмотрительный: сразу всего не взялъ. Видите: оставилъ про запасъ!

Я сильно подозрѣваю, что „предусмотрительность" принадлежала собственно женѣ Успенскаго, которая едва ли ожидала, что къ „запасу" Глѣбъ Ивановичъ прибѣгнетъ уже въ Нижнемъ.

Улеглись мы, дѣйствительно, довольно рано, въ моей маленькой комнаткѣ, въ нижнемъ этажѣ дома, выходившаго въ густой садъ. Лѣтомъ окно въ этотъ садъ я оставлялъ открытымъ и на ночь, и листья деревьевъ почти лѣзли въ комнату.

Среди ночи я проснулся подъ впечатлѣніемъ совершенно фантастическихъ видѣній и, раскрывъ глаза, нѣкоторое время чувствовалъ себя все еще какъ будто во власти сна: въ окно тихо, съ осторожностью пробирался изъ сада Глѣбъ Ивано-

вичъ, а за окномъ, освѣщенная прорывающимися лучами мѣсяца, виднѣлась фигура одного изъ нашихъ общихъ друзей, очевидно, участвовавшаго въ заговорѣ и указывавшаго Глѣбу Ивановичу этотъ путь для незамѣтнаго выхода и возвращенія. Когда путешествіе это совершилось благополучно, Глѣбъ Ивановичъ съ лукавымъ видомъ послалъ фигурѣ за окномъ воздушный поцѣлуй и тихо сказалъ:

— Спитъ!..

Фигура за окномъ исчезла. Я окончательно пришелъ въ себя и сообразилъ, что Глѣбъ Ивановичъ опять совершилъ экскурсію на откосъ.

— Вотъ вы какъ, Глѣбъ Ивановичъ,—сказалъ я.—А обѣщали лечь пораньше.

— Д-да... Вотъ видите... Грѣшный человѣкъ... въ окно... Ничего! Я сейчасъ лягу. Спите... Хотѣлось поговорить еще кое-о-чемъ. Удивительная дѣвушка.

Однако, самъ онъ легъ не сразу. Онъ сообщилъ мнѣ, что у осетинки въ Сызрани ребенокъ, и она своимъ пѣніемъ зарабатываетъ на его содержаніе... Говорилъ онъ тихо, какъ будто про себя, и я началъ дремать. Сквозь дремоту долго еще я видѣлъ фигуру Глѣба Ивановича, сидѣвшаго на постели съ папиросой. Папироса все удлинялась; огонекъ ея, вспыхивая, освѣщалъ глубокіе, сосредоточенные глаза и выразительное лицо Успенскаго.

— Да... Вотъ... Ребеночекъ... А она тутъ поетъ, до самой зари... Человѣка захватитъ какая-нибудь этакая шестерня... И ломаетъ, и ломаетъ всего... Что-же тутъ челюсть? А я вотъ думаю: челюсть-то... она иной разъ еще спасаетъ... Будь эта, вотъ, хромая, итальянка-то, поаккуратнѣе... Да тутъ, въ этомъ аду... Господи Боже!.. Давно бы ее закрутило...

Я зажегъ спичку и посмотрѣлъ на часы.

— Глѣбъ Ивановичъ, голубчикъ! Вѣдь уже три часа. А завтра на пароходъ въ девять.

— Сейчасъ, сію минуту... Лягу... непремѣнно... Я только говорю: челюсть-то эта пустяки!.. Подлость тутъ наша, а не челюсть... И это надо понимать, писать, говорить... Общество... всѣ мы... а не челюсть... не челюсть... Нѣтъ, не челюсть...

И долго еще въ темной комнатѣ виднѣлся вспыхивающій огонекъ его папиросы и слышались отрывочныя горькія замѣчанія.

IV.

На слѣдующее утро мы пріѣхали на пристань рано. Утро опять было чудесное, свѣжее. Пароходъ стоялъ у пристани, но

свистка еще не было. Когда пришлось брать билеты, Глѣбъ Ивановичъ пошарилъ въ карманахъ, заглянулъ въ кошелекъ и, какъ-то виновато улыбнувшись, сказалъ съ легкимъ удивленіемъ:

— А вѣдь у меня денегъ-то... уже и нѣтъ.

Мы это предвидѣли, и потому, не ожидая этого признанія, Н. Ѳ. уже стоялъ у кассы, чтобы взять Глѣбу Ивановичу пароходный билетъ. Такія исторіи должны были случаться съ Успенскимъ очень часто. Въ слѣдующемъ году онъ писалъ мнѣ, между прочимъ: „были у меня и 200 рублей, и еще 200 и еще 300, но все исчезло въ тотъ моментъ, какъ только появлялось въ рукахъ. Долговъ въ деревнѣ накопилась тьма—едва выбрался оттуда... Говорятъ, есть какія-то новыя бумажки и будто бы онѣ были у меня въ рукахъ, но я рѣшительно не видалъ ихъ,—знаю, что мелькало что-то синее или красное“... Онъ сознавалъ въ себѣ эту черту и иной разъ отзывался о ней съ легкимъ юморомъ, какъ будто говорилъ о другомъ человѣкѣ. Но это было, такъ сказать,—вообще. Въ частности же, каждый разъ, когда у него бывали деньги, онъ относился къ нимъ съ самымъ непосредственнымъ равнодушіемъ; и это ставило его нерѣдко въ невозможныя, порой очень тяжелыя положенія.

— Ну, вотъ и отлично!—весело сказалъ онъ, получивъ отъ Н. Ѳ. билетъ.—Просто превосходно. Я вамъ непремѣнно вышлю изъ Петербурга... А теперь мнѣ бы еще... десять рублей.

— Мало, Глѣбъ Ивановичъ,—сказалъ я.—Вѣдь далеко.

— Нѣтъ! десять ровно. Я знаю... Я дамъ телеграмму, мнѣ вышлютъ туда-то.

Мы не спорили, но вмѣсто десяти рублей сунули Глѣбу Ивановичу въ карманъ столько, сколько, по нашему мнѣнію, должно было бы хватить на обычные путевые расходы.

На верхней палубѣ парохода ожидали уже двѣ пѣвицы изъ вчерашняго хора: осетинка и молодая дѣвушка, почти ребенокъ, которую регентша, повидимому, взяла подъ свое особое покровительство. Обѣ были одѣты скромно и производили очень пріятное впечатлѣніе. Къ Глѣбу Ивановичу онѣ относились съ какой-то особенной почтительностью, и радость, сверкнувшую въ ихъ глазахъ, когда онъ подходилъ къ нимъ, можно понять, если представить себѣ обычный тонъ обращенія публики съ этими бѣдными созданіями... Хоръ былъ сравнительно приличный, но существованіе женщины даже въ самомъ „приличномъ“ хорѣ представляетъ только тщетныя усилія удержаться на наклонной плоскости. Ежегодно ярмарочная хроника отмѣчаетъ не одну трагедію изъ этой области, которыя

мелькаютъ и исчезаютъ на общемъ фонѣ ярмарочной жизни. И тѣ самые люди, которые вчера еще проводили вечеръ съ пѣвицами, забывая всякія „условности“—сегодня не рѣшаются подойти къ нимъ днемъ и на глазахъ у публики...

Глѣбъ Ивановичъ поздоровался съ ними просто и радушно. То, что составляло ихъ жизнь—являлось его болью, его страданіемъ, предметомъ его неугомонной мысли, и это давало какой-то особенный тонъ ихъ взаимнымъ отношеніямъ. Обычные разспросы равнодушныхъ людей, бередящихъ и безъ того болящія раны, — безъ сомнѣнія, являются для этихъ бѣдныхъ дѣвушекъ новымъ источникомъ нравственныхъ страданій, и онѣ защищаются отъ нихъ по-своему: никогда онѣ не говорятъ своихъ настоящихъ именъ, другъ друга называютъ вымышленными и каждому любопытному допросчику разсказываютъ новую свою біографію. Но для Глѣба Ивановича это были „настоящіе“ люди, онъ уже зналъ ихъ „настоящую“ жизнь и теперь съ серьезнымъ сочувствіемъ записывалъ адресъ какой-то сызранской мѣщанки, у которой находился на воспитаніи ребенокъ осетинки. Для нихъ это было какъ бы свиданіе съ добрымъ землякомъ, случайно встрѣченнымъ въ шумномъ городѣ...

Никакихъ денегъ онѣ, разумѣется, не ждали, и никому бы не пришло въ голову предложить ихъ. Мы позвали официанта и, устроившись въ уголкѣ, велѣли принести чайный приборъ, такъ какъ всѣ пріѣхали сюда безъ чаю.

Публика прибывала, прогудѣлъ первый свистокъ.

Къ столику, за которымъ сидѣла наша небольшая компанія, подошла какая-то старушка, маленькая, худая, съ колющими бѣгающими глазами, въ черномъ платьѣ и темномъ платкѣ, повязанномъ по-скитски, въ роспускъ. Она поклонилась намъ всѣмъ и, называя дѣвушекъ красавицами-принцессами, стала просить денегъ. Она ѣдетъ къ Іоанну Кронштадтскому и проситъ на дорогу. Голосъ у нея былъ ханжески-фальшивый и непріятный. Въ словахъ „красавицы“ и „принцессы“, которыя она адресовала пѣвицамъ, слышалась скрытая двусмысленность и осужденіе.

Глѣбъ Ивановичъ какъ-то особенно насторожился и торопливо сунулъ ей серебряную монету. Она быстро схватила ее и отошла къ другой группѣ, но въ это время младшая пѣвица засмѣялась: у старухи изъ-подъ темной короткой юбки мелькнули желтыя туфельки, на высокихъ каблукахъ. Эти туфли, при костюмѣ черницы-богомолки, производили, дѣйствительно, странное впечатлѣніе. Вѣроятно кто-нибудь просто подарилъ ихъ старухѣ, но молодая дѣвушка съ наивной безтактностью сказала:

— Господи! Точно у танцовщицы!

Старушка повернулась, смѣрила дѣвушекъ пристальнымъ, колющимъ взглядомъ и стала опять приближаться къ столу, не спуская съ юныхъ грѣшницъ своихъ строгихъ маленькихъ глазокъ. Дѣвушки сразу притихли, а она не знала, которая изъ нихъ оскорбила ее своимъ замѣчаніемъ. Наконецъ, она почему-то остановилась на осетинкѣ.

— Нѣтъ, прынцесса моя, — сказала она зловѣщимъ голосомъ,—я не танцовщица, я богомолка. А тебѣ, миленькая, я скажу судьбу. Денегъ ты наживешь, охъ, много! А прожить-то вотъ, прожить... и не успѣешь...

Осетинка сразу поблѣднѣла. Старушка хотѣла сказать еще что-то, но въ это время Глѣбъ Ивановичъ, до тѣхъ поръ смотрѣвшій на всю сцену со вниманіемъ художника,—понялъ ея значеніе и поднялся съ мѣста.

— Вотъ вѣдь, какая ты злая старушонка,—сказалъ онъ, заступая богомолкѣ дорогу,—денегъ тебѣ мало дали? На вотъ, возьми, возьми... вотъ! И иди себѣ... куда тебѣ надо...

Онъ сунулъ ей бумажку съ такимъ видомъ, какъ будто это было орудіе казни. Старушонка быстро схватила деньги и скрылась...

Передъ самымъ отходомъ парохода къ намъ подошелъ какой-то субъектъ мѣщанскаго вида, въ картузѣ и порыжѣвшемъ старомъ суконномъ пальто. Онъ вчера пріѣхалъ въ Нижній вмѣстѣ съ Глѣбомъ Ивановичемъ, между ними завязались уже какія-то намъ непонятныя отношенія, и повидимому встрѣча на этой пристани была не случайна. Мѣщанинъ ѣхалъ въ третьемъ классѣ и очень обрадовался, разыскавъ Успенскаго въ нашемъ уютномъ уголкѣ.

— Вотъ и отлично,—говорилъ ему Успенскій,—вотъ и превосходно. Мы съ вами, значитъ, еще потолкуемъ дорогой. А теперь я вотъ тутъ... съ знакомыми людьми.

Незнакомецъ успокоенный удалился.

— Превосходный человѣкъ,—объяснилъ мнѣ Глѣбъ Ивановичъ.—Просто замѣчательный... И какую надъ нимъ устроили подлость...

Послѣдній свистокъ прервалъ разсказъ объ этой подлости, и черезъ нѣсколько минутъ пароходъ отошелъ отъ пристани, унося отъ насъ Глѣба Ивановича. Помню, я тогда замѣтилъ какое-то особенное изящество всей его фигуры. Разсѣянный, не отъ міра сего, не думающій о себѣ,—онъ какъ-то всегда, инстинктивно, непроизвольно умѣлъ сохранить это прирожденное изящество во всемъ, что къ нему относилось.

Когда пароходъ повернулся, я еще разъ увидѣлъ Успен-

скаго, сходившаго внизъ по лѣсенкѣ. И мнѣ показалось, что съ нимъ шелъ человѣкъ, надъ которымъ „была сдѣлана большая подлость“... На пристани, долго глядя вслѣдъ пароходу, стояли мы всѣ, и среди насъ двѣ пѣвички съ отксса. Знали ли онѣ, съ кѣмъ свели знакомство, имѣли ли представленіе о томъ, что этого человѣка знала и любила вся образованная Россія? Не думаю. Это были простыя, необразованныя дѣвушки, которыхъ жизненныя невзгоды, собственная беззащитность и красота (челюсти у нихъ обѣихъ дѣйствительно были, какъ говорилъ Глѣбъ Ивановичъ, вполнѣ „аккуратныя“) кинули на этотъ путь, покатый и скользкій. Обѣ онѣ пытались еще удержаться и надѣялись, что удержатся на наклонной плоскости. И я увѣренъ, что, какъ бы ни сложилась ихъ дальнѣйшая судьба,—эта встрѣча съ человѣкомъ, у котораго были такіе глубокіе и любящіе глаза, такая странная рѣчь, къ которому всѣ относились съ такимъ, можетъ быть, не вполнѣ понятнымъ для нихъ уваженіемъ и котораго онѣ провожали, какъ своего добраго знакомаго въ это утро—осталась въ ихъ памяти свѣтлымъ пятнышкомъ, совершенно „особеннымъ“ въ обстановкѣ ихъ нерадостной жизни...

V.

Исторія этого дня имѣла нѣкоторое своеобразное продолженіе.

Я знаю, что Глѣбъ Ивановичъ путешествовалъ много и всегда одинъ; значитъ, онъ какъ-то справлялся со всѣми условіями путешествія. Но меня всегда это удивляетъ, когда я вспоминаю его младенческую непрактичность и его отношеніе къ деньгамъ, какъ къ безразличному сору...

Во всякомъ случаѣ данное путешествіе закончилось не совсѣмъ обычнымъ образомъ. Денегъ ему не хватило. Имѣлъ ли на это обстоятельство какое-нибудь вліяніе человѣкъ, надъ которымъ была „сдѣлана подлость“, или опять встрѣчались другіе люди, другіе итальянскіе мальчишки и зловѣщія старухи, которыхъ нужно было наказывать подачками денегъ, только уже въ Калачѣ (или Царицынѣ—не помню) случилась катастрофа: нужно было взять билетъ, а денегъ не оказалось ни копѣйки... Глѣбъ Ивановичъ самъ разсказывалъ мнѣ впослѣдствіи объ этомъ эпизодѣ, при чемъ его разсказъ, юмористическій и простодушный вмѣстѣ, удивлялъ меня опять смѣсью дѣтской наивности и тонкой улыбки надъ ней, совмѣщавшихся страннымъ образомъ въ одномъ и томъ же лицѣ.

— Да.... вотъ... Такъ какъ-то вышло. Смотрю: нѣтъ! Окончательно ничего! А тутъ одинъ поѣздъ уже ушелъ, пока я сводилъ свой бюджетъ... Другой, пожалуй, уйдетъ.

— И что же?

— Да вотъ видите: свѣтъ не безъ добрыхъ людей... Сторожъ выручилъ.

Оказалось, что, когда бюджетъ былъ сведенъ, Глѣбъ Ивановичъ не нашелъ сдѣлать ничего лучше, какъ поставить свой чемоданъ къ стѣнѣ, усѣсться на него и ждать событій или вдохновенія. Такъ онъ просидѣлъ отходъ одного поѣзда. Когда народъ началъ набираться къ другому, онъ все сидѣлъ на чемоданѣ, наблюдая вокзальную толпу, чѣмъ обратилъ вниманіе служащаго, стоявшаго у двери. Его обязанность состояла въ томъ, чтобы открывать и закрывать двери и по пути наблюдать за публикой, чтобы не случалось какихъ-нибудь неблагополучій. Мало ли всякаго народу въ толпѣ! Среди этихъ наблюденій онъ не могъ, разумѣется, не замѣтить страннаго изящнаго господина, въ коричневомъ пальто и сѣрой поярковой шляпѣ, неподвижно сидѣвшаго на чемоданѣ.

— Что вы, господинъ, сидите? Вѣдь поѣздъ-то опять уйдетъ,—сказалъ онъ.

— Уйдетъ,—отвѣтилъ Глѣбъ Ивановичъ съ фаталистической увѣренностью.

— Такъ что же вы?

— Ничего, братъ, не подѣлаешь! Денегъ нѣтъ...

— Украли?.. Такъ вамъ бы заявить...

— Нѣтъ... не то чтобы украли... Просто, нѣтъ... нѣту, понимаешь... Не хватило.

— А сколько не хватаетъ-то?

— Да рублей десять бы нужно... Да, десять рублей (почему-то эта цифра легче всего приходила въ голову Глѣбу Ивановичу).

— А куда ѣхать?

— Ѣду я въ N.

— А сколько же у васъ есть?

— Да вотъ видишь: ничего нѣту... Окончательно, ни копѣйки, ни одной...

Сторожъ смѣрилъ его удивленнымъ взглядомъ и сказалъ, переходя на ты:

— Чудакъ! Какъ же ты до N. доѣдешь на десять рублей, когда билетъ стоитъ пятнадцать? Да, скажемъ, хоть три рубля на харчъ, да на извозчика. Прямо говори: тебѣ нужно восемнадцать серебра.

— Да, да... именно выходитъ, что восемнадцать...

— Ну, вотъ что я тебѣ скажу...

Бывали ли уже такіе случаи съ этимъ наблюдательнымъ

человѣкомъ, много лѣтъ изучавшимъ людскую толпу у своей двери, или опять это нужно приписать особому впечатлѣнію наружности Успенскаго, только сторожъ самымъ дѣятельнымъ образомъ вошелъ въ интересы страннаго незнакомца. Онъ взялъ ему билетъ и далъ на руки три рубля. Справедливость требуетъ сказать, что къ суммѣ долга онъ прибавилъ два рубля вознагражденія за свои хлопоты и въ обезпеченіе уплаты оставилъ себѣ чемоданъ. Они условились. что Глѣбъ Ивановичъ пошлетъ ему деньги, въ томъ числѣ и на пересылку чемодана, а сторожъ пришлетъ чемоданъ багажемъ на нижегородскій вокзалъ, такъ какъ Успенскій опять предполагалъ побывать въ Нижнемъ. Конечно, всего проще было бы прислать чемоданъ на мое имя, но Глѣбъ Ивановичъ какъ-то „не догадался“.

Деньги онъ послалъ вскорѣ же изъ Москвы, гдѣ мы съ нимъ встрѣтились. а поѣздку въ Нижній отмѣнилъ.

— Ну, Глѣбъ Ивановичъ,—пропалъ вашъ чемоданъ,—сказалъ я.—Сторожъ, разумѣется, оставитъ у себя и 18 рублей, и чемоданъ.

— Нѣтъ!—съ увѣренностью сказалъ Успенскій.—Не такой человѣкъ... Просто превосходный человѣкъ. Навѣрное уже выслалъ, и накладная, пожалуй, уже на почтѣ. Получите, пожалуйста!

И, дѣйствительно, вернувшись въ Нижній, я справился на почтѣ и узналъ, что есть заказное письмо на имя Глѣба Ивановича изъ Калача или Царицына, но... мнѣ его не могли выдать безъ довѣренности. На вокзалѣ оказался чемоданъ, котораго опять я не могъ получить безъ квитанціи. А Глѣбъ Ивановичъ и по возвращеніи изъ своего путешествія все не посылалъ довѣренности. По моей просьбѣ удержали письмо, и лично, при свиданіи въ Петербургѣ я получилъ отъ Успенскаго обѣщаніе: „пришлю, непремѣнно! Вотъ увидите“. Только въ январѣ слѣдующаго (1888-го) года пришла, наконецъ, нотаріальная довѣренность отъ „домашняго учителя“ Успенскаго. „Сегодня,—писалъ мнѣ Глѣбъ Ивановичъ 18 января,—послалъ я вамъ довѣренность на полученіе моего хоботья, но кажется перевралъ адресъ... Посылаю это письмо на удачу... Хламье мое пусть лежитъ у васъ столько, сколько оно захочетъ“...

Однако, когда я опять справился на почтѣ, то оказалось, что письма уже нѣтъ, а на вокзалѣ, „неизвѣстно кому принадлежавшій чемоданъ съ бѣльемъ, носильнымъ платьемъ и пальто“—былъ проданъ съ аукціона.

На Глѣба Ивановича печальная судьба чемодана не про-

извела ни малѣйшаго впечатлѣнія. Нѣсколько разъ онъ вспоминалъ только, что остался долженъ намъ за билетъ... „Непремѣнно пришлю“,—прибавлялъ онъ при этомъ... Отъ одного человѣка, говорившаго о слабостяхъ Глѣба Ивановича, я слышалъ, между прочимъ, что онъ былъ не всегда аккуратенъ въ уплатѣ долговъ... Фактически это, можетъ быть, было вѣрно, какъ и то, что Успенскій пилъ вино... Но этотъ упрекъ показываетъ только, что говорившій не имѣлъ ни малѣйшаго понятія объ Успенскомъ. Быть всегда аккуратнымъ въ уплатѣ всѣхъ этихъ маленькихъ долговъ для него было такъ же трудно, какъ не отдать всего, что у него было, первому встрѣчному. И это такъ же мало касается оцѣнки этого человѣка, какъ и толки объ алкоголизмѣ...

Но что эта черта — пренебреженіе къ деньгамъ и неразсчетливость страшно вредила Успенскому, вынуждая къ труду для заработка,—это, къ сожалѣнію, вѣрно.

VI.

Описанный выше пріѣздъ Успенскаго остался въ моей памяти самымъ свѣтлымъ воспоминаніемъ, свободнымъ еще отъ жуткихъ опасеній послѣдующихъ годовъ. Правда, въ немъ была уже и тогда эта тревожная печаль, эта неотвязность болящихъ и грустныхъ мыслей, эта особенная чуткость, которая даже общимъ понятіямъ придавала для него силу и боль реальныхъ ощутительныхъ явленій. Но я не зналъ его инымъ, и все это казалось почти нормальнымъ состояніемъ человѣка, уже въ юности плакавшаго безъ видимыхъ причинъ и содрогавшагося при всякомъ напоминаніи о прежней дореформенной средѣ и прежней жизни... Правда, къ чувству умиленія, вызываемому этой удивительной человѣческой особью, уже порой присоединялось смутное опасеніе, какъ бы предчувствіе, что такая впечатлительность и такая жизнь не можетъ быть прочной. Но это было именно только смутное предчувствіе, дѣлавшее симпатію къ нему близко знавшихъ его людей чуткой и опасливой. Но самъ онъ бывалъ еще оживленъ, остроуменъ, веселъ, много работалъ, и наши тревоги смолкали.

Въ слѣдующій пріѣздъ въ Нижній зловѣщіе признаки выступали уже замѣтнѣе. Выраженіе лица было болѣе страдальческое; онъ жаловался на галлюцинаціи обонянія и потерю вкуса.

— Ничего не ощущаю... точно шапку солдатскую жуешь,— по-своему причудливо выражалъ онъ это ощущеніе. Его особенный юморъ, которымъ природа надѣлила его въ такомъ

изобиліи и который, быть можетъ, одинъ долго служилъ противоядіемъ печали, разъѣдавшей эту чуткую душу,—вспыхивалъ все рѣже, а печаль выступала все острѣе и ощутительнѣе. Впечатлительность какъ будто еще обострялась, или сила сопротивленія слабѣла...

Изъ этого періода мнѣ вспоминается одинъ небольшой эпизодъ. Войдя въ мой кабинетъ, онъ увидѣлъ надъ столомъ большой литографированный портретъ Л. Н. Толстого.

— Что это значитъ?—спросилъ онъ, указывая глазами на портретъ. Это былъ періодъ, когда великій писатель находился въ полемическомъ фазисѣ „непротивленія", когда изъ-подъ его пера появилась сказка объ Иванѣ-дуракѣ и другіе разсказы той же серіи, изъ-за которыхъ еще не развернулась новая эволюція этого безпокойнаго и могучаго духа.

Я отвѣтилъ Глѣбу Ивановичу—передъ чѣмъ именно я преклоняюсь въ этомъ человѣкѣ. Онъ долго и задумчиво смотрѣлъ своими печальными глазами въ суровыя черты портрета и потомъ сказалъ:

— Да! Я вотъ давно собираюсь къ нему... Поговорить... о многомъ...

И потомъ, улыбнувшись, прибавилъ:

— Боюсь все. Огромный онъ... А все-таки соберусь, непремѣнно... Вотъ укрѣплюсь и поѣду поговорить... о многомъ.

Сколько мнѣ извѣстно, онъ такъ и не собрался. Всю свою жизнь онъ отдалъ на служеніе любви и правдѣ, не теоретизируя объ ихъ конечномъ источникѣ... Однако, въ послѣдній періодъ въ его рѣчахъ и писаніяхъ слова „Богъ", „нѣтъ Бога въ душѣ" попадались часто, и мнѣ кажется, что въ нихъ было больше, чѣмъ простая форма выраженія извѣстной мысли. Можетъ быть, уже тогда въ взволнованной душѣ Успенскаго вставали мысли и образы, которые впослѣдствіи отлились въ опредѣленныя представленія инокини Маргариты, ангеловъ, Бога... И въ содроганіи чуткой души передъ огромностію этихъ вопросовъ уже чувствовалась, можетъ быть, надломленность и страданіе надвигавшейся болѣзни...

Свои статьи этого времени онъ буквально писалъ сокомъ уже больныхъ нервовъ, а не писать не могъ. Онъ все равно переживалъ ихъ всѣмъ своимъ существомъ, страдалъ и мучился своими темами.

Помню, однажды, войдя къ Н. К. Михайловскому, жившему тогда въ Пале-роялѣ, на Пушкинской,—я засталъ въ его номерѣ Глѣба Ивановича. Онъ сидѣлъ на кушеткѣ съ папиросой въ рукахъ. Лицо у него было искаженное внутренней болью, одна бровь поднялась значительно выше, въ глазахъ

душевная тревога. Это было время, когда онъ писалъ разсказъ „Взбрело въ башку“. Сюжетъ разсказа разыгрывался у него на глазахъ, въ Чудовѣ, и на нѣкоторое время всѣхъ насъ, своихъ друзей, онъ втянулъ въ эту печальную исторію, всѣ фазы которой онъ переживалъ, какъ мы переживаемъ развѣ опасную болѣзнь самыхъ близкихъ людей. Въ этотъ разъ онъ уговорилъ меня ѣхать съ нимъ въ Чудово, желая показать этого человѣка:

— Можетъ, вы ему что-нибудь скажете... Вы не можете себѣ представить, что это за человѣкъ... Какая душа! Просто замѣчательная! И какъ его всего перевернуло... Вотъ вы увидите сами... вотъ увидите!

Человѣкъ этотъ былъ мѣстный крестьянинъ, занимавшійся извозомъ и, пріѣхавъ въ Чудово, Глѣбъ Ивановичъ тотчасъ же кинулся къ периламъ деревяннаго вокзальнаго перрона, выглядывая своего Герасима (имя я, впрочемъ, забылъ) среди ожидавшихъ на площади извозчиковъ. Теперь каждый разъ, когда я проѣзжаю мимо Чудова, мнѣ кажется, что я вижу фигуру Глѣба Ивановича, перегнувшагося черезъ перила и всматривающагося съ выраженіемъ такой тревоги и опасенія, какъ будто онъ ждалъ вѣсти объ опасно заболѣвшемъ собственномъ ребенкѣ.

Герасима не оказалось, и вмѣсто него насъ повезъ другой извозчикъ, мужиченко непріятнаго вида, болтливый, съ фальшивыми нотами въ голосѣ. Глѣбъ Ивановичъ спросилъ у него о Герасимѣ, и затѣмъ, при разглагольствованіяхъ нашего возницы, какія-то тѣни внутренней боли проходили по его лицу.

— Вотъ... вотъ видите...—сказалъ онъ мнѣ, при какой-то особенно рѣзнувшей ухо фразѣ извозчика...—Никогда Герасимъ не скажетъ такого. Ник-когда! Просто удивительно деликатный человѣкъ.

Пріѣхавъ къ своему дому, онъ отдалъ извозчику деньги и сказалъ:

— Пожалуйста, теперь пришли мнѣ Герасима. Черезъ два часа опять на вокзалъ...

— Да что вамъ, Глѣбъ Ивановичъ, Герасима? — сказалъ извозчикъ.—Я самъ доставлю.

— Герасима... Герасима мнѣ... Понимаешь. Мнѣ нужно...

— Да на что же Герасима, когда я...

Глѣбъ Ивановичъ, собравшійся уходить, вдругъ повернулся, пристально всмотрѣлся въ мужика и, вынувъ бумажку, сунулъ ему въ руки.

— Вотъ... возьми. Тебѣ непремѣнно денегъ хочется. Вотъ,

вотъ... вотъ тебѣ, вотъ! Теперь пришли Герасима, а самъ не приходи, пожалуйста... Сдѣлай ты мнѣ одолженіе, не приходи...

На лицѣ его было то же выраженіе, какъ въ сценѣ со старухой на пароходѣ: гнѣвъ, презрѣніе къ деньгамъ и къ человѣку, которому только онѣ и были нужны, и страданіе за него и за себя. На этотъ разъ мнѣ показалось еще, что онъ откупается отъ этой мучительной для него неискренности. Однако, Герасима всетаки не оказалось, и насъ на вокзалъ повезъ другой извозчикъ.

Это настроеніе непереносности обычныхъ житейскихъ лжи и фальши, неправды и страданія, мимо которыхъ мы, люди съ болѣе грубыми нервами, проходимъ довольно равнодушно, которую прежде Успенскому помогала переносить смягчающая юмористическая складка — теперь усиливалось быстро изъ года въ годъ. Прежде онъ любилъ пріѣзжать въ Москву и иной разъ, остановившись въ гостиницѣ, кончалъ здѣсь статьи для „Русскихъ Вѣдомостей“ или „Русской Мысли“. Современемъ, однако, ему становилась невыносима обстановка гостиницъ и меблированныхъ комнатъ.

— Знаете! — радостно сообщилъ онъ мнѣ однажды, при встрѣчѣ въ Москвѣ.—Нашелъ таки! Просто превосходно!

— Что вы нашли, Глѣбъ Ивановичъ?

— Гостиницу нашелъ,.. Такую, въ которой можно жить... Просто рай. Номерки новые, еще не подернулись всей этой подлостью... Прислуга веселая, привѣтливая... должно-быть, платятъ хозяева по-божески. Просто превосходно. Вотъ приходите, увидите сами...

Не помню, въ этотъ ли пріѣздъ, или въ другой я разыскалъ таки Глѣба Ивановича въ этомъ хваленомъ его раѣ. И первое, что мнѣ бросилось въ глаза при входѣ на лѣстницу, это было лицо самого Успенскаго, склонившееся съ верхней площадки. Бровь опять была высоко поднята, на лицѣ опять выраженіе боли...

— Что съ вами, Глѣбъ Ивановичъ?

Онъ еще не отвѣтилъ, какъ въ корридорѣ затрещалъ электрическій звонокъ. Гдѣ-то хлопнула дверь. Женщина съ усталымъ лицомъ понеслась кверху по лѣстницѣ. Изъ какой-то каморки послышался плачъ ребенка. Все это я помню такъ ясно, какъ будто слышалъ и видѣлъ только вчера. Но все это я воспринялъ черезъ Глѣба Ивановича, такъ какъ и звонокъ, и суетливая бѣготня, и плачъ ребенка отражались на его изстрадавшемся лицѣ.

— Вотъ... вотъ видите. Не прошло и пяти минутъ—четвертый разъ... Ну, вотъ еще...

Новый трескъ электрическаго звонка прошелъ по его лицу новой волной нервной боли...

— Такъ и зналъ! Четырнадцатый номеръ,—сказалъ онъ, указывая на электрическій счетчикъ. — Второй разъ... Это онъ, негодяй, сидитъ на своей постели... подай ему со стола стаканъ воды... Вотъ... вотъ опять... Господи Боже!

И этотъ его недавній рай уже былъ отравленъ для него навсегда. Кто изъ насъ замѣчалъ эти стороны гостиничной жизни? Кому изъ насъ было бы интересно узнавать, сколько разъ звонилъ четырнадцатый номеръ и почему хлопаетъ внизу дверь, заглушая крикъ „собственнаго ребеночка" гостиничной прислуги. А между тѣмъ, вся эта прозаическая изнанка жизни непроизвольно раскрывалась передъ Успенскимъ, со всѣмъ, что въ ней было нехорошаго и тяжелаго,— и мучила его чужой усталостью и чужой болью...

Помню, что послѣ этого въ нѣкоторыхъ изъ статей Глѣба Ивановича фигурировали и полтора миллиметра, и звонки, и четырнадцатый номеръ, и статистическія дроби, и „живыя цифры"... И во всемъ этомъ уже чувствовалась развязка этой трагической жизни. Юморъ постепенно исчезалъ, какъ меркнутъ краски живого пейзажа подъ надвигающейся грозовою тучей. Помню, что одного изъ этихъ разсказовъ („Квитанція") я уже не могъ дочитать громко до конца: это былъ сплошной вопль лучшей человѣческой души, въ конецъ истерзанной чужими страданіями и неправдой жизни, въ которой она-то менѣе всѣхъ была повинна.

VII.

Кажется, въ 1893 году Глѣбъ Ивановичъ пріѣхалъ въ послѣдній разъ въ Нижній-Новгородъ. На вокзалѣ мы встрѣтили его той же компаніей, съ которой когда-то онъ бродилъ по откосу, большинство членовъ которой онъ уже зналъ и любилъ. Но самъ Успенскій былъ уже не тотъ. Не было того оживленія, той улыбки, которая такъ часто сверкала тогда сквозь привычную печаль его глазъ. На лицѣ его лежала безпросвѣтная грусть.

Когда мы переѣхали черезъ Оку и стали на извозчикѣ подыматься по взъѣзду, я въ первый разъ увидѣлъ, какъ онъ закрылъ всей ладонью лицо, начиная отъ лба до подбородка; глаза тоже были закрыты, и подъ этимъ прикрытіемъ онъ шепталъ что-то тихо и умиленно, какъ будто говорилъ съ кѣмъ-то невидимымъ и молился...

Это уже начиналась другая, таинственная жизнь омраченнаго духа, другое, параллельное существованіе... Черезъ ми-

нуту онъ очнулся, оглянулся на свѣтлый день, на Оку, на уступы горъ, и взглядъ его упалъ на ѣхавшаго впереди, на извозчикѣ, сына.

— Вы...—сказалъ онъ,—и Сашечка... Хорошо...

Около двухъ недѣль прожилъ онъ тогда въ Нижнемъ-Новгородѣ, то у С. Я. Елпатьевскаго, то у меня... Часто, среди разговора, даже въ многочисленномъ обществѣ онъ вдругъ закрывалъ глаза ладонью исхудавшей тонкой руки и начиналъ шептать. Мнѣ онъ говорилъ нѣсколько разъ, просто и задушевно о томъ, что онъ бесѣдуетъ въ эти минуты съ „инокиней Маргаритой", чистѣйшимъ существомъ („женщина—чистѣйшее существо"), въ которомъ страннымъ образомъ сливаются нѣсколько лицъ, въ томъ числѣ—боровшіяся и пострадавшія въ борьбѣ. И она говоритъ ему хорошія рѣчи, иногда горько упрекаетъ его, а иногда ободряетъ. И что онъ дѣлается легкій... и скоро полетитъ... А затѣмъ—онъ совершенно просто переходилъ къ житейскимъ темамъ и нѣсколько разъ, помню, повторилъ:

— Смотрите на мужика... Все-таки надо... надо смотрѣть на мужика...

Послѣ этого онъ уѣхалъ, и уже навсегда ушелъ отъ насъ — внѣшнимъ образомъ въ Колмово, внутреннимъ — въ свои видѣнія...

Все, что могла сдѣлать наука, согрѣтая личной привязанностью и любовью, — все, кажется, было сдѣлано. Но... мнѣ иногда приходитъ въ голову, что, живи мы въ другое время, все это, можетъ быть, и сложилось бы по-иному. Можетъ быть гораздо хуже и жесточе, а можетъ быть и лучше... Несомнѣнно, что въ этомъ изстрадавшемся чужими страданіями подвижникѣ литературы въ послѣдній періодъ жизни проснулся обычный типъ подвижника, знакомый нашей русской, порою жестокой, порою простодушной родной старинѣ. И, можетъ быть, въ другія времена его бы оставили на свободѣ, и онъ бродилъ бы по деревнямъ, или жилъ бы въ какой-нибудь обители, и говорилъ бы людямъ о своей инокинѣ Маргаритѣ, которая учитъ побѣждать въ человѣкѣ звѣря и помогаетъ святому Глѣбу бороться съ животнымъ Иванычемъ, и раскрываетъ свѣтлое небо... И его слушали бы темные люди и ловили бы въ темныхъ рѣчахъ мерцаніе небесной правды...

Впрочемъ, — едва ли это было бы лучше. Всю жизнь — онъ стремился къ одной только правдѣ, хотя бы и болящей, но истинной...

ВОСПОМИНАНІЯ О ЧЕРНЫШЕВСКОМЪ.

I.

Я помню, еще въ раннемъ дѣтствѣ мнѣ попался фантастическій польскій разсказъ. Герой его молодымъ человѣкомъ пробрался потаеннымъ ходомъ въ погребокъ, гдѣ хранилось чудесное старое вино, лежавшее въ землѣ, въ невѣдомомъ тайникѣ, нѣсколько столѣтій. Молодой человѣкъ выпилъ стаканъ и заснулъ. Заснулъ такъ крѣпко, что, пока онъ спалъ въ своемъ убѣжищѣ, на землѣ бѣжали года, событія смѣнялись, XVIII столѣтіе отошло въ вѣчность, Польшу раздѣлили между собою враги. И вотъ, въ одинъ прекрасный день, на улицѣ русской уже Варшавы, съ вывѣсками на двухъ языкахъ и съ городовыми на каждомъ углу — появляется какая-то архаическая фигура въ старопольскомъ одѣяніи, съ „карабеллой“ у пояса, съ кармазиновыми отворотами рукавовъ и съ страшной сѣдой бородой.

Дальнѣйшая часть разсказа посвящена развитію этого совершенно исключительнаго и, повидимому, невозможнаго положенія.

Такое именно невозможное и фантастическое явленіе совершилось почти на нашихъ глазахъ съ Чернышевскимъ. Правда, надъ его головой промчалось не столѣтіе, а всего двадцать лѣтъ, но эти двадцать лѣтъ стоили цѣлаго вѣка. Въ эти двадцать лѣтъ физіономія Россіи измѣнилась, пожалуй, болѣе, чѣмъ за цѣлое предшествовавшее столѣтіе. Въ остальномъ параллель тоже очень близка. Опьяненный захватывающимъ, одуряющимъ потокомъ событій, надеждъ и ожиданій только что начавшейся реформы, — онъ попадаетъ въ далекіе казематы Кадаинскаго и Александровскаго рудниковъ, Акатуя, потомъ на Вилюй. Развѣ все, что онъ тамъ видѣлъ, въ этихъ глухихъ углахъ, отставшихъ на цѣлое столѣтіе даже отъ до-

реформенной Россіи — не могло показаться страннымъ сномъ, подъ далекіе отголоски оставленной жизни, гулъ которой катился надъ его головой, какъ гулъ и выстрѣлы въ осажденной Варшавѣ надъ головой спящаго въ подземельи поляка.

Безъ сомнѣнія, когда этотъ полякъ исчезъ невѣдомо куда,— его искали; быть можетъ, даже догадывались, что онъ недалеко, можетъ быть, рылись и стучали въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ погреба. А потомъ стали забывать, и, наконецъ, тѣ, кто искалъ, перемерли, а въ средѣ оставшихся потомковъ повторялась только легенда, — что былъ еще одинъ человѣкъ, и даже хорошій былъ человѣкъ, но исчезъ безъ слѣда.

Чернышевскаго тоже искали... Его потеря была очень чувствительна для передовой части общества, и примириться съ нею было трудно. Уже въ дѣлѣ каракозовцевъ есть упоминаніе о намѣреніи освободить Чернышевскаго. Извѣстны затѣмъ попытки Г. А. Лопатина и Ипполита Мышкина. Послѣдній 12 іюля 1875 года явился даже въ Вилюйскъ подъ видомъ жандармскаго офицера Мещеринова и предъявилъ предписаніе о немедленной выдачѣ Чернышевскаго для препровожденія изъ Вилюйска въ Благовѣщенскъ. У исправника возникло подозрѣніе—говорили, что у Мышкина аксельбантъ былъ повѣшенъ на лѣвомъ плечѣ, вмѣсто праваго, но это не вѣрно. Важнѣе было то обстоятельство, что мнимый Мещериновъ не представилъ предписанія отъ якутскаго губернатора, какъ это требовалось по инструкціи. Исправникъ отказался выдать Чернышевскаго. Мышкинъ пытался бѣжать, былъ арестованъ, судился по такъ называемому „большому процессу“ (и впослѣдствіи погибъ въ Шлиссельбургѣ). Чернышевскій обратился съ убѣдительной просьбой не дѣлать болѣе такихъ попытокъ, и письмо его въ такомъ смыслѣ было напечатано въ 70-хъ годахъ въ заграничныхъ изданіяхъ. Въ послѣдующіе годы о Чернышевскомъ говорили все меньше и меньше, а въ печати самая его фамилія признавалась „нецензурной“. Его „Что дѣлать?“ читалось и комментировалось въ кружкахъ молодежи, но лучшія его произведенія, вся его яркая, кипучая и благородная дѣятельность постепенно забывалась по мѣрѣ того, какъ истрепывались и становились библіографической рѣдкостью книжки „Современника“. О самомъ Чернышевскомъ доходили до насъ смутные, сбивчивые слухи. Возникнувъ еще въ 70-хъ годахъ, когда въ очень извѣстномъ тогда стихотвореніи А. А. Ольхина („На смерть Мезенцова“) говорилось:

...Угасаетъ въ далекой якутской тайгѣ
Яркій свѣточъ науки опальной,—

одинъ изъ этихъ слуховъ проводилъ Чернышевскаго въ могилу. Говорили, что умственныя способности его угасли и даже—что онъ помѣшанный. Что онъ до конца сохранилъ силу своего могучаго мозга—это онъ, впрочемъ, доказалъ въ послѣдніе годы невѣроятно энергической работой по переводамъ. Но что у него не „все въ порядкѣ"—объ этомъ я слышалъ еще за нѣсколько недѣль до его смерти и отъ людей, которые имѣли случай видѣть его и говорить съ нимъ лично.

Самостоятельныя статьи его не имѣли уже особеннаго значенія и не были даже замѣчены. Во всякомъ случаѣ, и онѣ вызывали покачиваніе головами необычностью въ наше время и странностью тона. Однако, всѣ эти слухи совершенно невѣрны и легко объясняются двумя обстоятельствами: Чернышевскій всегда былъ немножко чудакъ, это во-первыхъ. А во-вторыхъ, всѣ, на кого онъ производилъ такое странное впечатлѣніе, не читали, вѣроятно, того разсказа, о которомъ я упомянулъ вначалѣ, и не принимали въ соображеніе, что Чернышевскій вернулся къ намъ изъ глубины 50-хъ и начала 60-хъ годовъ. Бѣда состояла не въ томъ, что онъ „измѣнился"... Нѣтъ, дѣло, наоборотъ, въ томъ, что онъ остался прежнимъ, съ прежними пріемами мысли, съ прежней вѣрой въ одинъ только всеустроительный разумъ, съ прежнимъ „пренебреженіемъ къ авторитетамъ", тогда какъ мы пережили за это время цѣлое столѣтіе опыта, разочарованій, разбитыхъ утопій и пришли къ излишнему невѣрію въ тотъ самый разумъ, передъ которымъ преклонялись вначалѣ *).

Чернышевскій явился къ намъ, какъ архаическая фигура поляка XVIII вѣка на макадамовой мостовой русской Варшавы. Насъ онъ не зналъ вовсе, а его мы успѣли забыть, и его обликъ — прежній обликъ — казался намъ уже страннымъ.

Впрочемъ, кажется, я позволилъ себѣ уже слишкомъ длинное отступленіе отъ прямой задачи настоящаго небольшого очерка. Задача эта—сообщить тѣ (очень немногія, къ сожалѣнію) свѣдѣнія о Чернышевскомъ послѣ его ссылки, которыя мнѣ удалось собрать во время странствій въ сосѣднихъ съ нимъ мѣстахъ, частью отъ лицъ, жившихъ вмѣстѣ съ нимъ, частью же — отъ самого Чернышевскаго, котораго я видѣлъ и съ которымъ познакомился въ августѣ 1889 года, за два мѣсяца до его смерти.

---

*) Моя статья писана въ началѣ 90-хъ годовъ.

II.

Въ 1881 году судьба закинула меня въ далекую Сибирь, въ ту самую Якутскую область, гдѣ въ это время уже находился Чернышевскій. Когда я былъ въ Иркутскѣ, меня опять встрѣтили здѣсь постоянно ходившіе слухи: говорили, что Чернышевскій умеръ и что за нѣсколько лѣтъ до смерти онъ уже былъ сумасшедшимъ. Объясняли даже причину: могучій умъ, истомленный бездѣятельностью, не находилъ исхода. Чернышевскій будто бы постоянно писалъ съ утра до ночи, но, боясь, что рукописи (какъ бывало прежде) будутъ отобраны, сжигалъ ихъ въ каминѣ. Это будто бы и стало исходной точкой помѣшательства еще до перевода въ Якутскую область.

По пріѣздѣ на мѣсто,—въ слободѣ Амгѣ, въ 200-хъ верстахъ отъ Якутска,—я узналъ, что слухъ о смерти положительно невѣренъ, а слухъ о помѣшательствѣ опровергался за все время пребыванія его въ Забайкальи. Оказалось, что частью въ слободѣ, гдѣ я жилъ, частью не въ дальнихъ разстояніяхъ отъ нея находились товарищи Чернышевскаго по заключенію. Это были „Каракозовцы“ и ссыльные по дѣлу о воскресныхъ школахъ, дѣлу еще болѣе раннему, о которомъ теперь почти уже исчезли самыя воспоминанія, какъ о первыхъ наивныхъ еще проблескахъ начинавшагося движенія, впослѣдствіи въ 70-е и 80-е годы наводнившаго Сибирь цѣлыми отрядами политическихъ ссыльныхъ.

Отъ нихъ я узналъ, что всѣ тревожные слухи о болѣзни Чернышевскаго не имѣли ни малѣйшаго основанія. Будучи высланъ сначала въ Кадаю (на монгольской границѣ), а потомъ въ Нерчинскіе рудники, Чернышевскій жилъ одно время вмѣстѣ съ партіей поляковъ. Дворъ, обнесенный деревяннымъ частоколомъ съ заостренными концами, внутри — деревянные домики казенной упрощенной донельзя архитектуры, кордегардія съ конвойными солдатами, полосатая будка у воротъ, и изъ-за частокола кругомъ вдалекѣ туманныя высокія горы Забайкалья,—такова обычная обстановка этихъ каематовъ. Поляки были по большей части люди простого званія, которые каждый день уходили на работы въ разрѣзъ. Тогда во дворѣ, обнесенномъ частоколомъ, и въ сѣрыхъ домахъ съ рѣшетками становилось пусто и тихо, и только въ одной каморкѣ сидѣлъ надъ своими книгами Чернышевскій. Я встрѣтилъ впослѣдствіи одного изъ этихъ поляковъ. Онъ разсказывалъ мнѣ, что всѣ они очень уважали и любили Чернышевскаго. Его добродушіе, постоянная серьезность и умѣніе

при случаѣ говорить просто съ простыми людьми пріобрѣли ему общую симпатію, и они привыкли обращаться къ нему за разрѣшеніемъ своихъ споровъ и недоразумѣній, которые такъ часты въ этихъ тѣсныхъ норахъ, гдѣ люди отъ тоски готовы нерѣдко съѣсть другъ-друга, какъ мыши, попавшія въ стеклянную банку, откуда нѣтъ выхода. И Чернышевскій всегда съ необычайнымъ терпѣніемъ входилъ во всѣ мелочи подобныхъ разбирательствъ. До него, говорилъ мнѣ этотъ полякъ, дѣло доходило до того, что однажды, по общему приговору, поляки высѣкли одного изъ своихъ товарищей. При немъ не повторялось ничего подобнаго.

Къ этому времени относится одинъ разсказъ, слышанный мною тоже отъ очевидца. „Вообще, говорилъ мнѣ одинъ интеллигентный полякъ *), тоже жившій вмѣстѣ съ Чернышевскимъ, мы никогда не видѣли его унывающимъ или печальнымъ. О причинахъ своей ссылки онъ говорить не любилъ. „Вѣроятно они тамъ знаютъ, за что сослали, а я не знаю“,—и затѣмъ отдѣлывался какимъ-нибудь анекдотомъ или шуткой. Только одинъ разъ мы видѣли, какъ онъ заплакалъ. Мы сидѣли съ нимъ на дворѣ, когда принесли письма и журналы. Чернышевскій надѣлъ очки, развернулъ книгу, перелистовалъ ее, потомъ книга выскользнула у него изъ рукъ, онъ всталъ и быстро ушелъ къ себѣ. Мы замѣтили у него на глазахъ слезы“. Въ журналѣ были напечатаны извѣстные стихи Некрасова Муравьеву (тѣ самые, по поводу которыхъ прислано Некрасову стихотвореніе: „Не можетъ быть“). Когда я передавалъ этотъ эпизодъ современникамъ и знакомымъ Некрасова и Чернышевскаго,—они выразили основательныя сомнѣнія въ точности самаго разсказа или моей передачи. Помнится, что дѣйствительно стихи Некрасова Муравьеву были прочитаны на торжественномъ обѣдѣ, но напечатаны не были, и на вопросъ поэта Муравьевъ будто бы самъ отвѣтилъ: „Мой совѣтъ не печатать“. Я привожу этотъ разсказъ потому, во-первыхъ, что всетаки далеко не увѣренъ, что, хотя бы и по какому-нибудь другому случаю, не было подобнаго эпизода, а во-вторыхъ, онъ до извѣстной степени рисуетъ настроеніе, которое приходилось переживать Чернышевскому въ далекомъ Забайкальи, когда до него доходили вѣсти о жестокостяхъ съ одной, и отступничествахъ съ другой стороны въ эти первые годы, послѣдовавшіе за его ссылкой **)...

---

*) Станиславъ Рыхлинскій, умершій въ Иркутскѣ въ 1904 году.

**) В. Я. Богучарскій въ «Мірѣ Божіемъ» (янв. 1905) высказываетъ весьма вѣроятное предположеніе, что рѣчь идетъ о другомъ стихотвореніи

Не знаю—въ Нерчинскѣ, или уже по переводѣ въ Акатуй въ тюрьму, гдѣ содержался Чернышевскій, стали присылать русскихъ политическихъ ссыльныхъ. Такимъ образомъ, составилось цѣлое общество, въ которомъ были также интеллигентные поляки и даже два итальянца гарибальдійца, участвовавшіе въ польскомъ возстаніи, вскорѣ, впрочемъ, помилованные и высланные на родину.

Вся эта компанія жила однимъ кружкомъ, и только Чернышевскій по-прежнему держался нѣсколько въ сторонѣ. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы онъ удалялся сознательно отъ товарищей по заключенію,—нѣтъ, онъ былъ знакомъ со всѣми, а съ нѣкоторыми даже довольно друженъ; но всетаки онъ стоялъ по возрасту и по интересамъ внѣ кружка, не участвуя въ его интимностяхъ, маленькихъ партіяхъ, ссорахъ и примиреніяхъ.

Порой въ общей камерѣ устраивались чтенія или рефераты. Въ кружкѣ были свои поэты, политико-экономы, критики и публицисты. Чернышевскій тоже слушалъ эти чтенія, а иногда и участвовалъ въ нихъ очень оригинальнымъ образомъ. Онъ приходилъ съ толстой тетрадью, садился, раскрывалъ ее и читалъ свои повѣсти, длинныя аллегоріи и т. д. Чтеніе это продолжалось иногда два-три вечера. Одинъ изъ слушателей (г. Шагановъ) записалъ впослѣдствіи содержаніе нѣкоторыхъ изъ этихъ произведеній.

Я не стану повторять ихъ здѣсь, тѣмъ болѣе, что большая часть деталей, полученныхъ уже мною изъ вторыхъ рукъ, исчезли изъ моей памяти. Скажу только, что одинъ изъ такихъ разсказовъ представлялъ цѣлую повѣсть, съ очень сложнымъ дѣйствіемъ, съ массой приключеній, отступленій научнаго свойства, психологическимъ и даже физіологическимъ анализомъ. Читалъ Чернышевскій неторопливо, но спокойно и плавно. Каково же было удивленіе слушателей, когда одинъ изъ нихъ, заглянувъ черезъ плечо лектора, увидѣлъ, что онъ самымъ серьезнымъ образомъ смотритъ въ чистую тетрадь и перевертываетъ не записанныя страницы.

Впослѣдствіи и мой братъ, хорошо знавшій покойнаго, а отчасти и я самъ, имѣли случай убѣдиться въ этой удивительной способности къ импровизаціи, которая чрезвычайно походила на чтеніе хорошо написаннаго и въ совершенствѣ отдѣланнаго литературнаго разсказа. Здѣсь выступаетъ также и другая черта покойнаго, которую я узналъ въ немъ при

Некрасова, а именно о стихахъ въ честь Комисарова-Костромского, напечатанныхъ въ апрѣльской книжкѣ «Современника» 1866 года.

личномъ знакомствѣ: это какое-то особое добродушное лукавство, съ которымъ онъ порой любилъ мистифицировать собесѣдника. Разговаривая съ нимъ, никогда не мѣшало держать ухо востро, чтобы не принять въ серьезъ какую-либо шутку. Кромѣ того, онъ часто, развивая какую-нибудь сложную мысль, — отмѣчалъ ходъ своей аргументаціи, такъ сказать, отдѣльными вѣхами, снимая всѣ логическіе мостики, облегчающіе слушателю возможность легко и безъ труда слѣдовать за нимъ, и вамъ приходилось дѣлать самые неожиданные скачки, чтобы не отстать и не потерять изъ виду общей связи. Но зато, если вы понимали его шутку и не теряли нити, въ его добродушно-лукавыхъ глазахъ вспыхивало выраженіе удовольствія, почти наслажденія *).

Такимъ я увидѣлъ его въ 1889 году, незадолго до кончины, такимъ же рисуетъ его и приведенный только что разсказъ. Съ этой оговоркой я могу, пожалуй, привести и содержаніе самой повѣсти, прося помнить, что мы не имѣемъ данныхъ для сужденія, насколько мысли, въ ней высказанныя, слѣдуетъ принимать серьезно или считать простой шуткой, упражненіемъ могучаго и нѣсколько юмористически въ то время направленнаго ума среди казематной скуки и казематнаго бездѣлья. Замѣчу, что заглавіе повѣсти было „Не для всѣхъ“ (или „Другимъ нельзя“).

Дѣйствующія лица: русская дѣвушка и два ея поклонника. Оба умны, оба хороши собой, оба влюблены въ нее. У обоихъ есть, конечно, свои особенности ума и характера, есть и недостатки; но все это природа распредѣлила между ними такъ, что черты одного дополняютъ черты другого. Дѣвушка и любитъ ихъ обоихъ. Когда порой она рѣшается отдать предпочтеніе одному изъ искателей, то чувствуетъ также, что другой образъ ей приходится съ болью отрывать отъ сердца, что тѣ свойства души, которыя приходится отвергнуть, тоже привлекаютъ ее, и ей трудно отъ нихъ отказаться. Тогда два друга-соперника рѣшаются кинуть жребій, и одинъ уступаетъ съ пути, исчезая куда-то безъ вѣсти и навсегда.

Молодая женщина сильно чувствуетъ всетаки потерю: любовь мужа не можетъ дать ей полнаго успокоенія. Она чахнетъ, и доктора совѣтуютъ путешествіе. На Великомъ океанѣ ихъ застаетъ штормъ. Корабль носится по волнамъ, безъ

---

*) Въ письмѣ ко мнѣ, вызванномъ первымъ изданіемъ этой книги, Германъ Александровичъ Лопатинъ говоритъ, что «объ этой привычкѣ Чернышевскаго мистифицировать собесѣдника и защищать въ началѣ совсѣмъ *не свое* мнѣніе» ему разсказывалъ въ Сибири А. П. Щаповъ.

руля, съ изорванными парусами, приблизительно такъ, какъ это происходитъ во многихъ романахъ съ „захватывающей“ фабулой, которые съ большимъ юморомъ пародируются въ этой части разсказа. Конецъ бури застаетъ молодого человѣка и его жену погибающими въ волнахъ вблизи невѣдомаго острова. Въ послѣднія мгновенія, когда истощены всѣ силы, — кто-то кидается къ нимъ съ острова на помощь, и они спасены.

Но тутъ оказывается, что спасенные отъ ярости стихій,— они становятся жертвами насмѣшливой судьбы. Ихъ спаситель — не кто иной, какъ все тотъ же, навсегда исчезнувшій другъ и соперникъ, и вопросъ возникаетъ вновь въ формѣ тѣмъ болѣе трагической, что островъ совершенно необитаемъ, и они на немъ единственные жители, окруженные со всѣхъ сторонъ насмѣшливо ревущимъ океаномъ. Разыгрывается цѣлый романъ со сценами мученій, ревности и безысходнаго отчаянія. Наконецъ, когда положеніе обостряется до послѣдней степени, кому-то (кажется, именно молодой женщинѣ) приходитъ въ голову исходъ изъ невыразимо-запутаннаго положенія и притомъ исходъ, который если и грѣшитъ чѣмъ-нибудь, то именно излишней простотой. Зачѣмъ всѣ эти мученія, ведущія къ ненависти, къ возможности убійства, къ очевидной гибели всѣхъ троихъ, когда все дѣло въ томъ, чтобы жить всѣмъ троимъ, то есть... втроемъ. Дѣло такъ ясно... Пробуютъ, — и послѣ легкой побѣды надъ нѣкоторыми укоренившимися чувствами — все устраивается прекрасно. Наступаетъ миръ, согласіе, и вмѣсто ада на необитаемомъ островѣ водворяется рай.

Далѣе — опять, какъ въ романахъ съ приключеніями, — тоска по родинѣ, печальные взгляды на необозримую даль океана, парусъ на горизонтѣ, смѣна надежды, отчаянія, опять надежды... Они на кораблѣ, они въ Европѣ.

И именно въ Англіи. Они считаютъ ее страной свободы, а скрываться они не желаютъ, такъ какъ не признаютъ въ своемъ необычномъ союзѣ ничего противообщественнаго. Оказывается однако, что именно въ Англіи, этой странѣ традицій и семейнаго романа, гдѣ развратъ терпится при условіи пуританскаго соблюденія внѣшности и рутины, но величайшая добродѣтель не спасаетъ отъ наказанія за нарушеніе этой внѣшности, — ихъ союзъ производитъ соблазнъ, начинаются сосѣдскія сплетни, общественное мнѣніе вынуждаетъ власти къ вмѣшательству, и три наши героя оказываются на скамьѣ подсудимыхъ. Судъ, публика, рѣчи прокуроровъ, защиты, судей и подсудимыхъ — все это описывалось чрезвычайно

подробно. Въ послѣднемъ словѣ одинъ изъ подсудимыхъ (кажется, именно, женщина) произноситъ блестящую рѣчь, гдѣ отстаиваетъ право каждаго устраивать свою жизнь по указаніямъ своей совѣсти. Она разсказываетъ о своихъ попыткахъ устроить ее на основаніи общественнаго кодекса, о томъ, къ какимъ результатамъ чуть не привели онѣ всѣхъ троихъ; какъ ихъ выходъ спасъ отъ ненависти и убійства. Присяжные ихъ оправдываютъ, и они уѣзжаютъ въ Америку, гдѣ, среди броженія новыхъ формъ жизни, и ихъ союзъ находитъ терпимость и законное мѣсто.

Повторяю, — я не могу сказать, была ли это простая шутка, или тутъ отразилась обычная черта временъ „бури и натиска", когда подвергаются пересмотру всѣ „общепринятыя положенія"... Во всякомъ случаѣ, нѣкоторый элементъ шутки и лукаваго юмора присутствовалъ въ этомъ эпизодѣ несомнѣнно *).

Кромѣ этой повѣсти, въ запискахъ, о которыхъ я говорю, приводилось еще содержаніе шуточно-аллегорической комедіи, написанной Чернышевскимъ и даже разыгранной въ казематѣ. Содержаніе этой шутки, юморъ которой весь испарился уже въ первой передачѣ, я пересказывать не берусь (теперь она уже напечатана).

---

*) По поводу передачи этой «повѣсти» я долженъ сдѣлать существенную оговорку. Записки Шаганова я читалъ еще въ Якутской области въ 1884 году. Кромѣ того, я встрѣчался и лично съ Шагановымъ и съ другими бывшими товарищами Чернышевскаго по каторгѣ (Странденъ, Юрасовъ. Загибаловъ, Николай Васильевъ, полякъ Станиславъ Рыхлинскій и др.), отъ которыхъ тоже слышалъ разсказы о совмѣстной съ нимъ жизни. Настоящія мои воспоминанія написаны въ 1889 году, то есть спустя 4—5 лѣтъ по выѣздѣ изъ Якутской области. Въ недавнее время вышли самыя записки Шаганова въ изданіи Э. Пекарскаго, а также «Личныя воспоминанія» Николаева. Въ обоихъ изданіяхъ излагаемое мною произведеніе Чернышевскаго называется не повѣстью, а драмой («Другимъ нельзя») и по внѣшнему содержанію значительно отличается отъ моего варіанта. Въ томъ же видѣ, т. е. въ формѣ драмы оно появилось въ X томѣ собр. соч. Ч-го. Такимъ образомъ я долженъ бы измѣнить свое изложеніе соотвѣтственно съ этими точными указаніями. Но меня останавливаетъ то обстоятельство, что въ моей памяти остались очень ясно не только общая идея, но и нѣкоторыя детали «повѣсти». Особенно отчетливо я помню указаніе на жизнь въ Англіи, на судъ и защитительную рѣчь... Эти подробности не могли очевидно попасть въ мое изложеніе случайно, какъ простыя неточности памяти. Нельзя-ли допустить, что было два варіанта: Чернышевскій могъ сначала кому-нибудь *читать* ненаписанную *повѣсть*, которую затѣмъ написалъ уже въ формѣ *драмы*. Въ надеждѣ содѣйствовать разъясненію этого вопроса и отсылая интересующагося читателя къ указаннымъ печатнымъ источникамъ, я рѣшилъ все-таки оставить и свой варіантъ, отмѣчая связанныя съ нимъ сомнѣнія. В. К.

III.

Большая часть товарищей Чернышевскаго были разосланы на поселеніе ранѣе его. Онъ проводилъ ихъ добрыми пожеланіями и напутствіями, а затѣмъ и самъ былъ переведенъ на сѣверъ, въ Якутскую область, на Вилюй.

Въ городъ Вилюйскъ, расположенный въ нѣсколькихъ сотняхъ верстъ на западъ отъ Якутска, на рѣкѣ того же имени, — не высылали русскихъ политическихъ ссыльныхъ. Въ шестидесятыхъ годахъ тамъ была выстроена особая тюрьма для польскихъ „повстанцевъ". Сначала въ ней помѣстили д-ра Дворжачека, потомъ поляка Іосафата Огрызко, знаменитаго въ свое время тѣмъ, что, занимая въ Петербургѣ очень важный постъ въ министерствѣ финансовъ, онъ держалъ въ своихъ рукахъ вмѣстѣ съ тѣмъ многія нити возстанія. Въ передовицахъ „Московскихъ Вѣдомостей" много разъ имя Огрызко употреблялось, какъ нарицательное, для воплощенія „польскаго коварства". Когда по манифестамъ, слѣдовавшимъ поочередно одни за другими, очередь помилованія дошла до Огрызко, который получилъ право свободныхъ переѣздовъ по Сибири и занялъ видное мѣсто по пріисковому дѣлу, — его тюрьма осталась пустой, и туда перевели Чернышевскаго.

Объ этомъ періодѣ его сибирской жизни извѣстно еще менѣе. „Теперь встревоженная мысль летитъ къ нему туда, на Вилюй, въ холодную могилу, гдѣ онъ томится одинъ, въ мрачномъ одиночномъ заключеніи", — приблизительно такъ кончались записки г. Шаганова. Тѣ самые люди, которые опровергли привезенные мной изъ Россіи слухи насчетъ помѣшательства Чернышевскаго въ Забайкальи, — повторяли эти тревожныя опасенія, перенося ихъ на Вилюй. Жизнь его тамъ, дѣйствительно, окружена была тайной, которая такъ рѣдко возможна въ Россіи.

Однажды къ намъ въ слободу пріѣхалъ новый писарь. Скромный, отягченный многочисленнымъ семействомъ и потому вынужденный иногда на нѣкоторыя сдѣлки съ совѣстью, онъ всетаки производилъ впечатлѣніе человѣка, далеко не погрязшаго въ тинѣ глухихъ сибирскихъ угловъ. Онъ явился къ намъ, познакомился и попросилъ книжекъ, предлагая, въ свою очередь, пользоваться своими.

Въ числѣ послѣднихъ мнѣ попалась одна съ надписью: „Такому-то отъ Чернышевскаго". Теперь я не помню уже, какая это была книга. Оказалось, что писарь служилъ ранѣе въ Вилюйскѣ и былъ хорошо знакомъ съ Чернышевскимъ.

Онъ разсказалъ мнѣ, что тюрьма Чернышевскаго можетъ быть названа тюрьмой только на половину. Съ нимъ вмѣстѣ жила стража: жандармы и казаки; но у него была своя отдѣльная комната, и онъ могъ выходить изъ нея, когда угодно. Онъ былъ знакомъ въ городѣ съ исправникомъ, кое съ кѣмъ изъ чиновниковъ и купцовъ. Но выходилъ въ гости всетаки рѣдко и не засиживался долго. Его стѣсняло то обстоятельство, что жандармъ долженъ былъ издали слѣдить за нимъ и дожидаться, пока онъ выйдетъ, что, при рѣдкой деликатности Чернышевскаго, совершенно отравляло для него всякое удовольствіе этихъ посѣщеній. „Что его, бѣднягу, заставлять дожидаться... Нѣтъ, ужъ лучше прощайте“,—говорилъ онъ и уходилъ въ свою комнату-тюрьму.

Разъ въ мѣсяцъ небольшой городокъ, похожій скорѣе на среднюю нашу деревню, оглашался звономъ почтоваго колокольчика; приходила почта, привозившая Чернышевскому письма, газеты и книги. Онъ тотчасъ же разносилъ книги по городу, приноровляясь ко вкусамъ читателей. Когда его спрашивали, отчего онъ такъ мало оставляетъ себѣ, онъ лукаво улыбался и говорилъ:

— А вы не поняли: разсчетъ! Вѣдь я обжора: накинусь, сразу все и поглощу. А такъ, по партіямъ, мнѣ и хватитъ на цѣлый мѣсяцъ.

Онъ очень любилъ, когда у него просили книгъ, и охотно занимался со своими тюремщиками. Мнѣ пришлось встрѣтиться на Ленѣ съ молодымъ жандармомъ, который пріятно поразилъ меня нѣкоторыми оборотами рѣчи и начитанностью. Оказалось, что онъ въ теченіе года былъ приставленъ къ Чернышевскому и говорилъ мнѣ, что охотно принялъ бы еще на годъ эту командировку, несмотря на скуку почти тюремной жизни.

Эти свѣдѣнія вновь разсѣяли мои опасенія. Было очевидно, что этотъ человѣкъ удивительно владѣетъ собой, держитъ себя въ рукахъ и не даетъ тяжелому и безжизненному отупѣнію далекаго захолустья побѣдить свой могучій умъ и здравый смыслъ, который всегда отличалъ его и прежде, служа главнымъ орудіемъ его въ борьбѣ „съ псевдоучеными авторитетами“. Но сколько силы растрачено въ этомъ пустомъ пространствѣ, на безплодную борьбу съ мертвымъ болотомъ! Я видѣлъ людей, которые прожили въ сибирской глуши гораздо меньше Чернышевскаго и не въ такихъ условіяхъ, и на нихъ подчасъ не оставалось человѣческаго облика. Однажды, на Оби, къ пароходу, который везъ новую партію ссыльныхъ и присталъ къ обрыву берега, чтобы набрать дровъ, вышли

изъ ближайшихъ остяцкихъ чумовъ нѣсколько остяковъ и остячекъ съ дѣтьми. Одинъ изъ этихъ дикарей, одѣтый, какъ и другіе, въ звѣриныя шкуры, съ липомъ, покрытымъ цѣлымъ слоемъ жиру и дыма, увидѣвъ на баржѣ „политическихъ", заговорилъ съ ними по-русски. Оказалось, что это тоже политическій ссыльный, поселенный среди остяковъ. Одна изъ остячекъ, безсмысленно глядѣвшая на чуждыхъ людей, была его жена, а маленькіе дикари, прижимавшіеся къ ней — его дѣти. Со слезами на глазахъ онъ прощался съ незнакомыми товарищами, когда баржа тихо отчаливала отъ кручи, чтобы пуститься далѣе по широкой и пустынной Оби, и въ его рѣчи слышалось, что онъ уже разучивается говорить по-русски.

Да, нужно было обладать могучимъ умомъ Чернышевскаго, чтобы не поддаться одиночеству долгой сибирской ссылки, безъ товарищей и друзей. Онъ не поддался и, насколько среда была къ этому способна, подымалъ ее до себя. Но и ссылка взяла у него все, что могла. Отнявъ непосредственное общеніе съ живыми фактами интеллектуальной жизни, она лишила сильный умъ его естественной пищи, необходимой для того, чтобы идти на ряду съ этой жизнью. Могучимъ усиліемъ онъ удержался на высотѣ прежнихъ способностей, но только удержался и именно на той ступени, на какой его застигла ссылка. Онъ вернулся къ намъ тѣмъ, чѣмъ былъ въ 60-хъ годахъ, а время,—къ худу ли, къ добру ли,—ушло далеко отъ этого мѣста. Правда, столкновеніе опьяняющихъ надеждъ и каземата, борьбы за передовыя реформы и допотопныхъ порядковъ Сибири, — это столкновеніе не могло не отразиться на немъ. И оно отразилось оттѣнкомъ скептическаго юмора и нѣкоторымъ недовѣріемъ къ прежнимъ „путямъ прогресса". Но и только. Въ остальномъ, повторяю, онъ не измѣнился.

Въ 1883 году весной опять пронесся у насъ, въ Якутской области, слухъ о смерти Чернышевскаго, но тотчасъ же этотъ слухъ замѣнился радостнымъ извѣстіемъ: Чернышевскаго возвращаютъ, Чернышевскій въ Якутскѣ.

Дѣйствительно, Чернышевскаго привезли съ Вилюя. Привезли съ жандармами прямо къ губернатору, который его угостилъ завтракомъ, и тотчасъ же, не давъ переночевать и отдохнуть,—повезли въ Россію, тщательно скрывая имя и не прописывая фамиліи на станціяхъ. Чернышевскій, сначала принявшій затракъ у губернатора, какъ любезное гостепріимство, вскорѣ убѣдился въ истинномъ значеніи этой губернаторской любезности, когда ему не позволили остаться въ городѣ для отдыха и покупокъ. Провожатые заѣхали только на нѣсколько минутъ и то, кажется, украдкой, къ одному

знакомому обывателю, который впослѣдствіи, покачивая головой, говорилъ мнѣ:

— Отличный, образованный господинъ, а, кажется, того... не совсѣмъ въ порядкѣ.

— А что?

— Да какъ-же, помилуйте, Ну, хотѣлъ сначала остановиться у меня отдохнуть. Жандармы говорятъ: „нельзя, строго наказалъ губернаторъ, чтобы отнюдь не останавливаться". Вотъ стали садиться въ повозку, онъ и говоритъ жандарму: „надо бы хоть къ губернатору-то вернуться. Рубль, что ли, ему за завтракъ отдать". Помилуйте,—на что же это похоже! Неужто губернатору его рубль нуженъ!

Впослѣдствіи, когда я ѣхалъ назадъ, мнѣ разсказывали курьезный эпизодъ, связанный съ этимъ „секретомъ полишинеля", какимъ окружали отъѣздъ Чернышевскаго изъ Сибири, о чемъ въ то время извѣстно было всей Россіи изъ газетъ.

За нѣсколько часовъ до выѣзда Чернышевскаго, по Ленѣ изъ Якутска отправилась почта. Почталіонъ, какъ и всѣ въ городѣ, конечно, зналъ, что Чернышевскій поѣдетъ вслѣдъ за нимъ, и, желая поусердствовать, — предупреждалъ всѣхъ смотрителей. Такимъ образомъ, подъѣзжая къ станціи въ лодкѣ, небольшой отрядъ съ важнымъ пересыльнымъ заставалъ уже на берегу готовыми новую лодку, лошадей для лямки и ямщиковъ въ парадныхъ (по возможности) костюмахъ. Это, наконецъ, обратило на себя вниманіе жандарма Машкова, расторопнаго служаки, съ которымъ и мнѣ пришлось познакомиться впослѣдствіи, имѣвшаго нѣсколько преувеличенное понятіе о своей миссіи.

— Что за чортъ, — удивился онъ.—Откуда вы знаете, что мы будемъ?

— Отъ почталіона такого-то. Проѣхалъ съ почтой и говоритъ: готовьтесь, Чернышевскаго везутъ.

— А, вотъ что! Онъ не обязанъ даже и знать-то, кого мы веземъ.

Машковъ усмотрѣлъ въ усердіи бѣдняги-почталіона разоблаченіе государственной тайны. Это, конечно, не удивительно. Гораздо удивительнѣе то, что усердный почталіонъ потерялъ мѣсто за сообщеніе того, что зналъ весь городъ, и за то, что онъ оказалъ жандармамъ дѣйствительную услугу, такъ какъ по всей Ленѣ ихъ ждали на берегу готовыя лодки, лошади и ямщики.

IV.

Теперь, минуя то, что извѣстно изъ газетъ, я прямо перейду къ описанію личнаго свиданія моего съ Чернышевскимъ.

17 августа 1889 года, часовъ около 6 вечера, я позвонилъ

у дверей деревяннаго флигеля во дворѣ, противъ общественнаго сада, въ Саратовѣ. Въ этомъ домикѣ жилъ Чернышевскій.

Въ Саратовѣ мнѣ разсказывали, что онъ и здѣсь, какъ въ Астрахани, живетъ отшельникомъ, ни съ кѣмъ не видится, и доступъ къ нему очень труденъ, почти невозможенъ. Говорили даже, будто на дверяхъ вывѣшено объявленіе: „никого не принимаютъ".

Объявленія, конечно, не было. Что же касается трудности доступа, то я это испыталъ на себѣ, хотя имѣлъ полное основаніе разсчитывать, что буду принятъ. Съ Николаемъ Гавриловичемъ заочно я давно уже былъ знакомъ черезъ брата, въ послѣдній же годъ мы съ нимъ немного переписывались. Онъ звалъ меня повидаться, и, что еще важнѣе въ данномъ отношеніи, — такое же приглашеніе получилъ я отъ Ольги Сократовны, его жены. Года два передъ тѣмъ я писалъ брату, когда онъ жилъ въ Астрахани, что лѣтомъ очень бы хотѣлъ пріѣхать туда и познакомиться съ Николаемъ Гавриловичемъ, но тогда послѣдній отвѣтилъ:

— Нѣтъ, ужъ это не надо. Мы съ В. Г., какъ два гнилыхъ яблока. Положи вмѣстѣ—хуже загніютъ.—Намекъ, очевидно, на то, что у насъ обоихъ репутація значительно въ глазахъ начальства попорчена.

Но въ послѣдніе годы этотъ строгій режимъ самъ Чернышевскій значительно ослабилъ (я думаю, — у него и тутъ, какъ съ чтеніемъ въ Вилюйскѣ, была извѣстная система),— но Ольга Сократовна продолжала держаться его до конца. Такимъ образомъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, въ отсутствіе Ольги Сократовны Чернышевскій иногда принималъ, кого попало, и къ нему проникали совершенно случайные посѣтители. Въ другое время не принимали никого, кромѣ тѣхъ, кто зналъ секретъ, открытый при свиданіи и мнѣ. Нужно было, не звоня у параднаго входа, обойти кругомъ и войти черезъ кухню.

Я не зналъ секрета, и ко мнѣ черезъ нѣсколько минутъ вышла кухарка. Не отворяя вполнѣ двери, она оглядѣла меня, какъ будто вспоминая, не видѣла ли меня прежде, потомъ загородила входъ и, улыбаясь мнѣ въ лицо, сказала, что Николая Гавриловича нѣтъ дома.

— А барыня?

— Уѣхали въ гости.

Мнѣ казалось, что баринъ дома, и что кухарка именно этому и смѣется. Но дѣлать было нечего. Я вынулъ визитную карточку, написалъ, что зайду еще завтра, и отдалъ кухаркѣ, не обозначивъ своего адреса.

Утромъ, вмѣстѣ съ женой, мы ушли изъ номера „Татарской гостиницы“, гдѣ остановились, въ гостиный дворъ, за покупками. Вернувшись около половины десятаго домой, мы получили отъ номерного записку на клочкѣ бумаги. На ней было написано характернымъ крупнымъ почеркомъ Чернышевскаго: „Приходилъ. Буду между 10-ю и четвертью одиннадцатаго. Н. Чернышевскій“.

Дѣйствительно, мы только что усѣлись за самоваръ, какъ въ назначенный срокъ скрипнула дверь, и кто-то, не видный изъ-за перегородки, заговорилъ:

— А-а, дома. Ну, вотъ и отлично, вотъ и пришелъ. А, вотъ вы какой, Владиміръ Галактіоновичъ... Ну, каково поживаете, каково поживаете?.. Ну, очень радъ.

Къ концу этой рѣчи Чернышевскій былъ уже около стола, протягивая мнѣ руку, точно мы съ нимъ старые знакомые и видѣлись лишь нѣсколько дней назадъ.

— А это кто у васъ? Жена, Авдотья Семеновна? Ну, и отлично, ну, и отлично, я очень радъ, голубушка, очень радъ. Ну, вотъ и пришелъ.

Я видѣлъ портреты Чернышевскаго. Одинъ изъ нихъ былъ снятъ въ Астрахани, кажется, за годъ до отъѣзда въ Саратовъ. На немъ Чернышевскій совсѣмъ не похожъ на того, нѣсколько мечтательнаго, молодого человѣка съ сильно выдавшимися скулами и рѣзко суженной нижней частью лица, съ почти прямымъ носомъ и очень тонкими губами, какимъ онъ изображенъ на портретѣ, который мы всѣ знали съ 70-хъ годовъ. Но теперь я по первому взгляду тоже не узналъ бы Чернышевскаго. Послѣдній его портретъ, находящійся въ обращеніи, изображаетъ мужественнаго человѣка, съ крупными чертами лица, очень мало напоминающими литератора. Густые длинные волосы по-русски, какъ у Гоголя, обрамляютъ это лицо и свѣшиваются на лобъ. Выраженіе серьезное, и въ немъ совсѣмъ не замѣтно оттѣнка добродушной улыбки и отчасти стариковскаго чудачества, которое оживляло лицо вошедшаго къ намъ человѣка.

Голосъ, который мы услышали еще изъ-за перегородки, былъ старческій, слегка приглушенный, но фигура сначала показалась мнѣ совсѣмъ молодой. Эту иллюзію производили въ особенности его каштановые волосы, длинные, кудрявившіеся внизу, безъ малѣйшихъ признаковъ сѣдины.

Но когда я взглянулъ ему въ лицо,—у меня какъ-то сжалось сердце: такимъ это лицо показалось мнѣ изстрадавшимся и изможденнымъ подъ этой прекрасной молодой шевелюрой. Въ сущности онъ былъ похожъ на портретъ, только черты

его, мужественныя на карточкѣ, были въ дѣйствительности мельче, миніатюрнѣе,—по нимъ прошло много морщинъ, и цвѣтъ этого лица былъ почти землистый.

Это желтая лихорадка, захваченная въ Астрахани, уже дѣлала свое быстрое, губительное дѣло.

Поляки, съ которыми я встрѣчался и жилъ въ Якутской области, сдѣлали интересное наблюденіе. Одинъ изъ нихъ разсказывалъ мнѣ, что почти всѣ, возвращавшіеся по манифестамъ прямо на родину послѣ того, какъ много лѣтъ прожили въ холодномъ якутскомъ климатѣ,—умирали неожиданно быстро. Поэтому, кто могъ,—старался смягчить переходъ, останавливаясь на годъ, на два или на три въ южныхъ областяхъ Сибири или въ сѣверо-восточныхъ Европейской Россіи.

Вѣрно это наблюденіе, или эти смерти—простыя случайности, но только на Чернышевскомъ оно подтвердилось. Изъ холодовъ Якутска Чернышевскій пріѣхалъ въ знойную Астрахань здоровымъ. Мой братъ видѣлъ его тамъ такимъ, каковъ онъ на портретѣ. Изъ Астрахани онъ переѣхалъ въ Саратовъ уже такимъ, какимъ мы его увидали, съ землистымъ цвѣтомъ лица, съ жестокимъ недугомъ въ крови, который уже велъ его къ могилѣ.

Это чувство внезапнаго и какого-то остраго сожалѣнія возвращалось ко мнѣ нѣсколько разъ въ теченіе разговора, который завязался у насъ какъ-то сразу, точно мы были съ Н. Г. родные, свидѣвшіеся послѣ долгой разлуки.

Онъ говорилъ оживленно и даже весело. Онъ всегда отлично владѣлъ собою, и если страдалъ,—а могъ ли онъ не страдать очень жестоко,—то всегда страдалъ гордо, одинъ, ни съ кѣмъ не дѣлясь своей горечью.

По истеченіи нѣкотораго времени, среди разговоровъ, онъ взялъ руку А. С. и, глядя на нее, сказалъ:

— Ну, вотъ, очень радъ, милая вы моя. Это отлично, право. Это очень хорошо. Я очень радъ, что узналъ васъ.— И неожиданно поцѣловалъ у нея руку. Она также неожиданно наклонилась и отвѣтила поцѣлуемъ въ лобъ, но онъ отстранился, какъ будто испугавшись этого внезапнаго излiянія.

— Нѣтъ, не надо. Сожалѣніе?.. не надо этого! Я вѣдь, знаете, какъ поцѣловалъ у васъ руку—изъ галантности! А-а, а вы не знали: я вѣдь галантнѣйшій кавалеръ.

И онъ съ шутливой манерностью поднесъ вторично ея руку къ губамъ.

— Да-съ. И вотъ онъ—тоже галантнѣйшій кавалеръ,—указалъ онъ на меня.—Утонченнѣйшая вѣжливость! Пришелъ вчера, не засталъ и оставилъ карточку, а адреса на карточкѣ

не написалъ. Понимаю, понимаю,—не объясняйте. Я отлично понимаю: значитъ, не трудитесь, Николай Гавриловичъ, отдавать визитъ, долгомъ сочту явиться вторично. Деликатность!.. А я изъ-за этой деликатности сегодня, высуня языкъ, весь городъ обѣгалъ, все разыскивалъ. На пристаняхъ былъ, въ полиціи былъ, наконецъ, догадался купить газету. Онѣ тутъ отмѣчаютъ всѣхъ пріѣзжихъ, останавливающихся въ гостинницахъ; вотъ и нашелъ.

Уже въ это первое свиданіе мнѣ вспомнился тотъ разсказъ, который я привелъ въ началѣ моего очерка,—о полякѣ, вышедшемъ изъ-подъ земли,—и впечатлѣніе опредѣлилось. „Тотъ самый, тотъ самый“, думалось съ грустью. Какая это, въ сущности, страшная трагедія остаться тѣмъ же, когда жизнь такъ измѣнилась. Мы слышимъ часто, что тотъ или другой человѣкъ „остался тѣмъ же хорошимъ, честнымъ и съ тѣми же убѣжденіями, какимъ мы его знали двадцать лѣтъ назадъ“. Но это нужно понимать условно. Это значитъ только, что человѣкъ остался въ томъ же отношеніи къ разнымъ сторонамъ жизни. Если вся жизнь передвинулась куда бы то ни было, и мы съ нею, и съ нею же нашъ знакомый,—то ясно, что мы не замѣтили никакой перемѣны въ положеніи. Но Чернышевскаго наша жизнь даже не задѣла. Она вся прошла вдали отъ него, промчалась мимо, не увлекая его за собой, не оставляя на его душѣ тѣхъ чертъ и рубцовъ, которые рѣка оставляетъ хотя бы на неподвижномъ берегу, и которые свидѣтельствуютъ о столкновеніяхъ и борьбѣ.

— Публицистика!.. — сказалъ однажды Чернышевскій на вопросъ моего брата, отчего онъ опять не возьмется за нее.— Какъ вы хотите, чтобы я занялся публицистикой. Вотъ у васъ теперь на очереди вопросъ о нападеніи на земство, на новые суды... Что я напишу объ нихъ: во всю мою жизнь я не былъ ни разу въ засѣданіи гласнаго суда, ни разу въ земскомъ собраніи.

Ни разу! Конечно: вѣдь его увезли до открытія новыхъ учрежденій, а привезли обратно, когда ихъ собирались уничтожить. И эта судьба постигла человѣка, всѣ помыслы сердца котораго, всѣ стремленія, вся жизнь—были жизнью, помыслами, стремленіями русскаго писателя-гражданина, и ничѣмъ болѣе. У него всѣ эти годы не было ничего, кромѣ литературы: ни семья, ни профессія—ничто не смягчало для него горечи ссылки, не могло смягчить и горечи возвращенія. Въ Сибири онъ стоялъ, какъ старый камень вдали отъ берега измѣнившей русло рѣки. Она катится гдѣ-то далеко, гдѣ-то шумятъ ея живыя волны,—но онѣ уже не обмываютъ его, одинокаго, печальнаго.

Его разговоръ обнаруживалъ прежній умъ, прежнюю діалектику, прежнее остроуміе; но матеріалъ, надъ которымъ онъ работалъ теперь, уже не поддавался его пріемамъ. Онъ остался по-прежнему крайнимъ раціоналистомъ по пріемамъ мысли, экономистомъ по ея основаніямъ.

Позволяя себѣ вторгнуться въ чужіе предѣлы,—я попробую очертить главныя основанія прежняго умственнаго склада Чернышевскаго и его сподвижниковъ. Вѣра въ силу устроительнаго разума, по Конту. Вся исторія—есть не что иное, какъ смѣна разныхъ силлогизмовъ, смѣна, происходящая по схемѣ Гегеля. „Докажите мнѣ, что это не такъ, что положеніе, антитеза и синтезъ Гегеля не имѣютъ мѣста въ исторіи,—и я уступлю вамъ по всѣмъ пунктамъ нашей полемики“, писалъ онъ, помнится, Вернадскому. Далѣе: главный матеріалъ, надъ которымъ оперируетъ разумъ, творящій соціальныя формы,—эгоистическіе и прежде всего матеріальные интересы. Сдѣлать подсчетъ этихъ интересовъ, поставить наибольшее благо наибольшаго числа людей въ качествѣ цѣли, показать эту таблицу съ ея противоположными итогами громаднымъ массамъ, которыя теперь, по неумѣнію разсчитать, допускаютъ существованіе неестественной соціальной ариѳметики,—остальное уже можно легко предсказать и предвидѣть.

Таковы были, по-моему, взгляды, такова, по-моему, была вѣра.

И вотъ — казематы Александровска, Нерчинска, Акатуя, которые не могли, конечно, разбить основныхъ взглядовъ,—очень удачно справлялись съ вѣрой, обломавъ ей крылья и ощипавъ перья. Основные философскіе взгляды остались, но вѣра въ непосредственное творческое дѣйствіе раціональныхъ идей утратилась. Для насъ, оставшихся среди жизни, этотъ процессъ совершился посредствомъ вторженія, постепеннаго и незамѣтнаго, новыхъ элементовъ міровоззрѣнія. Вмѣстѣ съ народнической литературой наше поколѣніе изучало народъ, которому приходилось показывать соціальную ариѳметику: оно изучало его также практически, цѣлымъ опытомъ народническо-пропагандистскаго движенія. И мы были поражены сложностью, противорѣчіями, неожиданностями, которыя при этомъ встрѣтились. Но эти разочарованія, причиняемыя столкновеніями съ живою жизнью, имѣютъ особое свойство: ихъ и исцѣляетъ сама жизнь. Противорѣчіе, неожиданность разрушаетъ прежній взглядъ, но тотчасъ же оно захватываетъ вниманіе, и незамѣтно зарождается въ душѣ возможность новыхъ воззрѣній. Вся литературная біографія Успенскаго, все, за что мы его такъ любимъ, весь захватывающій интересъ его дѣятельности, художественной и публицистической, объясняется

этой исторіей интеллигентной чуткой души, натыкающейся, въ поискахъ правды и жизненной гармоніи, на противорѣчія и диссонансы и все-таки не теряющей вѣры.

Переставъ быть „раціоналистическими экономистами“, мы тоже не остановились на мѣстѣ. Вмѣсто схемъ чисто экономическихъ, литературное направленіе, главнымъ представителемъ котораго является Н. К. Махайловскій, раскрыло передъ нами цѣлую перспективу законовъ и параллелей біологическаго характера, а игрѣ экономическихъ интересовъ отводилось надлежащее мѣсто. Все это лишало прежнюю постановку вопросовъ ея прозрачной ясности, усложняло ихъ, запутывало, но всѣ мы чувствовали, что намъ необходимо войти въ этотъ сложный лабиринтъ, и при этомъ мы прощали изслѣдователямъ отступленія, ошибки, противорѣчія.

Чернышевскій остался при прежнихъ взглядахъ; отъ художественнаго произведенія, какъ отъ критической или публицистической статьи, онъ требовалъ яснаго, простого, непосредственнаго вывода, который покрывалъ бы все содержаніе. Вотъ примѣръ, иллюстрирующій его отношеніе къ Гл. Успенскому.

— Ну, вотъ вамъ разсказъ: живетъ мужикъ, въ нуждѣ да въ работѣ, какъ конь ломовой. Вдругъ господа помогаютъ, или тамъ... урожай. Разбогатѣлъ на время, отдыхаетъ. Полѣзли въ голову мысли во время отдыха, сталъ пьянствовать, бить бабу, чуть не погибъ. Выводъ очевиденъ: не нужно мужику жить богаче и имѣть отдыхъ, чтобы не избаловался.

Я вспомнилъ дѣйствительно два разсказа Глѣба Ивановича приблизительно такого содержанія. Одинъ слѣдовалъ вскорѣ послѣ радостной картины урожая, гдѣ Успенскій описалъ, какъ понемногу „выпрямляется“ мужицкая душа отъ благодати урожая, и въ ней исчезаетъ злоба и звѣрство. Но вотъ, черезъ нѣкоторое время, онъ видитъ фактъ, послужившій поводомъ къ разсказу „Взбрело въ башку“, и, не заботясь о полной стройности всѣхъ выводовъ изъ всѣхъ своихъ разсказовъ, — взволнованный и разстроенный до глубины души (я видѣлъ его, когда онъ собирался писать этотъ разсказъ), кинулъ намъ этотъ живой фактъ, такъ сказать, еще теплый, во всей его правдѣ и со всѣми заключенными въ немъ противорѣчіями. Мы, сами давно уже бьющіеся среди сложности и противорѣчій жизни, ускользающей отъ нашего „устроенія“, любимъ и цѣнимъ въ писателѣ эту чуткую нервность и тонкую правдивую воспріимчивость къ такимъ фактамъ.

Чернышевскій, у котораго жизнь тоже утянула, какъ и у насъ, много прежнихъ надеждъ, не хотѣлъ все-таки, да и не

могъ считаться съ этой сложностью и требовалъ попрежнему ясныхъ, прямыхъ, непосредственныхъ выводовъ.

О всякомъ писателѣ онъ спрашивалъ прежде всего: умный онъ человѣкъ или нѣтъ? И далеко не за всѣми извѣстностями признавалъ это качество. За Михайловскимъ, напримѣръ, признавалъ, хотя совершенно отвергалъ его біолого-соціологическія параллели.

Съ особенной рѣзкостью говорилъ онъ о Толстомъ, и это понятно, потому что оба они имѣютъ общую точку соприкосновенія въ раціонализмѣ, хотя въ выводахъ стоятъ на противоположныхъ полюсахъ.

— А Толстымъ увлекаетесь?—спросилъ онъ, лукаво смотря на мою жену.—Превосходный писатель, не правда ли?

Жена сказала свое мнѣніе и спросила объ его собственномъ отношеніи къ послѣднимъ для того времени произведеніямъ Толстого.

Чернышевскій вынулъ платокъ и высморкался.

— Что, хорошо? — спросилъ онъ, къ великому нашему удивленію.—Хорошо я сморкаюсь? Такъ себѣ, не правда ли. Если бы у васъ кто спросилъ: хорошо ли Чернышевскій сморкается, вы бы отвѣтили: безъ всякихъ манеръ, да и гдѣ же какому-то бурсаку имѣть хорошія манеры. А что, если бы я вдругъ представилъ неопровержимыя доказательства, что я не бурсакъ, а герцогъ, и получилъ самое настоящее герцогское воспитаніе. Вотъ тогда бы вы тотчасъ же подумали: А-а, нѣтъ-съ, это онъ не плохо высморкался,—это и есть настоящая, самая рѣдкостная герцогская манера... Правда вѣдь? А?

— Пожалуй.

— Ну, вотъ то же и съ Толстымъ. Если бы другой написалъ сказку объ Иванѣ-дуракѣ,—ни въ одной редакціи, пожалуй, и не напечатали бы. А вотъ, подпишетъ графъ Толстой, — всѣ и ахаютъ. Ахъ, Толстой, великій романистъ! Не можетъ быть, чтобъ была глупость. Это только необычно и геніально! По-графски сморкается!..

V.

Вообще, къ движенію, обозначенному Толстымъ, но имѣвшему и другія родственныя развѣтвленія, онъ относился очень насмѣшливо и разсказывалъ нѣкоторые, сюда относящіеся эпизоды съ большимъ юморомъ. Я приведу одинъ изъ подобныхъ эпизодовъ, но, чтобы онъ могъ сказать все, что съ нимъ связано относительно характеристики Чернышевскаго, я долженъ прибавить еще нѣсколько словъ.

Въ квартирѣ Чернышевскаго, во второе мое свиданіе съ

нимъ, я встрѣтилъ, кромѣ его жены и секретаря, еще молодую дѣвушку, племянницу Чернышевскаго, знакомую моему брату. Она очень сердилась на послѣдняго за то, что онъ не отвѣтилъ на ея письмо, и часто возвращалась къ этому вопросу.

— Ахъ, милая вы моя, — полушутя, полусерьезно сказалъ ей Чернышевскій. — Развѣ кто-нибудь изъ серьезныхъ людей отвѣчаетъ на письма. Никогда! Да и не нужно. Положительно не нужно! Вотъ я вамъ случай разскажу изъ своей практики: какъ-то разъ Ольги Сократовны не было дома, хожу себѣ по комнатамъ, вдругъ звонокъ. Отворяю дверь,—какой-то незнакомый господинъ.—Что угодно?

— Николая Гавриловича Чернышевскаго угодно.

— А это я самый.

— Вы—Николай Гавриловичъ?

— Да, я Николай Гавриловичъ.

Онъ стоитъ, смотритъ на меня, и я на него смотрю. Потомъ вижу, что вѣдь такъ нельзя, позвалъ въ гостиную. Сѣлъ, облокотился на столъ, опять смотритъ въ лицо.

— Такъ вотъ это вы—Николай Гавриловичъ Чернышевскій.

— Да, говорю, я Николай Гавриловичъ Чернышевскій.

— А я, говоритъ, пріѣхалъ на пароходѣ, а поѣздъ уходитъ черезъ пять часовъ. Я и думаю: надо зайти къ Николаю Гавриловичу Чернышевскому.

— А-а, это, конечно, уважительная причина. Однако вотъ и моя жена пришла. Позвольте васъ представить, какъ васъ зовутъ?

— А это, говоритъ, вовсе и не нужно.

„Вотъ оно что,—подумалъ я:—какой-нибудь важный конспираторъ". — Увелъ его къ себѣ въ кабинетъ, посадилъ и говорю:—если при другихъ вамъ нельзя высказаться, то, можетъ, мнѣ одному скажете?

— Ахъ, нѣтъ, говоритъ, это не то вовсе. Моя фамилія такая-то, докторъ X. Ѣду теперь въ Петербургъ по своимъ дѣламъ.

И опять сидитъ, смотритъ.

— Такъ вотъ... Вы—Николай Гавриловичъ Чернышевскій!

— Я Николай Гавриловичъ Чернышевскій. Однако, знаете, до поѣзда все-таки еще долго. Давайте о чемъ-нибудь говорить.

— Ну, хорошо, давайте.

— О чемъ же?

О чемъ хотите, Николай Гавриловичъ Чернышевскій, о томъ и говорите.

Посмотрѣлъ я на него и думаю: давай попробую съ нимъ о Толстомъ заговорить. Взялъ да и обругалъ Толстого.

Смотрю,—ничего, никакого впечатлѣнія.

— Послушайте, говорю,—а можетъ быть вамъ это непріятно, что я тутъ о такомъ великомъ человѣкѣ такъ отзываюсь.

— Нѣтъ, говоритъ, ничего. Продолжайте. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, можетъ быть, я и очень бы огорчился. А теперь ничего, теперь я уже свою вѣру выдумалъ, собственную.

— А, вотъ это интересно. Разскажите, какую вы это выдумали вѣру. Можетъ, и хорошая вѣра.

— Конечно, хорошая. — Началъ разсказывать что-то, я слушаю. Должно быть, ужъ очень что-то умное,—ничего нельзя понять.

— Постойте, говоритъ. Я вамъ письмо съ дороги пришлю. Адресъ тоже пришлю, и вы мнѣ непремѣнно отвѣтьте. А теперь пойдемъ лучше пройдемся по городу да и на пароходъ.

Мнѣ тоже показалось, что это самое лучшее. Вѣра у него какая-то очень скучная, да и не графъ онъ ни въ какомъ смыслѣ... Не интересно. Проводилъ я его на пароходъ, пароходъ отчаливаетъ, а онъ все кричитъ:—Напишу, отвѣчайте непремѣнно, что думаете.

Отлично. Онъ уѣхалъ, а я забылъ. Только черезъ нѣкоторое время опять я одинъ, опять звонокъ. Отворяю. Опять незнакомецъ, на этотъ разъ молодой.

— Вы—Николай Гавриловичъ Чернышевскій?

— Я Николай Гавриловичъ Чернышевскій.

— Я отъ доктора Х.—А-а, думаю себѣ, пророкъ Андрей Первозванный. Присланъ меня въ новую вѣру обращать.

— Милости просимъ, говорю.

— Письмо къ вамъ, длинное. Проситъ отвѣта. Я съ нимъ увижусь!

— А вы кто?

Оказался ветеринаръ и человѣкъ отличный. Проѣздомъ... Устраивалъ свои дѣла, а теперь ѣдетъ въ университетъ. Планы все простые, хорошіе, какъ у всякаго порядочнаго молодого человѣка. Учиться собирается, ну и прочее... Все хорошо.

Думаю: нѣтъ, должно быть, не этой вѣры. И дѣйствительно,—съ докторомъ онъ встрѣтился совсѣмъ случайно.

— Ну, отлично, говорю. Вы хотите отвѣта?

— Просилъ Х. непремѣнно привезти. Ужъ вы, пожалуйста, Николай Гавриловичъ.

— Ахъ ты Господи! А содержаніе письма вамъ извѣстно?

— Нѣтъ, не знаю.

Ну, думаю, такъ, можетъ, еще освободить. — Давайте-ка, прочтемъ вмѣстѣ.—Усадилъ его въ кабинетѣ, вскрылъ письмо,

читаю. Прочиталъ нѣсколько,—все такъ же, какъ въ изустной рѣчи: или уже слишкомъ умно, или просто глупо, ничего не понимаю. Посмотрѣлъ на молодого человѣка. У него глаза удивленные...

— Ну, что, говорю, читать далѣе, или о чемъ другомъ поговоримъ?

— О другомъ, говоритъ, лучше.

— А отвѣчать надо?

— Помилуйте, говоритъ, что тутъ отвѣчать. Невозможно и отвѣтить ничего толкомъ.

— Такъ вотъ, видите,—улыбаясь, закончилъ онъ разсказъ, обращаясь къ племянницѣ. — О важныхъ дѣлахъ, о новой вѣрѣ и то не отвѣчаютъ, а вы тутъ о своихъ пустякахъ пишете и требуете отвѣта... Предразсудокъ!..

Дѣвушка, смѣясь, вышла изъ комнаты... Тогда, оглянувшись конспиративно на дверь, Чернышевскій наклонился ко мнѣ и сказалъ:

— Если передадите брату ея слова, скажите, пусть не сердится. Видите, она дѣвушка хорошая, честная, сирота. Жизнь вся прошла сѣро, сестеръ и братьевъ выводила въ люди, сама не видѣла ничего, никакой радости. Ну, а въ тотъ годъ, когда встрѣтилась съ вашимъ братомъ,—свалила съ себя главное-то бремя, стала жить на свой счетъ, по Волгѣ вотъ поѣхала... Все это—понимаете, и радостно ей, и кажется значительно очень. Свобода, встрѣча съ хорошими интеллигентными людьми послѣ глухого угла. Вотъ она и не можетъ себѣ представить, что эта случайная встрѣча важна и значительна только для нея одной, а не для другихъ, и вотъ почему ее такъ волнуетъ неполученіе отвѣта отъ случайно встрѣченнаго тогда человѣка.

Эта внимательность къ окружающимъ, это тонкое пониманіе чужого настроенія добавляетъ, по-моему, очень важную черту къ нравственному облику самого Чернышевскаго.

Позднимъ вечеромъ Чернышевскій проводилъ меня до воротъ, мы обнялись на прощаніе, и я не подозрѣвалъ, что обнимаю его послѣдній разъ...

VI.

Теперь еще нѣсколько словъ объ его отношеніи къ своему прошлому.

Мой братъ передавалъ мнѣ одну импровизацію Чернышевскаго. Эту легенду-аллегорію онъ слышалъ, къ сожалѣнію, изъ вторыхъ уже рукъ: ему разсказывала племянница Чернышевскаго, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ очень яркаго, жи-

вого юмористическаго разсказа самого Николая Гавриловича. Братъ передавалъ ее мнѣ тогда же, но теперь мы оба возстановили въ памяти лишь нѣкоторыя черты, одинъ остовъ этой аллегоріи. Я привожу ее всетаки, такъ какъ въ ней есть характерныя черты и проглядываютъ отчасти взгляды Чернышевскаго въ послѣднее время на свою прошлую дѣятельность.

Когда-то, во время кавказской войны, Шамиль спросилъ одного прорицателя объ исходѣ своего предпріятія. Прорицатель далъ отвѣтъ очень неблагопріятный. Шамиль разсердился и велѣлъ посадить пророка въ темницу, а затѣмъ приговорилъ его къ казни, въ виду того, что его предсказаніе вносило уныніе въ среду мюридовъ. Передъ казнью пророкъ попросилъ выслушать его въ послѣдній разъ и сказалъ: „въ эту ночь я видѣлъ вѣщій сонъ: есть гдѣ-то на свѣтѣ домъ, въ этомъ домѣ ученый человѣкъ сидитъ много лѣтъ надъ рукописями и книгами. Онъ придумаетъ вскорѣ такую машину, отъ которой перевернется не только Кавказъ и Константинополь, но и вся Европа. А будетъ это тогда, когда бараны станутъ кричать козлами“.

Шамиль задумался и хотѣлъ помиловать пророка, но мюриды возмутились еще больше: не ясно ли, что пророкъ сѣетъ въ рядахъ правовѣрныхъ напрасное уныніе,—гдѣ же видано, чтобы бараны кричали козлами?

И пророка казнили. Но когда стали готовиться, чтобы отпраздновать тризну по казненномъ, то одинъ изъ барановъ, назначенный къ закланію, вырвался изъ рукъ черкеса и, вскочивъ на крышу Шамилевой сакли, закричалъ три раза козломъ.

Тогда Шамиль ужаснулся и, призвавъ самаго вѣрнаго изъ своихъ адъютантовъ, далъ ему денегъ и велѣлъ ѣхать по свѣту, во что бы-то ни стало разыскать неизвѣстнаго ученаго и убить его прежде, чѣмъ онъ успѣетъ окончить свою работу.

Къ сожалѣнію, я совсѣмъ не знаю подробностей путешествія адъютанта по разнымъ странамъ. Слышавшіе этотъ разсказъ говорили, что описаніе этихъ поисковъ представляло настоящую юмористическую поэму. Теперь приходится ограничиться тѣмъ, что адъютантъ, дѣйствительно, разыскалъ ученаго и, кажется, именно въ Петербургѣ. Онъ засталъ его окруженнаго книгами, въ кабинетѣ, въ которомъ топился каминъ. Ученый сидѣлъ противъ огня и размышлялъ. Когда адъютантъ Шамиля объявилъ ему, что онъ долго его разыскивалъ, чтобы убить, ученый отвѣтилъ, что онъ готовъ умереть, но просилъ дать немного времени, чтобы покончить свои дѣла и планы.

— Ты хочешь привести въ исполненіе то, что у тебя здѣсь написано и начерчено?—спросилъ его мюридъ.

— Нѣтъ, я хочу все это сжечь въ каминѣ, чтобы никто не вздумалъ выполнить то, надъ чѣмъ я такъ долго трудился, считая, что работаю для блага людей. Теперь я пришелъ къ заключенію, что я ошибался!..

— Вы — были этотъ ученый? — спросила Чернышевскаго одна изъ слушательницъ.

— Нѣтъ, я — тотъ баранъ, который хотѣлъ кричать козломъ,—отвѣтилъ онъ съ добродушной ироніей, съ которой часто говорилъ о себѣ. Въ дальнѣйшіе комментаріи онъ не пускался, предоставляя по своему обыкновенію, слушателямъ дѣлать самимъ тѣ или другія заключенія.

Конечно, очень трудно по приведеннымъ мною обломкамъ судить о цѣломъ этой аллегоріи. Однако, на основаніи того, что я слышалъ впослѣдствіи отчасти отъ другихъ, отчасти же лично отъ Чернышевскаго, я позволю себѣ сдѣлать нѣкоторые комментаріи. Мнѣ кажется, что Чернышевскій имѣлъ здѣсь въ виду себя (а можетъ быть, также и другихъ), какъ теоретика и мыслителя, который вообразилъ себя практическимъ дѣятелемъ. Вѣроятно на это именно указываетъ сравненіе себя самого съ кроткимъ по природѣ бараномъ, которому вздумалось кричать по-козлиному. Мнѣ доводилось слышать эту же мысль, выраженную ясно и безъ всякихъ аллегорій.

— Ахъ, Владиміръ Галактіоновичъ,—говорилъ мнѣ покойный при личномъ свиданіи, когда мы стали перебирать прошлое и заговорили о Сибири.—Знаете-ли: попалъ я въ Акатуѣ въ среду сосланныхъ за революціонныя дѣла... Кого только тамъ не было: поляки, мечтавшіе о возстановленіи своей Рѣчи Посполитой, итальянцы-гарибальдійцы, пріѣхавшіе помогать полякамъ, наши каракозовцы!.. И все—народъ хорошій, но все—зеленая молодежь. Одному мнѣ подъ пятьдесятъ. Оглянулся я на себя и говорю: ахъ, старый дуракъ, куда тебя занесло. Ну, и стыдно стало...

Правда, всѣ эти нападки на прошлое, иногда высказываемыя въ очень рѣзкой формѣ самообличенія,—не отзывались ни унылымъ разочарованіемъ, ни слабодушнымъ покаяніемъ въ прошлыхъ „грѣхахъ“. Наоборотъ, послѣ такихъ выходокъ, Чернышевскій встряхивалъ своими густыми волосами, глядѣлъ исподлобья улыбающимся взглядомъ и прибавлялъ:

— А вѣдь всетаки, сказать правду: не все-же только худое было... Было кое-что и хорошее. Пожалуй, не мало было хорошаго, да, не мало.

Указаніемъ на это обстоятельство я отклоняю вмѣстѣ съ

тѣмъ упрекъ въ кажущемся противорѣчіи, которое можно бы, пожалуй, усмотрѣть въ томъ, что я говорилъ выше о Чернышевскомъ, оставшемся прежнимъ Чернышевскимъ 60-хъ годовъ, — съ его насмѣшками надъ своимъ прошлыхъ. Нѣтъ, онъ не смѣялся надъ прошлымъ и остался въ основныхъ своихъ взглядахъ тѣмъ-же революціонеромъ въ области мысли, со всѣми прежними пріемами умственной борьбы. Онъ смѣялся только надъ своими попытками практической дѣятельности и, пожалуй, не вѣрилъ въ близость и плодотворность общественнаго катаклизма.

Это фактъ, и, какъ таковой, я привожу его для характеристики этого крупнаго человѣка въ послѣдній періодъ его жизни.

VII.

Въ заключеніе приведу здѣсь легенду, которая сложилась о Чернышевскомъ еще при его жизни въ далекой Сибири, на Ленѣ.

Чернышевскаго привезли въ Россію лѣтомъ, а я ѣхалъ тѣмъ-же путемъ осенью того же года.

Трудно представить себѣ что-либо болѣе угрюмое, печальное и непривѣтное, чѣмъ приленская природа. Голыя скалы, иногда каменная стѣна на десятки верстъ и наверху, надъ вашей головой только лиственничный лѣсъ, да порой кресты якутскихъ могилъ. И такъ — почти на три тысячи верстъ. Русское населеніе Лены — это ямщики, поселенные здѣсь съ давнихъ временъ правительствомъ и живущіе у государства на жалованіи. Это своего рода сколокъ старинныхъ „ямовъ“, почтовая служба для государственныхъ цѣлей, среди дикой природы и полудикаго мѣстнаго населенія, среди тяжкой нужды. „Мы пеструю столбу караулимъ, говорилъ мнѣ съ горькой жалобой одинъ изъ ямщиковъ своимъ испорченнымъ полурусскимъ жаргономъ:—пеструю столбу, да сѣрый камень, да темную лѣсу“. Въ этой фразѣ излилась вся горькая жизнь русскаго мужика, потерявшаго совершенно смыслъ существованія. „Столбы для дому бей въ камень, пашн камень и камень кушай... и слеза наша на камень этотъ падетъ“,—говорилъ другой.

Эти люди, которые, какъ всѣ люди, все ждутъ чего-то и на что-то надѣются,—везли Чернышевскаго, когда его отправляли на Вилюй. Они замѣтили, что этого арестанта провожаютъ съ особеннымъ вниманіемъ, и долго въ юртахъ этихъ мужиковъ, забывающихъ родной языкъ, но хранящихъ воспоминанія о далекой родинѣ,—толковали о „важномъ гене-

ралѣ“, попавшемъ въ опалу. Затѣмъ его провезли обратно и опять съ необычными предосторожностями.

Въ сентябрѣ 1884 года, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ проѣзда Чернышевскаго по Ленѣ въ Россію, мнѣ пришлось провести нѣсколько часовъ на пустомъ островѣ Лены, въ ожиданіи, пока пронесется снѣговая туча. Мы съ ямщиками развели огонь, и они разсказывали о своемъ житьишкѣ.

— Вотъ развѣ отъ Чернышевскаго не будетъ ли намъ чего?—сказалъ одинъ изъ нихъ, задумчиво поправляя костеръ.

— Что такое? отъ какого Чернышевскаго?—удивился я.

— Ты развѣ не знаешь Чернышевскаго, Николай Гавриловича?

И онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее:

„Чернышевскій былъ у покойнаго царя (Александра II) важный генералъ и самый первѣйшій сенаторъ. Вотъ однажды созвалъ Государь всѣхъ сенаторовъ и говоритъ: слышу я—плохо у меня въ моемъ Государствѣ: людишки больно жалуются. Что скажете, какъ сдѣлать лучше?

„Ну, сенаторы... одинъ одно, другой другое... Извѣстно ужъ, какъ всегда заведено. А Чернышевскій молчитъ. Вотъ, когда всѣ сказали свое, царь говоритъ:—„Что же ты молчишь, мой сенаторъ Чернышевскій? Говори и ты“.—Все хорошо, твои сенаторы говорятъ—отвѣчаетъ Чернышевскій,—и хитро, да все вишь не то. А дѣло-то, батюшка Государь, просто... Посмотри на насъ: сколько на насъ золота да серебра навѣшано, а много ли мы работаемъ? Да, пожалуй, что меньше всѣхъ! А которые у тебя въ государствѣ больше всѣхъ работаютъ,—тѣ вовсе, почитай, безъ рубахъ. И все такъ идетъ навыворотъ. А надо вотъ какъ: намъ бы поменьше маленько богатства, а работы бы прибавить, а прочему народу убавить тягостей.

„Вотъ услышали это сенаторы и осердились. Самый изъ нихъ старшій и говоритъ:—Это, знать, послѣднія времена настаютъ, что волкъ волка съѣсть хочетъ.—Да одинъ за однимъ и ушли.

„И сидятъ за столомъ—Царь да Чернышевскій одни.

„Вотъ Царь и говоритъ: ну, братъ Чернышевскій, люблю я тебя, а дѣлать нечего, надо тебя въ дальныя мѣста сослать, потому съ тобой съ однимъ мнѣ дѣлами не управиться.

„Заплакалъ, да и отправилъ Чернышевскаго въ самое гиблое мѣсто, на Вилюй. А въ Петербургѣ осталось у Чернышевскаго 7 сыновъ и всѣ выросли, обучились и всѣ стали генералы. И вотъ, пришли они къ новому царю и говорятъ: вели, Государь, вернуть нашего родителя, потому его и отецъ твой

любилъ. Да теперь ужъ и не одинъ онъ будетъ,—мы всѣ съ нимъ, семь генераловъ.

„Царь и вернулъ его въ Россію, теперь чай будетъ спрашивать, какъ въ Сибири, въ отдаленныхъ мѣстахъ народъ живетъ?.. Онъ и разскажетъ...

„Привезъ я его въ лодкѣ на станокъ, да какъ жандармы-то сошли на берегъ,—я поклонился въ поясъ и говорю:

„— Николай Гавриловичъ! Видѣлъ наше житьишко?

„— Видѣлъ—говоритъ.

„— Ну, видѣлъ, такъ и слава-те Господи“.

Такъ закончилъ разсказчикъ въ полной увѣренности, что въ отвѣтѣ Чернышевскаго заключался залогъ лучшаго будущаго и для нихъ, приставленныхъ караулить „пеструю столбу да сѣрый камень“.

Я разсказалъ эту легенду Чернышевскому. Онъ съ добродушной ироніей покачалъ головой и сказалъ:

— А-а. Похоже на правду, именно похоже! Умные парни эти ямщики.

„Гражданская казнь Чернышевскаго“.

(По разсказу очевидца).

Въ Нижнемъ-Новгородѣ въ концѣ прошлаго вѣка умеръ врачъ А. В. Вѣнскій, „человѣкъ 60-хъ годовъ“, школьный товарищъ П. Д. Боборыкина и даже герой одного изъ романовъ этого писателя. Было извѣстно, что онъ присутствовалъ въ качествѣ очевидца при „гражданской казни“ Чернышевскаго. Въ первую годовщину смерти Чернышевскаго кружокъ нижегородской интеллигенціи рѣшилъ устроить поминки и рядомъ сообщеній возстановить въ памяти младшаго поколѣнія этотъ яркій, значительный и страдальческій образъ. Извѣстный земскій дѣятель А. С. Савельевъ предложилъ и Вѣнскому сдѣлать сообщеніе о событіи, котораго онъ былъ очевидцемъ. Въ то время собраніе въ память гонимаго писателя не могло, разумѣется, состояться вполнѣ „легально“, и Вѣнскій отказался въ немъ участвовать. Но онъ согласился дать письменные отвѣты на точно поставленные вопросы, которые и были прочитаны на нашемъ собраніи. Листокъ этотъ остался у меня, и я возстановилъ отвѣты Вѣнскаго въ первомъ изданіи моей книжки („Отошедшіе“).

Потомъ, въ декабрьской книжкѣ „Русскаго Богатства“ (1909 года) напечатана замѣтка М. П. Сажина о томъ же событіи. Пользуясь этой послѣдней замѣткой, какъ основа-

ніемъ, и дополняя ее нѣкоторыми чертами изъ отвѣтовъ А. М. Вѣнскаго,—мы можемъ теперь возстановить съ значительной полнотой этотъ поистинѣ символическій эпизодъ изъ исторіи русской оппозиціонной мысли и русской интеллигенціи.

Гражданская казнь Н. Г. Чернышевскаго происходила, какъ извѣстно, 19 мая 1864 года.

О времени экзекуціи,—говоритъ М. П. Сажинъ,—„было объявлено въ газетахъ за нѣсколько дней. Я съ двумя своими товарищами студентами-технологами въ назначенный день рано утромъ отправился на Конную площадь. Здѣсь, на серединѣ площади стоялъ эшафотъ — четырехугольный помостъ высотою аршина $1^1/_2$—2 отъ земли, выкрашенный черною краскою. На помостѣ высился черный столбъ, и на немъ, на высотѣ приблизительно одной сажени висѣла желѣзная цѣпь. На каждомъ концѣ цѣпи находилось кольцо настолько большое, что черезъ него свободно могла пройти рука человѣка, одѣтаго въ пальто. Середина этой цѣпи была надѣта на крюкъ, вбитый въ столбъ. Двѣ-три сажени отступя отъ помоста, стояли въ 2 или 3 шеренги солдаты съ ружьями, образуя сплошное карре съ широкимъ выходомъ противъ лицевой стороны эшафота. Затѣмъ, отступя еще 15—20 саженъ отъ солдатъ, стояли конные жандармы, довольно рѣдко, а въ промежуткѣ между ними и нѣсколько назадъ—городовые. Непосредственно за городовыми расположилась публика ряда въ 4—5, по преимуществу интеллигентная. Я съ товарищами стоялъ на правой сторонѣ площади, если встать лицомъ къ ступенямъ эшафота. Рядомъ съ нами стояли писатели: С. Максимовъ, авторъ извѣстной книги „Годъ на Сѣверѣ“, Павелъ Ивановичъ Якушкинъ, этнографъ-народникъ, и А. Н. Моригеровскій, сотрудникъ „Русскаго Слова“ и „Дѣла“. Всѣхъ троихъ я зналъ лично.

„Утро было хмурое, пасмурное (шелъ мелкій дождь). Послѣ довольно долгаго ожиданія появилась карета, въѣхавшая внутрь карре къ эшафоту. Въ публикѣ произошло легкое движеніе: думали, что это Н. Г. Чернышевскій, но изъ кареты вышли и поднялись на эшафотъ два палача. Прошло еще нѣсколько минутъ. Показалась другая карета, окруженная конными жандармами съ офицеромъ впереди. Карета эта также въѣхала въ карре, и вскорѣ мы увидѣли, какъ на эшафотъ поднялся Н. Г. Чернышевскій въ пальто съ мѣховымъ воротникомъ и въ круглой шапкѣ. Вслѣдъ за нимъ взошелъ на эшафотъ чиновникъ въ треуголкѣ и въ мундирѣ въ сопровожденіи, сколько помнится, двухъ лицъ въ штат-

скомъ платьѣ. Чиновникъ всталъ къ намъ лицомъ, а Чернышевскій повернулся спиной. Надъ затихшей площадью послышалось чтеніе приговора. До насъ, впрочемъ, долетали лишь отдѣльныя слова. Когда чтеніе кончилось, палачъ взялъ Н. Г. Чернышевскаго за плечо, подвелъ къ столбу и просунулъ его руки въ кольцо цѣпи. Такъ, сложивши руки на груди, Чернышевскій простоялъ у столба около четверти часа.

„Въ этотъ промежутокъ времени около насъ разыгрался слѣдующій эпизодъ: Павелъ Ивановичъ Якушкинъ (одѣтый по своему обыкновенію въ красной кумачной рубахѣ, въ плисовыхъ шароварахъ, заправленныхъ въ простые смазные сапоги, въ крестьянскомъ армякѣ изъ грубаго коричневаго сукна съ плисовой оторочкой и въ золотыхъ очкахъ) вдругъ быстро проскочилъ мимо городовыхъ и жандармовъ и направился къ эшафоту. Городовые и конный жандармъ бросились за нимъ и остановили его. Онъ сталъ горячо объяснять имъ, что Чернышевскій близкій ему человѣкъ и что онъ желаетъ съ нимъ проститься. Жандармъ, оставивъ Якушкина съ городовыми, поскакалъ къ полицейскому начальству, стоявшему у эшафота. Навстрѣчу ему уже шелъ жандармскій офицеръ, который, дойдя до Якушкина, сталъ убѣждать его:—„Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ, это невозможно“. Онъ обѣщалъ ему дать свиданіе съ Николаемъ Гавриловичемъ послѣ.

„На эшафотѣ въ это время палачъ вынулъ руки Чернышевскаго изъ колецъ цѣпи, поставилъ его на серединѣ помоста, быстро и грубо сорвалъ съ него шапку, бросилъ ее на полъ, а Чернышевскаго принудилъ встать на колѣни; затѣмъ взялъ шпагу, переломилъ ее надъ головою Н. Г. и обломки бросилъ въ разныя стороны. Послѣ этого Чернышевскій всталъ на ноги, поднялъ свою шапку и надѣлъ ее на голову. Палачи подхватили его подъ руки и свели съ эшафота.

„Черезъ нѣсколько мгновеній карета, окруженная жандармами, выѣхала изъ карре. Публика бросилась за ней, но карета умчалась. На мгновеніе она остановилась уже въ улицѣ и затѣмъ быстро поѣхала дальше.

„Когда карета отъѣзжала отъ эшафота, нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ на извозчикахъ поѣхали впередъ. Въ тотъ моментъ, когда карета нагнала одного изъ этихъ извозчиковъ, въ Н. Г. Чернышевскаго полетѣлъ букетъ цвѣтовъ. Извозчика тотчасъ же остановили полицейскіе агенты, четырехъ барышень арестовали и отправили въ канцелярію генералъ-губернатора князя Суворова. Бросившая букетъ, какъ тогда передавали, была Михаэлисъ, родственница жены Н. В. Шел-

нова. Разсказъ о цвѣтахъ я слышалъ отъ одной изъ четырехъ барышень, которая тоже была арестована и препровождена къ Суворову.

„Послѣдній, впрочемъ, ограничился выговоромъ. Дальнѣйшихъ послѣдствій исторія, кажется, не имѣла“.

Къ этому описанію „отвѣты Вѣнскаго прибавляютъ характерную черту, рисующую поведеніе Чернышевскаго на эшафотѣ и отношеніе къ нему разныхъ категорій зрителей.

„Вокругъ эшафота расположились кольцомъ конные жандармы, сзади нихъ публика, одѣтая прилично (много было литературной братіи и женщинъ, — въ общемъ не менѣе 400 человѣкъ *). Позади этой публики — простой народъ, фабричные и вообще рабочіе. „Помню,—говоритъ Вѣнскій,— что рабочіе расположились за заборомъ не то фабрики, не то строющагося дома, и головы ихъ высовывались изъ-за забора. Во время чтенія чиновникомъ длиннаго акта, листовъ въ 10,— публика за заборомъ выражала неодобреніе виновнику и его злокозненнымъ умысламъ. Неодобреніе касалось также его соумышленниковъ и выражалось громко. Публика, стоявшая ближе къ эшафоту, позади жандармовъ, только оборачивалась на роптавшихъ.

„Чернышевскій,—блондинъ, невысокаго роста, худощавый, блѣдный (по природѣ), съ небольшой клинообразной бородкой,—стоялъ на эшафотѣ безъ шапки, въ очкахъ, въ осеннемъ пальто съ бобровымъ воротникомъ. Во время чтенія акта оставался совершенно спокойнымъ; неодобренія зазаборной публики онъ, вѣроятно, не слыхалъ, такъ же какъ, въ свою очередь, и ближайшая къ эшафоту публика не слыхала громкаго чтенія чиновника. У позорнаго столба Чернышевскій смотрѣлъ все время на публику, раза два-три снимая и протирая пальцами очки, смоченныя дождемъ“.

Эпизодъ съ цвѣтами Вѣнскій разсказываетъ слѣдующимъ образомъ:

„Когда Чернышевскій былъ сведенъ съ эшафота и посаженъ въ карету, то изъ среды интеллигентной публики полетѣли букеты цвѣтовъ; часть ихъ попала въ карету, а большая часть мимо. Произошло легкое движеніе публики впередъ. Лошади тронулись. Дальнѣйшихъ комментарій со стороны толпы не было слышно... Дождь пошелъ сильнѣе“...

Наконецъ, г. Захарьинъ-Якунинъ въ „Руси“ говоритъ объ

*) Вѣнскій даетъ слѣдующую приблизительную схему: разстояніе публики отъ эшафота было саженъ 8 или 9, а «толщина кольца не менѣе одной сажени».

одномъ вѣнкѣ, который былъ брошенъ на эшафотъ въ то время, когда палачъ ломалъ надъ головой Ч—го шпагу. Бросила этотъ букетъ дѣвушка, которая тутъ же была арестована. Очень можетъ быть, что тутъ нѣтъ противорѣчія, и каждый изъ трехъ разсказчиковъ передаетъ лишь разные ими замѣченные моменты.

Это было 40 лѣтъ назадъ *). Народъ, только что освобожденный отъ крѣпостной зависимости, считалъ, вѣроятно, Чернышевскаго представителемъ „господъ", недовольныхъ освобожденіемъ. Какъ бы то ни было, исторія старушки, въ святой простотѣ принесшей вязанку хвороста на костеръ Гусса, повторилась, и картина, нарисованная безхитростными разсказами „очевидцевъ", вѣроятно, еще не разъ остановитъ на себѣ внимательный взглядъ художника и историка... Это пасмурное утро съ мелкимъ петербургскимъ дождикомъ... черный помостъ съ цѣпями на позорномъ столбѣ... фигура блѣднаго человѣка, протирающаго очки, чтобы взглянуть глазами философа на міръ, какъ онъ представляется съ эшафота... Затѣмъ узкое кольцо интеллигентныхъ единомышленниковъ, сжатое между цѣпью жандармовъ и полиціи съ одной стороны и враждебно настроеннымъ народомъ съ другой, и... букеты, невинные символы сочувственнаго исповѣдничества... Да, это настоящій символъ судебъ и роли русской интеллигенціи въ тотъ періодъ нашей общественности...

Едва ли можно сомнѣваться, что теперь отношеніе даже простой публики къ гражданской казни автора „Писемъ безъ адреса" было бы много сложнѣе...

---

*) Писано въ 1904 году.

АНТОНЪ ПАВЛОВИЧЪ ЧЕХОВЪ.

I.

Съ Чеховымъ я познакомился въ 1886 или въ началѣ 1887 г. (теперь точно не помню). Въ то время онъ успѣлъ издать два сборника своихъ разсказовъ. Первый, который я видѣлъ въ одно изъ своихъ посѣщеній на столѣ у Чехова, назывался „Сказки Мельпомены“ и, кажется, составлялъ изданіе какого-то юмористическаго журнала. Самая внѣшность его носила отпечатокъ, присущій нашей юмористической прессѣ. На обложкѣ стояло: „А. Чехонте“ и былъ изображенъ мольбертъ, а передъ нимъ—карикатурная фигура длинноволосаго художника. Если память мнѣ не измѣняетъ, виньетку эту рисовалъ братъ Антона Павловича, художникъ, умершій въ самомъ концѣ 80-хъ или началѣ 90-хъ годовъ, человѣкъ, какъ говорили, очень талантливый, но неудачникъ... Эту первую книжку Чехова мало замѣтили въ публикѣ, и теперь рѣдко кто ее, вѣроятно, помнитъ. Но нѣкоторые (кажется, не всѣ) разсказы изъ нея вошли въ послѣдующія изданія.

Затѣмъ, помнится, въ началѣ 1887 года появилась уже болѣе объемистая книга „Пестрыхъ разсказовъ“, печатавшихся въ „Будильникѣ“, „Стрекозѣ“, „Осколкахъ“ и на этотъ разъ подписанныхъ уже фамиліей А. П. Чехова. Эта книга была замѣчена сразу широкой читающей публикой. О ней начали писать и говорить. Писали и говорили разно, но много, и въ общемъ это былъ большой успѣхъ. Въ газетныхъ некрологахъ и замѣткахъ упоминается о томъ, будто А. С. Суворинъ первый разсмотрѣлъ среди вороховъ нашего тусклаго россійскаго „юмора“ неподдѣльныя жемчужины Чеховскаго таланта. Это, кажется, невѣрно. Первый обратилъ на нихъ вниманіе Д. В. Григоровичъ. Какъ кажется, онъ оцѣнилъ эти самородныя блестки еще тогда, когда онѣ были разбросаны на страницахъ юмористическихъ журналовъ или, быть мо-

жетъ, по первому сборнику „А. Чехонте“. Кажется, Григоровичъ же устроилъ изданіе „Пестрыхъ разсказовъ“, и едва-ли не отъ него узналъ о Чеховѣ Суворинъ, который и пригласилъ его работать въ „Новомъ Времени“. Въ первыя же свиданія мои съ Чеховымъ, Антонъ Павловичъ показывалъ мнѣ письма Григоровича. Одно изъ нихъ было написано изъ-за границы. Григоровичъ писалъ о тоскѣ, которую онъ испытываетъ въ своемъ курортѣ, о болѣзни, о предчувствіи близкой смерти. Чеховъ, пересылая мнѣ и это письмо, прибавилъ:

— Да, вотъ вамъ и извѣстность, и карьера, и большіе гонорары...

Эта пессимистическая нотка показалась мнѣ тогда случайной въ устахъ веселаго автора веселыхъ разсказовъ, передъ которымъ жизнь только еще открывала свои заманчивыя дали... Но впослѣдствіи я часто вспоминалъ эти слова, и они уже не казались мнѣ случайными...

Послѣ выхода въ свѣтъ „Пестрыхъ разсказовъ“ имя Антона Павловича Чехова сразу стало извѣстнымъ, хотя оцѣнка новаго дарованія вызывала разнорѣчіе и споры. Вся книга, проникнутая еще какой-то юношеской беззаботностью и, пожалуй, нѣсколько легкимъ отношеніемъ къ жизни и къ литературѣ, сверкала юморомъ, весельемъ, часто неподдѣльнымъ остроуміемъ и необыкновенной сжатостью и силой изображенія. А нотки задумчивости, лиризма и особенной, только Чехову свойственной печали, уже прокрадывавшіяся кое-гдѣ сквозь яркую смѣшливость,—еще болѣе оттѣняли молодое веселье этихъ, дѣйствительно „пестрыхъ“ разсказовъ.

II.

Въ то время въ Петербургѣ издавался журналъ „Сѣверный Вѣстникъ“. Издательницей его была А. М. Евреинова, редакція (первоначальная) составилась изъ бывшихъ сотрудниковъ „Отечественныхъ Записокъ“. Во главѣ ея стоялъ Ник. Конст. Михайловскій, близкое участіе принималъ Глѣбъ Ив. Успенскій и С. Н. Южаковъ, а въ редактированіи беллетристическаго и стихотворнаго отдѣла участвовалъ А. Н. Плещеевъ... Меня приглашали тоже ближе примкнуть къ этому журналу, и я ѣхалъ въ Петербургъ между прочимъ и по этому поводу. Въ то время я уже прочиталъ разсказы Чехова, и мнѣ захотѣлось проѣздомъ черезъ Москву познакомиться съ ихъ авторомъ.

Въ тѣ годы семья Чеховыхъ жила на Садовой, въ Кудринѣ, въ небольшомъ, красномъ уютномъ домикѣ, какіе, ка-

жется, можно встрѣтить только еще въ Москвѣ. Это былъ каменный особнячокъ, примыкавшій къ большому дому, но самъ составлявшій одну квартиру въ два этажа. Внизу меня встрѣтили сестра Чехова и младшій братъ, Михаилъ Павловичъ, тогда еще студентъ. А черезъ нѣсколько минутъ по лѣстницѣ сверху спустился и Антонъ Павловичъ.

Передо мною былъ молодой и еще болѣе моложавый на видъ человѣкъ, нѣсколько выше средняго роста, съ продолговавымъ, правильнымъ и чистымъ лицомъ, не утратившимъ еще характерныхъ юношескихъ очертаній. Въ этомъ лицѣ было что-то своеобразное, что я не могъ опредѣлить сразу, и что впослѣдствіи, по-моему очень мѣтко, опредѣлила моя жена, тоже познакомившаяся съ Чеховымъ. По ея мнѣнію, въ лицѣ Чехова, несмотря на его несомнѣнную интеллигентность, была какая-то складка, напоминавшая простодушнаго деревенскаго парня. И это было особенно привлекательно. Даже глаза Чехова, голубые, лучистые и глубокіе, свѣтились одновременно мыслью и какой-то, почти дѣтской, непосредственностью. Простота всѣхъ движеній, пріемовъ и рѣчи была господствующей чертой во всей его фигурѣ, какъ и въ его писаніяхъ. Вообще, въ это первое свиданіе Чеховъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка глубоко жизнерадостнаго. Казалось, изъ глазъ его струится неисчерпаемый источникъ остроумія и непосредственнаго веселья, которымъ были переполнены его разсказы. И вмѣстѣ угадывалось что-то болѣе глубокое, чему еще предстоитъ развернуться и развернуться въ хорошую сторону. Общее впечатлѣніе было цѣльное и обаятельное, несмотря на то, что я сочувствовалъ далеко не всему, что было написано Чеховымъ. Но даже и его тогдашняя „свобода отъ партій“, казалось мнѣ, имѣетъ свою хорошую сторону. Русская жизнь закончила съ грѣхомъ пополамъ одинъ изъ своихъ короткихъ цикловъ, по обыкновенію не разрѣшившійся во что-нибудь реальное, и въ воздухѣ чувствовалась необходимость нѣкотораго „пересмотра“, чтобы пуститься въ путь дальнѣйшей борьбы и дальнѣйшихъ исканій. И поэтому самая свобода Чехова отъ партій данной минуты, при наличности большого таланта и большой искренности, — казалась мнѣ тогда нѣкоторымъ преимуществомъ. Все равно, думалъ я,—это ненадолго... Среди его разсказовъ былъ одинъ (кажется, озаглавленный „По пути“): гдѣ-то на почтовой станціи встрѣчаются неудовлетворенная молодая женщина и скитающійся по свѣту тоже неудовлетворенный, сильно избитый жизнью, русскій „искатель“ лучшаго. Типъ былъ только намѣченъ, но онъ изумительно напомнилъ мнѣ одного изъ

значительныхъ людей, съ которымъ сталкивала меня судьба. И я былъ пораженъ, какъ этотъ беззаботный молодой писатель сумѣлъ мимоходомъ, безъ опыта, какой-то отгадкой непосредственнаго таланта такъ вѣрно и такъ мѣтко затронуть самыя интимныя струны этого, все еще не умершаго у насъ, долговѣчнаго рудинскаго типа... И мнѣ Чеховъ казался молодымъ дубкомъ, пускающимъ ростки въ разныя стороны, еще коряво и порой какъ-то безформенно, но въ которомъ уже угадывается крѣпость и цѣльная красота будущаго могучаго роста.

Когда въ Петербургѣ я разсказалъ въ кружкѣ „Сѣвернаго Вѣстника" о своемъ посѣщеніи Чехова и о впечатлѣніи, которое онъ на меня произвелъ, — это вызвало много разговоровъ. Талантъ Чехова признавали всѣ единогласно, но къ тому, на что онъ направитъ еще не опредѣлившуюся большую силу,—относились съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ. Отношеніе къ Чехову Михайловскаго читателямъ извѣстно: онъ часто и съ большимъ интересомъ возвращался къ его работамъ, признавалъ огромные размѣры его таланта, но тѣмъ суровѣе отмѣчалъ нѣкоторыя черты, въ которыхъ видѣлъ неправильное отношеніе къ литературѣ и ея назначенію. Ни о комъ, однако, изъ сверстниковъ Михайловскій не писалъ такъ много, какъ о Чеховѣ, а въ послѣдніе годы, какъ это тоже извѣстно, онъ относился къ Чехову съ большой симпатіей... Во всякомъ случаѣ, въ то время, о которомъ я разсказываю, „Сѣверный Вѣстникъ" Михайловскаго хотѣлъ бы видѣть Чехова въ своей средѣ, и мнѣ пришлось выслушать упрекъ, что во время своего посѣщенія, я (тогда еще новичекъ въ журнальномъ дѣлѣ) не позаботился о приглашеніи Чехова, какъ сотрудника.

Въ слѣдующее свое посѣщеніе я уже заговорилъ съ Чеховымъ объ этомъ „дѣлѣ", но еще раньше меня говорилъ съ нимъ о томъ же А. Н. Плещеевъ, заѣхавшій къ нему проѣздомъ черезъ Москву на Кавказъ. Чеховъ самъ разсказалъ мнѣ объ этомъ свиданіи, подтвердилъ обѣщаніе, данное Плещееву, но вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ нѣкоторое колебаніе. По его словамъ, онъ начиналъ литературную работу почти шутя, смотрѣлъ на нее частію какъ на наслажденіе и забаву, частію же, какъ на средство для окончанія университетскаго курса и содержанія семьи *).

*) Въ то время онъ былъ уже врачемъ, хотя и не практиковавшимъ, а братъ его, Михаилъ Павловичъ, начиналъ тоже печататься въ юмористическихъ журналахъ (подъ псевдонимомъ).

— Знаете, какъ я пишу свои маленькіе разсказы?.. Вотъ.

Онъ оглянулъ столъ, взялъ въ руки первую попавшуюся на глаза вещь, — это оказалась пепельница, — поставилъ ее передо мною и сказалъ:

— Хотите, — завтра будетъ разсказъ... Заглавіе „Пепельница“.

И глаза его засвѣтились весельемъ. Казалось, надъ пепельницей начинаютъ уже роиться какіе-то неопредѣленные образы, положенія, приключенія, еще не нашедшія своихъ формъ, но уже съ готовымъ юмористическимъ настроеніемъ...

Теперь, когда я вспоминаю этотъ разговоръ, небольшую гостиную, гдѣ за самоваромъ сидѣла старуха-мать, сочувственныя улыбки сестры и брата, вообще всю атмосферу сплоченной, дружной семьи, въ центрѣ которой стоялъ этотъ молодой человѣкъ, обаятельный, талантливый, съ такимъ, повидимому, веселымъ взглядомъ на жизнь,—мнѣ кажется, что это была самая счастливая, послѣдняя счастливая полоса въ жизни всей семьи,—радостная идиллія у порога готовой начаться драмы... Въ выраженіи лица и въ манерахъ тогдашняго Чехова мнѣ вспоминается какая-то двойственность: частію это былъ еще беззаботный Антоша Чехонте, веселый, удачливый, готовый посмѣяться между прочимъ надъ „умнымъ дворникомъ“, рекомендующимъ въ кухнѣ читать книги, и надъ парикмахеромъ, который во время стрижки узнаетъ, что его невѣста выходитъ за другого, и потому оставляетъ голову кліента недостриженной... Образы тѣснились къ нему веселой и легкой гурьбой, забавляя, но рѣдко волнуя... Они наполняли уютную квартирку и, казалось, приходили въ гости заразъ ко всей семьѣ. Сестра Антона Павловича разсказывала мнѣ, что братъ, комната котораго отдѣлялась отъ ея спальной тонкой перегородкой, часто стучалъ къ ней ночью въ стѣнку, чтобы подѣлиться темой, а иной разъ готовымъ уже разсказомъ, внезапно возникшимъ въ головѣ. И оба удивлялись и радовались неожиданнымъ комбинаціямъ... Но теперь въ этомъ беззаботномъ настроеніи происходила замѣтная перемѣна: и самъ Антонъ Павловичъ, и его семья не могли не замѣтить, что въ рукахъ Антоши не просто забавная и отчасти полезная для семьи игрушка,—но великая драгоцѣнность, обладаніе которой можетъ оказаться очень отвѣтственнымъ. Кажется, въ то время былъ уже напечатанъ (въ „Нов. Времени“) очеркъ „Святою ночью“, чудная картинка, проникнутая глубоко захватывающей, обаятельной грустью, еще примиряющей и здоровой, но уже, какъ небо отъ земли, удаленной отъ безпредметно смѣшливаго настроенія большинства

„Пестрыхъ разсказовъ“. И въ лицѣ Чехова, недавняго беззаботнаго сотрудника „Осколковъ“, проступало какое-то особенное выраженіе, которое въ старину назвали бы „первыми отблесками славы“... Я помню, что въ словахъ матери, видимо счастливой и гордившейся успѣхомъ сына, звучали уже грустныя ноты. Мы говорили съ Антономъ Павловичемъ о поѣздкѣ въ Петербургъ и о томъ, гдѣ мы тамъ встрѣтимся, и г-жа Чехова сказала со вздохомъ:

— Да, мнѣ кажется, что Антоша теперь ужъ не мой...

Какъ это часто бываетъ, у матери было вѣрное предчувствіе...

Мы условились встрѣтиться въ Петербургѣ въ редакціи „Осколковъ“, гдѣ я дѣйствительно нашелъ Чехова въ назначенный день, въ кабинетѣ редактора г. Лейкина. Здѣсь, между прочимъ, произошелъ небольшой инцидентъ: наканунѣ г. Лейкинъ похвастался передъ Чеховымъ прекраснымъ разсказомъ, присланнымъ въ „Осколки“ неизвѣстнымъ еще начинающимъ авторомъ, помнится, изъ Царскаго Села. Редакторъ пришелъ въ восторгъ и пригласилъ автора для личныхъ переговоровъ, съ цѣлью привлечь его къ журналу. Чеховъ захотѣлъ прочитать рукопись. Оказалось, однако, что это было просто-на-просто одинъ изъ его собственныхъ очерковъ, старательно переписанный съ печатнаго и подписанный невѣдомой фамиліей. Лучшій признакъ извѣстности: плагіатъ уже, очевидно, оцѣнилъ новое дарованіе и тянулся къ нему, какъ чужеядное растеніе...

III.

Черезъ нѣкоторое время первый журнальный разсказъ А. П. Чехова былъ написанъ. Назывался онъ „Степью“. Во время моего пребыванія въ Петербургѣ А. Н. Плещеевъ получилъ изъ Москвы письмо, въ которомъ Чеховъ писалъ, что работа у него подвигается быстро. „Не знаю, что выйдетъ, но только чувствую, что вокругъ меня пахнетъ степными цвѣтами и травами“,—такъ приблизительно (цитирую на память) опредѣлялъ Чеховъ настроеніе этой своей работы, и это же несомнѣнно чувствуется въ чтеніи. На этомъ первомъ „большомъ“ разсказѣ Чехова лежалъ еще, правда, отпечатокъ привычной ему формы. Нѣкоторые критики отмѣчали, что „Степь“—это какъ бы нѣсколько маленькихъ картинокъ, вставленныхъ въ одну большую раму. Несомнѣнно, однако, что эта большая рама заполнена однимъ и очень выдержаннымъ настроеніемъ. Читатель какъ будто самъ ощущаетъ вѣяніе свободнаго и могучаго степного вѣтра, насыщеннаго

ароматовъ цвѣтовъ, самъ слѣдитъ за сверканіемъ въ воздухѣ степной бабочки и за мечтательно-тяжелымъ полетомъ одинокой и хищной птицы, а всѣ фигуры, нарисованныя на этомъ фонѣ, тоже проникнуты оригинальнымъ степнымъ колоритомъ. Младшій Чеховъ (Михаилъ Павловичъ) говорилъ мнѣ вскорѣ послѣ того, какъ разсказъ появился въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, что въ немъ очень много автобіографическихъ личныхъ воспоминаній.

Есть въ немъ, между прочимъ, одна подробность, которая казалась мнѣ очень характерной для тогдашняго Чехова. Въ разсказѣ фигурируетъ Дениска, молодой крестьянскій парень. Выступаетъ онъ въ роли кучера. Бричка съ путниками останавливается въ степи на привалъ въ знойный, удушливый полдень. Горячіе лучи жгутъ головы, откуда-то несется пѣсня, „тихая, тягучая и заунывная, похожая на плачъ и едва уловимая слухомъ... Точно надъ степью носился невидимый духъ и пѣлъ“, или сама она, „выжженная, полумертвая, уже погибшая, безъ словъ, но жалобно и искренно убѣждала кого-то, что она ни въ чемъ не виновата, что солнце выжгло ее понапрасну... вины не было, но она всетаки просила у кого-то прощенія и клялась, что ей невыносимо больно, грустно и жалко себя“... Въ это время Дениска просыпается первымъ изъ отдыхающихъ путниковъ. Онъ подходитъ къ ручью, пьетъ, аппетитно умывается, плескаясь и фыркая. Несмотря на зной, на тоскливый пейзажъ, на еще болѣе тоскливую пѣсню, неизвѣстно откуда несущуюся и говорящую о неизвѣстной винѣ, Дениска переполненъ ощущеніемъ бодрости и силы.

— А ну, кто скорѣе доскачетъ до осоки!—говоритъ онъ Егорушкѣ, главному герою разсказа, и не только одерживаетъ побѣду надъ усталымъ отъ зноя Егорушкой, но, не довольствуясь этимъ, предлагаетъ тотчасъ же скакать обратно.

Я какъ-то шутя сказалъ Чехову, что онъ самъ похожъ на своего Дениску. И дѣйствительно, въ самый разгаръ 80-хъ годовъ, когда общественная жизнь такъ похожа была на эту степь съ ея безмолвной истомой и тоскливой пѣснью, онъ явился беззаботный, веселый, съ избыткомъ бодрости и силы. То и дѣло у него неизвѣстно откуда являлись разные проекты и притомъ какъ-то сразу, въ готовомъ видѣ, съ мелкими деталями... Однажды онъ сталъ развивать передо мною планъ журнала, въ которомъ будутъ участвовать беллетристы, числомъ 25, „и всѣ начинающіе, вообще молодые“. Въ другой разъ, устремивъ на меня свои прекрасные глаза съ выраженіемъ внезапно созрѣвающей мысли, онъ сказалъ:

— Слушайте, Короленко... Я пріѣду къ вамъ въ Нижній.

— Буду очень радъ. Смотрите же—не обманите.

— Непремѣнно пріѣду... Будемъ вмѣстѣ работать. Напишемъ драму. Въ четырехъ дѣйствіяхъ. Въ двѣ недѣли.

Я засмѣялся. Это былъ опять Дениска.

— Нѣтъ, Антонъ Павловичъ. Мнѣ за вами не ускакать. Драму вы пишите одинъ, а въ Нижній всетаки пріѣзжайте.

IV.

Онъ сдержалъ слово, пріѣхалъ въ Нижній и очаровалъ всѣхъ, кто его въ это время видѣлъ. А въ слѣдующій свой пріѣздъ въ Москву я засталъ его уже за писаніемъ драмы. Онъ вышелъ изъ своего рабочаго кабинета, но удержалъ меня за руку, когда я, не желая мѣшать, собрался уходить.

— Я дѣйствительно пишу и непремѣнно напишу драму,— сказалъ онъ,—„Иванъ Ивановичъ Ивановъ“... Понимаете? Ивановыхъ тысячи... обыкновеннѣйшій человѣкъ, совсѣмъ не герой... И это именно очень трудно... Бываетъ-ли у васъ такъ: во время работы, между двумя эпизодами, которые видишь ясно въ воображеніи,—вдругъ пустота...

— Черезъ которую,—сказалъ я,—приходится строить мостки уже не воображеніемъ, а логикой?..

— Вотъ, вотъ...

— Да, бываетъ, но я тогда бросаю работу и жду.

— Да, а вотъ въ драмѣ безъ этихъ мостковъ не обойдешься...

Онъ казался нѣсколько разсѣяннымъ, недовольнымъ и, какъ будто, утомленнымъ. Дѣйствительно, первая драма далась Чехову трудно и повлекла за собою первыя же серьезныя чисто литературныя волненія и огорченія. Не говоря о заботахъ сценической постановки, о терзаніяхъ автора, видящаго, какъ далеко слово отъ образа, а театральное исполненіе отъ слова,—въ этой драмѣ впервые оказался переломъ въ настроеніи Чехова. Я помню, какъ много писали и говорили о нѣкоторыхъ безпечныхъ выраженіяхъ Иванова, напр., о фразѣ: „другъ мой, послушайте моего совѣта: не женитесь ни на еврейкахъ, ни на психопаткахъ, ни на курсисткахъ“... Правда, это говоритъ Ивановъ, но русская жизнь такъ болѣзненно чутка къ нѣкоторымъ наболѣвшимъ вопросамъ, что публика не хотѣла отдѣлить автора отъ героя; да, сказать правду, въ „Ивановѣ“ не было той непосредственности и беззаботной объективности, какая сквозила въ прежнихъ произведеніяхъ Чехова. Драма русской жизни захватывала въ свой широкій водоворотъ вышедшаго на ея арену писателя: въ

его произведеніи чувствовалось невольно вѣяніе какой-то тенденціи, чувствовалось, что авторъ на что-то нападаетъ и что-то защищаетъ, и споръ шелъ о томъ, что именно онъ защищаетъ и на что нападаетъ. Вообще, эта первая драма, которую Чеховъ передѣлывалъ нѣсколько разъ, можетъ дать цѣнный матеріалъ для вдумчиваго біографа, который пожелаетъ прослѣдить исторію душевнаго перелома, приведшаго Чехова отъ „Новаго Времени", въ которомъ онъ охотно писалъ въ началѣ и куда не давалъ ни строчки въ послѣдніе годы,—въ „Русскія Вѣдомости", въ „Жизнь" и въ „Русскую Мысль"... Беззаботная непосредственность роковымъ образомъ кончалась, начиналась тоже роковымъ образомъ рефлексія и тяжелое сознаніе отвѣтственности таланта*).

Слѣдующій за „Степью" разсказъ „Именины" былъ тоже напечатанъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ". За нимъ слѣдовалъ третій („Огни")... Его настроеніе значительно усложнялось, а пожалуй, и омрачалось нѣсколько циничными, но еще болѣе грустно-скептическими нотами, и Чеховъ въ перепискѣ нѣсколько разъ выражаетъ недовольство этимъ разсказомъ. Остальное памятно, безъ сомнѣнія, всей читающей Россіи. За „Пестрыми разсказами" послѣдовалъ сборникъ съ характернымъ названіемъ: „Въ сумеркахъ". Затѣмъ „Хмурые люди"; затѣмъ въ „Русской Мысли" появилась „Палата № 6-й",—произведеніе поразительное по захватывающей силѣ и глубинѣ, съ какимъ выражено въ немъ новое настроеніе Чехова, которое я назвалъ бы настроеніемъ второго періода. Оно совершенно опредѣлилось, и всѣмъ стала ясна неожиданная перемѣна: человѣкъ, еще такъ недавно подходившій къ жизни съ радостнымъ смѣхомъ и шуткой, беззаботно веселый и остроумный, при болѣе пристальномъ взглядѣ въ глубину жизни неожиданно почувствовалъ себя пессимистомъ. Къ третьему періоду я бы отнесъ разсказы, а пожалуй, и драмы послѣднихъ годовъ, въ которыхъ звучитъ и стремленіе къ лучшему, и вѣра въ него, и надежда. Черезъ дымку грусти, порой очень красивой, порой разъѣдающей и острой и всегда поэтической, эта надежда сквозитъ, какъ куполы церквей дальняго города, едва видные сквозь знойную пыль и удушливый туманъ труднаго пути... И надъ всѣмъ царитъ меланхолическое сознаніе:

Жаль только: жить въ эту пору прекрасную
Ужъ не придется ни мнѣ, ни тебѣ...

---

*) Драма «Ивановъ» была напечатана въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» (мартъ, 1889 г.).

V.

Послѣ этихъ первыхъ встрѣчъ, довольно частыхъ вначалѣ нашего знакомства, мы видѣлись съ Чеховымъ все рѣже и рѣже. Наши литературныя связи и симпатіи (я говорю о личныхъ связяхъ и симпатіяхъ въ литературной средѣ) въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ были различны, и выходило такъ, что онѣ перекрещивались рѣдко также и впослѣдствіи, когда онъ сошелся съ родственными и мнѣ литературными кругами. Я тогда-же (т. е. въ концѣ 80-хъ годовъ) сдѣлалъ было попытку свести Чехова съ Михайловскимъ и Успенскимъ. Мы вмѣстѣ отправились съ нимъ въ назначенный часъ въ Пале рояль, гдѣ тогда жилъ Михайловскій и гдѣ мы уже застали Глѣба Ивановича Успенскаго и Александру Аркадьевну Давыдову (впослѣдствіи издательницу журнала „Міръ Божій"). Но изъ этого какъ-то ничего не вышло. Глѣбъ Ивановичъ сдержанно молчалъ (тогда у него начинали уже появляться признаки сильной душевной усталости и, пожалуй, предвѣстники болѣзни). Михайловскій одинъ поддерживалъ разговоръ, и даже Александра Аркадьевна,—человѣкъ вообще необыкновенно деликатный и тактичный, — задѣла тогда Чехова какимъ-то рѣзкимъ замѣчаніемъ относительно одного изъ тогдашнихъ его литературныхъ друзей. Когда Чеховъ ушелъ, я почувствовалъ, что попытка не удалась. Глѣбъ Ивановичъ, съ которымъ мы вмѣстѣ вышли отъ Михайловскаго, замѣтилъ, съ своей обычной чуткостью, что я огорченъ, и сказалъ:

— Вы любите Чехова?

Я попытался изобразить то чувство, которое у меня было къ Чехову, и то впечатлѣніе, какое онъ на меня производитъ. Онъ слушалъ съ обычнымъ своимъ задумчивымъ вниманіемъ и сказалъ:

— Это хорошо...—но самъ остался сдержаннымъ. Теперь я понимаю, что веселость тогдашняго Чехова, Чехова „Пестрыхъ разсказовъ"—была чужда и непріятна Успенскому. Самъ онъ когда-то былъ полонъ глубокаго и своеобразнаго юмора, острота котораго очень рано перешла въ горечь. Михайловскій чрезвычайно вѣрно и чрезвычайно мѣтко обрисовалъ въ статьѣ объ Успенскомъ ту цѣломудренную сдержанность, съ какой онъ сознательно обуздывалъ свою склонность къ смѣшнымъ положеніямъ и юмористическимъ образамъ изъ боязни профанировать скорбные мотивы злополучной русской дѣйствительности. Хорошо это или плохо, — я здѣсь разсуждать не буду. Думаю, конечно, что было бы превосходно, если бы люди съ такими природными залежами смѣха въ душѣ на-

ходили въ себѣ и въ окружающей атмосферѣ достаточно силы, чтобы побѣдить великое уныніе русской жизни своимъ еще болѣе сильнымъ смѣхомъ. Тогда мы имѣли бы, можетъ-быть, міровые шедевры сатирической литературы. Но... мечтать можно о чемъ угодно, а фактъ всетаки состоитъ въ томъ, что современное русское уныніе само побѣждаетъ русскій юморъ, и это съ неизбѣжностью рокового закона отразилось—къ сожалѣнію, даже слишкомъ скоро—на самомъ Чеховѣ.

Но въ то время еще было иначе, и я помню, съ какимъ скорбнымъ недоумѣніемъ и какъ пытливо глубокіе глаза Успенскаго останавливались на открытомъ, жизнерадостномъ лицѣ этого талантливаго выходца изъ какого-то другого міра, гдѣ еще могутъ смѣяться такъ беззаботно. Чеховъ тоже инстинктивно сторонился отъ назрѣвшаго уже въ Успенскомъ настроенія, которое сторожило его самого,—и они разошлись нѣсколько холодно, пожалуй, съ безотчетнымъ нерасположеніемъ другъ къ другу.

Теперь нѣтъ уже обоихъ. Успенскій умеръ раньше, могила Чехова еще не закрылась, когда я пишу эти строки... Но оба сошли со сцены съ надеждой на будущее и со жгучей скорбью о настоящемъ.

Вспоминается мнѣ еще одинъ разговоръ съ Чеховымъ о Гаршинѣ. Не помню, было ли это послѣ смерти Гаршина или подъ конецъ его омраченной жизни... Я недавно вернулся изъ Сибири, и во мнѣ еще были живы и свѣжи глубокія впечатлѣнія отъ ея величаво-угрюмой природы и ея людей. И мнѣ казалось, что, если бы можно было отвлечь Гаршина отъ мучительныхъ впечатлѣній нашей дѣйствительности, удалить на время отъ литературы и политики, а главное — снять съ усталой души то сознаніе общей отвѣтственности, которое такъ угнетаетъ русскаго человѣка съ чуткой совѣстью... если бы взамѣнъ этого поставить его лицомъ къ лицу только съ первобытной природой и первобытнымъ человѣкомъ,—то, думалось мнѣ, больная душа могла бы еще расправиться. Но Чеховъ возразилъ съ категоричностью врача:

— Нѣтъ, это дѣло непоправимое: раздвинулись какія-то молекулярныя частицы въ мозгу, и ужъ ничѣмъ ихъ не сдвинешь...

Впослѣдствіи мнѣ часто вспоминались эти слова. Черезъ годъ-два „раздвинулись частицы“ у Успенскаго и, сколько ни искалъ онъ исцѣленія во „врачующемъ просторѣ“ родины, какъ ни метался по степямъ и ущельямъ Южнаго Урала, по горнымъ хребтамъ Кавказа, по Волгѣ и „захолустнымъ рѣкамъ“ средней Россіи,—ему не удалось стряхнуть все глубже

въѣдавшейся въ душу тоски, какъ и сознанія „общей отвѣтственности“ передъ правдой жизни за всѣ ея неправды. А затѣмъ „раздвинулись частицы“ и у Чехова. Правда, это были частицы легкихъ, а не мозга, ясность котораго онъ сохранилъ до конца. Но кто скажетъ, какую роль въ физической болѣзни играла та глубокая разъѣдающая грусть, на фонѣ которой совершались у Чехова всѣ душевные, а значитъ и физическіе процессы...

Мои встрѣчи съ Чеховымъ во второй половинѣ 90-хъ годовъ уже были не часты и случайны. Въ періодъ уже опредѣлившейся болѣзни мы встрѣтились только 3—4 раза. Одинъ разъ это было въ 1897 г., въ редакціи „Русской Мысли“. Въ то время я тоже былъ боленъ. Чеховъ разспрашивалъ меня со вниманіемъ товарища и врача и, выйдя изъ редакціи, на улицѣ задушевно пожалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Ничего... вы поправитесь, увѣряю васъ,—вы поправитесь.

— И вы тоже поправитесь, Антонъ Павловичъ!..—сказалъ я съ вѣрой, истекавшей изъ сильнаго желанія вѣрить.

— Да, да, надѣюсь... Мнѣ и теперь лучше,—отвѣтилъ онъ, и мы разстались.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ его въ 1903 г. въ Ялтѣ, куда я пріѣхалъ для разговора объ одномъ общемъ заявленіи. Чеховъ написалъ мнѣ, что хочетъ заѣхать въ Полтаву, и я предупредилъ его, зная, какъ ему это трудно. Онъ жилъ на своей дачѣ, которую построилъ (по-художнически непрактично) подъ Ялтой; съ нимъ жили сестра и жена. Какъ и въ первую нашу встрѣчу, сестра Чехова встрѣтила меня внизу, какъ и тогда, Чеховъ спустился по лѣстницѣ сверху. У меня сжалось сердце при этомъ воспоминаніи. Это былъ тотъ же Чеховъ, но куда дѣвалась его увѣренная, спокойная жизнерадостность? Черты обострились, стали какъ будто жестче, и только глаза все еще порой лучились и ласкали. Но и въ нихъ чаще виднѣлось застывшее выраженіе грусти. Сестра разсказывала, что по временамъ онъ сидитъ цѣлые часы, глядя въ одну точку... Во время разговора онъ взялъ лежавшую на столѣ книгу, недавно рекомендованную русскому читателю Л. Н. Толстымъ.

— Поленца, „Крестьянинъ“. Читали? Хорошая книга,— сказалъ онъ.—Вотъ если бы мнѣ еще написать одну такую книгу... я считалъ бы, что этого довольно. Можно умереть.

Онъ умеръ раньше...

VI.

И опять невольно приходитъ въ голову сопоставленіе: Гоголь, Успенскій, Щедринъ, теперь—Чеховъ. Этими именами почти исчерпывается рядъ выдающихся русскихъ писателей

съ сильно выраженнымъ юмористическимъ темпераментомъ. Двое изъ нихъ кончили прямо острой меланхоліей, двое другихъ безпросвѣтной тоской: Пушкинъ называлъ Гоголя „веселымъ меланхоликомъ“, и это мѣткое опредѣленіе относится одинаково ко всѣмъ перечисленнымъ писателямъ... Гоголь, Успенскій, Щедринъ и Чеховъ...

Неужели въ русскомъ смѣхѣ есть въ самомъ дѣлѣ что-то роковое? Неужели реакція прирожденнаго юмора на русскую дѣйствительность,—употребляя терминологію химиковъ,—неизбѣжно даетъ ядовитый осадокъ, разрушающій всего сильнѣе тотъ сосудъ, въ которомъ она совершается, т. е. душу писателя?..

ВСЕВОЛОДЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ГАРШИНЪ.

Литературный портретъ.

(2 февраля 1855 г.—24 марта 1888 г.).

Въ октябрьской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ 1877 года появился разсказъ „Четыре дня“, подписанный неизвѣстнымъ тогда именемъ Вс. Гаршина. Это былъ эпизодъ изъ только что закончившейся русско-турецкой войны. Интеллигентный человѣкъ, рядовой, раненый во время стычки съ турецкимъ отрядомъ, падаетъ въ кустахъ о бокъ съ убитымъ имъ же феллахомъ. Только на четвертый день его поднимаютъ санитары и уносятъ въ госпиталь. Чувства, мысли, впечатлѣнія раненаго за эти четыре дня и составляли все содержаніе небольшого разсказа. Но они были выражены съ такой художественною простотой и силой, что никому до тѣхъ поръ неизвѣстное имя молодого автора сразу засверкало надъ тогдашнимъ литературнымъ горизонтомъ яркой звѣздой, привлекавшей съ тѣхъ поръ вниманіе, надежды и симпатіи образованнаго русскаго общества.

Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ происходилъ изъ старой дворянской семьи. По семейному преданію, родоначальникъ ея, мурза Горша, вышелъ изъ золотой орды при Иванѣ III. „Дѣдъ мой (по отцу),—писалъ Всеволодъ Гаршинъ въ своей автобіографіи *), — былъ человѣкъ жестокій, крутой и властный: поролъ мужиковъ, пользовался правомъ primae noctis и обливалъ кипяткомъ фруктовыя деревья непокорныхъ однодворцевъ“. Отецъ представлялъ рѣзкую противоположность. Онъ кончилъ 1 московскую гимназію, слушалъ два года лекціи въ московскомъ университетѣ и, поступивъ въ кирасиры,—отличался необычной для николаевской военной среды

*) Лит. сборникъ «Красный цвѣтокъ». Сообщеніе С. А. Венгерова.

гуманностью въ обращеніи съ солдатами. Дѣдъ Гаршина съ материнской стороны, отставной морякъ Акимовъ, тоже представлялъ рѣзкое исключеніе въ тогдашней средѣ. Въ 1843 году, когда на юго-востокѣ Россіи чуть не все населеніе вымирало отъ голода и цынги, Акимовъ заложилъ имѣніе и на занятыя деньги привезъ „изъ Россіи“ большое количество хлѣба, который и раздавалъ крестьянамъ, своимъ и чужимъ.

Всеволодъ Гаршинъ родился (третьимъ ребенкомъ) въ Бахмутскомъ уѣздѣ 2-го февраля 1855 года. Первыя жизненныя впечатлѣнія дала ему военная среда. „Какъ сквозь сонъ помню,— пишетъ онъ въ той же автобіографической замѣткѣ,— полковую обстановку, огромныхъ рыжихъ коней и огромныхъ людей въ латахъ, бѣлыхъ съ голубымъ колетахъ и волосатыхъ каскахъ. Вмѣстѣ съ полкомъ мы часто переѣзжали съ мѣста на мѣсто“. Много смутныхъ воспоминаній осталось отъ этого времени въ памяти ребенка, и, вѣроятно, впослѣдствіи они послужили фономъ для новыхъ впечатлѣній этого же рода; почти треть разсказовъ Гаршина посвящена военнымъ темамъ.

Пятый годъ своей жизни онъ отмѣчаетъ, какъ особенно бурный. Его возили изъ Старобѣльска въ Харьковъ, изъ Харькова въ Одессу, оттуда назадъ въ Харьковъ и Старобѣльскъ. „И все это,—отмѣчаетъ онъ,—на почтовыхъ зимой, осенью и лѣтомъ“. Повидимому, были и еще какія-то тяжелыя обстоятельства, помимо неудобства передвиженій. „Еще ребенкомъ,—пишетъ одинъ изъ біографовъ *),—Всеволоду Михайловичу пришлось пережить многое такое, что выпадаетъ на долю лишь немногихъ“. „Преобладающее на моей физіономіи печальное выраженіе, — писалъ самъ Гаршинъ, — вѣроятно, получило свое начало въ эту пору“.

Съ 5 до 8-лѣтняго возраста, живя только съ отцомъ (мать съ старшими сыновьями уѣхала въ Петербургъ), мальчикъ увлекся чтеніемъ книгъ изъ отцовской библіотеки. Въ семь лѣтъ онъ уже прочелъ „Соборъ Парижской Богоматери“ В. Гюго. „Перечитавъ его потомъ, въ 25 лѣтъ, — говоритъ онъ въ автобіографіи, — я не нашелъ ничего новаго“. Тогда же онъ познакомился съ Пушкинымъ, Гоголемъ, Лермонтовымъ, Жуковскимъ, а „Что дѣлать“ Чернышевскаго читалъ въ „Современникѣ“ въ то самое время, когда авторъ сидѣлъ въ крѣпости. „Это раннее чтеніе,—замѣчаетъ онъ,—безъ сомнѣнія, было очень вредно“.

Въ 1863 году мать взяла его тоже въ Петербургъ, гдѣ

---

*) Сборникъ „Памяти Гаршина“. Ст. Я. В. Абрамова.

онъ поступилъ въ 7 петербургскую гимназію. Умственныя склонности мальчика опредѣлились рано. Хорошія отмѣтки онъ получалъ за русскія сочиненія. Математику ненавидѣлъ, хотя она давалась ему легко, и очень любилъ точныя науки: естествознаніе, ботанику, химію, физику. Это отразилось впослѣдствіи на его литературной манерѣ: точность наблюденія и опредѣленность выраженія мысли являются характерной чертой Гаршина-писателя. Въ гимназической журналистикѣ, которая тогда процвѣтала, уже обращали на себя вниманіе фельетоны Гаршина за подписью Агасферъ.

Реформа Толстого,—превратившая 7-ю гимназію въ реальное училище,—преградила Гаршину доступъ въ университетъ, и потому въ 1874 году онъ поступилъ въ Горный Институтъ. Но техническая дѣятельность не соотвѣтствовала его склонностямъ, и цѣлью своей жизни онъ уже сознательно ставитъ литературу. „Я чувствую, — писалъ онъ въ 1875 году А. Я. Герду, — что только на этомъ поприщѣ я буду работать изо всѣхъ силъ“. Литературный успѣхъ онъ считаетъ вопросомъ жизни и смерти. „Вернуться я уже не могу. Какъ вѣчному жиду голосъ какой-то говоритъ: „Иди, иди!“, — такъ и мнѣ что-то суетъ перо въ руки и говоритъ:—„Пиши, пиши!“ Въ 1876 году онъ уже напечаталъ въ газетѣ „Молва“ маленькій разсказъ („Подлинная исторія Энскаго земскаго собранія“, за подписью „Р. Л.“) и нѣсколько рецензій въ „Новостяхъ“ о художественныхъ выставкахъ. Самъ онъ, однако, не придавалъ никакого значенія этимъ работамъ и первымъ настоящимъ литературнымъ дебютомъ считалъ „Четыре дня“.

Разсказъ этотъ открываетъ серію военныхъ разсказовъ Гаршина.

Какъ извѣстно, въ 1876 году на Балканскомъ полуостровѣ разыгрались крупныя политическія событія. Сначала возстаніе Сербіи противъ турецкаго владычества вызвало широкое проявленіе славянскихъ симпатій въ Россіи. Это былъ расцвѣтъ дѣятельности аксаковскаго „Славянскаго Комитета“, организовавшаго широкій сборъ пожертвованій и отправлявшаго на театръ войны отряды добровольцевъ. До сихъ поръ еще (и это очень странно) нѣтъ настоящей сколько-нибудь обстоятельной и безпристрастной исторіи этого движенія, выдвинувшаго впередъ генерала М. Гр. Черняева, его друга, полковника („сербскаго генерала“) В. В. Комарова и цѣлую плеяду другихъ, менѣе прославившихся именъ, историческая оцѣнка которыхъ и теперь еще—дѣло будущаго. Одни считали генерала Черняева русскимъ Гарибальди, другіе изображали его выступленіе, какъ политическій фарсъ или трагикомедію. Не-

сомнѣнно одно, — что въ этомъ движеніи не было настоящей непосредственности и цѣльности. Подкупали освободительные лозунги, и сначала даже „Отечественныя Записки“ помѣстили воззваніе („На всемірную свѣчу“), въ которомъ радикальный журналъ въ приподнятомъ тонѣ призывалъ къ пожертвованіямъ на дѣло славянъ всѣ слои русскаго народа. „Московскія Вѣдомости“ говорили о святости освободительнаго подвига. Съ другой стороны, Левъ Николаевичъ Толстой (въ „Аннѣ Карениной“) расхолаживалъ эти восторги, въ „Голосѣ“ Черняевъ былъ названъ авантюристомъ, кондотьери, а черезъ нѣкоторое время въ „Отечественныхъ Запискахъ“ появилась одна изъ злѣйшихъ сатиръ Щедрина, въ которой, въ образѣ странствующаго полководца Редеди, подводились итоги дѣятельности генераловъ Черняева, Комарова и Ѳадѣева. Иллюзія единенія широкихъ слоевъ русскаго народа на почвѣ чужой свободы, за которой, казалось, просвѣчиваютъ и какія-то свои освободительныя перспективы, закончилась скоро. Враждебные элементы русской жизни послѣ освободительной войны, какъ и до нея, остались на прежнихъ позиціяхъ.

Всѣ эти противорѣчивые мотивы находили живые отклики въ молодежи и глубоко ее волновали. Они захватили и Гаршина. Въ іюнѣ 1876 года онъ писалъ школьному товарищу и другу Н. С. Дрентельну:

„Пишу я теперь съ отчаяніемъ... Работа удовольствія не доставляетъ. Скорѣе какое-то желчное, злобное чувство“. И затѣмъ: „За сообщеніе новостей изъ профессорскаго міра весьма благодаренъ, хотя, по правдѣ сказать, электрофорная машина Теплова и соединеніе физическаго и химическаго обществъ интересуетъ меня меньше, чѣмъ то, что турки вырѣзали 30 тысячъ стариковъ, женщинъ и ребятъ“. ...„Дражайшій Н. С., пиши, пожалуйста. Если бы ты зналъ, каково бываетъ у меня на душѣ, особенно со времени объявленія войны *). Если я не заболѣю это лѣто, то это будетъ чудомъ“.

Подъ вліяніемъ этихъ чувствъ, Гаршинъ задумалъ поступить добровольцемъ въ сербскую армію, предводимую генераломъ Черняевымъ. Это не удалось: Гаршинъ въ то время достигъ призывного возраста и, оставивъ университетъ, долженъ былъ бы отбывать воинскую повинность въ Россіи. 17 октября 1876 года турки нанесли мораво-тимокской арміи, предводимой ген. Черняевымъ, рѣшительное пораженіе, и война должна была считаться конченной. Но вслѣдъ за Сер-

---

*) Рѣчь, очевидно, идетъ объ объявленіи войны Турціи Сербіей 20 іюня 1876 года.

біей поднялась Болгарія, а затѣмъ обстоятельства вынудили Россію къ вмѣшательству.

Теперь желаніе Гаршина было уже осуществимо, такъ какъ онъ могъ поступить вольноопредѣляющимся въ русскую дѣйствующую армію. Въ передовыхъ слояхъ молодежи тотъ энтузіазмъ, который еще вызывался началомъ сербской кампаніи (когда генералъ Черняевъ, какъ настоящій Гарибальди, чуть не прокрадывался черезъ границу, вопреки мѣрамъ правительства),—теперь угасъ, а выступленіе офиціальной Россіи вызывало двойственное отношеніе. Одинъ изъ авторовъ воспоминаній о Гаршинѣ, г. Павловскій, воспроизводитъ споръ его съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ *). Послѣдній отозвался несочувственно о намѣреніи Гаршина добровольно отправиться на театръ военныхъ дѣйствій. Его точка зрѣнія состояла въ томъ, что безнравственно помогать одерживать побѣды, которыми воспользуются для внутренняго порабощенія. Гаршинъ, возражая, выдвинулъ мотивъ, который впослѣдствіи повторялся въ его военныхъ разсказахъ:

— Вы, значитъ, находите безнравственнымъ, что я буду жить жизнью русскаго солдата и помогать ему въ борьбѣ, гдѣ каждый полезенъ... Неужели будетъ болѣе нравственно сидѣть сложа руки, тогда какъ этотъ солдатъ будетъ умирать за насъ!..

По свидѣтельству г-на Павловскаго, это былъ единственный разъ, когда онъ видѣлъ Гаршина „возбужденнымъ и почти раздраженнымъ“ („онъ не выдержалъ, вскочилъ и въ волненіи заходилъ по комнатѣ“). Очевидно, этотъ споръ задѣвалъ трагедію цѣлаго поколѣнія, быть можетъ, еще не законченную и въ наши дни. Дѣло шло, конечно, не о „сидѣніи сложа руки“, а о томъ, нравственно ли примиреніе съ внутреннимъ порабощеніемъ, хотя бы временное, хотя бы во имя внѣшняго освободительнаго лозунга?.. И не слѣдуетъ ли тѣ же чувства, которыя одушевляли Гаршина, обратить на дѣло борьбы за освобожденіе собственнаго народа? Террора тогда еще не было. Былъ народническій идеализмъ, стремленіе „въ народъ“, требовавшее самопожертвованія не менѣе войны и находившее отклики въ собственной душѣ Гаршина. Настроеніе у спорившихъ было одно, рѣшенія разныя, и потому каждый чувствовалъ въ выводѣ другого часть собственной души. Это живое трепетаніе чуткой совѣсти и мысли дѣлало разсказы Гаршина такими близкими его поколѣнію.

Гаршинъ пришелъ къ своему рѣшенію, почерпнувъ его въ

---

*) Сборникъ «Красный цвѣтокъ». «Дебюты В. М. Гаршина».

той же народнической формулѣ. Солдатъ — тотъ же народъ, только въ солдатской шинели. Народъ идетъ на войну, мы обязаны идти съ нимъ. Драматическую сложность вносило въ эту формулу еще искреннее осужденіе самой войны. Война безнравственна и ужасна. Мы обязаны участвовать въ ея безнравственности и ужасѣ.

„12 апрѣля 1877 года,—говоритъ Гаршинъ въ своей автобіографіи,—я съ товарищемъ (Афанасьевымъ) готовился къ экзамену по химіи. Принесли манифестъ о войнѣ. Наши записки остались открытыми. Мы подали прошеніе объ увольненіи изъ института и уѣхали въ Кишиневъ, гдѣ и поступили рядовыми въ 138-й Болховскій пѣхотный полкъ и черезъ день выступили въ походъ“.

Къ тому времени Гаршинъ былъ юноша 21 года. Портретъ, приложенный къ 11 изданію его разсказовъ (изд. Литерат. фонда), довольно вѣрно передаетъ его черты, но къ нимъ нужно прибавить живое обаяніе какой-то ласковой печали, свѣтившейся въ глазахъ. Всѣ, знавшіе Гаршина, единогласно отмѣчаютъ это обаяніе его взгляда, а одинъ (Н. В. Рейнгардтъ) говоритъ: „у маленькаго Гаршина, мнѣ казалось, появлялся иногда меланхолическій взглядъ женщины, безропотно переносящей свою судьбу“... Отчасти это объяснялось, конечно, зародышемъ душевной болѣзни. Уже въ 1872 году Гаршинъ, еще гимназистомъ, перенесъ приступъ серьезнаго психическаго разстройства и былъ помѣщенъ въ лѣчебницу. Страхъ передъ болѣзнью придавалъ особую глубину душевнымъ тревогамъ, сомнѣніямъ и внутренней борьбѣ Гаршина. Окончательно принятое рѣшеніе, наоборотъ, вносило успокоеніе. Этимъ объясняется та душевная ясность, которая сопровождала Гаршина среди трудностей похода. Даже зрѣлище первыхъ раненыхъ, которыхъ онъ увидѣлъ около 29 іюня подъ Ковачицей, не нарушило этого душевнаго равновѣсія: „Я никогда не ожидалъ,—писалъ онъ съ похода И. Е. Малышеву,—чтобы, при моей нервности, я до такой степени спокойно отнесся къ сказаннымъ предметамъ, хотя,—прибавляетъ онъ,—трупы мы видѣли поистинѣ ужасные“ *).

Въ стычкахъ съ турками онъ участвовалъ два раза. Послѣ первой среди мертвыхъ найденъ раненый солдатъ Болховскаго полка, который пролежалъ четыре дня съ перебитыми ногами, безъ воды и пищи. При второй стычкѣ (подъ Аясларомъ), Гаршинъ самъ былъ раненъ въ ногу навылетъ.

Эти два момента и послужили мотивомъ для перваго раз-

*) «Разсказы». Изд, 11. Стр. 26.

сказа, создавшаго славу Гаршина. Онъ взялъ положеніе невѣдомаго солдата и вставилъ въ эту рамку собственныя мысли и чувства.

Жарко. Солнце жжетъ. Раненый открываетъ глаза, видитъ кусты, высокое небо. Передъ нимъ лежитъ трупъ убитаго имъ человѣка. За что онъ убилъ его? И кто онъ? Быть можетъ, и у него тоже есть старая мать? Долго она будетъ сидѣть у дверей своей мазанки да поглядывать на далекій сѣверъ. Штыкъ вошелъ ему глубоко въ сердце. Вотъ на мундирѣ большая черная дыра съ запекшеюся кровью. „И это, — думаетъ раненый,—сдѣлалъ я!“

Онъ не хотѣлъ этого. Онъ не хотѣлъ зла никому, когда отправлялся на войну. Мысль о томъ, что ему придется убивать людей, не приходила ему въ голову. Онъ представлялъ себѣ только, какъ онъ будетъ подставлять свою грудь подъ пули. И онъ пошелъ, и подставилъ. Глупецъ, глупецъ!..

Такова основа, на которой Гаршинымъ выписаны психологическіе узоры разсказа. Всѣ „четыре дня“ проходятъ въ этой обстановкѣ: тѣсный мірокъ, и въ центрѣ его два человѣка. Одинъ уже погибъ, другой погибаетъ и завидуетъ погибшему. Надъ ними синее небо, то яркое и знойное, то сверкающее далекими звѣздами. Никакихъ событій, кромѣ стихійной жизни природы и мучительныхъ мыслей. Нужно было огромное мастерство, чтобы приковать къ этимъ четыремъ днямъ вниманіе читателей. И Гаршинъ достигъ этого неослабѣвающимъ драматизмомъ своей мысли...

Многіе критики Гаршина указывали на толстовское вліяніе въ его военныхъ разсказахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что ни одинъ русскій писатель не свободенъ отъ обаянія генія и манеры Толстого. Въ данномъ случаѣ можно, пожалуй, указать даже внѣшнее совпаденіе. Князь Андрей (въ „Войнѣ и мирѣ“), раненый на полѣ битвы, также смотритъ на синее небо и тоже предается размышленіямъ. Но даже поверхностнаго взгляда достаточно, чтобы замѣтить совершенную самостоятельность гаршинскаго настроенія. Князь Андрей весь уходитъ въ созерцаніе таинственной синевы, далекой и непроницаемой. Земля для него исчезаетъ, онъ весь поглощенъ тайною этой спокойной безконечности. Все долгое остальное время своей уходящей жизни онъ чувствуетъ себя все болѣе и болѣе близкимъ къ рѣшенію вѣчныхъ вопросовъ, пока, наконецъ, авторъ не заявляетъ намъ, что его герой все рѣшилъ и все понялъ. Къ сожалѣнію, онъ умираетъ, не успѣвъ сообщить свое рѣшеніе даже геніальному автору. Во всякомъ случаѣ, эта тайна такъ безконечно далека отъ тревогъ жизни,

что въ ней нѣтъ уже мѣста вопросамъ о людскихъ отношеніяхъ.

Герой Гаршина тоже смотритъ на небо, но строй его мыслей совершенно другой. Небо для него только явленіе природы, синева, мелькающая межъ вѣтвей и листьевъ, а вся мучительная работа его мысли вращается въ предѣлахъ доступнаго ему мірка, въ центрѣ котораго лежитъ и разлагается убитый имъ человѣкъ. Вмѣсто того, чтобы стремиться къ безконечнымъ тайнамъ, онъ мучительно разбирается въ своемъ положеніи: я убилъ его? за что?

Хорошо это или дурно,—но это такъ. Для Гаршина и его поколѣнія вся психологія „проклятыхъ вопросовъ“ сводилась къ вопросу о правдѣ или неправдѣ въ конечной области людскихъ отношеній. Всего вѣрнѣе, что это не хорошо и не дурно, а просто фактъ. Человѣческая мысль вѣчно бьется между этими двумя полюсами въ своемъ стремленіи къ высшей истинѣ и высшей правдѣ...

Есть у Гаршина другой разсказъ на ту же тему о войнѣ. Заглавіе его „Трусъ“. Онъ не имѣлъ того успѣха, какъ „Четыре дня“, но онъ необыкновенно характеристиченъ для манеры и взглядовъ Гаршина. Основной мотивъ — ужасъ и неправда войны—развернутъ здѣсь по логическому плану, достигающему опредѣленности почти геометрической. И вмѣстѣ съ тѣмъ въ каждой детали слышится чуткій, почти болѣзненный трепетъ. Изображена небольшая группа интеллигентной молодежи: братъ и сестра Львовы и двое ихъ знакомыхъ: Кузьма Ѳомичъ и лицо, отъ имени котораго ведется разсказъ. Онъ-то и есть „Трусъ“.

„Война рѣшительно не даетъ мнѣ покоя“,—говоритъ онъ.— „Каждый день уноситъ сотни людей“... „Пятьдесятъ мертвыхъ, сто изувѣченныхъ на аванпостной стычкѣ считается незначительной вещью... Отчего же катастрофа на тилигульской насыпи заставила кричать о себѣ всю Россію, а на „аванпостныя дѣла съ незначительными потерями“ (тоже въ нѣсколько десятковъ человѣкъ) никто не обращаетъ вниманія“...

Ему тоже придется идти на войну.—„Куда-же, — спрашиваетъ онъ себя,—куда же дѣнется твое *я*? Ты всѣмъ существомъ своимъ протестуешь противъ войны, а всетаки война заставитъ тебя взять на плечи ружье, идти умирать и убивать“,—оставивъ мечты о другой работѣ, о трудѣ любви и правды, къ которому готовился...

Внутреннее чувство, не умолкая, протестуетъ противъ этого противорѣчія, и за эти рефлексіи знакомые считаютъ его „трусомъ“. Сестра Львова, хорошая дѣвушка, съ непосред-

ственнымъ чутьемъ долга, представляетъ другой строй тоже гаршинскихъ мыслей. Она готовится идти въ сестры милосердія. „Война зло, — соглашается она, — но вѣдь она неизбѣжна... Я боюсь, что вы не поймете меня. Вотъ что: по-моему, война есть общее горе, общее страданіе, и уклоняться отъ нея, можетъ быть, и позволительно, но мнѣ это не нравится“.

„Трусъ“ проникается этой мысл ю и идетъ на войну. Онъ остался бы,—устроить это не трудно. Онъ этого не дѣлаетъ. Его требуютъ, онъ идетъ. „Но пусть, по крайней мѣрѣ, ему не мѣшаютъ имѣть собственное мнѣніе“.

Весь разсказъ и есть систематическое развитіе отрицательнаго взгляда на войну. Явная задача, если хотите, его тенденція—оживить въ воображеніи читателя военныя реляціи, облечь плотью и кровью ихъ цифры.

У Львовыхъ живетъ квартирантъ Кузьма Ѳомичъ. Человѣкъ угрюмый, некрасивый, онъ влюбленъ въ Марью Петровну. Эта нераздѣленная любовь является маленькой будничной драмой кружка. Кузьма заболѣваетъ: сначала нарывъ, потомъ опасное зараженіе крови. У Марьи Петровны, подъ вліяніемъ участія, пробуждается глубокое чувство къ Кузьмѣ,—любовь или ея иллюзія. Больной узнаетъ объ этомъ, и это дѣлаетъ его счастливымъ. Болѣзнь между тѣмъ идетъ своимъ чередомъ, и Гаршинъ съ обычной своей точностью описываетъ ея развитіе. „Мы раздѣли его, сняли повязки и принялись за работу надъ огромной истерзанной грудью. И когда я направлялъ струю воды на обнаженныя кровавыя мѣста, на блестѣвшую, какъ перламутръ, ключицу, на вену, проходившую черезъ всю рану и лежавшую чисто и свободно, точно это была не рана на живомъ человѣкѣ, а анатомическій препаратъ,—я думалъ о другихъ ранахъ“... Здѣсь, окруженный любящимъ уходомъ, умираетъ одинъ человѣкъ отъ стихійной неожиданности... Тамъ умираютъ тысячи... „Двѣнадцать тысячъ! Эта цифра... растягивается безконечной лентой лежащихъ рядомъ труповъ. Если ихъ положить плечомъ къ плечу, то составится дорога въ восемь верстъ“... И они „валяются въ грязи и собственной крови, ожидая, что вотъ-вотъ пріѣдутъ и добьютъ или наѣдутъ пушки и раздавятъ, какъ червяка“.

Это—нѣчто въ родѣ „математическаго образа“: страданія одного человѣка, помноженныя на цифры военныхъ реляцій. И, однако, картина встаетъ въ своей суровой реальной обнаженности. Маленькій, тѣсный кружокъ съ его разсужденіями и спорами, угрюмый Кузьма, съ его неудачливой любовью и болѣзнью, хорошая русская дѣвушка, заражающая внутреннимъ чувствомъ правды... Сборы на войну, отходъ поѣзда съ

новобранцами, грустная вечерняя толчея на вокзалѣ, появленіе брата и сестры Львовыхъ, запоздавшихъ на проводы и успѣвающихъ лишь крикнуть на прощаніе: „Кузьма умеръ“... А тамъ, впереди, за мутной далью борьба безъ энтузіазма и смерть не для побѣды, а для исполненія чуждаго сердцу долга. Все это живая еще и для нашего времени страница русской „интеллигентской души“.

Разсказъ этотъ (написанный въ 1878 году) отражаетъ, повидимому, заднимъ числомъ настроеніе Гаршина до его рѣшенія идти самому на войну. Въ его изложеніи,—неровномъ и нервномъ,—слышенъ отголосокъ мучительной рефлексіи и колебаній. „Трусъ“ такъ и унесъ на войну непримиренное противорѣчіе, съ которымъ и погибъ. Самъ Гаршинъ нашелъ примиреніе, поднявъ вопросъ въ нѣкоторую высшую инстанцію. Эта инстанція—народъ, участіе въ его стихійномъ безрефлективномъ движеніи. Куда бы этотъ потокъ ни понесъ его,—на убійство или на смерть,—для Гаршина, какъ и для большинства его сверстниковъ, въ стихійно-народныхъ процессахъ слышалась какая-то почти мистическая правда. Стоитъ окунуться въ этотъ потокъ, — личная отвѣтственность сразу исчезаетъ въ стихійной безотвѣтственности народа. А такъ какъ именно это мучительное чувство личной отвѣтственности и составляетъ основной нервъ гаршинскихъ настроеній, то съ вступленіемъ въ армію онъ сразу испыталъ спокойную душевную ясность, которая отразилась даже по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ и нѣсколькихъ болѣзненныхъ припадковъ, какъ только онъ опять окунулся въ воспоминанія о томъ времени. „Воспоминанія рядового Иванова“ (написанныя въ 1882 г.) представляютъ настоящую симфонію. Тонъ ихъ эпически печальный, изложеніе ровное и плавное, описанія широки и спокойны.

„Мы миновали кладбище, обходя его вправо. И казалось мнѣ, что оно смотритъ на насъ сквозь туманъ въ недоумѣніи. „Зачѣмъ идти вамъ, тысячамъ, за тысячи верстъ умирать на чужихъ поляхъ, когда можно умереть и здѣсь, умереть спокойно и лечь подъ моими деревянными крестами и каменными плитами?.. Останьтесь!“

„Но мы не остались... Насъ влекла невѣдомая, тайная сила: нѣтъ силы большей въ человѣческой жизни. Каждый отдѣльно ушелъ бы домой, но вся масса шла, повинуясь не дисциплинѣ, не сознанію правоты дѣла, не чувству ненависти къ невѣдомому врагу, не страху наказанія, а тому невѣдомому и безсознательному, что долго еще будетъ водить человѣчество на кровавую бойню—самую крупную причину всевозможныхъ людскихъ бѣдъ и страданій.

„За кладбищемъ открылась широкая и глубокая долина, уходившая съ глазъ въ туманъ. Дождь пошелъ сильнѣе. Кое-гдѣ, далеко, тучи, раздаваясь, пропускали солнечный лучъ. Тогда косыя и прямыя полосы дождя сверкали серебромъ. По зеленымъ склонамъ долины ползли туманы; сквозь нихъ можно было различать длинныя вытянувшіяся колонны войскъ, шедшія впереди насъ. Изрѣдка блестѣли кое-гдѣ штыки: орудіе, попавъ въ солнечный свѣтъ, горѣло нѣкоторое время яркой звѣздочкой и меркло. Иногда тучи сдвигались: становилось темнѣе, дождь шелъ чаще“...

Такова основная нота этого замѣчательнаго разсказа. На широкомъ фонѣ, задернутомъ, какъ дымкой, тихою печалью, развертываются картины массовыхъ передвиженій, типы солдатъ, офицеровъ, походы, остановки... гулъ канонады въ сторонѣ Дуная... Просто, спокойно, любовно рисуетъ рядовой Ивановъ своихъ товарищей-солдатъ, ближайшее начальство— армейскихъ офицеровъ, съ простодушной непосредственностью приглашающихъ въ свою среду „ученаго“ вольноопредѣляющагося; съ искоркой добродушнаго юмора изображаетъ самодура-генерала „Молодчагу“, безъ надобности, „по-суворовски“ ведущаго колонну въ холодную воду, гдѣ люди чуть не тонутъ, когда въ нѣсколькихъ саженяхъ оказывается удобная переправа. Солдаты разводятъ костры и, обсохнувъ, идутъ дальше, добродушно посмѣиваясь: „вотъ мы обсушились, сухонькіе идемъ, а Молодчага-то сырой катитъ“...

Даже для штабсъ-капитана Венцеля, военнаго педанта и истязателя солдатъ, у рядового Иванова находятся примирительныя, смягчающія ноты. Однажды, когда этотъ болѣзненно-жестокій человѣкъ изступленно бьетъ солдата, — Ивановъ, нижній чинъ, хватаетъ его за руку, что могло грозить очень серьезными послѣдствіями. Солдаты грозятъ убить Венцеля при первой перестрѣлкѣ. Но передъ лицомъ опасности и смерти Венцель ведетъ себя съ спокойнымъ мужествомъ, которое возвращаетъ ему уваженіе и довѣріе солдатъ... А послѣ стычки Ивановъ застаетъ его рыдающимъ въ своей палаткѣ о потерѣ „своихъ“ пятидесяти двухъ человѣкъ.

Когда, по прочтеніи этого замѣчательнаго разсказа, вспомнишь, что въ немъ всего 54 странички, то становится просто удивительнымъ, какъ могла умѣститься на такомъ тѣсномъ пространствѣ такая масса широкихъ картинъ и значительныхъ впечатлѣній. И кажется, что надъ всѣми ими можно поставить эпиграфъ изъ Некрасова:

Злобою сердце питаться устало.
Много въ ней правды, но радости мало.

Здѣсь въ лицѣ Гаршина его поколѣніе (поколѣніе „семидесятниковъ“), отрицавшее всѣ устои тогдашней русской жизни, уставшее отъ этого отрицанія и отчужденія,—на время сливается съ общимъ потокомъ, во имя хотя бы и чужой свободы. Высшей точкой этого настроенія является картина царскаго смотра, когда войска проходятъ передъ Александромъ II. Описаніе это, по захватывающему движенію и правдѣ, достойно стать рядомъ съ лучшими толстовскими описаніями этого рода.

„Люди шли быстрѣе и быстрѣе, шагъ становился больше, походка свободнѣе и тверже. Мнѣ не нужно было приноравливаться къ общему такту: усталость прошла. Точно крылья выросли и несли впередъ, туда, гдѣ уже гремѣла музыка и раздавалось громовое „ура“! Не помню улицъ, по которымъ мы шли, не помню, былъ-ли народъ на этихъ улицахъ, смотрѣлъ-ли на насъ; помню только волненіе, охватившее душу вмѣстѣ съ сознаніемъ страшной силы массы, къ которой принадлежалъ и которая увлекала меня. Чувствовалось, что для этой массы нѣтъ ничего невозможнаго, что потокъ, съ которымъ вмѣстѣ я стремился и котораго часть я составлялъ, не можетъ знать препятствій, что онъ все сломитъ, все исковеркаетъ и уничтожитъ. И всякій думалъ, что тотъ, передъ которымъ проносился этотъ потокъ, можетъ однимъ словомъ, однимъ движеніемъ руки измѣнить его направленіе, вернуть назадъ или снова бросить на страшныя преграды, всякій хотѣлъ найти въ словѣ этого одного и въ движеніи его руки невѣдомое, что вело насъ на смерть. — „Ты ведешь насъ, — думалъ каждый, — тебѣ мы отдаемъ свою жизнь; смотри на насъ и будь спокоенъ: мы готовы умереть“.

И царь зналъ, что они готовы умереть. „Онъ видѣлъ страшные, твердые въ своемъ стремленіи ряды людей, почти бѣгомъ проходившихъ передъ нимъ, людей своей бѣдной страны, бѣдно одѣтыхъ, грубыхъ солдатъ. Онъ чуялъ, что всѣ они шли на смерть, спокойные и свободные отъ отвѣтственности...“

И среди нихъ, затерянный межъ этихъ сѣрыхъ шинелей, шелъ человѣкъ, который, какъ рядовой Ивановъ, еще недавно сталъ между офицеромъ и истязуемымъ солдатомъ, совершивъ тяжкое нарушеніе дисциплины, а, какъ Всеволодъ Гаршинъ, черезъ нѣсколько лѣтъ ворвется ночью въ квартиру всесильнаго диктатора, чтобы попытаться остановить казнь (объ этомъ ниже). Онъ „отказался отъ своего *я*“, какъ герой его разсказа „Трусъ“; подавилъ въ себѣ и отрицаніе войны, и много другихъ отрицаній, отдалъ все это за минуты сліянія съ ста-

рыми чувствами своего народа, за отдыхъ отъ тяжкой отвѣтственности, которая тяготила все его поколѣніе... Сквозь призму этого чувства онъ видитъ и рисуетъ фигуру Александра II. „Онъ сидѣлъ на сѣромъ конѣ, неподвижно стоявшемъ и насторожившемъ уши на музыку и бѣшеные крики восторга. Вокругъ него была пышная свита, но я не помню никого изъ этого блистательнаго отряда всадниковъ, кромѣ одного человѣка въ простомъ мундирѣ и бѣлой фуражкѣ. Я помню блѣдное, истомленное лицо,—истомленное сознаніемъ тяжести взятаго рѣшенія. Я помню, какъ по его лицу градомъ катились слезы, падавшія на темное сукно мундира свѣтлыми блестящими каплями; помню судорожное движеніе руки, державшей поводъ, и дрожащія губы, говорившія что-то, должно быть, привѣтствіе тысячамъ молодыхъ погибающихъ жизней, о которыхъ онъ плакалъ. Все это явилось и исчезло, какъ освѣщенное на мгновеніе молніей, когда я, задыхаясь не отъ бѣга, а отъ нечеловѣческаго яростнаго восторга, пробѣжалъ мимо него“...

Это мгновеніе, „промелькнувшее и исчезнувшее, точно проблескъ молніи“, повидимому, стоитъ въ противорѣчіи съ настроеніемъ, преобладавшимъ въ гаршинскомъ поколѣніи. Но это именно то исключеніе, которое только подчеркиваетъ правило. Жизнь вообще не математическая формула. Она полна противорѣчій, и въ Гаршинѣ всѣ эти противорѣчія его времени бились и трепетали съ особенной силой, требуя отвѣтовъ и рѣшеній. Г-нъ А. Васильевъ, въ своихъ коротенькихъ воспоминаніяхъ *), отмѣчаетъ, между прочимъ, что Гаршинъ „благоговѣлъ передъ Александромъ II“. Возможно, что это чувство возникло именно въ такъ ярко описанную Гаршинымъ минуту смотра. Какъ страданія Кузьмы онъ помножилъ на цифры военныхъ реляцій, такъ же множилъ теперь свое единичное чувство отвѣтственности. Въ лицѣ царя онъ видѣлъ человѣка, на котораго легло невыносимое бремя отвѣтственности за всѣхъ, кто цѣною рѣшимости умереть отъ нея освободился... Гаршинъ весь—сынъ своего времени. Самъ непослѣдовательный, стоявшій межъ двухъ враждебныхъ міровъ, онъ ненавидѣлъ математику, быть можетъ, именно за ея послѣдовательность. Но—говоритъ онъ самъ—давалась она ему легко. И во всей этой почти идиллической картинѣ ощущается какъ бы горькое сознаніе: это недолгое единеніе на почвѣ борьбы за чужую свободу „мелькнетъ и исчезнетъ при короткомъ блескѣ“ порыва. А математическая послѣдователь-

*) Сборникъ «Красный цвѣтокъ», стр. 26.

ность событій, неотвратимая и ненавистная,—ведетъ и гаршинское поколѣніе, и этого плачущаго царя къ страшной трагедіи 1 марта *). . . . . .

. . . . . .

Время, когда раненый Гаршинъ вернулся въ Петербургъ, лѣчился и выздоравливалъ, было самымъ спокойнымъ и счастливымъ въ его жизни. Впослѣдствіи, когда, послѣ тяжкаго приступа психоза, онъ прожилъ два года въ имѣніи своего дяди Акимова надъ бугскимъ лиманомъ въ Херсонской губерніи,—онъ тоже почувствовалъ себя спокойнымъ и здоровымъ. Бросившись дядѣ на шею, онъ благодарилъ его за этотъ отдыхъ и сказалъ, между прочимъ, характерную фразу: „Дядя, дядя! Я чувствую, что это прошло. Никакихъ проклятыхъ вопросовъ нѣтъ“... Но тамъ это было послѣ временной бездѣятельности. Эти два года были своего рода бѣгствомъ отъ проклятыхъ вопросовъ. Наоборотъ, походъ, рана и возвращеніе на родину были временемъ наибольшаго напряженія силъ. Въ одномъ письмѣ Гаршина (къ А. Я. Герду) есть очень характерное перечисленіе человѣческихъ потребностей: наряду съ потребностями пить, ѣсть, спать, любить,—упоминается также потребность претерпѣть **). Завѣщанная нашей многотерпѣливой и пассивной исторіей, потребность эта была сильна во всемъ гаршинскомъ поколѣніи, и жизнь не отказывала ей въ удовлетвореніи. Одни находили для себя это удовлетвореніе въ отказѣ отъ привилегированнаго положенія, другіе въ тюрьмахъ и ссылкѣ. Гаршинъ нашелъ его на время въ трудностяхъ похода, въ опасностяхъ, раздѣляемыхъ съ солдатами, наконецъ, въ своей ранѣ. Годы, ближайшіе къ войнѣ—1878, 1879 и начало 1880—были также періодомъ наибольшей литературной производительности Гаршина. „Четыре дня“ онъ написалъ еще въ походѣ. Затѣмъ слѣдовали: „Очень маленькій романъ“, „Происшествіе“, „Трусъ“, „Встрѣча“, „Художники“, „Attalea princeps“, „Ночь“...

Одинъ изъ близкихъ знакомыхъ Гаршина разсказывалъ пишущему эти строки небольшой литературный эпизодъ изъ времени гаршинскихъ дебютовъ. Въ отзывѣ о „Четырехъ дняхъ“ извѣстный критикъ А. М. Скабичевскій, высказавшись о разсказѣ самымъ похвальнымъ образомъ, не призналъ,

---

*) Разсказъ написанъ въ 1882 году, черезъ годъ съ небольшимъ послѣ смерти Александра II. Проводятъ параллель съ соотвѣтствующей сценой изъ «Войны и мира», но и здѣсь психологическій фонъ глубоко отличенъ отъ того, на какомъ рисуются эпизоды толстовской эпопеи.

**) «Въ память Гаршина», стр. 60.

однако, за авторомъ художественнаго таланта. Достоинства разсказа онъ приписывалъ тому, что все это непосредственно пережито авторомъ, который такимъ образомъ явился лишь, такъ сказать, репортеромъ своихъ ощущеній. Мы видѣли, что Гаршинъ считалъ вопросъ о своей способности къ литературной работѣ вопросомъ жизни и смерти. Поэтому отзывъ критика больно задѣлъ его, и это чувство нашло отголосокъ даже въ его автобіографіи. Упомянувъ о „Четырехъ дняхъ", онъ прибавляетъ въ скобкахъ: „Скажу, кстати, что самъ я ничего подобнаго никогда не испытывалъ, такъ какъ послѣ раны тотчасъ былъ вынесенъ изъ огня".

Быть можетъ, подъ вліяніемъ именно замѣтки Скабичевскаго темой слѣдующаго значительнаго разсказа своего Гаршинъ взялъ эпизодъ изъ жизни проститутки, въ которомъ нельзя было усмотрѣть субъективныхъ мотивовъ. „Происшествіе" изображаетъ романъ простого, незамѣтнаго чиновника, влюбившагося въ проститутку Надежду Николаевну. Не блестящій, но глубоко чувствующій Иванъ Ивановичъ Никитинъ хочетъ спасти ее, но она не вѣритъ ни глубинѣ и устойчивости его чувства, ни своей способности къ возрожденію. Трагедія кончается самоубійствомъ Ивана Ивановича, что и составляетъ „происшествіе". Разсказъ, написанный просто, хотя и нѣсколько эскизно, не вполнѣ удовлетворилъ автора, и впослѣдствіи онъ вернулся къ той же темѣ. Въ этомъ второмъ разсказѣ („Надежда Николаевна") интеллигентная проститутка встрѣчаетъ на своемъ пути уже не незначительнаго Ивана Ивановича, а талантливаго художника Лопатина, который, задумавъ написать Шарлотту Корде,—ищетъ натурщицу. Фигура и лицо Надежды Николаевны, съ отпечаткомъ трагической судьбы, переживаемой сознательно и глубоко,—подходитъ какъ нельзя болѣе къ его сюжету. Во время сеансовъ онъ влюбляется въ нее идеалистически чистой любовью. Она тоже поддается этому чувству. Сначала она пытается удалиться, боясь вовлечь любимаго человѣка въ роковой кругъ своей трагической судьбы, но, когда это не удается,—она подчиняется новому чувству безкорыстно и цѣльно. Оба счастливы, вопросъ близится къ рѣшенію, во вкусѣ 60-хъ и 70-хъ годовъ, на мотивъ некрасовскаго:

И въ домъ мой смѣло и свободно
Хозяйкой полною войди.

Но идиллія разрушается вмѣшательствомъ человѣка, тоже влюбленнаго въ Надежду Николаевну. Въ лицѣ этого Безсонова Гаршинъ какъ будто желалъ излить всю свою „пена-

вистъ къ математикѣ“ съ ея послѣдовательностью. Безсоновъ— журналистъ, человѣкъ положительный, энергичный, живущій по твердо установленнымъ правиламъ. Познакомившись съ Надеждой Николаевной, онъ тоже испытываетъ чувство болѣе глубокое, чѣмъ онъ могъ думать и чѣмъ желалъ допустить. Но скоро онъ побѣждаетъ себя. „У этого человѣка,—говоритъ о немъ знающій его художникъ Гельфрейхъ,—въ головѣ все ящики и отдѣленьица: выдвинетъ одинъ, прочтетъ, что тамъ написано, да такъ и дѣйствуетъ. Представился ему вотъ этотъ случай. Видитъ: падшая дѣвушка. Ну, онъ сейчасъ къ себѣ въ голову. А тамъ у него все по алфавиту; досталъ, прочелъ: онѣ никогда не возвращаются“. Безсоновъ равнодушно говоритъ Лопатину: „Неважная особа... на нижней ступенькѣ человѣческой лѣстницы. Ниже — пропасть, куда она скоро и свалится“.

Однако, онъ не соглашается познакомить съ нею Лопатина. Когда же тотъ всетаки знакомится, и Безсоновъ видитъ, что другой готовъ сдѣлать для Надежды Николаевны то, что отказался сдѣлать онъ самъ,—онъ невыразимо страдаетъ. Онъ скрываетъ свои чувства подъ маской спокойствія, „какъ тотъ французскій рыцарь-священникъ, который считался неуязвимымъ только потому, что носилъ красный плащъ, чтобы не видно было крови, лившейся изъ его ранъ“. Въ концѣ-концовъ онъ является въ студію Лопатина, когда тамъ находится Надежда Николаевна, убиваетъ ее выстрѣломъ изъ револьвера и ранитъ Лопатина, а послѣдній убиваетъ его самого какимъ-то художественно-бутафорскимъ копьемъ.

Разсказъ этотъ, возбудившій большой интересъ, какъ все гаршинское, вызвалъ также и не мало критическихъ замѣчаній. „Въ этомъ произведеніи, — писалъ Н. К. Михайловскій, очень цѣнившій Гаршина,—фабула чрезвычайно сложна: тутъ и неожиданныя встрѣчи, и возрожденіе падшей женщины, и образъ Шарлотты Корде, и два убійства и проч. А между тѣмъ мы съ нѣкоторымъ, не совсѣмъ пріятнымъ недоумѣніемъ остановились передъ этой повѣстью, несмотря на то, что въ ней есть прекрасно написанныя фигуры второстепенныхъ дѣйствующихъ лицъ (художникъ Гельфрейхъ, рисующій только кошекъ, но достигшій въ этомъ родѣ совершенства, капитанъ Грумъ-Скржебицкій, выдающій себя за „бойца Мѣхова и Опатова“ и другія *)“...

Къ недостаткамъ, бѣгло отмѣченнымъ въ цитированномъ

---

*) Изъ „Дневника Читателя“. Перепечатано въ „Сборникѣ въ память Гаршина“.

отзывѣ, нужно прибавить мелодраматическій конецъ, плохо мотивированный для положительнаго Безсонова, и недорисованность фигуры главной героини. При той душевной значительности, которую авторъ приписываетъ этой падшей дѣвушкѣ, трудно представить долгое и пассивное примиреніе ея съ своей участью. И все же приходится констатировать странное дѣйствіе разсказа: одновременно и чувство неудовлетворенности, и необыкновенная, незабываемая яркость впечатлѣнія. Авторъ не раскрываетъ намъ всю „реальную правду", окружающую падшихъ дѣвушекъ и такъ быстро отравляющую женскую душу. Онъ беретъ свою Надежду Николаевну лишь въ тѣ моменты, когда на нее падаетъ отсвѣтъ чувства Лопатина, и когда ее самое перерождаетъ возникающая любовь. Въ эти моменты онъ рисуетъ ее хотя односторонне, но правдиво. Идеологія 70-хъ годовъ была наивна, часто романтична. Вѣдь и Достоевскій свою проститутку нарисовалъ подвижницей (Соня Мармеладова). Въ обоихъ этихъ образахъ (безотносительно къ силѣ таланта) — русская литература тѣхъ временъ робко подходитъ къ страшной проблемѣ женскаго паденія. Подходитъ еще издали, какъ бы въ невѣдѣніи всей реальной правды и сохраняя въ памяти идеальныя представленія о женской натурѣ. Еще нѣсколько шаговъ, и эти идеалистическія представленія разлетятся, какъ мыльный пузырь. Въ наше время литература уже сдѣлала эти шаги. Она вскрываетъ бытовую обстановку проститутки съ поразительной, отталкивающей, одуряющей правдивостью. Эти наивные образы 70-хъ годовъ стоятъ къ новѣйшей литературѣ по этому предмету приблизительно въ такомъ же отношеніи, какъ мужики Тургенева или крестьянскія дѣти изъ „Бѣжина луга" — къ картинамъ народной жизни въ родѣ, напримѣръ, рѣшетниковскихъ „Подлиповцевъ". Однако—есть своя правда и въ „Бѣжиномъ лугу". И порой невольно приходитъ въ голову, что реальный угаръ, которымъ вѣетъ отъ новѣйшихъ изображеній проституціи,—тоже не вся правда. Для художественнаго синтеза необходимъ и элементъ того цѣломудреннаго идеализма, съ какимъ подходила къ этому вопросу литература 60-хъ и 70-хъ годовъ.

Дядя Гаршина, В. С. Акимовъ, отмѣчаетъ, что, вслѣдствіе напряженной чуткости нервовъ, Гаршину писать всегда было тяжело. Онъ сознался мнѣ,—говоритъ г. Акимовъ, что „почти все, что онъ до сихъ поръ написалъ,—являлось въ то время, когда на него „находило" *). Фаусекъ говоритъ, въ свою

*) Сборникъ „Красный цвѣтокъ", стр. 14.

очередь, что Гаршинъ жилъ среди какой-то особенной „напряженности духа“, „не могъ писать спокойно и не волнуясь“. Даже его „маленькіе разсказы требовали отъ него напряженія всѣхъ душевныхъ силъ, и созданія его воображенія сильно его волновали“ *).

Это дѣлало его произведенія глубоко лирическими, налагало на нихъ отпечатокъ какой-то особенной тревоги. Тонъ большинства его разсказовъ держится почти на границѣ, отдѣляющей лирическую взволнованность отъ болѣзненнаго аффекта. Онъ обладалъ удивительнымъ чувствомъ мѣры и почти нигдѣ не переходитъ этой границы, но сдержанность эта очевидно стоила ему большихъ усилій. Онъ сознавалъ это, какъ недостатокъ, и стремился найти другую, болѣе спокойную манеру творчества. Можно сказать, что драма Гаршина, какъ писателя, состояла именно въ стремленіи перейти отъ лирической манеры, которая разрушала его нервы, къ эпической: „Хорошо или не хорошо выходило написанное,—говоритъ онъ въ письмѣ къ В. Н. Афанасьеву,—это вопросъ посторонній; но что писалъ я въ самомъ дѣлѣ одними своими несчастными нервами и что каждая буква стоила мнѣ капли крови,—то это, право, не будетъ преувеличеніемъ“ **). По поводу критическихъ отзывовъ о „Надеждѣ Николаевнѣ“ (въ общемъ довольно неблагопріятныхъ) онъ пишетъ В. М. Латкину, что отзывы эти его задѣваютъ мало, и цитируетъ: „Ты самъ свой высшій судъ“... „Но дѣло въ томъ,—продолжаетъ онъ,—что на этомъ-то судѣ я не могу сказать: „доволенъ“. Я чувствую, что мнѣ надо переучиваться сначала. Для меня прошло время страшныхъ отрывочныхъ воплей, какихъ-то „стиховъ въ прозѣ“, какими я до сихъ поръ занимался: матеріала у меня довольно, и нужно изображать не свое, а большой внѣшній міръ“. Съ этой именно цѣлью онъ взялся за „Надежду Николаевну“. „Но,—сознается онъ,—старая манера навязла въ перо, и потому-то первая вещь съ нѣкоторымъ дѣйствіемъ и *попыткою* ввести въ дѣло нѣсколько лицъ рѣшительно не удалась“ ***).

Не удалась она и до конца его жизни. И вопросъ тутъ не въ рамкахъ и не въ ширинѣ захвата (не въ попыткѣ ввести въ дѣло побольше лицъ). Гаршинъ самъ, кажется, не замѣчалъ, что желательный тонъ, въ сущности, ему порой уже давался, и опять таки это было въ военныхъ разсказахъ. „Четыре дня“ поражаютъ спокойной сдержанностью, несмотря

*) „Въ память Гаршина“, стр. 96 и 97.
**) „Въ память Гаршина“, стр. 40. Письмо датировано 1 мая 1885 г.
***) „Въ память Гаршина“, стр. 56.

на волнующую тему. „Воспоминанія рядового“ имѣютъ всѣ характерныя черты эпоса, не исключая и широты захвата. Въ 1880 году онъ писалъ: „Работа у меня кипитъ свободно и легко. Я могу всегда начать и всегда остановиться. Это для меня просто новость“. Написалъ онъ тогда „Денщика и офицера“—произведеніе, въ которомъ нѣтъ и слѣдовъ „страшныхъ отрывочныхъ воплей“. Фигура прапорщика Стебелькова и его денщика нарисованы въ тонѣ спокойнаго мягкаго юмора, отчасти напоминающаго Тургенева. Гаршинъ задумывалъ расширить эту жанровую картину, сдѣлавъ ее началомъ большого романа („Люди и война“). Но приступъ болѣзни разрушилъ эти планы. Замѣчательно, что много разъ Гаршинъ возвращался къ мысли уйти опять въ военную службу. Ему казалось, вѣроятно, что тамъ его опять охватитъ атмосфера спасительной „безотвѣтственности“, которая разъ уже такъ цѣлительно подѣйствовала на его неприспособленную душу. Но это, конечно, была иллюзія. Во время войны въ нравственной атмосферѣ, которою дышалъ Гаршинъ, было удовлетвореніе „потребности претерпѣть“. Даже жестокій Венцель становится симпатичнымъ передъ торжественнымъ празднествомъ смерти. Трудно представить себѣ Гаршина въ обычной обстановкѣ армейской жизни, когда изъ нея уходитъ этотъ возвышающій мотивъ...

Вообще короткій праздникъ душевнаго спокойствія миновалъ, возврата къ нему уже не было... Въ одномъ изъ значительнѣйшихъ и наиболѣе опредѣляющихъ разсказовъ Гаршина, „Художники“, онъ ставитъ проблему: искусство и жизнь, и разсказъ опять—весь трепетъ и боль. Фабулы въ немъ тоже нѣтъ. Гаршинъ принимается за свой сюжетъ съ грубоватой упрощенностью. Это — дневники двухъ художниковъ, Дѣдова и Рябинина. Первый — представитель чистаго искусства. Второй требуетъ и отъ искусства отвѣта на проклятые вопросы. А такъ какъ для Гаршина и для его поколѣнія проклятые вопросы заключались въ поискахъ правды человѣческихъ отношеній, то Рябинину нужно найти оправданіе „соціальной“ роли искусства. Вопросъ становится опредѣленно, ясно, конкретно: что дастъ искусство тѣмъ,

...чьи работаютъ грубыя руки,
Предоставивъ почтительно намъ
Погружаться въ искусства, въ науки,
Предаваться страстямъ и мечтамъ.

„Чертовски талантливая натура, — пишетъ о немъ Дѣдовъ въ своемъ дневникѣ.—Но я не думаю, чтобы изъ него вышло что-нибудь серьезное, хотя всѣ молодые художники—его по-

клонники... Пишетъ лапти, онучи, полушубки, какъ будто мы не довольно насмотрѣлись на нихъ въ натурѣ"... „Иногда засядетъ и въ мѣсяцъ окончитъ картину, о которой всѣ кричатъ, какъ о чудѣ, а потомъ броситъ писать даже этюды, ходитъ мрачный и ни съ кѣмъ не заговариваетъ"... Дѣдовъ отмѣчаетъ, что его товарищъ принадлежитъ къ числу „странныхъ людей", не могущихъ найти полнаго удовлетворенія въ искусствѣ и не признающихъ его самодовлѣющаго значенія. Рябининъ, въ свою очередь, удивляется художественному самодовольству пейзажиста Дѣдова, не задающагося никакими вопросами о значеніи своей работы.

Этимъ примитивнымъ пріемомъ—параллельная смѣна двухъ дневниковъ — Гаршинъ рисуетъ полярные взгляды на искусство, раздѣлявшіе и художниковъ, и мыслящее общество его времени. Но художественный центръ тяжести не въ этомъ спорѣ. Вся драма сосредоточена на исторіи картины, которую пишетъ Рябининъ. Называется она „Глухарь" и изображаетъ рабочаго-заклепщика, роль котораго—поддерживать грудью и руками молотъ съ внутренней стороны котла, когда снаружи тяжелыми ударами расплющиваютъ заклепку.

Извѣстна исторія этого замысла. Гаршинъ былъ друженъ съ покойнымъ художникомъ-передвижникомъ Н. А. Ярошенко. Въ „Сборникѣ въ память Гаршина" напечатанъ снимокъ картины Ярошенко „Кочегаръ". Сильный, мускулистый человѣкъ, съ огромными руками и впалой грудью, стоитъ у самой топки, весь облитый пламенемъ, спокойно, чуть жмурясь. На лицѣ его нѣтъ мысли, во всей фигурѣ—та закаленность тѣла, которая дается за счетъ поглощенія высшихъ процессовъ духа. Много и разныхъ мыслей вызываетъ этотъ кочегаръ. Одна изъ нихъ: условія такой работы постепенно убиваютъ даже такихъ богатырей, а болѣе слабыхъ губятъ неизбѣжно и быстро.

На Гаршина картина произвела сильное впечатлѣніе. Его чуткое воображеніе, пройдя черезъ разныя ассоціаціи образовъ, остановилось на „Глухарѣ".

„Работа совершенно измучила меня, — пишетъ Рябининъ въ своемъ дневникѣ, — хотя идетъ успѣшно. Слѣдовало бы сказать: не *хотя*, а *тѣмъ болѣе*, что идетъ успѣшно... Вотъ онъ сидитъ передо мною въ темномъ углу котла, скорчившійся въ три погибели, одѣтый въ лохмотья, задыхающійся отъ усталости человѣкъ. Его совсѣмъ не было бы видно, если бы не свѣтъ, проходящій черезъ круглыя дыры, просверленныя для заклепокъ. Кружки этого свѣта пестрятъ его одежду и лицо, свѣтятся золотыми пятнами на его лохмотьяхъ,

на всклоченной и закопченной бородѣ, на жилистыхъ, надорванныхъ рукахъ и на измученной широкой и впалой груди *). Постоянно повторяющійся страшный ударъ обрушивается на котелъ и заставляетъ несчастнаго Глухаря напрягать всѣ свои силы, чтобы удержаться въ невѣроятной позѣ"...

„Иногда, — продолжаетъ Рябининъ, — я кладу палитру и кисти и усаживаюсь подальше отъ картины, прямо противъ нея. Я доволенъ ею: ничто мнѣ такъ не удавалось, какъ эта ужасная вещь. Бѣда только въ томъ, что это довольство не ласкаетъ меня, а мучаетъ. Это — не написанная картина, это — созрѣвшая болѣзнь. Чѣмъ она разрѣшится, — не знаю, но чувствую, что послѣ этой картины мнѣ нечего будетъ писать".

Этого „Глухаря" показалъ Рябинину Дѣдовъ (онъ—бывшій инженеръ), какъ Гаршину показалъ своего кочегара Ярошенко (тоже бывшій военный инженеръ). Конечно, Дѣдовъ могъ объяснить Рябинину, что „положеніе глухаря не такъ уже ужасно. Что за эту работу платятъ на полтинникъ въ день дороже, поэтому на нее есть много охотниковъ, что удары по груди облегчаются такими-то пріемами, хотя... конечно..." Но Рябинины-Гаршины плохо воспринимали эти смягченія. Они брали лишь конечныя послѣдствія, обнажая ихъ отъ всѣхъ реалистическихъ компромиссовъ. Картина для Рябинина становится „созрѣвшей болѣзнью". Ужасъ ея въ проклятомъ вопросѣ: что же дастъ сама она міру „Глухарей" и какъ на него воздѣйствуетъ.

Рябининъ рѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно: никакъ не воздѣйствуетъ и, значитъ, возможность для него, художника Рябинина, „погружаться въ искусства, въ науки, предаваться страстямъ и мечтамъ" за счетъ этого Глухаря остается неоправданной. Рябининъ бросаетъ художество и уходитъ въ учителя. „Но и тамъ онъ не преуспѣлъ", — прибавляетъ авторъ уже отъ себя.

„Художники" являются, быть можетъ, однимъ изъ самыхъ субъективныхъ произведеній Гаршина. Какъ и Рябинина, его мучили проклятые вопросы о правдѣ человѣческихъ отношеній, и каждый его разсказъ былъ тоже „созрѣвшей болѣзнью". Какъ и Рябининъ, Гаршинъ въ концѣ-концовъ не находилъ рѣшенія... И вотъ, отъ времени до времени въ его работѣ пробиваются все болѣе пессимистическія ноты...

---

*) Эти черты — точное воспроизведеніе фигуры ярошенковскаго «Кочегара».

То время (конецъ семидесятыхъ годовъ) было крайне неблагопріятно для философскаго пессимизма. Мыслящіе круги общества были охвачены возраставшимъ приливомъ дѣятельнаго настроенія борьбы и надежды. Рѣшеніе „проклятыхъ вопросовъ“ казалось (до наивности) легкимъ и близкимъ. А такъ какъ все же борьба была трудна, то общество инстинктивно чувствовало потребность въ ободряющемъ и энергичномъ настроеніи. За эти ноты оно часто прощало очевидную нехудожественность самыхъ образовъ и не хотѣло воспринимать пессимистическихъ мотивовъ даже въ истинно-художественномъ воспроизведеніи. Большинство своихъ разсказовъ Гаршинъ отдавалъ въ „Отечественныя Записки“. „Attalea princeps“ появилась въ другомъ журналѣ, и говорили, что Щедринъ не захотѣлъ напечатать ее именно потому, что она „наводитъ уныніе“. На фонѣ общаго оптимизма и надеждъ разсказъ этотъ дѣйствительно звучитъ пророчествомъ Кассандры. Читателямъ, конечно, памятна эта маленькая, но полная грустной прелести картинка. Прекрасная пальма рвется кверху, чтобы разрушить стеклянную крышу теплицы и вырваться на волю. Она призываетъ сосѣднія растенія къ дружнымъ усиліямъ, но тепличная братія отказывается понимать ее. Тогда она предпринимаетъ гордую, одинокую борьбу. Желѣзные прутья рамъ впиваются въ нѣжные молодые листья, ранятъ и уродуютъ ихъ, но молодое дерево упрямо продолжаетъ расти и наконецъ побѣждаетъ. „Лопнула толстая желѣзная полоса, посыпались осколки стекла“. Надъ стеклянымъ сводомъ гордо выпрямилась зеленая корона пальмы на вольномъ просторѣ. Цѣль достигнута, но радости нѣтъ. „Была глубокая осень. Моросилъ мелкій дождикъ пополамъ со снѣгомъ; вѣтеръ низко гналъ сѣрыя клочковатыя тучи“... „Attalea поняла, что для нея все кончено. Она замерзала“.

Разсказъ написанъ весною 1879 года. Въ немъ звучитъ печальное предчувствіе, но еще нѣтъ послѣднихъ выводовъ законченнаго пессимизма. Гаршинъ не говоритъ: „таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ“, таковы неизбѣжные вѣчные законы, карающіе всякіе порывы къ свѣту и свободѣ. Онъ говоритъ только, „такъ бываетъ“ съ прекрасными экзотическими растеніями въ суровыхъ условіяхъ. Та же пальма могла бы расти у себя на родинѣ. И, умирая, она видитъ сквозь пелену дождя и снѣга купы елей и сосенъ, стоящихъ въ своемъ ненарядномъ уборѣ на томъ самомъ холодѣ, который ее убиваетъ...

Нужно замѣтить, что умомъ Гаршинъ раздѣлялъ со своимъ

поколѣніемъ нерасположеніе къ пессимистическимъ обобщеніямъ *).

Зимой 1879 года онъ написалъ разсказъ „Ночью". Тогда говорили, что разсказъ возникъ изъ своеобразнаго состязанія: три молодыхъ писателя рѣшили каждый отдѣльно написать по разсказу на тему о самоубійствѣ, и дѣйствительно почти одновременно съ гаршинской „Ночью" въ журналахъ появились еще два однородныхъ очерка (оба теперь забыты). Уже это обстоятельство (впередъ заданная тема) дѣлаетъ разсказъ мало характернымъ для Гаршина и менѣе всего даетъ право искать здѣсь автобіографію. Написанъ очеркъ тоже безъ присущей Гаршину опредѣленности и ясности, что подало даже поводъ къ литературному недоразумѣнію: Н. К. Михайловскій въ своемъ критическомъ обзорѣ понялъ финалъ разсказа, какъ самоубійство. Гаршинъ сдѣлалъ поправку: его герой не застрѣлился. Онъ все-таки рѣшилъ проклятый вопросъ: „нужно отвергнуть себя", связать свое я съ потокомъ общей жизни. Это рѣшеніе вызвало приливъ бурнаго восторга. „Такого восторга онъ никогда еще не испыталъ ни отъ жизненнаго успѣха, ни отъ женской любви. Восторгъ этотъ родился въ сердцѣ, вырвался изъ него, хлынулъ горячей, широкой волной; разлился по всѣмъ членамъ, на мгновенье согрѣлъ и оживилъ несчастное закоченѣвшее существо. Тысячи колоколовъ торжественно зазвонили. Солнце ослѣпительно вспыхнуло, освѣтило весь міръ и исчезло"... Николай Петровичъ умеръ, но смерть произошла не отъ пули: больное сердце не выдержало бурнаго прилива жизненной радости.

Къ такимъ выводамъ приходилъ Гаршинъ, когда онъ разсуждалъ о жизни. „У него была, — говоритъ В. А. Фаусекъ,—огромная способность понимать и чувствовать счастье жизни... Всѣ источники радости и наслажденія въ человѣческой жизни были ему доступны и понятны". Тѣмъ не менѣе, когда Гаршинъ не разсуждаетъ, а творитъ, пессимистическая нота прорывается у него невольно, какъ глубокій, но отодвигаемый сознаніемъ фонъ его настроенія. Къ концу своего пребыванія у В. С. Акимова (въ 1882 г.), оправившійся отъ болѣзни Гаршинъ написалъ небольшую сказочку „То, чего не было". На пяти страничкахъ это — квинтъ-эссенція пессимизма. Въ жаркій іюньскій день на полянкѣ собралась компанія: старый гнѣдой конь, улитка, навозный жукъ, нѣсколько мухъ, ящерица, гусеница и кузнечикъ. Они разсу-

*) „Мозги у меня такъ положительно устроены, что Гартманъ не соблазнитъ"—писалъ онъ одному изъ друзей (Сбор. „Пам. Гаршина", 14).

ждаютъ о доступномъ имъ мірѣ, объ его предѣлахъ, о цѣляхъ жизни, пока не приходитъ кучеръ Антонъ, чтобы взять гнѣдого за чубъ и отвести въ конюшню. Мимоходомъ онъ наступаетъ сапожищемъ на философствующую компанію и давитъ ее... Сказку эту онъ прочиталъ г-ну Акимову, конфузясь и затворивъ всѣ двери. Еще болѣе онъ смутился, увидѣвъ на лицѣ дяди неодобреніе. „Онъ поспѣшилъ увѣрить, что разсказъ написанъ исключительно для дѣтей г. Герда и никогда не будетъ напечатанъ; при этомъ онъ самъ указывалъ на разныя несообразности разсказа и прежде всего на отсутствіе мысли“. Впослѣдствіи очеркъ все-таки появился въ печати (въ журналѣ „Устои“), и критика встрѣтила его неодобрительно, коментируя именно, какъ продуктъ пессимистическаго настроенія. Это приводило Гаршина въ раздраженіе. „Господи!—жалуется онъ въ письмѣ къ В. А. Фаусеку.— Вотъ гдѣ истинные мизантропы, сэръ!.. Клянусь моимъ свиданіемъ съ вами, мнѣ и въ голову не приходило, что за этими Антонами и мухами можно угадывать что-нибудь, кромѣ мухъ и Антоновъ“ *).

Между тѣмъ впослѣдствіи этотъ маленькій разсказикъ сталъ однимъ изъ очень популярныхъ очерковъ Гаршина. И дѣйствительно по своей сжатости и горькому юмору—это жемчужина художественнаго пессимизма, хотя, какъ мы видѣли, самъ авторъ не имѣлъ въ виду обобщеній.

По поводу самоубійства одной знакомой дѣвушки, Гаршинъ писалъ (18 мая 1883 г.), что, по его мнѣнію, всѣ люди, кромѣ прочихъ рубрикъ, которыхъ множество,—раздѣляются еще на два разряда: одни обладаютъ хорошимъ самочувствіемъ, другіе—скверным. „Одинъ живетъ и наслаждается всякими ощущеніями: ѣстъ онъ, — радуется, на небо смотритъ, — радуется. Даже низшія физіологическія отправленія совершаетъ съ видимымъ удовольствіемъ... Словомъ, для такого человѣка самый процессъ жизни—удовольствіе, самосознаніе—счастье. Вотъ, какъ Платоша Каратаевъ. Такъ ужъ онъ устроенъ, и я не вѣрю ни Толстому, ни кому иному, что такое свойство Платоши зависитъ отъ міросозерцанія, а не отъ устройства“. „Другіе совсѣмъ напротивъ“... „Когда-нибудь Бернары найдутъ хвостики самыхъ хвостиковъ нервовъ и все это объяснятъ. Посмотрятъ подъ микроскопомъ и скажутъ: ну, братъ, живи, потому что, если тебя даже каждый день сѣчь станутъ, то и тогда ты будешь доволенъ и будешь чувствовать себя великолѣпно. А другому скажутъ: плохо твое дѣло, ни-

*) Въ «Пам. Гаршина», стр. 46.

когда ты не будешь доволенъ, лучше заблаговременно помирай. И такой человѣкъ помретъ... Такъ умерла и Надя. Ей тоже сладкое казалось горькимъ“ *).

Самъ Гаршинъ въ этомъ отношеніи представлялъ натуру парадоксальную. По всему своему „устройству“, онъ могъ и понимать, и откликаться на всѣ радости жизни, но гдѣ-то коренился одинъ дефектъ нервной системы, который, какъ туча, омрачалъ настроеніе угрозой сумасшествія. Повидимому, это было, какъ и у Гоголя, напримѣръ, наслѣдственнымъ **). Начавшись съ гимназическаго возраста, припадки то прекращались надолго (и тогда Гаршинъ отличался заразительнымъ веселіемъ и оживленіемъ), то становились чаще. Періодъ военной службы и главнымъ образомъ чувство „безотвѣтственности“ сдѣлали Гаршина счастливымъ, спокойнымъ и дѣятельнымъ. Послѣдующія обстоятельства общественной жизни, наоборотъ, постоянно обостряли и тревожили его чуткіе нервы. Онъ не былъ боевой натурой, но онъ, какъ рядовой Ивановъ, чувствовалъ постоянную потребность стать между двумя враждующими сторонами, а взаимныя чувства этихъ враждующихъ сторонъ все обострялись. Время, послѣдовавшее непосредственно за внѣшней освободительной войной, было временемъ такъ называемаго „большого процесса“ и репрессій, которыми правительство отвѣтило на идеалистически наивный порывъ молодежи „въ народъ“. Въ гражданскую жизнь страны властно врывалась всесторонняя реакція, и среди передовой молодежи росло настроеніе, которое вскорѣ выразилось рядомъ террористическихъ покушеній. Гаршину это настроеніе было органически чуждо. Какъ Алексѣй Толстой, онъ могъ сказать о себѣ, что онъ „двухъ становъ не боецъ“. Но и случайнымъ гостемъ въ нихъ онъ тоже не былъ. Кто прочиталъ его „Художниковъ“, кто ознакомился съ мотивами его добровольчества во время войны,—для того не можетъ быть сомнѣній, что Гаршинъ глубоко раздѣлялъ тогдашнее народническое настроеніе. Вѣдь, и его Рябининъ уходитъ съ высотъ интеллектуальной жизни „въ народъ“. Не трудно угадать, какія условія встрѣтили Рябинина, и каково могло быть отношеніе Гаршина къ этимъ условіямъ. Но „рядовой Ивановъ“ любитъ и Венцеля. Гаршину всегда казалось, что трагически запутанныя отношенія людей, приводящія къ борьбѣ и крови, въ сущности являются результатомъ недоразумѣнія, и что есть такое слово (и даже извѣстно,

*) «Памяти Гарш.», стр. 50.

**) Старшій братъ Гаршина окончилъ самоубійствомъ въ юношескомъ возрастѣ.

какое слово: любовь), которое можно сказать какъ-то такъ во время и умѣло, что всѣ недоразумѣнія разсѣются.

1879 годъ былъ полонъ грозового напряженія. Чувствовалась необходимость какого-то новаго пути и новаго спасительнаго слова. Александръ II рѣшилъ диктатуру. Она должна была представлять всю силу и грозу власти, обращаясь вмѣстѣ съ тѣмъ къ лучшимъ чувствамъ потрясеннаго общества. Катковъ съ мѣткой ироніей, хотя и заднимъ числомъ, назвалъ ее „диктатурой сердца". Между тѣмъ страна нуждалась только въ опредѣленномъ и новомъ правѣ.

Все это производило глубокое волненіе. Общество ждало чего-то... Чего именно? Одни—желѣзныхъ репрессій, другіе—реформъ, но и то, и другое могло прійти только извнѣ, неожиданно, случайно, какъ экстренная милость, или невиданная гроза. Назначеніе диктатора Лорисъ-Меликова состоялось 12 февраля 1880 г. Черезъ нѣсколько дней (20 февраля), молодой человѣкъ, по фамиліи Млодецкій, явился къ новому диктатору на пріемъ и выстрѣлилъ въ него. Военный судъ приговорилъ Млодецкаго къ смерти.

Гаршинъ все это время былъ въ возбужденномъ состояніи и въ ночь передъ казнью почувствовалъ потребность, какъ рядовой Ивановъ, стать между сильною властью и приговореннымъ. Свѣдѣнія объ этомъ эпизодѣ, къ сожалѣнію, очень скудны. Извѣстно, что онъ добился, чтобы Лорисъ-Меликова разбудили въ 3 часа ночи, и „сталъ умолять его на колѣняхъ, въ слезахъ, отъ глубины души, съ воплями раздиравшагося на части сердца, о снисхожденіи къ Млодецкому" *). Самое содержаніе разговора осталось тайной. Извѣстно, что заступничество не помогло: диктатурѣ сердца суждено было всетаки начаться покушеніемъ, съ одной стороны, казнью—съ другой. И характерно, что Гаршинъ, одинъ тогда во всей легальной Россіи посмѣвшій „схватить за руку" всесильнаго диктатора (такъ же, какъ и его Ивановъ относительно Венцеля), приходитъ къ реабилитаціи Лорисъ-Меликова. „Рано утромъ,—пишетъ художникъ Малышевъ,—Гаршинъ пришелъ въ мою комнату страшно взволнованный и, разсказывая о своемъ посѣщеніи, осыпалъ похвалами своего собесѣдника и ждалъ отъ него великихъ дѣлъ" **). Въ тотъ же день Гаршина видѣлъ также Г. И. Успенскій. „Нѣсколько писателей,—говоритъ онъ въ своей статьѣ,—собрались гдѣ-то въ Дмитровскомъ переулкѣ, въ только что нанятой квартирѣ, не имѣ-

---

*) Слова въ ковычкахъ взяты изъ статьи Г. И. Успенскаго.
**) «Пам. Гаршина», стр. 128.

вшей еще мебели, пустой и холодной. чтобы переговорить о возобновленіи стараго „Русскаго Богатства“. Въ числѣ прочихъ былъ и Всеволодъ Михайловичъ. Его ненормальное, возбужденное состояніе обратило на себя общее вниманіе... Охрипшій, съ глазами, налитыми кровью и постоянно затопляемыми слезами, онъ разсказывалъ ужасную исторію (своего визита къ диктатору), но не договаривалъ, прерывалъ, плакалъ и бѣгалъ въ кухню подъ кранъ пить воду и мочить голову. На его бѣду, въ ту самую минуту, какъ онъ только что наглотался воды, въ кухню вошелъ матросъ съ мѣшкомъ на плечѣ и предложилъ купить рижскаго бальзама. Гаршинъ немедленно купилъ бутылку, налилъ цѣлый стаканъ бальзама и выпилъ его, какъ воду, самъ, очевидно, не понимая, что съ нимъ творится. Наканунѣ весь день онъ былъ въ такомъ же состояніи и передъ тѣмъ, какъ отправиться къ Лорисъ-Меликову, тоже пилъ вино (котораго совсѣмъ не пилъ ранѣе). Послѣ этого онъ нѣсколько дней страшно страдалъ, плакалъ и, наконецъ, совершенно разстроенный, уѣхалъ изъ Петербурга, очутился въ Тульской губерніи, бродилъ пѣшкомъ и верхомъ на лошади, попалъ къ Толстому въ Ясную Поляну. Закончилось это тѣмъ, что родные разыскали его, и онъ попалъ въ харьковскую больницу для душевно-больныхъ (т. н. Сабурова дача)“.

Это былъ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ припадковъ психоза, потрясшій его такъ сильно, что Гаршину понадобилось цѣлыхъ два года спокойнаго пребыванія вдали отъ жизненныхъ впечатлѣній на бугскомъ лиманѣ, чтобы прійти въ относительное равновѣсіе.

Художественнымъ плодомъ этого душевнаго кризиса явился „Красный цвѣтокъ“. Профессоръ Сикорскій, извѣстный психіатръ, называетъ его классическимъ въ смыслѣ точнаго изображенія самой болѣзни. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этой жемчужинѣ гаршинскаго творчества русская литература получила яркій символъ, воплощающій трагедію человѣческаго духа. Трудно представить себѣ то отдаленное время, когда этотъ (по обыкновенію, маленькій) гаршинскій разсказъ перестанетъ волновать и трогать сердца своимъ глубоко-трагическимъ содержаніемъ и восхищать необыкновенной красотой и простой строгостью изображенія. Мы предполагаемъ, что всѣмъ русскимъ читателямъ знакома эта исторія бѣднаго безумца, воображающаго, что онъ погибаетъ въ борьбѣ со зломъ всего міра. Съ грустной улыбкой авторъ говоритъ намъ: это былъ только красный цвѣтокъ, простой цвѣтокъ краснаго мака. Значитъ—иллюзія. Но около этой иллюзіи развернулась въ страшно сгущен-

номъ видѣ вся душевная драма самоотверженія и героизма, въ которой такъ ярко проявляется высшая красота человѣческаго духа...

Гаршинъ уже ранѣе, еще здоровый, посѣщалъ психіатрическую клинику и съ разрѣшенія профессора вмѣстѣ со студентами присутствовалъ при демонстраціяхъ больныхъ. Впослѣдствіи, самъ очутившись въ положеніи больного, онъ имѣлъ случай наблюдать самого себя. Замѣчательно, что Гаршинъ превосходно помнилъ все, что съ нимъ было во время болѣзни, а нѣкоторыя черты разсказа являются прямымъ отраженіемъ личныхъ переживаній. Есть, кажется, большое основаніе думать, что и центральный мотивъ,—борьба со всѣмъ зломъ міра, воплотившимся въ одномъ образѣ,—является тоже автобіографической чертой. В. А. Фаусекъ, посѣтившій Гаршина на Сабуровой дачѣ, говоритъ между прочимъ: „Мы нашли его въ большомъ саду, принадлежащемъ больницѣ. Онъ встрѣтилъ насъ привѣтливо, узналъ всѣхъ троихъ... и много съ нами разговаривалъ... Онъ говорилъ со мною важно и таинственно о какихъ-то важныхъ своихъ предпріятіяхъ, но трудно было понять что-нибудь въ его рѣчахъ. Онъ говорилъ о своихъ врагахъ: гдѣ-то за стѣной, на которую онъ робко указывалъ, жилъ какой-то принцъ или князь, его врагъ, съ которымъ у него должна была быть дуэль. Лицо у него на мгновеніе вспыхнуло злобой — странное, непривычное для него выраженіе“ *). Болѣе чѣмъ вѣроятно, что таинственный принцъ и преобразился впослѣдствіи въ фантастическій красный цвѣтокъ, находившійся тоже за стѣной. Случайное упоминаніе Фаусека о непривычной для Гаршина враждѣ странно совпадаетъ даже по формѣ выраженія съ тѣмъ мѣстомъ гаршинскаго разсказа, гдѣ у больного впервые является идея о цвѣткѣ, какъ о воплощеніи всего зла міра.

Когда фельдшеръ сталъ искать новаго больного, ему указали на конецъ коридора. Больной стоялъ, прильнувши лицомъ къ стеклянной садовой двери, и пристально смотрѣлъ на цвѣтникъ. Окликнутый фельдшеромъ, „онъ повернулся къ нему лицомъ, и фельдшеръ чуть не отскочилъ въ испугѣ: столько дикой злобы и ненависти горѣло у него въ глазахъ“ **). Ему тоже предстояла смертельная дуэль со зломъ, живущимъ за стѣной сада. Для него это былъ цвѣтокъ, для Гаршина—сказочный принцъ. Какъ и въ „Attalea princeps“, Гар-

---

*) Сборникъ «Пам. Гаршина», стр. 92.
**) Разсказы, стр. 292.

шинъ въ „Красномъ цвѣткѣ“ не даетъ законченной пессимистической формулы. Подвигъ ли нужно считать безуміемъ, или безуміе возвышается до подвига,—въ томъ и другомъ случаѣ мы находимся подъ обаяніемъ необыкновенной красоты и глубокой печали.

Мы разсмотрѣли здѣсь почти все, что является характернымъ для основныхъ мотивовъ гаршинскаго творчества. Намъ остается упомянуть о „Встрѣчѣ“, „Медвѣдяхъ“, „Жабѣ и розѣ“, „Сигналѣ“ и „Гордомъ Аггеѣ“. Все это очерки, порой обладающіе большими художественными достоинствами, но по темамъ или незначительные, или лежащіе въ сторонѣ отъ большой дороги гаршинскаго творчества. „Встрѣча“, гдѣ скучно-добродѣтельный человѣкъ встрѣчается съ циничнымъ, но откровеннымъ и цѣльнымъ въ своей откровенности порокомъ,—быть можетъ, даетъ нѣкоторый субъективный, но очень отдаленный и косвенный отзвукъ гаршинскаго настроенія. Его добродѣтельный Василій Петровичъ отрицаетъ умомъ новое хищническое міросозерцаніе своего бывшаго друга, но у него нѣтъ того гнѣвнаго порыва, который одинъ только могъ бы поставить ощутительную грань между враждебными началами. Объективируя эту психическую нейтральность, Гаршинъ, быть можетъ, рисовалъ отчасти собственное положеніе между двумя враждующими мірами. Но, какъ и въ разсказѣ „Ночью“, онъ сознательно сгущаетъ отрицательныя черты характеристики: его Василій Петровичъ, съ своимъ вялымъ дидактизмомъ, полярно противоположенъ чуткой, болѣзненной и страдающей рефлексіи Гаршина. „Медвѣди“ — превосходно написанная страничка изъ дѣтскихъ воспоминаній, является, быть можетъ, плодомъ того исканія спокойной литературной манеры, о которомъ мы говорили выше. „Сказаніе о гордомъ Аггеѣ“ и „Сигналъ“ составляютъ дань тому настроенію, которое въ 80-хъ годахъ было вызвано рядомъ маленькихъ толстовскихъ разсказовъ. Въ нихъ современныя исканія смиренно направлялись къ старинымъ сказаніямъ и прологамъ, почерпая изъ этихъ источниковъ простую элементарную мораль. На этихъ мотивахъ можно было порой отдохнуть отъ сложныхъ и мучительныхъ поисковъ, но они не задѣвали самыхъ характерныхъ и болѣзненныхъ сторонъ современной жизни. Для Гаршина это могло быть лишь эпизодомъ, не удовлетворявшимъ ни его самого, ни аудиторію.

Въ 1883 году Гаршинъ женился (на Надеждѣ Михайловнѣ Золотиловой, слушательницѣ медицинскихъ курсовъ). Сравнительно нетрудная и недурно оплачиваемая работа (секрета-

ремъ съѣзда жел. дорогъ) сняла съ него мучительную заботу о заработкѣ, который былъ необходимъ, при малой литературной производительности. Все это доставило ему сносныя условія существованія, но не могло остановить развитія внутренней трагедіи больной и чуткой души. Жить безъ литературы онъ не могъ, между тѣмъ каждая буква уносила у него каплю крови. Въ поискахъ эпическихъ темъ, онъ обращался къ исторіи и собиралъ матеріалы изъ временъ Петра Великаго. Строилъ планы полуфилософскаго романа, въ которомъ должна была играть роль „наука и новыя явленія въ родѣ спиритизма". Но среди этихъ исканій и среди мучительныхъ впечатлѣній русской жизни 80-хъ годовъ роковая болѣзнь брала свое. Страхъ передъ рецидивами становился мучительнѣе, припадки чаще. Однажды, среди сборовъ въ путешествіе, о которомъ еще незадолго онъ мечталъ съ надеждой, что оно улучшитъ его состояніе, Гаршинъ вышелъ на площадку лѣстницы, спустился нѣсколько внизъ и бросился съ четвертаго этажа. Его подняли и свезли въ больницу, гдѣ черезъ пять дней онъ умеръ (24 марта 1888 года).

Литературное наслѣдство Гаршина очень невелико по объему. Изданные первоначально три небольшихъ томика, впослѣдствіи съ дополненіями (въ видѣ отчетовъ о выставкахъ и фельетоновъ) сведены въ одинъ томъ среднихъ размѣровъ (изданіе Литературнаго фонда). Художественные недочеты гаршинскихъ произведеній съ обычной своей нѣсколько суровой прямотой отмѣтилъ (въ очень, впрочемъ, сочувственномъ отзывѣ) Н. К. Михайловскій. Напомнивъ объ извѣстномъ упрекѣ Тургенева по адресу новыхъ русскихъ писателей-беллетристовъ (недостатокъ „выдумки", интересныхъ коллизій и дѣйствія), Михайловскій говоритъ:

„До какой степени г. Гаршинъ бываетъ иногда слабъ по части „выдумки", видно изъ слѣдующаго мелкаго, но характернаго обстоятельства. Герой перваго его разсказа „Четыре дня" носитъ фамилію Ивановъ. Герой разсказа „Изъ воспоминаній рядового" тоже Ивановъ. Въ разсказѣ „Денщикъ и офицеръ" денщика зовутъ Никитой Ивановымъ. Герой „Происшествія" называется Иванъ Ивановичъ Никитинъ... Есть еще, напримѣръ, Стебельковъ, но фамилія эта повторяется въ двухъ разсказахъ. Имя Василій Петровичъ (довольно нехитрое имя) фигурируетъ тоже въ двухъ разсказахъ"... Повторяется также очень неблагодарный художественный пріемъ: разсказы въ формѣ дневниковъ („Происшествіе", „Художники", „Трусъ", „Надежда Николаевна"). Сила Гаршина не во внѣшней занимательности дѣйствія, а въ глубинѣ и интенсивности,

съ какой онъ отражалъ наиболѣе характерныя настроенія своего поколѣнія. „Въ его маленькихъ разсказахъ и сказкахъ, иногда въ нѣсколько страничекъ, — говоритъ Глѣбъ Успенскій,—положительно исчерпано все содержаніе нашей жизни, въ условіяхъ которой пришлось жить и Гаршину, и всѣмъ его читателямъ... Именно все, что давала уму и сердцу наша жизнь... все до послѣдней черты пережито и перечувствовано имъ самымъ жгучимъ чувствомъ и именно потому могло быть высказано только въ двухъ, да еще такихъ маленькихъ книжкахъ“ *).

Въ каждомъ періодѣ есть свои специфическіе мотивы, понятные только данному поколѣнію, которымъ суждено безвозвратно утонуть въ прошломъ вмѣстѣ со своей хронологической датой. И есть другіе мотивы, тѣсно переплетающіеся съ глубинами человѣческой природы и человѣческаго духа, которые не отмираютъ, но переходятъ въ будущее, какъ его органическая составная часть.

Гаршинское время—еще далеко не исторія. А въ произведеніяхъ Гаршина основные мотивы этого времени пріобрѣли ту художественную и психологическую законченность, которая обезпечиваетъ имъ долгое существованіе въ литературѣ.

---

*) Это писано до выхода посмертной третьей книжки сочиненія Гаршина.

Оглавленіе

I тома.

стр.

Сонъ Макара. Святочный разсказъ 3
Яшка 28
Убивецъ 59
Соколинецъ. Изъ разсказовъ о бродягахъ 105
Въ ночь подъ Свѣтлый праздникъ. Разсказъ. 147
Атъ-Даванъ. Изъ сибирской жизни. 153
Черкесъ. Очеркъ. 190
„Государевы ямщики" 207
Морозъ. 240
Послѣдній лучъ. 262
Феодалы 271

Левъ Николаевичъ Толстой. Статья первая 299
„ „ „ Статья вторая 320
О Глѣбѣ Ивановичѣ Успенскомъ. Черты изъ личныхъ воспоминаній. . 325
Воспоминанія о Чернышевскомъ 356
Антонъ Павловичъ Чеховъ 388
Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ. Литературный портретъ. 401

489674
LR
K8467
Korolenko, Vladimir Galaktionovich
Полное собраніе сочиненій.
v.1.
[Translit: Polnoe sobranie sochineny]

DATE.	NAME OF BORROWER.
	BINDING LIST MAY 20 1949
Nov 8/57	N. Tusiuk 450 Nov 22

University of Toronto Library
DO NOT REMOVE THE CARD FROM THIS POCKET

BINDING LIST OCT 15 1949